Леонард Шапиро

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ЛЕОНАРД ШАПИРО КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ЛЕОНАРД ШАПИРО

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Второе, дополненное издание

Перевел с английского
Виктор Франк

EDIZIONI AURORA
Firenze
1975

© 1960 and 1970 Leonard Schapiro

tipografia sanpiodecimo - via etruschi, 7/9 - roma

Кто ищет в свободе что-либо, кроме самой свободы, обречен на рабство.

АЛЕКСИС ДЕ ТОКВИЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к первому изданию 13
Предисловие ко второму изданию 24
Вступление 26

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ

1. Полемика с «экономистами» 49
2. Возникновение «Искры» и II съезд 73
3. Ленин против «Искры». Революция 1905 года 97
4. Попытки воссоединения 120
5. Первая и Вторая Думы 140
6. На пути к окончательному расколу 159
7. Ленин заходит слишком далеко 193
8. Война и революция 215

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОТ ЛЕНИНА К СТАЛИНУ

9. Путь к власти 235
10. Партия в Гражданской войне 260
11. Власть коммунистической партии под угрозой 287
12. Конфликт Ленина с его коллегами 308
13. Состав и аппарат партии (1917-1922) 331
14. Контроль над периферией. Армия и аппарат управления 360
15. Конфликты в руководстве. Первая фаза 382

16. Поражение Троцкого 409
17. Состав партии. Взаимоотношения с государством 440
18. Армия и органы безопасности. Промышленность и крестьянство 461
19. Культурная жизнь. Партия в стране и за границей 483

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТРЕТЬЯ РЕВОЛЮЦИЯ

20. Поражение Бухарина 507
21. Третья революция 530
22. Победа Сталина над партией 558
23. Апогей террора 584
24. Состав и структура партии (1929-1941) 607
25. Партия и страна (Государство. Сельское хозяйство и промышленность. Культурная жизнь. Идеология. Религия) 631
26. Нерусские народы. Внешняя политика 661
27. Война. Власть партии над армией. 680
28. Последствия войны (Промышленность. Сельское хозяйство. Партия) 703
29. Преследование интеллигенции. Смерть Сталина 733

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА

30. Взлет и падение Хрущева 759
31. Внутренние дела. Идеология и политика (1953-1966) 797

ЭПИЛОГ

Соображения об изменении роли партии в тоталитарном обществе 845

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I. Библиографический материал 860
Приложение II. Даты партийных съездов и конференций (1898-1966) 879
Приложение III. Члены и кандидаты в члены Политбюро и Президиума ЦК (1917-1966) 882
Приложение IV. Структура Секретариата ЦК 888
Приложение V. Секретари ЦК (1959-1966) 893
Указатель 896

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Предлагаемая книга — опыт истории политической партии, которая вот уже более сорока лет фактически осуществляет полную власть над страной, в прошлом именовавшейся Россией. В течение примерно тридцати предшествовавших лет эта партия или, точнее, широкое революционное движение, состоявшее из нескольких враждовавших между собой групп, готовила свержение монархии. Одна из этих групп, ныне известная под именем Коммунистической партии Советского Союза, в конце концов добилась политической власти после крушения Российской империи в 1917 году. Поэтому содержание данной книги, охватывающей период в три четверти века, распадается на несколько разнородных частей. Вначале необходимо было показать природу того движения, из которого вышли большевики, предшественники коммунистов нашего времени. Я разбираю этот период становления довольно детально и хотел бы напомнить читателю о двух причинах, по которым я это делаю, хотя, как я надеюсь, он сам поймет их, если проявит должное терпение и не пропустит начальных глав: во-первых, без знания того, что происходило до революции 1917 года, нельзя понять ни решимости большевиков свергнуть демократический республиканский строй — Временное правительство 1917 года, ни очень многого в их последующей политике, а

во-вторых, существующие исторические труды большей частью обходят молчанием важнейший период между 1906 и 1917 годами, и мне казалось правильным заполнить этот пробел.

Во второй части этого труда изложение коренным образом меняется: организация, которая до тех пор была всего лишь одной из борющихся за власть партий, превращается в единственную партию, властвующую в стране. На этом этапе эта организация превращается в нечто совсем отличное от того, что обычно именуется «партией» в государствах, где существуют несколько соперничающих между собой партий. Перед историком встает, таким образом, труднейшая задача: история партии не может уже рассматриваться в отрыве от истории страны в целом, так как во все возрастающей степени срастается с ней. И все же я не пишу истории советского государства. Правда, я пытался наметить основные штрихи исторического фона, чтобы сделать понятным ход событий. Но я неизменно стремился к тому, чтобы проследить развитие партии, выявить *ее* идеи, *ее* цели, *ее* успехи и неудачи, *ее* взаимоотношения с населением, влияние, которое эти и другие факторы оказывали на *ее* структуру и на изменение *ее* социального и личного состава. Короче, я пытался написать что-то вроде биографии партии, в которой повествование не отходило бы слишком далеко от предмета жизнеописания. Судить о том, в какой мере мне это удалось, придется другим. Надеюсь, что при этом читатель великодушно учтет трудность и новизну моей задачи.

Вполне закономерным был бы, однако, вопрос, почему я пытаюсь отмежевать историю партии от истории страны. Мне кажется, что такое разделение оправдано. Насколько мне известно, методы правления, разработанные Лениным после 1917 года, беспрецедентны в истории политических систем; они оставались единственными в своем роде, пока им не стали подражать в других странах. Конечно, история знает и другие самодержавные режимы, другие диктатуры и деспотии, другие самодержавные демократии — как бы ни именовать советский режим. Но ленинский строй обладал еще

тем единственным в своем роде свойством, что учредил, казалось бы, независимые политические институты — Советы, суды, профсоюзы и т. д., однако с самого начала он поставил дело так, чтобы все эти институты действовали под руководством одной-единственной политической партии, члены которой связаны между собой идеологией и суровой дисциплиной. Мне кажется, что изучение ключевых элементов этого небывалого в истории строя, его преимуществ и недостатков, его проблем и его развития сможет способствовать лучшему пониманию политической истории вообще.

Третья часть моего повествования отмечена новым фактором — личностью Сталина и динамическим воздействием его политики не только на жизнь страны (об этом уже много написано, и мне нет нужды все это детально пересказывать), но и на природу и развитие самой партии. Конечно, Ленин тоже доминировал над партией, но он правил через партию. Когда же единовластным преемником Ленина стал Сталин, оказалось, что он правил партией в той же мере, в какой через партию правил страной; иными словами, его личная диктатура была направлена в равной степени как против партии, так и против страны в целом. Вначале я склонялся было к тому, чтобы закончить повествование на смерти Сталина, хотя бы потому, что события последних шести лет еще слишком близки, и мы не можем составить себе полного представления о них. Но впоследствии я понял, что такое решение создало бы совершенно ложную перспективу. То, что произошло с партией и в партии в сталинскую эпоху, было настолько обусловлено характером одной властной личности, что, по-моему, затмевало или искажало важнейшие черты данного политического строя. События же последних шести лет дают нам какое-то представление, с одной стороны, о чертах, присущих подлинному характеру партии и составляющих часть ее традиции (тот факт, например, что партия стоит над законом), а с другой — о чертах, по-видимому, присущих одному человеку (например, использование массового террора). Поэтому я и добавил довольно

пространный эпилог, в котором, не излагая детально истории партии между 1953 и 1959 годами, все же пытался отделить преходящее от постоянного.

К сожалению, писать о Советском Союзе, не затрагивая политики, невозможно, хотя бы потому, что нынешние правители Советского Союза постоянно используют воссоздаваемую ими картину прошлого для воздействия на настоящее. Я хочу сразу же подчеркнуть, что не связан с какой бы то ни было политической партией, хотя, признаюсь, придерживаюсь некоторых старомодных принципов — например, уважения к жизни и достоинству человека, к свободе мысли и слова, к справедливости, правде и миру между людьми.

Но политику в факты советской истории вносят не только правители Советского Союза. И за пределами СССР пристрастный взгляд на марксизм или ленинизм, либо на советские неудачи или достижения приводит к различным толкованиям исторических фактов, которые кажутся мне порочными. Все еще встречаются, я бы сказал, не историки, а публицисты, у которых факты (я уже не говорю о мнениях) меняются в зависимости от того, что признают или утверждают советские руководители. Несостоятельность такого подхода обусловлена его недолговечностью: труды, опубликованные год-два тому назад, производят любопытное впечатление, когда их воскрешают из „милосердного забвения“. Некоторые авторы судят о поведении коммунистов по их побуждениям: так, люди, одобряющие конечные цели большевиков или их преемников, коммунистов, охотно прощают им деяния, которые в ином случае они осуждали бы; и наоборот, те, для кого неприемлема цена человеческих страданий, в которую иногда обходится коммунистическая политика, склонны приписывать проводникам этой политики самые что ни на есть низменные побуждения. Я считаю, что человеческие мотивы обычно носят комплексный характер и что поэтому вернее избегать стандартных суждений о них, предоставляя фактам самим говорить за себя.

Есть и такие историки, которые пытаются взглянуть на советскую историю с точки зрения вечности. Подобный подход особенно часто встречается или даже преобладает в Англии. Историк как бы переносит себя в отдаленное будущее и рассматривает с этого далекого наблюдательного пункта основные тенденции развития в Советском Союзе после 1917 года. При этом мелкие трудности и преходящие шероховатости легко укладываются в «исторический баланс». События, которые менее возвышенным умам кажутся обусловленными такими вульгарными обстоятельствами, как личное честолюбие того или иного деятеля или страх перед народным бунтом, толкуются как часть неизбежного эволюционного процесса, определяемого непреодолимыми экономическими и историческими силами. Ошибочность этого подхода состоит, по-моему, в предпосылке, что, поскольку события произошли так-то и так-то, они *должны были* неминуемо произойти именно так, независимо от политических действий отдельных личностей. Весьма вероятно, например, что в Советском Союзе промышленная революция в какой-то форме была неизбежна в силу множества причин, которым не могли бы противостоять ни одна партия, ни один строй. Но я не вижу убедительного основания предполагать, что она должна была произойти именно в то время и в той форме, которые избрал Сталин. Я лишь констатирую факт, что Сталин решился на этот курс и смог его осуществить. Итак, мы опять возвращаемся к политике.

Стараясь избегнуть всех этих зыбучих песков, я пытался ограничиться неприкрашенными фактами. Надеюсь, читатель сам сможет вынести суждение — при помощи подстрочных примечаний (к сожалению, неминуемых) и библиографии — о достоверности моих источников. Конечно, в отчет о фактах вплетается и изложение теорий, на которых якобы базировались отдельные действия. Опять-таки, судить о том, были ли теория и практика согласованными и, если да, то в какой степени, будет читатель. Разумеется, кое-где я формулировал собственные выводы из фактов — книга без таких

выводов была бы неудобочитаемой. Но я неизменно стремился подвести под них достаточную фактическую базу, тем самым давая возможность читателю делать собственные выводы, если он со мной не согласен.

С самого же начала я хочу напомнить, что в данной книге речь идет, в основном, об определенном политическом институте — правящей партии. Но все режимы определяются теми или иными факторами. Что бы ни говорили нам Маркс и Ленин о единственном в своем роде характере послереволюционного строя, советский строй в некотором отношении разительно схож с другими режимами — не по своей структуре (которая, как я уже указывал, действительно единственная в своем роде, хотя, возможно, и не в ленинском смысле), а по тем проблемам, с которыми он сталкивается. Например, административная проблема разделения ответственности возникает даже в такой предельно централизованной партии, как коммунистическая. Или другой пример: все правящие группы заинтересованы в удержании власти в своих руках, каковы бы ни были применяемые для этого средства. Коммунистический строй не представляет здесь исключения. Все это настолько очевидно, что об этом не стоило бы говорить, если бы не тот факт, что для многих людей неприемлемо само упоминание понятия «власть» в связи с коммунистической партией — по каким-то, вероятно, эмоциональным причинам. Часто утверждается, что такой взгляд несовместим с марксистской или ленинской теорией, на которой-де основаны действия партии. Но в ходе моего повествования мы встретимся со многими действиями партии, которые становятся понятными только в свете того факта, что в течение длительных периодов власть партии над страной была весьма шаткой, так что один неправильный шаг мог бы привести ее к краху. Игнорировать этот фактор, тянущийся красной нитью через всю советскую историю, означало бы писать о призраках, а не о действительности; поэтому я не извиняюсь перед читателем, что иногда напоминаю ему о той роли, которую в ходе событий играло стремление к удержанию власти. В этом убеж-

дении меня подкрепляет то, что, хотя я нашел много примеров положений, когда теоретические соображения приносились в жертву реальности, я не знаю ни одного случая, чтобы партия была готова рискнуть своим существованием ради верности идеологии. И, признаюсь, меня это не удивляет.

Наконец, несколько слов о стандартных суждениях. Как правило, я их избегал, ибо, по-моему, задача специалиста состоит в предельно точном анализе, чтобы читатель, доверяя честности исследователя, мог сам сделать выводы. При этом я старался вообразить максимальную амплитуду интересов читателей, чтобы снабдить их базой для выводов. Так, одни рассматривают политический строй исключительно как средство для оптимального экономического развития и достижения материального благосостояния. Другие ищут в нем иные качества — скажем, способность удовлетворять духовные запросы управляемых, стимулировать их самодеятельность, независимость их мышления. Для некоторых конечная цель правления — установление справедливости, для других — территориальная экспансия; список этот можно легко продлить. Расходятся мнения и насчет той степени, в какой управляемые должны сами решать, что́ является для них наилучшим, или, наоборот, должны предоставлять это решение другим людям, более мудрым, более энергичным и решительным. Если мои собственные взгляды на эти вопросы покажутся иногда слишком резкими, то я могу только попросить несогласного со мной читателя о снисхождении; заверяю его, что я сделал все возможное, чтобы вооружить его достаточным количеством фактов (и, надеюсь, существенными фактами) и таким образом дать ему самому возможность вынести суждение, согласное с *его* воззрениями на конечную цель политического строя.

* * *

После трехлетней работы над книгой я рад, что могу хотя бы упомянуть о щедрой поддержке, которую оказали

мне различные лица и учреждения, сделавшие возможным завершение этого труда.

Работа над книгой была выполнена по предложению руководителей исследовательского проекта по истории КПСС. Этот проект, субсидируемый Фордовским Фондом, осуществляется Межуниверситетским комитетом, членами которого состоят профессора Джеройд Т. Робинсон, Мёрл Файнсод и Гарольд Г. Фишер, а председателем — профессор Филипп Э. Мозли. Комитет всячески помогал мне, разрешая пользоваться печатными изданиями и микрофильмами, которые иначе остались бы для меня недоступными, обеспечивая мне исследовательскую помощь, финансируя поездки для собирания материала (в том числе двухмесячное пребывание в Нью-Йорке), предоставляя мне рукописи финансируемых ими трудов или мемуаров. Я приношу глубокую благодарность за всю эту материальную поддержку, а еще больше — за поощрение и ценные советы, которые я неизменно получал от членов Комитета. Особенно я признателен профессору Мозли, с которым, как с руководителем проекта, мне приходилось иметь дело больше всего и который, несмотря на свою занятость, всегда находил время, чтобы помочь мне в нужный момент. Благодарен я также доктору Альфреду Г. Мейеру, бывшему руководителю проекта и г-же Джозефине Б. Бруно, исполнительному секретарю проекта, за многотерпеливую административную помощь.

Мне довелось более года сотрудничать с одним из самых выдающихся молодых ученых в области советологии Т. Х. Ригби, ныне преподающим в Университетском колледже в Канберре (Австралия). Исследовательская работа Ригби, отличающаяся скрупулезностью и высоким качеством, характерными для всех его трудов, касалась, в основном, структуры, организации и состава партии в течение советского периода и высшего руководства партии за последние двадцать лет. Главы 13, 17, 24 в основном базируются на исследованиях Ригби, а часть III в целом и эпилог также во многом обязаны его работе и его мыслям. Я хочу поблагодарить г-на Ригби за

все это, а также за ту тщательность, с какой он читал и комментировал мою рукопись на всех ее этапах.

Я хочу также выразить свою признательность Б. И. Николаевскому, которого многие исследователи справедливо называли живой энциклопедией по истории русского социал-демократического движения. Борис Иванович с характерным для него великодушием помогал мне советами и предоставлял в мое распоряжение книги и документы. В частности, он предоставил мне рукописи из своей огромной коллекции большей частью неизданных документов, относящихся к дореволюционному периоду партии. Ныне Б. И. Николаевский готовит эти документы к печати с детальной аннотацией, на которую способен только он один. Он также прочел и прокомментировал всю мою рукопись, сделав бесчисленные ценные предложения и критические замечания.

Помимо помощи со стороны Б. И. Николаевского и Т. Х. Ригби, мне посчастливилось еще и в том, что целая плеяда других видных ученых-советологов уделила время и внимание для чтения и комментирования всей моей рукописи или отдельных ее частей. Вот имена этих ученых, которым я выражаю глубокую признательность: Джон А. Армстронг, Дж. Г. Болсовер, Г. Виллеттс, Бертрам Д. Вульф, Джон Н. Хаззард, г-жа О. Г. Ганкина, Г. М. Катков, Дж. Л. Г. Кип, В. В. Леонтович, Альфред Г. Мейер, Алек Нов, Г. Г. Н. Ситон-Уотсон, Роберт М. Слассер, Дональд В. Трэдгольд, С. В. Утехин, Мёрл Файнсод, Гарольд Г. Фишер, Дэвид Футман, Леопольд Г. Хаимсон и г-жа Ксения Дж. Юдин.

Трудно должным образом выразить, сколь многим я обязан этим ученым. Разнообразие мнений в их отзывах, глубина их познаний и проницательность их суждений явились для меня настоящим кладом. Они спасли меня от бесчисленных фактических ошибок и ложных суждений. И только я несу ответственность за те ошибки, которые еще имеются в моей книге — они вызваны моим упрямством или моим невежеством. В защиту тех из упомянутых выше ученых, которые не во всем со мной соглашались, будет

справедливо подчеркнуть, что толкование фактов в этой книге целиком принадлежит мне.

Кроме того, я хочу поблагодарить С. В. Утехина за подготовку списка партийных съездов и конференций, а также списка членов и кандидатов в члены Политбюро, напечатанных в виде приложения.

Мне хочется также отдать дань той неустанной помощи, которой я пользовался со стороны библиотекарей Британского музея, библиотеки Лондонского института экономики и политических наук, библиотеки Королевского института международных отношений, Батлеровской библиотеки Колумбийского университета и, в особенности, куратора Архива русской и восточноевропейской истории и культуры Л. Ф. Магеровского, Нью-Йоркской публичной библиотеки, Хоутонской библиотеки Гарвардского университета и библиотеки Института общественной истории в Амстердаме.

Особенно я благодарен г-же Левинсон (доктору Жоржет Дончин), искусно перепечатавшей и подготовившей мою рукопись к печати, составившей указатель и вообще всячески помогавшей мне, облегчая тем самым работу над книгой.

Благодарю также профессора Файнсода и издательство Harvard University Press за разрешение перепечатать из книги *How Russia Is Ruled* пять диаграмм, помещенных здесь в виде приложения.

Лондонскому институту экономики и политических наук я признателен за разного рода помощь в период создания этой книги.

Благодарю и моего старого друга Хьюила Дэвиса, прочитавшего всю рукопись глазами поэта и внесшего в нее коррективы, которые мог сделать только поэт.

И наконец, я обязан бо́льшим, чем могу это выразить, моей жене. Она не только читала и перечитывала рукопись и неизменно улучшала ее своими суждениями — это, в конце концов, горький удел всех жен, мужья которых занимаются писательским ремеслом. Она великодушно отрывалась

от своей собственной работы, связанной с другим столетием, более спокойным, чем мое, чтобы вести необходимые и поистине бесценные исследования для меня.

ЛЕОНАРД ШАПИРО

Лондонский институт экономики
и политических наук,

июнь 1959 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Прошло почти десять лет со времени написания текста первого издания. Самым поразительным и неожиданным явлением в жизни партии за этот период было, пожалуй, падение Первого секретаря ЦК Хрущева. Поэтому, обновляя свою книгу, я стремился дать возможно полный отчет о периоде его правления и использовал для этого информацию, ставшую общим достоянием после его падения. Этот период можно считать теперь в некоторых отношениях завершенным; многие идеологические и организационные нововведения Хрущева оказались недолговечными и в перспективе несколько наивными. Но есть одно достижение, делающее ему честь, достижение, последствия которого окажутся, возможно, столь же необратимыми, сколь и последствия Февральской революции 1917 года или отмены крепостного права в 1861 году. Это — его решение в 1956 году вынести некоторые страшные факты сталинской эры на арену публичной дискуссии. Его преемники стараются заглушить эту дискуссию. Но к старым порядкам в России уже нет возврата, чем бы ни было чревато будущее. Тем четырем годам, которые истекли после падения Хрущева, — периоду «коллективного руководства» — я уделил гораздо меньше внимания. Нынешний период я считаю переходным, и о нем еще рано выносить определенные суждения. Тем не менее, я поддался соблазну и включил в эпилог кое-

какие соображения о нынешнем режиме и о его будущем. Меня побудили к этому некоторые критические замечания, сделанные в адрес первого издания книги, а именно: будто она обошла вопрос о роли партии в рамках тоталитарного режима и заканчивалась рассуждениями, которые следовало бы либо расширить, либо опустить.

Я сделал все возможное, чтобы пересмотреть текст первого издания, доводившего повествование до смерти Сталина, устранив большое количество ошибок и неточностей, которые обнаружил после выхода книги в свет (некоторые из них были устранены в дополнительном тираже первого издания). В ходе пересмотра мне оказывал большую помощь мой бывший коллега Поль Роста. Его тщательная проверка фактов и просмотр текста не только облегчили мою задачу, но и устранили многие ошибки, которых, я уверен, я сам бы не обнаружил. Я рад возможности выразить ему свою искреннюю благодарность. Я также пользовался советами и предложениями моего коллеги Питера Рэддэуэя. Доктор Гарольд Шукман из колледжа Св. Антония в Оксфорде помог мне своими советами и познаниями при просмотре первой части текста. Обоим им я приношу свою благодарность. Я должен заверить и их и Поля Роста, что, если в тексте еще и остались ошибки, то они — результат моего невежества или упрямства. Я также благодарен моему колледжу — Лондонскому институту экономики и политических наук за предоставление мне долгосрочного отпуска, сделавшего возможным завершение работы над книгой.

Л. Ш.

Хайгэйт,
февраль 1969 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

История революционного движения в России, составной частью которого была социал-демократия, начинается с декабристов. Восстание этих молодых аристократов в 1825 году было поспешной импровизацией и поэтому его легко подавили. Но политические идеи декабристов предвосхитили характерную черту их преемников. Только меньшинство декабристов отстаивало конституционные цели — ограниченная монархия, гражданские свободы, верховный выборный законодательный орган. Большинство же было якобинцами в политике, заинтересованными не столько в свободе, сколько в социальных преобразованиях. Они мечтали о свержении самодержавия и о сильном централизованном республиканском строе, как о необходимой предпосылке для проведения в жизнь социальных реформ.

Социальная реформа, естественно, играла важнейшую роль в истории русской революционной мысли. Чаяния реформатора-интеллигента неизбежно определялись наличием огромной крестьянской массы. Накануне отмены крепостного права в 1861 году подавляющее большинство 74-миллионного населения страны составляли крестьяне. Почти половина из них была крепостными[1]. Невежественные, темные, многост-

[1] Точных данных о населении России до первой переписи в 1897 г. нет. Источники этих оценок см. Geroid Tanquary Robinson, *Rural Russia under the Old Regime.* A History of the Landlord-Peasants World and Prologue to the Revolution of 1917, New York, 1949 (2nd ed.), стр. 63 и 284.

радальные и терпеливые, они, тем не менее, были способны на стихийные вспышки бунта, «бессмысленного и беспощадного»; для интеллигента же, мечтавшего о революции, они составляли единственную надежду на свержение самодержавия. Но крестьяне благоговели перед царем — далеким и почти мифическим персонажем. Ненавидели же они знакомых им чиновников и помещиков. Они мечтали не только об освобождении от крепостной зависимости, но и о земле и об избавлении от непосредственных тягот. Поэтому политическая свобода сама по себе была мало пригодна для решения крестьянского вопроса.

Царствование Александра II (1855-1881) было отмечено возникновением народничества. Главным его вдохновителем был Александр Герцен (1812-1870). Страстный борец за свободу и справедливость, Герцен испытал горькое разочарование не только вследствие крушения европейских революций, но и вследствие своих наблюдений над властью толпы во Франции. Его длительная жизнь в эмиграции в Англии настроила его против тупой бесчеловечности викторианского капитализма. Он пришел к заключению, что России нельзя идти путем Западной Европы, путем капитализма и частного предпринимательства. Россия должна идти своим собственным путем. По мнению Герцена, надежда на этот особый путь к социализму таилась в исконной русской крестьянской общине, символе того социализма, который, как он верил, был присущ русскому народу. Но мужики невежественны и малоразвиты. Пусть же те, кто, наподобие «апостолов», обладает «верой, волей, убеждением и силой», обращаются к народу и готовят его к его высокому назначению.

Учение, согласно которому Россия должна идти к социализму особым путем (через исконную крестьянскую общину), нашло более детальное изложение в трудах Н. Г. Чернышевского (1828-1889). Человек более холодный и с более твердым характером, чем Герцен, Чернышевский стал отцом русского радикализма и оказал влияние на целое поколение революционеров, в том числе и на Ленина. Как Герцен (но без

герценовского свободолюбия), как многие представители русской интеллигенции того времени, Чернышевский верил, что социализм должен предшествовать свободе, поскольку свобода остается пустым звуком без экономических условий, дающих возможность пользоваться ею. Свободная и зажиточная община, по мнению Чернышевского, и есть основа будущего общества.

Община оставалась путеводной звездой народнического мировоззрения даже после того, как началось ее разложение как института. Эта исконная форма землевладения, включавшая и примитивную форму крестьянского самоуправления, была подкреплена и усилена законом об освобождении крестьян 1861 года[2]. Развитие общинной системы способствовало выделению крестьян в особую социальную группу. Три особенности отмечали общину: во-первых, в ее рамках крестьянин не обладал правами собственника, а лишь правами пользователя; во-вторых, его право выхода их общины было урезано; и в-третьих, он находился под некоторой государственной «отеческой» опекой, вызванной отчасти сентиментальными соображениями, отчасти же желанием сохранить действовавшую форму податной системы. Крестьянин был подчинен особым законам, основанным на том, что в теории называется «обычным правом», но на деле оказывалось произвольным управлением. Таким образом, огромное большинство населения страны оставалось вне сферы влияния норм государственного строя, которые могли выработаться лишь на основе общеприменимого гражданского права.

Эта тенденция к замыканию крестьянства в особый мир поддерживалась, по меньшей мере, до 1905 года и самодержавием и народниками — конечно, по разным причинам. Самодержавие считало, что основы верности монархии и церкви заложены именно в этих древних крестьянских институтах. Народники же, следуя Герцену и Чернышевскому, ви-

[2] Описание различных форм этой крайне сложной системы см. там же, стр. 66-80.

дели в общине зерно грядущего социалистического общества. Что же касается более зажиточных и предприимчивых крестьян, то они тяготились общиной, так как общинная форма землевладения мешала их стремлению увеличить свои наделы. Находились проницательные мыслители, понимавшие, что эта обуза на пути к нормальному правовому обществу была обузой и на пути к развитию свободы. Так, философ права Б. Н. Чичерин после убийства Александра II настаивал в письме к советнику нового императора Победоносцеву на необходимости упразднить общину. Желательно, писал он, упрочить понятие собственности у крестьянина, понятие, «без которого нет свободного гражданского быта, и всегда открыта почва для социалистических волнений»[3]. Прошло более двадцати лет, прежде чем вняли его совету, но было уже слишком поздно.

С ростом интеллектуального брожения в 60-х годах, вызванного реформами Александра II, мыслители-народники во все возрастающей степени обращали внимание на обязанности отдельной личности и на огромную пропасть между интеллигенцией и крестьянством. П. Л. Лавров (1823-1900), много занимавшийся вопросом о долге человека, верил, следуя Марксу, что путь к социализму подготавливается капитализмом, первые ростки которого начали появляться в России. Но русские рабочие не были пролетариями; они были очень близки к земле и в душе оставались крестьянами. Поэтому революция должна была начаться в деревне, опираясь на инстинктивный социализм общины. Лавров верил, что сознательное «революционное меньшинство» должно в течение длительного времени посвящать себя терпеливой просветительской работе среди народа. Но он остро презирал заговорщицкую деятельность и тайные революционные общества, готовившие захват власти.

[3] «К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки». С предисловием М. Н. Покровского, т. 1, Москва-Петроград, 1923, стр. 111.

До начала 70-х годов народничество оставалось скорее социальной философией, чем революционной политикой. Но сразу же после освобождения крестьян начали появляться признаки более активной насильственной деятельности. В 1861 году подпольно распространялись листовки, призывавшие к революции, а в следующем году возникло революционное общество «Земля и воля» (просуществовавшее недолго). В 1866 году было совершено покушение на жизнь императора. Вся эта деятельность, однако, не находила особого отклика и не была основана на какой-либо идеологии. Идеология революционной деятельности была разработана П. Н. Ткачевым (1844-1885), первым русским деятелем, утверждавшим, что революция должна быть делом небольшой кучки заговорщиков-профессионалов, действующих от имени народа. Согласно Ткачеву, революционное меньшинство (или партия) должно прежде всего захватить власть, а потом уже преобразовывать общество. Партия, однако, не может преуспеть в этом без «прямой или косвенной» поддержки народа. Поэтому еще до революции надо сделать все для организации всенародного восстания, которое по времени должно совпасть с захватом власти революционной партией. После революции возникнет нужда в широкой пропаганде. При этом отмечается, что пропаганда может стать подлинно действенной только после захвата власти революционной партией. Укрепив свою власть и «опираясь на Народную Думу», революционная партия осуществит социальную революцию — обобществление земли и средств производства, равенство, постепенное упразднение семьи, постепенное «ослабление или упразднение центральных функций государственной власти» и «развитие общественного самоуправления»[4].

[4] См. Г. А. Куклин, «Итоги революционного движения в России за сорок лет (1862-1902 г.г.). Сборник программ и т.д.», Женева, 1903 г., ч. I, стр. 73-83, где перепечатаны некоторые статьи Ткачева из «Набата» — газеты, издававшейся им за границей после его эмиграции.

Как видим, слово «свобода» тут вообще не упоминается. Сходство с большевизмом, каким он стал в конечном итоге, в некоторых отношениях просто разительное. И недаром первоисточником многих ленинских идей называют именно Ткачева. Сам Ленин впоследствии детально изучал работы Ткачева и настаивал на том, чтобы эти статьи стали обязательным чтением для его последователей[5]. Энгельс же, наоборот, относился к взглядам Ткачева весьма критически и открыто полемизировал с ним[6].

Важный и своеобразный элемент был внесен в развитие революционной теории насилия М. А. Бакуниным (1814-1876). В отличие от Ткачева, Бакунин отвергал не только идею конституционного порядка, но и любого порядка вообще, даже революционной диктатуры. Он видел спасение в свержении и уничтожении всего существующего общества; из хаоса же, как Феникс из пепла, возникнет новое братство людей. Правда, он адресовал свои призывы к самым темным и отсталым слоям русского общества — к наиболее примитивным из крестьян, к разбойникам и другим элементам, стоявшим вне закона. Как и Лавров, он требовал миссионерской деятельности среди народа. Но в то время как Лавров имел в виду педагогическую деятельность в целях подготовки вождей крестьянства к их задаче создания лучшего общества, бакунинские миссионеры должны были стать апостолами бунта.

В течение 70-х годов народники сделали первые шаги на пути к созданию своей организации. Они начали с образования кружков для дискуссий и пропаганды среди рабочих и крестьян. В 1874 году сотни, а может быть, и тысячи юношей и девушек покинули свои семьи, приняли фиктивные имена, раздобыли фальшивые бумаги и пошли жить

[5] См. В. Бонч-Бруевич в «Красной летописи», № 3 (48), 1932, стр. 113.

[6] «Фридрих Энгельс о России. Ответ П. Н. Ткачеву, 1875 г. Послесловие к нему, 1894». Перевод Веры Засулич с предисловием Г. В. Плеханова, Женева, 1894 г.

среди крестьян и рабочих — последние рассматривались ими как те же крестьяне, только работающие на заводах и фабриках. Наивный энтузиазм, вера и идеализм этой огромной миссионерской волны («хождение в народ», как ее стали впоследствии называть) — один из самых волнующих эпизодов во всей русской истории. Некоторые из этих молодых людей, следуя Лаврову, пытались своей пропагандой создать будущих вождей революции; другие, находившиеся скорее под влиянием Бакунина, стремились вызвать немедленные бунты. Все они были очень неопытны в революционных делах, не могли справиться с полицией, и многие из них были арестованы. Но еще более страшным ударом, чем аресты, оказалась реакция крестьян — их безразличие, невежество, недоверие, подозрительность и враждебность. Те миссионеры-народники, которым удалось избежать ареста, вернулись в город горько разочарованными в возможности осуществления социальной революции путем пропаганды среди крестьян. Они пришли к заключению, что необходимы организованные действия. Результатом явилось возникновение первой русской революционной партии — «Земля и воля», названной так в память недолговечной организации 1862 года. Партия «Земля и воля» была основана М. А. Натансоном и А. Д. Михайловым. Г. В. Плеханов, позднее ставший социал-демократом, был одним из первых ее последователей. Первая программа, принятая «Землей и волей», содержала скорее социальные, чем политические требования: всю землю крестьянам; самоопределение для всех частей Российской империи; передача функций самоуправления вольным крестьянским общинам. Но эти цели могли быть достигнуты только путем насильственного свержения самодержавия. Поэтому программа призывала к агитации в целях возбуждения и разжигания революционных страстей. О гражданских свободах не говорилось ни слова. Однако эта, в основном народническая, программа скоро перестала удовлетворять самых нетерпеливых, отчаявшихся революционеров. События усилили стремление к более насильственному курсу. Осенью 1877 года около двухсот мо-

лодых людей, большинство которых уже отсидело не менее трех лет в ожидании суда, были осуждены за участие в «хождении в народ». В январе 1878 года молодая женщина, Вера Засулич (в будущем тоже социал-демократка), выстрелила в петербургского генерал-губернатора Трепова и ранила его. Этот акт был совершен в отместку за треповский приказ подвергнуть телесному наказанию молодого политического заключенного. Триумфальное оправдание судом присяжных Веры Засулич, вопреки бесспорным доказательствам ее виновности, вызвало сочувствие к ней во всех прогрессивных слоях общества. Вскоре последовали новые террористические акты. В 1878 году под давлением своих более радикальных членов «Земля и воля» приняла новую программу и новый устав, предлагавшие «тесную и стройную организацию уже готовых революционеров как из среды интеллигенции, так и из среды находившихся в непосредственном соприкосновении с нею рабочих и крестьян». Программа требовала, чтобы самодержавие было свергнуто «возможно скорее» ввиду быстрого развития капитализма (который, как опасались народники, грозил разрушить основу идеального общественного строя — общину); призывала она и к «систематическому уничтожению» наиболее вредных или просто наиболее видных правительственных деятелей. Но террористические акты все еще рассматривались как акты возмездия или самозащиты, а не как средство политической борьбы. «Только класс может восстать против класса», — провозглашала первая строка подпольной газеты «Земля и воля» в ноябре 1878 года, отражая взгляды Маркса.

Невзирая на народническую традицию, отвергавшую всякого рода политические цели, внутри «Земли и воли» нарастало давление в сторону более конкретных и прямых политических актов. Это наглядно показал Воронежский съезд партии, состоявшийся 24 июня 1879 года. За несколько дней до съезда наиболее радикальные члены партии собрались отдельно в Липецке и решили, что отныне целью партии должно стать насильственное свержение самодержавия и

введение политических свобод. Но эта политическая формулировка была слишком чужда традиционному народничеству, чтобы получить одобрение съезда в целом. Принятая съездом программа делала попытку найти более социалистическую формулировку. Политические свободы, говорилось в ней, не цель, а средство. Партия не стремится к отвлеченным социалистическим принципам, а к целям, понятным народу. Одна из них — свобода. Непосредственную же цель составляет свержение режима и передача власти народу, после чего судьбу страны решит свободно избранное Учредительное Собрание. Партия должна играть ведущую роль в деле свержения самодержавия, а также готовить народ к последующим выборам. Организационная сторона дела была вверена законспирированному партийному центру, Исполнительному Комитету (эти два момента — примат политической цели и строго дисциплинированная конспиративная организация — позднее заслужили похвалу Ленина). Но в конечном счете единственной акцией «Народной воли» (как партия стала себя называть после Воронежского съезда) оказалось убийство Александра II. После неудачных покушений в 1879 и 1880 годах император был убит 1 марта 1881 года. Цареубийство явилось бесплодным актом отчаяния и политической незрелости. Отчаяние было обусловлено огромной и, видимо, непреодолимой трудностью организации всенародного восстания. Политически незрелым оно было потому, что эти революционеры даже не задумывались над тем, каким образом цареубийство поможет передаче власти народу, пока полиция, армия и бюрократия остаются в руках правительственного аппарата. Накануне убийства (хотя в то время это не было известно) император согласился учредить Консультативный совет с участием представителей выборных земств. Это могло бы стать, по меньшей мере, первым шагом на длинном пути к конституционному правительству. Но убийство лишь укрепило позиции советников императора, стоявших только за репрессии. А репрессии привели к распаду революционного народничества. То, что провозглашало себя политическим движе-

нием, в конечном счете оказалось просто заговором, и ничем иным[7]!

Но Воронежский съезд «Земли и воли» был важным событием и по другой причине: он привел к разрыву Плеханова с этой организацией. Плеханов перестал сочувствовать тому предпочтению, который отдавался в партии политическим целям. Вместе с несколькими единомышленниками — П. Б. Аксельродом, Верой Засулич и Львом Дейчем он вскоре основал отдельную организацию «Черный передел». В первом выпуске «Черного передела» (органа этого движения) Плеханов утверждал: «история научила нас», что политические перевороты «нигде и никогда» не могли обеспечить народу экономической и политической свободы; затем следовала длинная атака против якобинства. Но, как утверждал Плеханов далее, «экономическая революция в деревне неизбежно повлечет за собой переворот и во всех других общественных отношениях». В этом и в последующих выпусках «Черного передела» Плеханов и его сторонники утверждали, что только на путях экономической борьбы народ постепенно поймет смысл и необходимость борьбы политической. Проповедовать же народу общие политические цели, которые остаются для него непонятными, значит добиться только того, что народ отвергнет всякую революционную деятельность. Таким образом, будущие основатели марксистского движения в России в течение целого года провозглашали ту самую ересь, которую они позднее категорически отвергали как «экономизм». «Черный передел» прекратил свое существование на 4-м выпуске в сентябре 1881 года. К этому времени все основатели движения жили в эмиграции. Вскоре они порвали с народничеством, приняв учение Маркса и Энгельса. «Будучи едва ли не наполовину социал-демократом» уже к лету 1880 года[8],

[7] Лучший отчет о «Земле и воле» и «Народной воле» см. David Footman, *Red Prelude. The Life of the Russian Terrorist Zhelyabov,* New Haven, 1945.

[8] См. воспоминания Плеханова об этом периоде в «Искре», № 54, 1 декабря 1903 г.

Плеханов, как он сам писал, и в самом деле принял основные принципы марксистской теории действия. В январе 1881 года в письме «Черному переделу», цели которого он более не разделял, Плеханов утверждал, что социализм есть теоретическое выражение «антагонизма и борьбы классов в существующем обществе». Задача революционной деятельности должна состоять в «организации рабочего сословия» (он еще не пользовался термином «класс») и в «указании ему путей и способов освобождения». Но освобождение может быть достигнуто только при участии самого народа, ибо даже самая героическая борьба одних только революционеров пошла бы на пользу лишь высшим классам общества[9]. Здесь уже явно звучит марксистская нота. 25 сентября 1883 года, в основном по инициативе Дейча, Плеханов и его сторонники объявили о начале издания в Женеве серии популярных политических брошюр для рабочих под заглавием «Библиотека современного социализма» и тем самым основали первую русскую теоретическую марксистскую группу. Она стала известна как группа «Освобождение труда».

В течение первых десяти лет теоретическое развитие марксизма и его применение к русским условиям было, в основном, делом Плеханова и Аксельрода. Они очень отличались друг от друга по своему происхождению, мировоззрению и характеру. Георгию Валентиновичу Плеханову в 1883 году было 26 лет. Сын помещика, он готовился к военной карьере, но вскоре бросил ее, перейдя в Петербургский горный институт. Плеханова, доктринера по темпераменту, привлекало в марксизме то систематическое и научное решение, которое марксизм, казалось, предлагал для решения проблем России. Пытливый и острый ум Плеханова, его широкая начитанность, глубина знаний в политических и социальных вопросах, его способность убеждать других силой анализа дают ему право быть зачисленным в ряды выдающихся марксистов-

[9] Г. В. Плеханов, «Сочинения», т. 1, стр. 134.

теоретиков не только в России, но и в марксистском движении вообще. Однако надменность и интеллектуальная гордыня делали Плеханова нетерпимым к людям, менее образованным, чем он сам, а также к любой оппозиции или критике. Он справедливо считал себя отцом русского марксизма и требовал признания своего первенства в теоретических вопросах. Но бывали случаи, когда он, побуждаемый тщеславием, едва ли не жертвовал своими принципами. Павел Борисович Аксельрод был шестью годами старше Плеханова. Еврей по происхождению, он стал революционером в 17-летнем возрасте, горя миссионерским пылом освободить всех обездоленных и угнетенных в России. Он принял участие в «хождении в народ» и работал плотником, а затем, в 1874 году, бежал в Германию, чтобы избежать ареста. Глубокое впечатление, произведенное на него тогда и во время последующих наездов нараставшим в Германии рабочим движением, осталось у него на всю жизнь. В большей степени, чем какой-либо другой ведущий русский марксист, Аксельрод пользовался немецким опытом в поисках решения русской проблемы. Новое движение рабочего класса, профессиональные союзы, пролетариат, подготовленный для своей великой исторической миссии и сознающий ее, — вот элементы, которыми впоследствии определялась мысль Аксельрода. Путь этого интеллигента к марксизму был скорее практическим и эмоциональным, чем научным. Аксельрод видел в марксизме освобождающую силу для страждущих людей, а Плеханов — научную разработку незыблемого общественного закона[10].

Существовали, действительно, убедительные причины, в силу которых марксизм притягивал этих бывших народников. Марксизм разделял с традиционным народничеством веру в изменение общества, как в конечную цель, и считал политическую свободу лишь средством для достижения этой цели.

[10] См. Leopold M. Haimson, *The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism*, Cambridge, Mass., 1955; гл. II содержит превосходный отчет о формировании этих двух людей.

Но, в противоположность народничеству, марксизм подводил научную основу под веру в грядущую революцию; эволюция капитализма по примеру Западной Европы должна была вести Россию последовательно через исторические фазы: сначала через « буржуазную » фазу демократии, за которой в свое время наступит следующая фаза — социальная революция. Были и другие причины. Марксизм, по крайней мере в толковании Плеханова и Аксельрода, отвергал всякую форму якобинского заговорщичества, которое претило им еще в Воронеже в 1879 году и бесцельность которого доказало цареубийство 1 марта 1881 года. Кроме того, учение Маркса опиралось на следующий тезис: конечная социалистическая революция будет делом рук рабочего класса, который в ходе предстоящего подготовительного периода обретет необходимую для этой задачи сознательность. Для людей, испытавших горькое разочарование при попытках привить политическую сознательность русскому крестьянству, это учение, опирающееся на более образованный и более восприимчивый к современным идеям класс, обладало понятной притягательной силой.

Приспособление марксизма к русским условиям было делом нелегким. Сам Маркс, по-видимому, не предвидел возможности развития в России капитализма западного масштаба и по западному образцу. Более того, в 1877 году Маркс возражал против попытки приложить его теории развия капитализма в Западной Европе ко всем странам[11]. В 1881 году, отвечая Вере Засулич, Маркс даже осторожно высказывался в том смысле, что при известных обстоятельствах крестьянская община может стать « точкой опоры социального возрождения России »[12]. Годом раньше, узнав о разрыве Плеханова с народ-

[11] В письме редактору « Отечественных записок », не отосланном и опубликованном посмертно. Текст см. Ленин, т. 1, стр. 472-474.

[12] Известны четыре полных наброска этого тщательно сформулированного письма. См. « Архив К. Маркса и Ф. Энгельса » под ред. Рязанова, ч. I, Москва, 1924, стр. 265-286, где описан этот инцидент и приведены тексты. С другой стороны, возможно, как это предполагал Бернштейн, что Маркс, поддер-

никами и о его эмиграции, он излил свое раздражение в частном письме по поводу «этих господ», которые «стоят против всякой революционной политической деятельности» и по мнению которых «Россия должна перепрыгнуть одним скачком в анархически-коммунистически-атеистический миллениум... путем скучнейшего доктринерства»[13].

Но Маркс умер слишком рано, не успев оказать влияния на первые шаги русских марксистов. Энгельс же до конца своих дней поддерживал контакты с Плехановым и Верой Засулич, поощрял их, одобрял развитие их идей и, вероятно, оказывал на них влияние[14].

На протяжении более десяти лет группа «Освобождение труда» оставалась фактически отрезанной от политической активности рабочего класса в России. В 1884 году Дейча, ведавшего организацией контактов с Россией, арестовали, и регулярная связь была прервана до 1895 года. В течение этих лет Плеханов и Аксельрод занимались проблемой приспособления марксизма к русским условиям. Две блестящих брошюры Плеханова вышли в свет в 1883 и 1884 годах, а в 1884 и 1887 годах были опубликованы проекты программ[15].

На пути применения марксистского анализа к России стояли три трудности: во-первых, тот факт, что по сравнению с Западной Европой капитализм в России находился еще в зачаточной стадии. Численность пролетариата хотя и росла,

живая народников, руководствовался не столько убеждением в их правоте, сколько желанием не охлаждать их революционного пыла (там же, стр. 267).

[13] Письмо Зорге от 5 ноября 1880 г.; см. «Группа "Освобождение труда" (из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча)», под ред. Л. Г. Дейча. Сборник I, Москва, без даты, стр. 134.

[14] Переписка между ними была опубликована в «Переписке К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», 2-е изд., Москва, 1951, стр. 302-346. Щедрый и гуманный Энгельс даже настаивал на финансовой помощи Вере Засулич, когда она нуждалась в лечении. Относительно взглядов Энгельса на Россию в 1894 г. см. там же, стр. 825-897.

[15] «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия». Программы перепечатаны в «Сочинениях» Плеханова, т. 2, стр. 357-362 и 400-404.

но все еще была весьма незначительной, а по сравнению с численностью крестьянства — ничтожной. Перспектива возникновения пролетарского большинства, которое Маркс считал предпосылкой для социальной революции, была столь отдаленной, что ждать этого большинства пришлось бы очень долго. Во-вторых, крестьянство, составлявшее подавляющую часть населения страны, было заинтересовано не в социализме, а в земле. Но возникновение — в случае удовлетворения крестьянских чаяний — огромного класса мелких собственников, страстно привязанных к своему клочку земли, что столь характерно для крестьян, было бы несовместимо с конечной целью социальной революции — обобществлением средств производства. И в-третьих, по контрасту, скажем, с Германией или Англией 1890-х годов в России не было никаких политических или гражданских свобод, не было даже в помине никаких партий, представлявших средний класс. Это означало бы, что новая политическая партия, которую пытались создать Плеханов и Аксельрод, была бы лишена важных инструментов в виде политических и гражданских свобод (например, парламентских институтов или права объединения в профессиональные союзы, в рамках которых немецкие рабочие быстро приобретали зрелость и политический опыт, необходимые для подготовки к их исторической задаче). Это также означало бы, что в случае возникновения в России либеральных партий (что было не только вероятным, но, согласно марксистскому мышлению, и очевидным, ввиду развития капитализма) новая рабочая партия оказалась бы перед выбором между двумя одинаково нежелательными курсами — либо терпеливое ожидание буржуазно-либеральной революции и борьба за социальную революцию в отдаленном будущем, либо же немедленная борьба на два фронта: против самодержавия и против либералов — борьба, которая подорвала бы шансы на успех буржуазной революции.

Не все эти проблемы решались или даже ставились женевскими теоретиками. Плеханов справедливо и пророчески утверждал, что крестьянская община, на которую возлагали

свои надежды народники, быстро разпадается и что с развитием капитализма в России в стране уже существует и растет пролетариат. Поэтому задача социализма состояла, по его мнению, в том, чтобы вести пролетариат по пути к выполнению его политической миссии освобождения. Но этого можно будет достичь только путем образования рабочей партии. Захват власти группами заговорщиков, предлагавшийся Ткачевым, или террористические заговоры, вроде «Народной воли», в лучшем случае ничего не достигли бы, а в худшем — привели бы к власти буржуазию и поставили бы рабочих перед лицом лучше организованного и более умного врага. Эти ранние дискуссии почти не затрагивали крестьянской проблемы. Первый проект программы 1884 года предлагал сотрудничество рабочей партии с партией крестьянской в случае возникновения таковой. Проект программы 1887 года содержал определенные требования, благоприятствовавшие крестьянам, на основе которых можно было бы, по мнению авторов программы, добиться сближения рабочих и крестьян. Но проект обходил коренную проблему — стремление крестьян стать и оставаться мелкими собственниками; не касался он и вопроса взаимоотношений рабочей партии с либеральными партиями. Напротив, проект безоговорочно возлагал основное бремя по завоеванию главных политических и гражданских свобод на плечи пролетариата, первой задачей которого должно было стать свержение самодержавия. Двумя годами позже Плеханов обратил особое внимание на перспективу сосуществования рабочей партии с либеральными партиями, допуская победу пролетариата только после весьма продолжительной подготовки пролетариата к его миссии[16]. Но такой длительный период вряд ли прельщал революционеров, обычно не отличающихся долготерпением.

Решение этой дилеммы было предложено Плехановым в 1892 году. Социал-демократы, писал он, не намерены «ра-

[16] Плеханов, «Сочинения», т. 3, стр. 83-95: «Политические задачи русских социалистов».

створяться» в какой-либо другой партии. Наоборот, русским социал-демократам (в противоположность их единомышленникам в Западной Европе, где искони существовали либеральные партии) будет очень легко собрать вокруг своего знамени всю русскую интеллигенцию, ныне колеблющуюся «между буржуазией и пролетариатом». Но это будет возможно лишь в том случае, если пролетариат станет самым решительным и смелым борцом за политическую свободу[17]. Иными словами, пролетариат не должен пассивно ждать, пока буржуазия захватит политическую власть; он должен добиться превосходства над партией буржуазии, привлекая на свою сторону ее более культурных приверженцев. Этот взгляд стал впоследствии известен как тезис «гегемонии» пролетариата над либеральными партиями. В течение ряда последующих лет он определял мышление русских социал-демократов, особенно после того как в 1898 году Аксельрод дал ему более развернутое толкование (сам термин «гегемония», по-видимому, стал использоваться Плехановым только в 1901 году)[18].

При условиях, в которых зарождалась русская социал-демократия, до появления на арене либеральных партий, привлекательность теории «гегемонии» была очевидной, ибо она создавала альтернативу перспективе бесконечно долгого ожидания. В качестве инициатора политической борьбы пролетариат с самого начала играл бы активную роль, указывая путь еще не «родившимся» либералам. Но каким должно было стать отношение рабочей партии к либералам? В 1892 году Плеханов считал немыслимым такое положение дел, при котором социал-демократы, с одной стороны, сотрудничали бы с либеральными представителями буржуазии, а с другой — объясняли бы пролетариату глубочайший антагонизм между его интересами и интересами представляемой

[17] Плеханов, «Сочинения», т. 3, стр. 409 и 410.

[18] Там же, т. 12, стр. 101. О взглядах Аксельрода см. у него «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов», Женева, 1898.

либералами буржуазии. Позднее, после появления либеральных партий на политической арене, этот вопрос стал источником острых разногласий в рядах социал-демократов. Помимо этого, теория «гегемонии» выдвигала на первый план «политическую» борьбу вместо «экономической». Ибо как могли бы рабочие руководить либералами или привлекать их на свою сторону, ограничивая свои требования такими проблемами, как сокращение продолжительности рабочего дня и повышение заработной платы, но не поднимая столь драгоценного для либералов вопроса о гражданских свободах?

Тем временем марксистская теория обсуждалась и в самой России. «Капитал» появился в русском переводе в 1872 году (цензура сочла этот труд слишком скучным и академичным, чтобы служить подрывным целям). Его появление сразу же вызвало споры в кругах интеллигенции о значении этого нового анализа для России. Споры эти были «легальными» в том смысле, что они происходили на чисто академическом уровне и не выходили за узкие рамки русской цензуры. Одним из самых ранних марксистов был Н. И. Зибер, статьи которого в научных журналах сыграли важную роль в деле популяризации взглядов Маркса задолго до того, как Плеханов и Аксельрод стали марксистами. Основной вопрос сводился к следующему: может ли западный капитализм (с его вредными и одновременно благотворными последствиями) развиться в русских условиях? Интеллигенция, следовавшая народнической традиции, отвечала на этот вопрос отрицательно. Марксистские же интеллигенты, в том числе П. Б. Струве (1870-1944), С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев и М. И. Туган-Барановский, оспаривали этот народнический взгляд. Их прозвали «легальными марксистами», но кличка эта неуместна по двум причинам: во-первых, даже ведущий «легальный марксист» Струве тоже занимался подпольной политической работой, а во-вторых, настоящие конспираторы, вроде Ленина, Плеханова и Мартова, тоже включались в полемику на страницах легальных изданий. В 1893 году 23-летний Ленин произвел большое впечатление на студентов, собравшихся на лекцию,

мощью своей атаки против народника Воронцова, а его ранние работы, особенно «Развитие капитализма в России», законченные в эмиграции в 1899 году, тоже сыграли роль в опровержении многих народнических доводов. Книга Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», легально вышедшая (под псевдонимом Бельтова) в 1895 году, тоже помогла делу марксизма. Она остается и по сей день непревзойденным изложением исторического материализма.

Но временный и, как показали события, весьма недолговечный союз против народников между такими людьми, как Струве, с одной стороны, и Ленин и Плеханов — с другой, не означал, что их взгляды совпадают во всем. Для Ленина и Плеханова приятие марксистского учения было как бы обращением в новую веру. Для Струве же марксизм с самого начала был не религией, а убедительной гипотезой для политических и экономических изысканий. Страстный поборник свободы и конституционализма на протяжении всей своей жизни, Струве принял теории «Капитала» именно потому, что видел в развитии капиталистической системы в России гарантию того правопорядка, который развивался в Западной Европе параллельно с капитализмом. «Вся современная материальная и духовная культура, — писал он в 1894 году, — тесно связана с капитализмом». Эволюция этой культуры — дело нелегкое, длительная и трудная задача. Но нелепо было думать, на узконационалистический лад народников, что в России можно создать какую-то лучшую, исконно русскую форму порядка, игнорируя этот трудный процесс. Самым вероятным результатом в России такого обманчиво-короткого пути к утопии был бы возврат к крепостному праву. И Струве заканчивал следующими известными словами: «Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму»[19]. Но все же Струве привлекало то значение, которое марксизм придавал миссии рабочей партии, — борьба за

[19] П.Струве, «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». С. Петербург, 1894, стр. 288.

гражданскую и политическую свободу. Ввиду отсутствия в России среднего класса, из которого могла бы вырасти мощная, смелая либеральная партия, Струве считал, что задача освобождения должна лечь только на плечи пролетариата. Последующая политическая эволюция Струве показала, насколько его тяга к марксизму отличалась от обращения в марксистскую веру Ленина и Плеханова. К 1901 году, а то и раньше, Струве пришел к заключению, что принципы либерализма не зависят ни от наличия среднего класса, ни от экономической основы, вроде той, какая существовала в Западной Европе. Его исторические изыскания показали ему, писал он в 1901 году, сколь неверно популярное в русском обществе убеждение, будто либерализм возник «как политическая система буржуазии и в ее материальных интересах». Наоборот, либерализм возник из тяги к свободе совести, а эта тяга — не прерогатива того или иного класса, она носит общенародный характер[20]. В соответствии с этим воззрением Струве возглавил в следующем году группу, объединившуюся вокруг газеты «Освобождение», которую он редактировал за границей; из нее впоследствии выросло русское либеральное движение.

На эту эволюцию мышления Струве — от марксизма к либерализму — оказало большое влияние появление в свет брошюры немецкого социал-демократа Эдуарда Бернштейна «Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie» («Предпосылки социализма и задачи социал-демократии»), 1899[21]. Бернштейн начинает с уничтожающей критики экономических основ марксизма в свете реальных сдвигов, а затем говорит, что путь реформ и неустанного давления демократическими средствами достиг неизмеримо

[20] См. «В чем истинный национализм?», перепеч. в работе П. Струве «На разные темы (1893-1901)», Сборник статей, С. Петербург, 1902 г., стр. 526-555.

[21] Русский перевод вышел в следующем году в Вольной русской типографии в Лондоне. Дальнейшие ссылки — на это издание.

большего, чем могла бы достичь революция[22]. Марксистское учение о захвате власти пролетариатом, когда после длительного подготовительного периода он станет достаточно сильным и зрелым, содержит в себе роковую ошибку: пока рабочий класс недостаточно силен, чтобы захватить власть без революции, парламентскими методами, он не может и управлять страной; когда же он будет достаточно силен, чтобы править, он добьется власти без революции. Подлинная демократия, по мнению Бернштейна, заключается не в подавлении меньшинства большинством, как это представляли себе якобинцы и Маркс, а в таком «состоянии общества, при котором ни один класс не пользуется особыми привилегиями с точки зрения общества в целом»[23]. Социалистическая партия никогда не породит демократии, потому что социализм может развиваться только там, где уже существует демократия, а демократия может существовать только там, где страна для нее созрела и отдает себе отчет в значении правопорядка[24]. Подлинная цель социализма быстрее всего достигается там, где социалистическая партия «сотрудничает с радикальной буржуазией в осуществлении реформ»[25]. Но так называемая диктатура пролетариата, при которой рабочие еще не обладают собственными мощными экономическими организациями и не достигли еще политической зрелости, которая накапливается в ходе управления такими организациями, может означать только одно — «диктатуру клубных ораторов и литераторов»[26].

Выход в свет этой брошюры произвел в европейских социалистических партиях впечатление разорвавшейся бомбы. В течение ряда лет Ленин и Плеханов вторили хору оппонен-

[22] Там же, стр. 42-43. Ср. Alfred G. Meyer, *Marxism. The Unity of Theory and Practice*, Cambridge, Mass., 1954, стр. 120 и 121, где аналогичные доводы основаны на произведениях Энгельса.

[23] Там же, стр. 152.

[24] Там же, стр. 208.

[25] Там же, стр. 174.

[26] Там же, стр. 229.

тов Бернштейна в немецкой партии, вроде Каутского и Розы Люксембург, обвинявших его в «реформизме» и «ревизионизме» (эти два слова все еще бытуют в словаре коммунистических партий нашего времени как самые резкие слова осуждения). На первый взгляд применение воззрений Бернштейна к русским условиям на стыке столетий может показаться сомнительным — ведь в России не было парламентской демократии, не было поэтому и перспективы захвата власти посредством парламентской победы, как это имело место в Германии. Но взрывоопасная сила доводов Бернштейна состояла в том, что они подрывали самые основы марксизма — классовую борьбу и специфическую историческую миссию пролетариата как единственного класса-освободителя. Один из выводов, который мог быть сделан русскими на основе теории Бернштейна, состоял в том, что рабочие должны предоставить буржуазии бороться за политическую свободу, а сами — сосредоточить внимание на своих насущных экономических нуждах. Другой вывод состоял в том, что после возникновения либеральной партии в России рабочей партии следовало бы сотрудничать с ней и поддерживать ее, а не пытаться установить над ней «гегемонию». И та и другая ересь по очереди расшатали устои русской социал-демократии.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ

1. ПОЛЕМИКА С «ЭКОНОМИСТАМИ»[1]

Когда в 1889 году Плеханов заявил на Первом съезде Социалистического Интернационала в Париже, что русская революция добьется успеха только как рабочая революция, он вряд ли убедил своих западных слушателей. В промышленных странах Западной Европы крепло профсоюзное движение, существовали массовые рабочие партии, а гражданские свободы, предоставляемые конституционными системами и являвшиеся школой политического самообразования, давали рабочим возможность оказывать политическое давление. В России XIX века не существовало ничего подобного. Профсоюзы были запрещены, забастовки рассматривались как уголовное преступление. Общества взаимопомощи, рабочие клубы и тому подобные организации, хорошо знакомые западноевропейскому рабочему, не были, строго говоря, запрещены законом, но во всяком случае ограничивались и подавлялись в рамках существовавшего уголовного права, при котором исполнительная власть полиции не стеснялась, при

[1] В этой и последующих главах я многим обязан превосходной докторской диссертации J. L. H. Keep, *The Development of Social Democracy in Russia, 1898-1907.* Цитируется как «Keep». С небольшими изменениями она была напечатана в 1963 г. в Оксфорде под заглавием: *The Rise of Social Democracy in Russia.*

необходимости, заполнять пробелы, оставленные законодательством. О политических свободах в 1889 году не было и речи, да и надежд на них было мало.

Однако быстрое развитие промышленности, приведшее Плеханова и других марксистов-теоретиков к заключению, что Россия вступает на путь западного капитализма, вызвало рост промышленного пролетариата. В 1897 году 12,8% населения европейской части России жило в городах (по сравнению с 33% в Соединенных Штатах, 54% в Германии и 77% в Великобритании). Численность рабочих составляла по меньшей мере два с половиной миллиона из 129 миллионов населения России[2]. Народники все еще настаивали, что русский рабочий — это по сути дела тот же крестьянин, временно занятый на фабрике или на заводе и периодически возвращающийся к себе в деревню, и отказывались считать его пролетарием в обычном смысле слова. К последнему десятилетию XIX века этот традиционный взгляд явно устарел. Тем не менее, культурный уровень русского рабочего был значительно ниже, чем уровень западноевропейского.

Условия жизни и труда русского пролетариата давали достаточно оснований для недовольства. Ставки заработной платы были низкими, составляя в среднем 187,6 руб. в год для мужчин, для женщин — половину этой суммы, а для подростков — треть. Рабочий день был длинным, санитарные условия на фабриках и заводах, в общем, — очень плохими, а жизненные условия — еще хуже. Несмотря на суровые полицейские репрессии, русским рабочим, почти не организованным, удалось за последние два десятилетия века вырвать у правительства ряд уступок. Закон от 1 июня 1882 года запрещал работать детям до 12 лет, устанавливал восьмичасовой рабочий день для подростков, вводил институт фабрично-заводских инспекторов. Другой закон — от 3 июня 1886 года — устанавливал регулярную выдачу зарплаты, запрещал выплату

[2] Точных цифр нет. См. Кеер, стр. 5, где приведены различные оценки.

натурой, расширял полномочия инспекторов и вводил контроль над практикой работодателей «штрафовать» рабочих. Закон от 2 июня 1897 года устанавливал продолжительность рабочего дня в 11,5 часа. Каждому из этих скромных достижений предшествовала волна стачек, в которых будущие социал-демократы играли роль пропагандистов, а то и организаторов. Плеханов (тогда еще народник) помог организовать стачки ткачей и прядильщиков в Петербурге в 1878 и 1879 годах, которые и привели к закону 1882 года. Законодательство 1886 года было прямо вызвано забастовкой текстильщиков в предшествовавшем году. Скромные улучшения на деле часто сводились на нет уловками и взяточничеством чиновников, но рабочие поняли одну важную вещь: они могут улучшить свое положение путем стачек[3]. Задача же, которую ставили себе марксисты, состояла в следующем: убедить рабочих, что они могут по-настоящему изменить свое положение только путем свержения самодержавия, в конечном счете, путем захвата политической власти.

Первые рабочие кружки в России были основаны народниками. В 60-х и 70-х годах несколько небольших кружков возникло в Петербурге. В 1877 году пятьдесят молодых народников, большей частью девушек и студентов, предстали перед судом по обвинению в организованной пропаганде на фабриках и заводах и в распространении подпольной газеты «Работник». В 1875 году Е. О. Заславский основал первую крупную организацию — в ней было, как полагают, около двухсот членов — «Южнороссийский союз рабочих». Вторая крупная организация — «Северный союз русских рабочих» была основана в декабре 1878 года (возможно, и раньше) Сте-

[3] См. «Общественное движение в России в начале XX века», под ред. Л. Маслова, А. Потресова, т.I, С.-Петербург, 1909 (в дальнейшем цитируется как «Общественное движение»), стр. 224-229, где приводятся таблицы, основанные на официальных данных, анализирующие число, причины и результаты стачек за 1895-1904 г.г. В общем, в большинстве случаев стачки приводили к успеху рабочих или к компромиссу, а не к успеху работодателей.

паном Халтуриным и Виктором Обнорским. Она тоже насчитывала около двухсот членов. Обе эти группы, хотя они и были недолговечными, могут по праву считаться предшественницами будущих социал-демократических организаций. Их программы отражают марксистское влияние: они признают, что освобождение рабочих может быть достигнуто только путем свержения существующего политического строя и выдвигают требования гражданских и политических свобод[4].

В 80-х годах в Петербурге и в некоторых областных центрах начали возникать кружки, называвшие себя марксистскими или социал-демократическими. Их деятельность сосредоточивалась на воспитательной работе — обсуждении с марксистской точки зрения элементарных экономических и политических вопросов. Первый из этих кружков, возникший зимой 1883-1884 годов и известный под именем группы Благоева, находился под прямым влиянием плехановской группы «Освобождение труда». Плеханов и Аксельрод печатались в обоих выпусках подпольной газеты, публиковавшейся группой Благоева. Но многие из этих кружков совсем (или почти) не были связаны с заграничной плехановской группой и вдохновлялись изучением марксизма в самой России. Ядро этих отечественных кружков составляли бывшие члены «Черного передела» и обученные ими рабочие. Число кружков росло очень быстро. Голод 1891 года стимулировал революционную деятельность интеллигенции. В то же время приток голодающих крестьян в города увеличивал беспокойство на производстве. В последнее десятилетие XIX века социал-демократические группы исчислялись десятками.

Основной целью Плеханова и его товарищей было образование социал-демократической партии в России. Однако

[4] Программа «Северного союза» перепечатана у Ленина, т. 2, стр. 609-611. О «Южном союзе» см. Е. Ярославский (ред.) «История ВКП(б)», т. I, ч. I, Москва-Ленинград, 1926, стр. 66; Ф. И. Дан, «Происхождение большевизма. К истории демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян», Нью-Йорк, 1946, стр. 191.

первая попытка осуществления этой цели была сделана не русскими, а польскими и еврейскими жителями Российской империи. В 1882 году в Варшаве была основана рабочая партия «Пролетариат». В следующем году она провела подпольный съезд в Вильно с целью объединения всех революционных кружков Российской империи, которые стремились к освобождению рабочего класса. Попытка эта ни к чему не привела и «Пролетариат» просуществовал очень недолго. Однако он возродился в 1888 году, когда, слившись с другими группами, образовал Польскую социалистическую партию. В 1892-1893 годах Польская социалистическая партия раскололась надвое по вопросу о национальном сепаратизме. Интернационалисты откололись и образовали Социал-демократическую партию Царства Польского. Ее руководители, Роза Люксембург и Лео Иогихес (Тышка), сыграли впоследствии важную роль в истории русской социал-демократии.

Еврейское социал-демократическое движение на западе и юго-западе России, центрами которого были Вильно и Минск, резко отличалось по своему развитию от русского. Как и русские кружки, еврейские группы 80-х годов были основаны интеллигентами и интеллигентами из рабочих. Но, в противоположность их русским товарищам, еврейские социал-демократы с самого же начала успешно организовывали массовые выступления еврейских рабочих в защиту их интересов. Несмотря на репрессии, им удалось организовать подпольные общества взаимопомощи, стачечные комитеты и даже профсоюзы. В 1897 году отдельные группы и организации объединились в партию «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России», известный под именем «Бунд». К этому времени Бунд был уже массовой партией, вобравшей в себя широкую сеть рабочих организаций, сплоченных в ходе многолетней общей борьбы. Бунд так и остался массовой партией[5]. За исключением грузинской партии, он

[5] Как пишет А. Кремер, ранний историк Бунда, съезд 1897 г. только формально утвердил союз организаций, сотрудничавших друг с другом в течение

был единственной массовой рабочей партией в России с каким-то подобием демократической структуры. Русским же социал-демократам редко удавалось выйти за пределы небольших законспирированных комитетов, за которыми стояло очень мало рабочих. В августе 1904 года, например, общее количество членов Бунда было уже 23.000 человек, и к нему примыкали два подпольных социал-демократических профсоюза. Русские же партийные комитеты насчитывали в 1905 году всего 8.400 членов[6]. Главные причины этого различия выяснятся позднее. Из побочных же причин уже сейчас можно указать на две: во-первых, более высокий образовательный уровень еврейских рабочих, во-вторых, тот факт, что большинство еврейских рабочих было занято в небольших мастерских или фабриках, где полиции было труднее устанавливать слежку, чем на крупных промышленных предприятиях в чисто русских районах страны.

Отношения Бунда с русскими социал-демократами значительно осложнялись из-за еврейских национальных чаяний. Первые еврейские социал-демократы были антисионистами, ассимиляционистами, и, большей частью, атеистами и принимали марксистскую доктрину единой борьбы пролетариата. Антисемитизм, надеялись они, исчезнет вместе с капитализмом. Но вскоре установку эту пришлось менять с учетом накопленного опыта. Спорадическое участие русских рабочих в еврейских погромах, естественно, расшатало веру бундовцев в единство пролетариата. Использование еврейского языка (идиш), которое первоначально отвергалось как мешавшее ассимиляции, было принято для повышения действенности пропаганды. С течением времени и по мере ухудшения отношений между Бундом и русской партией упор, делавшийся

нескольких лет. Цит. у М. Рафеса: «Очерки по истории Бунда», Москва, 1923, стр. 41 и 42. См. там же, стр. 315-326, пример устава подпольной стачечной кассы еврейских рабочих, в котором искусно сочетаются элементы солидарности, конспиративности и демократического контроля.

[6] Рафес, там же, гл. XII, стр. 141; БСЭ, т. 11, столбец 931.

на специфические интересы еврейских рабочих, становился все более сильным. Уже в марте 1895 года будущий вождь меньшевиков Юлий Мартов, работавший тогда в еврейских организациях в Вильно, сформулировал тезис о необходимости создания специфически-еврейской партии, основанный на том, что, если в будущем русскому пролетариату придется пожертвовать какими-либо из своих требований, он скорее всего пожертвует «требованиями, исключительно касающимися евреев, вроде свободы религии или равноправия евреев в области гражданских прав»[7]. Требование об образовании автономной еврейской партии (хотя и связанной с русской партией), выдвинутое Бундом, вскоре привело к конфликту с русскими социал-демократами (сам Мартов вскоре стал энергичным противником бундовского сепаратизма). Трения между двумя партиями имели и другую причину. Бундовцы очень гордились массовостью своей партии. Поэтому они все менее и менее охотно подчинялись «кучке сварливых интеллигентов».

Успех еврейских организаций в деле защиты интересов рабочих дал сильный толчок развитию русского рабочего движения. Особенно большое влияние оказало решение еврейских организаций о слиянии сети небольших кружков интеллигентов в более широкую рабочую организацию. Технически проблема состояла в переходе от «пропаганды» к «агитации». Разницу между двумя этими понятиями сформулировал в 1891 году Плеханов. «Пропагандист, — писал он, — предлагает ряд проблем одной или нескольким личностям. Агитатор же предлагает только одну (или несколько) идей, но предлагает их целой массе людей...» Таким образом, интеллигенты и интеллигенты-рабочие, из которых состояли кружки, шли в массы и создавали массовое движение. Этот

[7] Л. (Ю.) Мартов, «Поворотный пункт в истории еврейского рабочего движения», Женева, 1900, стр. 9. Почти сразу же после этого Мартов вышел из еврейского движения и целиком посвятил себя русскому рабочему движению. См. также Ю. Мартов, «Записки социал-демократа», Берлин, 1922, стр. 245-247.

план в конце концов удался, но были и трудности — увеличивался разрыв между рабочими-интеллигентами, всерьез занимавшимися самообразованием, и их более отсталыми товарищами[8]. Успешный опыт агитации среди еврейских рабочих был изложен в брошюре «Об агитации» одним из ведущих бундовцев, А. Кремером. Отредактировал эту брошюру и снабдил ее предисловием Мартов; брошюра была гектографирована и контрабандой доставлена в Петербург в 1894 году, в период быстрого размножения социал-демократических кружков. Основная идея этой важной брошюры состояла в том, что пролетариату ни в коем случае не следует ждать, пока буржуазия добьется свободы для себя. «Борьба за освобождение пролетариата не должна откладываться до того времени, когда буржуазия добьется политической свободы». Но массы нельзя побудить бороться за отвлеченные идеи. Эволюция пролетарской сознательности — процесс постепенный, развивающийся в форме последовательных кампаний за небольшие конкретные требования. Поэтому целью социал-демократов должна стать «постоянная агитация среди фабрично-заводских рабочих, основанная на существующих мелких требованиях и нуждах»[9].

Мартов, присутствие которого в Вильно носило скорее случайный характер, переехал теперь в Петербург для работы в одном из русских кружков. Ленин уже работал в другом кружке, и в конце 1895 года, по предложению Мартова, они объединились в петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» (название это предложил Ленину Аксельрод в мае того же года). Мартов вспоминает, что интеллигенты социал-демократы неохотно принимали новую идею; по его мнению, Ленин относился к ней «холодно, если не пренебрежительно». Мартов объяснял безразличие Ленина

[8] Ю. Мартов, «Записки социал-демократа», Берлин, 1922, стр. 277.

[9] «Об агитации». С послесловием П. Аксельрода, Женева, 1896, стр. 9, 11, 16, 21.

навыками подпольной работы, которые привели его к «ультразаконспирированности не только от полиции, но и от самого рабочего класса»[10]. Но даже если Ленин и не принимал теоретических основ брошюры «Об агитации», согласно которым политическая сознательность рабочих должна возрастать по мере их участия в экономической борьбе, он, конечно, понимал практическую ценность новой формулы для расширения влияния на рабочих. В первую очередь, однако, он был заинтересован в интенсивной подготовке своей группы к ее роли ядра будущей политической партии[11]. Группа эта, состоявшая из семнадцати членов и пяти кандидатов, включала в себя, помимо Мартова, и будущую жену Ленина, Н. К. Крупскую[12]. Сам Мартов вскоре стал разделять взгляды Ленина. В известном смысле Ленин был прав, настаивая на конспирации в ущерб демократии. Полицейская слежка (по крайней мере до 1902 года) была значительно строже в Петербурге, чем в Вильно, и попытка образовать массовую партию была поэтому связана с большей опасностью ареста и потери руководителей. Совместная политическая деятельность Ленина и Мартова продолжалась недолго. Оба они сыграли видную роль в мощной волне стачек петербургских текстильщиков и других рабочих в декабре 1895 года, но почти сразу после этого были арестованы вместе с другими руководителями петербургского «Союза». Более четырех лет после этого они оставались в тюрьмах или в сибирской ссылке.

Несмотря на некоторое внешнее сходство, контраст между этими двумя людьми, вскоре ставшими противниками на всю жизнь, Владимиром Ильичем Лениным (Ульяновым) и Юлием Осиповичем Мартовым (Цедербаумом), был огромным. Оба

[10] Ю. Мартов, «Записки социал-демократа», стр. 263-265.

[11] Там же, стр. 265; Н.К. Крупская, «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», 1920, стр. 4, цит. у М. А. Москалева в «Вопросах истории», № 8, 1956, стр. 100.

[12] См. доскональный труд об этой организации: Richard Pipes, *Social Democracy and St. Petersburg Labor Movement, 1885-1897*, Harvard, 1963, стр. 84.

они происходили из семей среднего достатка; и тот и другой еще в молодости поняли неустойчивость своего положения в этом классе. Семья Ленина принадлежала к служилому дворянству. Но после потрясения, вызванного казнью Александра Ульянова в 1887 году за участие в террористическом акте, вся семья революционера испытала период известной изоляции в обществе. Еврей Мартов с детства чувствовал неустойчивый характер терпимости по отношению к евреям в обществе, где покров законности был еще очень тонок. Оба еще в юности пришли к убеждению, что единственный выход — это революция. Но в то время, как Ленин умел подчинять этой цели все, Мартов так и не избавился от привитых ему в детстве моральных принципов. Ленин был способен на ухищрения, увертки, интриги и на сознательный обман противников. Он мог в случае нужды искать помощи у самого черта, ни на минуту не задумываясь о том, имеют ли его действия какое-то значение по сравнению с конечной целью. Он неизменно приписывал своим противникам наихудшие побуждения и вроде бы искренне удивлялся тому, что его поведение иногда повергало в смятение товарищей по партии. Однако в повседневности поведение Ленина было достаточно гибким, тогда как Мартов оставался жестким и угловатым пленником определенных норм и принципов, о нарушении которых он и не помышлял. Несмотря на весь свой полемический талант, Мартов был мало приспособлен к политическому миру Ленина. Он был неспособен ни на закулисные интриги, ни на маскировку своих чувств во время партийных баталий. При первом же столкновении между ними Ленин легко одержал верх. Ленин обладал тем преимуществом, что был убежден в своей абсолютной политической правоте и в том, что он один знает, как проводить свою линию. Он судил о своих политических оппонентах только по одному критерию: подчиняются ли они его воле или нет. Мартов был нерешителен, чему способствовала его интеллектуальная честность. Хотя многие поступки Ленина отталкивали Мартова своей аморальностью, он не отвергал всех ле-

нинских политических суждений. В то время как Ленин работал над уничтожением Мартова и его сторонников, Мартов верил, что в конце концов восторжествует более логический, более здравый курс, направленный на единство партии. Однако для контратаки, имевшей целью политическое уничтожение Ленина, он не обладал ни достаточным умением, ни подходящим характером, ни, скажем прямо, необходимым отсутствием угрызений совести. Быть может, развитие личных отношений между ними после разрыва в 1903 году наилучшим образом определяет разницу их характеров. Ленин, считая Мартова «мягкотелым», делал все, чтобы уничтожить его политически. Все же до конца своих дней он сохранил искреннюю привязанность к бывшему соратнику. Для Мартова же после шока, вызванного, по его мнению, беспринципным поведением Ленина, личные отношения были кончены — раз и навсегда. Однако он сохранил решимость делать все новые попытки для восстановления подорванного единства партии[13].

К моменту своего ареста Ленин был уже автором нескольких брошюр и статей, обративших на себя внимание, но еще не развил тех идей, которые впоследствии оказали столь сильное влияние на характер партии. Он усвоил и Маркса и плехановское толкование Маркса, а также внимательно изучал якобинские традиции русского движения — работы Ткачева и конспиративную организацию «Народная воля»; славянский радикализм Чернышевского произвел на него глубокое впечатление. Вместе с Плехановым и «легальными марксистами» он вел грандиозный бой с народниками, утверждая, что капиталистическое развитие в России неизбежно и что пролетариат должен вести политическую борьбу, которая завершится революцией. В одном отношении, однако, взгляды Ленина отличались от взглядов женевских теорети-

[13] Мартов, наконец, нашел достойного биографа. См. Israel Getzler, *Martov: A Political Biography of a Russian Social Democrat,* Melbourne, 1967.

ков. В то время как Аксельрод и Плеханов считались с необходимостью союза пролетариата с демократической интеллигенцией (из рядов которой, по их мнению, должны были в будущем возникнуть либеральные партии), Ленин уже тогда настаивал на «неизбежности и настоятельной необходимости полного и окончательного разрыва с идеями демократов»[14]. Когда весной 1895 года Ленин совершил паломничество к своим эмигрантским учителям, он терпеливо выслушал Плеханова, порицавшего его бескомпромиссное отношение к либералам. Аксельрод, человек более мягкий, был очарован серьезным и скромным молодым гостем и пришел в восторг от первого контакта — после своей многолетней изоляции — с подлинным революционером, для которого марксизм был «не отвлеченной доктриной, а орудием революционной борьбы». Но и он, в свою очередь, настаивал на необходимости совместных действий с либералами[15].

Пока их идейные вожди сидели за решеткой, молодые петербургские социал-демократы, настроенные более практически, энергично взялись за развитие массового движения. Успех забастовок в декабре 1895 года и готовность рабочих к выступлениям на основе конкретных и понятных требований казались им доказательством правильности политики «агитации». По мере расширения базы партии среди рабочих усиливались требования более представительной, более демократической организации вместо существовавших тогда самочинных конспиративных комитетов. Когда в феврале 1897 года Мартов, Ленин и другие, воспользовавшись несколькими днями свободы между тюрьмой и ссылкой, посетили свой «Союз», они с ужасом обнаружили, что новые руководители готовы уступить этим требованиям. Ленин и Мартов тщетно утверждали, что только концентрация всех сил на

[14] В 1894 г. См. Ленин т. 1, стр. 171.

[15] См. воспоминания Аксельрода, отрывки из которых перепечатаны в соч. Ленина, т. 1, стр. 488-491.

непосредственной революционной борьбе представляет собой верный путь к свержению самодержавия[16].

Попытка расширить базу партии в Петербурге отчасти увенчалась успехом. «Союз», начавший действовать еще в период кратковременного ленинско-мартовского руководства в конце 1895 года, стал еще более активным в середине 1896 года, когда около 35.000 рабочих-текстильщиков объявили стачку, требуя десятичасового рабочего дня. Стачка продержалась четыре недели. Вторая стачка последовала в начале 1897 года, и в июле того же года был наконец введен рабочий день продолжительностью в одиннадцать с половиной часов. Забастовочное движение во второй половине десятилетия, в котором приняло участие почти четверть миллиона рабочих, наложило отпечаток и на русскую социал-демократию. В русских условиях первоначально упор делался на стачки (борьба за конкретные экономические требования), а не на политические выступления. Резкие политические лозунги, особенно если они были направлены против царя, все еще пугали и отталкивали русского рабочего. Сам Ленин признавал это. В прокламациях, которые он писал в 1895 и 1896 годах (причем некоторые — из тюрьмы) для бастующих петербургских рабочих, политические вопросы затрагивались весьма осторожно[17]. В октябре 1897 года вышел первый номер подпольной газеты «Рабочая мысль» тиражом в 500 экземпляров; годом позже эта газета стала органом петербургского «Союза».

Брошюра «Об агитации» утверждала, что, начав с практических экономических требований, рабочие постепенно осознают необходимость политических требований. Слепота самодержавия помогла претворению в жизнь этого предсказания. Грубым подавлением мирных забастовок и демонстраций

[16] Мартов, «Записки...», стр. 316 и 317; ленинская версия — Ленин, т. 4, стр. 387; критика денинской версии — Петербуржец (псевдоним Тахтарева), «Очерки Петербургского рабочего движения 90-х годов. По личным воспоминаниям», Лондон, 1902, стр. 68-71.

[17] Текст этих прокламаций см. Ленин, т. 1, стр. 447-458 и 482.

оно вселяло ненависть к политическому режиму в целом. Уступая только организованной силе, власть сама вселяла надежду, что в один прекрасный день твердыня самодержавия будет взята штурмом. Переход от экономических к политическим требованиям хорошо прослеживается на страницах «Рабочей мысли». Интеллигенты, издававшие газету, считали своим долгом верно отражать мнения рабочих, для которых они писали, а не пытаться формировать их взгляды. Поэтому газета мало интересовалась теорией. Ее цель состояла в том, чтобы способствовать укреплению солидарности и единства, поощрять рабочих к созданию стачечных касс, к организации забастовок и демонстраций в уверенности, что капитализм и самодержавие окажутся беспомощными перед лицом сплоченного и организованного рабочего класса. И все же, к 1900 году «Рабочая мысль», по-прежнему верно отражавшая мнения ее читателей-рабочих, пришла к заключению, что экономические цели сами по себе недостаточны. В ноябре 1900 года она выдвинула требование ответственного парламентского строя вместо самодержавного. В апреле 1901 года газета писала о необходимости «новой тактики, новых форм борьбы» и призывала к переходу от «отдельных стачек и мелких столкновений с полицией к массовым забастовкам и политическим демонстрациям против всей правительственной системы». Главная борьба должна была теперь вестись за свободу собраний, личности, печати и за право забастовок. Права рабочих, утверждала газета, не могут быть обеспечены, пока не будет свергнут существующий строй, союзник хозяев. Конечно, это было именно то, на чем в течение двадцати лет настаивал Плеханов. Но читатели «Рабочей мысли» неохотно принимали советы от эмигрантов-интеллигентов, да и вообще недолюбливали интеллигенцию. Поэтому они отдавались революционной борьбе с тем бо̀льшим энтузиазмом, что осознавали ее необходимость на собственном горьком опыте.

Эти первые ростки массовой партии появились не только в Петербурге, но и в других промышленных районах. В Одессе, например, переход от «кружков» к «агитации» в 1900 году

сразу же имел успех, и там возникла широкая организация[18]. Напротив, в Москве движение закончилось полной неудачей[19]. Невозможно сказать, в какой степени могло бы развиться это массовое движение, если бы оно и дальше шло по этому пути с помощью петербургского «Союза». Ведь после 1895 года руководители «Союза» не склонялись к тому, чтобы вести рабочее движение или руководить им, а предоставляли ему следовать собственным влечениям. Но такому развитию не суждено было продолжаться. Революционеры-эмигранты преобразовали характер зарождавшегося рабочего движения в нечто такое, чего и сами они не предвидели. Во всяком случае, на рубеже столетий Плеханов и его друзья следили за ходом развития социал-демократии в России с возрастающей озабоченностью, подозрением и тревогой.

В то самое время, когда в пылу повседневной борьбы против государства и работодателей росло практическое движение, была основана Российская социал-демократическая рабочая партия. Инициатива созыва Учредительного съезда исходила из ряда источников — впоследствии многие организации оспаривали почетное звание инициатора этого замысла. Плеханов и Аксельрод настаивали на необходимости создания Российской партии уже в 1885 году. Ленин в своих ранних выступлениях тоже настаивал на необходимости такой партии, однако до своего ареста не добился ничего конкретного. Так или иначе, вопрос этот муссировался в России с начала 90-х годов. Но главный толчок исходил от Бунда (после его основания в 1897 году) и одновременно от киевских социал-демократов, уже обсуждавших этот вопрос с другими организациями. Бундовец Кремер вошел в контакт со всеми инициаторами. При технической помощи Бунда 1 марта 1898 года в Минске собрался большой подпольный

[18] П. А. Гарви, «Воспоминания социал-демократа». Статьи о жизни и деятельности П. А. Гарви, Нью-Йорк, 1946, стр. 23-25.

[19] «Рабочее дело», № 8, ноябрь 1900 г., стр. 12.

съезд — Первый съезд Российской социал-демократической рабочей партии[20]. Съезд этот был не очень представительным. На нем присутствовало всего девять делегатов, представлявших Бунд, киевскую группу (которая издавала небольшую подпольную «Рабочую газету»), а также петербургский, московский и екатеринославский «Союзы борьбы за освобождение труда». Съезд избрал Центральный комитет в составе трех членов — А. Кремера, киевлянина Б. Л. Эйдельмана и С. И. Радченко, члена ленинской группы семнадцати в 1895 году. «Рабочая газета» стала партийным органом, а Ленин, тогда все еще находившийся в ссылке, был назначен редактором серии брошюр. Съезд также назначил плехановскую организацию в Женеве своим зарубежным представителем. Устав партии, принятый съездом, носил, в общем, демократический характер. Признавалась самостоятельность Бунда в вопросах, «касающихся специально еврейского пролетариата». Центральный комитет, хотя и получил право кооптации (необходимое ввиду постоянной опасности арестов), нес ответственность перед очередным съездом. Чрезвычайные съезды могли созываться по требованию двух третей местных комитетов. Местные комитеты были обязаны выполнять постановления Центрального комитета «в той форме, которую они найдут более подходящей по местным условиям», а «в исключительных случаях» имели право отказаться от выполнения требований Центрального комитета. Съезд также огласил манифест, составление которого было поручено Струве, тогда еще марксисту (тем самым Плеханову была нанесена обида, которой он никогда не забыл). Лейтмотив манифеста заключался в том, что в борьбе за социализм

[20] См. в особенности А. Кремер, «Основание Бунда» в «Пролетарской революции», № 11, 1922, стр. 50-56; Б. Эйдельман, «К истории возникновения Российской социал-демократической рабочей партии», там же, № 1, 1921, стр. 20-81. Даты событий в России до 1 февраля 1918 г. приводятся по старому стилю. Если даты событий до 1 февраля 1918 г. указываются по новому календарю, то в скобках дается также число по старому стилю.

«политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для дыхания». Но поскольку в Восточной Европе, в отличие от Западной, буржуазия «слаба и труслива», рабочие должны сами взять на себя задачу освобождения[21]. Определение пролетариата как единственного «класса-освободителя» — оно-то первоначально и привлекло Струве к марксизму — совершенно ясное.

Вряд ли Первый съезд имел какое-либо реальное политическое значение. Большинство делегатов было арестовано вскоре после съезда, а подпольная типография нового партийного органа — конфискована. Некоторые из местных организаций стали называть себя «комитетами РСДРП» и продолжали численно расти, несмотря на отсутствие центральной организации. Невзирая на постановление о возможной кооптации новых членов, Центральный комитет заново не оформился — не столько в результате полицейских репрессий, сколько из-за конфликтов между идеологическими вождями, которые возникли уже к концу 1898 года. В течение нескольких лет эти конфликты шли по двум вопросам — об организации и о ереси, которую в партийной полемике прозвали «экономизмом».

Открытый конфликт по вопросам организации разгорелся между старшим поколением интеллигентов-партийцев, сыгравших определенную роль в первых «кружках» 80-х годов, и более молодыми руководителями социал-демократов, вышедшими на авансцену во время стачечного движения в следующем десятилетии. Старшие были поглощены профессиональным аспектом революции — вопросами безопасности, единством действий, эффективностью организации, а младшие, занятые, в основном, практической деятельностью, вроде забастовок, относились безразлично к чистой теории и неохотно принимали советы. Обе стороны были отчасти правы: если старшее поколение преувеличивало значение дисциплины и

[21] Резолюции съезда, устав и манифест перепечатаны в «КПСС в резолюциях», т. I, стр. 11-15. В дальнейшем – «КПСС в рез.».

теории, то молодые (или новички) иногда ставили под удар все движение ввиду отсутствия у них опыта подпольной работы. Пренебрегая указаниями, исходившими от законспирированных центров (вроде петербургского и других «Союзов борьбы за освобождение труда»), они стремились перенести политическую активность в гораздо более открытые фабрично-заводские кружки и в организации взаимопомощи. Руководители из среды рабочих отчасти вредили себе тем, что, будучи вынужденными зарабатывать на жизнь, не могли после долгого рабочего дня уделять должного внимания конспирации, и это часто приводило к роковым последствиям для них самих. Кроме того, по мере роста движения усиливала бдительность и полиция. Руководителей было вообще немного, и ясно, что выход из строя сразу нескольких привел бы к печальным результатам: стихийное движение вообще вышло бы из-под контроля любой организации. Вот почему «дисциплина» и «организация» стали во все возрастающей степени боевым кличем интеллигентов, более заинтересованных в теории, а «демократия» — лозунгом рабочих и интеллигентов, считавших своим долгом выражать мнения рабочих.

Что касается «экономизма», то это был ярлык, появившийся в ходе партийной полемики. «Экономизмом» называли чрезмерное внимание к непосредственным конкретным нуждам в ущерб главной задаче — завоеванию политической свободы путем свержения самодержавия. Идея брошюры «Об агитации» и «Рабочей мысли» сводилась, быть может, просто к здравому осознанию того, что отсталому пролетариату прежде всего надо научиться ходить, а потом уже бегать. Но вскоре этот взгляд был раздут их противниками в идеологическую ересь, отрицавшую необходимость политической борьбы вообще, а также необходимость «гегемонии». Таким образом, первые шаги русских рабочих на пути к революции были сразу же заклеймены как незаконное детище бернштейнианского «реформизма», как отказ от классовой борьбы.

Бой разгорелся среди эмигрантов в Швейцарии. Относительная гармония, существовавшая между Плехановым и его

соратниками в течение долгих лет изоляции, была резко нарушена прибытием новых теоретиков из России. Плеханов и Аксельрод уже давно сформулировали свои мысли по поводу насущных проблем развития русской социал-демократии. Они были убеждены, что у руководства должны стоять интеллигенты из эмигрантов — Аксельрод настаивал на этом в беседе с Лениным в 1895 году — и что роль руководителей может быть поручена только им. Но новые люди, лишь недавно связавшие себя с молодым движением в России, не всегда подчинялись авторитету своих учителей. Они вскоре составили большинство в эмигрантской организации в Женеве, называвшейся теперь «Союзом русских социал-демократов за границей». На Первом съезде Союза в ноябре 1898 года Плеханов и его последователи всерьез столкнулись с новыми людьми. Помимо понятной озабоченности отсутствием четкой организации в русской партии, Плеханов и Аксельрод были страстными защитниками необходимости «политической», а не «экономической» борьбы. По их мнению, это диктовалось не только марксистской доктриной, но было также тесно связано с теорией «гегемонии» пролетариата. Согласно этой теории, рабочие могли бы возглавить движение либеральной интеллигенции только в том случае, если бы они сами занимались борьбой за гражданские и политические свободы. Это было типичным для теоретиков: революционеры, мыслящие более практически, понимали, что провести водораздел между «экономическими» и «политическими» требованиями не так-то легко и что рабочий, начинающий с требования сокращенного рабочего дня, очень скоро может прийти к лозунгу: «Долой самодержавие!». Противникам Плеханова казалось поэтому, что вопрос, с чего начинать, был вопросом не идейным, а тактическим.

Еще в 1898 году Аксельрод критиковал «господствовавшую» среди русских социал-демократов точку зрения, «суживавшую» сферу их деятельности. Речь шла об организации рабочих для борьбы против хозяев и для активного участия

в стачках[22]. В том же году включился в бой и Ленин, а Аксельрод написал предисловие к ленинской брошюре («Задачи русских социал-демократов»), в которой Ленин нападал на политическую линию петербургского «Союза». «Да не подумает какой-нибудь наивный читатель», — писал Аксельрод в своем предисловии, — что автор предлагает «звать рабочих на баррикады или подстрекает их на устройство заговоров»[23]. Аксельрод имел в виду то, что в русских условиях интеллигентам следует активно ускорять процесс, в ходе которого рабочие приобретают свою социал-демократическую сознательность. Многим читателям — даже не «наивным» — было невдомек, чтó разуметь под «политическими» действиями в отличие от «экономических». Означало ли это призыв к революции на баррикадах вместо организации забастовок? А если нет, то что же еще?

После первого столкновения с молодыми оппонентами Плеханов отказался поддерживать публикации «Союза русских социал-демократов за границей». В результате в апреле 1899 года возник новый журнал, «Рабочее дело». Вокруг него сгруппировались люди, которых теперь прозвали «экономистами»: В. П. Акимов (Махновец), Б. Кричевский и А. Мартынов (Пикер). Этот журнал выдвигал в качестве главной задачи пролетариата достижение политической свободы. Неоднократные обвинения «Рабочего дела» в «экономизме», выдвигавшиеся Лениным, Плехановым и даже Аксельродом, были несостоятельны. В своем первом выпуске «Рабочее дело» объявило, что его конечной целью остается политическая задача: свержение самодержавия. Но газета утверждала, что в русских условиях экономическая борьба «остается основным условием для роста массового рабочего движения», а движение это неизбежно, в силу конфликтов с полицией, перерастает в политическую борьбу. В том же выпуске был опубли-

[22] П. Аксельрод, «К вопросу о современных задачах и тактике русских сосоциал-демократов», Женева, 1898, стр. 23.

[23] См. Ленин, т. 2, стр. 167-190 и 603-605.

кован разбор ленинской брошюры «Задачи русских социал-демократов», в котором выражалось полное согласие со взглядами автора. С другой стороны, брошюра Бернштейна «Die Voraussetzungen des Sozialismus», идущая вразрез с общепринятым пониманием марксизма, появилась в начале 1899 года и была резко раскритикована на страницах «Рабочего дела». Нападала газета и на «Рабочую мысль» за то, что эта последняя занималась только мелкими повседневными бытовыми проблемами рабочих. Самое большее, что можно было бы по справедливости сказать о группе «Рабочее дело», — это то, что группа не признавала в русских условиях догматически устанавливаемого примата политических задач над экономическими. Группа считала самым главным, чтобы рабочие осознали важность (и необходимость) политических целей на собственном опыте. Правда, молодые социал-демократы, группировавшиеся вокруг «Рабочего дела», отказывались безоговорочно принимать идеологическое руководство Плеханова и Аксельрода, которые, по их мнению, оторвались от русской реальности. Имелись также сведения о том, что «Рабочее дело» ставило себе целью стать организационным центром всего русского социал-демократического движения[24].

Первым выступил против «Рабочего дела» Аксельрод, а за ним последовал Плеханов[25]. Плехановская брошюра была более ядовитой по тону, чем и вызвала великое возмущение, особенно потому, что Плеханов, по-видимому, использовал адресованные ему личные письма. Эти конфликты в апреле 1900 года привели к расколу, в результате которого плехановская группа откололась от «Союза русских социал-демократов за границей» и вместе с немногими сторонниками

[24] См., например, № 7, август 1900, стр. 17, где подчеркивается необходимость «серьезного организационного объединения местных комитетов и создания центрального органа партии».

[25] Vademecum для редакции «Рабочего дела». Сборник документов, изданный группой «Освобождение труда», с предисловием Плеханова, Женева, 1900, где перепечатано и более раннее «Открытое письмо» Аксельрода от 1899 г.

основала «Социал-демократическую революционную группу». Эта новая группа ставила своей задачей борьбу против «экономизма».

Хотя ярлык «экономизма» в случае «Рабочего дела» был, в основном, выдумкой, сфабрикованной соперниками в борьбе за идеологическое руководство, отдельные деятели под влиянием Бернштейна действительно склонялись к «экономизму» как к теории. Сам Бернштейн оказал важную услугу Плеханову и его товарищам, утверждая в своей знаменитой брошюре, что «большая, если не бóльшая часть русских социал-демократов также решительно присоединилась к точке зрения, близкой к моей»[26]. Это утверждение, как показало дальнейшее развитие русской социал-демократии, не соответствовало действительности. Но взгляды Бернштейна оказали влияние на один партийный документ, так называемое «Credo», которому в ходе полемики было приписано неизмеримо большее значение, чем он того заслуживал. Автор документа — Е. Д. Кускова. Вместе с Прокоповичем она придерживалась в женевской полемике против Плеханова взглядов, которые последний приписывал «Рабочему делу». Ни Кускова, ни Прокопович не были членами группы «Рабочее дело». Вообще эти два самобытных индивидуалиста не умещались в рамках какой бы то ни было группировки русской социал-демократии. Кускова вскоре вернулась в Россию, где на одном из собраний изложила свои взгляды на листе бумаги; кто-то, по-видимому Струве, взял этот лист, и Кускова больше его не видела. Ироническое название «Credo» не принадлежало самой Кусковой[27]. Взгляды, сформулированные в документе, могут быть изложены следующим образом. Нигде в Западной Европе рабочий класс не добивался политической свободы собственными силами. Но там, где политическая сво-

[26] Э. Бернштейн, «Условия возможности социализма и задачи социал-демократии». Перевод с немецкого, Лондон, 1900, стр. 212, прим.

[27] Эти факты восстановлены на основе воспоминаний самой Кусковой («Былое», № 10, октябрь 1906, стр. 324-326, прим.); ср. Ленин, т. 2, стр. 637.

бода была достигнута усилиями буржуазии, рабочие могли идти по пути наименьшего сопротивления, используя возможности, предоставляемые им гражданской и политической свободой, для осуществления собственных целей. Отсюда упор, делавшийся Марксом на политическую борьбу. Но в России, где политической свободы нет, линия наименьшего сопротивления и цель, которую должны ставить себе рабочие, — это именно экономическая борьба. За политическую свободу пусть борется либеральная буржуазия; задача же интеллигентов-марксистов должна состоять, с одной стороны, в поддержке либералов, борющихся за свободу, а с другой — в содействии рабочим, ведущим экономическую борьбу. Молчаливым, прямо не сформулированным выводом « Credo » был отказ от революции в пользу реформ, как проповедовал Бернштейн. Сама по себе буржуазия вряд ли доведет дело до свержения старого порядка, если сможет добиться своих относительно скромных целей на путях компромисса. Рабочие же, если их требования будут по-прежнему носить чисто экономический характер, тоже могут со временем осуществить их без всякого насилия, путем одних лишь стачек и профсоюзной деятельности. Эта кусковская концепция не предусматривала монопольного пролетарского правления, предсказанного Марксом, как конечной исторической цели.

Ленин быстро понял, как использовать « Credo ». Он давно уже втянулся в битву против « экономистов ». Регулярно переписываясь из сибирской ссылки с Потресовым, Ленин узнал в июне 1899 года, что ересь, которую он чуял еще в начале 1896 года в Петербурге, заразила теперь и заграничных интеллигентов[28]. Ранее Ленин обсуждал этот вопрос с Мартовым (тоже находившимся в сибирской ссылке). Мартов, однако, сначала отнесся к ленинским опасениям несколько скепти-

[28] См. воспоминания Потресова в сборнике « Социал-демократическое движение в России ». Материалы под ред. А. Н. Потресова и Б. И. Николаевского. Предисловие П. Лепешинского, т. I, Москва-Ленинград, 1928, стр. 346-348 (цитируются в дальнейшем как « Материалы »).

чески[29]. Приблизительно в то же время Ленин получил от своей сестры (а та в свою очередь — от Струве) коротенький, написанный от руки документ, озаглавленный «Credo». Он немедленно собрал своих сибирских товарищей и составил «Протест семнадцати социал-демократов» с критикой «Credo». Кстати, «Протест» был сразу же опубликован в №№ 4-5 «Рабочего дела». Редакционная статья искренне приветствовала протест, но указывала, что «Credo» – всего-навсего продукт «путаного мышления» отдельных лиц. И действительно, главное его значение состояло в той полемической пользе, которую Ленин умело извлек из этого первого и, пожалуй, единственного документального свидетельства существования «экономизма» как теории[30]. Вскоре атаки на «экономизм» стали главным орудием Ленина в создании новой организации.

[29] Мартов, «Записки...», стр. 398-402.
[30] Ленин, т. 2, стр. 477-486, где полностью перепечатано «Credo».

2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ИСКРЫ» и II СЪЕЗД

Сибирская ссылка Ленина кончилась в начале 1900 года, а в июле того же года он покинул Россию. Почти весь 1900 год Ленин обсуждал и продумывал замысел создания газеты, которая не только охраняла бы идеологическую чистоту партии от заразы «экономизма», но и служила бы организационным центром для объединения подпольных комитетов в России. Впервые этот замысел был сформулирован Лениным в статье, написанной в 1899 году и оставшейся неопубликованной[1]. План этой газеты Ленин детально обсуждал с Плехановым, Аксельродом и Верой Засулич в Швейцарии. Довольно неожиданное настойчивое предложение Ленина привлечь Струве к сотрудничеству в намечаемой газете чуть было не привело к разрыву между Лениным и Плехановым. В конце концов Вера Засулич успокоила Плеханова, однако Ленин поддерживал Струве недолго. Уже в начале 1901 года Ленин не хотел иметь со Струве ничего общего. На том, чтобы разрешить Струве участвовать в намечавшемся издании, теперь настаивал уже Плеханов. Впрочем, к марту 1901 года, когда Струве был арестован, спор этот приобрел довольно отвлеченный характер. К концу 1900 года было достигнуто соглашение о политической линии газеты и о составе редакционной коллегии. В ее состав вошли Плеханов, Аксельрод, Вера Засулич, Потресов, Мартов и Ленин, причем Плеханов обладал двумя голосами. Бóльшую часть средств на издание газеты

[1] Ленин, т. 2, стр. 500-504.

предоставил Потресов, в то время очень близкий к Ленину, а также А. М. Калмыкова, богатая покровительница Ленина и его группы[2]. Объявление о предстоящей публикации содержало следующую зловещую фразу: «Прежде чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и основательно отмежеваться»[3]. «Искра» возникла в Лейпциге 24(11) декабря 1900 года как оружие для боя.

Враг с самого начала был ясно обозначен. Нападки на «Рабочую мысль» начались с первого же номера «Искры». Мишенью для атак стала также газета «Рабочее дело». Сотрудники «Рабочего дела» не скрывали своего отрицательного отношения к стремлению «Искры» стать не только оракулом, глаголящим истину, но и самочинным организационным центром. Они считали, что партийная газета должна находиться под партийным контролем и не должна ни диктовать партии, ни господствовать над нею через посредство сети агентов[4]. Кроме того, само «Рабочее дело» было органом единственной официальной партийной организации за рубежом — «Заграничной Лиги русских социал-демократов», основанной в 1888 году и включавшей в себя «Группу борьбы за освобождение труда». «Рабочее дело» проявляло явное неповиновение. Лучшим средством против этого, с точки зрения Ленина, была хирургическая операция. Она и была проведена по настоянию Ленина при некоторых колебаниях со стороны Плеханова, Мартова и других[5]. В июне 1901 года небольшая независимая группа «Борьба», руководимая Д. Б. Рязановым (Гольдендахом), пыталась с некоторым успехом посредничать

[2] См. «Материалы», стр. 356 и 357; Б. Николаевский, «А. Н. Потресов, опыт литературно-политической биографии» в книге «А. Н. Потресов. Посмертный сборник произведений», Париж, 1937, стр. 39.

[3] Ленин, т. 4, стр. 39 и 40.

[4] См. статьи Кричевского и Мартынова в № 10, сентябрь 1901 г.

[5] «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», под ред. Ф. Дана, Б. Николаевского и Л. Цедербаум-Дан, Берлин, 1924, стр. 53. (цитируются в дальнейшем как «Письма»).

между обеими группировками, и на октябрь был назначен съезд. На съезде Ленин обвинил «Рабочее дело» в ереси. Согласно Ленину, «Рабочее дело» уже с июня 1901 года не заслуживало доверия партии. Этот вывод Ленин сделал на основании материалов, опубликованных в «Рабочем деле» в сентябре. Имелись в виду статьи, критикующие роль «Искры». После этого Ленин с группой «Искры» покинул съезд[6]. Раскол был формально закреплен, когда «Искра» вскоре основала новую «Заграничную Лигу русской социал-демократии». Группа «Рабочего дела» стремилась избежать конфликта, но отказывалась повиноваться группе «Искры» в вопросе о том, чтó можно и чего нельзя говорить (кстати, в эмиграции к концу 1900 года сторонники «Рабочего дела» численно почти вдвое превосходили сторонников «Искры»)[7]. Но так как Ленин шестью месяцами раньше пришел к заключению, что новая организация необходима[8], то раскол был, вероятно, делом предрешенным. В течение 1901 и 1902 годов Ленин разрабатывал свои организационные идеи, которые вскоре привели к гораздо более серьезному расколу в партии. В статье, опубликованной в четвертом номере «Искры», он писал, что газета должна стать не только идеологическим, но и организационным центром партии через посредство сети агентов. Ленин, а после его отъезда из России в еще большей степени Мартов приняли в 1900 году практические меры к организации такой сети. Около десятка агентов, оплачиваемых «Искрой», находились в 1901 году на подпольном положении в России. Их работой руководили

[6] Документы см. в «КПСС в рез.», т. I, стр. 22-27; другую информацию и документы см. А. С. Мартынов, «Два съезда. III-й очередной съезд союза и объединительный съезд», Женева, 1901; «Пролетарская революция», № 5 (76), 1928, стр. 166-183.

[7] На Парижском съезде Социалистического Интернационала кандидат «Рабочего дела» Кричевский получил вдвое больше голосов, чем Плеханов, при выборах в Международный комитет. («Рабочее дело», № 8, стр. 52).

[8] В письме Аксельроду от 25 апреля, 1901 г. Ленин, т. 4, стр. 582; т. 28, стр. 223 и 224.

Ленин и Мартов с Крупской в качестве секретаря[9]. Основные принципы ленинской системы изложены в его работе «Что делать?», опубликованной в марте 1902 года. В ней Ленин требовал создания централизованной дисциплинированной партии, которая вела бы рабочее движение, а не плелась у него в хвосте. В качестве авангарда он имел в виду сеть революционеров-профессионалов, объединенных общим учением и общей целью и отдающих все свое время задачам революции. Это, писал Ленин, необходимо, так как «классовое политическое сознание может быть принесено рабочему только *извне*, то есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам». Обвинение, выдвигавшееся оппонентами «Искры», будто газета не придает должного значения «стихийной» природе развития рабочего движения, Ленин считал несостоятельным: рабочие не обладают социал-демократической сознательностью. «История всех стран показывает, что исключительно своими силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, то есть убеждение в необходимости объединяться в профсоюзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых им рабочих законов и т. п.». Но авангард революционеров-профессионалов не должен ограничивать свою деятельность одними рабочими; он должен вести работу среди всех слоев населения. Конечно, пройдет много времени, прежде чем пролетариат станет подавляющим большинством в России. Маркс ведь считал, что пролетариат должен стать большинством в Западной Европе, прежде чем захватить власть в капиталистических странах. Но Ленин теперь предлагал сократить путь: революция никогда не произойдет силами «доморощенных» членов социал-демократических кружков, пытающихся идти в ногу со стихийным рабочим движением. Нет! Но: «Дайте нам организацию революционеров и мы перевернем Россию».

[9] Ленин, т. 4, стр. 107-113; «Письма», стр. 46 и 47; Г. Зиновьев, «Сочинения», Ленинград, 1924-1926 г.г., т. 15, стр. 18.

Доводы тех, кто настаивал на «демократии» в партии, Лениным отвергались: в условиях подполья и конспирации такая демократия просто немыслима. Для Ленина ценность свободной дискуссии при выработке правильного курса равнялась нулю; понятие «свободы критики», говорил он, вообще ошибочно. «Люди, действительно убежденные в том, что они двинули вперед науку, — писал он о своих критиках из «Рабочего дела», — требовали бы не свободы новых воззрений наряду со старыми, а замены последних первыми»[10]. Впоследствии это стало руководящим принципом самого Ленина.

Теперь, оглядываясь назад, видишь, что этот принцип имел мало общего со взглядами Плеханова и Аксельрода. Насколько он соответствовал взглядам Маркса и Энгельса — дело спорное. Правда, Маркс верил в необходимость создания централизованной дисциплинированной партии. Но он считал, что рабочая партия захватит власть в условиях политической свободы, уже завоеванной буржуазией. Быть может, взгляды Ленина теперь приближались к конспиративным идеям «Народной воли» и отдалялись от марксова понятия исторической миссии целого класса[11]. В то время, однако, больших разногласий между Лениным и его коллегами не наблюдалось. Потресов с восторгом приветствовал «Что делать?». Однако ему казалось, что Ленин несколько преувеличивал опасность «стихийности». Плеханов и Аксельрод сделали лишь самые незначительные поправки в черновике, принятые Лениным. Впрочем, в личных беседах Потресов, Аксельрод и Плеханов выражали известные сомнения, а последний в дальнейшем признавал, что «обелил» Ленина ошибочно, и горько в этом каялся[12].

[10] Ленин, т. 4, стр. 361-508.

[11] Еще в 1895 г. Лавров предсказывал эту эволюцию в мышлении Ленина. См. его статью «О программных вопросах», перепечатанную в сочинениях Ленина, т. 2, стр. 605-609.

[12] Ленин, т. 4, стр. 589 и 590; Кеер, стр. 136.

Натиск, сила воли и организаторское превосходство Ленина явно гипнотизировали его коллег и вынуждали их с ним соглашаться. Были и другие причины для абсолютного приятия ленинских взглядов. Во-первых, группа «Искры», бывшая вначале меньшинством среди теоретиков-эмигрантов, горела решимостью одолеть своих соперников, которые временно обладали полным превосходством. «Партийная демократия», «стихийность», «свобода дискуссии» — все эти лозунги муссировались именно «Рабочим делом». Страстное выступление против них было орудием исключительно ценным. Все остальное отступало на второй план. Далее, первые годы XX века в России были отмечены ростом конфликтов на производстве. Число рабочих, ежегодно участвовавших в стачках, по меньшей мере удвоилось с 1901 года по 1903 год. Революционные настроения ощущались повсюду, и странно было бы, если бы примыкавшие к «Искре» люди не приветствовали идей, выдвигавших на первый план именно революцию.

Волна забастовок была отчасти следствием общеевропейского экономического кризиса, отчасти же — реакцией на политику самодержавия. Перепуганное тем, что «экономические» требования бастующих начинали прибретать «политическую» окраску, самодержавие усилило репрессии. Это в свою очередь гнало рабочих дальше по пути к «политике». Произошли массовые студенческие беспорядки, а кое-где рабочие бастовали в знак солидарности со студентами. Студенты, исключенные из университетов, усиливали ряды революционеров-профессионалов, которых тут же вербовала «Искра». Недовольство охватило и людей свободных профессий, а также часть помещиков, промышленников и купцов; после 1905 года это недовольство породило прогрессивные партии среднего класса. Пока же эти люди оказывали поддержку революционным партиям. Социал-демократы уже давно получали бóльшую часть своих фондов в виде субсидий и пожертвований со стороны состоятельных людей. Наконец,

крестьянские волнения, всегда присущие России, тоже приобрели особо серьезный характер в 1902 году.

Все это брожение шло на пользу «Искре». Ее агенты вели энергичную и успешную работу, перетягивая на свою сторону существовавшие в России комитеты. Обычно они добивались этого путем раскола комитета на две группы — одну за, другую против «Искры». Со временем, в самый разгар революционного подъема, группа, противостоявшая «Искре», умерла естественной смертью, будучи не в состоянии состязаться ни с большими финансовыми и организационными возможностями искровских профессионалов, ни с их гораздо более притягательной политической линией. К июлю 1902 года комитеты «Искры» были уже созданы такими методами в Петербурге и в Москве, а к весне 1903 года за ними последовало и подавляющее большинство комитетов в стране.

Характерно, что дольше всего оказывали сопротивление промышленные центры, где зарождалось массовое рабочее движение (например, Иваново-Вознесенск)[13]. В некоторых случаях, даже когда интеллигенты энергично сопротивлялись и выдвигали требования партийной демократии, «Искра» добивалась своего, используя довод, согласно которому конспиративная организация в данных условиях необходима для успеха дела[14]. И все-таки «Искра» оказалась не в состоянии повлиять на Бунд, относившийся к нападкам с оттенком пренебрежительного превосходства. Большинство подпольных газет, сохранявших какую-то долю независимости от

[13] «Письма», стр. 70 и 71; материалы о характере кампании по захвату комитетов см. в письмах Ленина этого периода, Ленин, т. 28, стр. 47-288 и в «Ленинском сборнике», т. 8; см. также Вл. Акимов, «Материалы для характеристики развития Российской социал-демократической партии», Женева, 1905, стр. 68-70, и А. Н., «Через тысячи препятствий» в «Освободительном движении», № 1, Петербург, март 1906, стр. 49-62.

[14] Например, в Одессе: см. П. А. Гарви, «Воспоминания социал-демократа», Нью-Йорк, 1946, стр. 106-112.

«Искры», теперь прекратило свое существование. «Рабочая мысль» закрылась в декабре 1902 года, «Рабочее дело» — в феврале того же года («рабочедельцам» удалось выпустить еще три номера своей газеты под другим названием).

Несмотря на то, что «Искра» захватила в свои руки большинство комитетов, рабочее движение продолжало оставаться неорганизованным и независимым. Новые комитеты, уничтожившие и подменившие собой старые, в свое время часто срывали их попытки установить связь с рабочим движением. Интеллигенты из комитетов «Искры», несмотря на все свои теории, могли только следовать этой стихийной деятельности, а не вести ее. По собственным побуждениям, восставая против методов самодержавия, рабочее движение поворачивалось лицом к «политическим» требованиям и отворачивалось от требований «экономических», то есть, попросту говоря, становилось более революционным. Вскоре утрата связи между «профессионалами» и рабочими стала сказываться на практике. Случалось, что «профессионалы» призывали к забастовке или демонстрации, не встречая никакого отклика, или, наоборот, крупные забастовки вспыхивали без ведома «профессионалов».

Среди царских министров были дальновидные люди, понимавшие, что противодействие брожению одними только репрессиями (и иногда вынужденными законодательными уступками) чревато катастрофой. Князь Святополк-Мирский, будучи в то время «командиром отдельного корпуса жандармов», предупреждал после забастовок 1901 года, что с проблемой можно справиться, лишь устранив причины некоторых законных жалоб рабочих. А годом позже граф Витте настаивал на том, чтобы забастовки были узаконены по примеру всех культурных стран[15]. Но единственная серьезная попытка справиться с этой проблемой исходила от полиции; она

[15] См. М. Балабанов, «Очерк истории революционного движения в России», Ленинград, 1929, стр. 490 и 491.

приняла любопытную форму «полицейского социализма», обычно связываемого с именем С. В. Зубатова, с 1901 года начальника московского охранного отделения. Впервые зубатовщина была применена в 1901 году в Москве и в районах с особенно сильным влиянием Бунда. Позднее она применялась и в Петербурге. Система повсюду была одинаковой: рабочих поощряли устраивать выборные органы, стоявшие под контролем полиции и имевшие право выдвигать чисто экономические требования. Несмотря на растущую подозрительность и недовольство, которыми самодержавие реагировало на эти попытки, более предприимчивые и просвещенные полицейские чиновники даже организовывали забастовки. Многочисленные организации, которые полиция, естественно, стремилась держать в своих руках, пользовались успехом среди рабочих и объединяли вокруг себя огромные массы трудящихся. В то время как число членов подпольных организаций исчислялось десятками, поощряемые полицией общества насчитывали тысячи участников. Отчасти такие организации заменяли собой относительно крупные организации, уничтоженные «Искрой»; отчасти же рабочие просто предпочитали их подпольным организациям, принадлежность к которым была в лучшем случае связана с большим риском. Рабочие, входившие в поощряемые полицией организации, с возмущением отрицали, что они были каким-то образом агентами полиции, и утверждали, что, наоборот, они использовали полицию. В известном смысле они были правы. Во всяком случае, Плеве (Министр внутренних дел) соглашался с ними, когда после забастовочной волны в 1903 году внезапно уволил Зубатова. Все же, несколько позднее, движение, поощряемое полицией, было вновь организовано в Петербурге, где оно внесло прямой вклад в январский революционный взрыв 1905 года, возглавлявшийся агентом полиции[16].

[16] Хороший отчет о зубатовщине (с использованием обширного архивного материала) у Балабанова: «Очерк...», гл. XVI. Все опубликованные материалы собраны в магистерской диссертации Dimitry Pospelovsky, *The Legal*

«Экономисты» утверждали впоследствии, что зубатовщина, так быстро вырвавшаяся из-под полицейского контроля, ясно доказывала, как легко рабочие в России переходили от «экономических» к «политическим» требованиям. Но хотя это курьезное движение было, возможно, не столько полицейским трюком, сколько искренней попыткой более дальновидных полицейских чиновников навязать тупому самодержавию более просвещенную политику, оно, очевидно, снабжало «Искру» ценным оружием в борьбе против «экономистов». «Искра» имела теперь возможность утверждать, что, ограничиваясь экономическими требованиями, рабочие играют на руку полиции. Нетрудно также представить себе торжество редакторов «Искры», когда им в руки попал полицейский документ, рекомендующий брошюру Бернштейна как дозволенное чтение.

Ввиду незначительности I съезда 1898 года, а также раздоров внутри партии началось активное движение за созыв II съезда. Группа «Искры», естественно, старалась обеспечить себе большинство на таком съезде. Однако она не смогла предотвратить созыв съезда в Белостоке в апреле (марте) 1902 года. Представительность этого совещания была настолько урезана массовыми арестами накануне его открытия, что эмиссару «Искры» Дану не стоило большого труда уговорить антиискровское большинство присутствующих объявить съезд просто конференцией. Тем не менее Белостокская конференция избрала организационный комитет в составе трех лиц по созыву II съезда, но и этот комитет был выведен из строя арестами. Позднее, в ноябре 1902 года, Ленину удалось организовать новое совещание в

Trade Union Movement In Russia: the Police Socialism 1898-1903, 1967. Доводы Витте против зубатовщины, как против движения, которое может выйти из-под контроля, см. там же, стр. 523 и 524. О поощряемой полицией «Независимой еврейской рабочей партии», задуманной с целью уничтожить популярность Бунда, см. Бухбиндер в «Красной летописи», №№ 2, 3 и 4, и М. Рафес, «Очерки по истории Бунда», Москва, 1923, стр. 76-80.

Пскове, состоявшее почти целиком из искровцев. Псковская конференция избрала новый организационный комитет, в котором преобладали искровцы, и именно этот комитет провел всю подготовку к созыву II съезда, намеченного на лето 1903 года[17].

Готовясь ко II съезду, редакционная коллегия «Искры» провела весь 1902 год в обсуждении партийной программы. Поскольку дискуссия носила закрытый характер (документы, относящиеся к ней, были опубликованы только после 1917 года), весьма интересно узнать подлинные взгляды группы, которая неизменно старалась продемонстрировать свою сплоченность. Личные трения усложняли идеологические споры. Ленин закрепил теперь свое ведущее положение и не собирался уступать авторитету Плеханова. Плеханов же не выносил критики, и Вере Засулич неоднократно приходилось уговаривать его не обижаться. Участие в «Искре» молодого блестящего Троцкого, которого Плеханов не выносил, тоже не способствовало гармоничным отношениям. При формулировке программы следовало учесть три фактора, возникших после опубликования пересмотренного проекта программы первой плехановской группы «Освобождение труда» в 1887 году. Во-первых, зарождение подлинного рабочего движения и опыт, накопленный за первое десятилетие его существования. Во-вторых, пробуждение либералов. В 1902 году конституционалисты-земцы и либералы из среды интеллигенции договорились об общей программе, а в июле Струве начал издавать в Штуттгарте свой орган — «Освобождение»; возникновение либеральной партии или партий стало неизбежным. Наконец, в-третьих, в 1901 году старые народники поколения «Земли и воли», совместно с более молодыми людьми, образовали подпольную группу социалистов-революционеров; ее программа передачи всей земли в пользование крестьянам была гораздо более заманчивой, чем скудные

[17] Об обеих конференциях см. «КПСС в рез.», т. I, стр. 28-35, и «Письма», стр. 80.

уступки крестьянам в плехановском проекте социал-демократической программы 1887 года. Таким образом, на горизонте появились два серьезных соперника.

При обсуждении партийной программы было решено опустить несколько пунктов из проекта 1887 года. Одним из них было принципиальное одобрение в прежней программе террористических актов как средства борьбы против самодержавия. Этот пункт, включенный Плехановым, вопреки его убеждениям, по чисто тактическим соображениям, считался всеми партийными группировками несовместимым с социал-демократией. В другом пункте содержалось несколько утопическое требование «прямого народного законодательства». Оба пункта критиковались Лениным в его собственном проекте программы 1899 года[18].

В значительной степени споры 1902 года касались вопросов формулировок. Первый плехановский проект был забракован Лениным (и Мартовым) как документ, более пригодный «для курса лекций, а не для боевой партии». Плеханов, глубоко оскорбленный, взял обратно свой проект, а когда Ленин представил свой, он зловеще заявил о неизбежности «нового раскола», если этот проект будет принят. Благодаря миротворческой деятельности Веры Засулич и при поддержке Аксельрода второй проект Плеханова был принят в качестве основы для дискуссии, хотя Ленин этому противился. С некоторыми добавлениями он и был представлен съезду. Опять-таки с трудом предотвратила разрыв между Лениным и Плехановым Вера Засулич[19]. Проекты, обсуждавшиеся в

[18] См. Ленин, т. 2, стр. 505-528. Проект программы 1887 г. перепечатан там же, стр. 617-620.

[19] Проект программы в форме, согласованной редакторами «Искры», см. «Искра», № 21, 1 июня 1902 г. Программа в том виде, в котором она была принята (с небольшими поправками) съездом — см. «КПСС в рез.», т. I, стр. 37-43. Хороший отчет о дискуссиях см. в «Письмах», стр. 58-60, а многие из опубликованных там писем имеют прямое к ней отношение. Документы о споре см. «Ленинский сборник», т. II, стр. 15-170 и т. III, стр. 323-440.

1902 году, распадались на две части — на «программу-минимум», которая содержала требования партии, относящиеся к первой, буржуазной фазе революции, и состояла из основных гражданских и общественных реформ, и на «программу-максимум», излагавшую цели социальной или пролетарской революции. «Программа-минимум» споров не вызывала. Характерно, что они возникли в связи с «программой-максимум».

Не все споры вызывались личными столкновениями. Вероятно, более глубокие причины предстоявшего раскола русской социал-демократии следует искать в теоретических разногласиях по поводу целей социальной революции, которые выявились в ходе споров. По мнению Плеханова, капитализм в России «все более и более *становится* преобладающим способом производства». Ленин же настаивал на том, что капитализм «уже стал преобладающим»[20]. Суть этого различия заключалась в том, что если капитализм еще не стал преобладающим, то, по марксистской теории, совместные действия пролетариата и буржуазии против самодержавия оставались возможными и желательными. По ленинской формуле, которая и была принята в окончательном проекте, уже наступило время для борьбы одновременно на два фронта — против капитализма и против самодержавия. Логическим следствием принятия этой формулы был отказ от «буржуазной» фазы революции, несмотря на то, что в России еще не было гражданских и политических свобод, — другими словами, отказ от «буржуазного» этапа, в течение которого пролетариат осуществлял бы гегемонию над либеральными партиями, а также немедленная подготовка социальной революции.

Лучшее обсуждение теоретических разногласий — Кеер, стр. 140-150, которому я многим обязан.

[20] Ленин уже с 1893 г. придерживался мнения, что капитализм существует в России. См. его три письма М. М. Маслову от 1893 и 1894 г.г., Ленин, т. 46, стр. 1-6.

То, что Ленин имел в виду именно это (даже если остальные редакторы этого еще не понимали), становится очевидным при изучении других пунктов спора, в особенности дискуссии о «диктатуре пролетариата». Это выражение было первоначально включено Плехановым в его первый проект «программы-максимум». Ни одна другая из существовавших социал-демократических программ не содержала этого выражения, но оно полностью соответствовало марксистской догме, и его исключение из Готской программы критиковалось самим Марксом. По мнению Маркса, эта диктатура должна предшествовать окончательному историческому этапу, к началу которого пролетариат уже обладал бы подавляющим большинством. В крестьянской стране перспектива была весьма отдаленной, и поэтому Плеханов имел в виду, что «диктатура пролетариата» будет осуществляться при поддержке мелких землевладельцев-крестьян и совместно с ними. Ленин категорически восставал против этого. Он соглашался — и очень охотно — включить в «программу-минимум» требования, которые пришлись бы крестьянам по душе. Но для Ленина крестьянин оставался реакционным элементом, противником социализма. По его мнению, незачем было бы и говорить о диктатуре пролетариата, если бы существовала возможность поддержки пролетариата «мелкобуржуазным» крестьянством. Он писал: «Чем больше в практической части проявляем мы «доброты» к мелкому производителю (напр., к крестьянину), тем «строже» должны быть к этим ненадежным и двуличным элементам в *принципиальной* части программы, ни на иоту не поступаясь своей точкой зрения». Если крестьянин откажется принять пролетарскую точку зрения, то «тогда мы при диктатуре скажем про тебя (крестьянина): нечего слов тратить по-пустому, где надо власть употребить (...)». Вера Засулич написала на полях: «Над миллионами-то! Попробуй-ка!»[21]. Тем временем Ленин настаивал, что «*в*

[21] «Ленинский сборник», т. 2, стр. 83, прим. Ср. взгляды Ленина на диктатуру пролетариата — Ленин, т. 12, стр. 183-189, в статье: «Марксизм и

первую очередь надо отмежеваться, сосредоточиться *исключительно* на одном только пролетариате, а потом уже объявить, что пролетариат освободит всех». Модель будущей диктатуры коммунистической партии уже проглядывала в этих словах, как и в словах об осуществлении пролетарской диктатуры над крестьянством. Понимали они это или нет, но Плеханов, Потресов и Аксельрод (позиция Мартова была менее определенной) все еще мыслили категориями двухступенчатой революции — сначала буржуазной, а потом социалистической. Ленин же, может быть и подсознательно, уже предвидел непосредственную социалистическую революцию.

Проект программы, предложенный съезду и принятый им без существенных поправок, начинался с анализа растущих противоречий в буржуазном обществе между эксплуататорами-капиталистами и эксплуатируемой массой. Это противоречие может быть разрешено только посредством социальной пролетарской революции, которая «уничтожит деление общества на классы». Диктатура пролетариата — «необходимое условие» этой революции для подавления сопротивления эксплуататоров. В России, где капитализм уже стал «господствующим способом производства», непосредственная цель партии состоит в низвержении царского самодержавия и в замене его демократической республикой. Затем следовал ряд требований реформ, которые должна была провести демократическая республика: политические и социальные свободы, всеобщее образование, самоопределение наций, выборность судей, отделение церкви от государства, замена регулярной армии всеобщим вооружением народа. Выдвигались также требования радикального улучшения условий труда для рабочих и некоторых уступок крестьянам

ревизионизм» (1908), в которой он утверждал, что полная «пролетаризация» не нужна в качестве предпосылки для пролетарской революции, но что ее отсутствие сделает необходимым «нанесение решительных ударов врагу».

«в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне»[22].

Когда II съезд собрался в Брюсселе 30 (17) июля 1903 года, между Лениным и его коллегами по «Искре» возникли серьезные теоретические разногласия. Но Ленин всегда придавал гораздо большее значение вопросам организации, чем теории. Что же касается организации, то общее единодушие насчет того, что руководить партией должна «Искра», было налицо. Однако, как показали события, Ленин ошибался, предполагая такое же единодушие в вопросе о том, что руководить «Искрой» должен он. Как Ленин писал в сентябре 1902 года, Центральный Комитет и центральный орган («Искра») должны в интересах единства состоять из «вполне спевшихся между собою людей»[23].

Но центральный орган находился в эмиграции, а Центральный Комитет — в России. Кто из них должен быть вышестоящим органом? На этот счет у Ленина никаких сомнений не было. Съезд дал ему возможность осуществить свои намерения — но ценой раскола в партии.

Хотя делегаты съезда были тщательно отобраны, в их числе находилось несколько человек, на которых нельзя было положиться, ибо эти люди не собирались поддерживать «Искру» во всем. Основы представительства были установлены в Пскове в ноябре. Всего присутствовало 57 делегатов, но правом голоса обладало только 43. Аксельрод, Вера Засулич и Потресов как представители газеты, а не организации, голосовать не могли. Так как восемь из сорока трех делегатов имели по два голоса, число решающих голосов составляло 51. Из этого общего числа пять принадлежало

[22] См. «КПСС в рез.», т. I, стр. 37-43; текст проекта, представленного съезду, см. в «Искре», № 21, 1 июня 1902 г. Единственное различие между двумя этими документами заключается в добавлении к принятой программе требования выборности судей и внесении нескольких поправок в законодательство об улучшении условий труда.

[23] Ленин, т. 5, стр. 180.

Бунду — в резком несоответствии с численностью Бунда по сравнению с очень небольшой русской партией. Отношения Бунда с «Искрой» были натянутыми. Бунд не собирался подчиняться «Искре», и его исключение на съезде было делом предрешенным[24], поскольку все 46 «русских» голосов, несомненно, были бы поданы против Бунда, стремившегося сохранить свою автономию, предоставленную ему I съездом[25]. Что касается других вопросов, то два голоса из 46 представляли эмигрантскую группу «Рабочее дело» — Заграничную Лигу русских социал-демократов, из которой Ленин и его последователи вышли в октябре 1901 года, и один голос — небольшую, все еще существовавшую антиискровскую организацию в Петербурге. Еще два голоса представляли группу, известную под именем «Южный рабочий», которая в какой-то мере сотрудничала с «Искрой», однако в прошлом проявляла тенденцию к независимости в организационных вопросах. Тем не менее «Искра» могла надеяться на большинство, по крайней мере, в 41 голос против десяти — при условии, что все искровцы будут голосовать на одной стороне. Хотя вначале ходили слухи о разногласиях по организационным вопросам, ранняя стадия съезда (три первых заседания ушли целиком на несущественные процедурные споры) не давала оснований для тревоги. В начале прений по программе не было видно признаков разногласий, и статья за статьей принимались значительным большинством. Один из «экономистов» — делегатов «Рабочего дела», — Мартынов, подверг уничтожающей критике теорию Ленина о том, что рабочие, будучи предоставлены сами себе, без помощи интеллигенции не могут добиться ничего иного, кроме тред-юнионизма. Он утверждал, что это противоречит основополагающему тезису

[24] См., например, письмо Ленина одному из членов организационного комитета Е. М. Александровой в мае 1903 г., «Ленинский сборник», т. VIII, стр. 355 и 356. Ср. «Протоколы», т. II, стр. 48.

[25] «Русский» в данном контексте используется в региональном, а не в этническом смысле.

Маркса и Энгельса, согласно которому всякая классовая борьба является борьбой политической. Но Мартынов никого не перетянул на свою сторону. В конце концов программа была принята в целом при одном воздержавшемся (Акимов).

И все же на шестнадцатом или семнадцатом заседании стало ясно, что искровское большинство потеряло свою монолитность. Несколько голосований, закончившихся с очень небольшим перевесом, показали, что некоторые искровцы голосовали вместе с Бундом, с «экономистами» и с группой «Южный рабочий» против Ленина. Если даже признать, что в ряде случаев голоса разделялись по принципиальным мотивам, то все же главную причину разрыва следует искать в ином. Наиболее правдоподобное объяснение состоит в том, что ленинские замашки быстро восстановили против него всех делегатов, кроме самых верных его приспешников. За кулисами съезда шла лихорадочная деятельность в виде серии частных совещаний, созывавшихся Лениным; слухи о таких конфиденциальных встречах, несомненно, ходили среди делегатов. На этих совещаниях Ленин обсуждал со своими ближайшими сотрудниками санкции против двух делегатов, не проявивших достаточной «твердости» в начале съезда. Открыто восставая против Ленина, эти двое настаивали на допущении на съезд в качестве участника без права голоса Д. Б. Рязанова (Гольденбаха), представлявшего небольшую литературную группу «Борьба». В свое время (в 1901 году) «Борьба» навлекла на себя гнев Ленина, пытаясь посредничать между двумя враждовавшими эмигрантскими группами. Сам Рязанов сурово раскритиковал проект партийной программы в специально написанной брошюре, возлагая вину за ее недостатки на Ленина. Но Рязанов был образованным ученым-марксистом, его избрала делегатом одесская группа, хотя агентам «Искры» и удалось объявить выборы недействительными. Поэтому предложение допустить Рязанова, поддержанное организационным комитетом, было вполне разумным. Ленин обнаружил теперь с неприятным удивлением, что существует резкий водораздел между «твердыми» и

«мягкими» искровцами («твердость» и «мягкость» стали впоследствии главными критериями Ленина при оценке членов партии). На частных совещаниях к «твердым» принадлежали сам Ленин, его брат, его жена, Плеханов и такие стойкие подпольщики, как Р. С. Землячка, Н. Э. Бауман, П. А. Красиков и двое других; к «мягким» же причислялись Мартов, Дейч, Троцкий, Аксельрод, Засулич, Крохмаль и Потресов[26].

Раскол среди искровцев проявился полностью только на двадцать втором заседании, когда началось обсуждение организационного устава партии, включавшего также и порядок осуществления партийного контроля. До тех пор Мартов голосовал вместе с Лениным по всем пунктам программы; теперь же он перешел на другую сторону. Случилось это при обсуждении статьи первой проекта Устава, определявшей понятие членства. Ленинский проект провозглашал, что членом партии считается «всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Проект Мартова тоже предусматривал признание программы и материальную поддержку в качестве условий членства, но распространял членство на всякого, «оказывающего партии регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций». До тех пор проект Устава не обсуждался руководителями партии. За месяц или два до съезда Мартов послал свой проект Ленину, и тот не высказал

[26] Об этих четырех частных совещаниях см. «Протоколы» (Институт Маркса-Энгельса-Ленина), т. II, стр. 532, с подстрочным примечанием редакторов стенограммы съезда. См. также ленинский рассказ, написанный вскоре после съезда, в «Ленинском сборнике», т. VI, стр. 220-249. И Ленин и редакторы, отчет которых гораздо более детален, но которые не указывают источников своей информации, связывают раскол по статье 1 непосредственно с делом Рязанова. Рязановская критика программы — см. «Материалы для выработки партийной программы» (вып. II и III), Женева, 1903.

существенных возражений[27]. Различие между обеими формулировками в русских условиях имело скорее академический характер. Много воды должно было утечь, прежде чем партия могла бы добиться регулярного членства в обычном смысле слова — в отличие от сети подпольных агентов. Конечно, ленинская формулировка предполагала гораздо более жесткий контроль над членами партии и, следовательно, подавление их личных воззрений. Но подлинное значение спора заключалось в расколе, который он вызвал. Ленинская версия была отвергнута 28 голосами против 23, причем Плеханов поддержал Ленина. Группа Мартова включала делегатов Бунда и двух «экономистов». Эти семь голосов давали Мартову большинство, обеспечивавшее ему полное господство на съезде. Последовал ряд стычек по отдельным, сравнительно маловажным статьям Устава, причем Мартов, теперь уже твердо противостоявший Ленину, неизменно одерживал верх с незначительным перевесом.

Положение изменилось на двадцать седьмом заседании, когда начались прения по отчету назначенной съездом комиссии, разбиравшей вопрос о статусе Бунда. Вопрос был старый: Бунд стремился сохранить свою автономию по проблемам, касающимся еврейского пролетариата; комиссия же отражала единодушный взгляд русских членов (среди которых было много евреев), согласно которому Бунд должен быть поставлен под контроль «Искры». Сорока одним голосом против пяти при пяти воздержавшихся съезд отверг требование Бунда об автономии, и вскоре после этого все пять бундовцев покинули съезд. В ходе прений о Бунде выбыло еще два делегата: «экономисты» заявили, что ввиду признания съездом искровской Лиги русской революционной социал-демократии единственным представителем партии за границей, их присутствие более не оправдано, так как организации, ко-

[27] «Протоколы 2-го, очередного съезда Заграничной Лиги русской революционной социал-демократии», под ред. И. Лесенко и Ф. Дана, Женева, 1904, стр. 58 и 59; Ленин, т. 6, стр. 190 и 191.

торую они представляли, уже не существует. Таким образом, Мартов потерял разом семь голосов. Он сам голосовал и против Бунда и против «экономистов» — красноречивое доказательство того, что никакого сговора между ним и несогласными делегатами не было. После ухода семи делегатов общее число голосов сократилось до 44. Из них в руках Ленина было теперь большинство — 24.

Ленин немедля использовал это преимущество. Его цель состояла в обеспечении эффективного контроля над партийными органами и тем самым над партией. Съезд уже принял решение о структуре партийного контроля. Устав партии учреждал Центральный Комитет в составе трех членов, действующий в России, и назначал «Искру» центральным органом партии в области идеологического руководства. Над ними должен был стоять Совет партии, состоящий из пяти членов, двое из которых назначались Центральным Комитетом, двое — центральным органом, а пятый избирался съездом. Избрание съездом Плеханова в Совет партии было делом решенным; Плеханов все еще поддерживал Ленина. Ленин мог быть уверенным в том, что ему удастся провести своих людей в Совет партии только в том случае, если он сможет обеспечить себе большинство в ЦК и в редакционной коллегии ЦО (центрального органа) партии, то есть «Искры». Состоялся ряд частных совещаний ленинского «блока» в составе 24 человек, на которые группа Мартова не допускалась. Пытаясь ликвидировать раскол, Мартов выдвинул компромиссный список кандидатов для выборов в ЦК Один из сторонников Ленина С. И. Гусев, по-видимому, воспользовался этим, чтобы распространить сфабрикованный список, якобы исходивший от группы Мартова и состоявший из имен явно слабых и колеблющихся кандидатов, в целях дискредитации Мартова[28].

[28] См. Л. (Ю.) Мартов, «Об одном недостойном поступке. (Ответ Ленину, Лядову и Ко.)», Женева, 1904, где приведено заключение товарищеского суда, разбиравшего этот случай. См. также Ленин, т. 6, стр. 56, 223 и 224.

Обладая теперь прочным большинством в 24 голоса против 20, Ленин обеспечил принятие своего списка кандидатов в ЦК из трех лиц.

Большую трудность представляла редакционная коллегия, так как общее мнение сводилось к тому, что будет переизбираться старая шестерка, представлявшая собой интеллектуальную элиту партии. Четверо из этой шестерки — Мартов, Потресов, Аксельрод и Засулич теперь вряд ли поддержали бы Ленина. Исключив трех из числа этих враждебных ему членов — Потресова, Аксельрода и Засулич, Ленин мог бы добиться такого положения, когда двумя представителями «Искры» в Совете партии стали бы автоматически он сам и Мартов. Из пяти членов Совета партии он мог полагаться на Плеханова и на двух членов, назначаемых Центральным Комитетом; Мартов, таким образом, оказался бы в меньшинстве, противостоя остальным четырем членам Совета.

Предложение Ленина об ограничении редакционной коллегии «Искры» Плехановым, Мартовым и им самим было само по себе вполне разумным, так как именно эти трое проявили себя в прошлом наиболее активными редакторами. Но тактика Ленина при выборах партийных органов была теперь ясна всем и вызывала гнев и враждебность. Для подкрепления довода, что редакционная коллегия «Искры» функционировала бы наилучшим образом, если бы состояла из Плеханова, Мартова и его самого, Ленин утверждал, что Мартов частным образом дал свое согласие на это предложение. Такое заявление впутывало Мартова в ленинскую интригу против Аксельрода, Засулич и Потресова; оно возмутило Мартова, который отрицал его с почти истерической страстностью[29]. Инцидент чуть не привел к открытому разрыву

[29] Для подкрепления своих доводов Ленин размахивал листом бумаги, якобы содержавшим соглашение с Мартовым; но, когда много лет спустя, этот документ был опубликован, оказалось, что Мартов соглашался только с процедурой выборов, но не предрешал сокращения редакционной коллегии «Искры» до трех членов: съезд избирает трех (не названных по имени) членов

между Лениным и Мартовым и был улажен путем обмена письмами, в которых оба признавали, что «не поняли» друг друга. Но Мартов так никогда и не простил Ленину поступка, который он считал вероломством. Когда в конце концов Плеханов, Ленин и Мартов были избраны членами редакционной коллегии, отказ Мартова участвовать в ней был делом предрешенным. При этих выборах, как и при выборах ЦК, Мартов и его сторонники, обладавшие двадцатью голосами, воздержались. Выборы были проведены ленинским блоком, состоявшим из двадцати четырех делегатов, причем остальные от голосования воздержались. Восемь из четырнадцати не голосовавших делегатов солидаризировались с группой Мартова[30]. Членами ЦК были выбраны Г. М. Кржижановский, Ф. В. Ленгник и В. А. Носков (Глебов) — все верные сторонники Ленина, игравшие активную роль при подготовке II съезда. После этих бурных событий съезд закончился на более мирной ноте. Мартов объявил, что, несмотря на все происшедшее, «решения съезда законны»[31], и ряд резолюций по политическим вопросам был принят в более спокойной атмосфере.

Таково было большинство, на основании которого Ленин и его последователи отныне называли себя «большевиками» и приклеивали своим оппонентам ярлык «меньшевиков». Использовавшиеся сначала в кавычках, эти термины вошли в обиход партии уже в следующем году. Тактическую наивность Мартова и его единомышленников характеризует тот факт, что они принимали эту вредную для них кличку, даже когда их сторонники обладали большинством в отдельных партийных организациях.

ЦК и трех других в редакционную коллегию; эти шесть лиц затем кооптируют остальных членов, «если это необходимо». См. «Ленинский сборник», т. VI, стр. 60 и 65. Но хотя этот документ и не содержал того, что тогда утверждал Ленин, последний, возможно, думал, что получил устное согласие Мартова. См. Ленин, т. 6, стр. 42.

[30] «Протоколы», II, стр. 359-384. Имена членов ЦК не были оглашены по соображениям безопасности.

[31] Там же, стр. 386.

Ленин, уделявший значительную полемическую энергию анализу съезда, впоследствии объяснял раскол самым различным образом: то он говорил, что раскол был целиком вызван интригой «оппортунистов», возглавляемых Мартовым и поддерживаемых Бундом и «экономистами» для захвата большинства, то утверждал, что все это было пошлой борьбой Мартова за места в партийных органах, то писал, что это были принципиальные разногласия, касающиеся глубоких корней партийной философии, и ссылался на споры по статье 1 Устава партии. Со своей стороны Мартов приписывал раскол неутолимой жажде власти Ленина. Верно, что между Лениным и его коллегами по редакции «Искры» существовали важные теоретические разногласия. Их выявили дискуссии 1902 года. Но в самом инциденте, вызвавшем раскол, трудно обнаружить что-либо принципиальное. Все искровцы, в том числе и будущие меньшевики, были полностью скомпрометированы своим согласием с ленинскими диктаторскими принципами партийной организации. Во всяком случае, Мартов так же, как и Ленин, не имел ни малейшего намерения разрешать партийным организациям развиваться на демократических началах. Мартов и его сторонники травили Бунд и других несогласных на съезде с тем же пылом, что и Ленин. Кроме того, поскольку диктатура сверху донизу была принята в качестве организационного принципа, таким диктатором логически мог стать только Ленин. «А кто еще? — спросил Ленин одного из своих приятелей несколькими месяцами позже. — Плеханов? Но при всей своей учености он не в состоянии организовать что-либо. Мартов? — Прекрасный журналист, но истеричный интеллигент, которого надо все время держать под присмотром. Аксельрод? Засулич? Ведь это же курам насмех»[32]. Последующая история русской социал-демократии показала, что ленинская оценка практических способностей его коллег не была столь уж неверной.

[32] Н. Валентинов, «Встречи с Лениным», Нью-Йорк, 1953, стр. 167 и 168.

3. ЛЕНИН ПРОТИВ «ИСКРЫ». РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА

Попытки выйти из тупика, в который зашли руководители партии по вопросу о составе редакционной коллегии «Искры», начались сразу же после съезда. Ленин, Плеханов и Носков (единственный член вновь созданного Центрального Комитета, находившийся тогда вне России) предложили восстановить первоначальную редакционную коллегию из шести лиц, но при условии, что Ленин будет одним из двух представителей редакционной коллегии в Совете партии, состоявшем из пяти членов. Это предложение, дававшее Ленину в Совете преимущество четыре к одному (Плеханов и оба представителя ЦК), было отвергнуто. Дальнейшие переговоры между обеими фракциями в начале октября (к большевикам теперь присоединился Ленгник, прибывший из России) оказались столь же бесплодными: Ленин и Плеханов отказались кооптировать более двух членов старой редакции[1]. Как видно из письма к члену ЦК Кржижановскому, Ленин начал готовиться к решающей битве. Задача, писал он, состоит в том, чтобы не пускать мартовцев в местные комитеты и, прежде всего, раздобыть деньги, так как оппозиция Мартова отняла у партии два крупнейших источника их поступления[2].

[1] Об этих переговорах см. «Письма», стр. 89 и 90; другие материалы о переговорах напечатаны в «Ленинском сборнике», т.т. VI и VII.

[2] См. Ленин, т. 28, стр. 296, датировано второй неделей сентября 1903 г.

Тем временем оппозиционеры на совещании в Женеве разработали линию своей будущей политики. Они собирались взять на себя организаторскую работу на местах и через местные организации воздействовать на центральные учреждения партии, бойкотировать центральный орган «Искру», пока не будет восстановлен старый состав редакции, и с разрешения (или даже без разрешения) Центрального Комитета продолжать свою деятельность в качестве литературной группы[3].

Большинство эмигрантов поддерживало Мартова. Это стало ясным к концу октября 1903 года, когда искровская Заграничная Лига русской социал-демократии собралась на свой Второй съезд. ЦК повел атаку, пытаясь навязать Лиге новый Устав и тем самым подчинить Лигу себе. Последовали бурные и желчные прения, которые продемонстрировали, сколь глубоко ленинская тактика уязвила его бывших коллег, особенно Мартова. Когда собрание приняло вотум недоверия Ленину, Ленгник от имени ЦК объявил съезд незаконным, и большевики демонстративно покинули зал[4].

Это переполнило чашу терпения Плеханова. В тот же вечер он объявил Ленину о своем намерении использовать право кооптации и восстановить старую редакционную коллегию «Искры». Плеханов угрожал уходом, если Ленин на это не согласится. Может быть, Ленин совершил ошибку, подав сам в отставку. Впрочем, Мартов был, вероятно, прав, когда писал позднее, что авторитету Ленина был бы нанесен непоправимый ущерб, если бы он оказался единственным редактором «Искры» без Плеханова. После этого Плеханов предпринял неудачную попытку прийти к какому-либо соглашению с ЦК, один из членов которого, Кржижановский, был настроен менее непримиримо, чем Ленин. Попытка прийти к компромиссному решению, предпринятая в самый

[3] Воспроизведено с рукописи, написанной отчасти рукой Мартова, отчасти рукой Троцкого, в «Письмах», стр. 94-96.

[4] О работе съезда см. «Протоколы 2-го очередного съезда Заграничной Лиги русской социал-демократии», Женева, 1904.

последний момент Центральным Комитетом по инициативе Ленина 25 ноября 1903 года, была отвергнута оппозицией, подозревавшей, что это предложение — просто ловушка. 26 ноября Плеханов кооптировал всю старую редколлегию. Впоследствии Плеханов объяснял свой крутой поворот тем, что он действовал в интересах мира в партии, но, возможно, личные соображения тоже играли важную роль в его решении. Хотя публично он стойко поддерживал Ленина, даже на октябрьском съезде Заграничной Лиги, ему давно уже было явно не по себе от радикальных воззрений и тактических приемов Ленина, а может быть, он просто боялся остаться один на один с таким компаньоном.

Ничто теперь не мешало потоку обвинений и упреков. Бывшие союзники Ленина теперь изливали на бумаге то, что до сих пор они терпели молча. В циркулярном письме местным комитетам редакторы «Искры» объясняли по-своему причины раскола в партии: несмотря на соглашение о необходимости «создать сильную централизованную партийную организацию», Ленин якобы пытался предоставить «огромные полномочия» определенным лицам с тем, чтобы обеспечить верховную власть «твердым» искровцам. В письмах указывалось, что большинство редакционной коллегии противилось таким шагам, так как это привело бы к подчинению комитетов в России эмигрантам и предотвратило появление подлинных руководителей в России из-за создания системы приказов сверху и слепого повиновения снизу[5]. Плеханов писал раздраженные статьи о ленинском «бонапартизме» и о том, «чего не делать». Мартов выпустил брошюру об «осадном положении» в партии[6]. Но обвинений

[5] Н. Шахов, «Борьба за съезд. Собрание документов». Женева, 1904, стр. 14-19; «Ленинский сборник», т. VII, стр. 257, 267.

[6] «Искра», № 52 от 20 (7) ноября 1903 г. и № 65 от 14 (1) мая 1904; Л. Мартов, «Борьба с «осадным положением» в Российской социал-демократической рабочей партии. С приложением писем Н. Ленина, Г. Плеханова и Ф. Дана. (Ответ на письмо Ленина)», Женева, 1904 г.

и упреков было недостаточно: вся редакция «Искры», как теперь признавали и ее члены, скомпрометировала себя, приняв ленинскую линию, — и во время борьбы против «экономистов» и в предсъездовской борьбе по захвату местных комитетов. Ранние ростки массовой партии были принесены в жертву централизованному контролю. Если группа «Искры» порывала теперь с Лениным, ей следовало пересмотреть заново весь вопрос отношений центральной организации партии как с местными комитетами, так и с массовым рабочим движением.

За эту задачу взялся Аксельрод в конце 1903 — начале 1904 годов. Он утверждал, что «Искра» ошибалась с самого начала, преклоняясь перед централизмом, и что, пытаясь бороться с «экономистами», она ударилась в другую крайность. Интеллигенты-профессионалы, идеализируемые Лениным, на самом деле были ничем иным, как радикальной буржуазией, вроде якобинцев. Пролетарской партии в России еще нет, и задача социал-демократии состоит в ее создании. Но этого нельзя достичь механически — путем вытеснения интеллигентов и замены их рабочими. Задача, стоящая перед социал-демократами, заключается в оказании помощи рабочим-партийцам для достижения ими полной независимости и развития политической сознательности, так как в партии с более широкой основой, которая возникнет в результате такой деятельности, потребность в руководстве со стороны интеллигенции отпадет сама собой[7]. Не столь успешны были предложения «Искры» в области конкретных шагов по демократизации партии. Аксельрод признавал, что централизованная дисциплина необходима, пока остается незыблемым русское самодержавие. Один автор писал, что «централизм» и

[7] «Объединение Российской социал-демократии и ее задачи», «Искра», № 55 от 28 (15) декабря 1903 г. и № 57 от 28 (15) января 1904 г. См. также предисловие к «Рабочему»: «Рабочие и интеллигенты в наших организациях. С предисловием П. Аксельрода». Женева, 1904.

«демократия» вовсе не несовместимы, вводя таким образом формулу, впоследствии ставшую в руках Ленина печально знаменитой. Но он не объяснял, как могут быть согласованы эти два явно несовместимых понятия. Практически в этот период не было большой разницы в степени демократии между комитетами, контролируемыми большевиками и меньшевиками, несмотря на все их споры. Все же в соответствии с новыми, более либеральными взглядами на партийную дисциплину, за которые теперь ратовала «Искра», Плеханов пригласил сотрудничать в «Искре» Мартынова и других, считавшихся до того времени еретиками. В то же время как Плеханов, так и Мартов взяли назад свои старые нападки на «Рабочее дело»[8]. Но «Искра» не ограничивалась очисткой своей совести. 9 февраля (27 января) 1904 года разразилась русско-японская война. Война эта была крайне непопулярна среди всех слоев населения, и «Искра» вела энергичную кампанию, печатая и распространяя тысячи листовок через свои подпольные организации в России[9]. Ленин оказался прав: его оппоненты обладали подавляющим перевесом в финансовом отношении и поэтому оказывали давление на ЦК, находившийся в руках большевиков; они имели право отказаться — и отказались — передать партийные фонды в распоряжение ЦК[10]. Формальное право отказа в фондах объяснялось тем, что Плеханов совместно с Мартовым и Аксельродом, назначенными теперь представителями «Искры» в высшем партийном органе, Совете партии, обладали там большинством. Таким образом, тактика

[8] «Рабочие и интеллигенты», стр. 6; Череванин (инициалов нет), «Организационный вопрос. С предисловием Л. Мартова». Женева, 1904, стр. 28 и 29.

[9] «Социал-демократические листовки, 1894-1917 г.г. Библиографический указатель». Том I, «Листовки центральных учреждений и заграничных организаций». Под ред. Б. П. Бирмана, Г. И. Крамольникова и П. Г. Сенниковского. Составлено библиотекой Института Ленина, Ленинград, 1931, стр. 129-196.

[10] См. «Ленинский сборник», т. VIII, стр. 119, 124-126, 129; «Письма», стр. 101, 109-111.

Плеханова подрывала позиции Ленина и обесценивала его победу на II съезде. Ленин не медля перешел в контратаку. Первоначально он замышлял взять в свои руки центральный орган и его типографию «революционным путем», но ЦК отказался санкционировать такой шаг[11]. Тогда Ленин обратился к более «конституционным» методам. После разрыва с Плехановым Ленин был кооптирован в ЦК. План его состоял теперь в том, чтобы перетянуть на свою сторону достаточное число местных комитетов в России для созыва нового партийного съезда, который дал бы ему контроль над всеми органами партии. Этот план натолкнулся на серьезные трудности, поскольку ЦК, несмотря на свой чисто большевистский состав, отказался поддерживать его. (По своему составу ЦК был теперь несколько иным, чем в конце 1903 года[12]). Члены Комитета, угнетенные перспективой расходов и трудностей, связанных с созывом нового съезда партии, предпочитали искать решение в форме какого-то соглашения с меньшевиками. На протяжении 1904 года отношения Ленина с ЦК (формально он все еще состоял его членом) в ходе многомесячной язвительной переписки становились все более натянутыми и к лету Ленин был фактически вытеснен из Центрального Комитета. К июлю 1904 года ЦК встал на путь компромисса с «Искрой»: в заявлении, опубликованном в «Искре», он признавал неоспоримый авторитет и законность редакционной коллегии, выражал сожаление о раздорах в партии, подтверждал свое несогласие с созывом нового съезда, порицал агитацию за съезд и предлагал Ленину вернуться в редакционную коллегию. Собрание в Женеве, представлявшее обе партийные группировки, приветствовало это заявление

[11] «Ленинский сборник», т. VII, стр. 277 и 278.

[12] К концу 1903 г. Центральный Комитет, помимо Ленина и трех первоначально избранных членов, включал Р. С. Землячку, Л. Б. Красина, Л. Е. Гальперина, М. Эссена и Г. Гусарова. Но Кржижановский вышел из ЦК весной 1904 г., а Землячка и Гусаров — летом.

подавляющим большинством голосов, несмотря на протест и демонстративный уход из зала одного из большевиков. В следующем месяце ЦК осуществил свои принципы на практике, кооптировав трех меньшевиков[13]. К октябрю 1904 года была создана объединенная комиссия из представителей «Искры», ЦК и Заграничной Лиги для всей технической деятельности партии, хотя редакторы «Искры» все еще не хотели отказываться от контроля над фондами, остававшимися в их распоряжении[14].

Ленин, однако, предвидел «капитуляцию» ЦК и не сидел сложа руки, когда все это происходило. В течение одного лишь 1904 года, с помощью неутомимой Крупской в Женеве и группы новых подручных в России, он фактически восстановил дисциплинированную сеть своих последователей, расстроенную было расколом. На ЦК, членом которого он формально оставался, полагаться было нельзя. Устав партии, принятый на II съезде, предусматривал, что Совет партии обязан созвать съезд, если того требуют местные комитеты, в совокупности представляющие более половины возможного числа голосов на съезде. В течение большей части 1904 года новые агенты Ленина лихорадочно работали над тем, чтобы всеми правдами и неправдами перетянуть на свою сторону необходимое большинство голосов. Вскоре ленинская «партия», состоявшая из одного человека, начала выпускать брошюры без санкции ЦК. Правой рукой Ленина в этом издательском начинании, осужденном Центральным Комитетом 1 сентября 1904 года, был В. Бонч-Бруевич, один из немногих ленинских подручных, который и впоследствии был тесно связан с Лениным. Сам Ленин издал брошюру «Шаг вперед — два шага назад», в которой категорически

[13] Е. Александрову, В. Крохмаля и В. Розанова.

[14] «Искра», № 72, от 25 (12) августа 1904 г.; «Краткий отчет о собрании членов Российской соц.-дем. рабочей партии 2-го сентября 1904 г. в Женеве», Женева, 1904, стр. 1; «Письма», стр. 109-111.

отвергал опасения Аксельрода о чрезмерном влиянии интеллигентов. Отвечая на обвинение в том, что сам он якобинец, Ленин заявлял: «Якобинец, неразрывно связанный с *организацией* пролетариата, *осознавшего* свои классовые интересы, — это и есть *революционный социал-демократ*». Человек, боящийся диктатуры пролетариата или конспиративной организации и вздыхающий о демократических свободах — «это и есть оппортунист»[15]. К концу 1904 года Ленин уже мог начать издание новой, конкурирующей с «Искрой», газеты «Вперед»[16].

Вся эта деятельность требовала денег. В соответствии с Уставом ЦК получал их в виде взносов местных партийных комитетов. Ленин мог изымать некую толику из взносов, которые обязаны были платить в ЦК поддерживающие его местные комитеты партии. Но суммы эти были совершенно ничтожны; приходилось искать частных жертвователей[17]. В августе 1904 года Ленин созвал в Женеве конференцию своих сторонников и агентов, которая на деле превратилась во второй «Центральный Комитет». Конференция огласила заявление, требовавшее созыва III съезда. По сути дела это был пропагандистский маневр; даже в марте 1905 года Ленин в частном письме выражал сомнение насчет того, высказалась ли предписанная Уставом половина комитетов за съезд[18].

[15] Ленин, т. 6, стр. 303.

[16] Первый выпуск появился 4 января 1905 г. (22 декабря 1904 г.). Газета редактировалась Лениным, А. А. Богдановым, М. С. Ольминским, В. В. Воровским и А. В. Луначарским.

[17] Источники средств неизвестны.

[18] Резолюция в «КПСС в рез.», т. I, стр. 60-66; письмо — Ленин, т. 28, стр. 463 и 464. Некоторых из агентов, нелегально прибывших на эту конференцию из России, следует отметить, так как в течение нескольких лет после этого они оставались близкими сотрудниками Ленина; в их числе были А. А. Богданов, А. В. Луначарский, М. Лядов, С. И. Гусев, П. А. Красиков, В. А. Десницкий (Строев), Р. С. Землячка (к этому времени вышедшая из Центрального Комитета в знак протеста против его примирительной политики). М. М. Литвинов и Е. Д. Стасова не присутствовали в Женеве. Деятельность последней в качестве секретаря Петербургского комитета была особенно ценной для Ленина.

После ноября собственный «Центральный Комитет» Ленина стал называть себя «Бюро комитетов партийного большинства». Но Совет партии все еще отказывался созывать съезд, считая фиктивным существующее, по уверениям Бюро, требование о его созыве. Вскоре после этого Совет вывел Ленина из состава ЦК. В феврале 1905 года полиция сыграла на руку Ленину, арестовав сразу девять из одиннадцати членов ЦК. Единственные его члены, оставшиеся на воле, Л. Б. Красин и А. И. Любимов, теперь начали склоняться к поддержке ленинского плана созыва съезда хотя бы для того, чтобы восстановить представительную партийную организацию в России. (Это было делом особенно срочным, так как в России разгоралась революция)[19]. С ними Ленин заключил теперь договор о созыве съезда — в случае необходимости даже вопреки решению Совета партии. Чтобы успокоить совесть оставшихся на воле членов Центрального Комитета, ленинское Бюро согласилось на присутствие делегатов от трех четвертей комитетов при открытии съезда. Для проведения выборов был предусмотрен десятидневный срок, явно недостаточный в условиях подполья[20]. Попытка добиться санкции Совета накануне съезда закончилась неудачей, так как Мартов и Плеханов настаивали на более длительном периоде, который гарантировал бы проведение подлинных, а не подтасованных выборов[21].

Таким образом, когда съезд, известный по большевистской номенклатуре как Третий (меньшевики отрицали его законность), открылся в Лондоне 25 (12) апреля 1905 года, он не обладал санкцией со стороны высшей партийной инстанции — Совета. Большевики утверждали, что Совет утратил свои полномочия, отказавшись признать требования о созыве съезда, исходившие от местных комитетов. Ввиду скоропали-

[19] «Ленинский сборник», т. XVI, стр. 81, 90-93.

[20] «Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов», Москва, 1955, стр. 70-72. Соглашение опубликовано в «Искре», № 95.

[21] «Протоколы», III, стр. 32 и 33.

тельности выборов и методов, которыми ленинские агенты создавали сепаратные комитеты с целью принятия резолюций в пользу созыва съезда, невозможно решить, в какой степени было справедливо большевистское утверждение, будто половина местных комитетов стояла за созыв съезда. По меньшей мере в одном случае «комитет», представленный делегатом на съезде, состоял из одного человека. В других случаях большевистским комитетам противостояли параллельные меньшевистские организации, утверждавшие, что численно они превосходят первые. Число голосов одной делегации было удвоено на основании явно несостоятельного утверждения, будто она представляет четыре комитета, тогда как на самом деле она представляла два. Эти и другие передержки были вскрыты либо на самом съезде, либо вскоре после него. Совершенно очевидно, что поддержки со стороны трех четвертей комитетов, необходимой по соглашению с Красиным и Любимовым, получить не удалось. Было представлено только 20 из 34 правомочных комитетов, и Ленин признал, что формально съезд незаконен[21a]. Но, пока шли эти склоки, в России быстро нарастала революционная волна, и многие комитеты, несомненно, ожидали, что съезд положит конец раздорам в партии. Это было то время, когда энергичные действия, естественно, встречали поддержку многих жаждавших деятельности подпольщиков-профессионалов, которые знали очень мало о том, кто прав, кто виноват в конфликте между Лениным и Мартовым, и еще меньше этим интересовались. Напористость Ленина была для них важнее теоретических тонкостей. Его успех в деле созыва съезда намечал путь, по которому шла теперь большевистская партия, превращавшаяся в дисциплинированный орден профессиональных комитетчиков, вокруг которого группировалась кучка заговорщиков, связанных личной преданностью их главарю, Ленину, и готовых следовать за ним в любой авантюре до тех пор, пока его руководство будет достаточно радикальным и экстремистским. Для этой новой тенденции характерна

[21a] Ленин, т. 7, стр. 251.

позиция группы уральских комитетов. Эти комитеты писали (в письме в редакцию «Искры») о необходимости сочетать «высшую степень политической сознательности с беспрекословным повиновением» сильной центральной организации и отвергали возражение, будто одно понятие исключает другое[22].

Съезд не показал себя столь дисциплинированным, как на то надеялся Ленин, хотя и состоял целиком из большевиков. На нем были представлены люди, в последующие годы образовавшие ядро большевистского руководства, — Богданов, Каменев, Рыков и два члена Центрального Комитета, теперь стоявшие на стороне Ленина, — Любимов и Красин. Все делегаты были профессионалами-комитетчиками, за исключением трех специалистов по прокламациям. Разногласий по вопросу о необходимости энергичных шагов для подготовки вооруженного восстания не было. Тем не менее некоторым из делегатов было не по себе от нерегулярного характера работы съезда, и не все научились той же дисциплине, что их уральские товарищи. Фактически между Лениным и многими делегатами существовало расхождение насчет целей съезда. Ленин созвал его для окончательного разрыва с теми, кто ему сопротивлялся; делегаты же большей частью считали, что съезд призван воссоединить партию. Некоторые из них указывали, что меньшевиков-эмигрантов (которых в основном знал Ленин) не следует путать с меньшевиками в русском подполье[23]. Поэтому Ленин не мог добиться резкого осуждения Плеханова и провести резолюцию, требующую, чтобы все меньшевики подчинились дисциплине под угрозой исключения. Некоторые из принятых резолюций, не предназначавшихся для оглашения, поручали новоизбранному ЦК осуществить воссоединение партии, но подчеркивали, что условия такого воссоединения подлежат одобрению следую-

[22] «Третий съезд», стр. 146.

[23] Ленин, т. 28, стр. 452 (письмо С. И. Гусеву от 29 января 1905: «Ради Бога — проводите безусловно раскол, раскол и раскол».) Ср. т. 7, стр. 58, 100 и 101; о взглядах Красина на съезде см. «Протоколы», III, стр. 388.

щим съездом. Однако комитеты, отказывавшиеся подчиниться съезду, подлежали роспуску. Одна из опубликованных резолюций предлагала меньшевикам участвовать в партийных организациях при условии подчинения партийной дисциплине[24]. Остальные решения съезда подтверждали то, что теперь становилось основными принципами большевизма. Была принята ленинская формулировка статей Устава, касающихся членства; Совет партии был отменен. В остальном новый Устав следовал принципу предельной централизации, принятому II съездом. Подготовка и организация вооруженного восстания провозглашались одними из самых главных задач партии. Одна резолюция требовала поддержки революционных актов крестьянства, вплоть до конфискации помещичьих и казенных земель; другая предлагала объяснять рабочим антиреволюционный характер либералов, даже самых радикальных (в соответствии с политической линией газеты «Вперед», с самого начала уделявшей много места критике либералов). И, наконец, была принята резолюция, шедшая вразрез с традиционными принципами социал-демократии: она объявляла желательным, при некоторых обстоятельствах, участие членов партии во временном революционном правительстве.

Меньшевики, обойденные Лениным с фланга, устроили наспех (и в то же самое время) свое совещание в Женеве. На нем присутствовали делегаты четырнадцати комитетов, которые сразу же по прибытии на Лондонский съезд покинули его, объявив съезд незаконным. К делегатам присоединился ряд меньшевиков-эмигрантов. Резолюции, принятые на этом совещании, выявили глубокие разногласия в рядах меньшевиков. Одни из них, следуя Аксельроду, возлагали надежды на массовую рабочую партию, которая со временем поглотила бы подпольные организации со всеми их досадными конспираторскими особенностями. Другие ратовали за

[24] Ленин, т. 7, стр. 130-132; «КПСС в рез.», т. I, стр. 81, 90.

подпольный характер партии и за дисциплинированную организацию, созданную «Искрой», но вместе с тем сожалели о том характере, который она приняла под влиянием Ленина. Естественно, что в то время, когда в России разгоралась революция, нараставшая помимо социал-демократических комитетов, на конференции преобладала вторая установка. Поэтому при всей остроте и детальности критики нарушения правил большевистским съездом и методов, применявшихся ленинскими агентами для его созыва, меньшевистское совещание держало курс на воссоединение партии. Пытаясь добиться примирения, меньшевики не утверждали, что они представляют партию в целом, и называли свое совещание конференцией, а не съездом. Вместо ЦК они избрали «Организационный комитет», оставляя таким образом «название фирмы» за Лениным и за чисто большевистским Центральным Комитетом, избранным III съездом. Они настаивали также на немедленном воссоединении расстроенных местных организаций в качестве первого шага на пути к конечному партийному единству в центре. Установка в пользу «массовой партии» в какой-то степени отразилась в резолюциях, призывавших к борьбе за восьмичасовой рабочий день и за свободу забастовок, к образованию профсоюзов, а также к поощрению усилий рабочих создавать профессиональные союзы и другие клубы и объединения. Эта тенденция заметна, пожалуй, и в резолюции по организационным вопросам, которая требовала большей демократии в местных комитетах, но не затрагивала полномочий центра. В основном, однако, преобладали революционные резолюции. Массы должны готовиться к «неизбежному» вооруженному восстанию, а социал-демократы должны быть готовы руководить их стихийным движением. Классовую борьбу среди крестьян нужно обострять, а либералов следует поддерживать лишь в том случае, если они действительно стоят на стороне революции. Отвергая участие во временном правительстве, меньшевики тем не менее предвидели возможность непосредственного захвата власти пролетариатом, если революция в России пе-

рекинется и на другие страны[25]. Таким образом, мнение многих меньшевиков, согласно которому водораздел между обеими фракциями был обусловлен только непримиримостью Ленина и его решимостью создать партию, подчиненную ему самому, содержало в себе большую долю правды. Но Плеханов, упрекая обе фракции в расколе, порвал с меньшевиками[26]. В течение некоторого времени он замкнулся в башню из слоновой кости и критиковал обе фракции в журнальчике «Дневник социал-демократа».

Тем временем в России началось революционное движение, завершившееся первым крупным поражением самодержавия. 28 (15) июля 1904 года недовольство, обостренное войной против Японии, нашло свое выражение в убийстве молодым эсером Министра внутренних дел Плеве. Самодержавный режим, не находя поддержки ни в одном общественном слое, колебался между репрессиями и уступками и, наконец, выбрал уступки. При сравнительно либеральном министре князе Святополке-Мирском начался короткий период «доверия». События вскоре показали, какое опасное положение может создаться, если непопулярное и жестокое правительство вынуждено перейти даже к небольшому послаблению в политике. В результате усилились политические чаяния прогрессивного среднего класса, а деятельность так называемого «Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» стала активнее. Эта дозволенная законом организация существовала с 1903 года и поощрялась петербургской полицией даже после того, как были пресечены первоначальные шаги к полицейскому социализму, связанные с Зубатовым. Теперь, под руководством своего председателя, священника Георгия Гапона, она быстро росла. К концу 1904

[25] «Первая общерусская конференция партийных работников». Отдельное приложение к № 100 «Искры», Женева, 1905.

[26] Плеханов, «Сочинения», т. 13, стр. 286. «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода». Ред. и прим. П. А. Берлина, В. С. Войтинского и Б. И. Николаевского, т. II, Москва, 1925, стр. 234 (в дальнейшем цитируется как «Переписка»).

года ее отделы охватывали весь город, а число членов достигло 8.000. Внешне довольно безобидная в своей, главным образом, благотворительной, образовательной и совсем не политической деятельности, она отвечала потребностям рабочих в массовой организации, которую не могло удовлетворить социал-демократическое подполье. Сам Гапон, хотя и связанный с полицией, играл двойственную роль и наладил нечто вроде тайного революционного комитета в рамках одобренной свыше политической организации. В начале января 1905 года увольнение четырех рабочих на одном из крупнейших петербургских заводов привело к забастовке (которая через несколько дней стала всеобщей) во главе с Гапоном — ее признанным руководителем. Сначала требования рабочих ограничивались чисто экономическими вопросами, и они отказывались поддерживать революционные лозунги социал-демократов и социалистов-революционеров, принимавших участие в массовых митингах. Но через несколько дней толпа стала более революционной. Гапон, который и вел толпу и шел у нее на поводу, был вынужден принять тот же тон. 20 (7) января, выступая на массовом митинге, Гапон выдвинул драматический план — идти толпой ко дворцу и подать прошение царю. То, что предлагал Гапон, было чем-то средним между мирным шествием, о котором впоследствии сложились легенды, и открытой революцией. «Мы скажем царю, — объяснял он толпе, — Ваше Величество, так нельзя, надо дать народу свободу. И если он согласится, то мы потребуем, чтобы он клятву дал перед народом. Если же не пропустят, то мы силой прорвемся. Если войска будут в нас стрелять, мы будем обороняться. Часть войск перейдет на нашу сторону, и тогда мы устроим революцию. Устроим баррикады, разгромим оружейные магазины, разобьем тюрьму, займем телеграф и телефон. Эсеры обещали бомбы... и наша возьмет»[27]. В толпе присутствовали полицейские агенты.

[27] Отчет об этом митинге, помещенный в «Искре» № 86 от имени одного очевидца, социал-демократа Невского, перепечатан в «Красной летописи»,

Гапон предупредил Министра внутренних дел о предстоящем шествии и подчеркнул, что оно будет мирным и что царю нечего бояться. К письму была приложена программа, содержавшая требования созыва Учредительного Собрания и полной, всеобщей политической и гражданской свободы[28]. Через день, 22 (9) января, огромная толпа, во главе с Гапоном в рясе, двинулась ко дворцу. Правительство готовилось к революционному штурму и, не имея опыта демонстраций такого масштаба, потеряло голову. На самом деле толпа была невооруженной: эсеры бомб не доставили. Но когда толпа ринулась ко дворцу (самого царя в городе не было), войска открыли огонь. Это привело к многочисленным жертвам. Факт попытки претворить в жизнь план Гапона остается вероятным. Были построены баррикады, разгромлены по крайней мере две оружейных лавки, предпринята попытка взять штурмом тюрьму и захватить телеграф[29]. По-видимому, демонстрация не переросла в революцию из-за отсутствия организации и из-за того, что войска не перешли на сторону толпы. Но общее убеждение сводилось к тому, что царь без зазрения совести приказал открыть огонь по мирной, безоружной толпе, и это событие поразило и ужаснуло мир. Не будет преувеличением сказать, что с того дня, ставшего известным как *Кровавое воскресенье*, вера в то, что царь любит свой народ и печется о нем, была безвозвратно подорвана. В ту же ночь Гапон опубликовал открытый призыв к бунту, на который откликнулась вся Россия[30].

Но хотя день 22 (9) января 1905 года и был самым драматическим моментом года, он не означал подлинного на-

№ 1, стр. 36-38. Ср. Father George Gapon, *The Story of My Life*, London, 1905, стр. 170.

[28] «Революция 1905-1907 г.г. в России». Документы и материалы. Начало первой русской революции. Январь-март 1905 г., Москва, 1955, стр. 28-31.

[29] Детали у Невского, стр. 14-72; «Начало...», стр. 31 и след.

[30] «Священника Георгия Гапона...», стр. 15 (подпольно напечатанная брошюра, распространявшаяся в огромном по тому времени количестве экземпляров).

чала революции. Толчок к огромному всенародному протесту против самодержавного строя был уже дан средними классами. С осени 1904 года обе группы, объединившиеся под эгидой Союза Освобождения — земцы и прогрессивные деятели свободных профессий — организовывали митинги, банкеты и союзы, выдвигавшие конституционные требования. Это движение, которое продолжалось в течение всего 1905 года, усиливалось теперь рабочими и крестьянскими волнениями. После *Кровавого воскресенья* волна стачек и беспорядков всех видов нарастала в течение почти всего года. В некоторых случаях требования рабочих носили экономический, в других — революционный характер. Хотя рабочие неохотно подчинялись организованному контролю социал-демократов, в которых они видели чуждых, не понимающих их нужды людей, они, тем не менее, часто перенимали революционные формулы, содержавшиеся в тысячах прокламаций. В некоторых случаях социал-демократы вели движение. Бунд, например, организовал стачку с конкретными политическими требованиями. В самом центре России железнодорожники создали свою собственную стачечную организацию и выдержали месячную забастовку. Большей частью, однако, беспорядки возникали стихийно; ими никто не руководил, и у стачечников не было определенных целей. Крестьянские волнения шли в течение всего года.

При сложившемся положении правительство утратило всякий контроль над страной, металось от репрессий и организованных погромов к продиктованным паникой уступкам. Были учреждены военно-полевые суды; смертные приговоры стали нормой; войска использовались без всяких ограничений и в городах и в деревне. Репрессии отталкивали даже самые умеренные слои общества, а уступки только возбуждали аппетит. 19 (6) августа, за две недели до заключения мира с Японией, императорский рескрипт обещал учреждение Государственной Думы с законосовещательными полномочиями. Но в октябре страна была парализована всеобщей забастовкой. Только 30 (17) октября, когда нормальная жизнь полностью приостановилась, царь, наконец, против

своей воли подписал манифест, который обещал все гражданские свободы — неприкосновенность личности, свободу слова, совести, собраний и союзов, а также Государственную Думу, облеченную всей полнотой законодательной власти и избираемую на основе широкого избирательного права. Обещание это было важнейшим событием; если бы его претворили в жизнь, оно преобразовало бы самодержавие в конституционную монархию. Но в те волнующие и тревожные дни мало кто верил, что оно будет выполнено или что свобода в России может быть достигнута каким-либо иным путем, кроме революционного. Манифест был встречен очень холодно. Даже прогрессивная часть средних классов в большинстве своем категорически его отвергла, а крестьяне, взбудораженные известием о нем, шли на новые акты насилия. Странное положение сложилось в России в 1905 году. Одержимое паникой правительство стояло лицом к лицу почти со всем народом, чувствующим свою силу и вместе с тем неспособным добиться своих целей, а может быть, полностью их и не осознавшим. Среди всего этого хаоса и кровопролития русский народ приобретал первые навыки самоуправления. Целые губернии управлялись самочинными «правительствами». Создавались профсоюзы, несмотря на их официальный запрет; формировались отряды самообороны — главным образом для защиты от еврейских и других расовых погромов, разыгрывавшихся при попустительстве правительства. Парадоксальность положения достигла кульминации в Тифлисе, где местный комендант выдал оружие социал-демократам, так как только они были в состоянии обеспечить порядок и предотвратить резню армянского населения[31].

Большей частью социал-демократические комитеты могли поощрять, но не вести и не организовывать это движение.

[31] Оружие было выдано под честное слово меньшевистскому руководителю социал-демократов И. Рамишвили, который обещал, что оружие будет возвращено. Рамишвили сдержал свое слово, хотя ему пришлось преодолеть сопротивление своих сторонников (из неопубликованных мемуаров П. А. Гарви, который тогда был в Тифлисе).

Обе фракции с разочарованием констатировали ничтожность того влияния, которое социал-демократы оказывали на рабочих. Но в то время как ленинская газета «Вперед» пришла к заключению, что нужна лучшая организация, большее число боевых отрядов, более строгая дисциплина, более послушные конспиративные комитеты, «Искра» сделала вывод, что в таком положении нужна не замкнутая кучка заговорщиков, а «широкая организация, основанная на самодеятельности рабочих масс». На своей конференции в 1905 году меньшевистские лидеры обсуждали план устройства своего рода рабочего съезда, который представлял бы интересы всего рабочего класса. Мысль эта принадлежала Аксельроду. Он развил ее несколько позже в том же 1905 году в серии писем и в брошюре после оглашения первоначального царского обещания о совещательной Думе. По его мнению, такой рабочий съезд должен был бы охватить весь рабочий класс, независимо от партийной принадлежности. Он мог бы говорить от имени всех рабочих и выдвинул бы требование об избрании Народной Думы в качестве первого шага на пути к Учредительному Собранию[32]. Именно под влиянием этого замысла меньшевики и старались принять активное участие в работе профсоюзов и поощрять их и другие организации рабочего класса (которые возникали в 1905 году), не пытаясь руководить ими. Большевики же, не имея власти над этими организациями, либо стояли в стороне, либо активно им противодействовали. Для Ленина, в частности, беспартийные массовые организации были неприемлемы, если они означали, что социал-демократы терялись в «нейтральной» массе, которой они не могли руководить. Замысел рабочего съезда также натолкнулся на оппозицию со стороны большевиков, которые считали, что созыву такого съезда должно предшествовать восстание и что съезд можно будет созвать только после успешной революции.

[32] См. П. Б. Аксельрод, «Народная Дума и рабочий съезд», Женева, 1905.

К концу года петербургская меньшевистская группа, которая численно впятеро превышала большевистский комитет, взяла на себя инициативу образования Петербургского Совета рабочих депутатов. Петербургский Совет был далек от аксельродовского идеала. Наполовину стачечный комитет, наполовину импровизированный орган самоуправления, Совет, хотя и образованный в ответ на призыв меньшевиков к рабочим, был большей частью пролетарским, но беспартийным по своему составу. Его организаторами были, в основном, меньшевики. В течение краткого периода своего существования — с 26 (13) октября по 16 (3) декабря — Совет руководил стачками, происходившими тогда в столице, но в то же время выступал и за такие меры, как борьба с цензурой. Под его руководством печатники смогли взять в свои руки контроль над публикациями, и в течение этих «дней свободы» (как этот период стал называться впоследствии) возник целый ряд социал-демократических и других газет. Но попытка Совета ввести восьмичасовой рабочий день провалилась и вызвала в конце концов реакцию со стороны самодержавия. В рамках своего крохотного бюджета (всего-навсего 34.315 руб. на протяжении двух месяцев своего существования) Совет старался помогать рабочим, когда за забастовками следовали локауты.

Взволнованные революцией, эмигрантские лидеры, за исключением Аксельрода и Плеханова, вернулись в Петербург, чтобы принять в ней более активное участие. «Искру» 13 ноября заменила газета, выходившая в России под названием «Начало», в которой сотрудничали Мартынов, Дан, Аксельрод и Троцкий. Деятельность Ленина, в основном, ограничивалась Петербургским комитетом и редактированием большевистских газет. К Совету он относился без особой симпатии и даже с некоторым подозрением. Самой выдающейся социал-демократической фигурой в глазах общественности был в те дни 26-летний Л. Д. Троцкий. Этот молодой еврейский революционер поразительной внешности, не имевший в партии равных по силе ораторского и литературного дара, сначала примкнул было к «Искре». Ленин ему покрови-

тельствовал, но Плеханов сразу же невзлюбил новичка, и частые трения, возникавшие в редакции из-за статей Троцкого, приходилось, как обычно, улаживать Засулич. После 1903 года Троцкий порвал с Лениным и стал автором нескольких очень острых (и пророческих) нападок на ленинские организационные идеи. Он вышел из меньшевистской фракции в октябре 1904 года. Но взгляды его на перспективы революции, приемлемые для более ортодоксальных деятелей, вроде Плеханова и Аксельрода, встречали вместе с тем некоторую поддержку и среди меньшевиков. В Петербургском Совете Троцкий, прирожденный народный трибун и демагог редкого пошиба, нашел новое приложение своей энергии. Даже враги вынуждены были признать исключительный ораторский дар Троцкого, его энергию и умение не считаться с самодержавием во время краткосрочного существования Совета, особенно в последние дни, когда Троцкий был его председателем.

Конец пришел так легко и внезапно, что одной из его причин следует считать общий спад революционного порыва среди петербургского пролетариата. Как указывали впоследствии меньшевистские публицисты, этой деморализации следовало ожидать, поскольку пролетариат был не только безоружным, но и изолированным, без поддержки со стороны гарнизона и без помощи какой-либо партии среднего класса, достаточно организованной для того, чтобы вырвать бразды правления из рук разлагавшегося самодержавия. 16 (3) декабря здание Совета было оцеплено войсками и все его члены арестованы. Через несколько дней призыв рабочих и социал-демократических организаций подняться на «последний и решительный бой» не нашел почти никакого отклика.

Советы возникали в течение 1905 года и во многих провинциальных городах. Как правило, они представляли собой беспартийные собрания рабочих, причем социалистические партии теряли свое политическое лицо в коалициях. В Московском Совете, например, коалиция была единственно возможным решением, так как в нем преобладало эсеровское влияние, и большевистские попытки подчинить Совет своему исключительному руководству окончились неудачей. В

противоположность Петербургу, в Москве существовал ряд боевых дружин, огранизованных главным образом эсерами, а также социал-демократами. Ленин, в частности, неоднократно настаивал на необходимости формирования таких отрядов в целях нападения и обороны, а также для побочных целей, вроде экспроприаций, ради приобретения средств, необходимых на случай восстания или для уничтожения полицейских агентов. Московский Совет вырос из стачечного комитета, образованного в октябре для руководства железнодорожной забастовкой. В нем было гораздо больше интеллигентов, чем в Петербургском Совете, и поэтому он был более склонен следовать революционным лозунгам. Состоявшаяся в Москве в декабре забастовка привела к прямому вмешательству войск, и среди гражданского населения были убитые и раненые. 20 (7) декабря Московский Совет призвал ко всеобщей забастовке, настаивая на необходимости « всемерно стремиться перевести забастовку в вооруженное восстание ». Инициатива восстания исходила от большевиков, но призыв был подписан совместно Советом большевистской окружной организации, меньшевистским комитетом и Московским комитетом партии социалистов-революционеров. На улицах боевые дружины с помощью толпы, возмущенной действиями войск, возводили баррикады. В течение недели эти дружины вели спорадические бои на улицах Москвы и продержались еще дольше в одном из районов города. Борьба была обречена с самого начала. Войска обладали огромным численным перевесом над боевыми дружинами и все время получали подкрепления. А дружины в серьезных боях почти не пользовались поддержкой населения. К началу 1906 года попытки вооруженного восстания были подавлены по всей стране, и начались репрессии, проводившиеся армией и военно-полевыми судами[33].

[33] О революции 1905 г. существуют две монографии на англ. яз.: Sidney Harcave, *The First Blood: The Russian Revolution of 1905*, London, 1964, и Solomon M. Schwarz, *The Russian Revolution of 1905. The Workers' Movement and*

Революция 1905 года кончилась. Правда, забастовки и стихийные акты насилия спорадически возникали еще в течение нескольких лет и, собственно, никогда и не прекращались в России, но движение в целом было сломлено. Оно потерпело неудачу по двум причинам. Во-первых, войска остались верными самодержавию. Правда, на Черноморском флоте, в Одессе и на военно-морской базе в Кронштадте вспыхнули бунты; в некоторых частях были волнения, но основная часть войск подчинялась приказам и не солидаризировалась с бастующими. Вторая причина заключалась в том, что буржуазные партии, только-только основанные в октябре, не были ни достаточно готовы, ни достаточно едины, чтобы взять власть в свои руки. Дума, однако, в соответствии с обещаниями царя, должна была собраться весной 1906 года. Закон от 24 (11) декабря устанавливал избирательное право, которое на бумаге было значительно либеральнее избирательного права многих западноевропейских стран того времени. Права голоса были лишены рабочие на предприятиях с численностью наемного персонала не свыше 50 человек, мелкие ремесленники, сезонные рабочие и безземельные крестьяне. В марте 1906 года Основной Закон, изданный в форме Указа еще до того, как собралась Дума, гарантировал гражданские свободы и узаконил профсоюзы. Были, однако, и ограничения, главное из которых состояло в степени власти, остававшейся в руках администрации. Таким образом, в 1906 году социал-демократическая партия оказалась перед лицом совершенно нового положения.

the Formation of Bolshevism and Menshevism, Chicago, 1967. Ср. также: Alexander Fischer, *Russische Sozialdemokratie und bewaffneter Aufstand im Jahre 1905*. Wiesbaden, 1967. На русск. яз. существует очень много литературы в виде документов и мемуаров, значительная часть которых вышла в свет по случаю 50-летия революции в 1955 г. Как правило, поздние публикации гораздо менее надежны, чем ранние.

4. ПОПЫТКИ ВОССОЕДИНЕНИЯ

Под влиянием революции среди разобщенных большевистских и меньшевистских организаций возникла стихийная тяга к воссоединению. В течение 1905 года небольшие партийные комитеты начали расширять свое влияние и привлекать новых членов. К середине 1905 года общее число членов измерялось тысячами, если не десятками тысяч, а отдельные организации насчитывали сотни членов[1]. Параллельно с развитием своей деятельности они отходили от междоусобной борьбы. Обе фракции поддерживали любую форму революционного действия, обе активно пытались раздуть восстание по всей стране и убеждали бастующих рабочих в необходимости свергнуть самодержавие. Поглощенные насущной важностью этой задачи, большевики и меньшевики в подпольных комитетах начали сознавать, что разделявшие их вопросы отходят на задний план перед общими целями. Летом 1905 года на местах возникло много параллельных комитетов большевиков и меньшевиков. В сентябре 1905 года местная южнорусская конференция в составе около пятнадцати большевистских и меньшевистских организаций решила, что настало время для слияния их организаций. В ноябре петербургский большевистский комитет и меньшевистская

[1] О деталях членского состава организаций в то время см. Мартов в «Общественном движении», т. III. стр. 568 и 569, 572-574.

группа решили объединиться, не запрашивая разрешения Центрального Комитета[2]. Большевистские агенты в России настойчиво объясняли ЦК необходимость воссоединения. Одно время даже выходила совместная большевистско-меньшевистская газета «Северный голос».

Каковы бы ни были личные взгляды Ленина по этому вопросу, он не мог противостоять такому давлению снизу. Большевистский ЦК внутри России одно время склонялся к тому, чтобы поощрять воссоединение путем самоочевидного и простого метода слияния расколотых надвое комитетов и групп. Но Ленин возражал против этого. На III съезде он настаивал на том, чтобы воссоединение состоялось только на одном из следующих съездов; была принята соответствующая (неоглашенная) резолюция. Под давлением Ленина ЦК был вынужден прервать переговоры с меньшевиками и настаивать на созыве нового съезда[3]. В декабре 1905 года на конференции в Таммерфорсе в Финляндии большевики решили созвать новый партийный съезд для восстановления единства партии. Съезд должен был быть созван Объединенным комитетом, состоящим из ЦК и из меньшевистской Организационной комиссии, учрежденной в мае 1905 года. Выборы на съезд должны были происходить «по платформам»[4]. Это означало, что избранные на съезд делегаты были бы заранее связаны линией той или иной фракции, и съезд, таким образом, с самого начала распался бы на меньшевиков и большевиков. Ленин, несомненно, надеялся, что большевики будут обладать большинством. Меньшевики, собравшиеся на

[2] «Решения южнорусской учредительной конференции РСДРП», август 1905, Женева, 1905, стр. 3; «Революция 1905-1907 г.г. в России... Высший подъем революции 1905-1907 г.г. Вооруженное восстание. Ноябрь-декабрь 1905 г.», Москва, 1955, т. I, стр. 416.

[3] Документы об этих переговорах напечатаны в «Протоколах», т. IV, стр. 563-601. О ленинской точке зрения в различные периоды см. Ленин, т. 8, стр. 7-8, 21-23, 202-205, 241-247; т. 28, стр. 492.

[4] «КПСС в рез.», т. I, стр. 98 и 99; Ленин, т. 8, стр. 515-517.

отдельную конференцию в то же время, возражали против этого метода выборов на съезд и настаивали на том, чтобы делегаты избирались на совместных собраниях меньшевистских и большевистских организаций. В качестве символической уступки в интересах партийного единства они торжественно приняли ленинскую формулировку статьи 1 Устава партии[5].

В конечном итоге возобладало ленинское требование избрания делегатов «по платформам» и было достигнуто соглашение о системе представительства. Но шансы на объединение были заранее подорваны. На съезде, состоявшемся в Стокгольме с 23 апреля по 8 мая (10-25 апреля) и ставшем известным как IV (Объединительный) съезд, 112 делегатов с решающим голосом представляли отдельные большевистские и меньшевистские организации. Хотя дать точные цифры численности партии невозможно ввиду неопределенного характера членства[6], она, вероятно, удвоилась с середины 1905 года. Делегаты были людьми молодыми — их средний возраст составлял 30 лет. В основном они принадлежали к свободным профессиям. Рабочими по происхождению была четверть делегатов. Русскими по национальности были менее половины делегатов; евреи составляли почти четверть; среди делегатов была также большая грузинская группа. Большинство делегатов работало в социал-демократическом движении с I съезда, с 1898 года, или даже еще раньше, и прошло через ссылку и тюрьмы[7]. Каждый делегат представлял триста членов партии. Делегаты, оставшиеся при голосовании в меньшинстве, имели право открыто высказывать свои взгляды.

[5] Ленин, т. 8, стр. 466 и 467.

[6] Согласно левой независимой газете «Товарищ», общее количество членов, зарегистрированных в русских (большевистских и меньшевистских) организациях, составляло в октябре 1906 г. около 70.000 человек. Бунд насчитывал 33.000, польские социал-демократы — 28.000, латышские социал-демократы — 13.000 человек. См. Ленин, т. 10, стр. 483.

[7] «Протоколы», т. IV, стр. 480-482.

Было обеспечено представительство организаций, численность которых не достигала трехсот членов. По-видимому, метод представительства обеих партийных фракций был столь справедливым, сколь это только было возможно. Надежды Ленина на то, что большевики будут обладать большинством, не оправдались, так как из 112 делегатов 62 были меньшевиками и лишь 44 или 46 — большевиками. Как показали результаты выборов в Оргбюро съезда, Плеханов пользовался наиболее высоким авторитетом в партии, тогда как Ленин в бюро не прошел, поскольку не собрал нужного числа голосов (Мартов не присутствовал).

Несмотря на серьезные теоретические вопросы, которые, как мы увидим ниже, разделяли обе части партии и по которым меньшевистское большинство могло навязать свои взгляды, на съезде царила атмосфера примирения. Было больше балагурства, меньше обвинений в «измене» или «оппортунизме». Ленин вел себя более миролюбиво, чем когда-либо до или после съезда. Когда «экономист» Акимов, бывший тогда в Стокгольме, попросил разрешения присутствовать на съезде, именно Ленин немедленно предложил, чтобы его пригласили присутствовать с правом совещательного голоса. Это разительно отличалось от ленинской позиции по вопросу о допущении Рязанова на II съезд тремя годами раньше. В ходе прений Ленин нарочито подчеркнул, что он «отнюдь не разделяет того взгляда, что большевики и меньшевики не могут работать вместе в одной партии»[8]. На заключительном заседании съезда Ленин и ряд других большевиков, называя себя членами «бывшей» большевистской

[8] «Протоколы», т. IV, стр. 476. Согласно М. Лядову («Из жизни партии. Воспоминания», Москва, 1956, стр. 164-165), цель поддержки Акимова состояла в том, чтобы скомпрометировать меньшевиков их связью с таким явным «оппортунистом»; согласно тому, что Ленин сказал Луначарскому, он не имел ни малейшего намерения дать меньшевикам «вести нас за собой на цепочке». См. А. Луначарский, «Из воспоминаний о Ленине в 1905 г.», «Пролетарская революция», т.т. 97-98, стр. 89 и 90.

фракции, огласили декларацию, перечислявшую те решения съезда, которые они считали ошибочными. Они провозгласили свою решимость не допустить нового раскола в партии, но оставляли за собой демократическое право, лояльно принимая все решения большинства, пропагандировать свои взгляды в «товарищеских» спорах с тем, чтобы перетянуть большинство на свою сторону[9].

По важному организационному вопросу меньшевистское большинство не смогло выдвинуть никаких сколько-нибудь конструктивных идей. Символическая первая статья Устава партии была должным образом принята в ленинской формулировке. Выражение «демократический централизм» было включено в новый партийный Устав — оно уже было принято большевиками в Таммерфорсе несколько месяцев назад, но вряд ли имело большое значение на практике[10]. Меньшевики сами раскололись по вопросу о централизованном контроле над партией. Большинство из них, куда входили и лидеры — Мартов и Дан, стояло очень близко к большевикам в своем убеждении, что только строго централизованная организация сможет успешно повести революционное движение к его победной цели. Только меньшинство, помнившее свой опыт работы в Советах и профсоюзных организациях, считало, что самой насущной задачей социал-демократии является создание массовой партии[11]. Поэтому Организационный Устав в той форме, в которой он был принят, сохранял все существенные черты централизованной подпольной организации[12].

[9] «Протоколы», т. IV, стр. 604, 254, 341, 573-577, 9, 51; «КПСС в рез.», т. I, стр. 120-124.

[10] Следует помнить, что в русском контексте эта формула была меньшевистской по происхождению. Исторически эта формула возникла в германском социал-демократическом движении и была впервые использована в 1865 г. Швейцером, одним из главных последователей Лассаля. Ср. Leo Valiani, *La storia della socialdemocrazia tedesca*, in Rivista Storica Italiana, 1968, f. 1, p. 38.

[11] См. об этом у Мартова в «Общественном движении», т. III, стр. 585 и 586.

[12] «КПСС в рез.», т. I, стр. 135 и 136.

Съезд также решил вновь допустить Бунд на основе автономии и принять польскую и латышскую социал-демократические партии на той же основе, хотя их принятие в партию вскоре дало Ленину большинство в партийных органах. Предоставление Бунду самостоятельности в вопросах организации и пропаганды вызвало оппозицию не только со стороны некоторых большевиков, но и со стороны кавказских меньшевиков. Состоявшее из грузин большинство кавказских социал-демократов опасалось, что предоставление специальных привилегий евреям отразится на мелких национальных организациях на Кавказе. Одним из одиннадцати делегатов из Тифлиса был молодой большевик — Джугашвили, прославившийся впоследствии под именем Сталина. Он голосовал с Лениным за вторичное принятие Бунда, но многие другие большевики голосовали против. В лице Бунда меньшевики получили союзника против большевиков. Все редакторы запланированной новой газеты «Социал-демократ», избранные съездом, были меньшевиками. Но ни Устав партии, ни резолюции съезда не мешали Ленину и большевикам продолжать издавать их собственную газету. Новый, избранный съездом ЦК состоял из семи меньшевиков и трех большевиков. Позднее он был расширен путем введения в него двух польских социал-демократов, одного латыша и двух бундовцев[13].

Съезд только слегка подгримировал теоретические расхождения в политической линии, которые выявились в ходе событий 1905 года. Первое расхождение касалось самой революции. Хотя ни один большевик не признавал этого, и мало кто из меньшевиков был готов признать это, к 1906 году стало ясно, что революция не удалась или, по крайней мере,

[13] Редакторами были Мартов, Дан и Потресов. Среди меньшевистских членов ЦК не было ни одного из видных вождей. Большевики были представлены В. А. Десницким, Л. Б. Красиным, А. И. Рыковым (Рыкова позже сменил А. А. Богданов). Поляки были: А. С. Варский и Ф. Э. Дзержинский. Полный список см. Ленин, т. 9, стр. 515.

потерпела временное поражение. В пылу сражений обе фракции прилагали всю свою энергию к тому, чтобы стимулировать массы к более напряженной революционной деятельности. Во время московского восстания большевики и меньшевики сражались плечом к плечу. Но, оглядываясь назад, те и другие видели, что революция 1905 года была, в основном, явлением стихийным и что социал-демократы не могли реально руководить ею. Кое-кто, вроде Плеханова, который вскоре после *Кровавого воскресенья* дошел до того, что призывал рабочих «вооружаться», уверял теперь, что московское восстание было ошибкой. Это мнение было непопулярно и среди большевиков и среди меньшевиков. Большевики приписывали московскую неудачу недостатку решительности и слабой организации. Меньшевики же приписывали ее главным образом тому, что войска остались верными самодержавию. И те и другие сходились на том, что вооруженная борьба, как таковая, остается желательной и что задача социал-демократов состоит в организации вооруженного восстания в ближайшем будущем. Но для большевиков это означало создание генерального повстанческого штаба и сети вооруженных отрядов, которые вступили бы в бой по сигналу свыше. Для меньшевиков же подготовка к восстанию означала более интенсивную политическую деятельность среди масс с тем, чтобы подбить их на восстание, а затем, когда произойдет революция, повести к победе. Эти противоречивые взгляды нашли свое отражение в меньшевистской резолюции, принятой на IV съезде, и в проекте резолюции, предложенном большевиками и не получившем большинства. Аксельрод предложил совершенно иной подход, не встретивший, однако, поддержки на съезде. Тактика меньшевиков, сказал он, на практике мало отличается от тактики большевиков. Подлинная задача социал-демократов — задача «поднятия» пролетариата на ступень сознательной и организованной, то есть самостоятельной политической силы, отделена «непроходимой пропастью» от боевых выступлений и «совершенно несовместима с мыслью о подготовке народных масс к

решительным боям против реакции с оружием в руках»[14]. Аксельрод предвидел потребность в политической подготовке, пока пролетариат не созреет для выполнения своей миссии и не превратится в решающую силу в государстве. В качестве конкретного шага в этом направлении он предлагал на IV съезде, как и до него, чтобы социал-демократы взяли на себя инициативу созыва всенародного рабочего съезда. Таким шагом, заверял Аксельрод, можно добиться гораздо большего, чем забастовками и демонстрациями, так как съезд может превратиться в центр притяжения всего социал-демократического и рабочего движения. Теория Аксельрода не встретила никакого сочувствия в его собственной фракции, которая опасалась, что авторитет социал-демократических комитетчиков может быстро потонуть в стихийно возникшем рабочем движении. Через несколько месяцев после съезда меньшевики, совместно с большевиками, осуждали любую попытку организации рабочего съезда как «нарушение партийной дисциплины»[15].

Большинство членов партии все еще было опьянено пылом битвы и отказывалось верить, что волна революции откатилась обратно. Поэтому в течение 1905 и 1906 годов много споров шло о том, какой должна быть политика социал-демократов, если успешная революция приведет к образованию временного правительства. Большинство меньшевиков следовало в этом вопросе традиционному толкованию взглядов Маркса, преобладавшему тогда в социал-демократических партиях Западной Европы. Согласно этому взгляду, революция в России привела бы только

[14] «Протоколы». т. IV, стр. 284 и 285. См. «КПСС в рез.», т. I, стр. 108 и 109, 128 и 129.

[15] На Таммерфорской конференции в ноябре 1906 г., на которой меньшевики обладали большинством, «КПСС в рез.», т. I, стр. 143. О взглядах Аксельрода в 1906 г. см. «Протоколы», т. IV, стр. 283 и 284; «Переписку» (письмо от 1 сентября 1906 г.) и «По поводу одной заметки», «Социал-демократ», № 1, 17 сентября 1906 г.

к замене «феодализма» «буржуазно-капиталистической» формой общества. Поэтому временное правительство могло быть только буржуазным правительством, образованным либеральными партиями. Участие социал-демократов в таком правительстве было бы ошибкой, так как оно не только предвосхищало бы следующую историческую фазу — пролетарскую революцию, но и заглушало бы классовую сознательность пролетарской партии, компрометируя ее честность в глазах масс и отвлекая ее от ближайшей задачи — свержения буржуазного правительства. Поэтому социал-демократы должны оставаться партией крайней оппозиции по отношению к временному правительству, заставляя его прибегать к более радикальным мерам. По мере развития революции 1905 года некоторые из них стали склоняться к крайним взглядам Троцкого и его единомышленника Гельфанда (Парвуса). Они утверждали, что разбег революции может оказаться настолько сильным, что пролетариат удастся повести по пути осуществления максимальной программы полного социалистического преобразования общества, как только будет завершена буржуазная фаза революции. Буржуазная фаза, утверждал Троцкий, — это только этап; в интересах самосохранения пролетариату следует брать прицел на «непрерывную (перманентную) революцию», не давая буржуазному государству времени укрепиться, а это в свою очередь приведет к диктатуре пролетариата. Теория «перманентной революции» обладала почтенным предком в виде взглядов Маркса, распространенных во время краткого этапа немецкой революции 1848 года. Тогда Маркс настаивал на том, чтобы Коммунистическая Лига, не давая «демократическим разговорам о свободе» ввести себя в заблуждение, взяла на вооружение лозунг «перманентной революции» и стремилась к непосредственному переходу к социальной революции. Но эти взгляды были только временным отходом Маркса от научного анализа, отходом, допущенным под впечатлением поднимавшейся, как казалось Марксу, революционной волны. Вскоре снова взяло верх фундаментальное убеждение Маркса о развитии исторического процесса путем неизбежных этапов, и Маркс стал критиковать

тех, кто «делает чистую волю, а не реальные условия, маховым колесом революции». Маркс писал: «В то время как мы говорим рабочим: вам предстоит пройти через 15 или 20 или 50 лет буржуазных или национальных войн не только для того, чтобы изменить условия, но и для того, чтобы измениться самим и стать готовыми к политической власти, вы, напротив, говорите: мы должны добиться власти сейчас же, иначе мы можем просто лечь и заснуть». Мартов тоже склонялся к «непрерывной революции», но рассматривал ее возможность (в отличие от Троцкого[16]) как необходимое зло, а не как желанную цель.

Один-единственный раз, в сентябре 1905 года, Ленин тоже использовал эту традиционную формулу: «От революции демократической, — писал он, — мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы... к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути». Но это было изолированное высказывание. В более продуманной форме он высказал свое мнение в 1905 году с точным учетом традиционной марксистской теории. Мнение, что можно осуществить программу-максимум социалистической революции сразу же после успеха революции демократической, Ленин называл «нелепым» и «полуанархистским». «Без сознательности и организованности масс, без подготовки и воспитания их открытой классовой борьбой со всей буржуазией о социалистической революции не может быть и речи». Единственный путь к ней ведет через демократическую республику. «Кто хочет идти к социализму по другой дороге, помимо демократизма политического, тот неминуемо приходит к нелепым и реакционным, как в экономическом, так и в политическом

[16] О взглядах Троцкого см. его «Итоги и перспективы», Москва, 1919, где перепечатана его брошюра, опубликованная в 1906 г. О взглядах Мартова см. «Искру», № 93, 17(4) марта 1905 г., стр. 4 и «Письма», стр. 146. О взглядах Маркса см. *Selected Works*, vol. I, стр. 98-108, а также B. Nicolaevsky and Otto Maenchen-Helfen, *Karl Marx: Man and Fighter*, London, 1936, стр. 204-220.

смысле, выводам». Высказав таким образом свой ортодоксально-марксистский взгляд на революцию, Ленин далее объяснял, что он имеет в виду под «политическим демократизмом» в русских условиях. Этот «политический демократизм» неизбежно означал бы диктатуру, так как «осуществление преобразований, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление и помещиков и крупных буржуа», которое надо будет сломить. Эта диктатура, однако, не сможет быть диктатурой пролетариата, а будет «революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства». Так как она не будет пролетарской диктатурой, она не сможет, по крайней мере вначале, атаковать основы капитализма. Но она сможет внести коренное перераспределение земельной собственности в пользу крестьянства, ввести полный «демократизм», улучшить положение рабочих и, last but not least (последний по счету, но не по значению — англ.), перенести революционный пожар в Европу[17]. Поэтому после 1905 года ленинское толкование первой фазы следующей революции исключало либеральные партии из временного правительства. В теории оно отличалось от толкования Троцкого признанием, что диктатура будет осуществляться совместно с крестьянскими, то есть «буржуазными» партиями. И на III и на IV съездах Ленин настаивал на участии социал-демократов в том, что он называл «временным революционным правительством». Показателем того, как превратно толковались его идеи за пределами его собственной партии (да и в самой партии), может служить тот факт, что лидер кадетов Милюков понял заявление Ленина по-своему: большевики-де готовы принять участие в *буржуазном* временном правительстве[18].

Ленин приписывал теперь крестьянам жизненно важную роль в будущей революции. Хотя еще в 1902 году — в ходе

[17] Ленин, т. 8, стр. 186, 41, 62 и 63.

[18] «КПСС в рез.», т. I, стр. 78, 110; D. W. Treadgold, *Lenin and his Rivals: The Struggle for Russia's Future*, 1898-1906, London, 1955, стр. 175.

споров о партийной программе со своими коллегами по «Искре» — он осознал важность привлечения крестьян, понадобилась революция 1905 года, чтобы открыть ему глаза на их значение как революционной силы. Крестьяне играли важную роль в России в 1905 году: они усиливали общее брожение. Но если у них и было какое-то социалистическое руководство, оно исходило в основном от эсеров, а не от социал-демократов. Да и гапоновская программа содержала воодушевляющий призыв к крестьянам, а Ленин одно время общался с Гапоном, когда последний приехал в Швейцарию после *Кровавого воскресенья*[19]. И Гапон и эсеры предлагали крестьянам то, в чем те были заинтересованы, — землю. Сдержанные предложения, исходившие от социал-демократов, которые до 1905 года ожидали, что крестьяне последуют за своим вождем — пролетариатом в обмен на незначительные уступки[20], не могли соперничать с такими обещаниями. Во всяком случае, к марту 1905 года Ленин понял «подлинно демократическое и революционное содержание» крестьянского земельного голода и необходимость поддержки требований крестьян. Большевистский III съезд в апреле 1905 года обещал поддержку всем революционным мероприятиям крестьянства, вплоть до конфискации помещичьих земель[21]. Но это мнение, хотя и было полезной практической политикой в целях революции, противоречило установке большинства марксистов. Согласно этой установке, поощрение естественного стремления крестьянина стать мелким собственником означало создание крепкой мелкой буржуазии, собственническая страсть которой оказалась бы препятствием для будущего развития социализма.

[19] Н. Крупская, «Воспоминания о Ленине», Москва, 1932, стр. 85-90.

[20] О деталях этих уступок см. принятую в 1903 г. программу в «КПСС в рез.», т. I, стр. 42 и 43. Основные уступки были разработаны Лениным в целях привлечения крестьян еще в 1895 г. См. Ю. Мартов, «Записки социал-демократа», Берлин, 1922, стр. 331 и 332. Они состояли в возвращении крестьянам «отрезков» земли, отнятых у них после отмены крепостного права в 1861 г.

[21] Ленин, т. 7, стр. 161; «КПСС в рез.», т. 1, стр. 80.

Пытаясь сделать более привлекательное предложение крестьянам и в то же время учесть это теоретическое возражение, меньшевики предложили на IV съезде «муниципализацию» земли, то есть конфискацию всей земли и управление ею в интересах крестьян демократически избранными местными органами. Этой политике, принятой съездом по предложению меньшевистского большинства, Ленин противопоставил программу «национализации» земли государством. В своем анализе ленинского предложения Плеханов указывал, что, по мнению тех, кто рассматривает (как полагается ортодоксальному марксисту) первую фазу революции как фазу буржуазно-демократическую, национализация всей земли просто укрепляла бы враждебное государство. Значит, утверждал Плеханов, ленинское требование национализации логично только для тех, кто уже отбросил первую, буржуазную, фазу и думает о немедленном переходе ко второй, социалистической фазе. Главный довод Плеханова состоял в том, что необходимо разрушение деспотической и полуазиатской системы землевладения в России хотя бы в качестве гарантии против контрреволюционной реставрации. Ленин отвечал, что крестьяне никогда не захотят муниципализации, что единственная гарантия от контрреволюционной реставрации состоит в революционном взрыве в западных странах и что национализация в сочетании с захватом земли крестьянскими комитетами — единственный способ доказать крестьянам необходимость довести до конца социальную революцию. Как пояснил Ленин вскоре после съезда: «Мы должны звать крестьян к захвату земли, узаконение же этого захвата в форме закона о конфискации последует позже»[22]. Одним из последствий этого взгляда

[22] «КПСС в рез.». т. I, стр. 124, 116-118; «Протоколы», т. IV, стр. 59-63, 143-149, 81-83. Ленин, т. 9, стр. 149-156, 184-200. Оригинальный анализ значения этих прений, вскрывавших опасения Плеханова насчет возможности возникновения азиатско-бюрократической формы диктатуры в результате осуще-

Ленина на аграрную политику была его готовность сотрудничать с эсерами. Но более насущным в то время был вопрос отношения к либералам.

Революция 1905 года привела к образованию нескольких прогрессивных, но сравнительно умеренных политических партий, которые, за неимением более подходящего термина, можно назвать «либеральными». Самая крупная из этих партий — конституционные демократы, известные как кадеты, возникла после слияния двух движений — Союза освобождения и земцев-конституционалистов, в число которых входила часть либерально настроенных помещиков, активно работавших в земствах. Эти два движения разнились друг от друга своими программами. В то время как «освобожденцы» по темпераменту были скорее радикальными реформаторами, земцы большей частью были умеренными конституционалистами с сильной примесью осторожного консерватизма. Несмотря на всю антипатию земцев к произволу самодержавия, их часто отталкивала насильственная или чересчур поспешная оппозиция против него. Хотя радикальные «освобожденцы» эмоционально всегда скорее сочувствовали революционным действиям пролетариата, они вынуждены были заключить союз с конституционалистами из-за опасений, которые им внушала насильственная и анархичная природа революции. После года энергичной общественной деятельности будущие кадеты собрались на съезде в Москве в середине октября 1905 года и завершили его в виде организованной партии, готовой принять участие в политической жизни страны. Программа, принятая на этом учредительном съезде, оставляла открытым вопрос, станет ли будущее государство монархией или республикой. Программа требовала полной гражданской и политической свободы, всеоб-

ствления ленинских предложений, см. Karl A. Wittfogel, *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power,* Oxford, 1957, гл. IX. См. также: Samuel H. Baron, *Plekhanov: The Father of Russian Marxism,* London, 1963, стр. 295-307.

щего избирательного права, восьмичасового рабочего дня и других прогрессивных законов о труде, а также экспроприации земли в пользу крестьян на основе справедливой компенсации. Руководитель новой партии П. Н. Милюков объяснил, что кадетов от партий справа отделяет их отказ принести в жертву интересы рабочих интересам помещиков и промышленников. Что же касается, как он выразился, «наших союзников слева», кадеты не могли принять ни их требований создания демократической республики, ни их политики национализации всех средств производства. Но солидарность с пролетариатом и даже восхищение им за то, что он поставил самодержавие на колени, были ключевой нотой большинства речей на съезде. Что же касается царского манифеста от 17 октября, выпущенного во время съезда, то новая партия не верила, что содержавшиеся в нем обещания будут выполнены. Кадеты поставили себе задачу активно участвовать в предстоявших выборах Государственной Думы с тем, чтобы принудить самодержавие принять Думу в качестве полностью суверенного законодательного собрания и назначить ответственное перед нею правительство. На меньшее они не соглашались. Съезд не удовлетворил все те разнородные элементы, из которых он состоял; откололись группы и справа и слева. Небольшая группа так называемых «критических социалистов» осталась вне рамок кадетской организации; в нее входили Е. Д. Кускова и С. Н. Прокопович, бывшие «экономисты». На правом фланге возникло несколько групп, самой важной из которых был «Союз 17 октября» — «октябристы», большинство которых считало, что единственно правильный путь для России состоит в осмотрительном продвижении к свободе. Прогрессивным партиям следовало бы, по их мнению, принять Октябрьский манифест, умерить свои требования и сотрудничать с режимом, который, по сути дела, превратился теперь в конституционную монархию; нужно было стремиться к правопорядку в качестве основы для реформ.

Таким образом, многие из членов либеральных партий,

возникших в России в 1905 году, были значительно радикальнее членов либеральных партий в Западной Европе. Большевикам все это было безразлично, и, в частности, Ленин всегда настаивал на том, что между более или менее радикальными либералами нельзя либо невозможно проводить разницы. Все они неизбежно-де войдут в союз с самодержавием против рабочих и все, в конце концов, станут предателями. Поэтому рабочим нельзя ни поддерживать либералов, ни входить с ними в союз. Хотя III (большевистский) съезд на словах принял традиционную социал-демократическую теорию о поддержке либералов впредь до завершения буржуазно-демократической фазы революции[23], страницы ленинской газеты «Вперед» были заполнены нападками на либералов. «Поддержка» на страницах газеты толковалась, в лучшем случае, как помощь скрывающимся подпольщикам или передача подпольной литературы. Безоговорочная враждебность Ленина к либералам полностью соответствовала его взгляду (сформулированному еще в 1902 году), согласно которому капитализм уже преобладает в России и время для сотрудничества с либералами прошло, а также его понятию «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Меньшевики же, по меньшей мере в теории, считались с неизбежностью более или менее длительной буржуазно-демократической фазы революции, в течение которой социал-демократы были бы радикальной оппозицией при либерально-демократическом правительстве. Поэтому некоторые из них рекомендовали сотрудничество с либералами во всех направленных против самодержавия мероприятиях. В то же время они все еще считали, что социал-демократы должны неустанно разоблачать трусость и реакционную нерешительность либералов и тем самым толкать их влево, к более революционному курсу. Хотя они продолжали верить, что во второй фазе, после социальной революции, либералы будут

[23] «КПСС в рез.», т. I, стр. 82 и 83.

устранены, эта перспектива, по-видимому, была в их глазах настолько далекой, что не мешала совместным действиям в настоящем.

Одной из жертв 1905 года стала меньшевистская теория «гегемонии» пролетариата, которая, после появления либералов в качестве активной и независимой силы, не имела уже никакого отношения к действительности. Что касается Ленина, то, в отличие от меньшевиков, он никогда не предвидел, что партия пролетариата будет руководить независимыми либеральными партиями, а имел в виду скорее конечное превращение социал-демократов в единственную организованную партию, хотя и привлекающую людей из всех классов и пользующуюся поддержкой этих последних[24]. Но меньшевики, оказавшись перед тем очевидным фактом, что кадеты собираются мыслить и действовать по-своему, каким бы ни было их восхищение ролью пролетариата во время революции, тихо похоронили свою когда-то любимую теорию. Троцкий называл «гегемонию» «лицемерием», а Плеханов — «нелепостью»[25].

Нет, пожалуй, более красноречивого доказательства нелепости теории «гегемонии», чем ход выборов в Первую Думу весной 1906 года. Широкое избирательное право, введенное Октябрьским манифестом, открывало большие возможности социал-демократическим кандидатам. Поскольку выборы происходили по двухступенчатой системе и поскольку фабрично-заводские рабочие голосовали по отдельным куриям, у социал-демократических кандидатов были особенно хорошие шансы именно в рабочих куриях. Но симпатии к рабочему движению значительной части радикально настроенной буржуазии и интеллигенции обещали социал-демократам успех и в других куриях. Однако в общей атмосфере недоверия к обещаниям самодержавия социал-де-

[24] См. А. Н. Потресов в «Искре», № 78 от 20 (7) ноября 1904 г., стр. 5.
[25] См. Кеер, стр. 211 и 212.

мократы в целом сначала склонялись к бойкоту выборов. Избирательное право, при всей его широте, носило несправедливый характер, благоприятствовало собственникам. Существование политических партий все еще было делом ненадежным, и никто не мог быть уверен, что предвыборные обходы избирателей и агитация за своих кандидатов будут свободными от вмешательства полиции.

По мнению большевиков, каков бы ни был состав Думы, она неизбежно стала бы реакционной и пошла бы на компромисс с самодержавием. Приняв участие в выборах, социал-демократы только пробудили бы ложные иллюзии среди рабочих: им, мол, все же удастся добиться своих целей без революции, чисто парламентским путем. Правильный курс социал-демократов поэтому-де состоял в бойкоте выборов, а когда Дума соберется — в использовании конфликтов между Думой и народом, понявшим, что его интересы преданы. Этих взглядов держались не только лидеры большевиков, но и члены партии вообще. У меньшевиков единства не было, но, в основном, они склонялись к тому, что выборы следует использовать в качестве средства для привлечения внимания масс к проблемам, перед которыми они стояли в своей борьбе. Сама Дума (по крайней мере, по мнению Плеханова) послужила бы полезным источником опыта для рабочих, доказав им, что только подлинное демократическое Учредительное Собрание удовлетворит их требования. В итоге большевики решили — в декабре 1905 года — бойкотировать выборы в Думу. Хотя сам Ленин одно время колебался в этом вопросе и стремился каким-то образом использовать выборы ради представляемых ими возможностей агитации, он уступил подавляющему мнению своей фракции в пользу общего бойкота[26]. Меньшевистские лидеры так и не договорились об общей

[26] См. «Письма», стр. 148, и ссылку там же на мемуары одного участника конференции, протоколов которой не существует. Резолюцию см. в «КПСС в рез.», т. I, стр. 100 и 101.

политике и предоставили своим местным комитетам самим решать вопрос об участии в выборах или их бойкоте. Результатом этой политики была полная дезорганизация рабочих. В большинстве округов, где существовало сильное социал-демократическое влияние, все равно — большевистское или меньшевистское, выборы бойкотировались рабочими. В тех округах, где рабочие были предоставлены самим себе, они склонялись к участию в выборах и в некоторых случаях избирали депутатов с социал-демократическими симпатиями. На Кавказе, где сильные меньшевистские организации с самого начала противились бойкоту, социал-демократы организовали выборы как следует и получили вдвое больше голосов, чем все остальные партии, вместе взятые[27]. Крестьяне оставались безучастными ко всякой пропаганде бойкота, которая исходила от эсеров, и ввиду отсутствия социалистических кандидатов голосовали за кадетов. Результатом политической беспомощности социалистов была тяга избирателей к независимым кандидатам или кадетам, которые в итоге оказались самой сильной партией в Думе со 179 из 478 мандатов. А социал-демократов было избрано всего 18[28].

Когда 23 апреля 1906 года в Стокгольме собрался IV съезд партии, выборы были почти закончены, и победа кадетов и провал политики бойкота стали очевидными. Меньшевики теперь категорически отвергли бойкот. Предложенная ими и принятая съездом резолюция не только санкционировала участие в дальнейших выборах (это касалось Кавказа), но и считала желательным, чтобы социал-демократы

[27] См. Б-ов (М. Балабанов) и Ф. Дан, « Рабочие депутаты в Первой государственной Думе », Петербург, без даты, стр. 31-59.

[28] Было избрано 38 « умеренных » депутатов и 50 депутатов « центра », а также 94 левых « трудовиков ». Остальные были большей частью беспартийные крестьяне. Правых депутатов вообще избрано не было. См. J. L. M. Keep: *Russian Social Democracy and the First Duma*, The Slavonic and East European Review, vol. XXXIV, Dec. 1955, p. 186, note 27. См. там же стр. 182-185 общие сведения о выборах и об отношении к ним отдельных партий.

в Думе образовали отдельную группу. Эта группа под контролем центральной партийной организации должна толкать буржуазные партии к более решительной оппозиции против самодержавия и обострять конфликты между ним и Думой. Ленин и около шестнадцати других большевиков голосовали за резолюцию, но многие большевики, в том числе Сталин, воздержались. Ленин и голосовавшие с ним делегаты объяснили изменение своей линии тем, что предстоящие выборы не имеют-де практического значения. Отговорка неубедительная, так как о кавказских выборах этого никак нельзя было сказать. Истинная причина состояла в том, что хорошо организованные кавказские меньшевики вряд ли обратили бы большое внимание на любую резолюцию, запрещавшую им принимать участие в выборах, раз они уже твердо решили участвовать в них. Впоследствии Ленин продолжал упорно утверждать, что бойкот Первой Думы был правильной тактикой. И только в 1920 году он впервые публично признал, что бойкот был ошибкой[29].

Таким образом, IV съезд закончился номинальным объединением обеих фракций при обстоятельствах, очень сильно отличавшихся от 1903 года. Революция шла на убыль, занималась заря конституционной эры, и на сцене появилась сильная партия среднего класса, полная решимости создать предпосылки политической и гражданской свободы. Для социал-демократов, казалось бы, открывались новые возможности — вроде тех, которые в некоторых западноевропейских странах превратили рабочий класс в сознательную политическую силу. Русской партии, однако, не было дано воспользоваться этими возможностями.

[29] См. Ленин, т. 25, стр. 204. Текст резолюции в «КПСС в рез.», т. 1, стр. 127 и 128. Результаты голосований на съезде см. «Протоколы», т. IV, стр. 374.

5. ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ ДУМЫ

Ленин и большевики рассматривали свое поражение на IV съезде только как временную неудачу и сразу же начали борьбу. Согласно Мартову, ЦК, избранный на этом съезде (на котором меньшевики обладали большинством), с самого же начала столкнулся «с наличностью в партии... стремления создать какую-то специальную, централизованную организацию для нужд подготовки вооруженного восстания и руководства им»[1]. Он имел в виду тайный большевистский «Центр», официальное существование которого относится советскими историками только к периоду после 1907 года, но который на деле был основан в Стокгольме во время IV съезда весной 1906 года. Точный его состав неизвестен, но во всяком случае в него входили Ленин, Богданов и Красин — последние двое были членами ЦК[2]. Характер этого Центра может быть восстановлен только на основании обрывков информации, содержащихся в мемуарах. «На самом съезде, — писал один из самых близких сообщников Ленина, — большевики составили внутренний и нелегальный с партийной точки зрения ЦК»[3]. Другой большевик ссылается в своих мемуарах на

[1] «Протоколы», т. V, стр. 86.

[2] Шеститомная история КПСС, ныне (1969) публикуемая в Советском Союзе, упоминает Центр мельком и определяет его как редакционную коллегию «Пролетария» в августе 1906 г. См. П. Н. Поспелов и др. (ред.), «История Коммунистической Партии Советского Союза», т. II, Москва, 1966, стр. 193.

[3] Г. Зиновьев, «История Российской коммунистической партии (большевиков). Популярный очерк», Москва-Петроград, 1923, стр. 124; М. Лядов, «Из жизни партии. Воспоминания», Москва, 1956, стр. 166 и 190.

секретные большевистские фонды, которыми распоряжался Красин втайне от партии. «Официальное объединение, — добавляет он, — на наши большевистские дела, как таковые, не имело почти никакого влияния. Мы отнюдь не разоружились как самостоятельная, сильная, революционная фракция». Тайной работой руководил Ленин[4].

В то время Ленин еще верил, что волна революции поднимается, что затишье носит только временный характер и что социал-демократы должны быть наготове, дабы использовать ближайшую возможность, как только она представится. Ленинское ощущение необходимости мощного всенародного восстания усилилось после опубликования в 1906 году проекта земельной реформы. Задуманная новым Председателем Совета министров П. А. Столыпиным, эта реформа имела целью уничтожение традиционной крестьянской общины и тем самым — создание сильного класса крестьян-собственников. Столыпин понимал, что крестьянская община не только не представляет собой оплота самодержавия (как до сих пор считало большинство советников императора), но наоборот, служит рассадником революции. Новый класс крестьян-собственников, по замыслу Столыпина, стал бы оплотом порядка против революционной волны. Для Ленина же перспектива успешной революции была связана с восстанием изголодавшихся по земле крестьян. Он предвидел — и позднее объяснил в печати, — что если столыпинские реформы завершатся, они сделают революцию невозможной[5]. Ответом на них поэтому должна стать немедленная революция, более мощная, чем революция 1905 года. Но ее можно добиться только при помощи сети боевых отрядов, контролируемых тесно спаянной организацией революционеров под руководством Ленина. В такой организации не было места для «мягких» меньшевиков. Поэтому, по мнению Ленина, нужно

[4] Влад. Бонч-Бруевич, «Большевистские издательские дела в 1905-1907 г.г. Мои воспоминания». Ленинград, 1933, стр. 17 и 18.

[5] Ленин, т. 12, стр. 193.

было предотвратить формальное воссоединение партии и агитировать за созыв нового съезда, на котором большевики опять смогли бы забрать в свои руки партийные органы.

Тактика большевиков в 1906 и 1907 годах состояла во всемерной дискредитации среди членов партии официально избранного руководства. Когда им казалось, что меньшевистские лидеры предаются «конституционным иллюзиям», они начинали обвинять меньшевиков в нарушении решений партийного съезда. Но когда, как это иногда случалось, Центральный Комитет оглашал резко революционные призывы, большевики обвиняли его меньшевистское большинство в «авантюризме». В рамках самого Центрального Комитета Богданов и Красин бомбардировали большинство протестами, рассылая их членам партии, если в ЦК их отвергали[6]. Большевиков в Петербургском комитете поддерживал Г. Е. Зиновьев, кооптацию которого провел Ленин. Зиновьев, молодой демагог, не отличавшийся особой щепетильностью и обладавший редким даром плести интриги, вскоре показал себя ценным помощником для закулисной работы. С его помощью Ленин вскоре добился большевистского большинства в Петербургском комитете, вряд ли менее важном, чем Центральный Комитет. Новый большевистский орган «Пролетарий» выходил под эгидой Петербургского комитета.

Вся эта деятельность требовала средств, так как Ленин не мог пользоваться официальным партийным фондом, управляемым Центральным Комитетом, для своих собственных тайных операций. Крупная сумма (60.000 руб.) была передана Ленину, Богданову и Красину женой Горького — она была распорядительницей страхового полиса промышленника Морозова, одного из жертвователей на дело большевиков, скончавшегося в 1905 году[7]. Общий официальный бюджет Цен-

[6] См. брошюру, опубликованную для съезда и перепечатанную у Ленина, т. 10, стр. 421-434.

[7] Блестящую зарисовку этой странной фигуры дал Максим Горький. См. «М. Горький в эпоху революции 1905-1907 г.г. Материалы, воспоминания,

трального Комитета за весь период между IV и V съездами превышал эту сумму на 20.000 руб[8]. Но гораздо больший доход обеспечивали большевикам вооруженные налеты или, как они тогда назывались, «экспроприации». Этот метод добывания партийных фондов был общепринятым в условиях анархии, царившей в стране в 1905 году. Он практиковался боевыми отрядами партии в ходе самого восстания. Но была во всем этом и солидная доля чистого бандитизма, кое-как замаскированного под революционную деятельность; бандитизм дискредитировал партию среди ее потенциальных сторонников и деморализовал ее изнутри. Все меньшевики, Бунд и многие большевики относились к практике экспроприаций с чувством гадливости. Однако Ленин и некоторые из его ближайших сторонников признавали важность этого источника фондов. На IV съезде большинство делегатов голосовало против экспроприаций как метода борьбы, кроме тех случаев, когда на местах были уже образованы органы революционной власти[9]. Ленин и ряд других большевиков воздержались от голосования и игнорировали резолюцию после съезда. В течение 1906 и 1907 годов эпидемия вооруженных экспроприаций, как казенного, так и частного имущества охватила всю страну, доставляя значительные суммы в особую большевистскую кассу.

Большевистские источники, естественно, весьма глухо говорят об этой деятельности, незаконной не только с точки зрения государства, но и с точки зрения партийной дисциплины. Даже меньшевики в то время неохотно обсуждали эту тему, боясь дискредитировать партию, особенно в глазах немецких социал-демократов. Но мемуары того периода проливают некоторый свет на этот вопрос. Общий надзор над операциями находился в руках Ленина. Техническое руковод-

исследования». Москва, 1957, стр. 12-35. Согласно Горькому, Морозов застрелился.

[8] «Протоколы», т. V, стр. 94-97, 188.

[9] «КПСС в рез.», т. I, стр. 130 и 131.

ство было в основном делом Красина, выдающегося инженера и талантливого организатора. Эта заговорщицкая деятельность сблизила большевиков с террористами-эсерами. Эсеровская бомба, предназначенная для убийства Столыпина в августе 1906 года, но не достигшая своей цели, была изготовлена в одной из подпольных лабораторий Красина. Главными центрами деятельности были Урал и Кавказ[10]. Кое-какие средства попали в большевистскую казну и в результате поездок представителей русских рабочих организаций по Соединенным Штатам в 1906 году. Деньги официально собирались для партии в целом, но на деле попадали только к большевикам[11]. Так как до сентября 1908 года большевики вообще не публиковали своих отчетов, то точная оценка этих фондов невозможна. Все же в период между 1906 и 1908 годами они, вероятно, достигали нескольких сот тысяч рублей[12].

Меньшевики не воспользовались своим большинством на съезде и почти не делали попыток утвердить свое превосходство над большевиками. После съезда их целью оставались примирение и единство. Они ничего не сделали, чтобы противодействовать дезорганизующей деятельности большевиков

[10] См. «Пролетарская революция», № 58, 1926, стр. 11 и 12. Б. Бибинеишвили, «Камо», Москва, 1934; Н. Крупская, «Воспоминания о Ленине», Москва, 1932, стр. 116, 161 и 162; С. М. Познер (ред.), «Протоколы первой конференции военных и боевых организаций РСДРП», Москва, 1932, стр. 341-343. См. также Л. Мартов «Спасители или упразднители (кто и как разрушал РСДРП)». Париж, 1911, стр. 17-19.

[11] Основано главным образом на неопубликованных источниках, собранных в нескольких рукописных сводах, подготовленных ныне покойным Б. И. Николаевским. Эти рукописные своды, которыми я имел возможность пользоваться благодаря любезности Б. И. Николаевского и Исследовательского проекта, содержат не только огромную массу информации об опубликованных материалах, относящихся к данному периоду, но и большое количество машинописных документов из различных публичных и частных архивов, никогда ранее не печатавшихся. Я широко пользовался этими трудами и весьма признателен Б. И. Николаевскому и Исследовательскому проекту.

[12] Это цифра, которую назвал Богданов в своих полемических листовках и брошюрах после разрыва с Лениным в 1909 г.

или утвердить свое идеологическое превосходство. Центральный орган партии «Социал-демократ» со своей чисто меньшевистской редакцией, в которую входили Мартов и Дан, никогда не пытался говорить от имени всей партии, чтобы не обострять фракционной борьбы. Редакторы «Социал-демократа» терпели, не протестуя и, вероятно, ничего не подозревая, открыто фракционистские выступления «Пролетария», которым руководил Ленин при посредстве Петербургского комитета. Уверенные в том, что единство уже достигнуто, меньшевики не учредили отдельной организации. Как правило, они не распознавали большевистской тактики или, во всяком случае, не приписывали ей большого значения. «Большевики себя ведут так, как будто бы разрыв уже существует, — писал Плеханов Аксельроду в январе 1907 года, — а меньшевики — так, как будто его никогда не будет»[13]. Вероятно, большинство меньшевиков, так же как и большевиков, все еще верило, что новое восстание вот-вот начнется и что задача всех социал-демократов состоит в его подготовке. А для этого прежде всего необходимо единство.

Разница воззрений Ленина и меньшевистских лидеров выявилась, как только встал вопрос об отношении к Первой Думе. Взгляды Ленина были совершенно определенны: Дума с ее сильным кадетским руководством — контрреволюционный орган; рано или поздно кадеты разоблачат подлинное значение своих красивых фраз о свободе и реформах и сговорятся с самодержавием за счет рабочих. По его мнению, участие в выборах было во всяком случае ошибкой. Вместо того, чтобы поддерживать «конституционные иллюзии», социал-демократам следует-де заняться организацией боевых отрядов и подготовкой восстания. Но поскольку в Думе была социал-демократическая группа, Ленин видел ее задачу только в разоблачении лицемерия кадетов. Поведение кадетов в течение трех месяцев существования Первой Думы имело

[13] «Переписка», т. II, стр. 228 и 229.

очень мало общего с ленинским прогнозом. Кадеты не договорились с самодержавием, а напротив, отвергали любые предложения компромисса. Еще до открытия Думы — 10 мая (27 апреля) 1906 года — ее законодательные полномочия, намеченные в манифесте, были урезаны. Кадеты, окрыленные доверием избирателей, были полны решимости требовать конституционного строя с правительством, ответственным перед Думой, и на меньшее не соглашались. Их непримиримая позиция скоро завела положение в тупик, и ситуация разрешилась весьма просто: 8 июля Дума была распущена императором. Историки еще долго будут спорить о том, чем была вызвана эта роковая неудача развития конституционного строя в России — враждебностью ли монархии к ограничению ее прав, на которое она шла против своей воли, или же отказом кадетов согласиться на постепенный прогресс по пути к свободе[14].

После прибытия кавказских депутатов меньшевики в Думе организовали фракцию в составе 18 человек, куда вошли меньшевистские лидеры И. Рамишвили и Н. Жордания. Фракция добровольно приняла руководство и дисциплину Центрального Комитета[15]. Но социал-демократы играли лишь незначительную роль в Первой Думе. По их теории, им следовало бы поддерживать кадетов впредь до установления полного «буржуазно-демократического» строя, завершая таким образом первую фазу революции. Плеханов метко сформулировал свое понимание желательной политики в следующих словах: «Вместе бить, врозь идти». Но мало кто из меньшевиков в Думе был достаточно дисциплинирован и последователен, чтобы рассматривать тактику в таком свете.

[14] Вторую точку зрения защищают, например, V. Leontovitsch, *Geschichte des Liberalismus in Russland*, Frankfurt, 1957, и В. А. Маклаков, «Власть и общественность на закате старой России. Воспоминания современника», три тома, Париж, 1936. Первая точка зрения представлена П. Н. Милюковым, «Воспоминания (1895-1917)», два тома, Нью-Йорк, 1955.

[15] Балабанов и Дан, указ. соч., стр. 96-98.

Для них Дума была просто трибуной, с которой можно разжигать революцию. Они считали само собой разумеющимся, что император ждет возможности уничтожить Думу. Меньшевики полагали, что Дума окажется средоточием массового действия, так как рабочие сплотятся для ее защиты. Вместо сотрудничества с кадетами они большей частью занимались пустой риторикой, обвиняя кадетов в том, что те не были теми, кем вообще никогда не собирались быть — бескомпромиссными революционерами. Меньшевики тратили время на подталкивание кадетов еще более влево, чем эта очень радикальная и, кстати сказать, неузаконенная (так же, как и социал-демократы) партия собиралась заходить. Это почти совпадало с ленинской точкой зрения, и действительно, Ленин признал, что социал-демократические депутаты, в общем, «заняли верную позицию»[16].

Так как большевиков в Думе не было, то тактику социал-демократической фракции можно правомерно рассматривать как тактику меньшевистскую. Меньшевистские депутаты в Думе фактически выполняли резолюцию, принятую меньшевистским большинством на IV съезде, которая призывала их «толкать все буржуазные партии к более решительной оппозиции», критикуя их в Думе и тем самым разжигая пожар революции[17]. Но меньшевики также считали, что их долг — в поддержке кадетов во всех мероприятиях, направленных на консолидацию «буржуазной революции». Мало кто из них, казалось, отдавал себе отчет в том, что на практике эти две цели несовместимы. В июне 1906 года Центральный Комитет объявил, что он поддерживает Думу в ее усилиях вынудить самодержавие учредить ответственное перед Думой правительство. Когда, после роспуска Думы, около двухсот депутатов, большей частью кадетов, выехали в Выборг, в Финляндию, и выпустили манифест, призывавший ко всенародной

[16] Ленин, т. 9, стр. 392.
[17] «КПСС в рез.», т. I, стр. 127 и 128.

кампании пассивного сопротивления[18], меньшевики пошли еще дальше и призвали к всеобщей забастовке. Реакция на эти призывы была красноречивым доказательством иллюзорности надежд, разделявшихся и большевиками и меньшевиками насчет якобы все еще поднимающейся волны революции. Во флоте произошли два стихийных бунта, быстро подавленных и, вероятно, не связанных с призывом, а в Петербурге на одни сутки забастовало около 80.000 рабочих. И это все.

Июньская революция 1906 года, обещавшая поддержку Думе в ее столкновении с самодержавием, была использована Лениным для того, чтобы вбить новый клин между обеими партийными фракциями. Ленин утверждал, что политическая линия IV съезда имела в виду свержение Думы, а не упорядочение ее работы. (Он преднамеренно не упомянул, что резолюция съезда о Думе обязывала и социал-демократических депутатов «обострять конфликт между Думой и царским правительством»). А самым лучшим средством для этого было требование к министрам помнить о лежащей на них ответственности. Разговоры о дисциплине, продолжал Ленин, — это чистые «софизмы». Он побудил находившийся в руках большевиков Петербургский комитет принять резолюцию протеста против тактики ЦК, вызвав таким образом лобовое столкновение между Петербургским комитетом и ЦК. Больше того, на последовавшей местной партийной конференции он добился принятия другой резолюции, требовавшей скорейшего созыва нового съезда — ввиду «конфликта между большинством партии и ее центральными учреждениями»[19]. По его утверждению, взгляды Петербургского комитета разделялись польскими социал-демократами и некоторыми другими партийными организациями.

Разногласия между обеими партийными фракциями

[18] Социал-демократы тоже подписали манифест.

[19] Ленин, т. 9, стр. 326 и 327, 473-479.

углублялись по мере приближения кампании выборов во Вторую Думу. Ленин, который, несмотря на собственные колебания в 1905 году, до сих пор стоял за бойкот выборов, внезапно изменил свою установку. Тактику бойкота, писал он в сентябре 1906 года, следует «подвергнуть пересмотру»: «история доказала», что Дума предоставляет возможность полезной агитации[20]. Но Ленин, в то время едва ли не единственный среди его близких сторонников деятель, державшийся этого взгляда, все еще был далек от сговора с меньшевиками. Хотя последние не заходили так далеко, как Плеханов, предлагавший общую программу с либералами впредь до создания полноправной Думы, они все еще были готовы сотрудничать с кадетами для того, чтобы не допускать реакционных правых кандидатов. Они рассматривали такие тактические сговоры как часть своей общей миссии делать кадетов «более революционными»[21]. Большевики, страстно ненавидевшие либералов, вероятно, предпочли бы реакционную Думу либеральной и подчас так почти и говорили вслух. Но во всяком случае взгляды Ленина на роль крестьянства в революции (а возможно, и общий интерес к экспроприациям) сближали его скорее с эсерами, чем с кадетами. В конце 1906 года конференция, состоявшаяся в Таммерфорсе, разработала компромиссное решение, разрешавшее «местные соглашения с революционными и оппозиционно-демократическими партиями» в соответствии с местными условиями и при опасности прохождения списков правых партий. Но эта конференция, на которой меньшевики были в большинстве, отказалась польстить самолюбию большевиков и не приняла резолюции, утверждавшей, что тактика бойкота Первой Думы была полностью оправдана[22].

Избирательный компромисс действовал вполне удовлет-

[20] Ленин, т. 10, стр. 26-32.
[21] См. «Социал-демократ», № 6, 16 (3) октября 1906 г., стр. 2-5.
[22] См. «КПСС в рез.», т. I, стр. 139-144.

ворительно в большей части страны; большевики и меньшевики сотрудничали друг с другом довольно дружно во время предвыборной кампании. Местные социал-демократы проявляли естественную для них тенденцию к единству, если их не принуждали к расколу их лидеры. Характерным исключением была кампания в Петербурге. Здесь желчные споры об избирательной политике привели к открытому разрыву между большевистским большинством и меньшевистским меньшинством в Комитете[23]. Выиграли на этом инциденте, пожалуй, эсеры, которым удалось заполучить голоса многих петербургских рабочих[24].

Ленин вскоре откликнулся на этот разрыв ядовитой брошюрой, в которой обвинял меньшевиков в «измене». Он писал, что они торговались, а затем договорились с кадетами о расколе петербургских социал-демократов, чтобы протащить своих собственных кандидатов. Это переполнило чашу терпения многострадального ЦК, который вызвал Ленина на партийный суд. На первом заседании суда Ленин открыто защищал свое поведение. «Мне говорят, — заявил он суду, — вы вносите смуту в ряды пролетариата. Я отвечаю: я умышленно и рассчитанно вносил смуту в ряды той части петербургского пролетариата, которая шла за отколовшимися накануне выборов меньшевиками, и я *всегда буду* поступать таким образом *при расколе*. Мой долг был в том, чтобы разбить ряды меньшевиков, ведших пролетариат за кадетами... По отношению к политическим врагам я вел тогда... и *всегда* буду вести борьбу *истребительную*». Слушание дела было отложено ввиду предстоявшего тогда открытия Vсъезда, но так и не возобновилось[25].

[23] Всю сложную историю этой предвыборной кампании превосходно трактует Кеер, стр. 329-353.

[24] Мартов, однако, не соглашался с мнением Аксельрода, будто успех эсеров был вызван фракционными спорами, и приписывал его диктаторским и потому непопулярным методам социал-демократов в рабочих организациях. См. «Письма», стр. 156 и 157.

[25] Ленин, т. 10, стр. 307-315; т. 11, стр. 216-228, 567 (курсив подлинника).

Состав Думы второго созыва (1907 год) отражал конфликты предыдущего года: в то время как умеренные элементы утратили свои позиции, экстремисты с обеих сторон упрочили свое положение. Число кадетов сократилось вдвое, социал-демократы обладали теперь шестьюдесятью пятью мандатами вместо восемнадцати. Почти треть всех депутатов составляли рабочие и крестьяне[26]. Вторая Дума была, пожалуй, еще более враждебной к монархии и еще менее склонной к сотрудничеству с ней, чем Первая. Но кадеты, отрезвленные своей неудачей, не были заинтересованы в том, чтобы ставить под удар дальнейшее существование Думы новыми конфликтами. Социал-демократы образовали фракцию, которая приняла устав, сходный с тем, что приняла социал-демократическая фракция Думы первого созыва: фракция действовала в качестве представителя партии под постоянным руководством и контролем ее центральных органов. Меньшевики обладали большинством — тридцать шесть голосов против восемнадцати большевистских. Остальные одиннадцать членов, официально не примыкая ни к той, ни к другой стороне, как правило, голосовали с меньшевиками. Помимо своей деятельности в самой Думе, фракция поддерживала постоянную связь с пролетариатом. Она принимала поток прошений, делегаций и директив всякого рода; она организовывала митинги и расследования. По сути дела, в результате своей деятельности вне стен Думы фракция за четыре месяца своего существования почти заложила фундамент для широкой рабочей партии и являла собой политическую организацию, которую рабочие могли рассматривать как свою собственную.

В самой Думе социал-демократы не имели той же свободы действий. Хотя Столыпин и хотел заручиться поддержкой со стороны Думы, он отказывался расширять рамки Кон-

[26] Подробности см. Alfred Levin, *The Second Duma: A Study of the Social-Democratic Party and the Russian Constitutional Experiment*, New Haven, 1940, стр. 67-69.

ституции и, помимо того, имел дело с неприязненным отношением царя к конституционализму вообще. Он был готов положить начало широкой программе реформ, но в то же время давал понять, что, не колеблясь, примет самые суровые меры для восстановления общественного порядка. С другой стороны, вряд ли можно было предполагать, что неистовые крайне левые партии удастся обуздать каким-то иным путем, помимо полицейского воздействия. Кадеты пытались в какой-то мере забыть о своих принципах и делали вид, будто Дума — действительно парламент, надеясь, что когда-нибудь в будущем иллюзия превратится в реальность. Их измена возмущала социал-демократов, как большевиков, так и меньшевиков, которые изобличали и кадетов и правительство с одинаковой яростью. В смысле тактики большой разницы между большевистскими и меньшевистскими депутатами не было. Большевики вне Думы резко критиковали фракцию, но в их нападках трудно найти что-либо принципиальное. На деле все социал-демократы во Второй Думе верно следовали директивам IV съезда — делать Думу «более революционной» и одновременно разоблачать ее «контрреволюционную» сущность в глазах масс. Но своей цели они не достигли. Им не удалось сделать более революционными ни Думу, ни массы. Подорвав попытки кадетов и октябристов спасти хоть какое-то подобие парламентского строя из хаоса периода Первой Думы, социал-демократы вызвали теперь второй кризис. К концу апреля — а может быть, еще раньше — император со Столыпиным пришли к заключению, что необходимо найти предлог для роспуска Думы и для изменения положения о выборах с тем, чтобы создать более податливую Третью Думу[27]. Это было нетрудно.

Пока Дума находилась в состоянии предсмертной агонии, социал-демократические лидеры собрались в далеком Лондо-

[27] В. Н. Коковцев, «Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 г.г.», т. I, Париж, 1933, стр. 259 и след.

не еще на один из своих бесконечных съездов — пятый по большевистскому счету.

Большевики начали агитировать за Пятый съезд вскоре после окончания Четвертого. Сначала ЦК противился этому предложению. Плеханов тоже энергично возражал, утверждая, что съезд будет ненужной тратой времени и денег (русские съезды всегда продолжались в два или три раза дольше, чем съезды западноевропейских партий); единственный смысл съезда — предоставление Ленину новой возможности добиться своего. Но большинство меньшевиков было заворожено перспективой единства и верило, что полное и откровенное обсуждение разногласий с большевиками приведет к нему. На Таммерфорсской конференции в конце 1906 года они согласились на проведение съезда весной 1907 года.

Съезд собрался в Лондоне 15 мая 1907 года. Ленин умело использовал свою ловкость в организационных делах и преимущество бóльших финансовых ресурсов большевиков по сравнению с меньшевиками. Среди русских делегатов с решающим голосом большевики обладали теперь незначительным перевесом — у них было около девяноста делегатов по сравнению с приблизительно восемьюдесятью пятью меньшевиками. Точных цифр дать невозможно, так как число делегатов, полномочия которых были признаны мандатной комиссией съезда, постоянно колебалось в течение съезда[28]. Но, как правило, большевики обладали большинством благодаря поддержке сорока пяти польских и двадцати шести латышских делегатов. Меньшевики могли полагаться на пятьдесят пять бундовских голосов. Троцкий и несколько его сторонников голосовали независимо от фракций.

[28] Анализ количественного соотношения обеих фракций на различных этапах съезда см. А. С. Бубнов, « ВКП(б) », Москва-Ленинград, 1931 г., стр. 404. Число делегатов-большевиков колебалось между 81 и 90, а меньшевиков — между 80 и 85. Новейшее издание протоколов съезда, опубликованное в Москве в 1963 г., дает число большевиков — 89, а меньшевиков — 88. См. « Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель-май 1907 года. Протоколы ». Москва, 1963 г., стр. XII, 621-631.

Русские делегаты, по некоторым данным, представляли около 100.000 членов партии, а бундовцы, поляки и латыши, вместе взятые, — еще 50.000. Но эти цифры были скорее бумажной фикцией, чем действительностью, если не считать Бунда и нескольких крепких организаций, например, тифлисской — с ее 3.300 членов. Мало кто из зарегистрированных членов регулярно посещал партийные собрания или платил членские взносы. Анализ социального состава делегатов не выявляет никакой принципиальной разницы между большевиками и меньшевиками, если не считать, что, как правило, меньшевики обладали бóльшим партийным стажем, чем большевики. В национальном отношении, однако, существовала заметная разница: почти треть всех меньшевиков были грузины, а многие — около одной пятой — евреи, в отличие от большевиков, среди которых евреи составляли только одну десятую[29]. Как Плеханов и предвидел, съезд обошелся очень дорого как в смысле времени, так и в смысле денег. Одно заседание за другим уходило на склоки о порядке дня и о правомочности мандатов. Общая стоимость съезда составила 100.000 рублей, и к концу делегатам не хватило около 2.000 фунтов стерлингов, чтобы оплатить их возвращение в Россию. Спас положение Плеханов, которому удалось занять эту сумму у промышленника Джозефа Фельса, причем все делегаты подписали обещание, согласно которому долг должен был быть возвращен к концу того же года. Деньги были выплачены после неоднократных требований лишь после революции 1917 года.

Съезд не внес сколько-нибудь важного вклада в теорию, но зато выявил глубочайшую пропасть между большевиками и меньшевиками. Большевики внесли резолюцию, порицающую ЦК за то, что в предыдущем году он не выражал

[29] Этот факт вызвал антисемитскую острóту, тщательно записанную и вторично опубликованную Сталиным (который присутствовал на съезде с совещательным голосом) сорока годами позже. См. Сталин, т. 2, стр. 50 и 51.

воли партии; поляки, однако, голосовали с меньшевиками или воздержались, а латыши голосовали только с меньшевиками; в результате резолюция была отвергнута. Но большевикам удалось подтвердить свою политику в области отношений с непролетарскими партиями в резолюции, отражавшей бескомпромиссную враждебность большевиков к кадетам и более сочувственное отношение к эсерам и народникам. Резолюция о Думе, принятая съездом, подтвердила взгляды, преобладавшие на IV съезде: Дума должна была рассматриваться как трибуна для пропаганды, а вовсе не как законодательное собрание. Но лозунг «правительство ответственно перед Думой» категорически осуждался. Думская фракция должна была оставаться под руководством ЦК. «Социал-демократ», который перестал выходить в декабре 1906 года, был восстановлен в качестве партийного органа, но меньшевики потеряли над ним контроль[30].

По одному вопросу — об экспроприациях — Ленин потерпел серьезное поражение. Хотя до тех пор тема эта открыто в партии не обсуждалась, деморализующее воздействие практики экспроприации было широко известно и возбуждало беспокойство у некоторых большевиков, а также у меньшевиков, поляков и в Бунде. Кроме того, меньшевики стремились лишить Ленина наиболее важного источника фондов для сепаратной большевистской казны. Их резолюция по этому вопросу была принята съездом 170 голосами против 35 при 52 воздержавшихся. Резолюция констатировала учащение «партизанских атак... против жизни агентов правительства и представителей буржуазии», в результате чего «развиваются и усиливаются экспроприации казенного и частного имущества»; далее говорилось, что эта деятельность деморализует членов партии и компрометирует партию в

[30] «КПСС в рез.», т. I, стр. 155-168. О «Социал-демократе», который стал выходить только в феврале 1908 г. и остался с тех пор под большевистским руководством, см. Ленин, т. 14, стр. 471.

целом; резолюция запрещала членам партии принимать «какое бы то ни было участие» в «партизанских выступлениях или экспроприациях» или каким-либо образом содействовать им. Значительное большинство, собранное резолюцией, объяснялось тем, что некоторые большевики либо поддержали ее, либо воздержались. Например, лидер польских социал-демократов Тышка голосовал за резолюцию, а Зиновьев воздержался (Красин был под арестом и потому на съезде отсутствовал; у Богданова не было права голоса)[31]. И, наконец, съезд избрал Центральный Комитет из пятнадцати членов и двадцати двух кандидатов. Пятеро членов ЦК были большевики, четверо — меньшевики; Бунд, поляки и латыши имели в ЦК по два представителя. Таким образом, состав ЦК отражал тот шаткий компромисс, который пытались установить обе недавно объединившиеся всероссийские партии[32]. Съезд не принес полной победы Ленину, несмотря на перевес большевиков. Прежде всего, Ленину не удалось добиться контроля над ЦК, так как пятеро большевиков могли получить большинство против четырех меньшевиков и двух бундовцев только при поддержке поляков и латышей. Съезд закончился 1 июня 1907 года, за несколько дней до кризиса в России; этот кризис создал совершенно иные условия для социал-демократов, чем те, что предвиделись в Лондоне.

3 июня 1907 года император огласил манифест о роспуске Второй Думы. Манифест вводил в силу новое положение о выборах, значительно урезывавшее избирательное право. Непосредственным поводом для роспуска послужил отказ Думы (в том числе и депутатов-кадетов) лишить парламентской неприкосновенности членов социал-демократической фракции и отдать их под суд по обвинению в разжигании бунта в вооруженных силах. Изменение избирательного права было явным нарушением Основного закона, учре-

[31] «КПСС в рез.», т. I, стр. 168 и 169; «Протоколы», т. V, стр. 609 и 610.
[32] Полный список имен см. «Протоколы», т. V, стр. 786.

дившего Думу, согласно которому изменения в положении о выборах могли вноситься только с согласия Думы. Роспуск сопровождался арестами социал-демократов и социал-революционеров по всей стране. Это был открытый и сознательный переворот.

Суд над социал-демократическими депутатами проходил при закрытых дверях; среди лиц, дававших показания против них, оказался полицейский агент. Отчасти показания были сфабрикованы. Приговоры были суровыми. Кроме того, обвиняя фракцию в целом, правительство наказывало более конституционно настроенных меньшевиков за грехи более революционно настроенных большевиков. С другой стороны, трудно винить какое бы то ни было правительство, если оно принимает меры, чтобы помешать (даже членам законодательного собрания) сеять смуту в вооруженных силах, и весьма вероятно, что как раз этим и занималась социал-демократическая партия. Думская фракция была партийным органом под руководством ЦК и подчинялась партийной дисциплине. Теперь она отвечала за политику партии в целом. Депутаты-обвиняемые утверждали в своих защитительных речах, что вооруженное восстание чуждо марксистской теории, которая-де видела в грядущей революции исторический процесс, неизбежно, но без какого бы то ни было заговора, приводящий к столкновению с государством. Это, может быть, было и верно по отношению к западноевропейскому марксизму, но, конечно, не по отношению к русской социал-демократии в целом. На IV съезде и большевики и меньшевики голосовали за резолюцию, где было сказано, что вооруженное восстание «неизбежно» и что главная задача партии состоит в агитации среди всех слоев населения, включая (и в особенности) армию, чтобы обеспечить успех восстания. Партия располагала широкой сетью организаций среди солдат и издавала около двадцати подпольных журналов и газет. Единственная цель этой пропаганды состояла в том, чтобы сеять смуту. К 1907 году вся военная организация была почти целиком в руках

большевиков[33]. Агитация в вооруженных силах шла параллельно с технической работой по организации боевых отрядов, которые Ленин предназначал не только для эвентуального вооруженного восстания, но и для незамедлительных экспроприаций. В конце 1906 года в Таммерфорсе состоялась конференция «Военных и боевых организаций РСДРП». По своему составу она была чисто большевистской и состоялась вопреки воле ЦК. Она приняла ряд революционных резолюций, любой из которых было бы достаточно для констатации факта участия в заговоре для свержения правительства[34]. Правда, некоторые меньшевики начинали подумывать о возможности такой социал-демократической партии, которая совместно с либералами и посредством политического давления заставила бы монархию уступить в вопросе о создании ответственного перед Думой правительства. Но в июне 1907 года они все еще были организационно и даже по темпераменту связаны с большевиками, всецело занятыми одним делом — организацией нового вооруженного восстания. За это они поплатились судом над социал-демократической думской фракцией.

Правительство опасалось, что за роспуском Думы последуют всеобщая забастовка и вооруженное восстание[35]. Но оказалось, что мероприятия Столыпина были встречены общественностью с апатией и безразличием. В последующие месяцы социал-демократические достижения 1905 года постепенно сошли на нет. Многочисленные аресты и еще более частые выходы из партии сокращали численность партийных комитетов. Лидеры партий снова эмигрировали. Политика революции любой ценой потерпела полное банкротство.

[33] Согласно одной оценке, в вооруженных силах в 1905-1906 г.г. действовало около пятидесяти революционных организаций, большинство из них — большевистские. См. С. Е. Рабинович, «Военная организация большевиков 1917 года». Москва, 1931, стр. 8.

[34] «КПСС в рез.», т. I, стр. 145-154.

[35] См. циркуляр полицейского департамента Министерства внутренних дел № 7643 от 19 апреля 1907 г. в библиотеке Конгресса США.

6. НА ПУТИ К ОКОНЧАТЕЛЬНОМУ РАСКОЛУ

Сразу же после роспуска Второй Думы в июне 1907 года встал вопрос о политике партии по отношению к выборам в Третью Думу. На партийной конференции, состоявшейся в начале августа того же года, Ленин, убежденный теперь в ошибочности бойкота, оказался в полном одиночестве среди большевиков. В противоположность его коллегам, которые все еще цеплялись за надежду на предстоящее новое восстание и считали участие в Думе помехой для революционного порыва. Ленин предвидел теперь период подготовки, когда Дума могла бы сыграть полезную роль трибуны для пропаганды. Его взгляды оспаривались Богдановым, который до тех пор поддерживал Ленина. Это было началом конца сотрудничества между ними. Голосуя за участие в выборах, Ленин оказался на той же стороне, что и меньшевики, поляки, латыши и бундовцы[1].

Новая Дума собралась 1 ноября 1907 года. Пересмотр избирательного закона отразился на ее составе. Большинство состояло теперь из правых депутатов или либерально-консервативных октябристов. Что касается радикалов, то кадеты насчитывали теперь только 54 депутата, социал-демократы — 18. Подавляющее большинство последних состояло из

[1] Дословных протоколов этой конференции, как и конференции, предшествовавшей ей в Петербурге, не существует, но отчеты, основанные на полицейских донесениях, перепечатаны у Ленина, т. 12, стр. 452-454. Текст резолюции см. «КПСС в рез.», т. I, стр. 173-178.

меньшевиков. Из пяти большевиков один, В. Е. Шурханов, был полицейским осведомителем. В течение ряда лет после «переворота» в июне 1907 года социал-демократическая фракция могла использовать Думу в лучшем случае в качестве единственной легальной трибуны, с которой можно было критиковать правительство без всякого стеснения и провозглашать социалистические лозунги. Мимолетная возможность, которую дала Вторая Дума для превращения фракции в средоточие нового, легального массового движения, была безвозвратно упущена; ушла в прошлое и надежда заставить монархию принять принцип ответственного перед Думой правительства. В течение почти пяти лет фракция боролась за возможность выражать свои взгляды под перекрестным огнем с двух сторон. В самой Думе социал-демократам приходилось терпеть нападки со стороны многочисленных правых реакционеров, а вне Думы — со стороны большевиков, основная масса которых не примирилась с отказом от бойкота, навязанного им Лениным.

С самого же начала фракция вступила в конфликт с новым Центральным Комитетом, который пытался обеспечить себе контроль над ней. Но депутаты, памятуя о судьбе, постигшей их предшественников во Второй Думе, предпочитали, безопасности ради, не поддерживать никаких формальных связей с верховными органами партии. Они приняли резолюцию, провозглашавшую фракцию «автономной группой», которая, прислушиваясь к голосу партии, принимает свои решения независимо[2]. ЦК возобновил атаку на пленарном заседании в августе 1908 года, а затем на партийной конференции в конце года. В обоих случаях были приняты резолюции, ставившие фракцию под контроль ЦК. На конференции небольшая группа меньшевиков мужественно защищала фракцию, и ей удалось смягчить резкие осуж-

[2] «Письма», стр. 189.

дающие формулировки, исходившие от большевиков[3]. Но вопрос уже принял академический характер, ибо и ЦК и основная масса партийных организаций к 1908 году быстро разлагались, и фракция была в основном предоставлена самой себе.

В течение четырех или пяти последующих лет организации партии находились в плачевном состоянии. Общее количество членов русских подпольных комитетов, в 1907 году номинально насчитывавших сто тысяч человек, вскоре резко сократилось. Менее резкое сопротивление было на Кавказе. Через год после V съезда во многих организациях, где число членов в прошлом определялось сотнями, их насчитывалось десятки. Троцкий оценивал общую численность партии в 1910 году в 10.000 человек, хотя эта оценка, вероятно, была завышена[4]. Летом 1909 года в России в целом регулярно действовало всего пять-шесть большевистских комитетов[5]. Упадок был вызван в основном апатией и усилением правительственных репрессий; это отражалось как на большевистских, так и на меньшевистских комитетах там, где они оставались разделенными. Как правило, большевики вообще бросали партийную работу на длительное время (многие из них вернулись в партию только в 1917 году), тогда как меньшевики обычно пытались перенести работу в профсоюзы или в другие рабочие организации, поскольку их еще терпели. Так как профсоюзы, хотя номинально и легализованные, вели существование, полное риска и опасностей, и неизменно закрывались, как только их связь с подпольным социал-

[3] См. «КПСС в рез.», т. I, стр. 188 и 189; «Отчет кавказской делегации об общепартийной конференции...» Париж, 1909 г., стр. 13-27; «КПСС в рез.», т. I, стр. 198-201.

[4] «Пролетарий», № 30, 23(10) мая 1908; «Правда», № 2, 16(3) апреля 1910, стр. 3.

[5] «Протоколы совещания расширенной редакции „Пролетария“ 1909 г.», Москва, 1934, стр. 139 (цитируется далее как «Протоколы совещания»).

демократическим комитетом становилась известна полиции[6], у меньшевиков была еще одна причина для разрыва контактов с умирающими подпольными комитетами.

Июнь 1907 года оказался бо́льшим водоразделом для меньшевиков, чем для большевиков. Уверенность Ленина в революции обманула его; но ему все же удалось заложить фундамент организации. Даже если он этого прямо не говорил, его представление о следующей фазе революции было гораздо ближе к пролетарско-крестьянскому восстанию, чем к более правоверной «буржуазно-демократической» фазе. И так как, по его мнению, такому восстанию нельзя позволить следовать собственным стихийным курсом, оно нуждалось в руководстве со стороны дисциплинированной и сплоченной группы революционеров-профессионалов, которые делали бы то, что надо и когда надо. В случае необходимости Ленин, не колеблясь, проявлял вероломство или шел на разрыв. Но он всегда был последователен. Меньшевики же оказались между двух стульев. Они верили, что принципы научного марксизма могут быть применены в России, но вместе с тем мечтали о немедленной революции, а в конечном итоге не добились ни того, ни другого. В качестве марксистов они мечтали о массовой пролетарской партии по западноевропейскому образцу. Но по-человечески их донимали ненависть и недоверие к правительству. Поэтому, в качестве ультрареволюционеров, они всячески дискредитировали первые шаги в России на пути к конституционному строю, который в странах Западной Европы сделал возможным возникновение массовых социал-демократических партий. В течение пятилетия — с 1908 по 1912 годы — Ленин, несмотря на разочарование, мог продолжать

[6] См. инструкции №№ 72182, 73614, 73615 (от 10 мая и 27 июля 1907 г.) полицейского департамента Министерства внутренних дел в библиотеке Конгресса США.

свое дело. Меньшевики же были вынуждены пересматривать весь смысл своего существования.

В общих чертах можно различить четыре группы меньшевиков в этот период. Во-первых, следует отметить довольно влиятельных грузин, особенно Н. Жордания и Н. Рамишвили, в подпольном кавказском комитете (помимо Е. П. Гегечкори и Н. С. Чхеидзе в Думе). Условия, в которых работали кавказцы, отличались от русских, и их политическое мировоззрение не всегда совпадало с мировоззрением их русских товарищей. Во-вторых, в самой России была группа интеллигентов, ведущей фигурой среди которых был А. Н. Потресов, один из самых уравновешенных, образованных и умных русских социал-демократов. Последние использовали ограниченные возможности законно дозволенных публикаций в России для того, чтобы развивать теорию социал-демократии в применении к новым условиям полицейских репрессий. В-третьих, были так называемые «практики» — люди, работавшие главным образом в сохранившихся профессиональных союзах или в других легальных рабочих организациях. И, наконец, были лидеры в эмиграции — Мартов, Дан, Аксельрод и недолго Плеханов. К январю 1908 года меньшевистским лидерам за границей удалось раздобыть кое-какие фонды у сочувствовавших им состоятельных людей, и на конференции в конце месяца они решили основать газету «Голос социал-демократа». Плеханов, который по болезни отсутствовал на конференции, полностью сочувствовал этому первому шагу на пути к обеспечению «торжества социал-демократических принципов над большевистским бакунизмом»[7]. Основание газеты было для меньшевиков делом важным, так как они утратили контроль над партийной газетой «Социал-демократ».

Хотя в течение последующих лет между ведущими меньшевиками и возникали разногласия по многим вопросам,

[7] «Переписка», т. II, стр. 250; «Письма», стр. 252-255.

они все же постепенно развили теорию о задачах социал-демократии, ставшую общепринятой среди их последователей. Так как в историях партии эта теория до сих пор излагалась большей частью в искаженном виде в угоду большевистской полемике, согласно которой меньшевики-де добивались «ликвидации» подпольной партии с тем, чтобы ограничиться чисто легальной деятельностью, стоит объяснить ее суть. Основным для нового взгляда было признание того факта, что революция, начавшаяся в 1905 году, но так и не завершившаяся, была по своему характеру революцией буржуазно-демократической. Она потерпела поражение потому, что из нее не возник буржуазно-демократический строй. Главную причину неудачи следует искать в том, что буржуазно-либеральные партии оказались недостаточно сильными, чтобы довести революцию до конца путем захвата власти. Это было молчаливым согласием с Плехановым, который в период существования первых двух Дум тщетно настаивал на необходимости полной поддержки либералов в их попытках добиться ответственного правительства.

В свете этой переоценки меньшевики начали теперь пересматривать роль социал-демократической партии. Большинство из них соглашалось с тем, что деятельность старых конспиративных комитетов, направленная на организацию вооруженного восстания при весьма слабой связи с повседневными действиями и интересами рабочих, теперь изжила себя. Как подчеркивал Потресов, на деле партии вообще никогда не существовало в том смысле, в каком ее понимал Маркс — налицо был только ее зародыш. Задача состояла в построении партии. А этого можно было добиться не путем восстановления старых, быстро разлагавшихся подпольных комитетов, а путем создания массовой партии, путем использования все еще имевшихся законных возможностей для деятельности рабочих, а не профессиональных заговорщиков. Кое-кто — так во всяком случае полагал Мартов — возражал против существования подпольной партии вообще. Но в печать их взгляды не попадали, и они не пользовались

никаким влиянием хотя бы потому, что они обычно порывали с партией. Подавляющее большинство меньшевиков, однако, признавало, что в русских условиях нелегальные партийные комитеты должны существовать в течение долгого времени для поддержки и развития легальной деятельности рабочих организаций. Но для того, чтобы преодолеть отрыв от рабочих, до той поры характерный для подпольных комитетов, эти меньшевики предлагали проведение совместных конспиративных конференций всех членов партии — и тех, кто был занят легальной деятельностью, и тех, кто работал в подполье[8]. Другим мотивом для продолжения таких конференций было убеждение, что значительная доля разногласий между большевиками и меньшевиками может быть устранена, если большевистских членов партии вывести из сферы конспирации, в которой их старались удержать их лидеры.

Помимо вопросов теории, многим меньшевикам к 1908 году надоела хуже горькой редьки большевистская тактика, в особенности практика экспроприаций, которая теперь начинала всерьез дискредитировать партию. Тайна, до тех пор окружавшая эту тему, была внезапно нарушена. Вопреки запрету, наложенному съездом, большевики не распустили красинской организации по экспроприациям, и 13 июня 1907 года в Тифлисе было проведено особенно наглое ограбление банка. Организованное Красиным, оно было совершено кавказским большевиком-бандитом Камо. Мужество и преданность делу превратили Камо в фигуру почти легендарную. Тифлисское ограбление дало 341.000 рублей, большей частью в пятисотрублевках, номера которых были известны полиции. Последовавшие затем попытки разменять эти кредитные билеты за границей привели к арестам и огласке, причем русских социал-демократов

[8] Самое полное изложение меньшевистских взглядов на организационные вопросы в этот период см. «Отчет кавказской делегации», стр. 28-45.

впервые прямо связывали с ограблением[9]. Это подействовало на меньшевиков, как электрический шок. Плеханов настаивал на полном разрыве с большевиками, а первый же номер «Голоса социал-демократа» в феврале 1908 года заявлял в своей передовой статье, что либо партия должна уничтожить «эту камарилью», либо «камарилья» в конце концов уничтожит партию[10]. Даже многих большевиков шокировало это, и сам Ленин, опасаясь возможной реакции немецкого социал-демократического общественного мнения, начал пересматривать вопрос о желательности дальнейшего союза с двумя людьми, наиболее тесно связанными с политикой экспроприаций, — Красиным и Богдановым.

К концу V съезда был учрежден новый, расширенный Большевистский Центр — в ожидании, что этот «брак поневоле» (как позднее выразился Зиновьев) с меньшевиками окажется недолговечным[11]. Среди пятнадцати его членов единодушия не было. Богданов и другой член Центра — Марат (В. Л. Шанцер) расходились с Лениным по вопросу об участии в Думе. Из остальных двенадцати только двое — Л. Ф. Дубровинский (Иннокентий) и Л. Б. Каменев голосовали на V съезде с Лениным по вопросу об экспроприациях. Скоро стало ясно, что несколько членов Центра, особенно Дубровинский, В. П. Ногин и А. И. Рыков, не поддерживали Ленина в его стараниях довести дело до окончательного разрыва с меньшевиками, а старались добиться воссоединения. В течение последующих нескольких лет этот Центр, кое-как замаскированный под расширенную

[9] Историю Камо и тифлисского налета см. Bertram D. Wolfe, *Three Who Made a Revolution. A Biographical History.* London, 1956, гл. XXII, основана на материалах, имеющихся в доступных мемуарах.

[10] См. «Материалы», стр. 175; «Переписка», т. II, стр. 250 и 251; взгляды Плеханова в марте 1907 г., см. там же, стр. 170.

[11] «Протоколы», т. V, стр. 264; Г. Зиновьев, «История РКП(б)», стр. 129.

редакцию большевистской газеты «Пролетарий», руководил из-за границы деятельностью большевиков.

Представительство Центрального Комитета в России фактически распалось в 1908 году. Партия выделила небольшой подкомитет из членов ЦК для работы внутри России. Но из этого подкомитета в составе пяти человек вскоре остался на воле только один, да и тот был арестован через несколько месяцев. Пленум ЦК, состоявший из всех членов, живших за границей или прибывших нелегально из России (причем отсутствовавших членов замещали кандидаты), мог собраться только вне страны. Но пленум, с его компромиссным составом из большевиков, меньшевиков и представителей национальных партий, был парализован раздорами.

Скандал, вызванный тифлисским грабежом, еще больше обострил эти раздоры в Центральном Комитете. Взаимоотношения ухудшились в результате раскола когда-то единой бакинской организации, вызванного в конце 1907 года Джугашвили (Сталиным). В начале 1908 года Ленин и большевики не могли контролировать ЦК из-за нерешительной поддержки со стороны латышских и польских представителей. Поэтому на ряде заседаний за границей в последующие месяцы 1908 года ЦК осудил экспроприации, снял с себя ответственность за тифлисский налет и предписал провести расследование на местах скандалов в Тифлисе и Баку, а также общее следствие по делу об экспроприациях. Общее следствие должен был вести Исполнительный комитет эмигрантских партийных групп, так называемое Центральное Бюро заграничных организаций, в котором меньшевики обладали большинством[12]. Следствие, проводившееся Г. В. Чичериным (будущим Комиссаром иностран-

[12] Решения ЦК в начале 1908 г. в форме неопубликованных протоколов были предоставлены мне Б. И. Николаевским.

ных дел, тогда меньшевиком), натолкнулось на обструкцию двух большевистских членов Центрального Бюро, утверждавших, что расследование-де угрожает безопасности партии. Это возражение не было лишено пикантности, поскольку один из двух большевистских членов, Житомирский, был впоследствии разоблачен как полицейский агент. Однако к августу 1908 года Ленин заручился поддержкой польских и латышских членов ЦК и с их помощью смог прекратить нежелательное для него расследование. На заседании ЦК после принятия различных антименьшевистских резолюций, следствие было передано в руки новой комиссии во главе с Зиновьевым, которая успешно заблокировала дальнейшее расследование[13].

В такого рода поддержке со стороны латышских членов ЦК не было ничего удивительного, поскольку латышская партия не только оказалась замешанной в экспроприациях, но и получала субсидии из частных фондов Большевистского Центра. А вот изменение позиции польских социал-демократов было гораздо более драматичным. Ведь лишь недавно, в апреле 1908 года, ее лидер Тышка, принимавший активное участие в расследовании, безоговорочно стоял за полное и свободное выявление фактов. Хотя другая ведущая польская социал-демократка Роза Люксембург поддерживала Ленина на V съезде в вопросе о вооруженном восстании, поляки, в общем, занимали нейтральную позицию в споре между обеими русскими фракциями. Тот факт, что теперь они перекинулись на сторону Ленина, был обусловлен несколькими причинами. Одна из них — финансовая поддержка, которую они получали из богатой кассы Большевистского Центра. Другая заключалась в стремлении найти союзника в борьбе против их соперника в Польше — Польской социалистической партии (ППС), с которой поддерживали

[13] См. «КПСС в рез.», т. I, стр. 190; см. там же, стр. 208, ссылку на протест кавказской организации против прекращения расследования.

довольно тесные отношения меньшевики. Несмотря на всю их «татаро-монгольскую дикость» — так Роза Люксембург выразилась несколько позднее в письме к Тышке, — полякам следовало делать ставку скорее на большевиков[14]. В течение последующих трех лет услуги Тышки — этой «miniature Ausgabe de Netschaeff» («миниатюрной копии Нечаева». Смесь нем. с франц., иронич.), как называл его в письме к Энгельсу презиравший Тышку Плеханов, оказались исключительно важными для Ленина.

Хотя Ленину удалось таким образом заблокировать нежелательное обследование большевистских финансов, он, тем не менее, решил порвать с политикой экспроприации, а также с Богдановым и Красиным, главными их исполнителями. Но оба они, будучи техническими руководителями грабежей и казначеями Большевистского Центра, держали в своих руках управление добычей, составлявшей основные денежные ресурсы большевиков. Случай дал Ленину возможность создать новую казну, вне контроля Богданова и Красина. В 1906 году некий Н. П. Шмидт, богатый студент, сочувствовавший социал-демократам и в то время сидевший в тюрьме, завещал свое большое состояние социал-демократической партии. Вскоре после этого Шмидт покончил жизнь самоубийством. Поскольку партия была в то время номинально единой, большевики не имели монопольного права на это имущество. Однако, так как душеприказчицами Шмидта были две его молоденьких сестры, оказать давление на них было делом нетрудным. За ними начали ухаживать два большевика; старшая вышла замуж, у младшей завязался роман. Муж старшей сестры затем порвал с большевиками и отказался передать все наследство, соглашаясь выделить лишь известную долю. Но любовнику

[14] «Протоколы совещания», стр. 126, 260-263; взгляды Тышки изложены в письме от 11 апреля 1908 г. (архив Г. Алексинского в библиотеке Колумбийского университета).

младшей в конце концов удалось переправить все наследство в большевистскую казну. (Он, по свидетельству Мартова, подтверждаемому большевистскими мемуаристами, использовал для этого все средства, вплоть до угрозы насилием). Человеком, сыгравшим полезную роль любовника в этом деле, был Виктор Таратута, ставший членом Большевистского Центра после V съезда[15]. С 1907 года он стал также кандидатом в члены ЦК. На все эти операции ушло много времени. Но в 1908 году часть денег все же поступила в распоряжение Ленина, а так как, судя по его переписке, с середины 1909 года большевики опять обзавелись значительными фондами[16], то можно предполагать, что к тому времени все шмидтовское имущество было реализовано. Общая сумма, вырученная большевиками, составляла, согласно одному коммунисту-историку, около 280.000 рублей[17]. В последующие годы этот солидный капитал превратился в предмет острого спора. Вместе с другими фондами, такими, как еще не истраченная выручка от экспроприации, он давал Ленину большое преимущество перед обедневшими меньшевиками. Теперь у Ленина были средства для оплаты его профессиональных агентов, для субсидий союзникам, вроде поляков, для расходов на более интенсивную пропаганду и для более действенного контроля над выборами. В августе 1908 года Большевистский Центр заменил Богданова и Красина новой финансовой комиссией во главе с Зиновьевым. Другими ее чле-

[15] См. Wolfe, ук. соч., гл. XXII; Мартов, «Спасители или упразднители», стр. 20 и 21, 22-27.

[16] Ленин, т. 28, стр. 546. Ср. «Протоколы совещания», стр. 135, откуда следует, что в июне 1909 г. реализация остатков наследства, 125.000 рублей, была делом непосредственно предстоявшим. Весной 1908 г. большевики еще нуждались в деньгах (см. Ленин, т. 28, стр. 539, 542; значит, фонды попали в распоряжение большевиков между этими двумя датами).

[17] Ем. Ярославский, «Очерки по истории ВКП(б)», Москва, 1937, т. I, стр. 204.

нами стали Крупская, Таратута и полицейский агент Житомирский[18].

Это важное мероприятие было лишь частью общей хирургической операции, проведенной Лениным в 1908 и 1909 годах в целях устранения компрометирующих его союзников. В течение некоторого времени в большевистской фракции росло крайне левое крыло. В сфере политики это крыло, после провала его попыток добиться бойкота выборов, заняло крайне враждебную позицию по отношению к думской фракции. Его составляли Богданов, Луначарский (будущий Народный комиссар просвещения) и Г. Алексинский, в прошлом депутат Второй Думы — один из немногих, избежавших столыпинской облавы в июне 1907 года. В мае 1908 года эти левые тенденции вылились в резолюцию, принятую на конференции большевиков в Москве и критиковавшую поведение думской фракции в самых резких выражениях. Значительная часть присутствовавших на конференции (почти половина) зашла так далеко, что потребовала отзыва социал-демократических депутатов из Думы. Богданов, Алексинский и Марат — идеологические вожди этих экстремистов не доходили до требования отзыва, но они ультимативно настаивали на изменении стиля работы думской фракции[19]. Эти крайние взгляды называли в партии «отзовизмом» и «ультиматизмом». Но взгляды левых идеологов не ограничивались обычными для них опасениями, что пролетариат будет убаюкан «конституционными иллюзиями». Богданов, видный врач и философ, был также вождем группы интеллектуалов, в которую входили Максим Горький и Луначарский. Члены этой группы, не во всем сходясь друг с другом, стремились обновить марксизм современными идеями. Луначарский и литературные члены

[18] «Протоколы совещания», стр. 284, прим. 127 (пятый член, Котляренко, был ответственным за нелегальный транспорт).

[19] Ленин, т. 12, стр. 507-509, 511 и 512.

группы развили некую псевдорелигиозную мистику «коллективности» как религии будущего, получившую кличку «богостроительства». Богданов излагал философские взгляды на природу чувственного восприятия, причем уже в самом начале века, когда он впервые огласил их, эти взгляды критиковались многими марксистами, в том числе Плехановым и Мартовым, как противоречившие историческому материализму. Хотя Красин был в первую очередь человеком практики, он тоже входил в группу Богданова благодаря тесной дружбе с ним, а также с Горьким и Луначарским[20].

Ленин никогда не разделял философских воззрений Богданова и, как он уверял позднее[21], письменно опровергал их еще до 1909 года, но не опубликовал своих опровержений из-за недостатка времени. С общего согласия, однако, философия до той поры считалась несущественной, нейтральной областью. В качестве одного из главных организаторов III съезда и одного из редакторов большевистской газеты «Вперед», а позднее в качестве организатора экспроприаций, Богданов тесно сотрудничал с Лениным, не думая о философских разногласиях. Ленин даже высмеивал плехановские попытки дискредитировать Богданова за его философские воззрения. Эти воззрения, по мнению Ленина, «не имели никакого отношения к вопросу социальной революции»[22].

В начале 1908 года в первом номере «Пролетария», вышедшего за границей после закрытия социалистических газет в России, содержалось заявление о том, что философские вопросы остаются личным делом каждого[23]. Но к тому

[20] О воззрениях Луначарского см. его «Религия и социализм», первая часть которой была опубликована в 1908 г. Сводку философских воззрений Богданова см. в книге Gustav A. Wetter, *Der dialektische Materialismus: seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion*, Freiburg, 1952, стр. 102-105.

[21] Ленин, т. 28, стр. 528.

[22] «Протоколы», т. III, стр. 217.

[23] Ленин, т. 28, стр. 531 и 532.

времени отношения между Лениным, с одной стороны, и Красиным и Богдановым — с другой, носили уже очень напряженный характер. Тот факт, что Красин был также замешан в конфликте, свидетельствует о следующем: суть расхождений имела очень мало общего с природой чувственного восприятия. Более вероятно, что одним из главных предметов спора был вопрос о дальнейшем использовании выручки после тифлисского ограбления, которую Богданов и Красин хотели употребить для попытки освободить Камо из тюрьмы. Но эта сторона ссоры держалась в тайне. На всем своем протяжении спор представляется как диспут по вопросам идеологии. Ленин, заинтересованный в том, чтобы не рассориться с Горьким, подробно объяснял ему в ходе длительной переписки, почему теперь необходимо порвать с еретическими воззрениями приятеля Горького — Богданова. Горького все это не убедило, и более года отношения между ним и Лениным оставались прохладными. Но Горький в политике разбирался мало, преклонялся перед Лениным и, по-видимому, не затаил против него злобы за нападки на его друзей.

К середине 1908 года Ленин исключил Богданова из редакции «Пролетария». 23 февраля 1909 года Богданов и Красин были фактически исключены из большевистской группировки: Большевистский Центр принял решение осудить их за злоупотребление партийными фондами[24]. За этим обвинением, предъявленным при закрытых дверях, немедленно же последовала открытая атака на философские воззрения Богданова в «Пролетарии» — в нарушение перемирия по философским вопросам. Таким образом, что касалось «Пролетария», спор о философии был связан с частным спором о деньгах. В 1908 году Ленин съездил в Лондон для работы в библиотеке Британского музея над своей основной критикой воззрений Плеханова и Луначарского,

[24] «КПСС в рез.», т. I, стр. 219-223; «Протоколы совещания», стр. 159-164.

которая вышла в свет весной 1909 года под заглавием «Материализм и эмпириокритицизм». Публичный разрыв состоялся в июне того же года на заседании Большевистского Центра или, как он называл себя, расширенной редколлегии «Пролетария». Заседание осудило «отзовизм» и «ультиматизм», осудило Богданова и Луначарского за их воззрения и формально исключило Богданова. Ни о Красине, ни о деньгах не было сказано ни слова. Все же в руках Богданова оставались значительные денежные средства. Большевистский Центр формально отказался от всяких претензий на ту часть денег, которая состояла из известных полиции тифлисских пятисотрублевок и в конце концов была сожжена[25]. Но Богданов, по-видимому, удержал и некоторые другие фонды Большевистского Центра — обстоятельство, которое в последующие годы вызвало желчную полемику между ним и другими членами левой группировки.

Богданов со своей группой отошел теперь от большевистской фракции и образовал оппозиционную группу, которая избрала себе имя «Вперед» — название первой большевистской газеты. В ряде бойко написанных листовок, циркулировавших внутри партии, Богданов нападал на Большевистский Центр и в значительной степени разоблачил истинную суть конфликта, которую Ленин пытался замаскировать дымовой завесой философии. Как в прошлом редакторы «Искры», так теперь Богданов обвинял Ленина в том, что тот вел себя неблаговидно по отношению к нему, а также (с помощью того же Богданова) по отношению к другим. «Вперед» существовала несколько лет в качестве отдельной крайне левой группировки. Одно время группа издавала журнальчик, но сколь-

[25] Основано на письме Богданова Яну Страуяну от 3 января 1912 г. (архив Алексинского). См. также полицейское донесение: М. А. Цявловский (ред.), «Большевики. Документы по истории большевизма с 1902 по 1916 год бывшего московского охранного отделения...», Москва, 1918, стр. 39.

ко-нибудь заметного влияния она никогда не оказывала. Воззрения ее были скорее любопытными, чем примечательными. Но эта группа впервые в истории Российской социал-демократической партии основала партийную школу. Задумали эту группу в начале 1909 года Горький, который дал деньги на ее создание, и Богданов. Они обратились с просьбой о поддержке к «Пролетарию», но в силу тогдашних взаимоотношений просьба эта была оставлена без внимания. В конце концов школа открылась в августе 1909 года на Капри, где Горький тогда жил. В ходе еще одной попытки заключить мир школа пригласила Большевистский Центр взять на себя идеологическое руководство, но ответа не получила. Те несколько месяцев, которые просуществовала школа на Капри, были периодом неспокойным. Находясь под постоянным обстрелом «Пролетария», школа страдала еще и от того, что, как выяснилось, пятеро из ее тринадцати учеников и один член Совета действовали в интересах Ленина и вскоре организовали раскол с целью уничтожения школы. Однако остальные восемь учеников окончили курс и были направлены в Россию в начале 1910 года, где их тотчас же арестовали: один из ярых ленинцев оказался полицейским осведомителем[26].

Расправляясь таким образом с левыми экстремистами в рамках самой большевистской фракции, Ленин не упускал из виду и своих главных противников — меньшевиков: связь с таким эксцентричным марксистом, как Богданов, давала меньшевикам возможность обвинять ленинскую группировку в отходе от подлинного марксизма. В одном из писем к Горькому Ленин подчеркивал эту сторону своего конфликта с Богдановым. Разрыв с Богдановым, писал он, возражая Горькому, не только не ослабит большевиков, но укрепит их позиции. Меньшевики не смогут больше воевать

[26] Ленин, т. 14, стр. 485-487; «Отчет первой высшей с.-д. школы для рабочих (август — декабрь 1909 г.)», Париж, 1910, где перепечатаны документы.

с ними на теоретическом фронте, вся их деятельность сведется к политическим акциям — «и тут им смерть»[27].

Начиная с 1908 года ленинские нападки на меньшевиков неизменно принимали одну и ту же форму: они-де «ликвидаторы», стремящиеся открыто и тайно к роспуску подпольной партии, они-де хотят ограничить социал-демократическую деятельность только легальной активностью и таким образом играют на руку Столыпину. Так как это категорическое утверждение было ложным (на деле меньшевики в России арестовывались и ссылались по меньшей мере так же часто, как и большевики) и так как эта ложь опровергалась меньшевистскими речами и статьями, большевикам приходилось делать из мухи слона. Говорилось, например, о замечании, которое Потресов будто бы сделал Плеханову в кулуарах мангеймского съезда немецкой социал-демократической партии в 1906 году, или о замечании, будто бы сделанном Б.И. Гольдманом (Горевым), меньшевистским членом ЦК, в Москве весной 1908 года (сам он это отрицал): «Пора все это распустить». Еще одной излюбленной темой было письмо, в котором один из бундовских членов ЦК якобы сообщил Зиновьеву о меньшевистском заговоре с целью уничтожить партию; само письмо никогда опубликовано не было, и его толкование большевиками позднее оспаривалось и данным бундовцем и меньшевиками[28]. Если бы в России существовала зрелая, образованная рабочая партия, то придирки такого рода не стоили бы затрачиваемых на них усилий. Но русские комитетчики были большей частью

[27] Ленин, т. 28, стр. 536, письмо от 24 марта 1908 г. (письма Горького Ленину за этот период не изданы). Несколько нападок на воззрения Богданова появилось в первых выпусках «Голоса социал-демократа» до того, как стал известен разрыв между ним и Лениным.

[28] См. Ю. Каменев, «Две партии. С предисловием Ленина и приложением писем и заявлений Б. Вильямова, Ал. Власова, Е. Иннокентьева и группы рабочих», Париж, 1911, стр. 202 и 203; «Ленинский сборник», т. XXV, стр. 26, прим. 12, а также Ленин, т. 12, стр. 505 и 506.

людьми, не знавшими даже азов в политике; более образованные и политически более зрелые работники вышли из партии, возмущенные фокусами своих лидеров, и полемика такого рода соответствовала образовательному уровню многих из тех, кто остался в партии.

Утверждение, будто меньшевики хотели «ликвидировать» подпольную партию, было, таким образом, фикцией в целях разжигания междоусобной полемики. Однако они действительно были весьма разочарованы Центральным Комитетом, находившимся в ленинских руках благодаря поддержке латышей и поляков, и отказывались иметь с ним дело. Позиция меньшевиков стала еще более резкой после того, как ЦК дискредитировал себя в их глазах недостойным поведением — сначала блокируя, а затем и совсем замяв расследование тифлисского ограбления. Один меньшевистский член ЦК, М.И. Бройдо, подал в отставку в знак протеста. Другие меньшевики-члены ЦК Б.И. Гольдман (Горев) и А.С. Мартынов подчеркнули в июле 1908 года в циркуляре, разосланном всем меньшевистским организациям, что ЦК не только скомпрометировал партию своим поведением, но что его представительство в России фактически разложилось вместе с остальной партийной организацией в стране. Они также утверждали, что перестройка подпольной партии в настоящее время дело невозможное, что в данных условиях созыв партийной конференции также немыслим и что ЦК — в том качестве, в каком он еще существует — должен ограничить свою деятельность сбором информации[29]. Этот документ основывался, однако, на намерении работать — в рамках возможного в России — над созданием массового рабочего движения, из недр которого со временем выросла бы новая, ответствен-

[29] Этот малоизвестный документ, очень важный в качестве корректива к обычной версии «ликвидаторства», был напечатан 20 апреля 1910 г. под заглавием «Необходимое дополнение к „Дневникам“ Г. В. Плеханова».

ная социал-демократическая партия — подпольная или действующая открыто, в зависимости от обстоятельств. Но поскольку в будущей, реформированной партии, которую они предвидели, не было бы места для ленинских заговорщиков и экспроприаторов, то понятно, почему Ленин уделял столько энергии нападкам на меньшевиков, считая их «ликвидаторами». Помимо того, новая организация, которую предлагали меньшевики, была скорее аппаратом для обслуживания легальной социал-демократической партии, нежели подлинно революционной организацией. Революция оставалась для них только конечной целью; для большевиков же она была целью непосредственной. Взгляды Горева и Мартынова, в общем, разделялись Потресовым и другими ведущими партийными работниками в России. Но некоторые кавказские деятели не заходили настолько далеко, чтобы отказаться от остатков партийной организации, пусть даже в чем-то и дискредитированной; и кое-кто из зарубежных лидеров, в особенности Мартов, основной целью которого всегда оставалось единство партии, рассматривал политическую линию своих товарищей с некоторой подозрительностью[30].

В этих колебаниях среди своих оппонентов Ленин увидел возможность восстановления собственной большевистской организации. Такая возможность открывалась путем принесения в жертву левого крыла и попытки привлечь на свою сторону те «здоровые», «партийно-сознательные» и «антиликвидаторские» элементы среди меньшевиков, которые все еще цеплялись за надежду на перестройку существующей подпольной организации.

[30] Ср. взгляды Мартова, выраженные им на частном совещании меньшевистских лидеров в Париже в октябре 1909 г.: «Мы не знаем, существует ли действительно „ликвидаторское“ движение или дело только в словах, противоречащих старой меньшевистской традиции». (Из рукописного протокола совещания, сделанного Г. В. Чичериным и хранящегося в архиве И. С. Биска. Предоставлен мне Б. И. Николаевским).

Этой цели Ленин посвятил ближайшие четыре года, причем он получил поддержку из весьма неожиданного источника. В конце 1908 года Плеханов, который в течение всего года сотрудничал с меньшевистским «Голосом социал-демократа», рассорился со своими коллегами. Причина ссоры не была связана с политикой газеты. Все началось с того, что Плеханов забраковал статью Потресова о происхождении русской социал-демократической мысли. Статья была написана для коллективного труда о русском общественном движении, который создавался под редакцией Плеханова и Потресова, а также Мартова и экономиста Маслова. Опубликованные в конечном итоге четыре тома представляют собой самый трезвый и объективный марксистский анализ общественного и политического движения в России, когда-либо сделанный в этой стране. Плеханов критиковал Потресова за то, что тот в своей статье не уделил должного внимания понятию «гегемония». Подлинная причина ссоры состояла, по-видимому, в том, что Потресов не подчеркнул роли Плеханова в начальном периоде движения. Ни другие редакторы, ни Аксельрод, привлеченный к разбору конфликта, не разделяли возмущения Плеханова. К их великому изумлению, однако, Плеханов пригрозил (когда его требование отвергнуть статью было отклонено), что он примкнет к Ленину и разоблачит всех как «оппортунистов»[31]. Правда, к Ленину он не присоединился, но возобновил издание «Голоса социал-демократа», начав обличать своих бывших коллег как «ликвидаторов» методами, мало чем отличавшимися от ленинских. Плеханов также образовал группу, которую назвал «меньшевиками-партийцами». При этом он сохранил достаточную независимость, чтобы иногда нападать и на большевиков, во всяком случае тогда, когда не

[31] Об этой ссоре есть переписка: см. «Материалы», стр. 186-194, и «Переписку», т. II, стр. 250 и 251. См. также: Николаевский, «Потресов», стр. 56-61. Я использовал и некоторые неопубликованные письма Мартова, предоставленные мне Б. И. Николаевским.

соглашался с их политикой, но главные его усилия были направлены против меньшевиков. Эмигрантская группа Плеханова не привлекла многих видных меньшевиков. Однако его личный авторитет придал обвинению меньшевиков в «ликвидаторстве» солидный и совершенно неоправданный вес. Поддержка Плеханова помогла дискредитировать меньшевиков в глазах немецких социал-демократов и посеять значительное смятение среди рабочих- меньшевиков, которые плохо разбирались в том, что̀ происходило в партии, но почитали авторитетное имя Плеханова.

Поведение Плеханова остается загадкой. Возможно, он, как и Мартов, искренне сомневался в том, надо ли отказываться от остатков старой организации, как бы дискредитирована она ни была. Но он не мог не понимать характера той кампании, которую теперь вел. Его разногласия с Лениным были слишком глубокими для того, чтобы ленинский разрыв с Богдановым мог их устранить. Философских взглядов Богданова Плеханов не одобрял и, несомненно, разрыв был одним из факторов, облегчивших примирение с Лениным. Но ведь до ссоры с Потресовым Плеханов тесно сотрудничал со своими «ликвидаторскими» коллегами без единого слова протеста. Согласно Аксельроду, Плеханов был одним из первых меньшевиков, настаивавших в 1906 году на необходимости разрыва со старой подпольной партией и создания новой организации, подчиненной массовой рабочей партии[32]. Но Плеханов был человеком весьма сложным и не всегда последовательным. В данном случае, возможно, оскорбленное самолюбие толкнуло его на поступки, о которых он впоследствии сожалел.

Троцкий тоже оставался не связанным ни с одной партийной группировкой. Но в противоположность Плеханову, он не обострял междоусобных споров, а старался добиться един-

[32] Согласно П. А. Гарви (см. его неизданные мемуары в архиве русской и восточноевропейской истории и культуры в Батлеровской библиотеке Колумбийского университета).

ства всех групп. С октября 1908 года Троцкий издавал во Львове, а затем в Вене газету «Правда» для нелегального распространения в России. Финансовую поддержку он получал от двух преданных ему богатых лиц — А. Иоффе, который в течение всей жизни оставался его близким другом, и М.И. Скобелева, сына бакинского нефтепромышленника. Троцкий знал, как поддерживать такую личную преданность. В отличие от газет отдельных партийных фракций «Правда» избегала острой полемики. В своем стремлениии добиться партийного единства газета уделяла основное внимание различным проблемам рабочего класса и социал-демократии, пытаясь найти общую платформу для большевиков и меньшевиков. «Правда» достигла определенной популярности среди своих читателей-рабочих, для которых постоянное единство их лидеров казалось целью, очевидно, очень желательной. Но она оставалась мишенью постоянных нападок со стороны контролируемых Лениным газет, так как цели Ленина исключали всякий компромисс с меньшевиками.

Тем временем Ленин оказался перед более серьезной трудностью. Он начинал терять поддержку среди большевиков, поскольку многие из них стремились к восстановлению единства партии. Эти «примиренцы», как их называли, относились более благосклонно к политике, на которой меньшевики настаивали с 1908 года, — политике объединения на основе совместных конференций подпольных и легальных партийных работников. В число «примиренцев» входило несколько человек, избранных членами или кандидатами в члены Центрального Комитета на V съезде, в частности, Дубровинский, Рыков и Ногин. Советские источники, изданные уже после конфликтов Сталина с оппозицией в 20-х годах, причисляют к «примиренцам» (правда, «тайным») также Зиновьева и Каменева, но имеющиеся в нашем распоряжении данные указывают на то, что большей частью они были самыми надежными сторонниками Ленина, даже если иногда и старались сделать его тактику более умеренной.

В такой обстановке меньшевистским лидерам удалось созвать пленум ЦК, состоявшийся в Париже в начале января 1910 года. Ввиду разногласий среди большевистских лидеров меньшевики могли надеяться, что им, наконец, удастся добиться партийного единства. Ленин, возражавший против созыва пленума, оказался на этот раз в полном одиночестве не только в партии в целом, но и в своей фракции. Пленум добился компромисса, который можно свести к следующим пунктам:

1. Пленум признал, что в настоящее время впервые открывается возможность организации массовой партии. С этой целью и для восстановления партийного единства следует как можно скорее созвать общерусскую партийную конференцию. Но в качестве предварительного шага рекомендуется созывать объединенные местные совещания подпольных и легальных партийных работников. Избегая термина «ликвидаторы», резолюция осуждала как экстремистов на левом фланге партии, так и тех, кто принижал или вовсе отрицал роль подпольной партии. Ленин протестовал против этой части решений пленума.

2. Партийные органы должны быть восстановлены на основе Центрального Комитета, избранного на V съезде. Из его членов семеро (известные как «Семерка») будут работать в России — по два человека от каждой группировки и по одному от трех национальных партий. Трем меньшевикам в России — П. А. Гарви, К. М. Ермолаеву, И. А. Исуву (все трое — «практики») было поручено подобрать двух меньшевистских членов «Семерки». За границей регулярным партийным органом служит небольшой исполнительный комитет эмигрантских организаций, известный под названием Заграничного Бюро Центрального Комитета (ЗБЦК). Бюро состоит из пяти членов — по одному от каждой из двух фракций и по одному от трех национальных партий. Были выработаны также сложные правила для созыва за границей пленума ЦК в составе пятнадцати членов при особых, уточненных в резолюции обстоятельствах.

3. Редакция партийной газеты «Социал-демократ», которую Ленин держал в своих руках со времени ее возобновления в 1908 году, была реорганизована с очевидным намерением сделать ее совместным органом. Большевики согласились прекратить издание «Пролетария». Меньшевикам же решение о прекращении выпуска «Голоса социал-демократа» удалось поставить в зависимость от способности «Социал-демократа» стать общепартийным органом. «Вперед» признавался в качестве «издательской» группы, а «Правде» была обещана субсидия.

4. Вопросы о шмидтовском наследстве и об экспроприациях возбудили жаркие прения. Но в конечном итоге возобладал дух примирения. Принятая резолюция осуждала нарушения партийной дисциплины «отдельными товарищами», но только как нарушения, вызванные «неверным пониманием» интересов партии. Что же до наличности, оставшейся в руках у большевиков, то последние обещали передать часть ее немедленно в кассу ЦК. Остальные средства передавались трем немецким социал-демократам — Францу Мерингу, Кларе Цеткин и Карлу Каутскому как «посторонним держателям». Большевики оставили за собой право потребовать от «держателей» возврата денег, если меньшевики откажутся содействовать партийным органам в России или продолжат издание своего фракционного органа. В этом случае деньги также должны были быть переданы Центральному Комитету[33].

Проведение в жизнь этого компромиссного решения зависело от доброй воли Ленина, от беспристрастности немецких «держателей» и от сотрудничества со стороны меньшевиков-«практиков». Несмотря на численный перевес на

[33] Протокол этого пленарного заседания не опубликован. Есть неполная и неопубликованная запись в архиве Алексинского и отчет в брошюре Мартова «Спасители или упразднители» (Париж, 1911 г.). Другую информацию можно найти в партийной полемике в «Социал-демократе», в «Голосе социал-демократа» в 1910 и 1911 г.г. и в «Переписке». Отчет о решениях, появившийся в «Социал-демократе», перепечатан в издании «КПСС в рез.», т. I, стр. 234-243.

пленарном заседании, меньшевики не обеспечили осуждения «антиликвидаторской» кампании в форме, достаточно категорической для того, чтобы лишить Ленина возможности использовать ее в будущем для раскола в партии. Не сумели они настоять и на изъятии приобретенных сомнительным образом большевистских фондов из-под фактического контроля Ленина. Поэтому разработанные на бумаге условия вскоре оказались бесплодными. За эту неудачу в решающий момент меньшевистские лидеры не были полностью ответственны, поскольку большинство зависело от поддержки со стороны Бунда, группы Троцкого и кавказских товарищей, а все эти группы настаивали на компромиссе и примирении. Однако неофициально Мартов признал, что более решительная политика, которая не позволила бы Ленину вызвать раскол в партии, означала бы «принятие ответственности за окончательное уничтожение старых партийных учреждений», а на это меньшевики пойти не могли[34].

События вскоре показали, что Мартов просчитался, предположив, что «практиков» в России можно уговорить сотрудничать с большевиками для перестройки старого центрального партийного органа. Они не доверяли Ленину и считали, что намеченная «Семерка» обречена на бездействие, так как Ленин использовал бы ее единственно в целях междоусобной борьбы. Была и другая причина, по которой «практики» не принимали компромисса. В России после длительного периода пассивности обозначились признаки возрождения активности рабочего класса, и Гарви и его товарищи надеялись создать теперь что-то вроде массовой партии, которую, по их мнению, никогда не удалось бы создать в союзе с Лениным. Первый шаг на пути к осуществлению этой политики был сделан в начале 1911 года. Тогда конференция «легальных партийных работников» высказалась за соз-

[34] В письме Потресову от 23 февраля 1910 г. (Не опубликовано; предоставлено мне Б. И. Николаевским.)

дание собственной подпольной партийной организации меньшевиков, которая в ходе подготовки к предстоящим выборам в Четвертую Думу поддерживала бы легальное движение и сотрудничала с ним[35]. Такие новые меньшевистские организации были созданы в течение 1911 года в Петербурге и в некоторых других центрах и образовали базу меньшевистской партии в ее новой форме после 1912 года. Поэтому попытки учредить «Семерку» в России сразу же провалились. Оба большевистских ее члена были «примиренцами». Один из них, Ногин, обязанность которого состояла в поддержании контакта с тремя меньшевистскими «практиками», избранными пленумом, в порыве откровенности признался им, что, по его мнению, Ленин и не собирался допускать, чтобы состоявший из большевиков и меньшевиков Центральный Комитет стал реальностью. После этого три меньшевика отказались назначить членов «Семерки». Их отказ был впоследствии широко использован Лениным для нападок на «ликвидаторов» за то, что они-де подорвали достигнутое на пленуме соглашение. Мартов также возложил вину за срыв соглашения на «неожиданный» отказ со стороны трех «практиков», Аксельрод в последующие годы упрекал Гарви за это решение[36]. Весьма сомнительно, однако (ввиду почти нескрываемой враждебности Ленина к компромиссу), чтобы результаты вообще могли быть иными, если бы даже двое меньшевиков и вошли в «Семерку».

Осталось мертвой буквой и соглашение о партийной печати. Вынужденный приостановить издание «Пролетария», Ленин стремился обеспечить себе страницы «Социал-демократа» для продолжения кампании против «ликвидаторов».

[35] Резолюции этой конференции были опубликованы в «Листке голоса социал-демократа», № 1, 25 июня 1911 г.

[36] Неопубликованное письмо Мартова Потресову, предоставленное мне Б. И. Николаевским, датированное 17 апреля 1910 г. См. его статью «Куда пришли» в «Голосе социал-демократа» за ноябрь 1910 г. См. также «Материалы», стр. 384.

Его сторонники в редакции — Зиновьев и один поляк — создавали ему большинство, тогда как Мартов и Дан оставались в меньшинстве. Он немедленно начал использовать это преимущество для того, чтобы превратить «Социал-демократа» из общего органа, каким он должен был стать, в рупор большевиков или, точнее, в рупор Ленина и его ближайших помощников — Зиновьева и Каменева (к 1910 году большевистская фракция раскололась из-за преобладания в ней «примиренцев»). Мартов и Дан вели здесь безнадежную борьбу, будучи не в силах преодолеть сопротивление Ленина в определении политического лица «Социал-демократа». Уже в самом начале для выражения своих взглядов им не осталось ничего другого, как ограничиться «Голосом социал-демократа». Не повезло и «Правде» в рамках соглашения. Субсидия одно время выплачивалась. Но вскоре Каменев, назначенный представителем Центрального Комитета в редакции «Правды», рассорился с Троцким. Поскольку Ленин, как мы увидим, все еще распоряжался фактически всеми фондами, имевшимися у партии в целом, субсидия «Правде» была вскоре приостановлена. В течение 1910 года Ленин возобновил личные контакты с Плехановым, прерванные было с 1903 года. Используя антипатию Плеханова к Троцкому, он убедил его принять участие в издании новой газеты в России, задуманной в целях конкуренции с «Правдой».

Резолюция о партийных фондах не стоила и бумаги, на которой она была написана, и деньги оставались яблоком раздора в течение многих лет. Единственным органом ЦК (поскольку «Семерка» еще не была учреждена) являлось ЗБЦК, и Ленин не собирался передавать какие бы то ни было средства этому органу, в контроле над которым он не мог быть уверен. Ленинское большинство в ЗБЦК зависело от поддержки со стороны польского и латышского его членов (бундовец и меньшевик едва ли стали бы поддерживать Ленина). Насколько ненадежным был этот перевес, стало очевидным в самом начале 1910 года, когда новоназначен-

ный латышский член ЗБЦК оказался антибольшевиком[37]. Поэтому те деньги, которые должны были перейти к ЦК, остались в руках Ленина. Остаток, который он обещал передать «держателям», тоже по-прежнему находился на ленинском счету в одном из парижских банков до июня 1911 года. Вскоре после пленума ЗБЦК обратило внимание «держателей» на тот факт, что соглашение не было выполнено, и предложило им принять меры для получения денег. Последовал довольно резкий ответ Клары Цеткин: поскольку Ленин согласился передать деньги по первому требованию, то нет оснований настаивать на немедленном их переводе. По-видимому, «держатели» так никогда и не были поставлены в известность о точном размере суммы и ничего не предприняли, чтобы это выяснить[38]. Таким образом, до июня 1911 года одна половина капитала, превышавшего 200.000 рублей, находилась в полном распоряжении Ленина, а другая была положена в банк на его имя с обещанием перевести ее, если это потребуется, троим «держателям».

К концу 1910 года Ленин вызвал кризис, потребовав «возвращения» ему денег (с которыми он никогда не расставался) на том основании, что меньшевики-де нарушили соглашение, достигнутое на январском пленуме. Он потребовал созыва нового пленума ЗБЦК для решения этого вопроса[39]. После длительного конфликта было достигнуто соглашение: вопрос о созыве пленума должен решить Центральный Комитет в России («Семерка»). Но попытка собрать «Семерку» (даже без ее меньшевистских членов) сорвалась из-за ареста двух ее большевистских членов в России. Арест этих работников не был чистой случайностью — их выдал большевик Малиновский, оказавшийся полицейским агентом[40]. Полиция была заинтересована в том, чтобы вызвать

[37] В. И. Ленин, т. 14, стр. 516.

[38] «Листок голоса социал-демократа», № 3, февраль 1912 г.

[39] В. И. Ленин, т. 15, стр. 581.

[40] В. И. Ленин, т. 15, стр. 729; Д. Сверчков, «На заре революции», Ленинград, 1924 г., стр. 308.

максимальные раздоры в социал-демократической партии. Ленин был заинтересован в том же. Вряд ли он сожалел о том, что такие упорные «примиренцы», как Ногин и Линдов, сошли со сцены.

Пользуясь поддержкой поляков, Зиновьева и Каменева, Ленин начал настаивать на созыве заграничного ЦК. Вероятно, он надеялся, что на этом пленуме обеспечит себе большинство, в то время как ЗБЦК возлагало свои надежды на «примиренцев» в составе русской «Семерки». Последовали обычные крючкотворные споры, но Ленин решил действовать, не обращая внимания на формальности. На частном собрании его сторонников (Каменева, Зиновьева, Тышки, Рыкова и большевистского члена ЦК доктора Семашко) был разработан заговор с целью созыва 5 июня 1911 года совещания, будто бы представляющего собой пленум ЦК. 27 мая были разосланы пригласительные повестки представителям Бунда, латышей и меньшевиков. В тот же день Семашко покинул ЗБЦК, забрав с собой документы и кассу. 10 июня собрался ленинский псевдопленум. Теперь его покинули меньшевики и бундовцы на том основании, что он не был должным образом подготовлен и санкционирован. И действительно, участники совещания были тщательно отобраны. Не все делегаты пленума 1910 года были приглашены на этот псевдопленум, а, с другой стороны, не все приглашенные присутствовали на пленуме 1910 года. Несколько членов и кандидатов в члены ЦК, избранных V съездом в 1907 году, были вообще обойдены. Несмотря на все эти нарушения, совещание объявило о роспуске ЗБЦК и создало Организационную комиссию для подготовки партийной конференции и Техническую комиссию, ведавшую финансами, печатью и транспортом.

Но Ленин был только на полпути к победе, так как перед ним стояли еще две нерешенные проблемы. Первая проблема: реакция немецких «держателей» на этот поистине беспардонный шаг. Ленинское самоуправство и семашкинское похищение кассы немедленно вызвали многочисленные

протесты в партийной печати и на митингах. Протестовали Бунд, кавказцы, латыши, газеты «Вперед» и «Правда», Плеханов, ЗБЦК и вообще подавляющее большинство социал-демократических групп в эмиграции. Другая трудность состояла в том, что, проводя в жизнь свой заговор, Ленин вынужден был полагаться на поддержку «примиренцев»: единственным большевиком-членом ЦК, все еще находившимся на свободе, был Рыков, убежденный «примиренец». Правда, «примиренцы» соглашались на выход из тупика, вызванного конфликтом с ЗБЦК. Но Ленин не мог полагаться на то, что они будут вести себя на партийной конференции в соответствии с его намерениями. В обоих новообразованных органах «примиренцы» обладали большинством. Это явилось результатом давления с неожиданной стороны — со стороны Тышки[41].

Значение Тышки заключалось в том влиянии, которое он мог оказывать на немецких «держателей», — и не только сам, но, возможно, и через Розу Люксембург[42], близкого друга Клары Цеткин и Каутского. Незадолго до этого Ленин тайно посетил Каутского, но ничего не добился. Тем временем меньшевики тоже делали все возможное, чтобы довести свои соображения до сведения «держателей». Брошюра, в которой Мартов в мае 1911 года разоблачал финансовые махинации большевиков, была переведена на немецкий язык для осведомления «держателей». Усилия меньшевиков имели известный успех — по меньшей мере в том смысле, что в июне «держатели», наконец, потребовали перевода согласованной части капитала на их счет, и Ленин действительно перевел какую-то сумму в Берлин[43]. По-видимому, на этом этапе Тышка, до той поры верный подручный Ленина, во-

[41] В. И. Ленин, т. 15, стр. 631-634.

[42] Об отношениях Тышки (Лео Иогихеса) с Розой Люксембург см. J. P. Nettl, *Rosa Luxemburg*, т. I, London, 1966, стр. 378-384.

[43] Неопубликованное письмо Мартова Потресову от 28 апреля 1911 г., предоставленное мне Б. И. Николаевским.

зомнил себя арбитром в делах русской партии. Тышке удалось уговорить «держателей» — несмотря на неоднократные протесты со стороны ЗБЦК — перевести 30.000 франков на счет Технической комиссии. Тот факт, что эта Техническая комиссия была просто частной инстанцией, учрежденной Лениным без всякой санкции со стороны партии, по-видимому не смущал «держателей»[44]. Ленин немедленно использовал этот шаг как «доказательство» того, что «держатели» решили дело в пользу большевиков.

По-видимому, немецкие социал-демократы, исполнявшие обязанности «держателей», очень плохо разбирались в том, что́ творилось в русской партии. Естественно, они относились с некоторой брезгливостью к склокам, но их усилия сохранить нейтралитет были в лучшем случае основаны на ошибочной оценке положения. Оставляя оспариваемые фонды до июля 1911 года в руках Ленина, а затем выплатив деньги явно незаконно созданной Технической комиссии, они фактически помогли Ленину в его борьбе против оппонентов. Один из троих «держателей», Франц Меринг, был хроническим больным, а Каутский, по-видимому, оставил дело в руках Клары Цеткин. Два обстоятельства побуждали Каутского первоначально поддерживать Ленина: во-первых, тот факт, что информация поступала от Розы Люксембург и Тышки, а они были далеко не беспристрастными судьями; во-вторых, то, что Ленина поддерживал Плеханов. История большевистских финансов была засекречена, и поэтому брошюра Мартова, появившаяся весной 1911 года, вызвала негодование Каутского, возражавшего против вынесения сора из избы[45].

[44] «Листок голоса социал-демократа», № 3, февраль 1912 г.; «Информационный бюллетень ТК», №№ 1 и 2; Мартынов в «Голосе социал-демократа», № 26, декабрь 1911 г.; «Листок ЗБЦК», № 1, 8 сентября 1911 г. Много подробностей содержится в копии письма, написанного «держателям» Даном и Мартовым в июле 1911 г.; копия хранится в архиве Бунда в Нью-Йорке.

[45] «Дневник социал-демократа», № 15, 1911, стр. 16. Обвинения, содержавшиеся в этой брошюре («Спасители или упразднители»), хотя и очень резкие по тону, по-видимому, подтверждаются большевистскими и полицей-

Первый конфликт между Лениным и Тышкой закончился компромиссом, в силу чего Тышка удержал в своих руках новые «партийные» органы. Нельзя было ожидать, однако, чтобы Ленин смирился на длительное время с положением, при котором созданные им органы оставались бы в руках «примиренцев». Весной и летом 1911 года Ленин с помощью Зиновьева организовал партийную школу в Лонжюмо, под Парижем. Несколько партийцев, проявивших необходимые способности в качестве большевистских агентов в России, получили образование в этой школе — в частности, Г. К. Орджоникидзе. В июне ленинский «пленум» учредил Организационную комиссию по нелегальной засылке агентов в Россию и по подготовке там новой партийной конференции. Рыков и другие примиренчески настроенные члены комиссии рассматривали предстоящую конференцию как подлинную попытку объединения всех членов партии. Обращение, выпущенное ими, было составлено в примирительном тоне, рассчитанном на максимально широкий отклик со стороны обеих партийных фракций[46]. В августе 1911 года Рыков вернулся в Россию для подготовки этой партийной конференции. Там он был сразу же арестован по доносу полицейского агента Бряндинского, работавшего с большевиками в Париже. Арест не был случайным. Подробный отчет Бряндинского, адресованный полиции, был впоследствии опубликован. Из отчета явствует, что этот ловкий агент был хорошо осведомлен о положении дел в партии и о взглядах Рыкова, а также о значении ареста Рыкова и его единомышленников в России (поименный список единомышленников был подготовлен Рыковым с участием Бряндинского) для внутрипартийного разлада[47].

скими источниками, а также документами архива Алексинского, относящимися к этому периоду.

[46] Это обращение, напечатанное в виде листовки, нигде не было затем опубликовано; оно помечено № 565 в книге «Социал-демократические листовки 1894-1917 г.г.». (См. прим. 9, стр. 101, где дана полная ссылка.)

[47] М.А. Цявловский, ук. соч., стр. 48-57.

Двое из числа других «примиренцев», Ногин и Лядов, были под арестом уже с апреля 1911 года. Вследствие этого в России открылось поле деятельности для Орджоникидзе, посланного туда вместе с двумя другими большевиками одновременно с Рыковым; он один избежал ареста. После нескольких месяцев лихорадочной деятельности Орджоникидзе удалось создать видимость поддержки для основания в России так называемой Русской организационной комиссии (РОК). Этот орган претендовал теперь на то, чтобы говорить от имени всей партии, и требовал немедленных выборов делегатов на партийную конференцию всех «подлинных» сторонников партии.

Отношения между Лениным и Зиновьевым, с одной стороны, и Тышкой, центральной фигурой в обеих названных организациях, — с другой, почти прервались еще в октябре, когда Техническая комиссия Тышки отказалась субсидировать публикацию ноябрьского выпуска «Социал-демократа». Ленин и Зиновьев, фонды которых к этому времени, по-видимому, иссякли из-за расходов, связанных с организацией РОК, были вынуждены издавать свою газету на взятые в долг деньги. Дни Организационной и Технической комиссий, которые в любом случае нельзя было назвать подлинными комиссиями, а лишь импровизированными, были сочтены. Ленинцы вышли из состава обеих комиссий, и Зиновьев, теперь уже по привычке, прихватил кассу и печатный станок. Тышка, которого Ленин таким образом обошел и планы которого провалились, порвал теперь с Лениным. В серии едко написанных брошюр и статей он стал уличать Ленина в тех поступках, к которым сам он, Тышка, имел прямое отношение на протяжении трех предшествующих лет.

Тем временем РОК, которой ничто уже не препятствовало, начала подготовку конференции, намеченной на 18 января 1912 года в Праге.

7. ЛЕНИН ЗАХОДИТ СЛИШКОМ ДАЛЕКО

Так Ленину удалось обойти своих соперников. РОК не пользовалась большой поддержкой в партии — по оценке Троцкого, лишь одна пятая членов партии высказывалась за ленинскую тактику. Ни один из членов или кандидатов в члены последнего избранного ЦК не принимал участия в создании РОК. Не находила РОК поддержки и со стороны ЗБЦК, единственного легально существовавшего тогда партийного органа, созданного по решению пленума 1910 года и неизменно противостоявшего Ленину.

Следовательно, РОК едва ли могла претендовать на то, чтобы представлять большевистскую группу, не говоря уже о том, чтобы представлять всю Российскую социал-демократическую партию. Но все это не имело большого значения для столь неопытной партии, как российская. Рядовой член партии стремился к единству в ее рядах и тяготился междоусобными склоками. Как правило, он охотно поддерживал любого оратора, говорившего авторитетно от имени всей партии. Учитывая это, Ленин выиграл первый раунд. Меньшевистские лидеры, которые в январе 1910 года занимали главенствующие позиции, вынуждены были теперь перейти к обороне.

РОК разослала приглашения на конференцию в Праге национальным партиям и ряду группировок российской партии. «Ликвидаторов» демонстративно обошли. Национальные партии, а также группа «Вперед», Троцкий и Плеханов отказались от участия в конференции. Конференция открылась, как и предполагалось, 18 января 1912 года. Четырнад-

цать делегатов с решающим голосом (двое из них были полицейскими агентами) претендовали на то, чтобы представлять десять партийных комитетов. Само существование большинства этих комитетов позднее оспаривалось, а некоторые партийные организации, действительно существовавшие, не были представлены. Троцкий утверждал, что из организаций, будто бы представленных на конференции, фактически существовала только одна. Несмотря на отказ Плеханова присутствовать на конференции, двое его последователей были в числе делегатов в качестве так называемых «меньшевиков-партийцев». Один из них нарушил атмосферу согласия на конференции, выразив протест против незаконности ее созыва. Это немногочисленное сборище «бунтарей» без всяких колебаний объявило себя конференцией, представляющей все фактически существующие партийные организации, приняло ряд резолюций и избрало Центральный Комитет. «Ликвидаторов» исключили из партии, а деньги, все еще находившиеся в руках немецких социал-демократических «держателей», были объявлены собственностью большевиков. Были приняты, кроме всего, резолюции о политике по отношению к Думе (см. ниже)[1].

Новый ЦК состоял из самых близких соратников и «твердых» последователей Ленина. В числе семи его членов были: Ленин, Зиновьев, Орджоникидзе, армянский большевик Спандарян и агент охранки Роман Малиновский. В составе пяти кандидатов в члены находились: А.С. Бубнов, М. И. Калинин и Е. Д. Стасова. Вскоре ЦК кооптировал двух новых членов: И. В. Джугашвили (Сталина) и И. С. Белостоцкого (последний обучался в ленинской партийной школе в Лонжюмо летом 1911 года). Несколько членов были выделены для работы в России, в том числе три кавказца: Орджоникидзе, Спандарян и Сталин.

[1] «КПСС в рез»., т. I, стр. 265-287; Ленин, т. 15, стр. 651-654; «Всероссийская конференция Рос. соц.-дем. раб. партии 1912 года». Издание Центрального Комитета, Париж, 1912.

Удар, нанесенный большевиками на Пражской конференции, побудил их противников сделать новые усилия для восстановления единства партии. Попытки эти предпринимались в течение довольно продолжительного времени. Главным сторонником объединения была группа Троцкого. По мнению Троцкого, неправы были обе стороны: если большевики грешили, узурпируя права, принадлежавшие всей партии в целом, то меньшевики оказывались неправыми, пренебрегая нелегальной формой деятельности партии. В течение года Троцкий настаивал на созыве конференции, на которой могли бы объединиться все те, кому близки были интересы партии. Его деятельность не только осуждалась Лениным, но и возбуждала подозрение у меньшевиков, которые, возможно, несправедливо, рассматривали критику их деятельности Троцким как продолжение нечестной кампании против «ликвидаторов». Незадолго до этого группа «Голос социал-демократа» сформулировала свои требования об объединении партии в письме, распространенном среди членов партии в начале 1911 года[2].

И Троцкий и все меньшевики считали, что в конференции должны принять участие не только члены подпольной группы, но и люди, представлявшие легальные организации. Поскольку такая конференция была бы в силу необходимости нелегальной, то социал-демократы, которые действительно возражали против восстановления подпольной деятельности партии, вряд ли присутствовали бы на ней, а подлинные «ликвидаторы» отсутствовали бы автоматически.

В течение этого года делались и другие попытки добиться компромисса. Но ни одна из этих попыток не принесла желаемых плодов. Причины были разные: например, трудности практического и экономического характера, в том

[2] Это недатированное письмо перепечатано Мартовым в его брошюре «Спасители или упразднители», стр. 42-47; дата может быть приблизительно восстановлена из контекста.

числе и расходы по организации конференции. Последняя причина оказалась более сложной для меньшевиков, имевших в виду подлинно представительную конференцию, чем для большевиков, которые об этом не помышляли. Кроме того, многие меньшевики не считали, что объединение с Лениным и его сторонниками было делом возможным или даже желательным. У латышских и польских социал-демократов, Бунда и кавказцев были собственные интересы, которые они соблюдали часто в ущерб интересам партийного единства.

Плеханов держался в стороне, не одобряя ни той, ни другой фракции; он критиковал большевиков за их эксцентричность, но поддерживал их в кампании против «ликвидаторов». К концу года, после учреждения РОК, Бунд созвал представителей трех важнейших организаций меньшинств, работавших в России: Бунда, латышских социал-демократов и кавказцев. Цель встречи состояла в созыве объединенной и объединительной партийной конференции. Под влиянием Пражской конференции 12 марта следующего года в Париже состоялся митинг протеста, на котором были представлены Бунд, «Правда» и «Голос социал-демократа». На митинге присутствовали также один делегат от группы «Вперед» и два делегата от группы большевиков-«примиренцев», которые с лета 1911 года порвали с Лениным и стали называть себя «большевиками-партийцами»[3]. Эти группы решили провести подлинно общепартийную конференцию. Приглашения были разосланы всем группам, но ни польские социал-демократы, ни Плеханов их не приняли. Само собой разумеется, что Пражский Центральный Комитет игнорировал приглашение, но один большевик (к восторгу Троцкого) присутствовал в качестве делегата из Москвы.

Конференция проводилась в Вене с 25 августа по 2 сентября 1912 года. Кроме общего раздражения тем фактом,

[3] Ленин, т. 15, стр. 659. Резолюцию см. в «Правде», № 25, 6 мая (23 апреля) 1912.

что Ленин их перехитрил, делегатов мало что объединяло, и они обвиняли друг друга в разложении партии. Большевистский делегат оказался агентом охранки — он получил инструкцию от полиции сделать все возможное, чтобы сорвать конференцию. В этом ему помогал Алексинский, представлявший группу «Вперед». Троцкий, как председатель, был заинтересован в сохранении единства в рядах собравшихся, и когда Мартов назвал Ленина и его последователей «шарлатанами», он бурно протестовал против такого ведения спора. В конце концов на конференции возобладал дух примирения и согласия. Конференция решила не называть себя Всероссийской конференцией и удовлетворилась названием «Конференция организаций РСДРП». Вместо Центрального Комитета она учредила Организационный комитет для работы в России, состоявший из семи членов, в том числе представителей Бунда и латышей. Общая политика, одобренная на Венской конференции, соответствовала политике петербургской меньшевистской организации: она сводилась к стремлению образовать массовую партию, которой подчинялись бы нелегальные организации. Резолюция, принятая по вопросу о состоянии партии, была сформулирована в примирительном тоне и рассчитана на то, чтобы не обострять существующих разногласий[4].

Таким образом, снова возникла ситуация, при которой бок о бок существовали два соперничающих организационных центра — большевистский Центральный Комитет и Организационный комитет. Последующие годы, в течение которых Ленин продолжал свою кампанию против «ликвидаторов», показали, что преимущество было на его стороне. Он снова завладел «названием фирмы» — Центральный Комитет, — что имело большое психологическое значение. Он пользовался также поддержкой со стороны последова-

[4] См. Ленин, т. 16, стр. 708-711; «Извещение о конференции организаций РСДРП. Издание Организационного комитета». Вена, 1912; М. А. Цявловский, ук. соч., стр. 111-119.

телей Плеханова, которые, называя себя «большевиками-партийцами», сбивали с толку рядовых членов партии.

Тем временем снова возникла проблема денег. В руках у Ленина оставалась по меньшей мере половина шмидтовского наследства. Но школа в Лонжюмо, РОК и Пражская конференция поглотили большие суммы. К моменту открытия Пражской конференции большевистские фонды почти иссякли[5]. Меньшевикам, зависевшим от помощи со стороны сочувствовавших им людей, денег никогда не хватало. Поэтому в течение всего лета 1912 года обе стороны делали тщетные попытки раздобыть деньги, остававшиеся в руках у немецких «держателей». Эти «держатели», может быть, не отдавая себе в том отчета, занимали «нейтральную», то есть проленинскую позицию. Но ко второй половине 1911 года их установка начала меняться. Возможно, это было следствием визитов и писем к ним от меньшевиков, бундовцев и Троцкого. Кроме того, вероятно, уменьшилось влияние Розы Люксембург, с крайне революционными взглядами которой по вопросу о политике немецкой социал-демократии Каутский теперь открыто расходился. К ноябрю 1911 года «держатели», сославшись на болезнь Меринга, сняли с себя полномочия хранителей денежных средств. Они выразили готовность выплатить деньги в том случае, если Ленин и его оппоненты договорятся между собой о том, кто должен их получить. До этого момента, однако, деньги должны были храниться в одном из берлинских банков[6].

[5] Ленин, т. 29, стр. 19; Цявловский, стр. 101 и 102. Судя по донесениям агентов, общие фонды к этому времени составляли всего 30.000 фр. Но вряд ли полицейские агенты знали много о финансах, которые держал Ленин под своим личным контролем. Расходы только на нелегальную литературу, засылавшуюся в Россию в августе для подготовки РОК, в семь раз превысили средние месячные расходы за предшествующие шесть месяцев. См. «Социал-демократ», № 24, октябрь 1911.

[6] См. их письмо от 18 ноября 1911 года, перепечатанное в «Листке голоса социал-демократа», № 3, февраль 1912.

При изменившихся обстоятельствах 1912 года на эти деньги претендовали теперь обе стороны. Непосредственно после Пражской конференции Ленин поручил одному из думских большевиков, Полетаеву, попытаться уговорить Каутского расстаться с деньгами. Сам Ленин тоже ездил в Берлин и угрожал Каутскому судом, если тот не вернет доверенных ему денег. Но все эти старания ни к чему не привели. К тому времени Ленин, видимо, зашел слишком далеко. Рассорившись осенью 1911 года с Тышкой, он вскоре спровоцировал раскол в Польской социал-демократической партии. Этот раскол был спровоцирован с целью изолировать в рамках одной партии обоих ее руководителей: Тышку и Розу Люксембург. Поэтому оба главных адвоката Ленина в его переговорах с Каутским (Роза Люксембург даже рекомендовала Полетаева Каутскому) к этому моменту уже отказывались хлопотать за него. Но и меньшевикам не удалось уговорить Каутского, когда один из членов Организационного комитета посетил его после Венской конференции. Дальнейшие попытки оказались также тщетными.

Насколько известно, деньги так никогда и не были возвращены русским социал-демократам; во всяком случае, в 1915 году они были наверняка еще в руках у «держателей»[7].

Непосредственно после Праги Ленин сделал один из наиболее характерных для него крутых поворотов — он решил конкурировать с меньшевиками в их политике «легальности». Незадолго до этого, летом 1911 года, когда мысль об осно-

[7] Историю денежных отношений партии с «держателями» между 1910 г. и войной приходится изучать главным образом по неопубликованным документам, и эта тема еще ждет детального исследования. Я использовал материалы, собранные Б. И. Николаевским в ходе его работы (ссылка в прим. 11 на стр. 144), а также документы, хранящиеся в Институте общественной истории в Амстердаме. См. также Н. Полетаев, «Пролетарская революция», № 4 (16), стр. 3-6; «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», том 1, Москва, 1956, стр. 272; О. Пятницкий «Записки большевика», 5-е издание, Москва, 1956, стр. 153 и 164.

вании ежедневной легальной газеты для рабочих впервые стала обсуждаться группой меньшевиков, большевики издевались над этим предложением. Они утверждали, что такая газета только создала бы у рабочих иллюзию, будто в России возможна легальная печать без свержения монархии. Однако эта идея была очень популярна среди рабочих, и реакцией властей был немедленный арест ее вдохновителей. «Правда» Троцкого оставалась самой популярной из газет, нелегально ввозимых из-за границы. Поэтому, когда Ленин в феврале 1912 года решил основать свою собственную легальную ежедневную газету, он без зазрения совести использовал название «Правда», к возмущению Троцкого. Первый выпуск большевистской газеты «Правда» относится к 5 мая (22 апреля) 1912 года. Она выходила вплоть до начала войны и сыграла немаловажную роль, как когда-то «Искра», для восстановления Лениным его организации в России, ибо, несмотря на притязания РОК, эта организация фактически еще не существовала в 1912 г. Кроме того, «Правда» стала главным орудием усилившихся большевистских нападок на «ликвидаторов». Регулярно сотрудничал в «Правде» Плеханов. Богданова и остальных членов группы «Вперед» также одно время приглашали сотрудничать в газете (споры об эмпириомонизме, «отзовизме», «ультиматизме» к тому моменту были делом давно минувших дней), но, за исключением легко шедшего на компромиссы Алексинского, они долго этого сотрудничества не выдерживали.

Большевистская печать замалчивает вопрос о подлинных источниках финансирования «Правды», пытаясь доказать, что она существовала целиком на пожертвования рабочих, списки которых занимали видное место на страницах газеты. Несомненно однако, что, кроме этого, газета получала дотации от богатых жертвователей. В частности, Зиновьев вспоминает, как несколько тысяч рублей было получено от таких лиц. Одним из видных жертвователей был богатый студент В.А. Тихомирнов, активно работавший в

большевистском студенческом кружке в Казани. В этот же кружок входил и молодой В.М. Молотов[8].

Меньшевикам тоже удавалось издавать в Петербурге легальную ежедневную газету «Луч», которая выходила с сентября 1912 года. В ней сотрудничали все ведущие меньшевики. «Лучу» так и не удалось добиться той популярности, которой добилась «Правда». Но, как и «Правда», он вскоре стал легальной ширмой для подпольной деятельности. Тезис, согласно которому подпольная партия — неизбежное зло в русских условиях, необходимое для оказания поддержки всем разрешенным формам деятельности, стал основным принципом газеты «Луч». В основном такая точка зрения скорее отражала взгляды российских «практиков», нежели «заграничных» теоретиков. По этому вопросу возник конфликт с Троцким, который вначале был сторонником «Луча»[9].

Большевики, до той поры не обращавшие особого внимания на профессиональные союзы, перенесли свою борьбу с меньшевиками и туда. Отношение обеих группировок к профсоюзам, чье положение в России накануне Первой мировой войны оказалось довольно шатким, было весьма различным. Меньшевики, подкрепляя свою позицию цитатами из Маркса, рассматривали профессиональные союзы как самостоятельную организацию сознательных пролетариев, не связанную с какой-либо партией; социал-демократы должны лишь содействовать деятельности профсоюзов, избегая каких-либо формальных связей между профсоюзами и пар-

[8] Дар Тихомирнова большевикам, широко известный в тот период тем, что он пришелся очень ко времени, никогда не упоминается в советской литературе, за исключением одного источника: авторизованной биографии Молотова в т. 41 «Энциклопедического словаря» Гранат, ч. II, стр. 63, за авторством А. Аросева.

[9] См., напр., «Луч», № 109 (195), 14 мая, 1913, стр. 2; «Письма», стр. 284-286. О «Луче» очень ценная информация имеется в неопубликованных мемуарах Гарви.

тией, что могло бы дискредитировать легальное положение профсоюзов. Большевики же видели в профсоюзах только средство для подготовки вооруженного восстания, еще одну сплоченную массовую организацию, способную в нужный момент участвовать в вооруженной борьбе. Решения Пражской конференции закрепляют такую позицию и большевики нацеливаются на создание внутри профессиональных союзов нелегальных, подчиненных соответствующему партийному комитету ячеек, способных эффективно руководить стачечной борьбой[10].

Таким образом, после 1912 года большевики становятся активными участниками легальных рабочих организаций, меньшевики же пытаются восстановить нелегальный партийный аппарат. Возникает вопрос, в какой степени продолжали существовать реальные теоретические разногласия между обеими группами. Безусловно, позиции большевиков и меньшевиков относительно земельной реформы и судьбы национальных меньшинств в России различались, но эти проблемы касались отдаленного будущего, которое наступит после свержения монархии. Обвинение же меньшевиков в «ликвидаторстве», да еще в такой форме, как это делал Ленин, было явно несправедливым. Меньшевики подвергались арестам и ссылкам столь же часто, как и большевики, а то и чаще. К началу 1913 года существовала уже широкая сеть нелегальных, подпольных меньшевистских комитетов. Все меньшевики, в том числе и «практики», отдавали себе полный отчет в том, что для продолжения политической работы в русских условиях необходима подпольная, нелегальная партийная организация. Но большевики обвиняли меньшевиков не только в «ликвидаторстве», но и в «ре-

[10] См. «КПСС в рез»., т. 1, стр. 277. Серьезные расхождения выявились уже в июле 1907 г. на партийной конференции в Котка (Финляндия), когда не было достигнуто соглашения по вопросу о профессиональных союзах. См. там же, стр. 178-180, проекты меньшевистской и ленинской резолюций о профессиональных союзах.

формизме», утверждая, что меньшевики отказываются, подобно последователям Бернштейна в Германии, от революции как конечной цели, ограничиваясь требованиями постепенных реформ. Правда, вопреки установке 1906 года, меньшевики уже не считали, что революция вот-вот разразится. (Каждый здравомыслящий человек придерживался такого же мнения в 1912-1913 годах.) Но они не отвергали революцию как конечную цель, как событие, теоретически необходимое и неизбежное. Более того, меньшевистские лидеры, всегда оставаясь предельно верными доктрине и болезненно реагируя на обвинения в «реформизме», неизменно отвергали утверждение, будто признание необходимости временной передышки означает какое-то изменение теории. Страх перед «реформизмом» явился одной из причин, побудивших, в частности, Мартова подозревать своих последователей в России в «ликвидаторском» грехе, в котором их постоянно обвиняли. «Пока легальная деятельность рассматривается только как подготовка к революции, все хорошо, — писал Мартов в 1911 году. — Но когда она превращается в политику легальности любой ценой, в политику, основанную на мысли, согласно которой рабочие, добиваясь постепенных реформ, разовьют конституционную систему или «врастут» в нее, что сделает революцию ненужной, то это — реформизм, а против него нужно беспощадно бороться»[11]. Поэтому, рассматривая грядущую революцию как неотъемлемую часть марксистской теории и считая легальную деятельность просто лучшим средством ее подготовки, меньшевики провозгласили объединение с большевиками краеугольным камнем своей политики. Ведь в конце концов, по их мнению, обе группировки солидарны по основным теоретическим вопросам, являются интеллектуальным авангардом одного и того же класса — пролетариата и, в сущности,

[11] См. Л. Мартов, «Записки публициста, „ликвидаторство“ и перспективы», «Дело жизни», № 1, стр. 2-12.

сражаются во имя достижения одних и тех же целей. Пока что поступки некоторых интеллигентов нарушают эту естественную гармонию. Но дело это временное; в конечном итоге, как учит марксизм, историю делают не личности, а классы. «Не стоит чрезмерно подчеркивать расхождения с большевиками, — писал другой меньшевик, Оранский, в 1913 году. — На практике социал-демократическое движение стало на время движением за частичные реформы и индивидуальные права, и большевизму придется либо приспособиться к этому, либо исчезнуть»[12].

Многие меньшевики объясняли самые острые межгрупповые раздоры всего лишь болезнью роста молодой, борющейся за свое существование партии. Как только социал-демократия выйдет на широкую, «немецкую» дорогу легальной, признанной партии, отвратительные интриги станут делом прошлого. Все это удерживало меньшевиков в эти годы от любой попытки захватить контроль над партией и исключить из нее Ленина и его последователей. В конечном счете настоящий водораздел в партии пролегал не столько в области теории, сколько по линии несходства тактики и характеров личностей.

Наступление Ленина против меньшевиков достигло своего апогея в социал-демократической фракции Думы, где большевистские и меньшевистские депутаты работали сравнительно гармонично, учитывая русские условия, в рамках одной фракции. Такое необычное положение объясняется изоляцией социал-демократов в Думе от их партийных лидеров: Центральный Комитет партии находился вне России почти в течение всего времени существования фракции, что помогло депутатам сохранить независимость от партийного контроля, которую они с самого начала отстаивали. Летом 1912 года истек срок полномочий Третьей Думы, и выборы

[12] К. Оранский, «Как осуществить единство», «Наша заря», № 1, 1913, стр. 40-44.

в Четвертую Думу назначаются на сентябрь. В ходе кампании и большевики и меньшевики тщательно вырабатывают политические платформы. Большевики, совершенно забыв свои прежние слова о бойкоте, решают на Пражской конференции, что участие в выборах «безусловно необходимо», причем после выборов социал-демократическая фракция должна быть подчинена партии в целом. Резолюция конференции, игнорируя факт непризнания руководства пражской группы огромным большинством членов партии, содержит еще один характерный пункт: в рабочих «куриях» (выборы в Думу были двухступенчатыми, существовала система общественных «курий» избирателей) должны выдвигаться только «наши собственные» кандидаты и следует всячески избегать соглашений с другими партиями и группами. Тут же пояснялось, что под «группами» подразумеваются «ликвидаторы».

Резолюция Венской конференции также детально останавливается на предвыборных проблемах, подчеркивая прежде всего необходимость единства партии, в особенности запрещается соперничество социал-демократических кандидатов друг с другом; все кандидатуры должны быть согласованы с большевистским ЦК. Действительно, выборы в рабочих «куриях» проводились в атмосфере сотрудничества, хотя большевики, как правило, оказывались более упрямыми при обсуждении кандидатур. Например, согласно Мартову[13], из шести спорных кандидатов трое большевиков были обязаны своим избранием поддержке «ликвидаторов». Примечательно следующее: рабочие-избиратели совершенно определенно высказались за единство социал-демократической думской фракции, о чем свидетельствуют тысячи наказов депутатам, и основой избрания всех социал-демократических депутатов было их твердое обещание хранить такое единство. В итоге было избрано шесть большевиков и семь мень-

[13] «Наша заря», № 10-11, 1913, стр. 72, 90.

шевиков. Один из большевистских депутатов, член ЦК Роман Малиновский, являлся тайным агентом полиции.

Традиции социал-демократической фракции Третьей Думы сохраняются в течение некоторого времени и декларации о единстве провозглашаются всеми депутатами. Большевик Петровский решается даже опубликовать примирительное интервью в меньшевистской газете «Луч» и выражает сомнение относительно реального существования «ликвидаторства». В конце декабря 1912 года все депутаты социал-демократической фракции, кроме двух (одним был Малиновский), голосуют за резолюцию, предлагающую создание единой общепартийной ежедневной газеты. В качестве первого шага к примирению резолюция советует депутатам сотрудничать и в «Правде» и в «Луче». Этого Ленин вынести уже не мог. В середине января 1913 года в Кракове, где Ленин жил в это время, спешно созывается совещание, на которое вызываются все шесть большевистских депутатов, и вскоре после этого, по указанию ЦК, декабрьское соглашение думской социал-демократической фракции расторгается по инициативе большевиков, что приводит к обострению отношений между двумя группировками. По существу большевики уже решились на раскол, и лишь упорное стремление рабочих к единству заставило их искать более или менее убедительные пропагандистские средства для оправдания такого шага. В октябре 1913 года еще одно совещание, созванное Лениным, решает: время для окончательного разрыва пришло. Совещание принимает соответствующую резолюцию, декларирующую «возможность и необходимость» единства в думской фракции, но при этом обвиняющую меньшевиков в подрыве такого единства. Вслед за резолюцией меньшевикам предъявляется ультиматум, требующий предоставить шести большевикам равные права с семью меньшевиками, чтобы прекратить «притеснение» большевиков. В качестве доказательств такого «притеснения» ультиматум ссылается на следующие факты: меньшевики-де уговаривали депутатов сотрудничать в их органе

«Луч»; фракция отказалась учредить пост второго секретаря для одного из большевиков; членом бюджетной комиссии Думы был назначен меньшевик. И большевики объявляют себя отдельной фракцией[14].

Ведущую роль в организации раскола сыграл Роман Малиновский, одна из самых загадочных фигур в большевистских рядах. В течение многих лет он был тайным агентом полиции и по ее указанию примкнул к большевикам в 1911 году, будучи в то время видным членом Союза металлургов. Малиновский ознаменовал свой «переход» организацией ареста крупной группы «ликвидаторов», занятых легальной работой. Впоследствии он помог большевикам захватить контроль над Союзом металлургов, ранее осуществлявшийся меньшевиками. Какой бы ни была его роль агента полиции, заслуги Малиновского перед большевистской группой несомненны. Он всегда мог спровоцировать арест тех людей, которых Ленин хотел убрать с дороги. По прямым указаниям Ленина и вопреки взглядам остальных большевистских депутатов, Малиновский начал подготовку к расколу в думской социал-демократической фракции еще за год до того, как этот раскол состоялся. В самой Думе он был самым резким и самым бескомпромиссным большевиком, вызывая восхищение Ленина своими речами, проекты которых редактировали и Ленин и полицейские власти. Будучи членом Центрального Комитета, он информировал охранку о тайных большевистских совещаниях.

Тот факт, что Малиновский был слугой двух господ, объясняется совпадением непосредственных целей Ленина и полиции: обе стороны были крайне заинтересованы в максимальных раздорах и разногласиях в социал-демократическом движении. Даже если Малиновский играл свою двойную роль с ведома Ленина, а этот вопрос ввиду от-

[14] А. Бадаев, «Большевики в государственной думе. Воспоминания». Изд. 8-е, Москва, 1954, стр. 168, 170, 182 и 326.

сутствия достоверных данных остается открытым, то и тогда он вряд ли смог бы сделать для Ленина больше.

Деятельность Малиновского стала возбуждать явные подозрения в начале 1914 года, когда после скандала в Думе он по приказу полиции отказался от депутатского мандата и сразу же отправился к Ленину в Краков. Слухи о том, что Малиновский — агент охранки, ходили теперь повсюду и широко распространялись меньшевистской печатью, требовавшей расследования. Ленин немедленно встал на защиту Малиновского, что может показаться логичным, если признать осведомленность Ленина о тайных связях своего соратника. С другой стороны, для Ленина было совершенно естественно бороться всеми силами против обвинений, исходивших от политических противников. Конец драмы настал после революции, когда Малиновский, почти всю войну пропагандировавший идеи большевизма среди русских военнопленных в Германии, добровольно вернулся в Россию (с ведома немецких властей). Он хорошо понимал: архивы царской полиции стали доступными, а его роль агента полностью раскрыта. Доводы Малиновского, согласно которым Ленин не мог не знать о его связях с охранкой, и неоднократные просьбы дать соответствующие показания были последним отвергнуты. Тогда, в ноябре 1918 года, рабочие относились к Малиновскому крайне враждебно; он сделал свое дело, и Ленину незачем было бросать тень на свою репутацию защитой Малиновского[15].

Обилие полицейских агентов среди большевиков, даже в руководстве партии, отмечалось неоднократно. В меньшевистских рядах крупных агентов было мало. Единственный известный случай — В. Абросимов, делегат Венской конференции, видный петербургский «практик», завербованный полицией в 1912 или 1913 году. Этот поразительный кон-

[15] Подробный отчет о деле Малиновского, в котором рассматривается весь известный материал, см. у Вольфа, ук. соч., гл. XXXI. Вольф отвергает идею, что Ленин знал о связях Малиновского с полицией.

траст обусловлен тремя причинами. Во-первых, главная цель охранки — держать обе фракции в состоянии раскола — достигалась легче с «помощью» большевиков, и поэтому потенциальные агенты засылались именно в их ряды. Во-вторых, неразборчивый в средствах большевик-конспиратор был ближе по характеру к тому типу авантюриста, которого привлекала двойная жизнь полицейского агента и революционера, чем доктринер-меньшевик, к тому же еще и идеалист. Наконец, большевик был, как правило, революционером-профессионалом, находившимся на содержании Центрального Комитета; меньшевика же партия содержала лишь в редких случаях — он зарабатывал себе на жизнь самыми различными способами. Профессиональному революционеру в своей повседневной жизни легче сыграть еще одну, хоть и противоположную по сути, роль; кроме того, он испытывал еще большой соблазн сорвать лишний куш — большевики платили довольно скупо, а охранка — весьма щедро.

Раскол думской фракции явился логическим результатом ленинской политики, проводившейся с 1910, а может быть и с 1903 года. Тем не менее он вызвал чувство недоумения и возмущения среди рабочих, когда стал действительностью. Троцкий, Бунд и кавказские социал-демократы сплотились вокруг меньшевистских депутатов. Польские социал-демократы, кроме небольшой кучки сторонников Ленина, также поддержали меньшевиков[16]. Даже Плеханов, продолжавший бичевать «ликвидаторов» на страницах «Правды» (к величайшему огорчению его ближайших друзей Аксельрода и Веры Засулич), начинает сомневаться. На встрече с группой своих последователей-эмигрантов в августе 1913 года Плеханов сообщает о решении создать новый печатный орган с тем, чтобы объединить таким образом лучшие силы обеих фракций. В письменном заявлении от 9 декабря 1913 года он объявляет о своем выходе из Международного Социали-

[16] Ленин, т. 17, стр. 694 и 695.

стического Бюро (МСБ) в знак протеста против «последнего удара нашему единству» (имея в виду раскол думской фракции) и предлагает Социалистическому Интернационалу навести порядок в русской социал-демократии, о котором мечтают все здоровые силы в обеих фракциях. Плеханов все еще возлагал вину за раскол на «достойные сожаления» решения, принятые «ликвидаторами». С мая 1914 года под редакцией Плеханова начинает выходить новая газета «Единство», и чувствуется, что его враждебное отношение к «ликвидаторам» смягчилось, позиция же Ленина подвергается резкой критике[17]. Тем временем большевики явно стремились увековечить раскол, интенсивно готовясь к новому партийному съезду, который дал бы им право говорить и действовать от имени всей партии. Ради пущего эффекта съезд был приурочен к предстоящему Международному Социалистическому Конгрессу[18].

Меньшевистские лидеры — обманутые, озадаченные, растерянные — в последней надежде тоже обратились за помощью к Социалистическому Интернационалу. К этому времени международное социалистическое движение успело уже порядком натерпеться от своих эксцентричных русских собратьев. Еще на III съезде партии в 1905 году предложение немецкого социал-демократического лидера А. Бебеля взять на себя роль посредника между враждующими фракциями было отвергнуто большевиками. С самого начала шли нескончаемые споры о представительстве русских социал-демократов во II Интернационале. Позднее хлебнули горя распорядители партийных фондов Каутский, Меринг и Клара Цеткин.

Теперь уже Роза Люксембург требует вмешательства

[17] См. Г. Плеханов, Сочинения, т. 19, стр. 560 и 561, 493 и след. В тексте письма МСБ, перепечатанного в этом томе, опущен абзац, в котором Плеханов обвинял «ликвидаторов» в расколе. Полный текст см. в *Bulletin of the International Socialist Bureau*, прил. № 11, стр. 6.

[18] Бадаев, ук. соч., стр. 325 и сл.; «Исторический архив», № 1, 1957, стр. 30-32.

Международного Социалистического Бюро в русские дела. В одной из речей она возлагает ответственность за раскол в Думе на Ленина и критикует его политику последних лет, зная по собственному опыту, что́ такое работать вместе с Лениным[19]. Бюро приняло резолюцию, предложив свои услуги в качестве посредника, но вместе с тем пояснило, что не намерено «копаться в грязном белье». Думские меньшевики, меньшевистский Организационный комитет, Бунд и латышские социал-демократы немедленно согласились[20]. Вскоре и большевики «горячо приветствовали» резолюцию Интернационала, но тут же выдвинули необходимое, по их мнению, условие достижения единства: «ликвидаторы», отколовшиеся от старой, образованной в 1898 году организации, должны полностью подчиниться большевикам. Несколько позже, отвечая на запрос члена Исполкома МСБ Гюисманса, Ленин пишет: «Большевиков разделяют с меньшевиками те же разногласия, которые разделяют реформистов и революционеров везде»[21]. В начале 1914 года в Россию прибыл председатель МСБ Эмиль Вандервельде для переговоров с представителями обеих группировок. Вандервельде был подчеркнуто беспристрастен, но в личном разговоре с Мартовым признался в своих симпатиях к меньшевикам[22].

Международное Социалистическое Бюро предприняло еще один шаг: оно созвало конференцию всех групп и фракций Российской социал-демократической партии и ассоциированных с ней политических организаций национальных меньшинств России. Конференция собралась в Брюсселе 16 и 17 июля 1914 года. Отчет о ее ходе так никогда и не был опубликован, но сохранились доклады агентов охран-

[19] О ее речи см. «1. Beilage des Vorwärts», № 306, 21 ноября 1913, стр. 2.

[20] O. H. Gankin and H.H. Fisher, *The Bolsheviks and the World War. The Origin of the Third International*, Stanford, 1940, стр. 93 и 94, 96-98.

[21] Ленин, т. 17, стр. 681 и 682.

[22] «Письма», стр. 290 и 291; E. H. Vandervelde, *Three Aspects of the Russian Revolution, 7 May-25 June, 1917*, London, 1918, p. 19.

ки, присутствовавших на заседаниях (учитывая страх царского правительства перед объединением оппозиционных сил, вполне понятен интерес полиции к конференции)[23]. Итак, на конференции были представлены следующие группы: большевистский Центральный Комитет; меньшевистский Организационный комитет, выступавший и от имени кавказской организации; меньшевистская фракция Думы; Плеханов, представлявший группу «Единство»; группа «Вперед»; латышские социал-демократы; польские социал-демократы и Польская социалистическая партия (раскол произошел и у поляков). Ленин отсутствовал, но его представляла делегация из трех членов ЦК во главе с активной большевичкой Инессой Арманд (интимным другом вождя), снабженной объемистым докладом с несколькими инструктивными приложениями. Доклад, составленный с мастерством и напористостью, присущими Ленину, повторяет хорошо известную большевистскую аргументацию, обвиняет «ликвидаторов» в «клеветнических вымыслах» насчет денежных операций большевиков и Малиновского и заканчивается утверждением, будто большевистская линия была неизменно правильной и «*мы не отступим от нее*» (эти слова подчеркнуты в ленинском тексте). Инструктивные указания объясняли, какими тактическими приемами следует пользоваться в различных ситуациях, и еще раз напоминали: «до выполнения „ликвидаторами“ наших условий ни о каких шагах к сближению не может быть и речи»[24].

На этот раз Ленин остался почти в полном одиночестве. Его доклад, прочитанный Инессой Арманд, подвергся делегатами суровой критике. Обычно сдержанный Плеханов был настолько резок, что вынудил председателя прекратить его выступление: по убеждению Плеханова, подлинная причина отказа Ленина пойти на соглашение с остальной частью партии кроется в нежелании большевиков возвратить огром-

[23] Цявловский, ук. соч., стр. 146-148.
[24] Ленин, т. 17, стр. 543-571.

ные партийные денежные средства, захваченные «воровским образом». Единственным союзником Ленина оказался латышский делегат[25].

В заключение Брюссельская конференция принимает резолюцию, поддержанную всеми делегатами (даже проленинской группой польских социал-демократов), кроме большевиков и латышей. Резолюция отмечает отсутствие достаточно серьезных тактических разногласий, оправдывающих раскол социал-демократического движения в России, и призывает к объединению на пяти условиях: принятие партийной программы; признание принципа подчинения меньшинства большинству; признание необходимости, в силу которой организационная структура партии «должна в настоящее время быть тайной»; отказ всех групп от союзов с буржуазными партиями; согласие участвовать в общем объединительном съезде[26]. Исполнительному комитету Международного Социалистического Бюро поручается подготовить отчет для Конгресса Социалистического Интернационала, который должен был собраться в Вене в августе 1914 года.

Хотя Брюссельская конференция и не достигла своей непосредственной цели — объединения русских социал-демократов, она была важным шагом на пути к единству. Большевики — во всяком случае те из них, кто полностью поддерживал Ленина — рисковали стать на путь открытого неподчинения Социалистическому Интернационалу, настаивай они и дальше на своей раскольнической тактике. Гюисманс, один из руководителей Интернационала, частным образом предупредил большевистских делегатов в Брюсселе, что отказ принять резолюцию означал бы срыв попытки Интернационала добиться единства, и предстоящий Конгресс Социали-

[25] На IV съезде латышской партии, в конце января 1913 г., сторонники большевиков обеспечили себе большинство в один голос и таким образом захватили Центральный Комитет. Ленин принимал активное участие в работе съезда. См. Ленин, т. 17, стр. 696 и 697.

[26] Gankin and Fisher, ук. соч., стр. 131 и 132.

стического Интернационала будет должным образом об этом информирован[27].

Ленин уже не мог пользоваться престижем Плеханова в своих целях. Противники большевиков стали более сплоченными, чем когда-либо прежде. Поддержка, оказанная меньшевикам Социалистическим Интернационалом, придавала им мужество пойти на окончательный разрыв с Лениным, продолжай он прежнюю политику раскола. И если бы Ленин из-за своей непримиримости оказался совершенно изолированным, его покинули бы даже собственные сторонники, склонные к компромиссу. Кроме того, в 1914 году большевистская организация переживала трудный период. Подпольные комитеты распадались. Денег не хватало, а тираж «Правды» резко упал из-за раскола думской фракции[28].

В России началась пропагандистская кампания за объединение партии. Меньшевики и поддерживающие их организации составляют воззвание к русским рабочим, обвиняющее большевиков в расколе и призывающее солидаризироваться с решениями Интернационала, стремившегося объединить партию[29]. Но было уже слишком поздно. Вспыхнула война, Венский Конгресс Социалистического Интернационала так и не собрался, а русских социал-демократов вскоре стали раздирать новые и еще более непримиримые противоречия.

[27] Ленин, т. 17, стр. 738.

[28] О положении большевиков весной 1914 г. см. письмо Крупской к Стасовой от 6 марта 1914 г., недавно напечатанное в «Историческом архиве», № 1, 1957, стр. 26 и 27. В ноябре 1913 г. ежедневный тираж «Правды» сократился с 40.000 экз. до 20.000 или 25.000. (Ср. «Материалы», стр. 249. По данным полиции в первые три месяца 1914 г. ее тираж составлял в среднем 25.000 экз. «Красный архив», т. 64, стр. 140.

[29] См. «Социал-демократическое движение в России». Материалы под ред. А. Н. Потресова и Б. И. Николаевского. Предисловие П. Лепешинского. Москва-Ленинград, 1928, стр. 397-400. Война задержала опубликование воззвания, и оно было впервые напечатано в 1915 г. в № 7 «Информационного листка заграничной организации Бунда».

8. ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

Патриотический подъем охватил рабочих в начале войны. Антивоенные политические воззвания не находили никакого отклика. Стачки прекратились. Положение изменилось к лету 1915 года. Рост цен, нехватка товаров, экономическая депрессия, поражение на фронте и общая разруха не прошли даром. Петроградский градоначальник докладывает правительству о появлении среди рабочих антивоенных и антимонархистских настроений. На некоторых столичных и московских заводах возобновили деятельность стачечные комитеты. К 1916 году положение еще больше обострилось, но никто пока не предвидел неизбежности революции[1].

Из радикальных партий только кадеты поддерживали войну, но, считая правительство неспособным умело вести ее, требовали представительного министерства. Эсеры раскололись в вопросе о войне; одна часть партии стояла за нее, другая — против. Сложная история социал-демократов в годы войны тесно связана с международным социалистическим движением. Единство Социалистического Интернационала не выдержало серьезного испытания. В 1907 году на

[1] М. Балабанов, « Очерки истории революционного движения в России », Ленинград, 1929, стр. 296; « Голос », № 81, 16 декабря 1914; Ив. Меницкий « Рабочее движение и социал-демократическое подполье Москвы в военные годы (1914-17 г.г.) », Москва, 1923, стр. 10, 201 и 202.

Штуттгартском конгрессе Интернационал призвал «приложить все усилия для предотвращения войны», но «если война все же разразится, долг социалистов будет состоять в том, чтобы поднять народы на восстание и приблизить конец капиталистического строя». Эта часть резолюции была предложена Лениным, Мартовым и Розой Люксембург и принята скорее с энтузиазмом, чем с осмотрительностью, ибо не учитывала глубоких противиречий, фактически разделявших отдельные партии[2].

Последующие конгрессы не отменили резолюцию, выражавшую таким образом официальную линию Интернационала. Однако в августе 1914 года социалистические партии государств, участвовавших в войне, за исключением русских и сербских социал-демократов, голосовали за военные кредиты. Лидеры Интернационала во главе с Каутским одобрили эту акцию. Когда отечество в опасности, борьба за социализм должна отойти на второй план — таков был основной довод социалистов, поддерживавших войну. Только несколько отколовшихся групп пытались спасти идею интернационализма. II Интернационал получил тяжелый удар, от которого он так и не оправился.

Социал-демократы в Думе отказались голосовать за военные кредиты и обнародовали декларацию, обличавшую войну и призывавшую международный пролетариат приложить все усилия для ее прекращения. Декларацию, несмотря на фракционный раскол, подписали и большевики и меньшевики (ее проект, кстати, был составлен группой меньшевиков во главе с П. А. Гарви)[3]. Правительство прибегло к суровым

[2] Текст у Gankin and Fisher, ук. соч., стр. 59; об обстоятельствах, при которых прошло голосование, и о подлинных настроениях голосовавших за нее партий см. Milorad M. Drachkovitch, *Les Socialisme Français et Allemand et le Problème de la Guerre, 1870-1914,* Genève, 1953, стр. 223-230.

[3] Николаевский в сборнике «П. А. Гарви. Воспоминания социал-демократа. Статьи о жизни и деятельности П. А. Гарви». Нью-Йорк, 1946, стр. xxxii; текст у Бадаева, ук. соч., стр. 346 и 347.

репрессиям против социал-демократических организаций, и за рубежом престиж русского социализма возрос — по крайней мере среди социал-демократов, оставшихся верными принципам интернационализма.

Репрессии обрушились и на социал-демократическую фракцию Думы. Депутаты-большевики приняли участие в конференции под Петроградом, созванной для обсуждения ленинских тезисов о войне. Эти тезисы рассматривали поражение России как «меньшее зло» и таким образом расширяли положения думской декларации. У царского правительства появился хороший предлог обвинить большевистских депутатов в государственной измене, арестовать их, несмотря на парламентскую неприкосновенность, и осудить на большие сроки каторжных работ в Сибири. Туда же были сосланы и другие участники конференции, в их числе Каменев. В Думе осталось семеро меньшевиков во главе с Чхеидзе, продолжавших, хотя и не всегда последовательно, выступать против войны. Один из них, проголосовавший в 1915 году за военные кредиты, вопреки установке фракции, был исключен из ее состава.

Почти все оставшиеся вне Думы социал-демократы также избежали военного угара. Дисциплинированность большевиков помогла им создать видимость активной оппозиции, но не обошлось и без эксцессов: Красин, например, открыто объявлял себя патриотом. Меньшевики же не имели общей платформы. Практически все считали первоочередной задачей восстановление распавшегося Социалистического Интернационала, при помощи которого можно будет положить конец войне без территориальных аннексий и контрибуций. Почти все видели свой долг в борьбе за демократические преобразования в России. Но здесь единодушие и кончалось. Влиятельная группа во главе с Потресовым, включавшая большинство ведущих «ликвидаторов», утверждала, что поражение Германии будет прогрессивным фактором, который благоприятно скажется на развитии социализма. Поэтому, по их мнению, не следует активно противо-

действовать военным усилиям России; единственно правильный лозунг — «через патриотизм к международному царству братства и равенства». И тем не менее, Потресов и его группа солидаризировались с позицией думской фракции, категорически отказывавшейся голосовать за военные кредиты. Большинство меньшевиков придерживалось более интернациональной точки зрения, не желало победы ни одной из сторон, считая, что следует приложить все усилия для окончания войны[4].

В русской социал-демократической эмиграции война порождала разногласия и конфликты, приводила к разрыву старых, установившихся еще с 1905 года политических союзов и к возникновению новых. Плеханов, оказавшийся совершенно изолированным из-за своей безоговорочной поддержки западных демократий в данной войне, помирился со своими старыми друзьями Дейчем и (после 1917 года) Верой Засулич. Его позиция не нашла сочувствия в России. Разрыв с Лениным, вызванный расколом думской фракции, стал окончательным. Ленин сформулировал свои взгляды на войну и на задачи социалистов сразу же после переезда из Австрии, гле он жил в момент начала военных действий, в нейтральную Швейцарию в сентябре 1914 года. По его мнению, позиция, занятая социалистическими лидерами воюющих стран, — неопровержимое доказательство их реформизма и оппортунизма. Ленин утверждает: социалисты Второго Интернационала, изменив своему долгу превратить войну империалистическую в войну гражданскую, показали полное идеологическое банкротство, по существу отказались от классовой борьбы. Рабочие — только пушечное мясо, исполь-

[4] См. отчет меньшевистского Организационного комитета Копенгагенской конференции Интернационала в январе 1915 г., Gankin and Fisher, ук. соч., стр. 267-271. О взглядах потресовской группы см. сборник статей «Самозащита», опубликованный в 1916 г. (Статья Потресова «Патриотизм и международность» перепечатана в книге Николаевского «Потресов», стр. 212-224).

зуемое в империалистической войне ради прибылей буржуазии, рынков сбыта и ограбления народов. Пролетариат не имеет отечества, единственный выход для него — революция, и главной задачей социал-демократов всех воюющих стран является ее пропаганда и подготовка. И хотя Ленин отвергал довод, согласно которому победа передовой Германии над реакционной Россией предпочтительна, он все же рассматривал поражение России как «меньшее зло», поскольку оно привело бы к распаду империи и ослаблению монархии[5].

С самого начала войны Ленин связал все свои надежды и подчинил все свои действия победе революции в России и в других европейских странах. Он, правда, не считал эти революции неминуемыми в самое ближайшее время, не верил он и в то, что они произойдут одновременно во всех странах. Скорее наоборот, неравномерность экономического и политического развития капиталистических стран делала, по его мнению, вероятной победу социализма первоначально в немногих или даже, может быть, только в одной стране. Но победивший пролетариат этой единственной страны, писал Ленин в августе 1915 году, «встал бы *против* остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстания против капиталистов и выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств»[6]. Возможно, в глубине души Ленин надеялся, что пионером мировой революции станет Россия, но такой мысли он в то время ни устно, ни письменно не высказывал. Как уже говорилось, он не очень-то верил в скорую революцию где бы то ни было. Даже в январе 1917 года Ленин предсказывал народные восстания, ориентированные на победу социализма, в «ближайшие годы»[7].

[5] Ленин, т. 18, стр. 44-46.
[6] Ленин, т. 18, стр. 232 и 233.
[7] Ленин, т. 19, стр. 357.

С помощью ленинской формулировки «закона неравномерности развития» отдельных капиталистических стран позднее стали объяснять тот факт, что «пролетарская революция» (как ее называли большевики) произошла в сравнительно отсталой, с малочисленным пролетариатом России, а не в стране, где сознательный и организованный рабочий класс составлял бы большинство населения: ведь Маркс считал социалистическую революцию возможной только в развитых капиталистических странах. Но во время войны Ленин еще не осознавал этой теоретической проблемы. Он представлял себе дело так: в грядущей русской революции пролетариат в союзе со всем крестьянством «завершит» прежде всего буржуазную революцию 1905 года, и только после этого начнется вторая фаза — «разжигание пламени социалистической революции» в Европе в союзе с пролетариатом всех стран[8]. Следовательно, как и в 1905 году, когда Ленин впервые выдвинул теорию «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», он по меньшей мере теоретически принимал как нечто закономерное две фазы революции, считая социалистическую революцию в России осуществимой только при помощи пролетариата других стран и только подлинными революционерами; при будущей революционной диктатуре не должно произойти ни слияния с меньшевиками, ни дележа власти с ними[9].

Основные контуры большевистской политики в период революции Ленин наметил в серии тезисов, опубликованных в октябре 1915 года: недостаточно требовать созыва Учредительного Собрания, главная проблема — кто будет обладать властью во время выборов; если возникнут, как в 1905 году, Советы, они должны стать органами восстания против буржуазии; социал-демократам не следует участвовать во Временном правительстве вместе с «революционерами-шовини-

[8] Там же, стр. 311 и 312; ср. стр. 314-318.

[9] «Основное – раскол с Организационным комитетом, с Чхеидзе и К°», — писал он А. М. Шляпникову в марте 1916 г. См. Ленин, т. 29, стр. 229.

стами», то есть с меньшевиками и эсерами («мы были бы против обороны *их* отечества в данной войне»); лозунг большевиков — в союзе с международным пролетариатом против шовинистов, пусть революционеров и республиканцев, за победу социалистической революции[9a]. Такова очерченная вкратце модель курса, принятого большевиками в России двумя годами позже.

Что касается международного рабочего движения, Ленин уже предвидел окончательный разрыв с Социалистическим Интернационалом: он не желал единства с теми, кто не поддерживал его политику. В декабре 1914 года Ленин писал Александре Коллонтай (меньшевичке, вскоре ставшей его верным сторонником): «Вы подчеркиваете, что нам надо выдвигать такой лозунг, который объединил бы всех. Скажу откровенно, я более всего боюсь в настоящее время такого огульного объединительства»[10]. В следующем году Ленин выдвигает идею создания Третьего, подлинно марксистского Интернационала, очищенного от оппортунизма и шовинизма. Разрыв со II Интернационалом становится для большевиков «делом решенным»[11]. Именно такая решимость Ленина сделала невозможным сотрудничество даже с наиболее интернациональными по своей сути меньшевиками, например, с Мартовым. Меньшевистский Организационный комитет был представлен в Швейцарии «заграничным секретариатом», в который входили Аксельрод, Мартов и Мартынов. Подобно Ленину, они отвергали войну как буржуазную, империалистическую, разбойничью бойню и видели единственный выход в революции. Но меньшевистские лидеры, в отличие от Ленина, связывали свою надежду на победу революций в воюющих странах с восстановлением столь резко нарушенного единства международного социализма. Они отказывались признать поражение России «меньшим злом»,

[9a] Ленин, т. 18, стр. 311-313.
[10] Ленин, т. 29, стр. 162.
[11] Ленин, т. 18, стр. 217.

так как победа любой империалистической державы с последующими территориальными аннексиями и порабощением народов представлялась им катастрофой, для предотвращения которой необходимо всеми способами сплотить социалистов всех стран. Победа социализма во всем мире не только положит конец империалистическому грабежу, но и навсегда устранит угрозу возникновения войн[12].

Аналогичную позицию занимал и Троцкий, проживавший в первые годы войны в Париже. На страницах ежедневной газеты «Наше слово» он ратовал за создание республиканских Соединенных Штатов Европы. По его мнению, диктатура пролетариата в европейских странах — лучший противовес реакционным силам национализма и патриотизма[13]. Сопротивлялся Троцкий и намерению Ленина разорвать все связи со II Интернационалом: для него была очевидна необходимость консолидации всех социал-демократов. Но то, что Троцкий ради союза с большевиками готов был отречься от тех меньшевиков, которые ратовали за продолжение войны, и даже от Плеханова, сделало невозможным его сотрудничество с «заграничным секретариатом» и особенно с Аксельродом. Лидеры меньшевизма по-разному относились к позициям Ленина и Плеханова. Мартов даже склонялся к примирению с Лениным (последний как-то признал, что Мартов «поприличнее» других меньшевиков)[14] и сотрудничал с Троцким в «Нашем слове», но их совместная работа оказалась кратковременной из-за постоянных трений Мартова как с Троцким, так и с коллегами по «заграничному секретариату». В результате неоднократные попытки объединить русских социалистов-эмигрантов оказались тщетными. Кон-

[12] Их взгляды излагались в листке «Известия заграничного секретариата Организационного комитета РСДРП», десять выпусков которого вышли между февралем 1915 г. и январем 1917 г.

[13] «Наще слово», № № 22, 23 и 24 от февраля 1915 г. и № № 24 (411), 25(412), 28(415), 29(416) за 1916 г.

[14] В октябре 1914 г. Ленин, т. 18, стр. 54.

ференция всех группировок, намеченная в 1915 году, так и не состоялась[15]. Несмотря на идентичность главной цели, между большевиками и меньшевиками пролегала глубокая пропасть в вопросе о характере будущей революции. Ленин пришел к выводу о возможности революции в одной стране — о разрыве империалистической цепи в самом слабом ее звене и последующем распространении революции на другие страны. Троцкий же и меньшевики верили в одновременное восстание организованного и объединенного пролетариата в Европе или даже во всем мире.

Обстановка в большевистской эмиграции во многом напоминала атмосферу, царившую в лагере их идейных противников. Ленин и Зиновьев постоянно вели острую полемику со своими коллегами. В Швейцарии появились новые лица, отличавшиеся своим образованием от подпольных работников, окружавших Ленина до войны. Среди них были Н. И. Бухарин, Н. В. Крыленко и Г. И. Пятаков, сыгравшие видную роль в послереволюционной России. Ленинская бескомпромиссность, его метод ведения спора обескураживали «новичков», не имевших личного опыта общения с лидером партии. (Правда, к Бухарину, человеку блестящего интеллекта, Ленин навсегда сохранил уважение и даже симпатию, несмотря на разногласия с ним). Бóльшая часть эмигрантских склок скучна и неважна[16], но два вопроса — право наций на самоопределение и теория государства — имеют большое значение как предвестники будущих споров внутри большевистской партии и как пример умения Ленина приспособить теорию Маркса к нуждам революции. Здесь особенно заметен контраст между прагматизмом Ленина и ортодоксальным мышлением так называемых «левых» (само определение появилось позднее), постоянно испытывавших сомнения, соответствует ли та или иная позиция большевиков марксистскому учению.

[15] «Письма», стр. 336; Gankin and Fisher, ук. соч., стр. 162-173.

[16] Они излагаются подробно у Gankin and Fisher, ук, соч., стр. 213 и сл.

Маркс и Энгельс не уделили достаточного внимания национальной проблеме. Национализм рассматривался ими как преходящая сила, характерная для капиталистической фазы общественного развития. По их мнению, национализм мог некоторое время мешать классовой борьбе, но в конце концов должен был исчезнуть и уступить место классовому самосознанию пролетариата, то есть интернационализму. Но Маркс исходил из опыта стран Западной Европы, а его ортодоксальные последователи (или те, кто считал себя таковыми) в Восточной Европе стояли перед гораздо более сложной национальной проблемой. Роза Люксембург, самый резкий противник польского национализма, призывала польских социал-демократов бороться не за независимость Польши, а за революцию в России, ибо только в результате этого Польша сможет получить автономию в рамках уже свободной России. Вопрос о национальном самоопределении вызвал среди польских социал-демократов наиболее острые споры, в результате которых Роза Люксембург и Тышка в 1893 году откололись от Польской социалистической партии и основали социал-демократическую партию, сыгравшую впоследствии важную роль в конфликтах Ленина с меньшевиками. Русские социал-демократы в 1903 году приняли как часть своей программы принцип права каждого народа Российской империи на самоопределение, однако детально этот вопрос в то время не обсуждался и окончательные выводы и решения приняты не были. После 1912 года между обеими фракциями РСДРП возникают разногласия и по национальному вопросу. На Венской конференции в 1912 году меньшевики, связанные с Бундом, кавказцами и другими партиями национальных меньшинств, отстаивали принцип культурной автономии в рамках будущего единого демократического государства. В основном это была бундовская линия, базировавшаяся в свою очередь на взглядах видных австрийских социалистов — Карла Реннера и Отто Бауэра. Ленин же ратовал за полное национальное самоопределение. Он посвятил несколько статей этому вопросу; по его предло-

жению и Сталин написал работу о национализме, правда, довольно примитивную[17].

Во время войны ленинская точка зрения неограниченного права каждой национальности в России на самоопределение стала мишенью нападок эмигрантов, особенно со стороны Розы Люксембург и Бухарина. Последний, поддерживаемый Пятаковым, утверждал, что проповедь самоопределения ставит под удар международную солидарность пролетариата, отвлекая его от главной задачи — свержения капитализма, вселяя в него надежду на освобождение и при капитализме[18]. Ленин же подходил к этому вопросу более практически. По его мнению, национальное самоопределение — настолько мощный стимул для создания революционной ситуации в России, что им нельзя пренебрегать. Для Ленина самоопределение народов России было лишь «переходным этапом» на пути полного слияния наций при социализме. При этом он настаивал на сохранении единой и централизованной социал-демократической партии, которая ни в коем случае не должна раствориться в национальных партиях. Такая партия была бы связующим звеном между национальными партиями, что явилось бы залогом для восстановления многонационального русского государства после распада империи[19]. В то же время Ленин не уставал подчеркивать, что защита права на самоопределение не означает защиты права на отделение. Наоборот, можно надеяться, что после падения угнетавшей их Российской монархии, народы, воспользовавшись своим правом на самоопределение, добровольно вернутся в общее лоно[20].

[17] Об истории этого вопроса см. Richard Pipes, *The Formation of the Soviet Union Communism and Nationalism, 1917-1923.* Cambridge, Mass., 1954, стр. 21 и след.

[18] Gankin and Fisher, ук. соч., стр. 219-221.

[19] Ленин, т. 16, стр. 512; т. 19, стр. 40.

[20] См. его письмо Шаумяну от 6 декабря 1913 г. Ленин, т. 17, стр. 89-91; ср. т. 19, стр. 245.

Ленин спорил с Бухариным и по вопросу о государстве. Бухарин утверждал: поскольку государство является организацией правящего класса, существующей только в целях эксплуатации пролетариата, оно неминуемо исчезнет после социальной революции, которая уничтожит классовые противоречия. Это утверждение — всего лишь перефразировка известного положения Энгельса, согласно которому государство обречено на «отмирание» после уничтожения классовой эксплуатации. Ни Маркс, ни Энгельс не дали точного анализа послереволюционного процесса, если не считать нескольких фраз о необходимости «диктатуры пролетариата» в период между началом революции и построением социализма. Ленин, полемизируя с Бухариным, попытался заполнить эти пробелы марксизма. Действительно, писал он, государство постепенно отомрет после экспроприации буржуазии. Но социалисты стоят за использование современного государства и его учреждений в борьбе за освобождение рабочего класса в переходный период от капитализма к социализму. Таким переходным периодом или, иначе говоря, формой государства является диктатура пролетариата[21]. «Левые» взгляды Бухарина разделяли и «впередовцы», существовавшие (несмотря на потерю Алексинского, ставшего военным патриотом) отдельной группой в течение всей войны.

Ленин, помимо споров со своими товарищами-большевиками, пытался сколотить группы единомышленников и в международном социалистическом движении, однако желаемых результатов он не достиг, растеряв даже часть своих последователей. Во время войны в Циммервальде и Кинтале состоялись международные конференции социалистов,

[21] О взглядах Бухарина см. статью, написанную им в декабре 1916 г. и перепечатанную у Gankin and Fisher, ук. соч., стр. 236-239. Ленинский ответ см. Ленин, т. 19, стр. 294-297. Ответ Ленина Бухарину позднее был развит в его работе «Государство и революция».

несогласных с руководителями II Интернационала. На первой из них в сентябре 1915 года тридцать восемь представителей одиннадцати стран (в том числе Франции и Германии) приняли манифест, призывавший рабочий класс к борьбе за мир. На конференции Ленин и Зиновьев возглавили левую группу, к которой примкнули Карл Радек, два шведских делегата и по одному делегату из Германии, Голландии и Латвии. Эта группа, получившая позднее название «Циммервальдская левая», предложила вместо манифеста о мире призвать солдат воюющих стран к гражданской войне — единственному средству окончить войну империалистическую. На второй, уже расширенной конференции, состоявшейся в Кинтале в апреле 1916 года, принимается более конкретная резолюция: пролетариат должен требовать «немедленного перемирия». «Циммервальдская левая», поддержанная делегатами Швейцарии, Польши, Сербии и Италии (на этот раз шведы отсутствовали по причине их ареста), настойчиво призывает пролетариат воюющих стран: «Сложите оружие! Обратите его против общего врага — капиталистических правительств!»[22].

С лозунгом «Сложите оружие!» возникала ситуация, при которой пролетариат воюющей страны мог бы последовать призыву и поставить ее перед угрозой порабощения и аннексии. Такая проблема детально не обсуждалась (вскоре она приобретет в России крайне злободневный характер), но Ленин в статье, опубликованной в октябре 1915 года, рассмотрел некоторые варианты: если революция в России поставит пролетариат у власти, партия немедленно предложит мир всем воюющим странам на условии освобождения колоний и зависимых народов. Это условие будет несомненно отвергнуто. «Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну» и поднять на восстание

[22] Эти конференции подробно рассматриваются в книге Gankin and Fisher, в главах IV, V, VI, где перепечатаны тексты документов.

колонии и зависимые страны Азии — Индию, Китай, Персию, а также пролетариат в Европе[23]. Эти ленинские предвидения не осуществились после захвата власти большевиками: призыв к миру, сделанный, правда, в другой форме, был отклонен воюющими державами, но революционной войны не последовало.

В самой России деятельность социал-демократов во время войны оказалась неэффективной и дезорганизованной, хотя большевикам удалось несколько лучше подготовиться к работе в новых условиях, несмотря на удар, нанесенный арестом их депутатов в Думе. Ряд организаций был восстановлен Русским Бюро Центрального Комитета, находившимся в Петрограде. На более поздних этапах войны, когда моральное состояние страны ухудшилось, прямые призывы большевиков к сопротивлению военным усилиям правительства, к стачкам и восстанию находят некоторый отклик. Русское Бюро, состоявшее после осени 1916 года из А. Шляпникова, В. Молотова и П. Залуцкого, руководилось Лениным, который поддерживал регулярную связь со Шляпниковым и имел с ним дружеские отношения. Русское Бюро находилось в контакте с рядом подпольных комитетов, насчитывавших по некоторым оптимистичным оценкам 10 тысяч членов[24]. Работа Бюро затруднялась нехваткой денег. Предложения о финансовой помощи, поступавшие от Германии через ее агентов (один из них — бывший союзник Троцкого Парвус), неизменно отвергались, согласно Шляпникову, Русским Бюро, и не существует фактов, которые доказывали

[23] Ленин, т. 18, стр. 313.

[24] В. Волосевич, «Большевики в годы мировой войны», Ленинград, без даты (примерно 1929 г.). Цифра получена на основе отчетов, посылавшихся партийному органу «Социал-демократ» и перепечатанных в книге «Большевизм в годы империалистической войны. 1914 — февраль 1917», Сборник документов местных большевистских организаций, ГАУ НКВД, Центральный архив революции, Москва, 1939, стр. 62-64, 80-88, 95 и 96, 100 и 101, 132, 172, 174 и 175, 186 и 187, 201-204.

бы наличие крупных денежных средств у большевиков в то время[25].

Меньшевистская организация в первые годы войны не проявляла особой активности. В отличие от более дисциплинированных большевиков меньшевики неохотно подчинялись каким бы то ни было инструкциям «заграничного секретариата». Кроме того, отношение меньшевиков к войне затрудняло их работу. «Оборонцы» потресовского толка на практике чувствовали, как трудно одновременно требовать демократических реформ и противодействовать военным усилиям страны. Некоторые, вроде Череванина, пытались найти различие между формулами «активно не препятствовать войне» и «помогать успеху войны». Интернационалистически настроенное большинство, в котором были представлены все оттенки мнений, лавировало между частичным одобрением войны и критикой правительства. Петроградские меньшевики в январе 1915 года настаивали на необходимости защиты отечества, но при этом выражали недоверие правительству, отказываясь голосовать за военные кредиты[26]. Ленинская формулировка, согласно которой поражение России было бы «наименьшим злом», выглядела проще и доступнее и постепенно становилась все более популярной. Интернационалист Дан с горечью отмечал в 1915 году, что большевики привлекли к себе наиболее активную часть рабочего класса[27].

В 1915 году меньшевикам представилась возможность поправить свое положение, которой они и воспользовались. В августе того же года лидер октябристов Гучков выдвинул

[25] См. А. Шляпников, «Канун семнадцатого года. Воспоминания и документы о рабочем движении в революционном подполье за 1914-1916 г.г.», ч. I, 2-е изд., ч. II, 3-е изд., Москва-Петроград, 1923, ч. I, стр. 65, 209, ч. II. стр. 100-103.

[26] «Наше дело», № 5-6; «Известия заграничного секретариата Организационного комитета РСДРП», № 1, стр. 2.

[27] «Письма», стр. 355.

план организации в России сети так называемых Военно-промышленных комитетов с целью сблизить промышленников, рабочих и правительство, что в свою очередь способствовало бы увеличению военного производства. Новая организация должна была охватить все отрасли промышленности и, к огорчению императора и императрицы, предусматривала активное участие в них рабочих представителей. Такие Рабочие группы получили бы в свое распоряжение помещения для проведения собраний. План вызвал бурю среди социал-демократов и еще более обострил существовавшие разногласия. Большевики отвергли возможность участвовать в организации, целью которой являлось увеличение военного потенциала России, и их поддержали радикально настроенные меньшевики-интернационалисты. Меньшевистский «заграничный секретариат» также запретил меньшевикам выдвигать свои кандидатуры на выборах в комитеты. В России интернационалисты во главе с Даном, находившимся в сибирской ссылке, рекомендовали ограниченное участие. Социал-демократические делегаты, по их мнению, должны вступать в комитеты для пропаганды мира и охраны рабочих от эксплуатации[28]. Практики-«ликвидаторы», вроде П. А. Гарви, приветствовали новую возможность конкретной социал-демократической деятельности и игнорировали запрещение «заграничного секретариата». В Центральный военно-промышленный комитет была избрана Рабочая группа, состоявшая из «ликвидаторов» во главе с К. А. Гвоздевым и Б. О. Богдановым. Попытка большевиков сорвать выборы провалилась.

Таким образом, «ликвидаторы» (единственная социал-демократическая группа, поддержавшая новую организацию, которая как магнит притягивала рабочих по всей стране) возглавили Рабочие группы при Военно-промышленных комитетах и не в пример социал-демократам Первой Думы

[28] Там же, стр. 356. О взглядах различных большевистских комитетов см. «Большевики в годы...», стр. 55, 66-69, 87.

вместе с левыми партиями Думы, в том числе и кадетами, требовали демократических преобразований. В конце 1916 года новый Министр внутренних дел Протопопов сообщал, что Рабочие группы занимаются революционной деятельностью: совместно с прогрессивными членами Думы призывают к созданию правительства «спасения отечества» и организовывают митинги солидарности с радикальными требованиями Думы. В конце декабря Центральная рабочая группа в Петрограде созвала конференцию рабочих депутатов Военно-промышленных комитетов, в которой приняли участие думская социал-демократическая фракция и представители заводов и профессиональных союзов двенадцати городов. Конференция заявила, что нынешний режим привел страну на грань катастрофы и единственным выходом является полная демократизация правления. Задача Рабочих групп — сплотить массы, организовать широкие политические выступления, которые придадут борьбе Думы «необходимую напористость и решительность»; следует также подумать о созыве рабочего съезда и о практических мерах его организации[29]. Идея созыва рабочего съезда, впервые выдвинутая Аксельродом 11 лет назад, привела вскоре к роковым последствиям.

К 1917 году народное недовольство приняло тревожные размеры, стачки стали более частыми и массовыми, чему содействовала в немалой степени агитация Центральной рабочей группы, и 27 января все ее члены арестовываются по обвинению в подстрекательстве к восстанию. Последняя акция Рабочей группы — призыв к демонстрации 14 февраля в день открытия Думы. Большевики, обеспокоенные ростом влияния Рабочей группы среди масс, призвали к забастовке 13 февраля, в день годовщины приговора пяти большевистским депутатам Четвертой Думы. Стихийность русской ре-

[29] А. Шляпников, ук. соч., ч. II, стр. 143-147 и 173-177. Подробно о деятельности Рабочей группы в Петрограде см. в многочисленных документах, напечатанных в «Красном архиве», № 57, 1933, стр. 43-84 и № 6 (67), 1934, стр. 28-92.

волюции характеризуется тем фактом, что рабочие прямо не откликнулись ни на первый, ни на второй призыв, хотя их реакция отражает в какой-то мере влияние Рабочей группы. Рабочие явно игнорировали большевистский призыв: 13 февраля не было ни беспорядков, ни стачек. На следующий же день вместо демонстрации перед Думой состоялась массовая стачка на шестидесяти предприятиях Петрограда, в которой участвовало около ста тысяч рабочих. Стачка продолжалась и 15 числа, а затем до 19 февраля наступило затишье[30]. Хлебные бунты женщин вызвали новую волну стачек в столице, превратившихся к 25 февраля во всеобщую забастовку, а двумя днями позже монархия оказалась на краю гибели. Временный комитет Думы еще имел какую-то власть, но войска присоединились к толпе. Взбунтовавшиеся солдаты двинулись к тюрьмам и освободили вместе с другими политическими заключенными арестованных членов Рабочей группы. Освобожденные депутаты Рабочей группы прямо из тюрьмы направились в Таврический дворец — место заседания Думы. Волна революции стремительно нарастала. Испытанные меньшевистские революционеры (несмотря на все ленинские наветы, они были именно революционерами) теперь вспомнили о Совете, возникшем двенадцатью годами раньше. Опыт такого органа в 1905 году оказался не совсем удачным: Совет был созван слишком поздно и не поддержан буржуазией. Но на этот раз революция должна победить. Члены Рабочей группы действуют с лихорадочной поспешностью и совместно с представителями профессиональных союзов, кооперативов и левых думских фракций учреждают Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов, который немедленно призывает рабочих направить делегатов в Таврический дворец для выборов в Совет. В тот же вечер Петроградский Совет проводит свое

[30] Н. Авдеев, «Революция 1917 года. (Хроника событий)», т. 1, Москва, 1923, стр. 14-36; И. Юренев в «Пролетарской революции», № 2 (25), 1924, стр. 131-133.

первое заседание и принимает меры по снабжению населения продовольствием[31].

Тремя днями позже царь отрекся от престола и умеренные прогрессивные партии Думы образовали Временное правительство. Монархия рухнула. По иронии судьбы «ликвидаторам» довелось сыграть бо́льшую роль в ее падении, чем какой-либо другой социал-демократической группе. Оставаясь верными меньшевистской традиции, они незамедлительно образовали Совет, который, по их мнению, должен был стать центром сплочения масс. Некоторое время меньшевики руководили этим странным сборищем, существовавшим параллельно с Временным правительством, но ведущая роль в Совете принадлежала им недолго.

[31] Авдеев, ук. соч.; П. А. Гарви, «Социалистический вестник», № 2-3, 1957, стр. 47 и 48.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОТ ЛЕНИНА К СТАЛИНУ

9. ПУТЬ К ВЛАСТИ

Общая дезорганизация в стране привела к молниеносному падению монархии, и вместе с этим возник вопрос о власти. Временному правительству, составленному из умеренно прогрессивных членов Думы, больше других содействовавших поражению монархии, с самого начала пришлось соперничать с властью появившихся по всей стране Советов рабочих и солдатских депутатов. Картина революционного энтузиазма омрачалась реальностью угрозы надвигающегося хаоса. Для демократически настроенного Временного правительства революция означала возможность эффективно вести военные действия, чему ранее мешала реакционная и беспомощная монархия. Правительство понимало, что победа германского империализма над демократиями Англии и Франции похоронит надежду на демократизацию в России. Оно отдавало себе полный отчет в необходимости порядка, но не обладало решительностью и, может быть, нужными средствами для его восстановления. Советы, почти целиком состоявшие до сентября 1917 года из меньшевиков и эсеров, смотрели на империалистическую войну с отвращением, а на буржуазное Временное правительство — с недоверием. Большинство социалистов (исключения не имели особого значения) неохотно поддерживало идею продолжения войны, постоянно требуя от Временного правительства немедленных мероприятий по заключению справе-

дливого мира. Пропаганда мира среди солдат оказалась, возможно вопреки желанию меньшевиков и эсеров, столь же подрывной, как и агитация пораженчески настроенных большевиков. Сначала лидеры социалистов отказались войти в правительство, хотя поддерживали его внутреннюю политику, и то лишь в той степени, в какой оно было согласно проводить социалистические и демократические мероприятия. Эсеры и меньшевики пользовались поддержкой в народе и в армии, и это было источником их силы. В деревне начиналась крестьянская война — результат несправедливого раздела земли.

Социалистические партии, усиливая своим поведением растущий хаос, были все же готовы сотрудничать с Временным правительством при условии навязывания ему своей политики. Преследуя такую цель, лидеры социалистов в конце концов вошли в правительство, неуклонно толкая его влево, так как сами испытывали давление тех, кого они представляли, то есть рабочих и солдат. Большевики же твердо решили уничтожить Временное правительство. Они не собирались ни входить в него, ни поддерживать его. Своими безответственными обещаниями немедленного мира и нового раздела земли они усиливали хаос в деревне, армии, промышленности, надеясь на этой почве пожать богатый урожай — власть. Большевики были убеждены, во всяком случае после апреля 1916 года, что только переход власти к Советам, где они надеялись захватить ключевые позиции, обеспечит существование революционного порядка. Их намерение использовать любые средства для захвата власти становилось все более явным. Временное правительство, состоявшее к июлю 1917 года в основном из умеренных социалистов, тщетно боролось против нарастающего хаоса. Попытка большевистского переворота, а именно так общественное мнение рассматривало события начала июля 1917 года, сплотила всех социалистов вокруг Временного правительства, но только на короткое время, ибо вскоре начался Корниловский мятеж. Генерал Корнилов, человек довольно

левых убеждений, хотя и поддерживаемый промышленниками, решил восстановить порядок путем военной диктатуры. Временному правительству, правильно или ошибочно называвшему Корниловский мятеж «контрреволюцией», пришлось выбирать между Корниловым и большевиками. Подавив мятеж, Временное правительство восстановило против себя те силы в армии, которые еще были способны поддержать его. В борьбе против Корнилова большевики и социалисты защищали революцию совместно, но победителями оказались только большевики. Их популярность в стране и столице росла не по дням, а по часам. 25 октября 1917 года большевики, полностью контролировавшие в то время положение в столице, на Втором Всероссийском съезде Советов, где они имели незначительное большинство, провозгласили переход всей власти в руки Советов.

* * *

Так, в течение восьми месяцев большевики, численность и влияние которых в начале 1917 года были ничтожными, сумели сосредоточить в своих руках контроль, хотя и не абсолютный, над бывшей Российской империей. Интересно проследить политику партии, ее организационную структуру на протяжении решающих месяцев. Только немногие большевистские организации пережили войну без потерь. К моменту падения монархии в столице существовали довольно солидные организации: так называемый Петербургский комитет[1] и Русское Бюро Центрального Комитета в составе Молотова, Шляпникова и Залуцкого, фигуры

[1] Этот комитет, который продолжал называть себя Петербургским, а не Петроградским, к маю 1917 г. претендовал на общее количество членов в 16 тыс. человек. См. «Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) с местными организациями (март-октябрь 1917 г.). Сборник документов», т. I, Москва, 1957, стр. 481. (В дальнейшем цитируется как «Переписка Секретариата»).

маловлиятельной. После Февральской революции начали легально функционировать еще несколько комитетов, в том числе Московский городской и Московский губернский. Около семидесяти других организаций появилось в марте и начале апреля — наследники подпольных комитетов времен монархии. К октябрю Центральный Комитет поддерживал связь в общей сложности со ста шестьюдесятью тремя большевистскими организациями[2]. После падения монархии обязанности секретаря Русского Бюро Центрального Комитета исполнял Молотов, но вскоре этот пост перешел к возвратившейся из ссылки Стасовой, большевичке с большим опытом секретарской работы. Стасова увеличила штат сотрудников до шести человек, а общий надзор за деятельностью Секретариата стал осуществлять Я. М. Свердлов[3].

Ленин прибыл в Петроград только 3 апреля. До его возвращения политика партии по двум насущным вопросам — отношение к войне и Временному правительству – существенно отличалась от ленинских планов, хотя Шляпников и пытался претворить их в жизнь в той мере, в какой они были ему известны. 23 марта, например, Русское Бюро под его руководством огласило декларацию, призывавшую к братанию на фронте, к немедленным переговорам о мире и превращению войны империалистической в войну гражданскую[4]. Картина изменилась после возвращения из ссылки в Петроград Сталина и Каменева. Они, апеллируя к своему партийному стажу, возглавили руководство Русским Бюро и его политикой. Лозунг «Долой войну», писал Сталин 29 марта

[2] Там же, стр. 481-506. К маю 1917 г. московские партийные организации насчитывали в общей сложности 30 тыс. членов. В других местах партийные комитеты объединяли разное число большевиков — от нескольких десятков до нескольких тысяч.

[3] Е. Д. Стасова, «Страницы жизни и борьбы». Москва, 1957, стр. 83-96; К. Т. Свердлова, «Деятельность Я. М. Свердлова в 1917 году» в «Вопросах истории» (Москва), № 6, 1956, стр. 5-15.

[4] Цит. в «Пролетарской революции», № 4 (63), 1927, стр. 50-52, из «Правды».

в «Правде», совершенно не пригоден, правилен курс — «давление на Временное правительство» с целью немедленно начать мирные переговоры.Каменев высказывался в том же духе[5]. Разногласия внутри партии выявились на Всероссийской партийной конференции 1-3 апреля 1917 года, в работе которой принимали участие делегаты 58 организаций, представлявших три основных группировки: центристская, куда входили Сталин и Каменев, поддерживаемая Московской городской организацией во главе с Ногиным и Рыковым (также недавно возвратившимися из Сибири); радикальная левая во главе со Шляпниковым и Молотовым (к ним примкнула Александра Коллонтай), поддерживаемая Московской губернской организацией, охватывавшей 13 губерний; правая, самая незначительная. Сталину удалось заручиться единодушным одобрением своего проекта резолюции об отношениях с Временным правительством, который основывался на неоспоримом предположении длительного периода буржуазного правления, диктатура же пролетариата — дело весьма отдаленного будущего. Резолюция призывала к «бдительному контролю» над действиями Временного правительства и к поддержке Петроградского Совета — «зародыша революционной власти». Умеренные взгляды Сталина и Каменева в вопросе о войне, разделяемые большинством делегатов, не встретили сильной оппозиции и мало чем отличались от меньшевистских установок. Неудивительно, что совещание согласилось, хотя и неохотно, начать предварительные переговоры об объединении с меньшевиками[6].

[5] Сталин, т. 3, стр. 4-8; «Правда» от 28 марта 1917 г.

[6] Полный протокол работы конференции будто бы пропал во время июльских беспорядков, хотя сокращенная версия сохранилась в архиве Института марксизма-ленинизма, см. Ф. И. Драбкина, «Всероссийское совещание большевиков в марте 1917 года» в «Вопросах истории» (Москва), № 9, 1956, стр. 4-16. Полный протокол, однако, опубликован Троцким в его работе «Сталинская школа фальсификации», Берлин, 1932, стр. 225-290. Версии Драбкиной и Троцкого очень схожи. См. также Е. Н. Бурджалов

Ленин, горящий желанием любым способом быстрее вернуться в Россию, вместе с Зиновьевым намечает совершенно иную тактику, четко изложенную в телеграмме Александре Коллонтай, посланной в конце марта: «Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству. Керенский особенно подозрителен; вооружение пролетариата — единственная гарантия; *никакого сближения с другими партиями.* Последнее — обязательное условие. Чхеидзе мы не доверяем». Ленин и Зиновьев составляют политические тезисы (17 марта), где взгляды Ленина выражены более полно, как и в его «Письмах издалека», написанных между 20 и 26 марта[7]. Ленин предвидел захват власти не Советами, а вооруженным пролетариатом, «захват власти, при котором полиция, армия и бюрократия сталкиваются с поголовно вооруженным народом». И добавлял: все, что говорилось о Советах 1905 года как об «органах вооруженной власти», теперь нуждается в пересмотре[8].

Ленин прибыл в Петроград 3 апреля 1917 года, в последний день работы Всероссийской партийной конференции, причем через Германию он проехал по сговору с немецким правительством. Это обстоятельство породило слухи о немецких агентах-большевиках, которые хотят якобы вывести Россию из войны[9]. Приезд Ленина гальванизировал партию. Популярность Советов произвела большое впечатление даже на Ленина, и его позиция несколько изменилась, хотя она по-прежнему резко отличалась от линии, намеченной конференцией. Ленинские тезисы, напечатанные в

«О тактике большевиков в марте-апреле 1917 г.» в «Вопросах истории», № 4, 1956, стр. 38-56.

[7] Ленин, т. 29, стр. 343 (меньшевик Чхеидзе был председателем Петроградского Совета); т. 20, стр. 9-47.

[8] Ленин, т. 20, стр. 34 и 35.

[9] Документы из Германского Министерства иностранных дел об этой сделке были захвачены союзными войсками во время Второй мировой войны и затем опубликованы. См. *Lenin's Rückkehr nach Russland, 1917.* Die deutschen Akten, ed. by Werner Hahlweg, Leiden, 1957.

«Правде», теперь таковы: об объединении с меньшевиками не может быть и речи; большевики не должны оказывать никакой поддержки Временному правительству; они должны добиваться не парламентарной республики, «а республики Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских депутатов во всей стране... конфискации всех помещичьих земель, национализации всех земель... образования одного общенационального банка... устранения полиции и армии». Что касается войны, то «кончить ее истинно демократическим миром нельзя без свержения капитала», и Ленин настаивал теперь на «самой широкой пропаганде этого взгляда в действующей армии» и на «братании»[10].

Ничего принципиально нового по сравнению с ленинской линией предшествующих лет в этих тезисах не было; они являлись логическим продолжением его взглядов, которые высказывались и раньше, но призыв к социалистической революции (хотя бы в форме передачи всей власти Советам), сформулированный столь откровенно, не на шутку встревожил руководителей партии. «Правда» немедленно дезавуировала ленинские установки как «неприемлемые, так как они исходят из предпосылки, будто буржуазно-демократическая революция уже совершилась...»[11]. Каменев и Зиновьев, а также такие деятели, как Рыков и Ногин, у которых, в отличие от первых двух, были серьезные разногласия с Лениным еще до 1917 года, противились и в дальнейшем этому аспекту ленинской политики. Сталин же немедленно перешел на сторону Ленина. Непримиримое отношение Ленина к меньшевикам не сразу встретило понимание членов партии. Было учреждено смешанное большевистско-меньшевистское Бюро, в которое вошли рядовые большевики, для подготовки объединительной конференции[12]. Еще в сентябре

[10] Ленин, т. 20, стр. 79, 88.

[11] 21 (8) апреля 1917 г.

[12] Н. Авдеев, «Революция 1917 года. (Хроника событий)», т. II, Москва, 1923, стр. 10 и 11. Старания Бюро были тщетными.

и октябре 28 местных партийных организаций оставались, несмотря на все старания Центрального Комитета, большевистско-меньшевистскими[13].

Несмотря на это малообещающее начало, Ленину вскоре удалось привлечь большинство партии на свою сторону. Успех Ленина можно объяснить его интеллектуальным превосходством над оппонентами, гибкостью его политики и растущими революционными настроениями рядовых членов партии — они рвались к власти и мало интересовались теоретическими тонкостями.

Всероссийская партийная конференция, заседавшая с 24 по 29 апреля, приняла ряд важных резолюций, одна из которых, получившая почти полную поддержку делегатов (только трое голосовало против и трое воздержалось), подчеркивала, что не может быть и речи о захвате власти Советами, пока большевики не обеспечат себе там большинства[14]. Перспектива казалась достаточно далекой и, естественно, тревожила некоторых колеблющихся руководителей партии: на Первом Всероссийском съезде Советов, собравшемся 3 июля, большевики составляли лишь ничтожный процент от массы меньшевиков и эсеров[15]. Сильная оппозиция возникла на конференции при обсуждении резолюции, призывавшей к национализации земли и различным формам государственного контроля над промышленными предприятиями: из 118 делегатов за резолюцию голосовали 71 при 8 воздержавшихся. Ленинское предложение окончательно порвать со II Интернационалом не получило ни одного голоса[16].

[13] «Переписка Секретариата», стр. 481-506. Всего там перечислено 163 организации.

[14] «7 конф.» (Москва, 1934), стр. 29, 242 и 243, 256-258.

[15] 105 из 777 делегатов с правом голоса, партийная принадлежность которых была указана. См. W. H. Chamberlin, *The Russian Revolution, 1917-1921*, v. 1, New York, 1935, стр. 159.

[16] Тексты резолюций этой конференции, касающиеся войны, национального вопроса (повторялся принцип права народов на самоопределение, но одновременно подчеркивалось, что это право не следует смешивать с вопросом

Несмотря на уступки «конституционным иллюзиям», все еще сохранявшимся в партии, упор на обеспечение большинства в Советах означал для Ленина всего лишь тактическое признание популярности Советов. «Пролетариат не может победить, — писал Ленин несколько лет спустя, — не завоевывая на свою сторону большинства населения. Но ограничивать или обусловливать это завоевание приобретением большинства на выборах, *при господстве буржуазии*, есть непроходимое скудоумие или просто надувательство рабочих»[17]. Ленину приходилось, таким образом, приспосабливать тактику к быстро меняющейся обстановке, преодолевать нерешительность партийной верхушки и одновременно сдерживать пыл рвущихся в бой рядовых членов партии. Меньшевистско-эсеровские Советы пользовались большей поддержкой в народе, чем большевистские организации, и Ленин опасался, во-первых, что Исполком Петроградского Совета, встревоженный большевистскими намерениями, поддержит мероприятия Временного правительства по обузданию большевиков. Во-вторых, он понимал, что революционный переворот в столице удастся только в том случае, если захват большевиками власти в центре найдет аналогичный отклик во всей стране.

Как быстро менялось соотношение сил видно на примере роста влияния большевиков в столице. Нота о военных целях России, направленная в апреле союзным державам кадетским Министром иностранных дел Милюковым, вызвала бурные демонстрации в столице под лозунгом: «Долой правительство!». Но демонстранты совершенно не представляли себе, в чьих руках находится власть, и безропотно подчинились приказу Петроградского Совета разойтись по домам[18].

о целесообразности отделения той или иной нации — эти проблемы будут решаться партией с точки зрения интересов классовой борьбы пролетариата), а также пересмотра партийной программы, см. «КПСС в рез.», т. 1, стр. 332-353.

[17] Ленин, т. 24, стр. 641.

[18] Н. Суханов, «Записки о революции». Берлин – С. Петербург – Москва, т. III, 1923, стр. 293-295.

К июню положение резко изменилось. После некоторого колебания лидеры большевиков уступили требованиям рядовых членов партии и призвали к демонстрации 10 июня. Но I Всероссийский съезд Советов 9 июня запретил демонстрацию и большевистский ЦК подчинился этому решению. С большим трудом партийным эмиссарам удалось уговорить демонстрантов разойтись, и Ленин с удовлетворением отметил, что на этот раз толпу остановила партия, а не Совет. Восстание было несомненно преждевременным и «Правда» 10 июня предупредила против скоропалительных выступлений, обещав «в случае необходимости» призвать рабочих и солдат выйти на улицу. Несмотря на моральную победу Совета и явное намерение большевиков и их сторонников силой захватить власть, социалисты в Совете никак не могли решиться разоружить большевиков в столице[19].

Еще более драматическая ситуация возникла 3 и 4 июля, когда толпы рабочих и солдат провели бурную демонстрацию на улицах Петрограда, требуя, чтобы Петроградский Совет взял власть в свои руки. При разгоне демонстрации было убито и ранено несколько сот человек. Временное правительство, опираясь на тех членов социалистических партий в Петроградском Совете, представители которых теперь входили в правительство, наконец решило серьезно заняться большевиками. Оно обвинило их в подготовке переворота и получении денежной помощи от Германии. Это возымело действие. Ленин и Зиновьев, во избежание ареста и суда, скрылись, многие другие лидеры партии были арестованы. Однако правительство не разоружило большевистские отряды Красной Гвардии (о них см. ниже) и не довело до суда обвинение в сообщничестве с немцами (в какой мере это обвинение соответствовало фактам, будет также рассмотрено ниже). Хотя меры Временного правительства оказались неэффектив-

[19] О позиции социалистов в Совете см. И. Церетели, «Накануне июльского восстания», «Новый журнал», Нью-Йорк, № 52, 1958, стр. 162-198.

ными, июльские беспорядки, несомненно, серьезно повредили большевикам. Обвинение большевиков в том, что июльская демонстрация была задумана ими с целью прямого захвата власти, не имело достаточных оснований. Так или иначе, в официальном расследовании, проведенном вскоре, отмечалось: хотя вооруженное выступление и организовано руководителями большевиков Петрограда и Кронштадта, конкретных планов захвата ключевых центров в столице и свержения Временного правительства оно не преследовало[20].

Июльская демонстрация, возможно, являлась для большевиков пробой сил, но она серьезно ухудшила их положение. Популярность большевиков пошла на убыль почти так же быстро, как в свое время она возрастала[21]. Вождь скрывался. Социалистические партии окончательно отвернулись от большевиков. После июльской демонстрации Ленин счел Советы реакционной и контрреволюционной силой и резко изменил свое отношение к ним. Взять власть в свои руки, писал он, могут теперь только «революционные массы народа», они должны «отвернуться» от социалистических партий, предавших дело революции своей поддержкой той власти, «которую надо свергнуть»[22]. Ленин не указывал, однако, какие именно органы возьмут власть вместо Советов. В Петрограде 26 июля состоялся VI, большевистский, съезд партии. Ленин и Зиновьев отсутствовали, и задача разъяснения новой политики выпала на долю Сталина. Он предложил

[20] «Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции», под ред. Р. Н. Мордвинова. Москва, 1957, стр. 162-174. О двух версиях короткой речи Ленина о июльских событиях, первая из которых была дана как показание в ходе расследования, а вторая — в той форме, в какой впоследствии изложил ее сам Ленин, см. там же, ср. стр. 169 и 349.

[21] Chamberlin, ук. соч., стр. 178 и 179; Ем. Ярославский, «История ВКП(б)», т. 4, Москва-Ленинград, 1929, стр. 151. См. также ответы в анкетах делегатов VI съезда партии в «Шестой съезд РСДРП (большевиков), август 1917 года. Протоколы», Москва, 1958, стр. 321-366.

[22] Ленин, т. 21, стр. 33-38.

резолюцию о пересмотре прежней тактики: хорошо известный лозунг «Вся власть Советам!» теперь устарел, партия должна взять на себя роль «передового борца против контрреволюции» и, не поддаваясь соблазну «преждевременных боев», готовиться к конечному захвату власти «революционными классами». Резолюция не содержала указаний, какой орган должен заменить собой Советы — обстоятельство, смущавшее многих делегатов съезда. Если намерение и состояло в захвате власти партией от имени «революционных масс», на что несомненно рассчитывал Ленин, на съезде никто не посмел открыто высказать такую еретическую идею, полностью противоречащую марксистской доктрине. Одни делегаты не хотели сбрасывать со счетов Советы, другие не верили в возможность социалистической революции в ближайшее время. Но резолюция все же принимается единогласно при четырех воздержавшихся[23]. Сомневающиеся утешали себя тем, что решающий день еще далек. Один из лидеров партии выразил, вероятно, общее мнение, сказав в середине октября на заседании Петербургского комитета: «Нам следует отдать себе отчет в том, что когда возьмем власть, нам придется понизить заработную плату... придется ввести террор... Мы не имеем права отказываться от этих средств, но нет нужды и стремиться к ним»[24].

Меньше чем через месяц после съезда в результате Корниловского мятежа и подавления его Временным правительством ход событий снова благоприятствует большевикам. Социалисты Петрограда и других частей страны, выступившие после июльских событий против большевиков, теперь вновь сотрудничают с ними в различного рода комитетах, созданных для борьбы с контрреволюцией. Полулегальная Красная Гвардия открыто вооружается. Выборы в

[23] «КПСС в рез.», т. 1, стр. 374-376.

[24] «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. Сборник материалов и протоколов заседаний Петербургского комитета РСДРП(б)... за 1917 год», Москва-Ленинград, 1927, стр. 296.

Советы, прошедшие в сентябре и октябре, впервые приносят победу большевикам. Во многих провинциальных центрах ввиду слабости органов Временного правительства вся власть фактически переходит к местным Советам, находящимся под большевистским контролем[25]. В начале сентября Ленин, по-видимому, думал, что большевики смогут захватить власть, обеспечив себе большинство в Советах, но вскоре он отбросил эту мысль. И 5 сентября Ленин требует от Центрального Комитета немедленно начать подготовку переворота, опираясь при этом на вооруженные отряды, способные арестовать членов правительства и захватить власть. Ленинский план не нашел сторонников в ЦК[26]. Как раз в это время оказавшееся в тупике Временное правительство, пытаясь конституционным путем укрепить свое положение, задумало создание Совета Республики, и большинство членов ЦК считало необходимым принять участие в новом органе, чтобы использовать его в дальнейшем в целях захвата власти.

II Всероссийский съезд Советов был назначен на 20 октября. В серии статей, появившихся в партийной печати между 10 и 21 октября, Ленин страстно и настойчиво излагает свой план восстания. Власть, пишет он, следует захватить независимо от Советов. Необходимо бороться с «конституционными иллюзиями и надеждами на предстоящий съезд Советов». Правда, новое пролетарское правительство после выборов будет ответственным перед Советами. Но переход власти к Советам без вооруженного восстания не может привести к созданию пролетарского правительства[27]. 10 октября большинство ЦК соглашается с этим доводом. На бурном

[25] Это видно из ответов большевистских делегатов на вопросы анкеты, которую они заполнили на II Всероссийском съезде Советов. См. «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Сборник документов», Москва, 1957, стр. 227-386.

[26] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917–февраль 1918», Москва, 1958, стр. 55-62.

[27] Ленин, т. 21, стр. 221-228, 235-241; ср. также стр. 287-289.

заседании, куда тайно прибыли все еще скрывавшиеся Ленин и Зиновьев, принимается ленинская резолюция: «Вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело». Зиновьев и Каменев голосовали против резолюции[28]. Из двадцати двух членов ЦК девять отсутствовали, причем трое из них — Ногин, Рыков и Милютин наверняка присоединились бы к Зиновьеву и Каменеву, то есть при полном составе против резолюции выступила бы почти четвертая часть ЦК.

После исторического заседания Ленин возвращается на конспиративную квартиру, и подготовка восстания осуществляется, в основном, Троцким, который был арестован во время июльских событий, но после подавления Корниловского мятежа выпущен на поруки. Троцкий, возвратившись в Петроград в мае 1917 года, возглавил небольшую группу социал-демократов, известную под названием межрайонцев, образованную еще в 1913 году и занимавшую промежуточную позицию между большевиками и меньшевиками. Но уже к середине июля Троцкий полностью принял сторону Ленина[29]. (Межрайонцы слились с большевиками только в августе на VI съезде). События развивались таким образом, что разногласия между Троцким и Лениным стали неактуальными. Ленин теперь открыто выступал за немедленный переход от буржуазной революции к революции социалистической — курс, предлагавшийся Троцким еще в 1905 году, и узы между ними оказались куда более крепкими, чем все то, что их разделяло.

Троцкий не меньше Ленина понимал важность захвата

[28] «Протоколы Центрального Комитета», стр. 83-86. О дальнейших попытках Зиновьева и Каменева перенести дискуссию в более широкие партийные круги и о реакции Ленина на это см. мою книгу *The Origin of the Communist Autocracy. Political Opposition in the Soviet State, First Phase: 1917-1922*», London, 1955, стр. 59-62.

[29] Л. Троцкий, «Сочинения», т. 3, ч. I, Москва-Ленинград, без даты, стр. 149, 165 и 166, 201 и 202.

власти партией, и практически вся организация большевистского переворота в ночь с 24 на 25 октября в канун открытия II съезда Советов (день этот был перенесен с 20 на 25 октября) и арест членов Временного правительства в ночь с 25 на 26 октября — дело его рук. Но в еще большей степени, чем Ленин, Троцкий понимал необходимость приурочить захват власти к съезду Советов, которому предназначалось своим авторитетом санкционировать и символически утвердить новую власть. Ленин так и не согласился с этой идеей Троцкого[30]. Но правота последнего подтверждалась сложившейся исторической ситуацией: именно Советы, а не партия, привлекали народные массы, чем умело пользовались большевики, постепенно укрепляя свое влияние не только в столице, но и в провинции. Отчет о настроениях рабочих в столице, представленный Петербургскому комитету большевиков за десять дней до октябрьского переворота, подчеркивал лояльное отношение рабочего класса к Петроградскому Совету, а не к партии[31]. Даже в самом сердце партии, ЦК, как показал VI съезд, существовала сильная оппозиция восстанию. Многие большевики отождествляли победу партии с победой Советов. На вопрос о будущей форме правительства подавляющее большинство делегатов-большевиков II съезда Советов ответило: «Вся власть Советам!», а некоторые из них говорили о необходимости коалиции в Советах всех «демократических левых сил» (за исключением кадетов, конечно)[32]. То, что впоследствии стали называть Октябрьской революцией, для таких членов партии символизировало победу Советов над Временным правительством.

Соотношение сил на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, вероятно, правильно от-

[30] Л. Троцкий, «О Ленине. Материалы для биографа». Изд. 2, М., 1924, стр. 70 и 71.

[31] «Первый легальный Петербургский комитет», стр. 312-315.

[32] «Второй Всероссийский съезд», Москва, 1957, стр. 386-398.

ражало популярность большевиков в стране; следует все же учесть, что на съезд не были делегированы крестьяне из деревни, а только представители рабочих и крестьян в военных шинелях. Большевики владели 300 мандатами из 650, кроме того, их поддерживала половина левых эсеров. Остальные эсеры и меньшевики имели соответственно 70 и 80 мандатов. Таким образом, из 650 делегатов съезда 380 были большевиками и их сторонниками, то есть немногим более половины[33].

Не существует достоверных данных о численности и составе партии, и можно только приблизительно проследить за ее ростом в течение решающих восьми месяцев 1917 года. Официальные документы оценивают численность партии в январе 1917 года (то есть в последние дни нелегального существования) в 23.600 человек[34], но соответствует ли это правде, сказать трудно. На 7-й Всероссийской конференции, состоявшейся в конце апреля, 79.204 члена партии были представлены 149 делегатами. Самые крупные организации находились в Петроградской губернии и на Урале (по 14 тысяч человек), затем в Московской губернии (7 тысяч человек) и в Донбассе (5 тысяч человек)[35]. Численность партии быстро росла в последние месяцы: Свердлов сообщил VI съезду в начале августа, что число партийных организаций увеличилось с 78 до 162, и оценивал общую численность партии в 200 тысяч членов[36]. Сведений о численности партии в октябре нет, но даже весьма неполные данные о личном

[33] «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов». Введение Я. А. Яковлева, Москва–Ленинград, 1928. Эти цифры ненадежны. Chamberlin, ук. соч., стр. 320, оценивает общую численность большевиков и их сторонников в 390.

[34] БСЭ, т. 11, стр. 533.

[35] «Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков)... Протоколы». Москва, 1958, стр. 149.

[36] «Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы», Москва, 1958, стр. 36.

составе отдельных организаций, имевшиеся в Секретариате ЦК, свидетельствуют о росте партии после августа[37].

В нашем распоряжении нет достаточно подробных данных о составе партии, но одно совершенно очевидно: партия вербовала кадры главным образом на заводах, фабриках и в армии; поддержка, оказываемая ей крестьянами в деревне, в отличие от крестьян в солдатских шинелях, была ничтожной. Отношение рабочих к членству в партии в какой-то степени отражают анкеты, заполненные на VI съезде делегатами от партийных организаций 25 городов: процент большевиков среди рабочих, непосредственно связанных с производством, колеблется от 1 до 12 при средней цифре 5,4[38]. Несколько более полное представление о составе партийной элиты можно получить из личных анкет 171 из 267 делегатов VI съезда. Из этих анкет явствует, что 92 делегата были русскими и 29 — евреями; средний возраст — 29 лет; почти все имели многолетний стаж участия в социал-демократическом движении (большинство в большевистской фракции) в качестве пропагандистов, секретарей или членов партийных комитетов; 94 делегата получили высшее или среднее образование, и если предположить, что опрошенные делегаты характеризуют состав съезда в целом, то более половины были интеллигентами[39].

Особый интерес представляет состав избранного VI съездом Центрального Комитета[40]. По сравнению с Центральным Комитетом, избранным на Пражской конферен-

[37] « Переписка Секретариата », т. 1, стр. 481-506.

[38] « VI съезд » (изд. 1958 г.), стр. 317-390.

[39] Там же, стр. 294-300.

[40] Точный состав не опубликован, но его можно восстановить на основе отчетов о заседаниях ЦК, появившихся в печати впоследствии. См. также «VI съезд» (изд. 1958), стр. 439 и 252, где приводятся фамилии Ленина, Зиновьева, Каменева и Троцкого, стоявших во главе списка по количеству поданных за них голосов.

ции в 1912 году, новый ЦК, состоявший из 22 членов (не считая кандидатов), уже не представлял твердого ядра испытанных бойцов, из которых Ленин всегда старался формировать партийное руководство. Более того, даже испытанные партийцы, окружавшие Ленина долгие годы перед революцией, не составляли монолитной группы. Одни — Сталин, Бубнов, Свердлов, Стасова и Дзержинский — целиком поддерживали политику Ленина, другие — Каменев и Зиновьев — разошлись с ним в вопросе о восстании, у третьих были с ним разногласия в прошлом. Бухарин, например, вел долгие теоретические споры с Лениным во время войны, Рыков и Ногин отказывались поддерживать бескомпромиссную позицию Ленина по отношению к меньшевикам. И, наконец, присоединение к большевикам межрайонцев во главе с Троцким выдвинуло на высшие ступени партийной иерархии революционеров, не привыкших к суровой партийной дисциплине, установленной Лениным. Троцкий и Урицкий стали членами Центрального Комитета, а Иоффе, один из бывших межрайонцев, — кандидатом в члены ЦК.

Быстрая смена событий в 1917 году объясняет несовершенство организационной структуры партии. Отсутствие достаточной информации еще более осложняет задачу выявления организационных форм и связей в партии большевиков. Единственный источник, которым можно воспользоваться, — 129 опубликованных писем Секретариата ЦК из 1.700, отправленных им в провинциальные партийные организации[41]. Судя по этой переписке, Секретариат не осуществлял действенного контроля над местными организациями. Время от времени в провинцию направлялись уполномоченные из центра, чтобы оживить и скоординировать деятельность провинциальных партийных комитетов, но в основном большевики в провинции были предоставлены самим

[41] «Переписка Секретариата», т. 1, стр. VI. По словам редактора, остальные письма «еще не найдены».

себе при разработке стратегии и тактики, причем в качестве руководства к действию они использовали центральную партийную печать. Такое положение дел нравилось далеко не всем руководителям провинциальных организаций, и жалобы на то, что эмиссары из центра посещают их недостаточно часто, были одной из главных тем переписки с Секретариатом. Но и в таких трудных условиях Секретариат ЦК пытался наладить постоянный контроль за деятельностью на местах, ставший позднее характерной организационной особенностью большевистской партии. Центр постоянно требовал детальных отчетов о проводимой работе, о численном росте партии в провинции. Данные включались в доклады Свердлова Ленину и сыграли, вероятно, не последнюю роль в формировании очередных задач партии. Однажды ЦК направил местной организации даже список кандидатов, рекомендуя избрать их.

VI съезд принял новый Устав партии (старый не пересматривался с 1907 года, то есть с V съезда). Ряд статей Устава отражал возросшие по сравнению с 1907 годом требования партийной дисциплины; по-новому были сформулированы условия членства в партии (подчинение всем постановлениям партии), исключения из партии и обжалования решения об исключении. Съезды должны собираться раз в год, а пленарные заседания Центрального Комитета — по меньшей мере раз в два месяца. Поправка к Уставу, предусматривавшая предоставление большей автономии партийным организациям национальных меньшинств, была отвергнута[42]. Практически текущая партийная работа, в том числе назначение комиссий для выполнения срочных или специальных поручений, осуществлялась узким кругом функционеров — членов ЦК. Значение Секретариата возросло после VI съезда благодаря назначению в него трех новых

[42] «КПСС в рез.», т. 1, стр. 384 и 385; «VI съезд» (изд. 1958 г.), стр. 175.

членов Центрального Комитета в придачу к Свердлову и кандидату в члены ЦК Стасовой[43].

Заседание ЦК 10 октября учредило Политическое Бюро, задуманное как временный орган для подготовки восстания. В него были избраны Ленин, Зиновьев, Каменев (последние два — несмотря на их оппозицию, а может быть, и благодаря ей), Троцкий, Сталин, Сокольников и Бубнов[44]. Однако предшественник Политбюро практически бездействовал. Организация восстания находилась в руках Военно-революционного комитета Петроградского Совета под председательством Троцкого. Этот импровизированный генеральный штаб революции отдавал приказы поддерживавшим большевиков воинским частям и командовал Красной Гвардией. Именно Красная Гвардия, созданная в июле (Временное правительство не могло или не хотело ее разоружить), представляла собой подлинные вооруженные силы, участвовавшие в большевистском перевороте. Организованная фабрично-заводскими и цеховыми комитетами, находившимися под контролем Центрального Комитета, Красная Гвардия накануне II съезда Советов насчитывала около 20 тыс. человек[45]. Военно-революционный комитет осуществлял руководство через посредство комиссаров, которых было около трехсот накануне восстания. Комиссары обычно посылались в воинские части и на те заводы, где из-за сильного меньшевистского и эсеровского влияния большевики не могли полагаться на фабрично-заводские комитеты при подготовке переворота.

[43] «Протоколы ЦК», стр. 12 и 13.

[44] Там же, стр. 85 и 86.

[45] О Красной Гвардии см. Chamberlin, ук. соч., стр. 307 и 308. Красная Гвардия существовала в нескольких провинциальных городах, но ни один из ее отрядов, по-видимому, не превышал нескольких десятков или сотен человек, кроме Киева и Одессы. См. «II съезд» (изд. 1957 г.), стр. 227-386. Утверждение новой «Краткой истории» партии, опубликованной в 1959 г., будто Красная Гвардия составляла 200 тысяч человек в октябре 1917 г., совершенно необоснованно. См. «История Коммунистической партии Советского Союза», Москва, 1959, стр. 234.

Работа Военно-революционного комитета и его комиссаров находилась под общим надзором нескольких членов Центрального Комитета, каждый из которых нес ответственность за тот или иной участок деятельности (железные дороги, почта, телеграф и т. д.), а одному члену ЦК было поручено руководить восстанием в Москве. Мы не знаем, поддерживалась ли Военно-революционным комитетом связь с провинциальными партийными организациями, хотя, вероятно, какие-то контакты существовали[46]. Военно-революционный комитет сохранял свое значение некоторое время и после захвата власти большевиками и был распущен 5 декабря 1917 года.

Партия, готовясь к перевороту, уделяла большое внимание периодической печати. В августе 1917 года выходило 41 печатное партийное издание общим тиражом почти 1,5 млн. в неделю или 320 тысяч в день[47]; из них 27 на русском языке, остальные на языках национальных меньшинств. Значительная доля пропагандистского материала предназначалась для армии. Издательская деятельность дорого обходилась партии из-за растущих цен на бумагу и печатные станки. Расходы не окупались продажей партийной литературы, поскольку последняя, в основном, распределялась бесплатно[48]. Но такого рода пропаганда была важным

[46] « Протоколы ЦК », стр. 119-121; « Донесения комиссаров петроградского Военно-революционного комитета », Москва, 1957, стр. 5-16. Нет также никаких данных о том, какую роль играл « Военно-революционный центр » из пяти членов (один из них — Сталин), учрежденный 10 октября; современные советские историки называют его подлинной организационной силой революции, вероятно, потому, что в него не входил Троцкий. Детальный разбор организации восстания см. в совершенно незаменимом труде С. П. Мельгунова « Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 года », Париж, 1953. Протоколы Военно-революционного комитета опубликованы. См. Д. А. Чугаев и др. (ред.), « Петроградский Военно-революционный комитет. Документы, материалы », 3 тома, Москва, 1966-1967.

[47] « VI съезд » (изд. 1958 г.), стр. 147-150.

[48] См., например, донесение Донского областного комитета, в котором сообщается, что ежедневная газета тиражом в 4.500-4.800 экземпляров

оружием, и партия совершенно справедливо придавала ей огромное значение.

Щедрые расходы на пропаганду и вооружение Красной Гвардии способствовали распространению слухов о получении большевиками денежных сумм от Германии. В июле 1917 года Временное правительство официально обвинило большевиков в связях с Германией, но опубликованные им данные не были убедительными и следствие не доведено до конца. Обвинение всегда категорически отрицалось и лично Лениным и партией в целом. Захват союзными войсками архива Германского Министерства иностранных дел в 1945 году пролил свет на вопрос, вызывавший долгие споры: являлись ли Ленин и большевики немецкими «агентами». Временное правительство утверждало, что деньги из официальных немецких источников передавал большевикам Парвус. Парвус (Гельфанд), проживавший в Стокгольме, в прошлом социал-демократ и даже близкий сотрудник Троцкого времен революции 1905 года, занимался в военные годы сомнительными финансовыми операциями. Утверждалось, что Парвус поддерживал контакт с Лениным через Ганецкого и Козловского, малоизвестного социал-демократа в Петрограде. Ганецкий действительно был очень близок к Ленину. Ленин в 1911 году не без активной помощи Ганецкого и других польских социал-демократов окончательно закрепил раскол в Польской партии. После октября 1917 года Ганецкий работал в советском правительственном аппарате до 1932 года. Хотя данные, опубликованные Временным правительством, многого не доказывают, искренность ленинских опровержений сомнительна. Ленин дважды отрицал как свою, так и чью бы то ни было причастность к коммерческим и финансовым делам Ганецкого и Козлов-

означала ежедневный убыток в 200-250 р. Одна только бумага обходилась в 360 р.; «Переписка Секретариата», т. I, стр. 339.

ского[49]. А между тем из двух частных писем, отправленных Лениным в апреле 1917 года Ганецкому (одно из них было адресовано и Радеку), перехваченных полицией и впоследствии обнародованных, можно предположить, что денежные отношения с Ганецким и Козловским существовали. Одно письмо содержит жалобу: «До сих пор... денег от Вас не получили» и заканчивается словами «будьте архиаккуратны и осторожны в сношениях». Второе же письмо содержит фразу: «Получили деньги (2.000) от Козловского»[50]. Известно также, что ЦК обсуждал «конфликтные дела» Ганецкого и Козловского, по крайней мере, восемь раз в августе и сентябре 1917 года, но отчеты об этих обсуждениях опущены в опубликованных за данный период протоколах заседаний ЦК[51].

Документы из архива Германского Министерства иностранных дел не оставляют никакого сомнения в том, что, начиная с 1915 года, немцы искали пути для субсидирования не только большевиков, но вообще всех пораженчески настроенных революционеров в России. Несомненен факт получения крупных сумм Парвусом, одним из двух главных немецких агентов по установлению контактов с большевиками. Из захваченных документов нельзя определить, попали ли в руки большевиков предназначенные им суммы до Февральской революции 1917 года, но можно считать фактом

[49] «Новая жизнь» от 24 (11) июля 1917 г. Перепечатано в книге В. Владимировой «Революция 1917 года. (Хроника событий)». Москва-Ленинград, 1923-1924, т. 3, стр. 329. И от 8 августа (26 июля), там же, стр. 360.

[50] «Пролетарская революция» (Москва), № 9 (21), 1923, стр. 227-232. См. также Ленин, т. 29, стр. 354 и 355.

[51] «Протоколы ЦК», стр. 250. В примечании Института марксизма-ленинизма говорится, что документы якобы «не содержат достаточных материалов для выяснения сущности обсуждавшихся вопросов». Все данные по этому вопросу (до опубликования немецких документов) см. у С. П. Мельгунова «Золотой немецкий ключ большевиков», Париж, 1940.

получение ими денег после марта 1917 года. В докладе кайзеру 3 декабря того же года Министр иностранных дел Германии Кюльман утверждал, что только после того как большевики «стали получать от нас различными путями и под различными ярлыками регулярные суммы», они смогли развить свою революционную деятельность[52]. Вряд ли Министр иностранных дел стал бы докладывать так категорично о деле, за которое он нес прямую ответственность, если бы его слова не соответствовали фактам.

Кроме того, вероятность получения большевиками средств от немцев на пропагандистские цели подтверждается отсутствием у партии других возможностей для покрытия весьма значительных расходов. Крупные денежные средства не могли поступать из официального источника: партийные фонды состояли из доходов местных организаций, обязанных отчислять десять процентов своих средств Центральному Комитету; иными словами, поступления из этого источника были ничтожными[53]. А между тем деньги были. Так, например, Бюро печати при ЦК, возглавляемое Молотовым, получало «специальные средства» для финансирования местных газет[54]. Но даже если большевики действительно субсидировались немцами, возникает вопрос — можно ли называть их «немецкими агентами» в прямом смысле слова? Нет никаких данных, доказывающих получение большевиками каких-либо инструкций по вопросам политики и тактики. Германия финансировала большевистскую партию

[52] *Germany and the Revolution in Russia 1915-1918.* Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. Edited by Z. A. B. Zeman, London, Oxford, New York, 1958, Документ № 94. Аналогичный рапорт Кюльман подал Верховному командованию армии 29 сентября 1917 г., Документ № 71.

[53] «Переписка Секретариата», т. I, стр. 50 и 51.

[54] И. С. Сазонов, «Бюро печати при ЦК РСДРП(б) в 1917 году», Исторический архив (Москва), № 5, 1955, стр. 200-201. См. также «Переписку Секретариата», т. I, стр. 339, где говорится о «специальных средствах» и приводятся примеры весьма значительных субсидий, в необходимых случаях выдававшихся ЦК местным организациям на пропагандистские цели.

только потому, что цель большевиков — вывод России из войны — совпадала с ее собственной. Но с точки зрения Временного правительства факт получения денег от противника для подрыва и свержения законного правительства мог по праву рассматриваться как государственная измена.

Корни разногласий, раздиравших партию в течение многих лет после ноября 1917 года, таились в обстоятельствах ее формирования. Во-первых, следует отметить неоднородность состава Центрального Комитета после переворота. Во-вторых, образовалась глубокая пропасть между теми, кто видел в большевистской революции победу Советов, и теми, кто, подобно Ленину и Сталину, рассматривал ее главным образом как победу партии. В-третьих, многим членам партии факт финансирования революции империалистической державой казался несовместимым с большевистской этикой[55], и в результате возникла оппозиция, готовая даже отстранить Ленина от руководства. И, наконец, отсутствие надлежащей дисциплины в местных организациях, с чем мирился ЦК в условиях революции и с чем пришлось потом бороться многие годы, привело к автаркии и анархии.

[55] См., например, бухаринское объяснение этики революционеров, принимающих деньги от империалистов, данное на 4-м Конгрессе Коммунистического Интернационала в 1922 г.

10. ПАРТИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

II Всероссийский съезд Советов создал новый правительственный орган, чисто большевистский по своему составу — Совет Народных Комиссаров (Совнарком), возглавляемый Лениным. Левым эсерам, образовавшим теперь отдельную партию, было предложено несколько постов в Совнаркоме, но они, надеясь на создание широкой коалиции с участием меньшевиков и правых эсеров, отказались от совнаркомовских портфелей. Практически такая коалиция стала невозможной, так как и меньшевики и правые эсеры осудили большевистский переворот, и большинство их делегатов покинуло съезд в знак протеста. Съезд, кроме того, учредил Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет взамен старого ВЦИК, избранного I Всероссийским съездом, в котором большевики составляли меньшинство. В новом ВЦИК большевики получили 62 места, левые эсеры — 29, а остальные левые группировки, не имевшие никакого веса, разделили между собой оставшиеся 20 мест.

Приблизительно в течение недели после переворота судьба большевиков висела на волоске. 25 октября Керенский бежал из Петрограда, а 27-го он с генералом Красновым, спешно собравшим отряд в несколько сотен казаков, двинулся к столице. 29 октября в самом Петрограде началось антибольшевистское восстание юнкеров, жестоко подавленное большевиками. Поход Керенского был также неудачным: 1 ноября ему вновь пришлось бежать, а генерал Краснов попал в плен. «Нейтральная позиция» гарнизона оказалась решающим фактором. Большевистское восстание в Москве,

приуроченное к перевороту в Петрограде, натолкнулось на сопротивление, и его исход оставался под вопросом до 2 ноября, то есть до полной победы большевиков в столице. Тогда большевики не встретили военного сопротивления, но на Дону уже началось формирование антибольшевистской добровольческой армии.

Многие сторонники Ленина считали: если большевики будут упорствовать и дальше, отказываясь разделить власть с другими социалистическими партиями — меньшевиками и правыми эсерами, за которыми шло большинство населения, то немедленно вспыхнет гражданская война. Они настаивали на создании широкой правительственной коалиции, включавшей всех социалистов. Всероссийский Исполком Союза железнодорожников (ВИКЖЕЛ), где большевики составляли меньшинство, угрожал начать 29 октября стачку, требуя образования коалиции. В последовавших за этим переговорах Ленин, как он откровенно признал[1], просто старался выиграть время. Но многие его коллеги приняли переговоры всерьез и готовы были их продолжать, даже если Ленин и Троцкий оказались бы исключенными из состава будущего правительства. В число «колеблющихся» входили Зиновьев и Каменев, а также бывшие «примиренцы» Рыков и Ногин.

С проблемой коалиции была тесно связана и другая, не менее важная, — проблема печати, затрагивавшая весь сложный комплекс отношений с социалистами, отвергавшими большевистский переворот. Через несколько дней после событий 25 октября большевики нарушили неоднократные обещания, данные Лениным, о том, что, придя к власти, они гарантируют каждой политической партии, собравшей достаточное количество голосов, возможность издавать собственную газету[2]. В первые же дни большинство социалистиче-

[1] В ЦК 1 ноября 1917 г. См. официальный протокол в «Пролетарской революции», № 10 (1922), стр. 465-470.

[2] См., например, статью, опубликованную Лениным 15 сентября 1917 г., Ленин (изд. 4), т. 25, стр. 352.

ских, либеральных и консервативных газет было запрещено. Многим большевикам этот шаг казался нарушением партийной программы и к тому же несвоевременным — ввиду предстоящих выборов в Учредительное Собрание. Когда же 4 ноября ВЦИК принял декрет о предоставлении большевикам контроля над бумажными фондами, дававший им неограниченные возможности для закрытия враждебных режиму газет, «колеблющиеся» в знак протеста вышли из ЦК и отказались от своих постов в правительстве. Их поддержал и ряд других наркомов. Но «бунт» продолжался недолго, недовольные вскоре смирились и вернулись в ЦК, заняв прежние посты.

Переговоры о коалиции большевиков с меньшевиками и правыми эсерами зашли в тупик и сами собой прекратились[3]. Приближавшиеся выборы в Учредительное Собрание, назначенные Временным правительством на 12 ноября, грозили еще более осложнить положение большевиков. Частью ленинской кампании против Временного правительства было утверждение, будто только большевики в состоянии обеспечить проведение выборов. Совершенно очевидно, что при условии свободных выборов крестьяне отдали бы свои голоса эсерам. По тактическим соображениям Ленин даже счел необходимым обещать на II съезде Советов 26 октября: в случае поражения на выборах в Учредительное Собрание его партия подчинится воле «народных масс»[4].

Ленину очень хотелось отложить нежелательные выборы, но большевики еще недостаточно окрепли, чтобы игнорировать требования народа. Еще в 1915 году Ленин указывал на решающий фактор при созыве Учредительного

[3] О деталях переговоров о коалиции и отношениях с печатью см. Leonard Schapiro, *The Origin of the Communist Autocracy. Political Opposition in the Soviet State. First Phase, 1917-1922,* London, 1955, стр. 70-80.

[4] «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов», под ред. и со вступлением Я. А. Яковлева, Москва — Ленинград, 1928, стр. 57.

Собрания: кто будет стоять у власти в момент выборов[5]? В данный же момент контроль большевиков над страной был неполным, большевистские организации были слабыми, следовательно, возможности для подтасовки результатов выборов были невелики. Союзники большевиков — левые эсеры испытывали аналогичные трудности. В качестве новой, только что сформированной партии они не могли успешно соперничать с кандидатами основной эсеровской партии. Левые эсеры, стоявшие перед дилеммой: политическое банкротство или власть путем применения насилия, избрали, как и большевики, последнее. Да и в любом случае судьба левых эсеров после 9 декабря, когда некоторые их них вошли в Совнарком, была связана с большевиками.

По мере того как становились известными результаты выборов, в большевистских и левоэсеровских кругах стали поговаривать о применении силы в избирательной кампании[6]. Детальный анализ голосования показал, что «подавляющее большинство» избирателей голосовало свободно. В итоге в Учредительное Собрание из 707 делегатов было избрано: 370 эсеров, 175 большевиков, 40 левых эсеров, 17 кадетов и 16 меньшевиков, то есть большевики собрали меньше четверти поданных голосов. Половина страны голосовала за социализм, но против большевизма. По числу голосов, собранных в промышленных центрах и в армии, большевики шли впереди других партий[7]. Они заручились поддержкой воинских частей, расположенных в столице и

[5] «Весь вопрос в том, кто созовет его (Учредительное Собрание)», Ленин, т. 18, стр. 311.

[6] О взглядах Ленина по этому вопросу можно узнать из частного разговора в начале декабря 1917 г. См. Г. А. Соломон, «Среди красных вождей. Лично пережитое и виденное на советской службе», 2 тома, Париж, 1930, т. 1, стр. 17.

[7] Н. С. Мальчевский (ред.), «Всероссийское Учредительное Собрание», Москва — Ленинград, 1930, стр. 115; Oliver Henry Radkey, *The Election of the Russian Constituent Assembly of 1917*, Cambridge, Mass., 1950, стр. 57-58, 80 и вся глава 5.

в Москве, и это было самым важным[8]. 5 января, в день открытия Учредительного Собрания, 237 голосами против 136 отвергается большевистская декларация о санкционировании декретов, принятых II съездом Советов и предрешавших форму правления в России. Большевики и левые эсеры покинули зал, а на следующий день красногвардейцы не допустили остальных делегатов на очередное заседание. Учредительное Собрание закрылось. Инстинкт не обманул Ленина. Разгон Учредительного Собрания не вызвал большого возмущения ни в партии, ни в стране. Только два большевика — члена ВЦИК (одним был новичок Рязанов) голосовали против роспуска Учредительного Собрания. Невооруженная демонстрация, проведенная в столице по инициативе лидера эсеров Чернова[9], разгоняется красногвардейцами, причем несколько человек было убито и ранено. В середине января III Всероссийский съезд Советов после тщательной подтасовки результатов выборов подавляющим большинством одобряет разгон большевиками и левыми эсерами Учредительного Собрания.

Отказ от переговоров с социалистами и разгон Учредительного Собрания логически привел большевиков к революционному террору не только против традиционных врагов — буржуазии и правых в социал-демократическом движении, но и против всех инакомыслящих, будь то социалисты, рабочие или крестьяне. Органом, выполнявшим эту функцию, являлся отдел Военно-революционного комитета Петроградского Совета во главе с Дзержинским, который действовал в качестве карательного орудия партии до учреждения ВЧК (6 или 7 декабря 1917 года). II съезд Советов декретом от 26 октября 1917 года запретил смертную казнь, но ВЧК до официальной отмены декрета в июле 1918 года его просто

[8] На это указывал Ленин, когда анализ выборов был опубликован несколько лет спустя. Ленин, т. 24, стр. 638.

[9] См. Б. Соколов, « Защита Учредительного Собрания » из « Архива русской революции », т. 13, стр. 5-70.

игнорировал. В течение первых двух месяцев террор, однако, носил спорадический характер; он стал более организованным только с лета того года, после убийства нескольких большевистских лидеров и покушения на Ленина. Убийство царя, его семьи и даже прислуги 16-17 июля 1918 года явилось началом новой фазы красного террора. И если тогда террор усилился, став в какой-то мере средством самозащиты, то систематический произвол по отношению к политическим противникам допускался и поощрялся с самого начала деятельности большевиков.

Первые декреты нового правительства касались двух насущных вопросов — о земле и о мире: большевики хорошо понимали, чем можно вызвать симпатии крестьянства. Вопрос о мире, однако, породил серьезные разногласия между большевиками и левыми эсерами, а также между самими большевистскими вождями. В октябре 1915 года Ленин, пытаясь предсказать ход событий в случае победы пролетариата в России, связывал прекращение империалистической войны с «революционной войной» и заявлял, что после захвата власти большевики тотчас же предложат мир на условиях, которые империалистические державы наверняка отвергнут, и это вызовет цепь революций в капиталистических государствах и восстаний в колониальных и зависимых странах[10]. Такая тактика была взята на вооружение после Февральской революции: большевики деморализовывали армию, проповедуя братание, обещая скорый мир и призывая к «революционной войне», и одновременно с возмущением отрицали обвинение в намерении заключить сепаратный мир с Германией[11].

Немцев эта демагогия не обманула. Они понимали, что если русская армия будет деморализована, то и все надежды

[10] Ленин, т. 18, стр. 313, а также стр. 224 и 225 выше.

[11] Детали см. в моей книге *The Origin of the Communist Autocracy*, стр. 89-95.

на «революционную войну» окажутся иллюзорными, и Германии, в случае прихода большевиков к власти, удастся навязать России свои условия мира. Однако многие сторонники Ленина, в том числе и левые эсеры, были, не в пример немцам, введены в заблуждение его тактикой. Принятый II съездом Советов декрет о мире не встретил особых возражений, хотя он коренным образом отличался от проекта, намеченного Лениным в 1915 году. Вместо пламенного призыва к мировой революции большевики требовали немедленного перемирия и предлагали начать переговоры между всеми воюющими державами о «справедливых и демократических условиях мира». Большевики, настаивая в принципе на мире без аннексий, тем не менее подчеркивали, что декрет «ни в коем смысле» не представляет собой ультиматума и любые контрпредложения будут рассмотрены.

На большевистский призыв ко всем воюющим сторонам никто не обратил внимания и ответа на предложение общего перемирия не последовало. Главнокомандующий русской армией, не подчинившийся приказу большевиков предложить 7 ноября 1917 года перемирие противнику, был уволен с занимаемого поста и убит взбунтовавшимися солдатами. Большевики стали обращаться по радио непосредственно к солдатам, предлагая им взять дело мира в свои руки. 20 ноября начались переговоры со странами Германо-Австрийской коалиции, и 2 декабря было подписано перемирие. Таким образом, перед мирными переговорами с Германией и ее союзниками, назначенными на 9 декабря в Брест-Литовске, боевой дух и без того деморализованной армии оказался еще более подорванным.

На затяжных мирных переговорах, начавшихся 9 декабря, русскую делегацию возглавлял Нарком иностранных дел Троцкий. Ленин 7 января выступил за безоговорочное принятие немецких условий мира, и с этого момента Центральный Комитет партии вел нескончаемые прения, не будучи в состоянии решить, какой же курс является правильным. Разногласия в верхах партии отражали разброд

среди ее рядовых членов. При опросе местных Советов, проведенном в феврале (результаты его тогда не были оглашены), городские Советы высказались незначительным большинством за продолжение войны, а сельсоветы — тоже незначительным большинством — за мир. Петроградский Комитет и Московское областное бюро стояли за революционную войну. Немецкий ультиматум был неизбежен, и Троцкий, пытаясь его предотвратить, декларировал, что Россия, отказываясь подписать мир с аннексиями, в то же время не считает себя в состоянии войны со странами Германо-Австрийской коалиции. 18 февраля[12] немецкие войска возобновили наступление, и откладывать решение стало невозможно. Окончательное голосование в ЦК состоялось 23 февраля после предъявления Германией суровых условий мира, и Ленин требовал их принятия, угрожая в противном случае уйти в отставку. Это возымело действие. Из 15 делегатов ЦК семь проголосовали за мир, четверо против, четверо воздержались. Сталин и Зиновьев поддержали Ленина, Троцкий воздержался, Бухарин голосовал против мира.

Решение подчиниться условиям мира и отдать часть России странам Германо-Австрийской коалиции потрясло партию до самых ее основ. Вопрос заключался не только в целесообразности и необходимости, по выражению Ленина, купить время, жертвуя пространством. Для сторонников революционной войны принятие навязанного империалистами несправедливого мира означало предательство революционного долга. Они доказывали, что хотя армия деморализована, население сохраняет боевой дух, и поэтому революционная и, возможно, партизанская война — не безнадежная иллюзия. Но Ленин и его сторонники, в том числе Сталин, Зиновьев и даже Троцкий, безоговорочно отвергли альтернативу революционной войне. Помимо других соображений, они прежде всего отдавали себе отчет в том, что курс на

[12] 31 января 1918 г. в России был введен новый стиль.

продолжение войны означал бы конец их шаткой власти над страной: еще сохранившие боеспособность воинские части настроены антибольшевистски, и при патриотическом подъеме, который охватит страну в случае возобновления военных действий, пораженчески настроенные большевики будут сметены. (Как показывает анализ ситуации, сделанный в то время Германским Министерством иностранных дел, немцы предвидели, что именно это соображение большевиков окажется решающим). Мир был подписан 3 марта 1918 года[13].

Решение принять немецкие условия мира положило конец коалиции с левыми эсерами: возмущенные, они вышли из правительства с тем, чтобы поднять страну на революционную войну. Внутри большевистской партии подписание Брестского договора привело к возникновению открытого оппозиционного течения, ставшего известным под названием «левого коммунизма», во главе с Бухариным. Уход левых эсеров большого значения не имел. Они, будучи крайними революционерами-идеалистами, как правило, отвергали любые компромиссы, совершенно необходимые в большой по-

[13] Другие подробности и источники см. в *The Origin of the Communist Autocracy*, гл. vi. Вопрос о том, повлияла ли финансовая помощь Германии на решение Ленина заключить мир на немецких условиях, не может быть окончательно решен из-за недостатка конкретных данных. Согласно документам Германского Министерства иностранных дел, 10 ноября 1917 г. было ассигновано 15 млн. марок «на политическую пропаганду в России». По немецким сведениям, новое правительство стояло на грани банкротства, но после подписания мира германский посол в Москве Мирбах ходатайствовал о «продолжении их власти». Вскоре после этого он получил разрешение использовать «более крупные суммы», и на эту цель было ассигновано 40 млн. марок, но ввиду убийства Мирбаха 6 июля 1918 г. деньги эти, возможно, в Россию так и не попали. Германское Министерство иностранных дел также утверждало, что «значительные суммы» были использованы Мирбахом на то, чтобы «уговорить» съезд Советов ратифицировать Брестский мир. См. Z. A. B. Zeman, Germany and the Revolution in Russia 1915-1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry, Oxford, 1958, Документы № № 75, 92, 124, 128, 129, 131, 132, 133, 135.

литике, и их союз с большевиками объяснялся двумя причинами: стремлением обеспечить мир и раздать землю крестьянам. Когда же эсеры воочию увидели провал той утопии, о которой они мечтали, союз рухнул. Трещина в этом союзе появилась еще до начала переговоров с Германией, и большевики, всегда рассматривавшие союз с эсерами как временный тактический прием, были рады разрыву, хотя в первые критические дни большевистской власти коалиция с левыми эсерами оказала Ленину немалую услугу: во-первых, дала большевикам возможность утверждать, что они пользуются поддержкой крестьянства, во-вторых, удовлетворила требование о создании коалиционного правительства.

Агитация левых эсеров против мира с Германией усилилась и достигла наивысшей точки 6 июля 1918 года, когда в Москве и Петрограде вспыхнул мятеж и был убит германский посол фон Мирбах. Восстание не было организованным и его легко подавило правительство, хотя оно и располагало в тот момент сравнительно небольшими вооруженными силами. Но эсеровский мятеж явился для большевиков полезным предупреждением: если они не сохранят единства своих рядов, то лишатся власти. Мятеж также укрепил убеждение большевиков, что только один шаг отделяет оппозицию от вооруженного восстания, и это оправдывало в их глазах систематический красный террор, направленный против всех политических противников.

Бунт левых коммунистов, возглавляемых Бухариным, не был поддержан ни одним из так называемых «колеблющихся» большевиков, противостоявших Ленину в вопросе о коалиции. Эти оппозиционные течения на деле весьма отличались друг от друга: одно было основано на крайнем революционном энтузиазме, другое — на нерешительности или страхе. К левым коммунистам не примкнули и те большевики, которые расходились с Лениным до революции по ряду вопросов. Такие бывшие оппозиционеры, как Рыков и Ногин, оправившись от шока, перенесенного в ноябре 1917 года, оставались верными Ленину до конца. Левокоммунистиче-

ская оппозиция объединила ряд видных большевиков, несколько членов ЦК (в том числе Александру Коллонтай) и Инессу Арманд, взгляды которых определялись скорее чувством, чем разумом. Левые коммунисты возражали против предлагаемого мира, считая его изменой международной идее социализма, капитуляцией перед империализмом и осквернением чистоты большевизма ради временных выгод. Хотя сначала они пользовались значительной поддержкой рядовых членов партии, у которых ультрареволюционные призывы всегда находили немедленный отклик, короткий период — между принятием немецких условий 23 февраля 1918 года и ратификацией мирного договора 15 марта 1918 года — напряженной и совершенно свободной дискуссии в партии сильно сократил число сторонников левых коммунистов. На VII съезде партии, заседавшем 6-8 марта 1918 года, резолюция Бухарина против мирного договора была без труда отвергнута. Неделей позже, на IV чрезвычайном Всероссийском съезде Советов, где за ратификацию договора проголосовало подавляющее большинство делегатов, группа левых коммунистов довольствовалась тем, что воздержалась от голосования[14].

Как и «колеблющиеся», левые коммунисты зашли слишком далеко, чтобы иметь возможность отступить. Брестский договор являлся логическим завершением ленинской тактики захвата власти, которую левые коммунисты в свое время полностью одобряли. Несмотря на жесткие условия, договор давал большевикам (или коммунистам, как они стали себя называть после VII съезда) необходимую передышку, но цену за нее пришлось заплатить высокую. По условиям мира Россия отказывалась от всех прав на Ригу и на часть территории Лифляндии, отдавала всю Курляндию, Литву и часть Белоруссии, соглашалась вывести войска из Эстонии, Лифляндии, Финляндии и Украины, уступала Турции Карс,

[14] См. *The Origin of the Communist Autocracy,* гл. viii.

Ардаган и Батум на Кавказе и признавала правительство Украины, пользовавшееся поддержкой Германии. Правда, было достигнуто соглашение об отказе от репараций. В экономическом отношении договор означал потерю 27% посевной площади, 26% населения, 26% железных дорог и трех четвертей производства железа и стали[15].

Передышка была короткой. К началу лета 1918 года советская власть оказалась втянутой в Гражданскую войну. Победа Красной Армии в Гражданской войне — крупнейший успех коммунистической партии: и организация и снабжение Красной Армии были в основном ее делом. Троцкий, назначенный Наркомом военных и морских дел, несомненно сыграл выдающуюся роль при организации Красной Армии. Пренебрежительным отношением к самолюбию своих коллег, когда того требовали интересы страны, Троцкий нажил себе много врагов, и они не забыли и не простили обид. Первое столкновение между Сталиным и Троцким произошло именно во время Гражданской войны. Достижения Троцкого как политического организатора армии не менее важны, чем его чисто военные успехи. Беспощадная дисциплина и фанатизм коммунистов были особенно нужны в крестьянской по своему составу армии, где дезертирство, безразличие и отсутствие боевого духа могли оказаться гораздо опаснее, чем нехватка вооружения и недостатки тактической выучки. В конечном итоге победу принес, как признал Троцкий, тот факт, что из двух зол — белых и коммунистов — крестьяне предпочли коммунистов[16].

Гражданская война наложила неизгладимый отпечаток на коммунистическую власть. В течение трех лет кучка людей, убежденных в своей исторической миссии, отбивалась от осаждавших их со всех сторон врагов, справляясь с неимо-

[15] Основано на официальных подсчетах, сделанных несколько позже. См. A. L. P. Dennis, *The Foreign Policies of Soviet Russia*, London, 1924, стр. 40.

[16] Л. Троцкий, «Как вооружалась революция», 3 тома, Москва, 1923-25, т. 1, стр. 14-21, т. 3, стр. 7.

верными трудностями. Правда, они сами наживали себе врагов, игнорируя волю большинства населения страны и бросив вызов всему миру. Правда и то, что во многих трудностях была повинна их сектантская непримиримость. И все же они вышли победителями из страшной схватки с многочисленными и сильными врагами, твердо убежденные в правоте своего дела.

Снабжение Красной Армии во время Гражданской войны во многом зависело от политики коммунистов в отношении крестьянства и промышленного производства. В армии Троцкому удалось подчинить марксистские теоретические положения практике текущего момента, чего нельзя сказать о его коллегах, имевших дело с промышленностью и сельским хозяйством. Напомним, что большевистская аграрная политика предусматривала «национализацию» всех земель, и начиная с 1906 года, большевики боролись против меньшевистского плана «муниципализации» земли. На VI съезде в августе 1917 года большевики вновь подтвердили верность своей старой аграрной программе. Но возможность претворить теорию в жизнь оказалась ограниченной. Прежде всего, перспектива централизованного государственного контроля над землепользованием мало привлекала крестьянство. Большевистская агитация накануне октября 1917 года, пытаясь привлечь крестьян на свою сторону, обещала удовлетворить их земельный голод и подстрекала к захвату помещичьих земель. Но, захватив власть, большевики сразу же и без всяких колебаний отбросили свой курс на национализацию и приняли аграрную программу эсеров. Эсеровский план, отменявший земельную собственность, куплю-продажу и аренду земли, предусматривал раздел всех земель между трудящимся крестьянством; земля должна быть разделена соразмерно численности семьи, продуктивности почвы и другим показателям. Практически такого рода раздел оставлял нетронутой существующую систему мелкого землевладения. Как впоследствии признал Ленин, принятие большевиками программы их противников было тактическим

приемом для привлечения крестьянства[17]. Захват и раздел земли произошел по почину самих крестьян. Кстати, результаты показали всю несостоятельность эсеровского плана: раздел не утолил земельного голода. В большинстве губерний крестьянские хозяйства увеличились только на полдесятины, а то и меньше. Отчасти это объясняется тем, что около 8 млн. горожан хлынуло в деревню, требуя себе земельного надела и сокращая тем самым долю крестьян. Главным достижением реформы в крестьянском понимании было уничтожение помещиков[18].

Дальнейший ход большевистской аграрной политики был в еще большей степени продиктован практическими соображениями. Развалив старый аппарат распределения и запретив частную торговлю, новая власть обнаружила, что крестьяне отказываются поставлять продовольствие, не получая ничего взамен. К лету 1918 года поставки продовольствия катастрофически упали. Тогда коммунисты попытались разрешить вопрос силой. До сих пор их свобода действий была несколько ограничена союзом с левыми эсерами. Но после разрыва между партиями исчезло и это препятствие. Беспощадная война, развязанная против крестьянства после мая 1918 года, кое-как прикрытая лозунгом «классовой борьбы», была одной из причин июльского восстания левых эсеров. Новая политика сочетала три меры: ввод системы обмена промышленных товаров на зерно; учреждение так называемых «комитетов бедноты», то есть организаций беднейших крестьян, занимавшихся изъятием продуктов у более зажиточных крестьян; создание вооруженных «продотрядов», деятельность которых Ленин назвал «крестовым походом» за хлебом. На практике только последняя из трех

[17] Ленин, т. 26, стр. 446.

[18] Точные цифры увеличения крестьянских наделов в результате захвата, основанные на официальных данных, приведены у С. Н. Прокоповича, «Народное хозяйство СССР», Нью-Йорк, 1952, т. 1, стр. 132-134.

мер дала определенные результаты. Скудные запасы товаров, предназначенных для обмена, попадали, в основном, в руки «комитетов бедноты». Комитеты присваивали «излишки» хлеба себе, раздувая в деревне пожар классовой войны. К концу 1918 года их деятельность вызвала волну восстаний во многих районах страны, и комитеты были распущены.

Как уже говорилось, ленинский «крестовый поход» за хлебом дал положительные результаты. В период с 1918 по 1920 год продотрядам, насчитывавшим от 20.000 до 45.000 человек, удалось отобрать у крестьян такое количество продуктов сельского хозяйства, которое составляло примерно половину поставок продовольствия в 1914-1917 годах. Провал попытки создать независимую от рынка систему продовольственных поставок наглядно доказывается тем фактом, что, несмотря на жестокие репрессии, нелегальный «черный рынок» поставлял больше продуктов питания в города, чем государственная торговая система[19]. Другим положительным результатом «крестового похода», с коммунистической точки зрения, явилось укрепление позиций рабочего класса в деревне: во время Гражданской войны диктатура пролетариата была единственным средством контроля над политически ненадежным крестьянством.

Даже такой «чистый» теоретик, как Бухарин, оправдывал жесткую политику большевиков по отношению к деревне тем обстоятельством, что крестьяне нуждаются в сильном пролетарском государстве для защиты от помещиков, и, следовательно, конфискация продуктов их труда служит их же интересам. Крестьяне, однако, такую точку зрения не разделяли, и экономические последствия большевистской политики были катастрофическими. Вынужденные отдавать хлеб под дулами пулеметов, не получая взамен остро необходимых

[19] Там же, стр. 148 и след.

промышленных товаров, крестьяне просто прекратили работать. К 1921-1922 годам валовое производство сельскохозяйственных продуктов сократилось наполовину по сравнению с 1913 годом, а посевная площадь — на одну четверть. Тем временем Гражданская война заканчивалась. Дезертиры и возвращавшиеся домой солдаты усилили бунтарские настроения в деревне. К концу 1920 года крестьянские восстания приняли повсеместный характер. Появились крупные (в несколько десятков тысяч человек) вооруженные банды, уничтожавшие продотряды. Все это напоминало настоящую партизанскую войну. Лозунг крестьян был прост: «Бей коммунистов!»[20]. Красная Армия, одержавшая победу в Гражданской войне, состояла в основном из крестьян, но после Гражданской войны, как признал Ленин, «подавляющее большинство» крестьян стало относиться враждебно к коммунистической власти.

Итак, в аграрном вопросе партия руководствовалась главным образом практическими соображениями и не пыталась во время Гражданской войны претворять в жизнь свои теории. Даже развязывание классовой войны в деревне, теоретически оправданное, явилось побочным результатом обязательной продразверстки. В промышленности положение было иным. Здесь мероприятия, продиктованные тактическими соображениями, связывались с теоретической предпосылкой — стремлением немедленно ввести «коммунизм». Кроме теории, было страстное желание разбить старую общественную и хозяйственную систему, создать вакуум, чтобы заполнить его новым содержанием. Во время Гражданской войны достичь этого было трудно. Потеря в результате Брестского договора значительной части ресурсов, нужды фронта, сокра-

[20] См. «Революционная Россия», Таллин, № 6, апрель 1921, стр. 23-28 (Тамбов); № 11, август 1921, стр. 22-25 (Украина); № 14/15, ноябрь-декабрь 1921, стр. 33-36 (Тобольск). Ср. речь Скворцова-Степанова, «X съезд», стр. 69-72.

щение поставок продовольствия из деревни, разруха, вызванная эпидемиями и Гражданской войной — все это, вместе взятое, сделало невозможным какое-либо социалистическое планирование. В течение нескольких послереволюционных лет большевикам не удалось установить действенного контроля над расстроенным промышленным и административным аппаратом. Вся расхлябанная промышленная машина мало-помалу застопорилась, и, так же как в деревне, появились грозные признаки бунта. Но «военный коммунизм» (так впоследствии назвали период между серединой 1918 и весной 1921 года) добился укрепления государственного капитализма, что, по выражению Ленина, явилось решающим шагом на пути к социализму.

Одним из первых указов новой власти был декрет от 14 ноября 1917 года о рабочем контроле над промышленностью. Эта примитивная, но популярная мера рассматривалась большевиками после Февральской революции как средство, во-первых, заручиться поддержкой рабочих и, во-вторых, вызвать общую разруху. В течение нескольких месяцев система рабочего контроля привела к катастрофе. Не имеющие опыта управления рабочие приветствовали новую систему, при которой они могли безнаказанно сводить счеты с хозяевами и администрацией предприятий, повышать оплату своего труда, не думая об экономической стороне дела. С середины 1918 года коммунисты пытались противодействовать анархии, вызванной системой рабочего контроля, и восстановить такие черты капиталистического хозяйствования, как трудовая дисциплина, единоначалие и современные производственные методы.

Явная неудача рабочего контроля ослабила влияние его восторженных поклонников — левых коммунистов. Эта группа вскоре после ратификации мирного договора отказалсь от идеи «революционной войны», но продолжала агитировать за другие ультралевые мероприятия, например, за широкую национализацию, опасаясь, что моральная измена социали-

зму, выразившаяся, по их мнению, в заключении мира с Германией, приведет к аналогичной измене коммунистическим принципам и во внутренних делах. Левокоммунистическая оппозиция распалась летом 1918 года, но ее наследие, сказавшееся в доктринерской, эмоциональной страсти к чистому, революционному социализму, вскоре привело к еще одной внутрипартийной оппозиции. Рабочие-коммунисты долго с сожалением вспоминали о блаженных, но кратких днях анархии «рабочего контроля».

В ходе Гражданской войны была проведена широкая национализация промышленных предприятий, вызванная не столько теоретическими соображениями, сколько иными факторами, такими, как карательная функция конфискации — единственного способа разрешения конфликтов, постоянно возникавших в период системы рабочего контроля. 28 июня 1918 года был срочно принят декрет о национализации всех крупнейших предприятий, по всей видимости, для предотвращения их перехода под немецкий контроль: как раз в это время обсуждался дополнительный экономический протокол к Брестскому договору. После принятия декрета процесс национализации продолжался уже беспрерывно, однако центральный орган — Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), созданный в конце 1917 года для руководства национализированными предприятиями, не справлялся со своими задачами. В августе 1920 года из 37 тысяч с лишним номинально национализированных промышленных предприятий 30 тысяч вообще не было учтено в центре. Однако после 1913 года процент служащих в государственном аппарате удвоился по сравнению с процентом рабочих, занятых на производстве. Работая без плана и без всякой системы через посредство сорока с лишним управлений, ВСНХ не мог обеспечить необходимых для ритмичного производства поставок сырья. Тот факт, что промышленность не оказалась полностью парализованной, объясняется существованием «подпольного» частного предпринимательства, и государствен-

ный аппарат почти целиком зависел от его снабженческой деятельности[21].

«Военный коммунизм» воплощал в себе все крайности «левой» теории и после его отмены оценивался Лениным каждый раз по-новому: то «военный коммунизм» якобы навязан большевикам Гражданской войной, то он будто бы являлся ошибочной политикой непосредственного перехода к социализму без предварительного периода, приспосабливающего старую экономику к экономике социалистической, то назывался правильной попыткой[22].

Главными чертами «военного коммунизма» были: предельно централизованное руководство; отказ от торгово-рыночных или денежных форм распределения, замененных формой «производство — потребление»; карточная система на основные товары и услуги, распределявшиеся бесплатно или по номинальным ценам; уравнительная система оплаты труда на заводах и фабриках. Все эти факторы, вместе взятые, катастрофически повлияли на промышленность. Нехватка продовольствия вызвала голод среди пролетариата. Уход горожан в деревню за хлебом сократил численность рабочего класса в два раза по сравнению с 1917 годом. К 1921 году валовое промышленное производство снизилось в три, а то и в четыре раза по сравнению с 1913 годом, а выпуск продукции на одного рабочего — еще больше. Голод, отсутствие материальной заинтересованности, правительственная политика, рассматривавшая попытки рабочих раздобыть хлеб в деревне как «спекуляцию» и сама не способная обеспечить город продовольствием, подорвали дух пролетариата к концу Гражданской войны. Стачки и беспорядки участились, и, как в царские времена, «экономический» протест

[21] Факты и цифры заимствованы гл. обр. из книги Л. Крицмана «Героический период великой русской революции», 2-е изд., Москва — Ленинград, 1926.

[22] Ленин, т. 26, стр. 388; т. 27, стр. 38 и 39, 60 и 61.

быстро перерастал в «политический» — на этот раз против коммунистической власти.

Очевидный провал «военного коммунизма» не поколебал уверенности коммунистических лидеров в том, что проблемы могут быть решены путем еще большей централизации, еще более строгого руководства и большего количества декретов. К концу 1918 года бывший меньшевик Ларин рекомендовал частичный возврат к свободной торговле с деревней, но большой поддержки не нашел. Одержал верх довод Ленина: только энергичная кампания против крестьян помешает им взять власти измором. Предложение Троцкого о разрешении ограниченной свободной торговли, выдвинутое в ЦК в начале 1920 года и очень похожее на введенный годом позже НЭП, было отвергнуто одиннадцатью голосами против четырех. В конце 1920 года ВСНХ принял новые меры по дальнейшей национализации[23].

Коммунистическая партия раздиралась внутренними разногласиями. Партийные органы не могли установить строгой дисциплины, а попытки навязать «единодушие» силой не стали еще узаконенной партийной практикой. Устав, утвержденный 8 конференцией РКП(б) в ноябре 1919 года, дозволял свободное обсуждение спорных вопросов внутри партии до принятия окончательного решения, и это правило соблюдалось до 1921 года. Гораздо меньше внимания уделялось другому пункту Устава, предоставлявшему партийным организациям право избирать собственные комитеты[24]: назначение комитетов сверху становилось общим правилом. В конце 1920 года политика и методы Ленина и стоявших за ним лидеров партии подверглись критике со стороны коммунистов-профработников и левой группы в партийном руководстве — наследников левых коммунистов. Но ни одно

[23] См. *The Origin of the Communist Autocracy*, стр. 215-217, где приведены источники.

[24] «КПСС в рез.», т. 1, стр. 462, 467.

из этих критических течений не было достаточно сильным, чтобы поколебать единство партии во время Гражданской войны. Оппозиционеры откладывали решение спорных вопросов на более спокойное время, которое придет после победы.

Несмотря на все репрессии, обеим социалистическим партиям — меньшевикам и эсерам — удалось пережить Гражданскую войну. Вдобавок ко всем неприятностям эсеры и меньшевики мозолили глаза коммунистам, служа постоянным напоминанием о тех предупреждениях, которые делались ими в прошлом. Но хотя и сильно потрепанные, они все же не были уничтожены. История их существования во время Гражданской войны довольно запутана и основательно искажена коммунистическими и некоммунистическими исследователями. Ни эсеры (за исключением злополучного левого крыла), ни меньшевики не поддержали захвата власти большевиками в 1917 году и поэтому были заклеймены как «контрреволюционеры». Если под термином «контрреволюция» понимать стремление к реставрации капиталистического строя, то меньшевиков и эсеров никак нельзя назвать «контрреволюционерами»: обе партии по очереди отвергли имевшиеся у них шансы сплотить вокруг себя действенную оппозицию против коммунистической власти, опасаясь, что это пойдет на пользу реакционным силам в Гражданской войне.

Вероятно, именно поэтому, пока шла Гражданская война, коммунисты, донимая обе социалистические партии арестами и административными репрессиями, терпели их существование. Положение изменилось к концу Гражданской войны. Хотя эсеры, как правило, не возглавляли начавшихся крестьянских бунтов, коммунисты предвидели, что потенциально они могут это сделать. Меньшевики, влияние которых среди рабочих после 1917 года заметно ослабло, быстро наверстывали упущенное, несмотря на все стоявшие на их пути препятствия. На выборах в 1920 году меньшевикам удалось провести 45 делегатов в Московский Совет, свыше 225 в Харь-

кове и значительные делегации в десятках других Советов. Во многих, если не во всех, профсоюзах меньшевики и их сторонники обладали подавляющим большинством по сравнению с малочисленными группами крайне непопулярных коммунистов, командовавших профсоюзными органами. По меньшей мере в трех профсоюзах меньшевики преобладали до 1921 года. Зиновьев, всегда склонный к преувеличению, оценивал в 1921 году общее число некоммунистов в профсоюзах в 90-99 процентов. Даже Троцкий признавал, что антикоммунисты «очень многочисленны». Более тревожным, с коммунистической точки зрения, был тот факт, что с 1920 года и коммунисты начали с уважением прислушиваться к меньшевикам в профсоюзах. Прошли времена 1918 и 1919 годов, когда само слово «свобода» в устах меньшевика вызывало у коммунистов свист, улюлюканье и возгласы: «Позор!» Приближалось время, когда социалистические партии должны были быть либо легализованы, либо уничтожены[25].

* * *

Отрезанное от внешнего мира и поглощенное насущными проблемами Гражданской войны, новое советское государство, тем не менее, заложило в эти годы основы своей внешней политики. Почти с самого начала вопросами внешней политики занималась партия, а не Народный комиссариат иностранных дел. Короткое время пост Наркоминдела занимал Троцкий. Динамическая личность с собственными воззрениями, Троцкий не был склонен консультироваться со своими коллегами и тем более прислушиваться к их доводам. В течение двух недель между подписанием мира 3 марта 1918 года и его ратификацией Троцкий вел конфиденциальные переговоры с державами Антанты, пытаясь заручиться

[25] Я разобрал детально политику и судьбу меньшевиков и эсеров в *The Origin of the Communist Autocracy*, гл. ix и xi.

их помощью в войне с Германией. Ленин и другие сторонники мира, вроде Сталина, весьма неохотно дали согласие на ведение переговоров, которые провалились. Позднее Троцкий и его сторонники обвиняли друг друга в провале. После назначения Троцкого Наркомом обороны опыт предоставления Наркоминделу свободы действия в руководстве внешней политикой уже никогда больше не повторялся. Новый Наркоминдел Г. В. Чичерин (бывший меньшевик) не был даже членом ЦК. Ответственность за внешнюю политику переходила во все возрастающей степени в руки ЦК, а позднее — Политбюро, учрежденного в 1919 году. К концу своей жизни Ленин одобрил «слияние» (как он назвал этот процесс) партии и правительственного органа — Наркоминдела[26]. В этом слиянии Наркоминдел играл подчиненную, исполнительскую роль.

Пока вопрос о мире не потряс основ партии, проблема внешних сношений почти не рассматривалась. Все полагали, что русскому примеру неизбежно и очень скоро последуют другие европейские народы, или, по крайней мере, убеждали себя в этом, считая в противном случае новый русский режим обреченным. Брестский мир внес новую поправку в теорию мировой революции. Отныне, подчеркивал Ленин в своих тезисах о сепаратном мире, в России пришло к власти социалистическое правительство и все внешнеполитические вопросы должны решаться *исключительно* в интересах развития и укрепления в ней социалистической революции[27]. Это не означает отказа от мировой революции, а является практическим признанием неперманентности мировой революции; дальнейшее существование и мощь единственного революционного государства будут лучшей гарантией распространения революции на другие страны. Левые коммунисты 20 апреля 1918 года с некоторой

[26] Ленин, т. 27, стр. 413.
[27] Ленин, т. 22, стр. 194.

горечью поставили точки над «и» в своей политической программе: «Во внешней политике, — предсказывали они, — наступательная тактика разоблачения империализма сменяется дипломатическим маневрированием Российского государства посреди империалистических держав. Советская республика не только заключит с ними торговые сделки, но может завязать органические связи, экономические и политические, пользоваться их военной и политической поддержкой (возможно заключение займов)»[28]. Левые коммунисты не предвидели, что все это не помешает новому государству раздувать пожар мировой революции.

Дипломатические маневры могут сочетаться с развитием революции, и это подтвердилось в 1919 году, решающем году Гражданской войны. Интервенция Антанты началась во второй половине 1918 года. Английские войска высадились 2 августа в Архангельске и 14 августа в Баку. Япония и Англия высадили десант во Владивостоке 3 августа, а за ними последовали американские и французские отряды. Но вооруженные силы интервентов были малочисленны и не имели большого военного значения, а разногласия в странах Антанты по вопросу интервенции общеизвестны. Одно время, в январе 1919 года, казалось, что советский призыв к миру, направленный президенту Вильсону 24 декабря 1918 года, приведет к устранению конфликта. Но перспектива поражения большевиков в Гражданской войне казалась очень близкой, и к марту 1919 года надежды на переговоры со странами Антанты исчезли. Приблизительно в то же время Ленин объяснял VIII съезду партии: «Существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов

[28] В политической программе или тезисах левых коммунистов, перепечатанных у Ленина, т. 22, стр. 561-571, из первого выпуска фракционного журнала «Коммунист», публиковавшегося одно время левыми коммунистами в Москве.

либо одно, либо другое победит», но до тех пор «ряд самых ужасных столкновений неизбежен». К этой мысли он часто возвращался, выводя из нее мораль: пока советское государство не наберется сил, чтобы разбить своих заклятых врагов, его политика должна быть направлена на использование противоречий между капиталистическими державами[29].

Призыв к миру и сопровождавшие его пробные переговоры были только одной стороной двуличной советской внешней политики, сочетавшей дипломатию с одновременным разжиганием мировой революции. Так, именно во время переговоров с державами Антанты, более того, на самом многообещающем их этапе, 24 января 1919 года, были разосланы приглашения на Учредительный конгресс нового, Третьего Коммунистического Интернационала. Образование Третьего Интернационала (Коминтерна), о котором мечтал Ленин еще в сентябре 1914 года, состоялось в Москве 4 марта 1919 года. Непредставительный — на деле, если не на бумаге, — конгресс был скорее пропагандистским жестом, чем серьезным мероприятием. Но пропаганда не была безуспешной: результаты ее оказались достаточными, чтобы сохранить надежду на близкие революции. Призыв Коминтерна к пролетариату всего мира сплотиться для поддержки советского строя в России вызвал волну забастовок, прокатившихся по истерзанной и дезорганизованной войной Европе. В это время советские руководители, сражавшиеся за свое существование, проявили отменную терпимость к идеологическому разнобою в зарождавшихся европейских коммунистических движениях.

Первым ясным указанием на то, что зарубежные коммунистические партии должны повиноваться директивам своих русских товарищей, была публикация в июне 1920 года ле-

[29] Ленин, т. 23, стр. 292-293, ноябрь 1918 г.; т. 24, стр. 122; т. 25, стр. 498-513 (речь в ноябре 1920 г.).

нинской брошюры «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме». Написанная с большой страстностью, она содержит детальные указания, касающиеся тактики, которой надлежало придерживаться только что возникшим коммунистическим партиям в разных странах, и толкует опыт русской партии применительно ко всем передовым, промышленным странам с развитыми профсоюзными и парламентскими системами. Главная тема брошюры состоит в осуждении ультрареволюционной романтики, необдуманно отвергавшей использование заложенных в демократических системах возможностей. Ленин впервые признал, что большевистский бойкот Первой Думы был ошибкой. Английским коммунистам, например, следует «в случае необходимости идти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды», лишь бы проникнуть в профсоюзы и закрепиться в них. Им следует научиться поддерживать лидеров лейбористской партии, «как веревка поддерживает повешенного». Аналогичные советы давались коммунистам других стран. Но Ленин осуждал «левизну» не только в целях разработки правильной тактики для зарубежных партий. К этому времени симптомы «детской болезни» обнаружились и у русских коммунистов, и Ленину было важно дискредитировать левые элементы в партиях других стран, к которым в будущем могли бы обратиться за поддержкой русские левые оппозиционеры.

На II Конгрессе Коминтерна в июле-августе 1920 года Зиновьев, председатель Исполкома Интернационала с момента его создания и своего рода «швец и жнец» при Ленине, предпринял первый шаг к преобразованию Интернационала из добровольной федерации в «единую всемирную коммунистическую партию», в которой национальные коммунистические партии стали бы подчиненными секциями. Конгресс принял двадцать одно условие членства и внутренней дисциплины отдельных партий. Эти условия были нацелены на перестройку всех коммунистических партий по русскому образцу и на исключение склонных к неподчинению

беспокойных левых группировок. Конгресс также выработал резолюции о колониальных и полуколониальных территориях, которым русские коммунисты, особенно Ленин, придавали первостепенное значение, рассматривая колониальные и зависимые страны как самые слабые места в броне империалистических держав. Ленинские тезисы о колониализме, принятые делегатами после некоторых поправок, стали политикой Интернационала: отныне коммунистам надлежало стремиться к образованию «тесного союза всех национальных и колониальных освободительных движений с Советской Россией» и к поддержке «буржуазно-демократических» национальных движений. Из-за сомнений некоторых оппонентов Ленина «буржуазно-демократические» движения превратились в окончательном тезисе резолюции в «национально-революционные» движения, однако смысл остался тем же: коммунистам вменялось в обязанность поддерживать националистические буржуазные движения, если такая поддержка шла на пользу Советской России и ослабляла империалистов[30].

Первые шаги на пути к полному подчинению коммунистических партий русской партии были, таким образом, сделаны летом 1920 года. Хотя на конгрессе Коминтерна раздавались несогласные голоса, подавляющее большинство приняло советское руководство без всяких колебаний. Престиж первой страны, где власть завоевала коммунистическая партия, был неоспорим. А пока заседал конгресс, Красная Армия победоносно рвалась к воротам Варшавы. Все больше возникало надежд на грядущую революцию в Европе.

[30] См. *The Communist International 1919-1943*. Documents. Selected and edited by Jane Degras, vol. 1, Oxford, 1956, стр. 127 и сл., 138-144, 166-172.

11. ВЛАСТЬ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ПОД УГРОЗОЙ

После победы в Гражданской войне в конце 1920 года вопрос о самом существовании партийной диктатуры встал с новой остротой. Страна была охвачена крестьянскими бунтами, угрожающие формы начало приобретать и недовольство пролетариата.

Власть коммунистической партии была непопулярна и раньше, но пока шла Гражданская война, ее как-то терпели. Большинство народа мирилось с ее существованием не из симпатий к ней, а единственно из страха перед возможным возвращением помещиков. Но как только война закончилась и реставрация старого строя стала маловероятной, зашатались самые основы этой непопулярной власти.

Оппозиционные течения, объединявшие недовольных руководством, усилились и внутри самой партии. Существовали они и раньше, но до той поры не заявляли о себе достаточно определенно, потому что жесткие условия Гражданской войны требовали от всех членов партии абсолютной лояльности. Теперь они заявили о себе более открыто, образовалось два центра, вокруг которых группировались недовольные.

Первый центр, ставший известным под названием «Рабочая оппозиция», лидером которой был Шляпников, сам в прошлом рабочий, состоял из коммунистов, работавших в руководстве профсоюзов. К тому времени с помощью насилия и различных махинаций при голосовании ком-

мунисты обеспечили себе доминирующее положение в руководящих органах почти всех профсоюзов. Но следует заметить, что даже оппозиционно настроенные профработники-коммунисты воспринимали этот факт как естественный и закономерный. Не вызывали у них возражений и методы, при помощи которых из этих органов вытеснялись представители других партий, например, меньшевики. Их расхождения с политикой партийного руководства касались в основном только трех вопросов.

Во-первых, практика поощрявшегося Лениным — после провала политики рабочего контроля над производством — использования беспартийных «спецов». Эта уступка насущным нуждам промышленности возмущала многих радикально настроенных рабочих- коммунистов и воспринималась ими как «уступка классовому врагу» и как «проявление недоверия к рабочему классу». Во-вторых, недовольство этих коммунистов вызывалось растущей тенденцией центральных партийных органов игнорировать партийную демократию в таких вопросах, как выборность местных профсоюзных комитетов, и подменять эту выборность назначениями сверху. В своей авторитарной практике центр исходил из необходимости сохранить власть в профсоюзах в руках непопулярного меньшинства перед лицом сильной оппозиции со стороны рабочих-некоммунистов. Участники же «Рабочей оппозиции», воспринимая свое монопольное положение как должное и восставая против партийной дисциплины, фактически противились тем методам, без которых их положение не могло быть прочным. Лишив свободы большинство своих товарищей, они требовали свободы для самих себя.

Третьим пунктом разногласий между рядовыми коммунистами в профсоюзах и партийным руководством был вопрос о функциях профсоюзов. До 1922 года партийные лидеры считали, что поскольку в социалистическом государстве не может возникать никаких конфликтов между рабочими и их «собственной» властью, роль профсоюзов должна быть ограничена борьбой за трудовую дисциплину и за повышение

производительности труда. Согласно этому взгляду, вполне достаточно, если организованный рабочий класс будет представлен во всех центральных партийных и государственных органах коммунистическими лидерами профсоюзов — — как правило, не избираемыми, а назначаемыми. Рядовые профработники не желали, чтобы эти лидеры говорили за рабочих-коммунистов. К концу 1920 года оппозиционно настроенные профработники потребовали, чтобы вся промышленность была поставлена под контроль центрального органа, выбранного непосредственно союзами, то есть фактически теми, кто почти монопольно пользовался в них правом голоса — коммунистами из профсоюзных комитетов. Это требование опиралось на статью партийной программы 1919 года, согласно которой профессиональные союзы «должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством», хотя это положение игнорировалось на практике.

Другой центр оппозиции состоял из так называемых «демократических централистов». Лидерами этого течения были, в основном, бывшие «левые коммунисты», за исключением Бухарина, который теперь к ним не примыкал. Недовольство их вызывалось ростом авторитарных тенденций в партийном центре. Их толкование принципа демократического централизма в партии коренным образом отличалось от ленинского. Так, один из видных представителей этого направления, выступая на IX съезде партии, заявил следующее: «Тов. Ленин говорит, что суть демократического централизма состоит в том, что съезд (партии) избирает Центральный Комитет, а Центральный Комитет затем руководит (партией). Мы с этим несколько фантастическим взглядом согласиться не можем». Был ли этот взгляд, которого Ленин придерживался минимум с 1902 года, фантастическим или не был, об этом спорить уже не приходилось. Демократические централисты требовали предоставить больше прав исполкомам местных Советов. Как и участники «Рабочей оппозиции», они принимали как должное подтасованные выборы, обеспечивавшие

коммунистам большинство в этих Советах, но возмущались растущей централизацией, с помощью которой Ленин и его коллеги удерживали власть над партией[1].

Анализ состава этих двух оппозиционных движений в партии показывает, что, хотя многие из их руководителей были интеллигентами, большинство видных сторонников оппозиции в прошлом или даже в настоящем были промышленными рабочими. Эти рабочие в большинстве своем были людьми относительно молодыми: около трети из них вступило в партию до 1904 года, еще одна треть — между 1908 и 1913 годами[2].

Пока шла война, оба эти течения особых хлопот руководству не доставляли. Однако к концу 1920 года железная дисциплина, которой перед лицом общей опасности они беспрекословно подчинялись, многим рядовым членам партии стала казаться чрезмерной. Брожение в рядах партии в целом вызвало кризис и в ее верхах. Непосредственной его причиной была политика Троцкого, который, все еще сохраняя за собой руководство армией, с присущей ему энергией взялся за ликвидацию тяжелого положения в промышленности. В противоположность Ленину, чье мастерство руководителя состояло в том, что он всегда говорил несколько меньше того, что собирался сделать, методы Троцкого отличались прямолинейной откровенностью, расчетом на разжигание революционного энтузиазма. Он совершенно недвусмысленно заявлял, что методом пролетарской революции является железная дисциплина, которой в интересах производства должны подчиняться и профсоюзы.

Назначенный Наркомом транспорта, а позднее председателем откровенно диктаторского так называемого Центрального Комитета по транспорту (Цектрана) он, не теряя вре-

[1] Другие подробности об этих двух оппозиционных течениях даны в моей книге *The Origin*, в главе xii.

[2] Эти сведения заимствованы из диссертации С. В. Утехина, *The Origin of the Ruling Class in Soviet Society.*

мени, начал претворять свои теории в жизнь. Катастрофическое состояние транспорта требовало суровых мер, и меры эти полностью одобрялись ЦК. Но методы Троцкого вызвали вопли негодования у коммунистов в профсоюзах, которые и раньше требовали демократизации внутрипартийных отношений. Вызвали они недовольство и среди рядовых членов партии — недовольство не только Троцким, но и общим курсом центральных органов. К концу 1920 года споры из партийных низов «перекочевали» в ЦК. Конечно же, ни один из девятнадцати членов ЦК не разделял взглядов ни «Рабочей оппозиции», ни демократических централистов; напротив, взгляды эти категорически отвергались всеми верховными руководителями партии хотя бы просто потому, что ставили под вопрос безграничность их власти. ЦК раскололся по вопросу: нужна или не нужна более жесткая партийная диктатура и дисциплина[3].

Очевидно, что в случае свободных споров и свободного голосования более «либеральная» фракция оказалась бы более популярной. В эту фракцию, состоявшую из десяти человек и возглавлявшуюся Лениным, входили также Зиновьев, Каменев, Сталин и оба профсоюзных руководителя — Томский и Рудзутак. Троцкого поддерживали Бухарин, главарь ВЧК Дзержинский и три руководителя Секретариата — Крестинский, Преображенский и Серебряков. Раскол вызвало внесенное Лениным предложение о немедленном упразднении непопулярного Цектрана. Все попытки найти компромиссное решение кончились неудачей. Единственным выходом из тупика было обращение ко всем членам партии, в котором предлагалось решить этот спор в открытой дискуссии. В январе 1921 года сущность этого спора была преподнесена партии как конфликт между ее более умеренным, примирительно настроенным крылом и крылом более крайним,

[3] Этот конфликт детально разобран в книге *The Origin*, гл. xiv, где указаны источники.

суровым, диктаторским[4]. Адъютант Ленина Зиновьев, партийный заправила Петрограда, славившийся своей беспощадностью, теперь первый обличал Троцкого как диктатора. Впрочем, антагонизм между Зиновьевым и Троцким был характерным для взаимоотношений партийных лидеров, начиная с 1918 года, если не раньше. Зиновьев теперь повсюду воспевал светлое торжество партийной демократии, которому препятствует только железная хватка Троцкого. В своей неприязни к Троцкому он зашел так далеко, что начал расшатывать авторитет последнего в Балтийском флоте, на его главной военно-морской базе в Кронштадте. Таким образом Зиновьев сам способствовал разжиганию того недовольства, из-за которого несколько месяцев спустя в этом городе вспыхнуло восстание моряков[5].

В атмосфере открытого раскола среди партийного руководства возникли трения между соперничающими политическими линиями или «платформами». Эти трения, в основном, начались по инициативе Зиновьева и усилились при подготовке к X съезду партии. Позднее Ленин утверждал, что он не хотел гласного партийного спора. Но ни одного шага Зиновьева Ленин никогда не дезавуировал.

«Рабочая оппозиция», демократические централисты и несколько мелких групп воспользовались предложением ЦК и огласили свои «платформы». В 1921 году к «Рабочей оппозиции» присоединилась Александра Коллонтай; фигура весьма красочная, хотя и неустойчивая, она преобразила довольно прозаическое движение в некий «поход» за свободу внутри партии. «Рабочая оппозиция» предъявляла руководству обвинение в запрещении дискуссий, заявляя, что партия теряет свое подлинно пролетарское лицо и вырождается в касту бюрократов и карьеристов.

[4] См. оповещение в «Известиях ЦК», № 27 от 27 января 1921 года.

[5] О деталях активности Зиновьева в Балтийском флоте см. А. С. Пухов, «Кронштадт и Балтийский флот перед мятежом 1921 г.», «Красная летопись», № 6 (39), 1930, стр. 174-197.

Программа Троцкого, напротив, рекомендовала слияние профсоюзов с государственным аппаратом, а также военную дисциплину и принуждение в качестве обычных методов для поддержания производительности в промышленности. Что же касается тезисов Ленина, ставших так называемой «Программой десяти», то они были образцом дипломатической осмотрительности. Ленин стремился сохранить надежду — во всяком случае, у легковерных членов партии, — что отныне будет дозволена большая степень свободы. Государственные функции союзов, говорилось в тезисах, «будут постепенно расширяться», но темпов слияния ускорять не следует. Основным методом воздействия для сохранения дисциплины в промышленности рекомендовалось оставить убеждение, хотя «пролетарское принуждение в случае надобности» не исключалось. Все профсоюзные органы должны быть выборными, но «безусловно... при управляющем контроле партии»[6].

Однако за шесть дней до открытия X съезда, намеченного на 8 марта 1921 года, партия была потрясена: взбунтовавшиеся матросы Балтийского флота образовали Временный революционный комитет[7].

[6] Первоначальный текст ленинских тезисов до нас не дошел. Но он был положен в основу «Программы десяти», оглашенной на X съезде партии. Эта программа, как и тезисы Троцкого, перепечатаны по книге: Г. Зиновьев (ред.), «Партия и союзы» (К дискуссии о роли и задачах профсоюзов), Петроград, 1921, стр. 9-32, 244-265. Тезисы Бухарина, подписанные также Лариным, Преображенским, Серебряковым и Сокольниковым, см. там же, стр. 371-377. Тезисы «Рабочей оппозиции» см. на стр. 361-370. Тезисы демократических централистов см. Ленин, т. 26, стр. 573-576. Тезисы Игнатьева — там же, стр. 576-578. Независимый взгляд был также выражен Ногиным — см. Зиновьев, ук. соч. стр. 304-316.

[7] Лучший отчет о Кронштадтском восстании см. в гл. V книги: D. Fedotoff-White, *The Growth of the Red Army,* Princeton, 1944 и в статье: George Katkov, *The Kronstadt Rising* в *St. Antony's Papers,* № 6, Soviet Affairs, № 2, edited by David Footman, London, 1959. См. также Robert V. Daniels, *The Kronstadt Revolt of 1921: Study in the Tyrannies of Revolution* в *American Slavic and East European Review, 1951,* стр. 241. Лучший советский отчет дан

В последнюю неделю февраля 1921 года по Петрограду прокатилась мощная волна стачек и демонстраций, причины которых были лишь отчасти политическими. Многие резолюции, принятые на митингах, были направлены против вооруженных отрядов, использовавшихся властью для пресечения попыток голодающих рабочих раздобыть хлеб в близлежащих селах. Но некоторые резолюции имели политическую подоплеку, отражавшую активность меньшевистских агитаторов. Стачки были быстро подавлены силой и уступками. Частные экспедиции за хлебом были разрешены, в Петроград срочно подбросили продовольствие. В то же время партийная организация Петрограда во главе с Зиновьевым сохранила дисциплину перед лицом угрозы и восстановила порядок путем массовых арестов.

Но волнения в Петрограде оказались искрой, вызвавшей настоящий взрыв в Кронштадте. Матросы, издавна славившиеся своей революционностью, находились уже некоторое время в состоянии брожения, чему способствовал личный антагонизм Зиновьева и Троцкого. Матросы установили контакт с бастующими рабочими и были уверены, что их восстание против власти коммунистической партии получит поддержку в Петрограде и по всей стране. 28 февраля экипаж линейного корабля «Петропавловск» принял резолюцию, отражавшую программу повстанцев. Вот главные ее пункты: немедленные перевыборы Советов тайным голосованием «ввиду того факта, что настоящие Советы не выражают воли рабочих и крестьян»; свобода слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистических партий; свобода собраний и профессиональных союзов для рабочих и крестьян; освобождение всех политических заключенных; отмена привилегированного положения коммунистической

А. С. Пуховым — «Кронштадтский мятеж в 1921 г.», Ленинград, 1931. См. также книгу *The Origin*, гл. xvi, где подробно анализируется обширная литература по этому вопросу.

партии и упразднение всех вооруженных коммунистических отрядов, «так как ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получать от государства средства для этих целей»; предоставление крестьянам полной свободы действия на своей земле и права на личное мелкое хозяйство, но без использования наемного труда; и, наконец, уравнение пайка для всех.

На следующий день на главной площади Кронштадта состоялся массовый митинг, в котором участвовали 16.000 человек. Среди ораторов были Калинин, срочно посланный в Кронштадт для изучения положения, и сопровождавший его комиссар Балтийского флота. Их освистали, и, несмотря на их протесты, резолюция «Петропавловска» была восторженно принята толпой.

2 марта был создан Временный революционный комитет во главе со старшим писарем Петриченко. Комитет состоял из матросов пролетарского и крестьянского происхождения. Коммунистические руководители в Москве потребовали, чтобы Комитет немедленно сдался. Это требование было категорически отвергнуто.

Временный революционный комитет продержался 15 дней, в течение которых выпускал ежедневную газету[8]. Комитет отказался прибегнуть к оружию, полагаясь на справедливость своего дела и ожидая, что восстание перекинется на берег.

Около четверти большевиков Кронштадта, как гражданских, так и флотских, вышли из партии. По самым скромным подсчетам, процентов тридцать всех коммунистов во флоте и в гарнизоне поддерживали повстанцев, а процентов сорок занимали «нейтральную» позицию[9]. Никаких стихий-

[8] Текст опубликован полностью в приложении к «Правде о Кронштадте», Прага, 1921.

[9] По Троцкому, цитируемому Смилгой. «X съезд», стр. 225. См. также Н. Корнатовский (ред.), «Кронштадтский мятеж». Сборник статей, воспоминаний и документов. Ленинград, 1931, стр. 13-15.

ных антибольшевистских эксцессов в Кронштадте не произошло. Кое-кто был посажен под замок, но ни казней, ни самосудов не совершалось.

7 марта начались военные операции, руководимые из Москвы Троцким, под непосредственным командованием Тухачевского — выдающегося военачальника Гражданской войны. 18 марта Красная Армия штурмом взяла крепость. Солдат, с большой неохотой стрелявших по матросам и рабочим, принуждали действовать угрозами и посулами, лестью и ложью. После падения Кронштадта были расстреляны сотни, а то и тысячи восставших, но открытого суда ни тогда, ни позднее над ними не проводили.

Восстание пролетариата против диктатуры пролетариата не было предусмотрено марксистской теорией. X съезд партии открылся 8 марта в атмосфере растущей непопулярности большевистской власти. Непреложным свидетельством этой непопулярности были Кронштадтские событйя. Ленин признал на съезде: «Мы не сумели убедить широкие массы»[10]. Съезд был отмечен недовольством, разочарованием, недоумением и страхом. Кронштадтскому восстанию немедленно приклеили ярлык «контрреволюции». Если принять этот термин, то, стало быть, восстание прямо или косвенно намечало реставрацию капиталистического, а то и монархического строя. Но такое утверждение совершенно голословно. Ни в 1921 году, ни позднее не было приведено ни малейших доказательств того, что Кронштадтский мятеж финансировался из-за границы или вдохновлялся монархистами, эсерами, меньшевиками. То был от начала и до конца стихийный народный бунт. Однажды Ленин с той честностью, которая иногда прорывалась у него, в отличие от большинства его последователей, сказал, что в Кронштадте «не хотят белогвардейцев, не хотят нашей власти»[11]. Но, как правило, Ленин

[10] «X съезд», стр. 382.
[11] Ленин, т. 26, стр. 248.

следовал партийной линии, главным выразителем которой был Троцкий. Это вызвало смятение среди повстанцев, которые сначала не относились к Ленину с тем презрением, с каким они относились ко всем другим коммунистическим вождям[12]. Однако между властью своей партии и социализмом большевики ставили знак равенства. Ленин и его сторонники, твердо придерживаясь этого взгляда, объявили Кронштадтское восстание «контрреволюционным».

После мятежа Ленин энергично принялся за укрепление власти партии на новой, более прочной основе. Здесь необходимо рассмотреть теорию революционной власти, на которой основывалась политика коммунистической партии в первые послеоктябрьские годы. Сущностью этой теории была «диктатура пролетариата», которая (как лишь один-единственный раз заявил Маркс) осуществится в период между захватом власти рабочим классом и установлением социализма[13].

Вопрос о том, подразумевал ли под этим Маркс неограниченную власть одной партии над всеми несогласными, оспаривается ведущими марксистами[14]. И действительно, в сочинениях Маркса нет никаких указаний на то, что он когда-либо считал коммунистическую партию орудием власти после революции. Ленин, однако, несомненно толковал выражение Маркса как оправдание того, что он называл «неограниченной, опирающейся на силу, а не на закон, властью»[15] в целях защиты советского строя от всех его вра-

[12] См. газету повстанцев, перепечатанную в «Правде о Кронштадте», стр. 150 и 151.

[13] В его «Критике Готской программы», в мае 1875 г.

[14] В особенности Карлом Каутским. См. его *Demokratie oder Diktatur*, Berlin, 1918, и *The Dictatorship of the Proletariat*, London, 1920. О полемике Ленина против Каутского см. Ленин, т. 23, стр. 331-412 и т. 25, стр. 429-447. Как ни толковать выражение Маркса «революционная диктатура пролетариата», мысль, что свобода личности будет после революции нуждаться в охране от государства, у Маркса, несомненно, отсутствует. Маркс считал, что с окончанием эксплуатации подобная необходимость сама собой отпадет.

[15] В 1906 г., Ленин, т. 9, стр. 94 и 95, а также неоднократно позднее; в 1920 г., т. 25, стр. 436.

гов. Ленин предполагал, что окончательная «пролетарская» революция произойдет в России в период, когда рабочий класс будет еще малочисленным. В 1902 году он уже предвидел, что после захвата власти пролетариату придется осуществлять насильственную диктатуру над крестьянским большинством[16]. Несомненно, Ленин, как и все большевики, имел в виду революционный («якобинский») террор и видел в нем необходимое средство для расправы с контрреволюционерами. Террор, направленный против тех элементов, которые считались врагами революции по своему классовому происхождению — то есть против буржуазии и мелкобуржуазного крестьянства, — имел прочные корни в большевистской теории. Особый вклад Ленина состоял в применении террора против социалистов — противников большевизма и колеблющихся рабочих, не желавших безоговорочно и сразу же принять большевистское руководство, против «полупролетариата», как писал иногда Ленин.

Ленин охотно признавал и оправдывал «революционное насилие» «трудящихся масс» рабочих и крестьян-бедняков над буржуазией. Но он далеко не сразу признал то, что стало уже очевидным на практике: применение насилия к самим «трудящимся массам» во имя «трудящихся масс». Ключевой нотой ленинской книги «Государство и революция», написанной в августе-сентябре 1917 года (но опубликованной только после октябрьского переворота), было утверждение, что при новом общественном строе исчезнет необходимость в принуждении, так как сила подавляющего большинства трудящихся будет направлена против незначительного меньшинства эксплуататоров. Революционное государство, писал Ленин, «начнет отмирать» сразу же после захвата власти пролетариатом и разрушения буржуазного государства, ибо в стране, где нет больше классовых различий, нет нужды и в государственном аппарате. Хотя при пере-

[16] См. выше, стр. 85-87.

ходе от капитализма к коммунизму все еще будет нужна какая-то форма государственного аппарата, допускал Ленин, тем не менее, поскольку демократические права станут достоянием огромного большинства, «особой машины для подавления» не потребуется. Вооруженный народ справится с эксплуататорами «без особого аппарата». Что же касается норм пролетарской власти, то масса населения примет участие в «повседневном управлении» и «все будут править по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял»[17].

Вряд ли наиболее утопические из этих тезисов отражали подлинные убеждения Ленина. Во всяком случае, уже через шесть месяцев после написания «Государства и революции» он гневно отверг свое собственное теоретическое положение об отмирании государства как преждевременное «нарушение исторической перспективы»[18].

В первые же годы большевистского режима высказывания Ленина на тему о власти начали приближаться к реальности. Так, к 1919 году он признал, что диктатура пролетариата на деле означает диктатуру его авангарда — партии, и утверждал, что диктатура класса и диктатура партии равнозначны[19]. «Практические люди, — говорил Ленин в 1921 году, — понимают, что мысль, будто каждый рабочий знает, как управлять государством, — это сказки»[20]. «История движется благодаря отчаянной классовой борьбе»[21], — писал Ленин. Ему трудно было бы отрицать, что бремя диктатуры ложится не только на буржуазию, но и на рабочих и крестьян.

В начале 1920 года, когда Ленин делал черновые наброски к незавершенной теоретической работе о диктатуре про-

[17] Ленин, т. 21, стр. 369-455.

[18] На VII съезде партии, в ходе полемики против Бухарина; Ленин, т. 22, стр. 365.

[19] Ленин, т. 24, стр. 436; т. 25, стр. 188.

[20] Ленин, т. 26, стр. 103.

[21] См. «Коммунист», № 5, 1957, стр. 21.

летариата, в его мировоззрении не оставалось и следа от утопизма «Государства и революции». Господство одного класса, отмечает Ленин, «исключает свободу и равенство». Диктатура пролетариата есть «продолжение классовой борьбы в новых формах». Четырьмя фазами диктатуры являются: подавление эксплуататоров, «нейтрализация» мелкой буржуазии убеждением и насилием, «принуждение спецов служить пролетариату» и «воспитание всех в новой дисциплине». Верховное «решение большинством» принимается всеми, кроме эксплуататоров, и вопреки «колеблющимся»[22]. Тот факт, что «большинство» может на практике само оказаться «колеблющимся» и что решение «всех граждан» будет таким образом подменено решением партии, к 1920 году сделался вполне очевидным. Но, настаивая до конца своих дней на необходимости диктатуры, Ленин в то же время утверждал, что советская система — самая свободная, самая демократическая в мире. Советская свобода отличается-де от так называемой свободы в буржуазном мире тем, что она предоставляет права только рабочим и трудящимся крестьянам и совершенно справедливо лишает права на свободу и равенство как капиталистов, так и тех, кто их поддерживает, например — социалистов...

Оказавшись лицом к лицу с одновременным восстанием пролетариата и крестьянства, X съезд партии был готов принять самые крайние меры ради спасения власти большевиков. Крестьян, от которых в конечном счете зависело само существование режима, надо было умиротворить любой ценой. Вопрос о коренных изменениях в экономике страны, о замене «военного коммунизма» политикой, основанной на свободном рынке, поднимался в Политбюро еще за месяц до

[22] Ленин, т. 25, стр. 1-12. Довод, что ленинская теория государства оставалась последовательной в течение всех этих лет, так как она зависела от той скорости, с которой на практике ликвидировались отдельные классы, приводится у E. H. Carr, *The Bolshevik Revolution 1917-1923*, vol. I, London, 1950, стр. 233-249.

созыва съезда. Но это предложение натолкнулось тогда на серьезную оппозицию в партийном руководстве и было передано для дальнейшего обсуждения в специальную комиссию. Съезд отменил принудительную продразверстку и заменил ее пропорциональным продналогом, взимаемым натурой, а также санкционировал ограниченную местную торговлю. Это были первые шаги на пути к так называемой Новой экономической политике (НЭП), осуществление которой рассматривается ниже. Предложения, внесенные Лениным накануне X съезда, вызвали резкую критику со стороны его коллег — оппозиции, которую ему удалось преодолеть только угрозой своей отставки[23]. Решение об уступках крестьянам, принятое съездом почти без обсуждения, было обусловлено Кронштадтским мятежом, хотя Ленин думал о таких уступках еще до восстания. Сразу же после принятия решения свыше двухсот делегатов съезда были срочно откомандированы для агитации среди колеблющихся красноармейцев, которых гнали под дулами пистолетов на штурм осажденного Кронштадта.

Сообщение об отмене ненавистной продразверстки и о разрешении крестьянам вновь заняться торговлей вызвало «радикальное изменение настроения» среди солдат крестьянского происхождения[24].

Новая экономическая политика и связанное с ней отступление от партийной доктрины вызвали в рядах большевиков глубокий раскол, имевший впоследствии огромное значение. Нужда в сильной ленинской руке во время кризиса в партии никогда не чувствовалась так остро, как в марте 1921 года.

[23] Официального отчета об этих раздорах опубликовано не было, но они имели широкий резонанс в свое время в партийных верхах. Я использовал неопубликованные мемуары Н. Валентинова (Н. В. Вольского), примыкавшего тогда к руководящим экономическим кругам.

[24] С. Е. Рабинович, «Делегаты 10-го съезда под Кронштадтом в 1921 году», «Красная летопись» № 2 (41), 1931, стр. 32.

Главный теоретик линии «военного коммунизма» Бухарин изменил свои взгляды на диаметрально противоположные, стал придерживаться ленинских воззрений. Но другие экономисты-теоретики среди большевистских вождей, вроде Пятакова или Преображенского, затаили свои сомнения.

НЭП вызвал два теоретических возражения у последователей ортодоксального марксизма. Первое состояло в том, что в жертву благосостоянию естественных врагов социализма — собственников-крестьян приносилось плановое хозяйство, основанное на тяжелой промышленности. Второе же, и более важное, теоретическое возражение восходило к самым корням теории Маркса, согласно которой политическая «надстройка» каждого общества определяется его экономическим базисом. И если экономический базис при НЭПе развивался за счет свободного рынка, процветающего крестьянства и легкой промышленности, то из этого следовало, что рано или поздно политической надстройке неминуемо тоже придется измениться в соответствии с базисом. В результате же, возрождая капитализм, буржуазное государство вытеснит социализм, якобы достигнутый в ходе революции. Сторонники «Рабочей оппозиции» рассматривали НЭП как измену партии делу пролетариата в интересах крестьянства.

Ленин же видел единственный способ спасения революции в соглашении с крестьянством. Попытка прямого перехода к коммунизму оказалась ошибочной. Правильный путь, считал Ленин, ведет от мелкого производства к государственному капитализму, затем — к социализму и, наконец, — к коммунизму. Мелкого землевладельца не переделать в один день. Но при условии развития кооперации, механизации и электрификации во всенародном масштабе психология крестьян может быть изменена; из врагов социализма они превратятся в его поборников. Но это — дело, требующее поколений. Ленин полагал, что советская власть в России будет поддержана революциями в одной или несколь-

ких передовых капиталистических странах и видел в этом залог «окончательного успеха» своей политики. В период же НЭПа, поскольку государство сохраняет контроль над «командными высотами» тяжелой промышленности и внешней торговли, завоевания Октября не будут принесены в жертву и реставрации капитализма не произойдет[25].

Кризис, перед которым стоял X съезд, не мог все же быть преодолен лишь одними экономическими мерами. В ленинском понимании экономическая реформа была только подсобным рычагом для серьезных политических преобразований, которые обеспечивали коммунистической партии монополию на власть. Эти преобразования оказались более долговечными, чем новая экономическая политика. Может быть, Ленин и верил, что путем примера и мирного убеждения возможно воспитать в крестьянах социалистическое мировоззрение. Но важнейшим элементом ленинской тактики по-прежнему оставался абсолютный примат политических методов над экономическими и социальными. Поэтому на X съезде, в то самое время, когда пули красноармейцев косили восставших рабочих и крестьян в Кронштадте, его внимание было приковано к усовершенствованию политического аппарата. Сохранить монополию власти в период Гражданской войны, в атмосфере всеобщей ненависти проще, чем в условиях наметившегося перемирия с крестьянством. Теперь большевикам требовался совершенно иной партийный аппарат.

Ленин и его сторонники в ЦК разбили позицию Троцкого в дискуссии о внутрипартийной демократии и вмешательстве партии в дела профсоюзов. Победа платформы десяти во главе с Лениным была закреплена на съезде в резолюции о профсоюзах, принятой огромным большинством. Победа умеренной фракции также должным образом

[25] Краткая речь Ленина на X съезде позднее была подробно разработана им в одной из последних (январь 1923 г.) статей — «О кооперации». Ленин, т. 27, стр. 391-397.

отражена в решениях съезда: «В профессиональных союзах прежде всего необходимо осуществить широкую выборность всех органов... и устранить методы назначенчества».

Другая пространная резолюция — о партийной демократии, принятая по предложению Бухарина, по-видимому, шла навстречу многим критическим замечаниям «Рабочей оппозиции». «Милитаризация и централизация партийной организации, — подчеркивалось в ней, — были продиктованы условиями Гражданской войны и теперь больше не годятся. Всем членам партии должно быть обеспечено активное участие в жизни партии, в обсуждении всех вопросов, выдвигаемых перед ней». Более того, «форма рабочей демократии исключает всякое назначенчество, как систему, и находит свое выражение в широкой выборности»[26]. Эта резолюция во многом шла навстречу требованиям демократических централистов. Последние, в противоположность «Рабочей оппозиции», по-видимому, легче поддавались убеждению и под влиянием принятых резолюций заявили съезду об отказе от своей «платформы».

Три влиятельных лидера партии Крестинский, Преображенский и Серебряков были сняты со своих постов и выведены из ЦК. Этой мерой гарантировалось осуществление в будущем новой, умеренной внутрипартийной линии. На опальных лидеров посыпались обвинения. Зиновьев пытался возложить на них вину за диктаторскую политику, преобладавшую в партии.

Крестинский, Преображенский и Серебряков поддержали позицию Троцкого в вопросе о профсоюзах. Кроме того, Преображенский был одним из главных теоретических противников НЭПа. Именно этими причинами, а не «диктаторской» практикой (тем более, что практика-то была сравни-

[26] См. «КПСС в рез», т. I, стр. 516-527 и 534-549.

тельно мягкой), объясняется вывод трех секретарей из партийного руководства[27].

Между тем Ленин вынашивал особые планы относительно дисциплины в партии; он намекнул о них на второй день съезда: «Для оппозиции теперь конец, крышка!».

В проектах резолюций, внесенных к тому времени, еще ничто не указывало на исполнение угрозы. Но в последний день съезда Ленин внезапно внес две новых резолюции: «О единстве партии» и «О синдикалистском и анархистском уклоне в партии». «Мне думается, что много говорить по этому вопросу не будет надобности», — вот чрезвычайно характерное для Ленина замечание, высказанное им перед программным выступлением, определившим всю дальнейшую историю партии.

Резолюция «О единстве партии» обращала внимание на тот факт, что еще до начада дискуссии о профсоюзах на съезде обнаружились признаки возникновения «групп с особыми платформами и со стремлением до известной степени замкнуться и создать свою групповую дисциплину». Далее в резолюции утверждалось, что существование оппозиции внутри партии ободрило врагов (Кронштадтский мятеж) и недопустимо расширило границы партийной критики. «Всякий выступающий с критикой должен учитывать положение партии среди окружающих ее врагов...». Резолюция требовала немедленного роспуска всех групп с отдельными платформами под угрозой исключения из партии. Последний, державшийся в секрете до января 1924 года параграф этого документа облекал ЦК полными дисциплинарными правами, в том числе и правом исключения из партии, с той лишь оговоркой, что если виновный является членом Центрального Комитета, то для его исключения требуется большинство в две трети голосов всех членов и кандидатов в члены ЦК и членов Контрольной комиссии. (Это условие

[27] О конфликте с секретарями см. *The Origin*, стр. 267-271, 320 и 321.

имело практическое значение для лидера «Рабочей оппозиции» Шляпникова, который, по особому настоянию Ленина, был избран членом ЦК на X съезде).

Вторая резолюция осуждала идеи «Рабочей оппозиции» о роли профсоюзов в управлении промышленностью, как нечто «несовместимое с принадлежностью к партии». Глашатаи подобных идей полностью-де порывают с марксизмом, который «... учит нас, что только политическая партия рабочего класса, т.е. Коммунистическая партия, в состоянии объединить, воспитать, организовать такой авангард пролетариата и всей трудящейся массы, который способен противостоять неизбежным мелкобуржуазным колебаниям этой массы... или ее профессионистским предрассудкам»[28]. (Это — центральная идея книги «Что делать?»).

Однако обвинения против пресловутой «Рабочей оппозиции» были явно несостоятельны. Эта группа никогда не имела ни собственной печати, ни тайной организации, ни даже внутренней дисциплины. Появление на X съезде «Рабочей оппозиции» со своей «платформой» было вызвано исключительно настоянием ЦК (по инициативе Зиновьева) проводить выборы делегатов по «платформам». Некоторые члены «Рабочей оппозиции» не только не поддерживали требований кронштадтских мятежников, но даже с энтузиазмом их расстреливали в тот самый момент, когда принималась резолюция. Что же касается роли профсоюзов в управлении промышленностью, то в данном случае взгляды оппозиционеров, независимо от того, шли ли они вразрез с марксизмом или нет, мало чем отличались от программы партии, утверждавшей, в частности, что профсоюзы «должны добиться сосредоточения в своих руках управления всем народным хозяйством». Но традиции партии были основаны не на принципах справедливости, а на оппортунизме, который диктовал перепуганным делегатам необходимость единства

[28] «X съезд», стр. 518-536; «КПСС в рез.», т. I, стр. 527-533.

перед лицом разъяренных рабочих и крестьян. Обе резолюции были приняты подавляющим большинством и почти не критиковались даже сторонниками «Рабочей оппозиции». Настроение съезда метко выражено Радеком в его пророческих словах: «Голосуя за эту резолюцию, я чувствовал, что она может обратиться и против нас, и, несмотря на это, я стою за резолюцию... Пусть ЦК в момент опасности принимает самые жесткие меры против лучших товарищей, если найдет это нужным... Пусть лучше ЦК будет ошибаться — это менее опасно, чем наблюдаемое ныне шатание»[29].

Почти никто из делегатов съезда, из членов новоизбранного ЦК, ни сам Радек в последующие годы не избежали гибели в застенках НКВД или в концлагере.

[29] X съезд, стр. 534.

12. КОНФЛИКТ ЛЕНИНА С ЕГО КОЛЛЕГАМИ

Добившись на X съезде победы, Ленин вскоре показал, какова подлинная цена резолюций о профсоюзах и о партийной демократии. Немедленно был восстановлен ненавистный Цектран, хотя ЦК раскололся именно по вопросу о его упразднении. Не успели просохнуть чернила, которыми был написан документ, осуждавший «насаждение профсоюзных организаций свыше», как вспыхнул конфликт между ЦК и старейшим пробольшевистским Союзом рабочих металлургической промышленности.

В мае 1921 года коммунистическая фракция этого Союза ста двадцатью голосами против сорока отвергла предложенный Центральным Комитетом список кандидатов в свой исполком. Игнорируя это голосование, ЦК назначил исполнительный комитет по ранее спущенному списку. Требование Шляпникова разрешить ему в знак протеста выйти из ЦК было отклонено.

Точно так же игнорировалась и резолюция «О партийной демократии». В 1921 и 1922 годах среди рядовых коммунистов нарастало движение протеста против засилия партийной бюрократии, против ее абсолютного иммунитета ко всякому контролю, безразличия к критике и тенденции не считаться со взглядами местных комитетов. Значительная часть критических выступлений была вызвана недовольством рабочих-коммунистов, ранее пользовавшихся монопольными

привилегиями. Теперь НЭП благоприятствовал крестьянам. ЦК и его органы (весьма окрепшие, как мы увидим ниже), Контрольная комиссия и даже ВЧК пытались задушить эту критику. Недовольных преследовали, порой исключали из партии. Дискуссионные группы, разрешенные X съездом, были закрыты ввиду их «демагогического, непартийного характера», ряд выборных организаций распущен и заполнен назначенцами ЦК[1].

В феврале 1922 года группа из двадцати двух сторонников бывшей «Рабочей оппозиции» потребовала, чтобы ее дело заслушал Коммунистический Интернационал. Была выделена комиссия во главе с болгарином Коларовым, в которую входила и Клара Цеткин. Как и следовало ожидать, комиссия нашла жалобу группы необоснованной. К тому времени риск, что Коминтерн займет антиленинскую позицию, был ничтожным. И все же сам факт обращения в Интернационал нанес серьезный ущерб престижу российской партии. Двадцать два жалобщика были должным образом осуждены на XI съезде (март 1922 года), официально — не за обращение в Коминтерн, а за сохранение фракционной организации внутри партии. Но, хотя руководство съезда настаивало на удушении критики, рядовые делегаты придерживались иного мнения. Заседание носило бурный характер и закончилось поражением ЦК. Съезд проголосовал против исключения из партии Шляпникова и Коллонтай[2].

Отсутствие Ленина, здоровье которого начинало сдавать, на всех заседаниях съезда, кроме первого и заключительного, ощущалось чрезвычайно остро. Лидеры, собиравшиеся занять его место (Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий, Бухарин), тщательно подчеркивали, что дисциплину в партии еще предстоит поднимать на должный уровень. Каковы бы ни были расхождения в верхах по другим вопросам, в этом пункте

[1] Более подробно эти события освещены в *The Origin*, гл. xvii.
[2] Там же, стр. 334-336.

сходились все. Лишь один-единственный голос прозвучал диссонансом — голос ученого Рязанова, на которого излил свой яд Ленин в давнишние дни II съезда. Рязанов предупреждал, что если руководство будет править путем указов, которых оно не смеет ставить на предварительное обсуждение, то неизбежным последствием этого окажутся хаос, коррупция и бюрократизм. «Говорят, — сказал Рязанов с присущим ему желчным остроумием, — что английский парламент все может; он не может только превратить мужчину в женщину. Наш ЦК куда сильнее. Он не одного очень революционного мужчину превратил в бабу, и число таких баб невероятно размножается»[3].

С введением НЭПа был положен конец остаткам открытой политической деятельности обеих социалистических партий — меньшевиков и эсеров[4]. Меньшевики давно рекомендовали политику, которую только теперь Ленин ввел под именем НЭПа. Эсеры же были традиционными защитниками права крестьянина обрабатывать свою землю и распоряжаться плодами своего труда. Если бы члены обеих этих партий были оставлены на свободе, то неизбежно встал бы вопрос, почему большевики, оказавшиеся неправыми, не уступают власти политическим деятелям, оказавшимся правыми? Кроме того, из признания — а НЭП был таким признанием, — что буржуазная революция еще не завершена, каждому человеку, знакомому с азами марксизма, становилось ясно:

[3] «XI съезд», стр. 79.

[4] Обе партии продолжали подпольную политическую деятельность в течение последующего краткого периода перед лицом возрастающей опасности суровых репрессий. Группа руководящих эсеров была осуждена после показательного процесса в 1922 г. Несколько мелких процессов против меньшевиков были проведены в 1920 г., но главный показательный процесс состоялся только в 1931 г. Один из курьезов советского конституционного права заключается в отсутствии юридических норм, ставящих вне закона политическую деятельность всех партий, кроме коммунистической. Но вольное толкование термина «контрреволюция» в советской судебной практике всегда оказывалось достаточным для самых жестоких приговоров.

отпадает главная теоретическая предпосылка диктатуры пролетариата, то есть диктатуры коммунистической партии. Но Ленин и его сторонники были заинтересованы только в сохранении своей власти. Ни одному коммунисту не пришло в голову оспаривать неоднократное утверждение Ленина, что единственным местом для меньшевиков и эсеров является тюрьма. На X партийной конференции в мае 1921 года Радек еще откровеннее, чем сам Ленин, разъяснил, что меньшевиков нельзя оставлять на свободе, поскольку коммунисты приняли теперь их политику. Меньшевики могут потребовать политической власти; предоставление же свободы эсерам при оппозиции «огромной массы» крестьянства было бы самоубийством[5].

* * *

Резолюция о НЭПе, принятая X съездом, говорила только о замене продразверстки натуральным налогом и о разрешении крестьянам свободно обменивать «в местном масштабе» излишки продукции. Но по мере развития Новой экономической политики в течение 1921 года и последующих лет становилось ясно, что происходит сдвиг гораздо более радикальный[6]. Первоначальное намерение при переходе к НЭПу состояло в осторожном и строго ограниченном возврате к частному предпринимательству, которого так боялись теоретики. Но едва «демон капитализма», как говорил Бухарин, был выпущен на свободу, приручить его оказалось нелегко. Частный сектор, существовавший несмотря на все репрессии и в период военного коммунизма, был, вполне возможно, главным фактором, предотвратившим полную хозяйственную разруху.

[5] «X конф.», стр. 66 и 67.

[6] Подробно о НЭПе см. Edward Hallett Carr, *The Bolshevik Revolution, 1917-1923*, vol. II, London, 1952, гл. xix.

Декрет, опубликованный вскоре после X съезда, отменил всякие ограничения на право крестьянина сбывать продовольственные излишки, а в мае 1921 года X партконференция признала, что Новая экономическая политика установлена на «долгий, рядом лет измеряемый период времени» и что ее «основной рычаг» состоит в товарообмене[7].

Уступка эта крестьянину была сделана слишком поздно, чтобы оказать влияние на весенний сев 1921 года, и новая политика на первом этапе потерпела неудачу из-за неурожая, за которым последовал страшный голод. Следующей весной крестьянам сделали новые уступки. В марте 1922 года натуральный налог был ограничен десятью процентами продукции, а конфискация скота за неуплату налога — запрещена. Изданный в ту же весну еще один декрет фактически признал право крестьянина обращаться со своим наделом как со своей собственностью, сдавать землю в аренду и обрабатывать ее наемным трудом. Новый сельскохозяйственный устав, введенный в конце 1922 года, закреплял за крестьянами эти льготы.

Успех НЭПа стал очевидным к концу 1922 года, и Ленин теперь утверждал, что «серьезное недовольство» властью со стороны крестьян «совершенно исключено»[8]. К 1923 году сельскохозяйственное производство страны достигло почти трех четвертей уровня 1913 года. Усмирение деревни, однако, было обусловлено не только НЭПом. В течение 1922 года вся мощь Красной Армии использовалась для подавления крестьянских восстаний.

Задуманный главным образом для умиротворения крестьянства, НЭП первоначально не распространялся на промышленность. Но вскоре новая атмосфера стала сказываться и там. Это было неизбежно. Крестьянское производство теперь поощрялось прибылью на свободном рынке, и надо было

[7] «КПСС в рез.», т. I, стр. 574.
[8] Ленин, т. 27, стр. 347.

производить товары, чтобы дать их крестьянам в обмен на вырученные от продажи продуктов деньги. На протяжении 1921 года ущерб, причиненный во время Гражданской войны политикой молниеносной национализации, постепенно сглаживался. Несколько декретов, принятых летом 1921 года, гарантировали сельской кустарной промышленности возможность свободного сбыта продукции. Правительство также разрешило возврат к частному управлению промышленностью: была дозволена аренда номинально обобществленных предприятий. На практике это касалось лишь небольших предприятий, и только половина из них была сдана в аренду прежним владельцам. Остальные же арендовались кооперативами и государственными учреждениями. Крупная промышленность, как неоднократно подчеркивал Ленин, оставалась в руках государства.

Применение коммерческих принципов вскоре распространилось и на национализированные отрасли промышленности. С августа 1921 года эти отрасли вышли из-под прямого государственного контроля и стали управляться на независимой коммерческой основе. Таким образом, рыночный принцип распространился и на социалистический сектор: государственные предприятия зависели от своей конкурентоспособности.

Процесс перехода к коммерческим принципам был завершен в конце 1922 года. В стране нормализовались торговля и финансовое хозяйство. Ленин вынужден был признать: «Частный рынок оказался сильнее нас»[9]. Аналогичная ситуация сложилась и в сфере финансов, где возврат к нормальным методам и стабилизация рубля были навязаны восстановлением свободного рынка. Бурная инфляция периода военного коммунизма фактически свела финансовую политику к выпуску все возрастающего количества быстро обесценивавшихся бумажных денег. Теперь же (не без помо-

[9] Там же, стр. 67 и 68.

щи бывшего кадетского министра Кутлера) валюта была стабилизирована и обеспечена золотым запасом. Восстановилось общественное кредитование, стали поощряться частные сбережения, банкам предоставили известную свободу операций — под общим надзором Государственного банка.

На возрождении промышленности влияние НЭПа сказалось не в такой степени, как на подъеме сельского хозяйства. Легкой промышленности шла на пользу вновь обретенная покупательная способность крестьян, но тяжелая индустрия переживала застой, и большинству ранее занятых в ней рабочих приходилось туго. К концу 1922 года насчитывалось свыше полумиллиона безработных. Реальная заработная плата рабочих в 1922-1923 годах все еще не достигла и половины уровня 1913 года[10]. Большевистское руководство открыто признало, что тяжелая индустрия может быть восстановлена только при помощи государственных дотаций. Но откуда взять капитал, необходимый для этих дотаций?

Царская Россия развивала свою промышленность в значительной степени при помощи крупных иностранных займов. Но эти долги были аннулированы советской властью сразу же после революции. Отказ большевиков урегулировать государственные долговые обязательства делал весьма маловероятной возможность получения новых иностранных займов. Другим источником потенциального капитала была внешняя торговля, которая после 1921 года стала одной из важнейших забот советской внешней политики.

Англо-советское торговое соглашение было подписано в Лондоне Красиным от имени правительства России на следующий же день после того, как Ленин провозгласил НЭП на X съезде.

* * *

[10] С. Н. Прокопович, «Народное хозяйство СССР», т. II, Нью-Йорк, 1952, стр. 97 и 98.

И действительно, последствия НЭПа не замедлили сказаться на внешней политике РСФСР. Перспектива новых революций за рубежом к 1921 году отошла на задний план. Попытки раздуть их в Польше, в Прибалтийских государствах и в Германии окончились неудачей. Советское государство нуждалось в нормальных торговых связях с капиталистическим миром, нуждалось в его финансовой помощи.

На III конгрессе Коминтерна в июне-июле 1921 года советская делегация, твердо руководимая Лениным, хотя и не без закулисных разногласий, сняла лозунг о мировой революции, который никак не способствовал установлению торговых связей с капиталистическими государствами. Новый внешнеполитический курс вызвал бурю негодования в Коминтерне. Однако навязать Интернационалу свою политику оказалось не так легко, как в 1920 году. Инакомыслящие группы, которым все еще дозволяли (хотя и неохотно) высказываться на этом конгрессе, утверждали, что отступление большевиков служит непосредственным интересам РСФСР, но не делу мировой революции.

Немецкая КАПД, Голландская левая и другие иностранные группы высказывали сочувствие русской левой оппозиции и даже поддерживали с ней официальные контакты, опасные для руководства большевистской партии.

Такая терпимость по отношению к критике слева проявлялась в последний раз. Дисциплинарные полномочия Исполкома, находившегося в Москве под полным советским господством, были расширены и КАПД вскоре исключили из Коминтерна. Резолюция об организационном строении коммунистических партий сближала их с большевиками в еще большей степени, чем двадцать один пункт, принятый на II конгрессе[11]. Подчиненность Коминтерна Москве, искоренение инакомыслия путем дисциплинарных мер были отныне делом времени.

[11] Текст резолюции см. в *Thesen und Resolutionen des III Weltkongresses der Kommunistischen Internationale*, Hamburg, 1921, стр. 105 и след.

Уже в ноябре-декабре 1922 года на IV, более послушном, конгрессе была признана необходимость направить все усилия Интернационала на помощь советскому государству. Тяжело больной Ленин обратился к делегатам с речью, которая оказалась его последним публичным выступлением. В самом ее конце несколько бессвязно, почти мимоходом Ленин сделал несколько замечаний по поводу резолюции об организационном строении партий, утвержденной предыдущим конгрессом. Резолюция, по его словам, «слишком русская». Она связана с русским опытом и непонятна для иностранных товарищей, подписавшихся под нею, «не читая и не понимая ее... У меня создалось впечатление, что мы совершили этой резолюцией большую ошибку, а именно, что мы сами отрезали себе путь к дальнейшему успеху». Сама по себе резолюция «прекрасна», но «мы не поняли, как следует подходить к иностранцам с нашим русским опытом»[12]. Эти замечания, вероятно, смутили Зиновьева, Троцкого, Бухарина и других. Но слова Ленина не оказали никакого влияния на конгресс, который принял новую резолюцию, не только не смягчавшую «русского» характера утвержденного на III конгрессе документа, но и вписавшую в Устав Интернационала набор организационных приемов для поддержания суровой централизованной дисциплины. Приемы эти были скопированы с тех, что широко практиковались и совершенствовались в то время в России[13]. Делегатов конгресса не приходится винить за то, что они осуществляли ленинизм так, как понимали его; Ленин теперь подверг сомнению созданную им самим систему.

По мере того как перспектива революции в Европе отступала, РСФСР достигла некоторых успехов в нормализации дипломатических отношений с капиталистическими страна-

[12] Ленин, т. 27, стр. 354 и 355.

[13] *The Communist International, 1919-1943.* Documents selected and edited by Jane Degras, v. I, 1919-1922, Oxford, 1956, стр. 436-442.

ми. Было заключено несколько торговых соглашений, импорт и экспорт росли. Но переговоры о более широких коммерческих связях с капиталистическим миром кончились неудачей. На конференции в Генуе в апреле-мае 1922 года была сделана попытка заключить всеобъемлющий договор между РСФСР и державами Антанты, путем которого Россия надеялась обеспечить себе признание *de jure* и займы, необходимые для развития тяжелой промышленности. Попытка эта сорвалась из-за отказа России от обязательств по аннулированным займам, а также в связи с национализацией иностранных предприятий. Впрочем, неудачу в Генуе компенсировал дипломатический успех, достигнутый РСФСР за счет держав Антанты. В расположенном недалеко Рапалло 16 апреля 1922 года, в пасхальное воскресенье, когда Генуэзская конференция отдыхала от своих трудов, РСФСР тайно заключила политический и коммерческий союз с Германией. Отверженные — побежденная, наказанная Версальским договором Германия и революционная Россия — заложили основы сотрудничества, впоследствии усилившего позиции этих двух государств в их отношениях с державами Антанты. Союз был подкреплен секретными соглашениями, предварительные переговоры о которых шли в течение всего 1921 года. Соглашения эти предусматривали производство Россией для Германии военной техники, иметь которую немцам запрещали условия Версальского мира.

* * *

К концу 1921 года Ленин вынужден был отказаться от полной деловой нагрузки, а в мае 1922 года у него произошло первое кровоизлияние в мозг. В дальнейшем, за исключением нескольких месяцев во второй половине этого же года, Ленин был полным инвалидом до самой своей смерти (21 января 1924 года). Когда состояние здоровья ему позволяло, он продолжал диктовать статьи и записки. Но не все работы и высказывания Ленина этого, последнего, перио-

да были преданы гласности его преемниками. Поэтому невозможно дать точную оценку отношения умирающего к той машине, которую он создал и с которой уже не был в состоянии справиться. Несомненно, по ряду важных вопросов Ленин в 1922 году расходился со своими коллегами, но его позиция зачастую просто игнорировалась. О разногласиях по поводу взаимоотношений с иностранными коммунистами уже говорилось выше. Чрезвычайно важно для нас мнение Ленина, утвердившееся к концу его жизни, о необходимости ограничить ту огромную власть, которую накапливал за кулисами Сталин. О том, как Сталин преодолел эту грозную для его честолюбивых замыслов опасность, будет рассказано в одной из последующих глав.

Серьезной причиной разногласий между умирающим Лениным и его последователями был вопрос о национальных меньшинствах. Несмотря на оппозицию со стороны некоторых своих коллет, Ленин упорно считал, что сохранение права на самоопределение за всеми народами бывшей царской России является неотъемлемой частью большевистской теории. Национальная программа большевиков была важным элементом их пропаганды до октября 1917 года. После захвата власти большевики вновь подтвердили свою верность этой идее. Изданный 2 ноября 1917 года декрет провозглашал суверенное равенство всех народов России, признавал их право на самоопределение, на отделение и обещал отмену всех национальных привилегий и ограничений. Впоследствии это обещание постепенно видоизменялось по мере того, как национальные меньшинства стали пользоваться своим правом на независимость. Но и сразу после октября 1917 года политика самоопределения проводилась не без колебаний или ограничений. Так, 18 декабря 1917 года, хотя и с некоторой неохотой, была признана независимость Финляндии. Впрочем, это не помешало советскому правительству несколькими неделями позже поддержать революционный переворот в Финляндии.

В течение нескольких послеоктябрьских лет мусульман-

ские окраины страны, Кавказ и Сибирь периодически пользовались некоторой свободой. Но причиной тому была не столько твердость национальной политики большевиков, сколько общее ослабление их власти, вызванное Гражданской войной и разрухой. Да и сам принцип неограниченного права всех народов на самоопределение, выдвинутый в свое время с целью заполучить дополнительную, необходимую большевикам поддержку, совершенно не подходил к сложившимся в России условиям.

Даже исходя исключительно из экономических соображений, любое русское правительство стремилось бы к сохранению единства всех или почти всех территорий бывшей империи. Кроме того, когда большевики, руководствуясь своими интересами, следовали по стопам Красной Армии и повсеместно насаждали свою власть, их отношение к нерусским народам определялось, прежде всего, характерным для этой партии стремлением к централизованному контролю[14].

Неудивительно поэтому, что национальная политика большевиков, провозглашавшая принцип свободы всех народов, вошла в столкновение с попытками нацменьшинств претворить в жизнь предоставленное им «право» на отделение. Большевистские организации, созданные на окраинах России между февралем и октябрем 1917 года, использовались при поддержке пробольшевистски настроенных войск для свержения (а чаще для попыток свержения) новых национальных правительств. К этой практике вскоре начали приспосабливать и теорию. В январе 1918 года Сталин говорил, что в каждом отдельном случае право на самоопределение будет признано, если его потребуют «трудящиеся массы» нации, и что принцип самоопределения следует рассматривать как средство революционной борьбы[15].

[14] Советская теория и практика в области национальной политики превосходно изучены и полностью документированы Ричардом Пайпсом в *The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism*, 1917-1923, Cambridge, Mass., 1954.

[15] Сталин, т. 4, стр. 30-37.

Но эта слишком откровенная формулировка намерений была видоизменена в июле 1918 года после принятия первой Конституции Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР). Статья 2 Конституции называла РСФСР «федерацией национальных советских республик». Но федерация, в общепринятом смысле слова, означает добровольный союз сохраняющих автономию государств. Когда в марте 1919 года VIII съезд принимал партийную программу, выяснилось, что коммунистическое толкование понятия «федерация» было иным. Программа, принятая еще во время Гражданской войны, когда основная часть национальных окраин находилась вне большевистского контроля, угождала и нашим и вашим. Она подтверждала принцип самоопределения и право на отделение, но одновременно и ограничивала это право. Во-первых, федеративное объединение государств, организованных по советскому образцу, программа объявляла «одной из переходных форм на пути к полному единству». Во-вторых, вопрос об отделении, как указывалось в этом документе, в каждом частном случае должен решаться в зависимости от того, кто является носителем воли нации и на какой стадии «исторического развития стоит данная нация»[16]. Таким образом, окончательное решение всегда оставалось прерогативой партийного руководства в Москве. На основе двух этих формулировок малочисленные, действовавшие среди нацменьшинств компартии, русские по ориентации и в большинстве своем также по составу, могли считаться, когда это требовалось, «носителями воли» нации. Удобная формула дала возможность коммунистам во время Гражданской войны, с одной стороны, вести агитацию за национальное самоопределение на территориях, контроля над которыми они еще не установили, а с другой стороны, в районах, где власть уже была захвачена, противодействовать национальным меньшинст-

[16] «КПСС в рез.», т. I, стр. 416 и 417.

вам, стремившимся к независимости. В программе нашли также свое отражение ленинские положения, выдвинутые на VIII съезде. Ленин выступил тогда против попыток одной нации господствовать над другими. Он утверждал, что это ошибка, к которой склонны великороссы, и предостерегал от опасности оскорбить национальное самосознание порабощенных в прошлом народов.

Еще в 1903 году «Искра» порвала с Бундом из-за вопроса об автономии, а в 1915 году Ленин вновь подтвердил принцип единства социал-демократической партии даже в том случае, если некоторые из ее партийных организаций будут находиться на отделившихся от Российской империи территориях[17]. Этот принцип и был претворен в жизнь после захвата власти. Бунд, например, вел безуспешную борьбу за сохранение частичной автономии и к 1921 году был вынужден сдаться. («Правое» его крыло, возглавлявшееся Р. Абрамовичем, которое отказалось капитулировать, разделило судьбу меньшевиков.) Но Бунд никогда не держал под контролем никакого географического района. Иным было положение на мусульманских пограничных территориях, в Грузии или на Украине, где партии могли развиваться, защищая местные интересы и пополняя свои ряды национальными кадрами. В ходе Гражданской войны Москва успешно осуществляла ленинский тезис, согласно которому коммунистические партии, действующие на национальных территориях, являются областными комитетами единой русской партии и не обладают никакими правами на автономию. Этот принцип был воплощен в Уставе партии в декабре 1919 года[18].

Естественным результатом насаждаемой из Москвы политики был рост национализма в национальных партиях. Уже в 1920 году Ленин с возрастающей тревогой наблюдал

[17] См. выше стр. 224-226.

[18] «КПСС в рез.», т. I, стр. 464: «Партийные организации, обслуживающие территории федеральных частей РСФСР... целиком подчинены ЦК РКП (б)».

за практическим осуществлением политики среди нацменьшинств и возлагал вину за трения на великорусский шовинизм партийного руководства. Но дело заключалось не столько в шовинизме, сколько в суперцентрализации и утверждении монопольной партийной власти. Именно в этом и были причины всех неурядиц.

Конечно, Ленин отстаивал идею единой, централизованной партии. Более того, он был главным автором этого принципа. Но практическое руководство национальной политикой находилось, в основном, в руках Сталина. В октябре 1917 года Ленин поставил Сталина во главе Народного комиссариата по делам национальностей. Наркомнац стал главным орудием подавления всех конкурирующих друг с другом национальных Советов и других организаций, возникших в РСФСР в период Гражданской войны. Впоследствии Наркомнац занялся восстановлением центрального руководства над партиями на вновь завоеванных национальных территориях. При выполнении этой, второй задачи Сталин опирался на спевшуюся группу преданных ему эмиссаров, которых он мог ставить во главе основных национальных партий. Так, в разное время Каганович возглавлял Туркестанское Бюро, Молотов — Украинский ЦК, Киров — Азербайджанский ЦК, Орджоникидзе — Кавказское Бюро, учрежденное в феврале 1920 года в целях установления коммунистической власти над всем Кавказом. Преобладание русских и обрусевших большевиков в руководстве национальными организациями отражало общий перевес великороссов в партии в целом. Уже в 1922 году великороссы составляли 72% личного состава партии. С учетом же ассимилировавшихся украинцев и евреев этот показатель, вероятно, достигал 80%[19].

[19] Пайпс, ук. соч., стр. 269 и 270. Цифры эти основаны на данных опроса 1922 г.

Преобладание великороссов и обрусевших инородцев среди большевиков тоже было вызвано не столько шовинизмом, сколько другими факторами. Во-первых, в централизованной партии приказы Москвы эффективнее выполнялись русскими ставленниками, чем, скажем, говорящими по-русски татарами. Во-вторых, городское население, за счет которого коммунисты пополняли свои ряды, было большей частью русским.

Начиная с 1919 года, Ленин все острее критиковал методы национальной политики, укоренившиеся в партии. Но ему не удавалось сделать свою критику действенной. Отчасти это было обусловлено тем, что Сталин уже создавал свой личный аппарат власти в партии, опирался на верных ему приближенных и мог игнорировать ленинские взгляды. Серьезный конфликт в руководстве ЦК вспыхнул в связи с захватом Грузии. Воспользовавшись Гражданской войной, Грузия провозгласила независимость и была признана державами Антанты. В Грузии преобладали социал-демократические традиции, и в феврале 1919 года на выборах в Грузинское Национальное Собрание меньшевики получили 105 из 130 мандатов. (Остальные мандаты распределились между националистами, федералистами и эсерами). Большевики в Грузии оставались, как и до революции, небольшой кучкой заговорщиков, лишенной поддержки масс.

В течение двух с половиной лет грузинские меньшевики, стоявшие у власти, пытались — и отчасти успешно — воплотить в жизнь социалистическую политику. 7 мая 1920 года РСФСР подписала с меньшевистским правительством Грузии договор, «безоговорочно» признала ее независимость, отказалась от территориальных притязаний и обязалась воздерживаться от «любого вмешательства» в ее внутренние дела. Немедленно после этого грузинская компартия, которую меньшевики в силу тайной статьи договора обещали легализировать, начала готовить захват Грузии. В феврале 1921 года грузинские большевики спровоцировали восстание, и в страну вошли части Красной Армии.

РСФСР неоднократно пользовалась этим приемом в течение Гражданской войны и, по-видимому, без всяких возражений со стороны Ленина. Но данный случай имел свою специфику. Вторжение в Грузию не могло уже рассматриваться как эпизод еще продолжавшейся Гражданской войны. Грузия имела свое свободно избранное социал-демократическое правительство; ее независимость была признана Советом Антанты и даже самим захватчиком — РСФСР. Это преступное вероломство вызвало оппозицию со стороны ряда советских руководителей. Согласно Троцкому, Ленин тоже поначалу возражал против предательства по отношению к Грузии, рекомендованного, главным образом, двумя грузинами — Сталиным и Орджоникидзе. Позиция Ленина была, вероятно, вызвана не столько принципиальными соображениями, сколько опасениями за последствия. Недаром Ленин взял обратно свои возражения, когда стало ясно, что Совет Антанты не встанет на защиту Грузии. (Ллойд-Джордж заверил в том советского представителя в Лондоне Л.Б. Красина).

Тем не менее, Ленин продолжал бомбардировать инструкциями Орджоникидзе, ставшего подлинным хозяином захваченной Грузии. Ленин настаивал на умеренности действий Кавказского Бюро, навязывавшего решения Москвы центральным комитетам кавказских коммунистических партий, и советовал проявлять уступчивость по отношению к грузинским меньшевикам. Орджоникидзе игнорировал все эти рекомендации[20].

Захват Грузии завершил первый этап воссоединения территорий былой империи. Попытка навязать советский режим Польше силой оружия закончилась поражением, а коммунистические революции в трех Прибалтийских государствах были подавлены. Тем временем власть централизованной администрации, которую партия успешно внедряла в аппа-

[20] Там же, стр. 235 и след.

рате советской системы РСФСР, распространялась и на окраины по мере их постепенного поглощения. Семнадцать автономных областей и республик, основанных между 1920 и 1923 годами, пользовались на практике такой же автономией, как и любая из русских губерний РСФСР. Возглавлявшийся Сталиным Наркомнац постепенно расширял свой бюрократический контроль над всей жизнью национальных меньшинств.

К концу 1922 года назрела необходимость официально оформить захват всех вновь подчиненных Москве территорий. К этому времени стали заметны тенденции националистических оппозиций, которые уже давно подспудно тлели в отдельных национальных компартиях. Тенденции эти выражали разочарование нацменьшинств, поддерживавших большевиков в период Гражданской войны, но утративших после победы веру в коммунистические обещания. Одним из активнейших центров местного коммунистического национализма была Грузия, где компартия сопротивлялась диктатуре Кавказского Бюро.

Недовольство грузинских коммунистов достигло апогея, когда Орджоникидзе отказался поделиться с ними планом формального создания Советского Союза, впервые обсуждавшимся в сентябре 1922 года. По этому плану предполагалось узаконить существовавшее положение вещей и создать единое международно-правовое государство, от имени которого большевики могли бы выступать на арене дипломатической борьбы против внешнего мира.

Проект создания Союза Советских Социалистических Республик был завершен к началу декабря 1922 года. 26 декабря X съезд Советов РСФСР одобрил его, а 29 декабря договор о Союзе был подписан представителями коммунистических партий четырех республик: РСФСР, Украины, Белоруссии и Закавказья. Личный контроль Сталина над выборами делегатов и установленная к тому времени жесткая партийная дисциплина обеспечили разгром оппозиции. Началась работа над проектом Конституции СССР. Окончатель-

ный вариант Конституции, который представила редакционная комиссия, был разработан в Политбюро. Против этого варианта возражали как сторонники еще большей централизации, так и те, кто стоял за подлинную автономию республик. В конце концов, Конституция СССР была одобрена, введена в действие ЦИК 6 июля 1923 года и ратифицирована II Всесоюзным съездом Советов 3 января 1924 года.

В части, посвященной вопросу о федерации, Конституция следовала Договору о Союзе и оставляла за республиками компетенцию только в сфере местных наркоматов: сельского хозяйства, внутренних дел, юстиции, народного образования, здравоохранения и социального обеспечения. Более того, на практике даже эта компетенция была строго ограничена партийным аппаратом, о котором Конституция вообще не упоминала. Право на отделение, «гарантированное» Конституцией, выглядело как насмешка. Выборы в Совет Национальностей, который по новой Конституции создавался при Съезде Советов, контролировались ЦК.

В связи с болезнью Ленин был лишен возможности принимать какое бы то ни было участие в последних дебатах. В сентябре 1922 года он отрицательно отзывался о конституционных предложениях, выдвинутых Сталиным, но критика его игнорировалась[21]. В своих публичных выступлениях, однако, Ленин сначала поддерживал Кавказский крайком против Грузинского ЦК. Телеграмма Ленина грузинским коммунистам от 21 октября 1922 года, посланная в самый разгар конфликта между ними и Орджоникидзе, категорически осуждала грузин за «неприличный» и «нелояльный» тон «брани против Орджоникидзе»[22].

[21] Копии письма Ленина и ответа Сталина находятся в архиве Троцкого, хранящемся в библиотеке Гарвардского университета.

[22] Эта телеграмма полностью приведена у Л. Берии: «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», 5-е изд., Москва, 1939, стр. 216 и 217. Она будто бы исходит из архива Тбилисского филиала ИМЭЛ. Но этот источник вызывает подозрения, так как доклад Берии был написан

В конце октября весь Грузинский ЦК подал в отставку. Для расследования в Тифлис была послана комиссия из трех человек во главе с Дзержинским. Комиссию направили по инициативе Ленина, а Дзержинский был назначен как лицо «беспристрастное». Доклад комиссии оправдывал Кавказский комитет и возлагал вину на Грузинский ЦК, членов которого теперь вызвали в Москву.

Но в течение последующих недель случилось нечто, побудившее Ленина изменить свое мнение и заявить, что грузины неповинны в конфликте. В самом конце декабря 1922 года Ленин продиктовал три работы (записки) по национальному вопросу, которые по-иному освещали картину. (О существовании этих работ стало известно только через несколько месяцев.) «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России, — так начиналась первая записка Ленина, — за то, что до сих пор не вмешался достаточно энергично» в национальный вопрос. Ленин анализировал положение в Грузии и категорически возлагал вину за конфликт на Сталина и Орджоникидзе: «Обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения». Ленин признавал совершенно несостоятельными ссылки на необходимость в «единстве аппарата», который лишь называется «нашим», а на деле «заимствован от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром»[23]. При таких условиях, весьма недвусмысленно на этот раз высказывался Ленин, свобода выхода из Союза выглядит пустой бумажкой, неспособной защитить инородцев от нашествия великорусского шовиниста и бюрократа. В последней записке Ленин переходил к практическим предложениям. Конечно, следует

с целью фальсификации истории партии на Кавказе и возвеличения роли Сталина — см. ниже стр. 559-561. Телеграмма не была перепечатана в 1957 г. при опубликовании дополнительного 37 тома 4-го изд. сочинений Ленина. Но текст телеграммы воспроизведен в 1965 г. в 54 томе, 5-го (полного) издания собрания сочинений Ленина, стр. 299 и 300.

[23] Миро – благовонное масло.

«оставить и укрепить союз социалистических республик». Но союз должен существовать, в основном, лишь по военной и дипломатической линии, а во всех остальных сферах необходимо восстановить полную самостоятельность республиканских наркоматов. Вред от такой автономии, писал Ленин, «бесконечно меньше», чем тот, который проистечет, если накануне выступления Востока и в начале его пробуждения мы подорвем свой авторитет грубостью и несправедливостью по отношению к инородцам или установим «империалистические отношения к угнетенным народностям»[24].

Эти документы поражают нас тем упорством, с которым Ленин не желал видеть реально сложившуюся обстановку. Национальная политика партии не была следствием какого-то специфического шовинизма, воспринятого от царских бюрократов, а, как подчеркивал сам Ленин, — делом рук Сталина, Орджоникидзе и других его учеников. Увеличение числа республиканских наркоматов не могло привнести глубоких изменений, поскольку продолжала существовать система всепроникающей централизованной власти партии, созданная самим Лениным. Для Ленина корень зла все еще состоял в неспособности отдельных руководителей придерживаться определенных норм поведения. Однако нормы эти и не могли существовать среди людей, пусть избранных самим Лениным, но давным-давно развращенных властью, не знавшей никаких юридических ограничений.

Все, что нам известно о последних высказываниях Ленина, заставляет предполагать, что он был чрезвычайно озабочен очевидными недостатками партийного аппарата. Но реформы, которые предлагал Ленин, были нежизненными,

[24] Ленин, изд. 4, т. 37, стр. 553-559. Эти записки были впервые опубликованы в СССР в 1956 г. Историкам за границей они стали известны по тексту, опубликованному в эмигрантской печати, но подлинность текста удалось установить только после смерти Троцкого, когда его архив был передан в библиотеку Гарвардского университета.

ибо они игнорировали действительность. Лейтмотивом последних ленинских работ звучит тема морального разложения партийного аппарата, его неспособности заручиться доверием рядовых членов партии, его бюрократического безразличия к нуждам управляемых, его поглощенности собственными интересами. Все эти обвинения в свое время выдвигала «Рабочая оппозиция» до того, как она была принуждена замолчать. С приближением смерти Ленин старался объяснить самому себе, почему власть большевистской партии не оправдала его надежд. Новый аппарат, утверждал он, есть тот же самый бюрократический аппарат, что действовал и при старом режиме, «только слегка подкрашенный сверху» и «перенятый нами сполна от предыдущей эпохи»[25].

Это сравнение несправедливо по отношению к старому режиму, при котором уже начинали укореняться некоторые элементы законности и ограничений исполнительной власти. Коммунисты уничтожили ростки зарождавшегося в России правопорядка.

Как и разгромленная им «Рабочая оппозиция», Ленин видел опасные симптомы, но не смог диагностировать болезнь. Справедливость требует, однако, указать на то, что любая строка Ленина, предлагавшая ограничить власть партии, была бы тщательно вымарана его преемниками, если бы она и обнаружилась после его смерти. Добрая воля, убежденность, беззаветная преданность ведущих коммунистов своему долгу — вот и все, что Ленин мог предложить в качестве целительных средств. В течение многих лет Ленин трудился над созданием послушного окружения, состоявшего из людей, которые не остановились бы ни перед чем в интересах партии. Теперь же, когда эти люди дорвались до власти — все эти сталины, зиновьевы, орджоникидзе, дзержинские, было

[25] Та же мысль выражена в речи на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г., в которой Ленин критиковал чрезмерную «русификацию» иностранных компартий. Ленин, т. 27, стр. 234 и 235.

наивно ожидать, что их моральный облик изменится к лучшему. Ленин (при всей неразборчивости в средствах для достижения своих целей) сохранил в себе кое-какие искры идеализма. Его аскетическую натуру не развратила власть. Ленин делал зло, стремясь к конечному добру, в которое верил. Как большинство идеалистов, он ожидал того же и от своих ставленников.

Но в конечном итоге лишь одержимость властью, которая доминировала в характере Ленина со времени написания «Что делать?», оказалась единственным постоянным элементом его мышления. Как предсказывал не один его критик в ходе дореволюционных партийных дебатов, Ленин добился захвата власти, но не добился создания свободного государства трудящихся. Оказавшись перед лицом крестьянского восстания, Ленин понял, что выход из кризиса надо искать не в дальнейшей борьбе и насилии, а в длительном периоде гармонии. Так родился НЭП. Страх перед всеобщим восстанием в России в 1921 году имел вполне реальные основы. Но гроза миновала, и тогда вновь сказалась склонность Ленина видеть только те факты, которые укладывались в рамки его догм. Он знал лишь одно правило в политике: никаких компромиссов с противником, пока его платформа не уничтожена. При этом он не видел разницы между, скажем, Столыпиным и Шляпниковым. Великий революционер, но не государственный деятель, Ленин не понял вовремя — а то и вообще не понял, — что единственно верным решением в 1921 году могло быть лишь политическое согласие, а не новая борьба, даже если такое согласие установилось бы ценой монополии коммунистов на власть.

«Говорят, Мартов тоже умирает» — это одна из последних фраз, сказанных Лениным жене. Кто знает, быть может, у него промелькнула мысль, что его позиция в ссоре (в 1903 году) со старым другом, ныне изгнанным из страны, в конечном счете себя не оправдала.

13. СОСТАВ И АППАРАТ ПАРТИИ (1917-1922)

За пять лет — между захватом власти в октябре 1917 года и отходом Ленина в конце 1922 года от активной политической деятельности — партия прошла две фазы роста и две фазы резкого количественного сокращения. Первая фаза роста связана с той притягательной силой, которой обладала партия, ставшая правящей. Но к VIII съезду, в марте 1919 года, стало очевидно, что политика открытых дверей при наборе новых членов угрожает партии наплывом карьеристов. С целью отсева «недостойных» было принято постановление о перерегистрации всех членов партии, которых теперь насчитывалось около 250.000[1].

К осени 1919 года численный состав партии сократился приблизительно до 150.000, то есть почти наполовину, но очень скоро наступила вторая фаза быстрого роста. Большевистская власть теперь оказалась припертой к стене событиями Гражданской войны; поэтому принадлежность к партии включала элемент личного риска. Массовая вербовка, казалось, не угрожала привлечением «недостойных» элементов. «Недели партии», проведенные в октябре-декабре 1919 года, дали около 200.000 новых рекрутов, а ко

[1] Согласно А. Бубнову, БСЭ, т. XI, стр. 531, численный состав партии возрос со 115.000 1 января 1918 г. до 251.000 1 января 1919 г., но другие источники дают иные цифры. Резолюцию съезда см. в «КПСС в рез.», т. 1, стр. 441 и 442, а текст резолюции ЦК о том, кого следует чистить, см. Merle Fainsod, *Smolensk under Soviet Rule*, Cambridge, Mass., 1958, стр. 210.

времени IX съезда в марте 1920 года в партии состояло уже 611.978 человек[2]. В течение последующего года вербовка продолжалась, хотя и более медленными темпами. К открытию X съезда в марте 1921 года партия насчитывала почти три четверти миллиона членов.

X съезд, который во многих отношениях явился как бы водоразделом в развитии партии, ввел дополнительные строгости в правила приема новых членов. С одной стороны, по окончании Гражданской войны принадлежность к партии больше не требовала самоотверженности, и перед карьеристами открылась зеленая улица. С другой стороны, Кронштадтское восстание и симптомы бунта в самой партии выдвинули на первый план «пролетарскую» правоверность и дисциплину. Съезд дал понять, что в партии будет проведена чистка, и 30 июня 1921 года «Правда» объявила, что чистка начнется 1 августа. Рабочие и крестьяне проходили только через минимальные формальности. Главной мишенью чистки становились должностные лица, служившие еще при старом режиме, бывшие члены других политических партий, а также те, кто занимал ответственные посты либо работал в государственном аппарате. Было решено немедленно приостановить прием новых членов, за исключением ограниченного числа рабочих и крестьян на особых условиях. Позднее разъяснялось, что, в то время как крестьян-бедняков следует всеми способами удерживать в партии, «кулацкие элементы» должны быть отсеяны, так как они сознательно или несознательно ведут к расколу[3]. Чистка была поручена Центральной контрольной комиссии в составе 5 человек, которые и действовали через посредство проверочных комиссий[4].

Руководящие органы предупреждали, что чистка не должна использоваться в целях репрессирования «инакомысля-

[2] «Изв. ЦК», № 15, 24 марта 1920; Бубнов, там же.
[3] СПР, № 2, стр. 74-77.
[4] Там же, стр. 77 и 78.

щих», таких, например, как «бывших» членов «Рабочей оппозиции». Несмотря на это, чистка широко толковалась в партии как новая попытка принуждения рядовых членов к беспрекословному повиновению[5]. Сколько коммунистов выбыло из партии в ходе этой чистки за высказывание своего мнения или за открытую критику, установить невозможно. До начала 1922 года было исключено 136.386 человек, то есть одна пятая личного состава партии. 11% исключенных лишились партийных билетов «за отказ от выполнения директив», причем многие из них действительно были реальными или потенциальными оппозиционерами. Среди самых обычных причин назывались: «пассивность» (33,8%), карьеризм, пьянство, буржуазный образ жизни (25%), а также взяточничество, вымогательство и т.п. (9%)[6].

Сокращение численного состава в 1921-1922 годах нельзя объяснить только изгнанием из партии большого количества ее членов. Многие покидали партию по собственному желанию. С окончанием Гражданской войны революционный пыл пошел на убыль, и одно это обстоятельство часто приводило к выходу из партии. Разочарование, смятение, отвращение, которые испытывали более ортодоксальные левые члены партии после введения НЭПа, а также подавление независимой мысли — все это побуждало покидать ряды партии. Уже в марте 1921 года ЦК открыто упомянул о широко распространенных индивидуальных и групповых выходах и решил тщательно расследовать, кто именно выходит из партии[7]. «Рабочая оппозиция» утверждала, что выход принял характер массового исхода, затронувшего в первую очередь пролетарский элемент. Массовый выход продолжался

[5] См. «Изв. ЦК», № 33, октябрь 1921 г.

[6] «Изв. ЦК», № 40, март 1922 г. Бывшие члены других партий составляли почти пять процентов всех исключенных, то есть около 6.000 человек (треть из них – бывшие меньшевики).

[7] СПР, № 2, стр. 79.

не только в 1921 году, но и в последующем году, когда таких случаев насчитывалось, по официальным данным, 14.000[8].

В общем, в результате чистки и выхода из партии число ее членов и кандидатов в члены сократилось за период между мартом 1921 года и январем 1922 года с 730.000 до 515.000. После этого сокращение численного состава стало менее резким, и к 1 января 1923 года общее число партийцев, включая кандидатов, составляло 485.500[9]. В этот период относительной устойчивости коммунистическая партия, избавившись от двух крайностей — от большей части революционных романтиков и от беззастенчивых карьеристов, стабилизировалась. Уже тогда можно было различить многие характерные черты, отметившие ее в течение будущих десятилетий.

Из кого же состояла коммунистическая партия в те ранние годы ее власти? Прежде всего, это была партия молодых. В конце 1919 года больше половины ее членов были моложе 30 лет, и только 10% — старше 40 лет. В своем подавляющем большинстве членами партии являлись люди с небольшим политическим опытом и со сравнительно низким образовательным уровнем. Даже в октябре 1919 года только 20% членов партии обладали партийным стажем, начавшимся до захвата власти, и только 8% вступили в партию до Февральской революции. Еще 4,5% являлись бывшими членами других левых партий. В тот же период только 5% членов партии имели высшее и только 8% — среднее образование[10]. Далее, это была преимущественно мужская партия, несмотря на традиционное участие женщин в русском революционном движении. Женщины составляли лишь 7,5% от общего числа партийцев в 1922 году, но постепенно их количество возрастало[11]. Определение социального состава пар-

[8] « Изв. ЦК », № 4 (52), апрель 1923 г.

[9] Там же.

[10] « Изв. ЦК », № 15, 24 марта 1920 г.; эти соотношения основаны на пробных опросах 20.000 членов партии.

[11] « Изв. ЦК », № 1 (49), январь 1923 г.

тии затруднительно по двум причинам. Первая, более очевидная из них, заключается в том, что очень многим было выгодно скрывать непролетарское происхождение; делалось это с легкостью из-за хаоса в архивах. Сокрытие буржуазного происхождения — распространенная причина исключения в начале 1920-х годов. Какому числу людей удалось утаить свое происхождение, никто никогда не узнает. Вторая трудность состоит в самом определении социальной принадлежности. В партийных списках того времени социальный класс члена партии регистрировался не по общественному положению его родителей и не по роду его занятий, а согласно общественному положению, которое он занимал в начале революции. В октябре 1919 года, когда партия стояла накануне второй фазы послереволюционного роста ее рядов, 52% всех членов партии считались рабочими, 15% — крестьянами, 18% — служащими и 14% — «интеллигентами». Но в то же время только 11% фактически работали в промышленности, а так как даже из них многие занимали административные или хозяйственные посты, то процент людей действительно физического труда был ничтожным. Не менее 53% членов партии в то время работали в правительственных учреждениях, 8% были партийными или профсоюзными работниками, 27% служили в Красной Армии[12].

Недостаточны данные и относительно социального состава второй волны новобранцев, влившихся в партию в последнем квартале 1919 года и в 1920 году. Ясно, однако, что это пополнение привело к значительному росту процента крестьян в ущерб «рабочему элементу». К сентябрю 1920 года в сельских организациях состояло свыше 180.000 членов и кандидатов в члены партии, то есть в пять раз больше, чем в октябре 1919 года[13]. Многие такие новобранцы

[12] «Изв. ЦК», № 15, 24 марта 1920. Основано на пробных опросах 17.000-30.000 членов партии.

[13] «Изв. ЦК», № 8, 2 декабря 1919 и № 22, 18 сентября 1920 г.

были «деревенскими пролетариями» или «сельской интеллигенцией», но большинство из них значились крестьянами. Официальный анализ классовой принадлежности свидетельствует о сокращении «рабочих» с 57% в 1918 году до 41% в 1921 году и о росте «крестьянского» элемента за тот же период с 14,5% до 28%. Количество служащих и «других» слегка возросло и достигло 31%[14].

По-видимому, чистка 1921 года чувствительнее всего задела крестьян и служащих. Соотношение слегка изменилось в пользу рабочих, и тенденция эта существовала в течение всего 1922 года[15]. К 1922 году, однако, партия опять начала проявлять признаки озабоченности из-за того, что в известной степени она теряла авторитет у крестьянства. Поэтому набор в партию крестьян в 1922 году поощрялся больше, чем того желал Ленин, и вопреки его советам[16].

Если взглянуть на официальный анализ классовой принадлежности, то окажется, что достижения партии на этом этапе в деле увеличения своего рабочего элемента не особенно внушительны. Только 12% новобранцев 1922 года были действительно рабочими в момент вступления в партию. Около 30% — служили в Красной Армии, но из них только седьмую часть составляли рядовые красноармейцы[17]. Таким образом, существовавшие тогда условия вербовки новых членов, официально нацеленные на прием только подлинных пролетариев, применялись довольно своеобразно: в партию втягивали, в основном, тех рабочих, которые добились повышения и тем самым оторвались от своего класса.

Теперь можно попытаться подвести итоги социальному составу партии после первых пяти лет ее власти. Официаль-

[14] Бубнов, см. прим. выше.

[15] «Изв. ЦК», № 40, март 1922 и № 10 (46), октябрь 1922.

[16] О том, как к этому времени игнорировались взгляды Ленина, см. подробности в *The Origin*, стр. 340-342.

[17] «Изв. ЦК», № 10 (46), октябрь 1922 г.

ный анализ классовой принадлежности, опубликованный в начале 1923 года, определял процент рабочих в 45, крестьян — в 26 и «других» — в 29. Пытаясь исправить нежелательное впечатление о социальном составе партии (более половины ее членов — лица непролетарского происхождения), ЦК через три месяца опубликовал совершенно другие сведения. Теперь к категории рабочих причислялись служащие и, кроме того, так называемые «прочие», имевшие только начальное образование. В результате таких подтасовок можно было прийти к выводу, что около двух третей партии составляют «пролетарские элементы»[18].

Однако официальные подсчеты игнорировали изменения общественного положения членов партии, происшедшие со времени революции. Значительный процент «рабочих» и «крестьян» уже занимал относительно привилегированные должности ко времени своего вступления в партию. Другие же получили повышения спустя какое-то время после выдачи им партийных билетов. Более реалистический анализ общественного положения партийцев должен исходить из фактического рода их занятий в 1923 году. Все сведения для такого анализа находились в распоряжении ЦК, ибо были собраны в результате партийной переписи, проведенной в 1922 году. Ожидаемый анализ, по-видимому, так и не был обнародован; весьма вероятно, что любое исследование статистических данных (в случае их опубликования) явилось бы веской аргументацией в руках оппозиционеров.

Ближе всего к истинному отражению фактического рода занятий можно считать перечень различного вида партийных ячеек. Этот документ показывает, что 18% членов партии состояли в заводских и транспортных ячейках, 24% — в военных, 30% — в крестьянских, 19% — в советском аппарате[19]. Остальные 9%, вероятно, — партийные работники в

[18] «Изв. ЦК», № 1 (49), январь 1923 г. и № 4 (52), апрель 1923 г.
[19] «Изв. ЦК», № 11-12 (47-48), ноябрь-декабрь 1922 г.

центре и на периферии, студенты или лица без определенной профессии. О том, какой процент членов партии, занятых в промышленности, составляли конторские служащие и администрация, а также какой процент составляли лица, занятые непосредственно физическим трудом, можно только догадываться. Неизвестно также, сколько человек в Красной Армии принадлежало к командному, административному или профессионально-партийному составу, и сколько членов партии было среди рядовых красноармейцев, хотя пропорция шесть к одному в ходе набора 1922 года сама по себе содержит кое-какие указания. Имеется также описание личного состава сельских ячеек, касающееся, правда, только одной губернии, зато достаточно типичной. Только одна четверть членов этой ячейки была занята в сельском хозяйстве, в то время как две трети — на советской или партийной работе и в кооперации[20]. Эти цифры позволяют сделать следующий подсчет: даже если половина членов промышленных и военных ячеек были соответственно простыми рабочими и рядовыми красноармейцами — оценка заведомо великодушная, — то все же около двух третей всех членов партии в 1922 году занимали более или менее привилегированные посты.

Изучение партийной элиты в годы становления вскрывает некоторые поразительные подробности. Значительный процент новых людей всплыл на поверхность политических событий только накануне захвата власти, однако они сразу же встали бок о бок с Лениным и его ближайшим окружением. Так, среди двадцати шести членов ЦК, избранного на VI съезде в августе 1917 года, имелся ряд лиц, совсем недавно вступивших в партию, и самым видным из них был Троцкий. Несколько других, вроде Бухарина, хотя и обладали большим партийным стажем, никогда не работали непосредственно под ленинским руководством. Значительная

[20] «Изв. ЦК», № 1 (49), январь 1923 г.

доля трений внутри партии в первые годы коммунистического режима объясняется именно этим обстоятельством. Иное положение существовало в действующем партийном аппарате, то есть среди лиц, занимавших ключевые посты. Здесь преобладали дореволюционные сотрудники Ленина. Так, обзор биографий около четырехсот ответственных партработников, занявших ключевые посты после захвата власти большевиками, показывает, что в подавляющем большинстве они, еще задолго до революции, были верными проводниками ленинской политики в подпольных комитетах, в боевых организациях, в профсоюзах и в большевистской печати. Вот почему послереволюционная организационная структура партии была близка к дореволюционной подпольной структуре[21]. Перерождение характера высшей партийной бюрократии, на которое жаловались как Ленин, так и оппозиционеры после 1921 года, было, выходит, вызвано не сдвигами в социальном происхождении высшей партийной элиты, а той коррупцией, которую несла неограниченная власть.

Аналогичная картина предстанет перед нами при рассмотрении должностей, занимаемых после 1917 года рядовыми членами партии с дореволюционным стажем — «подпольщиками», как они тогда назывались. Масса послереволюционных новобранцев в конце концов поглотила подпольщиков. Даже в такой привилегированной среде, как делегаты партийных съездов, «подпольщики» составляли лишь немногим больше одной трети в 1921 году и менее половины в 1922 году. Знаменательно, однако, что чем ближе мы подходим к власти, тем выше становится процент старых большевиков; кроме того, тенденция использования старых большевиков в партийном аппарате местных организаций усилилась к 1922 году[22]. Бóльшая часть быстро умножавшейся армии пар-

[21] Такой анализ был сделан С. В. Утехиным в его докторской диссертации *The Origin of the Ruling Class in Soviet Society* (Oxford).

[22] «Изв. ЦК», № 9, 20 декабря 1919 г., № 39, март 1922 г. и № 42, июнь 1922 г. Информация о делегатах основана на отчетах, делавшихся на отдельных съездах.

тийных работников принадлежала уже к послереволюционному поколению. Один тот факт, что средний возраст делегатов съездов между 1917 и 1921 годами оставался неизменным, иллюстрирует, в какой степени обновлялся этот руководящий слой.

Внутри самой партии многие критики утверждали, что партийная бюрократия становилась менее пролетарской по своему происхождению. Но преобладание коммунистов-интеллигентов и служащих в партийном аппарате объясняется очень просто. Аппарат партийной бюрократии рос и усложнялся; диапазон задач, с которыми ему приходилось иметь дело, неизменно расширялся, и образовательный уровень, более высокий, чем обычный уровень человека физического труда, становился необходимым для тех, кто пополнял собою этот аппарат. Исследование около 15.000 биографий ведущих партийных работников в 1921 году показало, что лишь немногим больше одной трети из них могли сослаться на пролетарское происхождение[23]. «Пролетарский элемент» не преобладал и среди дореволюционных «подпольщиков». Напротив, значительное количество комитетчиков в дореволюционные годы происходило либо из интеллигенции, либо из семей служащих; с другой стороны, значительный процент старых революционеров пролетарского происхождения к 1921 году был настроен против руководства и быстро вытеснялся из партии. Таким образом, к 1921 году диктатура была пролетарской только на словах, а отнюдь не по социальному происхождению власть имущих.

* * *

В 1922 году ленинское руководство, фактически непререкаемое с 1903 года, подходило к концу. Авторитет Ленина был все еще высок, но на деле его советы могли игнориро-

23 «Изв. ЦК», № 39, март 1922 г.

ваться и в ряде случаев действительно игнорировались. Хотя в то время это еще не было слишком заметно, наибольшая власть сосредоточивалась в руках Сталина. Ленин добился власти и сумел удержать партию у кормила государства в значительной степени благодаря своему контролю над аппаратом. Но до 1921 года аппарат этот являлся относительно простым механизмом. Возглавлять же громоздкую машину, которая начала создаваться после 1920-1921 годов, должен был уже специалист по администрации, отдающий этому делу все силы. Такая задача была не по плечу мягкому, склонному к миролюбивым решениям Крестинскому — первоначально назначенному секретарю партии. Не справился с подобной работой и Молотов, назначенный секретарем ЦК партии (вместе с другими) в 1921 году. В 1922 году выбор пал на Сталина, обладавшего соответствующим талантом. Ранее, с 1919 по 1922 год, Сталин возглавлял Наркомат государственного контроля, затем переименованный в Рабоче-крестьянскую инспекцию (Рабкрин). Назначение нового секретаря происходило, по-видимому, с согласия Ленина, хотя он, по крайней мере с 1921 года, относился весьма критически к тому, как Сталин выполнял свои обязанности в Рабкрине[24]. В руки Сталина теперь переходил огромный аппарат, контролировавший всю государственную машину. Вскоре этот аппарат приобрел статус комиссариата, стоявшего над другими комиссариатами, стал недреманным оком партии, наблюдавшим за административным механизмом в масштабе государства.

Положения, касавшиеся структуры партии, были изложены в Уставе, но они периодически пересматривались. Действующий в то время Устав был принят в августе 1922 года на XII Всероссийской конференции РКП(б). Согласно

[24] См. письмо Ленина Сталину от 7 сентября 1921 г., когда Сталин все еще возглавлял этот комиссариат; Ленин, т. 27, стр. 14-20. Ответ Сталина – там же, стр. 501.

этому Уставу, очередные съезды должны созываться ежегодно, так же как и менее официальные конференции, созываемые в промежутках между партийными съездами. Иерархия организаций в РСФСР (то есть субординация комитетов, действовавших в промежутках между съездами или конференциями) выглядела следующим образом: ЦК, областные комитеты или ЦК национальных коммунистических партий, губернские комитеты, уездные комитеты, волостные комитеты, фабрично-заводские и красноармейские комитеты или партийные ячейки в отдельных организациях. Взаимоотношения областных комитетов с центральными комитетами национальных компартий определялись весьма нечетко. Эти передовые посты ЦК (именно такова была их функция) использовались для контроля над каким-либо непокорным национальным комитетом. Кроме того, перечисленные организации во всех отношениях подчинялись вышестоящим инстанциям. В частности, все низовые организации, будучи избранными, утверждались непосредственно вышестоящим комитетом. Для всех секретарей губернских комитетов — важнейших фигур в сети партийного руководства был обязателен дореволюционный партийный стаж. Все они тоже утверждались вышестоящей инстанцией, то есть практически центральными органами партии[25]. В 1922 году эти правила толковались так: центральные партийные органы не только имели право решать, кто должен быть «избран» секретарем каждого комитета, но и смещать и заменять членов комитета, состав которого им не нравился.

Ленин всегда стремился к контролю над большевистским движением из единого центра, куда входил он сам и немногие близкие к нему сотрудники. Хотя Политбюро, учрежденное накануне захвата власти, было вскоре распущено (на VII съезде, в марте 1918 года), никаких аналогичных органов создано не было. Отказ левых коммунистов войти в

[25] «КПСС в рез.», т. I, стр. 563 и 564.

новый ЦК, многие члены которого практически не участвовали в его работе, свидетельствует о том, что важнейшие партийные решения принимались весьма небольшой группой лиц. Возможно, что в течение 1918 года Ленин привык управлять делами с помощью одного только Свердлова, исполнявшего обязанности секретаря ЦК. Опыт управления при участии всего состава ЦК в начале 1919 года убедил Ленина в необходимости создания более узкой руководящей группы. Кроме того, во время Гражданской войны вся организационно-политическая работа по обеспечению военных ресурсов оставалась делом Совета рабоче-крестьяской обороны (в составе шести человек), учрежденного 30 ноября 1918 года. Председателем Совета был Ленин, а в число его членов входили Троцкий и Сталин. Во всяком случае, на VIII съезде, в марте 1919 года, Политбюро было восстановлено.

Предоставление политической власти узкой группе, вроде Политбюро, не было, таким образом, отходом от традиционной практики. Можно даже сказать, что любая попытка превратить ЦК — группу из девятнадцати членов и восьми кандидатов — в подлинно решающий орган партии в промежутках между съездами и конференциями была бы большим отходом от практики. Тем не менее, руководители партии отдавали себе полный отчет в том, что любая подмена Центрального Комитета, избираемого партийным съездом и ответственного перед ним, каким-либо более узким кругом руководителей, вызвала бы подозрение и недовольство делегатов очередного съезда. Колебания партийных вождей явно демонстрируются тем, что мысль о создании Политбюро была выдвинута Зиновьевым в качестве «личного предложения». Опасения руководителей насчет вероятного сопротивления съезда оправдались, и бывший левый коммунист Осинский — в то время демократический централист — изложил предельно ясно подозрения по этому поводу.

Руководители подсластили пилюлю, обещая, что пленумы ЦК будут собираться, по крайней мере, дважды в месяц и что члены ЦК, не состоящие в Политбюро, смогут, тем не

менее, присутствовать на его заседаниях, хотя и без права голоса. Политбюро должно было ведать только срочными вопросами и полностью информировать ЦК о своей деятельности. На этих условиях съезд принял предложение. С 1919 по 1921 год в состав Политбюро входили Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев и Крестинский. В 1921 году Крестинского заменил Зиновьев, а в 1922 году в Политбюро были введены Рыков и Томский.

Если учреждение Политбюро было не более чем подтверждением существующей практики, то образование Организационного бюро (Оргбюро) в марте 1919 года в качестве второго подкомитета ЦК, отчасти тождественного по своему составу с Политбюро, но стоявшего ниже его по статусу, было подлинным нововведением. Согласно высказыванию Ленина, проведение точного разграничения компетенции двух бюро было невозможным, но принцип все же существовал: «Оргбюро распределяет силы, а Политбюро ведает политикой»[26].

С самого начала Политбюро и Оргбюро подменили собой ЦК. Случилось именно то, чего опасались их критики. Между апрелем и ноябрем 1919 года ЦК созывался только 6 раз вместо ожидаемых шестнадцати. Политбюро же собиралось на 29 отдельных заседаний и на 19 заседаний совместно с Оргбюро, а последнее провело не менее 110 собственных заседаний[27]. Скоро выяснилось, что фактически Оргбюро становится чем-то вроде младшего Политбюро.

Тем временем возник как бы третий подкомитет ЦК. Это был Секретариат. До 1920 года в ЦК был только один секретарь — Свердлов (до его смерти, последовавшей в марте 1919 года), а затем — Крестинский. Но в марте 1920 года назначаются еще два секретаря — Преображенский и Серебряков. Каждый из них нес ответственность за определенную группу отделов ЦК, и постепенно вошло в обычай, что во-

[26] Ленин, т. 25, стр. 112.
[27] «Изв. ЦК», № 18, 23 мая 1920 г.

просы, заслуживавшие внимания одного из секретарей, оставались вне компетенции даже Оргбюро и могли решаться посредством консультации трех секретарей. Таким образом, Секретариат взял на себя полномочия реального руководства. Отношения, сложившиеся между Секретариатом и Оргбюро к 1921 году, определялись по формуле: «В случае отсутствия протеста со стороны членов Оргбюро... решение Секретариата считается решением Оргбюро»[28]. Эти четыре сложно взаимодействовавших органа — полный состав ЦК, Политбюро, Оргбюро и Секретариат фактически контролировали все стороны жизни государства. Они предоставляли огромные возможности человеку, способному править ими и координировать их деятельность. Начиная с 1922 года, Сталин был единственным большевистским руководителем, одновременно состоявшим членом всех четырех органов. И он воспользовался этими возможностями.

Из остальных членов Политбюро в 1922 году Зиновьев и Каменев, фактические хозяева соответственно Петрограда и Москвы, обладали значительной местной властью. Троцкий не имел «своего» партийного аппарата, и его репутация сильно пошатнулась в результате нападок на него в ходе дискуссии о профсоюзах в 1920-1921 годах. Троцкий — в особенности ввиду угасавшего влияния Ленина — был беззащитен перед лицом яростных атак со стороны Сталина и Зиновьева. Рыкову предстояло заменить Ленина в качестве председателя Совнаркома, а Томский в то время ведал профсоюзами. Ни один из этих людей в 1922 году не обладал властью или влиянием, которые шли бы в сравнение с властью и влиянием Сталина. Поэтому позднейшие утверждения Троцкого и других, будто приход Сталина к власти в 1922 году был чем-то совершенно неожиданным, нельзя не рассматривать скептически.

* * *

[28] «Изв. ЦК», № 31, 20 июля 1921 г. См. также № 3 (51), март 1923 г. – со ссылкой на совещания заведующих отделами ЦК.

Уже в первые послереволюционные годы отношения между большевистской партией и большевистским государством претерпели радикальное изменение. Ленинское учение о партии как об организации профессиональных революционеров, как о «генеральном штабе» революции, несомненно, содержало в себе зерно более позднего понимания партии как «руководящей и направляющей силы» советского общества. Партия, по-видимому, вступила в революцию, не имея намерений преобразовать свою структуру и методы заговорщической организации в структуру и методы правящей партии. Не было даже попыток заранее продумать вопрос, какие административные отношения должны существовать между органами партии и органами нового советского государства. Может быть, в этом проявилось пренебрежение большевиков к административным формам вообще. Среди большевиков существовала иллюзия, которую поддерживал и Ленин, будто администрирование — дело пустячное, будто его можно без риска поручить «любой кухарке», конечно, при том условии, что она пролетарского происхождения.

В результате взаимоотношения между партией и Советами в ранний период сложились стихийно, благодаря условиям и обстоятельствам революции, и не были запланированы или навязаны кем бы то ни было. В самом начале партия показала классический пример того, что представляет собой на деле роль «руководящего ядра». Именно партия приняла решение о захвате власти Советами и провела это решение в жизнь; сами же Советы были лишь рычагами в руках партии. Но как только Временное правительство было свергнуто, как только власть закрепилась за исполкомами Советов в центре и на местах, всех опытных и авторитетных работников партии поставили во главе этих исполкомов, а Ленин стал председателем Совнаркома. В результате Советы стали органами, где принимались важные решения, и советская сеть фактически подменила собой партийную сеть в качестве главного канала, через который центральное большевистское руководство осуществляло власть на местах.

В первые месяцы после Октябрьской революции в провинции проявлялись сильные тенденции к дроблению и местничеству. Многие сельсоветы и горсоветы противились всякому авторитету извне и постепенно объединялись только со своими соседями, образуя местные республики, вроде Казани и Калуги, прославившиеся своим сопротивлением центральной власти. К середине 1918 года большевики, в основном, справились с этими тенденциями. Важно, однако, отметить, что они добились этого скорее путем прямого сотрудничества между большевистскими руководителями советских органов (Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и губисполкомов), чем по линии иерархии партийных комитетов[29].

В связи с тем, что большевистская власть стала осуществляться почти исключительно через советский аппарат, а партийная машина начала отмирать, встал вопрос о том, какие функции должны отныне выполнять партийные органы. Высказывалось даже мнение, согласно которому партия сделала-де свое дело и ее можно упразднить, поскольку есть Советы, где коммунистическое большинство[30]. Очевидно, партийное руководство на этом этапе поняло, что дело зашло слишком далеко, и Свердлов (главная организующая сила партии) сказал на VII съезде партии в марте 1918 года, что отныне придется уделять гораздо больше внимания организации партии, как таковой, и что партия должна впредь выполнять «значительную долю той работы, которая до сих пор выполнялась Советами»[31].

[29] М. Владимирский «Организация советской власти на местах», Москва, 1919, стр. 52 и 53. К декабрю 1919 г. коммунисты составляли соответственно 92,8% и 82,2% общего числа работников губернских и уездных исполкомов. – М. Владимирский, «Советы, исполкомы и съезды Советов», ч. I, Москва, 1920, стр. 9.

[30] См. речь Преображенского на IX съезде партии, «IX съезд», стр. 68.

[31] «VII съезд», стр. 194 и 195.

В течение следующего года, однако, это заявление оставалось лишь благим пожеланием. Вызвано это было двумя причинами. Более важная из них состояла в том, что секретарь ЦК Свердлов, контролировавший партийный аппарат, был также председателем ВЦИК съезда Советов и таким образом имел в своем распоряжении крупный и теперь уже централизованный советский аппарат. Неудивительно поэтому, что в ходе Гражданской войны Свердлов стремился использовать имевшийся аппарат для управления провинцией, положив пока под сукно план восстановления мощного партийного аппарата.

Другим фактором, определявшим подчиненное положение местных партийных органов, была их финансовая зависимость от исполкомов Советов, которая «осложняла задачу партийных комитетов по надзору над работой исполкомов». В результате, вплоть до 1919 года, местные комитеты партии почти не имели постоянных штатов, их функции ограничивались, в основном, пропагандой, и они полностью зависели от исполкомов местных Советов, которые в свою очередь были укомплектованы ведущими местными коммунистами. Таким образом, партийные органы превратились, по выражению секретаря ЦК, просто в «агитотделы местных Советов»[32].

Может быть, эта система была терпимой и удобной, пока во главе партийной и советской иерархии стоял такой необычный человек, как Свердлов. Но в марте 1919 года, накануне VIII съезда, Свердлов скончался. Исчез краеугольный камень существовавшей системы, и большевистские вожди не могли больше откладывать в долгий ящик вопрос об отношениях между партией и государством. Результаты их дискуссий отражены в пространной и путаной резолюции по организационным вопросам, принятой VIII съездом. Суть ее состояла в том, что следует положить конец слиянию партийных органов с советскими. Партийные комитеты должны

[32] «Изв. ЦК», № 16, 28 марта 1920 г. «IX съезд», стр. 25 и 26.

занять положение, позволяющее им «контролировать» правительственные органы и «руководить» их работой, давая указания партийным «фракциям» этих органов, но не принимая на себя детальной административной работы[33]. Однако трудная проблема — как на практике «руководить» и «контролировать», не умаляя при этом значения советских органов, не была разрешена. Не разрешена она и поныне.

Для выполнения этой программы необходимы были три важнейших условия. Во-первых, партия должна была обладать большим, хорошо организованным штатом. До того времени ЦК не располагал разбитым на отделы административным аппаратом. Свердлов управлял партийной иерархией единолично с помощью небольшой группы сотрудников, которая к моменту его смерти насчитывала 15 человек[34]. Теперь было решено предоставить в распоряжение вновь назначенного секретаря ЦК Крестинского соответствующим образом организованный штат, разделенный на девять отделов[35].

Второе условие состояло в том, чтобы партийный аппарат обладал соответствующими полномочиями для выполнения своих «контрольных» функций. Самой важной задачей при этом был контроль над расстановкой кадров. Поэтому VIII съезд постановил: «... все дело распределения партийных работников находится в руках партии. Его решение обязательно для всех... ЦК поручается вести самую интенсивную борьбу против всякого местничества по этим вопросам»[36].

И, наконец, необходимо было покончить с финансовой зависимостью партийных органов от соответствующих совет-

[33] «КПСС в рез.», т. I, стр. 446. В следующем году дисциплинарный контроль над партийными «фракциями» и ячейками был усилен. См. «Изв. ЦК», № 33, октябрь 1921 г. и СПР, № 2, 1922, стр. 42.

[34] «Изв. ЦК», № 8, 2 декабря 1919 г. Согласно Крестинскому, выступавшему на X съезде, штат ЦК к моменту смерти Свердлова составлял 30 человек, но эта цифра, вероятно, включала и машинисток. См. «X съезд», стр. 15.

[35] «Изв. ЦК», № 16, 28 марта 1920 г.

[36] «КПСС в рез.», т. I, стр. 444.

ских органов. Только спустя четыре-пять месяцев после VIII съезда руководство сообразило, что такая зависимость тормозит восстановление партийного аппарата. Поэтому было принято решение финансировать местные партийные комитеты прямо через ЦК, а Наркомату внутренних дел предложили выделить Центральному Комитету соответствующие фонды для этой цели. Вскоре сеть партийных работников все больше стала заменять собой исполкомы Советов. К 1921 году секретарь партийного комитета подменил председателя исполкома Совета в качестве руководящего работника местного масштаба. К марту 1922 года дело зашло так далеко, что XI съезд был вынужден принять решение о необходимости «разгрузить партию от ряда вопросов чисто советского характера, которые ей пришлось брать на себя в предшествующий период»[37].

Вскоре новый центральный аппарат партии начал укреплять свои позиции. Первым его шагом явилась ликвидация автономии различных партийных учреждений и организаций, действовавших до тех пор вне контроля центрального аппарата. Многое в этой области было уже сделано в 1917 и 1918 годах, но автономные организации продолжали существовать — на железнодорожном транспорте, на почте и телеграфе, в армии и т. д. В марте 1918 года VIII съезд решил поэтому «постепенно ликвидировать такие организации, растворив их в общей коммунистической организации»[38].

Второй шаг — полное подчинение местных комитетов партии Центральному Комитету. Начало этому процессу было

[37] «КПСС в рез.», т. I, стр. 600. С осужденным VIII съездом слиянием местных и правительственных органов не было покончено. Изменение состояло лишь в том, что решающее место в рамках объединенной системы перешло к партийным комитетам. Штаты партийных и правительственных органов на местах продолжали перекрываться. См. «Изв. ЦК», № 37, январь 1922 г.

[38] «КПСС в рез.», т. I, стр. 443.

положено еще в 1918 году, но поскольку задача еще не была решена ко времени VIII съезда, предстояло проделать гигантскую работу. Это видно хотя бы из того, что ЦК, поддерживавший контакты с большинством местных организаций, не имел прямых связей с половиной уездных организаций. Регулярной системы отчетности перед ЦК также не было, и как структура, так и методы местных партийных органов отличались довольно большими контрастами. Штат Крестинского старательно взялся за установление связи между центром и провинцией в обоих направлениях. Количество отчетов, протоколов заседаний комитетов и тому подобных документов, поступавших в ЦК от местных партийных организаций, составляло в мае 1919 года всего 470. Но уже к лету 1920 года количество документов превышало 4.000 в месяц. В декабре 1919 года ЦК установил прямой контакт с 95% уездных комитетов. Тем временем количество циркуляров, направляемых ЦК местным организациям, возросло с 71 в период с апреля по ноябрь 1919 года до 253 в 1921 году. В течение 1920 года контакты ЦК с местными органами партии касались, в основном, внутренних вопросов. К 1921 году ЦК переключил свое внимание с вопросов внутренней организации на вопросы идеологии, подбора кадров, а также на деятельность непартийных органов[39].

По мере того как расширялся круг деятельности ЦК, непомерно разрастались и его штаты. Если в декабре 1919 года аппарат ЦК насчитывал всего 80 человек, то к марту 1920 года он вырос до 120, а годом позже насчитывал уже 602 человека[40]. С тех пор он оставался, в основном, на том же уровне. Аппарат этих ранних лет требует более внимательного рассмотрения, так как именно тогда возникли про-

[39] «Изв. ЦК», № 16, 28 марта 1920 г.; № 22, 15 сентября 1920 г.; № 8, 2 декабря 1919 г.; № 39, март 1922 г.

[40] «Изв. ЦК», № 8, 2 декабря 1919 г.; № 28, 5 марта 1921 г.; № 3 (51) март 1923 г.

блемы и методы их решения, определявшие форму аппарата во все последующие годы.

Из девяти отделов, запланированных на VIII съезде в 1919 году, пять было учреждено немедленно: Отдел информации и статистики (Информотдел), задача которого состояла в получении от местных комитетов партии данных об их составе, структуре, методах и деятельности; Организационно-инструкторский отдел (Орготдел), ответственный за разработку и внедрение организационных форм партийного аппарата, а также за контроль над его деятельностью; Учетно-распределительный отдел (Учраспред), занятый сбором статистических и персональных данных о членах партии, на основе которых ЦК назначал и расставлял кадры. Кроме того, некоторое время существовали Выездная инспекция и Общий отдел, то есть управление делами ЦК[41]. В 1919 году были созданы два дополнительных отдела — Сельский отдел, ведавший главным образом пропагандой среди крестьян, и Отдел работы среди женщин.

Помимо вышеупомянутых основных отделов ЦК, существовали также специальные «бюро» и «группы», отвечавшие за партийную работу среди национальных меньшинств. Эти бюро через национальные секции местных партийных органов ведали пропагандой, организацией различных курсов, конференций, а также издательским делом и другими видами работы как среди членов партии, так и среди масс данной национальности[42]. К IX съезду, который состоялся в марте 1920 года, в ЦК действовали Бюро коммунистов Востока, Бюро еврейских секций, Финское, Польское, Эстонское, Литовско-Белорусское, Вотяцкое и Чувашское Бюро, Немец-

[41] «Изв. ЦК», № 8, 2 декабря 1919 г.; № 15, 24 марта 1920 г.; № 16, 28 марта 1920 г.

[42] О деятельности секций национальных меньшинств см. СПР № 1, стр. 66 и 67, и СПР, № 2, стр. 71 и 72.

кая, Венгерская, Французская, Итальянская, Чехословацкая, Румынская и Южно-Славянская секции[43].

Если принять во внимание то значение, которое большевики придают пропаганде, следует отметить, что в течение почти трех лет после захвата власти у них не было центрального партийного органа, отвечавшего за идеологическую работу. Идеология, «культура» и пропаганда либо находились в ведении полуавтономных правительственных органов, как это имело место в армии и на железнодорожном транспорте, либо — в особенности это относилось к литературе и искусству — были вне всякого контроля. Это не означает, однако, что партия стояла в стороне от пропагандистской работы. Сельский отдел, Отдел работы среди женщин и национальные секции были в основном заняты пропагандой и агитацией. Однако не существовало органа, который координировал бы их работу, не говоря уже о деятельности различного рода левых, не связанных с партией пропагандистских организаций.

В сентябре 1920 года был создан Отдел агитации и пропаганды ЦК партии (Агитпроп). Несмотря на то, что ему не удалось избежать трений с уже существующими пропагандистскими органами, первые шаги вновь созданного отдела были осторожными и скромными хотя бы потому, что в марте 1921 года штат Агитпропа насчитывал всего лишь 17 человек[44]. Однако постепенно круг его деятельности расширялся, влияние усиливалось. Осенью 1921 года в Агитпропе был организован подотдел печати, пришедший на смену пресс-бюро, созданному несколькими месяцами раньше[45]. В 1922 году подотдел печати взял под свой контроль местную печать. Как мы увидим ниже, к 1923 году он начал заниматься и

[43] «Изв. ЦК», № 16, 28 марта 1920 г.

[44] «Изв. ЦК», № 28, 5 марта 1921 г. О структуре Агитпропа в ноябре 1921 г. см. СПР, № 2, стр. 62-64.

[45] «Изв. ЦК», № 36, 15 декабря 1921 года.

художественной литературой. Последняя, будучи не столь враждебной революции, чтобы привлекать внимание ГПУ, представляла разрозненные, соперничавшие друг с другом левые группировки. Антирелигиозная пропаганда, которой в первые годы советской власти занимались лишь отдельные энтузиасты, была также передана в ведение Агитпропа. В 1921 году Агитпропу передали и функции Сельского отдела ЦК.

Важнейшими отделами являлись Орготдел и Учраспред, занимавшие господствующее положение во всем партийном аппарате. Представление о деятельности Орготдела можно получить по его переписке с местными партийными организациями. Из почти 650 писем, отправленных Орготделом с середины апреля до середины ноября 1919 года, значительное большинство составляют ответы на запросы с мест и директивы по таким вопросам партийной работы, как организация конференций беспартийных, партийная работа среди женщин и нацменьшинств[46]. Поглощение Орготделом Информотдела к концу 1920 года явилось логическим шагом, поскольку было необходимо слить воедино надзор за деятельностью местных комитетов партии и работу по непосредственному руководству этими органами.

Орготдел выполнял и другие виды работы, требовавшие время от времени особого внимания ЦК. К ним можно отнести, например, согласование и систематизацию огромного количества различного рода резолюций и декретов, издававшихся центральными органами партии. Кроме того, до создания в сентябре 1920 года Контрольной комиссии ЦК, о которой речь пойдет ниже, Орготделу было поручено разрешение бесчисленных споров между партийными работниками и партийными органами[47].

[46] « Изв. ЦК », № 29, 7 марта 1921 года.
[47] « Изв. ЦК », № 22, 18 сентября 1920 г.

В мае 1921 года, когда Орготделу были переданы важные контрольные функции, при нем был создан институт так называемых инструкторов ЦК. Инспектируя местную партийную организацию, инструктор ЦК имел право проверить все документы, в том числе и секретные, а также присутствовать на всех заседаниях, в том числе и закрытых. Все партийные работники, включая сотрудников Госбезопасности, были обязаны по первому требованию инструктора ЦК представлять ему документы на проверку. Хотя инструктор не имел права давать приказы местным работникам, было известно, что по его рекомендации могут быть произведены любые изменения в местном комитете, и в случае, если последние не соглашались с его мнением, вопрос мог быть вынесен на обсуждение ЦК. С марта 1922 по март 1923 года инструкторы ЦК провели 74 обследования[48].

В июне 1922 года, два месяца спустя после назначения Сталина Генеральным секретарем ЦК партии, Орготдел возглавил Каганович, который немедленно реорганизовал отдел и обновил его состав. Штат Орготдела состоял теперь из 59 сотрудников, среди которых было 19 «ответственных инструкторов»[49]. Это привело к усилению влияния Орготдела, который начал проявлять повышенный интерес к вопросу кадров, хотя эта работа входила в компетенцию другого главного отдела — Учраспреда. Это вмешательство Орготдела в сферу деятельности Учраспреда, по-видимому, осуществлялось с благословения самого Секретариата. В декабре 1922 года была созвана конференция губернских и областных орготделов, на повестке дня которой в качестве важнейшего вопроса стояла работа с кадрами[50]. Таким образом, уже тогда прояв-

[48] «Изв. ЦК», № 33, октябрь 1921 г. (Создание института инструкторов ЦК было намечено на X съезде партии в марте 1921 г. – см. «КПСС в рез.», т. I, стр. 525). См. также «Изв. ЦК», № 39, март 1922 г. и № 3 (51), март 1923 г., СПР, № 3, стр. 108 и 109 и «Изв. ЦК», № 9 (45), сентябрь 1922 г.

[49] СПР, № 3, стр. 103 и 104; «Изв. ЦК», № 7 (43), июль 1922 г.

[50] «Изв. ЦК», № 1 (49), январь 1923 г.

лялась тенденция, приведшая через год к слиянию Учраспреда с Орготделом под общим руководством Кагановича.

За время Гражданской войны ЦК провел больше назначений на различные должности, чем за какой-либо иной период советской истории. Неудивительно поэтому, что Оргбюро — орган ЦК, занимавшийся главным образом назначениями на новые должности, — передал значительную часть своей работы аппарату ЦК, в частности, Учраспреду. Эта передача функций проявилась в первые же месяцы существования аппарата. Так, с апреля по ноябрь 1919 года Учраспредом было назначено на новые должности 2.182 человека по сравнению с 544, назначенными Оргбюро[51].

Работа по распределению кадров, проводившаяся ЦК в течение первых пяти лет советской власти, распадается на два главных периода. В течение первого периода — приблизительно с VIII съезда (1919 год) по X съезд (1921 год) — учет и распределение кадров стояли на низком уровне, в то время как в Центральный Комитет направлялись многочисленные заявки на выдвижение партийных работников. Поэтому значительная часть партийных работников назначалась путем «мобилизации»: все наличные кадры направлялись на наиболее слабые участки без предварительной проверки их пригодности для данного вида работы. Переход ко второму периоду начался к концу 1920 года, но завершился лишь во второй половине 1922 года. В этот период на смену «мобилизации» пришел более или менее тщательный индивидуальный отбор на основе усовершенствованной системы учета и делопроизводства. Полномочия по назначению менее ответственных работников были переданы нижестоящим партийным органам.

В первые месяцы своего существования Учраспред делает попытку наладить сбор основных данных о членах партии, но больших успехов в этой области не добивается, будучи

[51] «Изв. ЦК», № 8, 2 декабря 1919 г.

занят по горло назначением на штатные должности сотен коммунистов, командируемых в столицу местными комитетами или просто являющихся в ЦК по собственной инициативе. В отдельные дни в Учраспред приходило по 100-150 человек. В 1920 году работа Учраспреда достигает своего апогея: с апреля 1920 года до середины февраля 1921 года отдел назначает на новые должности свыше 40 тысяч работников. Большая часть этих назначений касается армии, но значительное количество коммунистов направляется и на гражданскую работу[52].

К концу Гражданской войны Учраспред, рассчитывая на то, что в своей работе ему больше не придется прибегать к «мобилизации», начинает готовить почву для более тщательного подбора кадров.

Первый шаг — создание картотеки на членов партии. Для этого все коммунисты были разделены на три категории: «командный состав», менее ответственные работники — кандидаты на руководящие посты и «партийные массы». В августе 1920 года губкомам было предложено представить списки всех ответственных работников губернского масштаба, а позднее аналогичные директивы стали рассылать всем центральным правительственным органам. К марту 1921 года бóльшая часть этого материала была собрана и разнесена по карточкам, но многие областные комитеты еще не выполнили директиву ЦК, согласно которой местные комитеты должны были докладывать в центр обо всех изменениях. Новые инструкции по этому вопросу были изданы в 1920-1921 годах[53]. Более тщательный характер подбора кадров, проводимого Учраспредом, выявился после X съезда партии. В декабре 1921 года Учраспред назначил на новые долж-

[52] Подробности см. в «Изв. ЦК», № 28, март 1921 г. и № 22, 18 сентября 1920 г.

[53] «Изв. ЦК», № 22, 18 сентября 1920 г. и № 28, 5 марта 1921 г.; СПР, № 1, стр. 79.

ности лишь 581 члена партии, то есть около одной шестой среднемесячного количества назначений, проведенных в 1920 году. Однако мобилизации еще продолжались. Несколько мобилизаций было проведено в 1921 году, в том числе 13 крупных, охвативших в общей сложности 5-6 тысяч коммунистов. Большинство из них, однако, не было доведено до конца, что объяснялось, по мнению Учраспреда, широко распространившимся мнением о том, будто мобилизации — это всего лишь меры военного времени. В результате мобилизации 1921 года многие коммунисты вышли из партии[54]. К 1923 году было признано, что мобилизации себя изжили, и на смену им пришел метод индивидуального отбора.

В течение 1921 года принимались меры по созданию архива и упорядочению методов Учраспреда. К ноябрю 1921 года на учете в Учраспреде состояло уже 23 тысячи ответственных работников, которые по своей профессиональной принадлежности делились на три группы. Число это возросло в результате начатой в августе 1921 года регистрации руководящих работников примерно до 70 тысяч. К марту 1922 года около 26 тысяч ответственных работников находилось на учете в ЦК[55]. Осуществляя работу по учету ответственных работников, Учраспред приступил к рассмотрению различного рода документов, накопившихся в личных делах ЦК. На местах, однако, работа с кадрами все еще носила хаотический характер, в связи с чем во второй половине 1921 года был принят ряд решений, направленных на улучшение создавшегося положения.

К 1922 году Учраспреду удалось переложить ответственность за назначения работников низовых звеньев на губкомы, сосредоточив все свое внимание на учете и назначении руководящих работников. Одновременно с этим все более про-

[54] «Изв. ЦК», № 33, октябрь 1921 г.; № 37, январь 1922 г. и № 39, март 1922 г.

[55] «Изв. ЦК», № 36, 15 декабря 1921 г. и № 39, март 1922 г.

являлась тенденция к непосредственному участию Оргбюро и особенно Секретариата в распределении кадров. С марта 1922 года по март 1923 года Секретариат и Оргбюро утвердили назначение более тысячи работников, в том числе 43 секретарей губкомов[56]. Наконец, партийная перепись, проведенная в начале 1922 года, впервые дала возможность ЦК составить свой собственный список всех членов партии. Весной 1922 года были приняты дальнейшие меры по усовершенствованию системы партийного учета: например, составление специального списка руководящих работников, включавшего руководителей местных и центральных органов и около 1.700 «подпольщиков». В том же году ЦК взял на учет всех студентов и возложил ответственность за их распределение на Учраспред[57].

[56] «Изв. ЦК», № 42, июнь 1922 г., № 43, июль 1922 г. и № 3 (51), март 1921 г.

[57] СПР, № 3, стр. 128-130, 133, 137; «Изв. ЦК», № 7 (43), июль 1922 г.

14. КОНТРОЛЬ НАД ПЕРИФЕРИЕЙ. АРМИЯ И АППАРАТ УПРАВЛЕНИЯ

Как указывалось в предыдущей главе, еще при жизни Ленина партийный аппарат подтвердил свое стремление к власти, которая бы позволила ему вершить судьбами страны. Во всяком случае, к 1923 году в центре была создана действенная партийная машина. Однако успешная работа этой машины по осуществлению безраздельного централизованного контроля зависела от того, в какой степени местные партийные органы подчинялись приказам из центра. Формально власть на местах находилась в руках губернских, городских и уездных партийных конференций, на которых выбирались подотчетные им местные партийные комитеты. Но эти местные партийные конференции с самого начала в значительной степени зависели от своих исполнительных органов. Эта зависимость, становясь все более и более очевидной, нашла свое отражение и в Уставе партии. В 1919 году, в соответствии с Уставом, партийные конференции созывались раз в три месяца, в 1922 году — раз в полгода, а после 1923 года — только раз в год[1]. Советские историки, не стесняясь, признают, что «в период нелегального существования нашей партии, когда партийные организации вынуждены

[1] «КПСС в рез.», т. I, стр. 464 и 465, 659 и 660, 729. Конечно, во время Гражданской войны конференции не могли созываться в положенные сроки.

были иметь строго конспиративный характер, партийные комитеты строились путем назначения или кооптации»[2]. Революция дала возможность партийным организациям избирать своих руководителей, но по традиции большевики далеко не всегда соблюдали принцип выборности, который сразу же оказался помехой для ЦК в его стремлении свободно распоряжаться людскими ресурсами партии. Таким образом, несмотря на то, что местные партийные конференции на этом этапе часто пользовались определенной свободой при выборах своих комитетов, ведущие местные работники, неизменно распоряжавшиеся парторганами, назначались и смещались Центральным Комитетом[3].

Как и в центре, местные исполнительные органы приняли двухярусную структуру, причем фактическая власть постепенно переходила к высшему ярусу. По Уставу партии губернский комитет состоял из собственно комитета и бюро (называвшегося вначале президиумом) в составе пяти человек. В 1921 году отношения между местным партийным комитетом и его бюро (президиумом) определялись следующим образом: «Функции пленума носят чисто совещательный характер. Президиум ведет всю текущую работу, отчитываясь перед комитетом, а в особо срочных случаях имеет право принимать решения независимо от комитета, в том числе и решения принципиального характера»[4]. Структура отделов местных комитетов сначала отличалась большим разнообразием. Только в декабре 1919 года ЦК начал работу по наведению порядка в этом хаосе, и к концу 1919 года большинство губерний перестроило свой партийный аппарат по образцу ЦК[5].

[2] «Правда», 7 декабря 1952 г.

[3] «КПСС в рез.», т. I, стр. 464 и 465, 659 и 660.

[4] «Изв. ЦК», № 32, 6 августа 1921 г.

[5] Анализ 40 губкомов и 300 уездкомов, сделанный во второй половине 1919 года, показывает, что у них не было единой структуры. «Изв. ЦК», № 24, 12 октября 1920 г.

В течение первых полутора лет после захвата власти главным партийным работником в местных комитетах был обычно руководитель-коммунист, работавший, в основном, в местном Совете, но отдававший часть своего рабочего времени деятельности председателя в комитете партии. Начиная с 1919 года, по мере роста нового партийного аппарата, пост секретаря стал важнейшим во всех местных комитетах партии. В соответствии с Уставом партии, принятым в декабре 1919 года, секретарь уездного комитета партии освобождался от всех прочих обязанностей[6].

Превращение партийного секретаря в основную фигуру на всех уровнях партийного аппарата совпало с превращением партийного аппарата в важнейшее звено большевистской системы власти. Таким образом, к 1921 году секретари местных комитетов несли главную ответственность за все, что происходило на вверенной им территории. Стало правилом периодически вызывать секретарей губкомов на доклад в ЦК. Им также вменялось в обязанность составлять ежемесячные отчеты о политическом положении в их губерниях[7]. Это привело к слиянию всех партийных комитетов в единую сеть, превратившуюся в административный аппарат, становым хребтом которого стала иерархия секретарей. Превращение партии в бюрократическую машину стало еще более очевидным, когда ЦК утвердил штаты местных комитетов партии, начиная с секретарей и кончая уборщицами, и разделил всех партийных работников на пять категорий в соответствии с

[6] «КПСС в рез.», т. I, стр. 465.

[7] Практика вызова секретарей губкомов для личного отчета началась в ноябре 1921 года и неизменно расширялась: см. «Изв. ЦК», № 36, 15 декабря 1921 года, № 3 (51), март 1923 г. Об инструкциях относительно формы письменных отчетов см. СПР, № 2, стр. 79 и 80. В апреле 1922 г., сразу же после того, как Сталин занял пост Генерального секретаря, была издана директива, согласно которой отчеты должны посылаться к 5 числу каждого месяца лично Секретарю ЦК — СПР, № 3, стр. 122.

существовавшей системой оплаты работников государственного аппарата[8].

Начиная с 1920 года, взаимные обвинения в бюрократизме стали обычным явлением в партийной жизни. В тех случаях, когда слово «бюрократия» не было просто оскорбительным выражением, сам факт его частого употребления указывал на то, что партия переродилась. Однако причина такого перерождения еще не была осознана. Ее объясняли недостатками отдельных лиц, произволом отдельных руководителей или карьеризмом, связанным с существующей системой, либо привычкой принимать решения единолично, а не коллегиально. С другой стороны, между бюрократизацией и милитаризацией партии ставился знак равенства, со ссылкой на условия Гражданской войны. По-видимому, никто не сознавал, что бюрократизация являлась неизбежным следствием той административной роли, которую присвоила себе партия, и порождением той структуры, которую партия приняла, чтобы выполнять эту роль. Поэтому все методы борьбы с бюрократизмом, по крайней мере те из них, с помощью которых действительно пытались провести реформы, были неизбежно направлены против симптомов «болезни», а не против нее самой. Это стало совершенно очевидным в 1921 году на X съезде, который призвал к повсеместному проведению в жизнь принципа выборности и ликвидации «назначенчества» как системы, но не затронул полномочий ЦК по отношению к отдельным лицам. Кроме того, съезд призвал к свободе критики и дискуссии в партии и в то же время заткнул рот всем критикам, заранее обвинив их в «фракционности». В этих обстоятельствах подчеркивание принципа выборности означало лишь, что аппарату следует соблюдать формальную сторону «выборов» при назначении работников на выборные должности и что дискуссия и критика должны касаться правильности

[8] СПР, № 1, стр. 57 и 58, № 2, стр. 49-51, № 3, стр. 110-112.

или неправильности выполнения директив руководства, а не самих директив.

Первые пять лет большевистской власти были отмечены постоянными фракционными склоками в местных партийных организациях. Эти склоки до некоторой степени отражали борьбу внутри самого партийного руководства и затрагивали важнейшие вопросы, обсуждавшиеся на съездах партии. В большинстве случаев, однако, эти разногласия не касались общегосударственных политических вопросов и были всего лишь результатом антагонизма соперничавших между собой групп местных руководителей. Этот антагонизм приобрел многочисленные и разнообразные формы. Например, руководители среднего звена, используя недовольство рядовых членов партии, вели борьбу с внутренними группировками. Иногда конфликты принимали форму борьбы уездных работников против губернских органов, борьбы коммунистов-рабочих против «интеллигентского» элемента в местных комитетах или стычек на национальной почве между русскими руководителями и лидерами, принадлежавшими к тому или иному национальному меньшинству.

Эти склоки отрицательно сказывались на работе партийных организаций, что было недопустимо в условиях Гражданской войны. Поэтому ЦК пользовался поддержкой, принимая радикальные меры для борьбы с недостатками. Одним из обычных методов, применявшихся Центральным Комитетом, был вывод из состава организаций «тех товарищей, которые принимали самое активное участие в склоках», и «назначение на их место новых работников»[9]. На практике одна из фракций (как правило, более слабая) или сразу обе выводились из состава организации, а члены их рассылались по другим районам либо направлялись в другие отрасли партийной работы, зачастую без понижения статуса. Хотя такая «по-

[9] «Изв. ЦК», № 3 (51), март 1923 г.

четная ссылка» и вызывала недовольство некоторых из ее жертв, она явно представлялась необходимой и против нее трудно было возражать всерьез. Но как только «почетная ссылка» стала стандартным методом борьбы с фракционными группировками внутри местных партийных организаций, обнаружилась ее потенциальная ценность как политического орудия. По-видимому, впервые «ссылка» была использована таким образом против «Рабочей оппозиции» в 1921 году[10]. Начиная с 1921 года, когда Секретариат ЦК перешел под власть Сталина, «почетная ссылка» стала одним из главных методов установления контроля над всеми местными организациями и разгрома группировок всех фактических и потенциальных соперников. Следует подчеркнуть, однако, что такие соображения не играли значительной роли в 1919 и 1920 годах, когда эта практика впервые установилась. Тот факт, что она выжила, пустила корни и стала политическим орудием, объясняется просто тем, что люди, практиковавшие «почетную ссылку», явно использовали ее скорее как дисциплинарную, чем политическую меру. Партийному аппарату с момента его возникновения было поручено рассматривать обвинения, предъявляемые членам партии, независимо от того, касались ли они поведения в быту (моральное разложение, алкоголизм и т. д.) или в общественной сфере (использование служебного положения в личных целях, нарушение партийной дисциплины, растрата и т. д.). До IX съезда (1920 год) в ЦК существовала для этой цели Конфликтная комиссия, позднее преобразованная в Конфликтный подотдел. В следующем, 1921 году, этот подотдел разобрал около двух тысяч дел. Тем временем, в сентябре 1920 года, было

[10] Самый яркий пример — дело самарской организации. Этот случай описан в статье Robert V. Daniels, *The Secretariat and the Local Organizations in the Russian Communist Party 1921-1923*, *The American Slavic and East European Review*, vol. XVI, No. 1, февраль 1957, стр. 32-47, особенно 41 и 42.

решено создать целую иерархию контрольных комиссий — своего рода трибуналов для разбора дисциплинарных дел. Вскоре Конфликтный подотдел занялся передачей более серьезных дел на рассмотрение Центральной контрольной комиссии. Со временем выяснилось, что эти два органа дублируют друг друга, и к концу 1921 года Конфликтный подотдел был ликвидирован[11].

Контрольные комиссии были созданы якобы в целях борьбы с бюрократическим чванством партийных чиновников. Они выступили в качестве независимых трибуналов со своим первым обращением к членам партии[12]. Для обеспечения независимости местных контрольных комиссий от остального партийного аппарата они должны были избираться местными партийными конференциями, а Центральная контрольная комиссия — Всероссийским съездом партии; в них не мог состоять ни один из членов данного партийного комитета. В случае возникновения конфликта между контрольной комиссией и соответствующим партийным комитетом дело передавалось на совместное заседание обоих органов, и если стороны не приходили к соглашению, то вопрос решался ближайшим вышестоящим партийным комитетом. Разногласия между ЦК и Центральной контрольной комиссией выносились на рассмоторение съезда партии[13] Однако, как это совершенно ясно показали официальные попытки определить обязанности и полномочия контрольных комиссий, границу между их компетенцией и компетенцией партийных комитетов провести было не так легко. С одной стороны, от самих партийных комитетов требовалось, чтобы они боролись со злоупотреблениями, а с другой — эти злоупотребления были так часто связаны с повседнев-

[11] « Изв. ЦК », № 39, март 1922 г.

[12] 11 ноября 1920 г. — см. СПР, № 1, стр. 55 и 56. Ср. « Изв. ЦК », № 26, 20 декабря 1920 г.

[13] СПР, № 1, стр. 56 и 57.

ной административной работой, что контрольным комиссиям приходилось тесно соприкасаться с практической деятельностью местного партийного аппарата. Эта двойственность положения выражалась в том, что члены контрольных комиссий имели право присутствовать на заседаниях партийных комитетов, хотя и без права голоса, а партийные комитеты несли ответственность за выполнение решений контрольных комиссий, так как последние не располагали собственными исполнительными штатами.

При этих обстоятельствах объективная независимость стала фактически невозможной, и контрольные комиссии, как и следовало ожидать, погрязли в борьбе за власть и в интригах, характерных для партийной жизни на местах. На контрольные комиссии постоянно оказывалось давление с целью заставить их объединиться с правящей кликой либо примкнуть к инакомыслящим из местных организаций в их борьбе с руководством. Как говорилось в одном из отчетов ЦК, «иногда губернские контрольные комиссии, вместо того, чтобы уладить конфликты, сами солидаризировались с той или иной группировкой и выносили постановления об исключении из партии противной стороны»[14].

В результате всего этого репутация местных контрольных комиссий как независимых организаций была испорчена. Делались попытки усилить *вертикальные* связи между ними. Эти попытки достигли своего апогея на XI съезде партии (март 1922 года), в постановлении которого говорилось, что «Центральная контрольная комиссия недостаточно объединяла и направляла работу местных контрольных комиссий» и что «будущей контрольной комиссии придется обратить больше внимания на эту сторону дела». Одновременно контрольным комиссиям был предоставлен небольшой штат для проведения самостоятельных расследований[15].

[14] «Изв. ЦК», № 3 (51), март 1923 г.; № 42, июнь 1922 года.
[15] «КПСС в рез.», т. 1, стр. 636-639.

Ловкость, с которой XI съезд отбирал членов Центральной контрольной комиссии, показывает, что господство над партийным аппаратом уже переходило в руки Сталина. Только один из членов комиссии, выбранных в 1921 году, был переизбран в 1922 году, но из семи избранных в 1922 году четверо оставались на своих постах в течение ряда лет. Так началось превращение контрольных комиссий в предельно централизованную иерархию, параллельную иерархии секретарей партии. Первоначально контрольные комиссии предназначались для осуществления контроля над партийной бюрократией, но теперь они превратились в неотъемлемую часть этой бюрократии, стали мощным орудием в руках партийного руководства. На ранней стадии своей деятельности, когда они еще были независимыми, контрольные комиссии присвоили себе право дисциплинарного воздействия как на партийных работников, так и на сотрудников государственного аппарата[16]. Отныне этим правом можно было пользоваться как новым орудием подавления сопротивления центральному руководству на местах. Большинство заявлений, поступавших в контрольные комиссии, не носили, казалось бы, политического характера (обвинения в «нарушении партийной дисциплины», «злоупотреблении служебным положением», «некоммунистическом поведении» и т.д.). Но на практике такие формулировки оказывались достаточно гибкими, чтобы с их помощью можно было исключить, уволить или наказать любого местного руководителя, мыслящего самостоятельно. Несмотря на это, местные контрольные комиссии сохранили некоторую долю независимости до конца рассматриваемого периода, и иерархия контрольных комиссий была еще далеко не той безотказно работающей и гиб-

[16] О первом примере такой самостоятельности Центральной контрольной комиссии в дискуссии о профсоюзах в 1920-1921 г.г. см. *The Origin*, стр. 288 и 289.

кой машиной, какой она стала к середине двадцатых годов в руках Сталина и его группы.

* * *

Итак, к 1923 году была заложена основа для установления контроля партии над жизнью страны. Усовершенствованная система контроля над распределением кадров позволяла центральному аппарату ставить на ключевые посты во всех партийных организациях верных и тщательно проверенных людей. Строгая партийная дисциплина обеспечивала как подчинение назначенных работников центру, так и подчинение этим последним рядовых членов местных партийных организаций. Наконец, партия установила свое господство над государственными учреждениями. Внедрение этого принципа проходило в отдельных случаях с некоторыми любопытными особенностями; наиболее поучителен в этом отношении пример с вооруженными силами, а также с судебной и полицейской системами.

Контроль партии над вооруженными силами рос так же стихийно, как и сам партийный аппарат. Большевики с самого начала понимали важность создания в армии своей организации, и уже к июню 1917 года широкая сеть партийных ячеек существовала как на фронте, так и в тылу. Характерной чертой этих организаций была их крайняя революционность, которую Ленин, опасавшийся преждевременного восстания, старательно сдерживал[17]. В армии, как и в других областях, большевики стали жертвой своей собственной политической тактики. До октября 1917 года партия направляла все свои усилия на подрыв дисциплины в армии, поощряя неподчинение и наиболее экстремистские «демокра-

[17] С. Е. Рабинович, «Всероссийская военная конференция большевиков 1917 года», Москва, 1931, стр. 10-17, 22, 45 и 46.

тические» требования. Когда же после февраля 1918 года пришла пора восстанавливать армию и готовить ее к сопротивлению врагам большевиков, крайне революционные и демократические традиции, привитые ранее, явились серьезным препятствием на пути к созданию необходимой теперь дисциплинированной армии. В последующие годы центральные органы партии боролись с анархистской традицией независимости армейских партийных ячеек. Такая независимость тормозила создание централизованной, дисциплинированной партийной машины в армии.

Главный создатель Красной Армии Троцкий был самым решительным противником этих анархистских традиций среди армейских коммунистов. «Шлите мне коммунистов, умеющих повиноваться», — телеграфировал он Ленину, как только прибыл на фронт в 1918 году, чтобы взять на себя руководство военными действиями. Впоследствии он, не колеблясь, добивался от коммунистов усвоения этого простого урока, даже если для этого приходилось расстреливать за неповиновение. Коммунист, писал он позже, обязан «наблюдать за настроением своих сотоварищей», агитировать их ежечасно и «воодушевлять их своим примером»[18]. Железная дисциплина среди армейских коммунистов оправдала себя: она до фанатизма взбудоражила равнодушную крестьянскую массу в армии. Но в течение Гражданской войны, да и после нее, дисциплина вызывала резкую оппозицию, и прошли годы, прежде чем удалось установить строжайшую партийную дисциплину.

До 1919 года в армии практически не существовало центральной партийной организации. Многочисленные партийные ячейки, бóльшая часть которых формировалась стихийно, сами определяли свои права и обязанности, стараясь закрепить за собой превосходство как над беспартийной мас-

[18] Л. Троцкий, «Как вооружалась революция», Москва, 1923-1925, т. II, ч. 2, стр. 126.

сой, так и над бывшими офицерами царской армии, составлявшими подавляющее большинство командного состава. Но в течение 1919 года постепенно сложилась импровизированная система центрального контроля. Она выросла из так называемых политотделов армейских и военно-морских частей; политотделам было поручено следить за всей политической работой в вооруженных силах и координировать ее. Руководило политотделами Центральное политическое управление (ПУРККА), которое подчинялось не ЦК, а Реввоенсовету (его председателем был Нарком обороны Троцкий), но, тем не менее, работало в тесном контакте с Секретариатом ЦК[19]. Сеть политотделов имела своей задачей контролировать всю политическую работу в армии, а также обладала правом распоряжаться кадрами и проводить в жизнь все решения партии. Она получила власть и над политкомиссарами, поставленными в качестве сторожевых псов для надзора за бывшими царскими офицерами, которые служили теперь в Красной Армии, но не пользовались доверием большевиков. Два фактора значительно облегчали контроль ПУРККА над непокорными партийными ячейками: во-первых, право осуществлять перемещения работников, что давало возможность подавлять очаги неподчинения; во-вторых, массовый набор в партию, проведенный осенью 1919 года, в результате чего количество коммунистов в армии достигло 280 тысяч[20]. В итоге волна более податливых новичков захлестнула упрямых коммунистов-ветеранов. Авторитет ПУРККА еще более возрос, когда «особые отделы», отвечавшие за безопасность в вооруженных силах, были подчинены политкомиссарам и, таким образом, подпали под контроль ПУРККА[21].

[19] «Изв. ЦК», № 8, 2 декабря 1919 г.

[20] Петухов, «Партийная организация и партийная работа в РККА», Москва-Ленинград, 1928, стр. 26.

[21] См. резолюцию VIII съезда партии в «КПСС в рез.», т. I, стр. 440. Незадолго до того, 21 февраля 1919 г., эти отделы специальным декретом

К концу Гражданской войны и в последующий период армейские коммунисты неоднократно пытались избавиться от жесткого централизованного контроля. Так, во время дискуссий среди армейских коммунистов в начале 1921 года инакомыслящие выдвинули два требования: во-первых, все армейские партийные органы должны избираться в самой армии, а не назначаться; во-вторых, армейские парторганизации должны подчиняться местным гражданским партийным комитетам[22]. Каждое из этих двух требований (в случае их выполнения) свело бы на нет централизованный контроль, первое — поскольку оно допускало существование оппозиции в политическом аппарате армии, а второе — в силу того, что местные комитеты не были еще в то время полностью подчинены центральному аппарату. Позднее, в 1923 году, армейские коммунисты стали требовать полного подчинения всего армейского политического аппарата военному командованию путем включения его в общую систему управления армией[23]. Центральный аппарат — ПУРККА — без труда покончил с этими требованиями автономии. Но, хотя принцип централизованного партийного контроля в армии таким образом установился, важно помнить, что до 1924 года само ПУРККА все еще сохраняло некоторую независимость от ЦК. Полностью оно было подчинено ЦК лишь позднее, во время конфликта Сталина с Троцким. Таким образом, для партийной структуры в армии были характерны два отличительных признака: централизация и слияние с гражданским партийным аппаратом наверху, из которых первый объяснялся потребностью в воинской

были непосредственно подчинены Реввоенсовету. См. «Систематический сборник важнейших декретов 1917-1920 г.г.», Москва, 1920, стр. 55.

[22] Петухов, ук. соч., стр. 57. Партийная инструкция, запрещавшая вмешательство гражданских партийных органов в дела армейских партийных организаций. См. СПР, № 2, стр. 120 и 121. Инструкция датирована 27 июля 1921 года.

[23] Петухов, ук. соч., стр. 70 и 71.

дисциплине, а второй — опасением, что армейский политический аппарат может стать орудием в руках соперника в борьбе за власть.

Следует также рассмотреть отношения между партией и судебно-репрессивными органами в течение первых пяти лет советской власти. Характерно, что ни партия, ни органы безопасности, возглавляемые ВЧК, ни различные трибуналы, учрежденные революционной властью, не были упомянуты в Конституции РСФСР, принятой в июле 1918 года. Отчасти это объяснялось уверенностью ее авторов в том, что некоторые из этих органов были временными, а отчасти — стремлением скрыть, в целях пропаганды, существование в народе оппозиции по отношению к режиму.

В течение первых лет советского режима идеологическую основу права составляли несколько отрывочных замечаний Маркса и Ленина, которые одинаково презирали как юриспруденцию, так и юристов. С точки зрения Маркса, право, по сути дела, является отражением производственных отношений в ту или иную эпоху. Как и государство, право есть выражение воли господствующего класса и его стремления удержать власть: после социальной революции, с окончанием переходного периода диктатуры пролетариата станет возможным выйти за пределы «горизонта, ограниченного буржуазным правом»[24]. Ленин в книге «Государство и революция» также рассматривал право как временный буржуазный пережиток, который начнет постепенно отмирать по мере обобществления средств производства[25]. В той или иной форме эти примитивные определения, касающиеся природы права, господствовали в советской юриспруденции до начала 30-х годов.

Но, хотя Ленин теоретически признавал, что буржуазное право еще будет существовать в течение некоторого времени,

[24] «Критика Готской программы».
[25] Ленин, т. 21, стр. 435.

на практике партия никогда не исходила из этого положения. Наоборот, с самого начала усилия партии были направлены на разрушение дореволюционной правовой системы, судов, практики судопроизводства и на уничтожение всего адвокатского сословия. В то же время правительство издавало уйму всяких декретов, многие из которых невозможно было выполнить в хаотические дни военного коммунизма. Для повседневной работы было принято практическое решение предоставить судьям-коммунистам неограниченную свободу действий.

24 ноября 1917 года был издан декрет, по которому существовавшие судебные учреждения упразднялись и создавались новые местные суды как по гражданским, так и по уголовным делам, а также революционные трибуналы для борьбы с контрреволюцией, саботажем и другими формами сопротивления «завоеваниям революции». 18 декабря того же года был учрежден Особый революционный трибунал по борьбе с «преступлениями... против народа, совершаемыми посредством печати»[26].

Одновременно возникла и Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией (ВЧК) с многочисленными местными подкомиссиями (ЧК). По-видимому, она выросла из отдела Военно-революционного комитета, возглавлявшегося Ф. Э. Дзержинским, который стал первым руководителем ВЧК, учрежденной 6-7 декабря 1917 года[27]. Задуманная вначале (по крайней

[26] «Советская прокуратура в важнейших документах», Москва, 1956, стр. 15-18.

[27] Согласно официальному сообщению от 13 декабря, ВЧК была учреждена постановлением Совнаркома 7 декабря. Согласно документу Центрального архива, цитируемому Кожевниковым («История советского суда», Москва, 1948, стр. 59), это постановление было принято 6 декабря. Хотя советские историки впоследствии связывали первоначальное предложение с именем Ленина, единственное известное нам предложение по этому вопросу, сделанное Лениным в то время, не имело никакого отношения к принятому

мере, так утверждалось) как следственный орган, передающий в случае необходимости обвиняемых суду революционного трибунала, ВЧК почти сразу же «приобрела» полномочия исполнительного органа, вплоть до вынесения смертного приговора[28]. Хотя революционные трибуналы впервые в открытой форме получили инструкцию применять смертную казнь лишь в июне 1918 года, ВЧК, как признавал Ленин, расстреливала людей без всяких колебаний сразу же после захвата власти[29]. Первыми декретами, принятыми в период Гражданской войны, предполагалось ограничить исполнительные полномочия ВЧК и обеспечить в революционных трибуналах хотя бы какую-то форму суда. Больших изменений эти декреты не вызвали отчасти потому, что их не выполняли, отчасти же потому, что революционные трибуналы были на практике не чем иным, как органами ВЧК, возглавляемыми нередко чекистами, и они широко использовали свои неограниченные полномочия[30]. ВЧК, несомненно, чинила произвол, причем ни декреты, ни партия, послушным орудием которой она была, почти никогда не сдерживали ее[31].

постановлению, исходившему, вероятно, от Дзержинского (см. Ленин, т. 22, стр. 126-129, записка Дзержинскому от 6-7 декабря 1917 г.) Ленин впервые поставил этот вопрос на заседании Совнаркома 6 декабря (там же, стр. 593); несомненно, однако, что террор всегда был приемлем для него как необходимое средство борьбы с контрреволюцией. Вопрос о происхождении ВЧК рассматривается в статье E. J. Scott, *The Cheka*, St. Antony's Papers, No. 1, Soviet Affairs, No. 1, London, 1956, стр. 1-23 и Simon Wolin and Robert M. Slusser, *The Soviet Secret Police*, New York, 1957, стр. 3-9, 31-33, 372 и 373.

[28] Кожевников, ук. соч., стр. 59 и 60.

[29] Когда левые эсеры возражали против официального восстановления смертной казни, Ленин не без основания упрекал их в непоследовательности, так как до тех пор они высказывали свое одобрение по поводу того, что «в комиссии Дзержинского расстреливают». См. Ленин, т. 23, стр. 124.

[30] Подробно о попытках ограничить произвол ЧК, а также о конфликтах между ревтрибуналами и ВЧК см. Scott, ук. соч.

[31] Согласно обращению ЦК, датированному 3 февраля 1919 г., чрезвычайные комиссии были «созданы и существуют как органы партии, работающие по ее директивам и под ее контролем». Эти слова приводятся

Чрезвычайным революционным трибуналам, которые с самого начала несли основное бремя уголовного судопроизводства в тесном сотрудничестве с ВЧК, постоянно вменялось в обязанность основываться в своих решениях на «революционной сознательности» или «социалистическом правосознании». Коммунисты в них составляли подавляющее большинство. Юристы-коммунисты понимали теоретическую несовместимость произвола на практике и какой бы то ни было правовой системы. Декрет от 12 декабря 1919 года, изданный Народным комиссариатом юстиции, во главе которого стоял тогда П.И. Стучка, утверждал, что отныне можно говорить о «единых правовых мерах», о фактической «систематизации» «нового права». Да и Ленин время от времени подчеркивал необходимость более строгого соблюдения законности. Но любой правопорядок может развиваться лишь при наличии двух условий. Первое из них — наличие достаточно независимых от исполнительной власти судей, способных без опаски толковать и применять законы, невзирая на ближайшие цели или пожелания исполнительной власти. Второе условие — подчинение исполнительной власти строго определенным правовым нормам, либо установленным ею самой, либо исходящим от законодательного органа, перед которым она сама была ответственна. Коммунистическая партия, поставив себя с самого начала в положение органа, осуществлявшего в произвольном порядке исполнительную власть, вовсе не была намерена позволить развиться этим двум условиям. В оправдание такой позиции выдвигалась следующая теория: поскольку право является не чем иным, как выражением воли пролетариата в действии, а волю пролетариата выражает его авангард —

в юбилейной речи председателя КГБ при Совете Министров СССР И. А. Серова в 1957 г. — «Правда», 24 декабря 1957 г. Дата обращения, указанная Серовым, явно ошибочная, так как вопрос о ЧК обсуждался впервые в ЦК 4 и 5 февраля 1919 г. (см. Ленин, т. 37, стр. 729).

коммунистическая партия, то никаких правовых ограничений быть не может, пока у власти стоит коммунистическая партия. На практике эта теория вступала в противоречие с очевидным фактом: диктатура пролетариата зачастую действовала как против буржуазии, так и против пролетариата. Эволюция взглядов Дзержинского на отношение ВЧК к рабочим и крестьянам наглядно показывает, как этот орган превратился из орудия рабочей революции в карающую десницу государственного аппарата. В январе 1921 года Дзержинский все еще подчеркивал, что по отношению к рабочим и крестьянам следует проявлять больше снисходительности, чем к буржуазии; в феврале 1924 года он резко возражал против «либеральной чепухи», то есть недостаточной строгости, проявляемой, по его мнению, к арестованным пролетариям[32].

После окончания Гражданской войны система судебных и несудебных репрессивных органов была упорядочена. Помимо критики со стороны социалистической общественности за рубежом, внутри самой компартии наблюдалось ярко выраженное стремление к нормализации обстановки. Кроме того, развитие торговых отношений при НЭПе само по себе вызвало потребность в какой-то законности. В 1922 году создается новая система гражданских и уголовных судов (последние, как предполагалось, должны были заменить собой революционные трибуналы) и впервые разрабатываются кодексы различных законов. Так как после победы коммунистов в Гражданской войне оправдывать дальнейшее существование ВЧК было уже не так легко, возникла необходимость, как указывал Ленин к концу 1921 года, ограничить ее деятельность «сферой чисто политической». В то же время Ленин подчеркивал, что «без такого учреждения, как ВЧК, власть трудящихся существовать не может», объясняя это не недовольством в стране, а усилиями иностранных держав

[32] Ф. Э. Дзержинский о революционной законности, «Исторический архив», № 1, 1958, стр. 3-25.

подорвать коммунистический строй[33]. В феврале 1922 года ВЧК была заменена ГПУ НКВД — Государственным политическим управлением Народного комиссариата внутренних дел.

Эти формальные преобразования не изменили ни решимости партии контролировать судебные органы, ни масштабов произвола, с помощью которого партия могла подавлять оппозицию. До той поры ЦК путем прямых приказов и угроз исключения добивался от революционных трибуналов (фактически коммунистических по своему составу) осуществления политики партии[34]. Но в отношении народных судов, почти половина членов которых были в 1923 году беспартийными[35], требовались новые методы. Усовершенствованный к тому времени партийный аппарат в значительной степени мог осуществлять такой контроль. Работники партийного аппарата, специально назначенные для этой цели, контролировали Народный комиссариат юстиции, который в свою очередь контролировал назначение и смещение судей, ревностно оберегая собственную монополию централизованного контроля в целях борьбы с попытками местных советских и партийных органов вмешаться в его дела[36].

[33] Ленин, т. 27, стр. 139 и 140. Годом раньше Ленин объяснил посетившему его испанскому социалисту, что России потребуется много времени, «может быть, сорок-пятьдесят лет» переходного периода диктатуры. См. Fernando de los Rios, *Mi viaje a la Rusia sovietista*, 2 ed., Madrid, 1922, стр. 63. стр. 63.

[34] Примеры прямого вмешательства партии в работу судов — см. «Ленинский сборник», т. 21, стр. 223, и т. 23, стр. 238.

[35] Кожевников, ук. соч., стр. 130, 143. Следует отметить, что председатели и заместители председателей областных судов были, как правило, членами партии.

[36] Там же, стр. 128. Наглядная картина того, как местные партийные власти осуществляли контроль над судьями, содержится в докладной записке Смоленской областной контрольной комиссии от 20 августа 1928 г., находящейся в архиве Смоленской партийной организации и приведенной в книге Merle Fainsod, *Smolensk under Soviet Rule*, Cambridge, Mass., 1958, стр. 178 и 179.

Но главным методом партийного контроля над судами стала система централизованного надзора за деятельностью всех судов со стороны государственной прокуратуры. Эта система, впервые введенная Петром Великим и отмененная в результате либеральных судебных реформ XIX в., была восстановлена в мае 1922 года по инициативе Ленина. В записке, направленной Политбюро, Ленин утверждал, что только при условии максимальной централизации прокуратуры и ее независимости от местных советских органов можно справиться с тем «морем беззаконности», в которое ввергнуто государство. Меры, разработанные Лениным (и принятые впоследствии) заключались в создании центральной прокуратуры, состоящей из «десятка надежных коммунистов», которые работали бы «под самым близким наблюдением и в самом непосредственном контакте с партийными учреждениями — Оргбюро, Политбюро, ЦКК». Ответственность перед съездами партии, писал он, должна была осуществляться через последний орган[37]. Ленин не упомянул в этой связи еще один партийный орган — Секретариат, который вскоре установил свой контроль не только над тремя другими органами, но и над съездами партии.

Что касается произвола в области репрессий, то ГПУ сохранило все полномочия своего предшественника в отношении арестов, ссылки в исправительно-трудовые лагеря (созданные Народным комиссариатом внутренних дел в апреле 1919 года) и проведения неограниченных обысков и расследований. В 1923 году ГПУ в свою очередь было реорганизовано в ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление). Рост этого огромного аппарата систематического террора после 1923 года рассматривается в последующих главах.

В результате реформ 1922 года произвол и репрессии стали характерными не только для органов госбезопасности;

[37] Ленин, т. 27, стр. 298-301.

они превратились в неотъемлемую часть обычного уголовного права и судопроизводства. Настаивал на этом опять-таки Ленин, всегда сознававший неустойчивость советской власти. Было бы самообманом, писал он 17 мая 1922 года, если бы новый Уголовный кодекс обещал отмену террора. «Формулировать [статью о терроре] надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть могут определить условия применения [его] на деле». Ленинский черновой набросок статьи о широких полномочиях в соответствующем виде вошел в Уголовный кодекс 1922 года и с тех пор всегда составлял неотъемлемую часть уголовного права в Советском Союзе в отношении политических дел: «Пропаганда и агитация или участие в организации, или содействие огранизациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии... которая стремится к насильственному свержению [коммунистической системы] путем ли интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и тому подобными средствами... карается высшей мерой наказания или лишением свободы»[38]. Трудно представить себе какой-либо нежелательный для правительства поступок, который нельзя было бы подвести под эту туманную формулу. Помимо ленинского дополнения, Уголовный кодекс включал в себя несколько других статей подобного рода. Предоставляя судьям широкое право выносить приговоры даже в тех случаях, когда отсутствовал состав предусмотренного законом преступления, Кодекс на деле позволял судьям толковать уголовное право так, как им заблагорассудится, и в конечном итоге предоставлял ту же возможность тем, кто контролировал их, то есть — партии. Так, в соответствии со статьями 2 и 10 Кодекса, судам было предоставлено право карать за любой «общественно опасный» поступок, который представлял собой угрозу незыблемости

[38] Там же, стр. 296.

диктатуры пролетариата, препятствовал развитию социализма или дезорганизовывал общественные отношения, даже если такой поступок и не был предусмотрен Уголовным кодексом. Он влек за собой наказание, аналогичное тому, которое применялось при совершении действий, предусмотренных Кодексом и близких по своему значению к «общественно опасным» поступкам. Определяя права человека как нечто второстепенное по сравнению с интересами государства, Гражданский кодекс 1922 года в статьях 1 и 4 разъяснял, что такие права предоставляются государством (а следовательно, в соответствии с определением, могут быть отменены) для развития производительных сил страны и гарантируются только в том случае, если они не противоречат «общественным и экономическим целям государства».

15. КОНФЛИКТЫ В РУКОВОДСТВЕ. ПЕРВАЯ ФАЗА[1]

Усовершенствование партийного аппарата, описанное в предыдущих главах, давало Сталину серьезные преимущества перед его коллегами, поскольку он умел манипулировать всеми жизненно важными элементами этого аппарата. Во время болезни Ленина в 1922 году руководство делами фактически перешло в руки Сталина, Зиновьева и Каменева. Все трое имели большой опыт работы в партийном аппарате под руководством Ленина. Еще крепче связывали их страх и неприязнь к Троцкому, сравнительно новому человеку в партии и противнику большевистских организационных методов в предреволюционный период. Более того, с 1918 года Сталин и Зиновьев явно враждовали с Троцким. Необходимость объединиться для борьбы с Троцким, в котором они видели соперника, становилась еще более настоятельной в силу его личных качеств: большой ораторский талант и блестящий интеллект, резко контрастировавшие с незамысловатой демагогией Зиновьева, педантизмом Каменева и безвестностью Сталина. У Троцкого были последователи

[1] При подготовке этой и последующей главы я имел возможность пользоваться рукописью книги Robert Vincent Daniels, *The Conscience of the Revolution, the Communist Opposition and the Shaping of Soviet Russia.* Я глубоко признателен г. Даниельсу, который любезно предоставил мне свой ценный труд. Книга его была опубликована в 1960 г. издательством Harvard University Press.

среди армейских коммунистов и коммунистической молодежи; в революции он сыграл столь же важную роль, что и Ленин, обеспечив победу большевиков в 1917 году; он вышел победителем из Гражданской войны и создал Красную Армию. Теперь соперники Троцкого вспоминали с чувством тревоги его властный характер, который так ярко проявился в бытность его Народным комиссаром обороны. Давняя привычка Троцкого проводить аналогии с французской революцией, вероятно, еще более усиливала страх Сталина, Зиновьева и Каменева перед Троцким, этим потенциальным организатором «бонапартистского» переворота. Их опасения еще более усилились, когда осенью 1922 года Троцкому удалось сместить своего старого врага Гусева с поста начальника Политического управления армии, поставив на его место своего близкого друга с 1917 года Антонова-Овсеенко. (Гусев вскоре вошел в состав ЦКК и стал верным сторонником Сталина).

Но, хотя Сталин и обладал важнейшим преимуществом — контролем над партийным аппаратом, перед ним стояло серьезное препятствие: Ленин все больше и больше осуждал его поведение. По имеющимся данным, непосредственной причиной беспокойства Ленина послужила, очевидно, политика, проводимая Сталиным и Орджоникидзе в Грузии. Ленинские заметки по национальному вопросу, продиктованные в конце 1922 года, рассматривались выше. По-видимому, Сталин узнал об изменении ленинской позиции в грузинском вопросе и пытался повидаться с больным. 23 декабря 1922 года Крупская в письме Каменеву жаловалась на «чрезвычайно грубую выходку» Сталина, когда она, Крупская, попыталась оградить мужа от назойливости Сталина[2]. Хотя Ленин все еще был способен читать и диктовать,

[2] Письмо, впервые опубликованное Троцким уже в эмиграции, было зачитано Н. С. Хрущевым на закрытом заседании XX съезда партии. Текст см. в *The Anti-Stalin Campaign and International Communism. A Selection of*

до 5 марта 1923 года он не предпринимал никаких шагов. В тот день он направил Сталину письмо, в котором распекал его за грубость, проявленную по отношению к Крупской, и требовал извинения. В противном случае Ленин грозил порвать всякие отношения со Сталиным[3]. В тот же день он написал Троцкому и просил его выступить в защиту грузинских «уклонистов» в Центральном Комитете[4]. Так, умирающий Ленин в отчаянии обратился к Троцкому — человеку в партии сравнительно новому, его идейному противнику в течение долгих предреволюционных лет. По-видимому, Троцкий согласился выполнить просьбу Ленина, так как на следующий день Ленин переслал ему три записки по национальному вопросу, которые он продиктовал за два дня до этого. В тот же день, 6 марта 1923 года, то ли не веря в способность Троцкого выполнить эту миссию, то ли надеясь тем самым укрепить его позицию, Ленин посылает руководителям Грузии Мдивани и Махарадзе письмо, в котором «всем сердцем» обещает им поддержку против Сталина, Орджоникидзе и Дзержинского[5]. Тогда Сталин делает новую попытку прекратить вмешательство Ленина в партийные дела. Однако четыре дня спустя еще один удар выводит Ленина из строя. С тех пор, насколько известно, он больше не вмешивался в партийные распри.

Таким образом, над Сталиным нависла страшная угроза, связанная с политикой по отношению к Грузии, вопрос о которой должен был обсуждаться на предстоящем XII съезде партии в апреле 1923 года. Спас его Троцкий, который, имея в руках все козыри, оставался пассивным. Ободренный уда-

Documents. Edited by the Russian Institute, Columbia University, New York, 1956, стр. 8. См. также Ленин (5-е изд.), т. 54, стр. 329 и 330.

[3] Также впервые сообщено партии на XX съезде. Там же, стр. 8-9. Впервые опубликовано в Советском Союзе в 5-м изд. соч. Ленина, т. 54, стр. 674 и 675.

[4] Leon Trotsky, *Stalin: An Appraisal of the Man and his Influence.* Edited and translated from the Russian by Charles Malamuth, London, 1947, стр. 361.

[5] Там же.

ром, который очень кстати убрал Ленина со сцены, Сталин на съезде грузинской компартии, проведенном в середине марта перед Всероссийским съездом партии, без труда (большинством голосов) добивается разгрома Мдивани и Махарадзе[6]. Таким образом, центральный аппарат оказался достаточно сильным, чтобы достичь желаемого результата, несмотря на письмо Ленина, обещавшее поддержку инакомыслящим. Троцкий все еще не оглашал записок Ленина и ограничился тем, что напечатал 20 марта в «Правде» довольно бледную статью по национальному вопросу. Несколько дней спустя Троцкий, по-прежнему не оглашая ленинских записок, заявляет в ЦК протест, который Сталину удается изъять из протокола[7]. Только накануне XII съезда, 16 апреля, Троцкий признает, что у него в руках находятся ленинские записки, и то после того, как секретарь Ленина Фотиева, по не совсем понятным в свете вышеизложенных фактов соображениям, переслала копии этих записок в Политбюро. При этом она выразила мнение, разделяемое, по ее словам, сестрой Ленина, что Ленин не успел отредактировать записки для печати[8]. У Сталина, поддержан-

[6] «XII съезд», стр. 185.

[7] Протест Троцкого Секретариату по этому поводу от 28 марта 1923 г. находится среди его бумаг в библиотеке Гарвардского университета.

[8] Письмо Троцкого Сталину от 16 апреля 1923 г. напечатано в его книге «Сталин», стр. 362 и 363. Сопроводительное письмо Фотиевой Каменеву, приложенное к заметкам Ленина по национальному вопросу, было разослано вместе с другими документами делегатам XX съезда и напечатано вместе с текстом речи Хрущева на этом съезде в публикации Государственного департамента США 4 июня 1956 г. Эти и другие документы были опубликованы в «Коммунисте» № 9, июнь 1956 г., но сопроводительные письма там опущены. Поэтому они известны только по публикации Госдепартамента США, но их подлинность — вне всякого сомнения. Все документы напечатаны в переводе на английский язык в книге Bertram D. Wolfe, *Khrushchev and Stalin's Ghost*, New York, 1957, стр. 257-279 в отредактированном переводе. Поступок Фотиевой непонятен; единственное объяснение: она находилась под давлением, так как до этого она сообщила Троцкому о незаинтересованности Ленина в том, чтобы его заметки стали известны Сталину до съезда. – «Сталин»,

ного большинством Политбюро (хотя и при оппозиции Бухарина), был, таким образом, предлог не оглашать заметок — к величайшему своему сожалению, как он выразился в опубликованном тогда заявлении. В этом заявлении Троцкий открыто обвинялся в том, что он так долго скрывал текст ленинских записок[9]. Таким образом, 17 апреля, к открытию съезда Троцкий выглядел не то трусом, не то интриганом. Текст ленинских записок оставался неизвестным, хотя об их содержании среди делегатов ходило немало слухов. На съезде, который продолжался до 25 апреля 1923 года, Троцкий не обмолвился ни единым словом по национальному вопросу. Так он упустил единственный в своем роде случай для выпада против Сталина и его сторонников при полном благословении Ленина.

На ленинские записки намекало большинство выступавших в прениях на съезде. Полные горечи речи произнесли по национальному вопросу грузинские коммунисты-националисты. Но Сталин был к этому готов. Зал съезда был до отказа набит его сторонниками, и победа его курса считалась делом решенным. Из русских только Бухарин защищал взгляды Ленина. Грузинской оппозиции мешало одно обстоятельство: подлинной мишенью их критики была практиковавшаяся ранее ими самими мертвая хватка, которой партия держала всю жизнь в стране, и выступать с такой критикой становилось рискованно. Все же Махарадзе нашел в себе мужество сказать, что, поскольку единая, централизованная партия «в конечном итоге решает все за все республики», то говорить о независимости бессмысленно. Сталин, в очень искусной речи маневрируя между обоими крайними взглядами, приводил прежние высказывания Ленина как в

стр. 362. Ее недавно опубликованные дневники того периода не проливают света на этот вопрос — см. Л. А. Фотиева, «Из воспоминаний о В. И. Ленине» в «Вопросы истории КПСС», № 4, 1957, стр. 146-167.

[9] Wolfe, ук. соч., стр. 278 и 279.

поддержку своей собственной линии, так и в порядке возмещения ущерба, нанесенного ему тремя записками, о которых он прямо не упомянул. «Товарищи, — закончил он под бурные аплодисменты, — я должен сказать, что давно уже не видел такого спаянного, воодушевленного одной идеей съезда. Я жалею, что здесь нет товарища Ленина. Если бы он был здесь, он мог бы сказать: „Двадцать лет пестовал я партию и выпестовал ее, великую и сильную“». Это было пределом лицемерия. Но кое в чем Сталин был прав: торжество аппарата было абсолютным, а создателем его был Ленин.

Было много споров о том, почему Троцкий не выполнил поручения Ленина и не выступил открыто против Сталина. Сам Троцкий в автобиографии, написанной им позднее в эмиграции, говорил, что, хотя он и был уверен в своей победе на XII съезде, он, тем не менее, воздержался от выступления, опасаясь, что оно будет расценено как попытка занять место Ленина: «Я не мог без содрогания думать об этом»[10]. Возможно, он боялся, что устранение Сталина нанесет ущерб устойчивости партийного аппарата. И действительно, в 1923 году у Троцкого были веские основания колебаться, прежде чем предпринять что-либо, способное ослабить партийную диктатуру. Положение в промышленности было все еще катастрофическим, и Троцкому это в самом деле могло казаться более серьезной проблемой, чем состояние партии. Тяжелое положение в промышленности могло в свою очередь вызвать новую вспышку рабочей оппозиции по отношению к партийной иерархии. XI съезд лишь загнал рабочую оппозицию в подполье, а Троцкий, разумеется, не желал иметь таких союзников, как «Рабочая оппозиция», которую он в глубине души презирал. Серьезные расхождения между теоретиками партии также в любой мо-

[10] Троцкий, «Моя жизнь», т. II, Берлин, 1930, стр. 219.

мент могли всплыть на поверхность. Кроме того, Троцкий относился к политике Сталина и Орджоникидзе в Грузии с меньшей неприязнью, чем Ленин. Незадолго до того, как ленинские записки были представлены Политбюро, Троцкий, обсуждая их с Каменевым, заявил последнему, что он менее всего желает конфликта на съезде. «Я против снятия Сталина», — сказал он. Троцкий и Каменев, по всей видимости, пришли к следующему соглашению: изменить как-то политику в Грузии и попытаться заставить Сталина извиниться перед Крупской[11]. Однако, если это было действительно так, то нарушение соглашения как будто не побудило Троцкого к действиям.

В 1922 году, в течение тех немногих месяцев, когда Ленин был еще в состоянии работать, он, критикуя своих товарищей или излагая собственные взгляды на будущее коммунистического строя, не ограничивался национальным вопросом. Он также оставил после себя заметки о своих преемниках, о необходимой, по его мнению, реорганизации структуры партии и о перспективах экономической политики. Ввиду того, что политическая борьба в последующие годы в значительной степени сосредоточилась вокруг этих ленинских высказываний, следует рассмотреть его взгляды на каждый из вышеупомянутых вопросов. 24 и 25 декабря 1922 года Ленин диктует записку из серии заметок о реорганизации партии, где он высказывает мнение о некоторых своих коллегах. В этой записке Ленин предупреждает, что отношения между Сталиным и Троцким представляют собой главную угрозу устойчивости партийного руководства. С одной стороны, Сталин сосредоточил в своих руках «необъятную власть» и не всегда пользуется ею достаточно осторожно; с другой стороны, Троцкий — «самый способный человек в настоящем ЦК» — чрезмерно самоуверен и чрезмерно увлекается административным аспектом дела. Что касается

[11] Там же, стр. 222-225.

остальных руководителей, Ленин подчеркивает, что не следует ставить в вину Зиновьеву и Каменеву «октябрьский эпизод». Бухарина он характеризует как «ценнейшего и крупнейшего теоретика партии», хотя «есть в нем нечто схоластическое» и «он никогда не понимал диалектики», а Пятаков, по мнению Ленина, человек выдающихся способностей, но слишком увлекается администрированием, чтобы на него можно было положиться «в серьезном политическом вопросе». 4 января 1923 года, после попытки Сталина пробиться к нему, он диктует дополнительно: «Сталин слишком груб», а «в должности генсека это нетерпимо». «Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого поста», иначе эта казалось бы «ничтожная мелочь» приведет к расколу в партийном руководстве[12]. Эта записка и дополнение к ней, задуманные как директива предстоявшему съезду партии, более одного года оставались, насколько мы знаем, неизвестными всем членам партии, за исключением Крупской и тех двух секретарей, которым она была продиктована, в том числе Фотиевой. Никто из них, однако, не рассказал о существовании записки, или «Завещания», как ее впоследствии стали называть.

Взгляды Ленина на структуру партии и на экономическую политику содержатся и в ряде других записок, продиктованных в это же время, а также в двух статьях, которые, вопреки явному нежеланию ЦК, были опубликованы в «Правде» 25 января и 4 марта 1923 года. Что касается партии, то Ленина тревожили, главным образом, возможные разногласия в руководстве, а также бюрократизм, продажность и некомпетентность партийных и советских работников. Первая реформа, которую он предлагал, состояла в увеличении числа

[12] См. Ленин, 4-е издание, т. 36, стр. 543-546. Первые три записки были озаглавлены: «Письмо съезду», а первая строка первой записки гласила: «Я бы очень советовал съезду предпринять ряд перемен в нашем политическом строе».

членов ЦК до пятидесяти «или даже ста» человек, главным образом, путем включения в него рабочих и крестьян. Чтобы избавиться от бюрократических тенденций в партии, Ленин рекомендует избрать новый состав Центральной контрольной комиссии (ЦКК) опять-таки из числа рабочих и крестьян. В то же время он настаивает на том, чтобы Рабкрин (гигантский контрольный аппарат, возглавлявшийся до 1922 года Сталиным, аппарат, к которому Ленин давно уже относился очень критически) был сведен к 300-400 высокоавторитетных работников. Оба контрольных органа должны не только сотрудничать, но и быть органически спаяны друг с другом. Кроме того, пленумы расширенного ЦК должны превратиться в своего рода высшие партийные конференции, созываемые раз в два месяца. В работе пленумов должна участвовать и ЦКК[13]. Таким образом, Ленин преследовал две цели: влить пролетарскую и крестьянскую кровь в политические и контрольные органы партии и «разбавить» влияние партийной верхушки. По-видимому, он не сознавал, что реальный центр власти в партии уже переходил в руки Секретариата и его армии секретарей.

Лейтмотивом последних известных нам ленинских высказываний по экономическим вопросам было стремление во что бы то ни стало сохранить союз между крестьянами и рабочими, ради чего и был введен НЭП. Ленин неоднократно подчеркивал, что нарушение этого союза может привести к катастрофическим последствиям. Решение вопроса с сельским хозяйством состоит, писал он в январе 1923 года, в развитии кооперации. Поскольку политическая власть находится теперь в руках рабочих, кооперация приобретает совершенно иной характер, нежели в мечтаниях утопистов, вроде Оуэна, считавшего, что к социализму можно прийти через кооперацию без захвата политической власти пролетариатом. Но кооперация в России станет возможной только

[13] Там же.

после проведения «культурной революции» среди крестьян, так как социально-политический переворот произошел до культурного преобразования крестьянства[14]. О промышленности Ленин не сказал ничего существенного. Но в другой серии записок, продиктованных в конце декабря 1922 года и опубликованных лишь в 1956 году, он предложил, чтобы Госплану, созданному в 1921 году, хотя еще и не начавшему действовать, были приданы законодательные функции при известном контроле со стороны ВЦИК[15]. Эта мысль шла навстречу предложениям о расширении функций Госплана, которые выдвигал одно время Троцкий, вопреки оппозиции большинства своих коллег. К концу жизни Ленин также возлагал большие надежды на электрификацию страны как на средство укрепления социализма.

Дискуссии о реформах высших партийных органов начались в Политбюро в конце января 1923 года. Эти реформы явились одной из главных тем, обсуждавшихся на XII съезде в апреле того же года. Сталин был главным докладчиком на съезде. Поддерживать ленинский план о расширении состава ЦК и о подчинении Политбюро этому более широкому органу не входило в его расчеты. Из семи членов Политбюро Ленин был болен, Троцкий — полностью изолирован, Томский никакого веса не имел, и, таким образом, Сталину пришлось положиться на ненадежную поддержку со стороны Рыкова, Зиновьева и Каменева. Более того, по словам Сталина, в Центральном Комитете, состоявшем из двадцати семи членов, имелось «твердое ядро» из пятнадцати человек, которые угрожали превратиться в «верховных жрецов партийного руководства». Фактически это были сторонники Зиновьева. Предложение Сталина о расширении состава ЦК до сорока членов и девятнадцати кандидатов путем включения в него «местных партийных работников»

[14] «О кооперации», Ленин, т. 27, стр. 391-397.
[15] Ленин, 4-е издание, т. 36, стр. 548-551.

казалось очень разумным, равно как и подчинение Политбюро Центральному Комитету. А кроме того, преимущество этого предложения состояло в том, что оно совпадало с пожеланиями Ленина. ЦКК была также расширена до пятидесяти членов, и съезд постановил, что ее члены могут участвовать в пленумах ЦК. Было также принято постановление о слиянии ЦКК с Рабкрином.

Расширение этих органов, которое было на руку главным образом работникам партийной сети, обязанным своей карьерой Секретариату во главе со Сталиным, в значительной степени усилило позиции его сторонников. В скором времени вошли в обычай совместные пленарные заседания расширенного Центрального Комитета и Центральной контрольной комиссии. Таким образом, у Сталина больше не было оснований бояться «твердого ядра». Ему также удалось укрепить свое положение в Политбюро; из четырех кандидатов в члены, одним из которых стал теперь Бухарин, трое — Калинин, Молотов и Рудзутак были верными «сталинцами». Хотя резолюция по докладу Сталина на словах говорила о необходимости выдвижения рабочих, подавляющее большинство вновь назначенных работников, как и ранее, были интеллигентами. Таким образом, главное предложение Ленина молча игнорировалось. Не было также никаких прений по вопросу об организации и полномочиях Секретариата. Зато после съезда началось проведение в жизнь важных реформ. Сделан был еще один шаг на пути усовершенствования работы аппарата путем создания школы для обучения партсекретарей на местах, которые все еще, в теории, избирались[16].

Хотя на XII съезде и раздавались отдельные критические голоса, по всем этим предложениям не было почти никакой оппозиции. Зиновьев читал нотации потенциальным критикам и напоминал им, что диктатура останется в силе еще,

[16] «КПСС в рез.», т. I, стр. 729.

по меньшей мере, в течение десяти лет. Он объяснял, что критика со стороны «левой оппозиции» стала теперь «объективно» тем же, чем была в свое время критика со стороны меньшевиков. Троцкий, упустивший случай выступить против Сталина по национальному вопросу, продолжал воздерживаться от любой критики. Когда один из сторонников Троцкого публично выразил опасение, что его оттесняют с верхов, Троцкий сделал все возможное, чтобы опровергнуть это предположение.

Главное, что беспокоило его на съезде, — это положение в промышленности, которое действительно становилось серьезным. Основная причина кризиса состояла в том, что промышленность топталась на месте из-за нехватки капиталов, необходимых для восстановления страны, опустошенной революцией и Гражданской войной. В результате не хватало товаров, в которых нуждались крестьяне, что привело к падению цен на сельскохозяйственную продукцию и росту цен на промышленные товары. Это экономическое затруднение получило название «ножниц» — по образному выражению Троцкого, который имел при этом в виду кривые на диаграмме, характеризовавшие резкое расхождение цен на сельскохозяйственные и промышленные товары после августа 1922 года. Троцкий, сделавший под бурные аплодисменты основной доклад о промышленности, с удовлетворением принял к сведению, что его тезисы относительно политики в области промышленности, основанной на совершенствовании системы планирования, были приняты съездом[17]. Но поскольку предложенные им тезисы не были проведены в жизнь, победа эта мало чего стоила.

Однако, если съезд внешне и производил впечатление полного единства, многое указывало на то, что это единство зиждется на очень зыбкой основе. Благодаря надежде на то, что Ленин все же сможет возобновить работу (а Каменев

[17] Там же, стр. 687-705.

— искренне или неискренне — дал съезду оптимистический прогноз), весьма существенные разногласия не привели к расколу. Многие делегаты думали, а некоторые из них даже говорили, что подавление критики в партии и практика «назначенчества» вместо избрания на партийные должности заставляли оппозицию уходить в подполье, что приводило к образованию групп и фракций. Коммунистов, работавших в хозяйственных организациях, тревожило, что хозяйственным предприятиям не предоставлялось большей независимости от партийных органов, которая позволила бы им повысить свою эффективность. Существенные разногласия по вопросу об экономической политике, почти не затронутые в тезисах Троцкого, составляли (в искаженной борьбой за власть форме) центральную тему партийных дискуссий вплоть до конца 1927 года. Основной вопрос заключался в следующем: где взять капитал, необходимый для восстановления и развития промышленности. На съезде Зиновьев высказался оптимистически относительно перспектив развития внешней торговли и займов от зарубежных капиталистов в виде концессий, однако мало кто верил в реальность этих надежд.

Позиция официальных партийных руководителей, главным теоретиком которой впоследствии стал Бухарин, состояла в том, чтобы не принимать никаких мер, способных вызвать враждебность со стороны крестьянства. Следовало поощрять развитие крестьянского сектора экономики, который с ростом своей покупательной способности мог обеспечить приток капитала в промышленность. Правда, это означало бы, что в первую очередь будет восстановлена промышленность, производящая товары крестьянского потребления, зато процветающая промышленность потребительских товаров в свою очередь позволила бы расширить производство средств производства. По сути дела, это мало чем отличалось от взглядов Ленина. Левые же взгляды, главным представителем которых стал Преображенский, исходили из примата тяжелой индустрии. Согласно такой точке зрения, давать крестьянам слишком большую свободу выбора на

рынке было рискованно, поскольку это дало бы им возможность шантажировать власть. Преображенский рекомендовал систему обязательных сбережений, направленную на изъятие денежных фондов из рук крестьянства для финансирования тяжелой промышленности. Эквивалентом того, что Маркс называл «первоначальным капиталистическим накоплением», иначе говоря, различных методов, применяемых капиталистами для выкачивания капитала из экономики, было «первоначальное социалистическое накопление». Преображенский признавал, однако, что существует препятствие на пути к социалистическому накоплению, ибо победоносный рабочий класс «не может обращаться со своими трудящимися ... так, как обращается с ними капитализм». Позиция Троцкого была близка к этим левым взглядам, поскольку он тоже признавал, что «только развитие промышленности создаст незыблемую основу для диктатуры пролетариата». Он настаивал на необходимости исключительно плановой экономики, которая бы сделала возможным равномерное развитие как частного сектора, так и обобществленного[18].

Хотя эти противоречивые теории и не получили полного развития на съезде, они косвенно нашли свое отражение в дискуссиях, которые велись на нем вполголоса. Фактором, способствовавшим сохранению единства, было наличие активной меньшевистской подпольной деятельности и двух

[18] Взгляды Троцкого вытекают из текста принятых съездом тезисов. О взглядах Преображенского см. Е. А. Преображенский, «Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства», М. 1926, а также E. Preobrazhensky, *The New Economics*, translated by Brian Pearce, with an Introduction by A. Nove, Oxford, 1965. Alexander Erlich, *Preobrazhensky and the Economics of Soviet Industrialization*, The Quarterly Journal of Economics, т. LXIV, февраль 1950, № 1, стр. 57-58; and Alexander Erlich, *The Soviet Industrialization Debate 1924-1928*, Cambridge, Mass., 1960. Взгляды Бухарина были наиболее полно сформулированы им в книге «Путь к социализму и рабоче-крестьянский блок», которая дошла до меня лишь во французском переводе: *Le Chemin du Socialisme et le Bloc Ouvrier-Paysan*, Paris, 1925.

подпольных коммунистических группировок: «Рабочей правды» и «Рабочей группы». Последней удалось даже распространить нелегальные воззвания среди делегатов съезда. Вся партия была готова сомкнуть свои ряды для борьбы с угрозой ее авторитету. «Рабочая правда», состоявшая, в основном, из интеллигентов, опиралась главным образом на идеи Богданова. Богданов, который был союзником Ленина до ссоры с ним в 1909 году, уже давно отошел от активной политической деятельности и занимался теперь научно-исследовательской работой в области медицины. «Рабочая правда» нападала на «новую буржуазию» — партийных работников, директоров заводов и т.д., обвиняя их в эксплуатации трудящихся масс. Цель ее — образование ячеек внутри партийных и профсоюзных организаций с тем, чтобы помочь пролетариату в формировании классового самосознания и подготовить его к самоуправлению[19]. «Рабочая группа», чисто пролетарская по своему составу, была основана буревестником оппозиции Мясниковым после исключения его из партии за участие в «призыве двадцати двух» к Коминтерну. Эта группа нападала и на привилегированных партийных бюрократов, обвиняя их в эксплуатации рабочих. Помимо того, она требовала свободы для всех социалистических партий (кроме либералов: «Для профессоров, адвокатов и докторов есть только одно средство — набить им морду»), свободы дискуссий и выборов новых Советов, куда в основном входили бы представители заводов и фабрик. Многое в этих боевых программах могло бы привлечь рабочих, и обе группы активно участвовали в забастовках, состоявшихся летом и осенью, пока ГПУ не ликвидировало их в сентябре[20]. Ни один партийный руководитель не

[19] Эти теории «Рабочей правды» восходят к Яну Вацлаву Махайскому; см. его брошюру «Умственный рабочий», опубликованную им в 1904 году под пседонимом А. Вольский.

[20] О взглядах «Рабочей правды» см. воззвание, напечатанное в «Социалистическом вестнике», Берлин, № 3(65), октябрь 1923 г. О «Рабочей груп-

сомневался публично в правомерности использования войск ГПУ против рабочих, а большинство ЦК явно одобряло это.

Кажущееся единство, обозначившееся на XII съезде партии, длилось недолго. Когда в сентябре 1923 года ЦК обсуждал вопрос о том, как поступить с двумя рабочими оппозиционными группами, перед ним стояли еще три проблемы: зарплата, «ножницы» и всеобщее недовольство в партии по поводу уничтожения партийной демократии. Дискуссии в ЦК, в результате которых оппозиция немедленно всплыла на поверхность, велись и вокруг событий в области внешних сношений. Комиссия, занимавшаяся проблемой «ножниц», разработала мероприятия, которые в короткий срок увенчались успехом; но поскольку эти мероприятия состояли в произвольном снижении цен на промышленные товары и увеличении покупательной способности крестьянства, они шли вразрез со взглядами левых теоретиков, которые, соответственно, бойкотировали эту комиссию[21]. Комиссия по внутрипартийным вопросам, возглавляемая Дзержинским, также вызвала к себе враждебное отношение левых. Разработанные ею мероприятия были направлены на искоренение недовольства в рядах партии путем укрепления дисциплины, а также содержали требование ко всем членам партии сообщать в ГПУ любые имеющиеся у них сведения о наличии фракций и группировок[22].

Тем временем союз между Зиновьевым и Сталиным, который уже дал трещину, когда Сталину удалось изгнать из Центрального Комитета сторонников Зиновьева, испытал

пе» см. В. Л. Сорин, (мясниковщина) «Рабочая группа», Москва, 1924 (с предисловием Бухарина), где перепечатаны пространные отрывки из ее Манифеста от февраля 1923 г., хранящегося в архивах ГПУ. См. также «Изв. ЦК», № 9-10, 1923, стр. 13-16.

[21] Детали работы этой комиссии и правый характер ее отчета — см. E. H. Carr, *The Interregnum 1923-1924*, London, 1954, стр. 104-117.

[22] Это явствует из заявления Троцкого от 8 октября 1923 г., ссылку на которое см. ниже.

новое потрясение. Поздним летом или ранней осенью 1923 года Зиновьев сделал неуклюжую попытку обойти Сталина. При встрече на Кавказе с группой партийных руководителей, в которую входили Бухарин и Ворошилов (огласивший позднее содержание дискуссии), а также его собственные сторонники Лашевич и Евдокимов, Зиновьев предложил меры, направленные на то, чтобы не дать Секретариату сосредоточить в своих руках чрезмерную власть. Сталин, которого официально поставили в известность о сути переговоров, мастерски справился с положением. Прежде всего он заявил о намерении уйти со своего поста, глубоко уверенный в том, что его заявление будет отклонено, а это лишний раз подтверждало, в какой степени дальнейшее существование партии зависело от его административных способностей. Затем был достигнут компромисс, в результате которого Троцкий, Бухарин и Зиновьев вошли в Оргбюро. Этот шаг, как оказалось, никакого практического значения не имел, и ни Троцкий, ни Бухарин даже не пытались когда-либо вмешиваться в чуждую им сферу партийного аппарата. Даже Зиновьев присутствовал только на двух заседаниях[23].

8 октября Троцкий «объявляет войну» Центральному Комитету и его alter ego — ЦКК[24]. Непосредственным поводом для этого было предложение Дзержинского о том, чтобы члены партии действовали как осведомители ГПУ. Но решение Троцкого сделать теперь то, чего он не сделал на съезде, было, возможно, вызвано и попыткой подорвать его влияние в армии, предпринятой незадолго до этого, по-видимому, по наущению Зиновьева. В своем заявлении Троцкий возлагает ответственность за тревожную атмосферу в партии на диктатуру Секретариата и сообщает о своем на-

[23] Эти факты были оглашены через год на XIV съезде партии.

[24] Полный текст не был опубликован, а в архиве Троцкого, хранящемся в библиотеке Гарвардского университета, копии нет. Пространные выдержки были опубликованы в «Социалистическом вестнике» № 11(81) от 24 мая 1924 г., а также Максом Истманом.

мерении довести, наконец, свои взгляды до сведения партийных масс. Недовольство пролетариата он объясняет ошибочной политикой в области промышленности. Неделей позже в Политбюро поступает так называемое «заявление сорока шести», вызванное, по всей вероятности, выступлением Троцкого. В этом документе критикуется неумение партийного руководства справиться с экономическим кризисом и «совершенно нетерпимый» режим внутри партии. Диктатура одной фракции партии, признанная на X съезде, подчеркивается в документе, теперь «изжила себя». Авторы декларации требовали созыва партийной конференции, на которой были бы представлены все направления, с тем, чтобы обсудить, что́ делать дальше. Большинство подписавших это заявление поддерживало Троцкого в последующей борьбе; это были преимущественно левые, которые в свое время либо шли за Троцким, либо выступали вместе с демократическими централистами в дискуссии о профсоюзах в 1921 году, например, Преображенский, Серебряков, Осинский, Бубнов и Сапронов. Многие из них работали в высших государственных экономических органах[25]. Это был вызов, который, в отличие от заявления Троцкого, нельзя объяснить как выпад, продиктованный соображениями личного честолюбия.

На объединенном пленуме ЦК и ЦКК в конце октября, где обсуждались оба заявления, Сталин, уверенный в поддержке основной массы участников пленума, подавляющим большинством голосов добился осуждения поступка Троцкого, охарактеризовав его как «серьезную политическую ошибку», а «заявление сорока шести» — как фракционную деятельность, представляющую собой угрозу единству партии в момент опасности[26]. В то же время Сталин и его сторонники сде-

[25] Копия этой декларации находится в архиве Троцкого, а другая — в Международном институте общественной истории в Амстердаме; английский перевод Э. Карра напечатан в его цит. выше соч., стр. 367-373.

[26] «КПСС в рез.», т. I, стр. 767 и 768.

лали вид, будто соглашаются с необходимостью установления большей демократии в партии: в течение всего ноября 1923 года в множестве статей, резолюций и отчетов обсуждался вопрос о путях достижения этой цели. 5 декабря Политбюро решило положить конец дискуссии, приняв резолюцию, которая, казалось, шла навстречу оппозиции в экономических вопросах и полностью соглашалась с необходимостью изменений в партии в сторону большей демократизации[27]. Более того, почти все критические замечания оппозиции были включены в эту резолюцию, которая напоминала резолюции о внутрипартийной демократии, принятые на X съезде партии с аналогичной целью — умиротворить критиков.

Здесь Троцкий сыграл на руку Сталину. Он не присутствовал на октябрьских дискуссиях по болезни, но текст резолюции Политбюро с ним обсуждался и был им одобрен, хотя Троцкий, по-видимому, оставил за собой право убеждать партию в том, что реформы следует «подталкивать снизу»[28]. 8 декабря Троцкий написал письмо «Новый курс», опубликованное в «Правде» 11 декабря. (Впоследствии оно было издано отдельной брошюрой.) Хотя на первый взгляд статья Троцкого, казалось, выражала горячее одобрение благочестиво-лицемерной резолюции от 5 октября, в действительности она была направлена непосредственно против партийного аппарата и всемогущих секретарей. Главный довод «Нового курса» состоял в том, что внутрипартийную демократию невозможно обеспечить с помощью партийной машины. Партия должна подчинить себе свой аппарат, сделать его исполнителем коллективной воли, обновить его и освободить от бюрократов, подавляющих всякую критику. Статья также призывала молодое поколение удерживать старую

[27] «Правда», 7 декабря 1923 г. Резолюция была опубликована от имени ЦК и ЦКК.

[28] Max Eastman, *Since Lenin Died*, London, 1925, стр. 39. (Информация, содержащаяся в этой книге, получена большей частью от Троцкого; значительно позднее она была подтверждена другими источниками.)

гвардию на революционном пути, что характерно, так как Троцкий пользовался большим авторитетом среди молодых коммунистов в армии и в вузах. «Новый курс» обращался и к коммунистам, работавшим в экономике и промышленности, подчеркивая, что только внутрипартийная демократия может привести к подлинно партийному руководству хозяйственными предприятиями. Существовавшая система управления через секретарей порождала беспомощность, которая объяснялась вмешательством в дело некомпетентных лиц. Такими же были, в сущности, и доводы сорока шести. Но Троцкий не говорил в «Новом курсе» того, в чем его неоднократно обвиняли, а именно: будто в партии должны быть разрешены группы и фракции.

Это был весьма неуклюжий, обреченный на неудачу вызов. У Троцкого теперь не было никаких шансов повести партию за собой (тогда как это было возможно восемь месяцев тому назад на съезде партии при авторитетной поддержке Ленина), поскольку решения партии теперь уже определялись аппаратом, над которым у Троцкого не было никакой власти. Вряд ли Троцкий, имевший репутацию безжалостного диктатора, мог вызвать отклик у многих недовольных пролетариев как внутри партии, так и вне ее, — они не видели большой разницы между ним и Сталиным. Маловероятно также, что Троцкий, который никогда не сомневался в необходимости сохранять за партией монополию власти, стал бы искать поддержку у этих рабочих. Вслед за публикацией «Нового курса» началось обсуждение этой работы в печати и на собраниях, в которых Троцкий, в сущности, не принимал никакого участия. Хотя у Троцкого было много последователей, но в ходе этого обсуждения карты оказались подтасованными в пользу аппарата, который мог контролировать голосование на собраниях, а зачастую и выступления в печати. Главное обвинение, выдвигавшееся теперь против оппозиции, обвинение в создании отдельной группы или фракции в партии, — было ложным. Но таков уж был освященный традицией метод расправы с критиками,

который Ленин впервые успешно применил на X съезде партии в 1921 году.

Дискуссия завершилась XIII партийной конференцией, проходившей с 16 по 18 января 1924 года. Состав этого сборища был тщательно продуман заранее. Троцкий отсутствовал по болезни. Малочисленные представители оппозиции, ни один из которых не имел права голоса, знали, что им уготовано поражение и не скрывали этого. Резолюция, осуждавшая Троцкого и оппозицию, была принята при трех голосах против. Сталин, возглавлявший атаку, пользовался энергичной поддержкой Зиновьева и Каменева. На этой конференции оппозиционерам было сделано два грозных предупреждения. Первым из них явилась публикация по инициативе самого Сталина секретного параграфа резолюции, принятой на X съезде, относительно исключения из партии за «фракционность». Вторым предупреждением звучала фраза в резолюции, принятой конференцией, о «решительных мерах» против тех, кто распространяет «запрещенные к публикации документы». Ленинское «Завещание» со всеми его чреватыми взрывом последствиями все еще не было известно партии, хотя можно предположить, что Сталин знал о его существовании. Резолюция об очередных задачах экономической политики также давала отпор левым теоретикам. В ней подчеркивалось, что поддержка со стороны крестьянства является краеугольным камнем диктатуры пролетариата. Подчеркивая необходимость совершенствовать планирование, резолюция предлагала покончить с экономическим кризисом не путем интенсивного развития тяжелой промышленности, а с помощью контроля над ценами, стабилизации валюты и мощного развития сельского хозяйства. Таким образом предполагалось наладить производство товаров на экспорт и создать рынок сбыта промышленной продукции, что обеспечило бы капитал для создания тяжелой индустрии[29].

[29] «КПСС в рез.», т. I, стр. 778-802. Секретный параграф резолюции см. там же, стр. 529 и 530.

21 января, через три дня после окончания конференции, умер Ленин. Вопрос о его преемнике возник не сразу. Сталин, Зиновьев и Каменев прочно сидели на своих местах и пока что были едины. Сталин, придерживающийся теперь правого курса в экономической политике, мог рассчитывать на поддержку главного поборника этого курса — Бухарина (кандидата в члены Политбюро), а также еще одного из правых — Рыкова, заменившего Ленина на посту Председателя Совнаркома. Позиции Троцкого, дискредитированного неудачным выступлением, еще более ослабли в результате исключения его сторонников из студенческих партийных организаций и из комитетов комсомола, а также в связи с выводом из состава Главного политического управления армии Антонова-Овсеенко и его сторонников.

Смерть Ленина дала Сталину необходимую для него возможность провозгласить новый культ — «ленинизм». Резким контрастом с характерным для Ленина отсутствием саморекламы явились внешие атрибуты этого культа: торжественные клятвы верности его памяти, перенос забальзамированного тела Ленина в мавзолей в Москве, переименование Петрограда. Троцкий отсутствовал на похоронах Ленина — то ли потому, что ему неправильно, как он утверждал, сообщили дату похорон[30], то ли в результате наступившего состояния безволия, отчаяния и изнеможения, и это помогло Сталину сразу же взять на себя руководство новым культом. Смысл культа Ленина был ясен всем: если Ленин — Аллах, то Сталин — пророк его. Вместе с бесчисленными портретами и бюстами Ленина, которые пустил в оборот партийный аппарат, пошла в ход и известная фотография (явно сфабрикованная, даже для неопытного глаза), на которой изображены улыбающиеся Ленин и Сталин, сидящие рядом в атмосфере безмятежной дружбы летом 1922 года. Те немногие, кто знал, как в действительности развивались отношения между Лениным и Сталиным, благоразумно

[30] «Моя жизнь», т. II, стр. 250.

молчали. Однако о настроениях в партии ходили всевозможные слухи, наводнявшие Москву: Ленин будто бы просил яда; Ленин сказал кому-то незадолго до смерти, что его отравили; Ленин поправился настолько, что в октябре 1923 года съездил в Москву (этот слух, по крайней мере, соответствует действительности) и, побывав в своем кабинете, обнаружил, что в его бумагах кто-то рылся[31].

В этот период были заложены и теоретические основы ленинизма. Стал выходить новый журнал «Большевик», специально предназначенный для борьбы с «троцкизмом». В апреле 1924 года Сталин выступает в Московском коммунистическом университете им. Свердлова с серией лекций, которые под общим заглавием «Основы ленинизма» становятся первой «священной книгой» сталинской ортодоксии. Главный упор в этих лекциях делается на необходимость укрепления единства и дисциплины в партии, на руководящую роль партии по отношению к массам, а также на важнейшую задачу — сохранить за диктатурой пролетариата поддержку со стороны крестьянства. Все эти положения могли по праву считаться ленинскими. Но вскоре стали появляться довольно странные добавления к «священной книге», по мере того как этого требовала конъюнктура. Наряду с усовершенствованиями в области теории были проведены также организационные изменения (о которых речь пойдет ниже), чистка среди оппозиционеров и наводнение партии новичками путем набора свыше двухсот тысяч молодых коммунистов, от которых можно было ожидать полной покорности диктату секретарей. Еще одним успехом политики,

[31] В своей книге «Сталин», которую Троцкий не успел закончить, так как был убит в августе 1940 г., он высказывает предположение, будто Сталин отравил Ленина (см. стр. 370-383), и приводит различные слухи в подтверждение этой версии. Много других слухов такого рода ходило в партийных верхах в то время. Я также использовал неопубликованные мемуары Н. Валентинова (Н. В. Вольского).

которую Сталин проводил, чтобы обезопасить себя от Троцкого, было назначение весной 1924 года Михаила Фрунзе — одного из главных противников Троцкого в военных вопросах — на пост заместителя Наркома обороны. Фрунзе стал фактически наркомом без особых возражений со стороны Троцкого задолго до того, как последний был формально снят с этого поста в январе 1925 года. У Сталина было мало оснований опасаться, что на предстоящем XIII съезде партии, который намечался на 23 мая 1924 года, он столкнется с какой-либо серьезной оппозицией.

За несколько дней до открытия съезда Крупская переслала в Политбюро записки, продиктованные Лениным между 23 декабря 1922 года и 23 января 1923 года, в том числе и так называемое «Завещание». Она пояснила, что скрыла две заметки, вошедшие в завещание (некоторые заметки были к тому времени уже опубликованы), так как Ленин выразил «твердое желание», чтобы их передали на рассмотрение ближайшего съезда партии «после его смерти»[32]. Комиссии Центрального Комитета не оставалось ничего иного, как принять решение о передаче этих заметок на обсуждение съезда, но в результате ловкого маневра заметки были зачитаны с соответствующими комментариями лишь руководителям делегаций на съезде[33]. Сразу же после съезда Сталин смело подает в ЦК заявление об отставке в

[32] См. ее письмо от 18 мая 1924 года, приведенное Вольфом в ук. соч., стр. 258 и 259. Ее заявление о том, что Ленин распорядился представить заметки на рассмотрение ближайшего после его смерти съезда партии, явно противоречит выраженному в заметках мнению самого Ленина, который считал, что эти документы должны быть доведены до сведения участников предстоящего, т.е. XII съезда.

[33] См. L. Trotsky, *The Suppressed Testament of Lenin* (with two explanatory articles), New York, 1935, стр. 11, 12, 17. См. также Boris Bajanov, *Stalin, der Rote Diktator*, Berlin, 1931, стр. 30-34. По сообщению автора этой работы, Сталина спасло вмешательство Зиновьева. (Бажанов был в прошлом работником ЦК и, как он утверждал, личным секретарем Сталина.)

связи с критическими замечаниями Ленина, но весь ЦК, в том числе и Троцкий, согласно отчету, сделанному Сталиным три года спустя, настаивает на том, чтобы он остался на своем посту[34]. На какое-то время удалось избежать скандала (о заметках не было упомянуто на заседаниях съезда), но вскоре о них вновь пришлось заговорить.

XIII съезд был образцом единодушия, что объяснялось отчасти его тщательной организацией. Никто из присутствовавших на нем представителей оппозиции, в том числе Троцкий, Преображенский и шестеро других, подписавших «заявление сорока шести», не имел права голоса. С другой стороны, чувствовалось явное стремление к единству, объясняемое шоковым состоянием, в которое повергла партию утрата Ленина-вождя. Это проходило красной нитью через всю довольно слабую речь Троцкого в защиту своей позиции. Не признавшись ни в каких ошибках, как этого требовали от него некоторые, он лишь ограничился заявлением о своей верности партии: «Права ли [она] или не права... но это моя партия. Я знаю, что быть правым против партии нельзя... ибо других путей для реализации правоты история не создала». Более смелое выступление Преображенского было встречено потоком ругани. Но даже Крупская, недавняя свидетельница того, как пренебрегли желаниями Ленина, подчеркнула лишь необходимость умеренности в полемике. Очевидно, сталинский довод — «объявление войны аппарату... означает разрушение партии» — принимался всеми чуть ли не за чистую правду.

На съезде не было произведено каких-либо значительных изменений в руководстве партии. Бухарин занял место Ленина в Политбюро, а Фрунзе, Дзержинский и Наркомфин Сокольников были избраны кандидатами в члены Политбю-

[34] Сталин, т. 10, стр. 175 и 176.

ро. Состав ЦК расширился с 40 до 53 членов, а количество кандидатов в члены ЦК увеличилось с 17 до 34. Выдвинулись, в основном, работники местных органов, доказавшие свою лояльность по отношению к Сталину. Поразительнее всего было продвижение Кагановича, правой руки Сталина в аппарате ЦК. Став членом ЦК, он вошел как в Секретариат, так и в Оргбюро. Контрольная комиссия, значение которой быстро росло, увеличилась втрое. Единственным пострадавшим оппозиционером в ЦК оказался Радек, известный сторонник Троцкого. Но его исключили из ЦК не за политическую деятельность внутри страны, а за провал коммунистического восстания в Германии в 1923 году, в чем его намеренно обвинили.

Между тем новые признаки указывали на то, что тройка, правившая Россией с момента болезни Ленина, уже не была столь единой, как в период совместной борьбы с Троцким. На съезде Зиновьев нарочито старался выразить свою солидарность со Сталиным, по-видимому, с тем, чтобы скрыть существующие между ними трения. Но Зиновьеву всегда было не по себе от тех методов, с помощью которых Сталину удалось создать на XII съезде противовес зиновьевскому «ядру» в ЦК. Вряд ли и Сталин забыл, что кавказское совещание летом 1923 года было созвано по инициативе Зиновьева. В речи, произнесенной в июне 1924 года, Сталин впервые дал понять, что остальные два члена тройки ниже его по положению. Он раскритиковал и Зиновьева и Каменева за теоретические ошибки. Зиновьеву, прямо не называя его имени, Сталин указал на ошибочное отождествление им диктатуры пролетариата и диктатуры партии. (Кстати, такое отождествление было отчетливо выражено годом раньше в резолюции XII съезда.) Ошибка же Каменева состояла в том, что он подчеркивал необходимость преобразования России «нэпмановской» в Россию социалистическую, давая понять тем самым, что социализм еще не построен (хотя, между прочим, Ленин в 1922 году употреблял весьма

близкое к этому выражение)[35]. Помимо этих явно нечестных мелких укусов теоретического характера, поздним летом 1924 года Сталин предпринимает более конкретный шаг: он усылает в Среднюю Азию сторонника Каменева, секретаря Московской партийной организации Зеленского (Каменев в в то время занимал пост председателя исполкома Моссовета) и заменяет его Углановым.

В ответ на эти нападки Зиновьев, как следует из его собственного отчета, организует совещание примерно пятнадцати «большевиков-ленинцев», на котором «нетоварищеский» поступок Сталина подвергается осуждению. Попытки найти какую-то форму сосуществования со Сталиным ни к чему не приводят. Сталин, уверенный, что за ним большинство как в Политбюро, так и в ЦК, парирует этот удар, заклеймив его как попытку подорвать коллективное руководство и подменить партийную демократию диктатурой[36]. Становится очевидным, что более решительная атака со стороны Сталина не заставит себя долго ждать.

[35] Сталин, т. 6, стр. 257 и 258. Резолюцию XII съезда см. в «КПСС в рез.», т. I, стр. 683: «Диктатура рабочего класса может быть обеспечена не иначе, как в форме диктатуры его авангарда, т. е. компартии». По мнению Сталина, «это выражение было пущено по недосмотру». Мысль о том, что государственный капитализм, к которому привел НЭП, представляет собой верный путь к социализму при условии, если власть находится в руках пролетариата, проходила красной нитью через все выступление Ленина на XI съезде партии.

[36] См. отчет Зиновьева на XIV съезде: «XIV съезд», стр. 454 и 455.

16. ПОРАЖЕНИЕ ТРОЦКОГО

К осени 1924 года отношения между Сталиным, с одной стороны, и Зиновьевым и Каменевым — с другой, были на грани разрыва. Однако раскол тройки на этом этапе предотвратили два обстоятельства. Первым было восстание, вспыхнувшее 27 августа 1924 года в Грузии. Тщательно подготовленное меньшевистским руководством, оно было направлено против коммунистической диктатуры, навязанной населению силой оружия против его воли. Восстание было легко подавлено Красной Армией. Оно оказалось на руку Сталину, который, возопив о новом «Кронштадте», снискал себе тем самым поддержку партии. Кроме того, он доказывал, что, поскольку восстание крестьянское (тот факт, что в восстании принял также участие пролетариат марганцевых рудников, им сознательно игнорировался), то единственная политика, которую следует вести в СССР, — это политика «правая», то есть примирение с крестьянством любой ценой.

Но главным спасителем единства тройки осенью 1924 года был, вероятно, Троцкий. К седьмой годовщине захвата власти большевиками он опубликовал сборник статей под заглавием «1917», предисловие к которому называлось «Уроки Октября». В этом предисловии Троцкий на основе исторических параллелей развивал тему, в последующие годы ставшую для него навязчивой идеей, — тему предательства революции «справа». Он проводил параллель между провалом восстания в Германии в 1923 году и оппозицией

некоторых большевиков, в особенности Зиновьева и Каменева, ленинскому плану восстания в октябре 1917 года. В обоих случаях, по мнению Троцкого, ошибка была одна и та же — «меньшевистская» позиция тех, кому не хватало революционного мужества. Кроме того, Троцкий клеймил всю «правую» политику по отношению к крестьянству как политику нереволюционную. Поскольку нападки такого рода неизбежно толкали Зиновьева и Каменева на восстановление тесного союза со Сталиным, они явились политическим промахом. С другой стороны, как потом сам Зиновьев признался Троцкому и некоторым своим сторонникам, «Уроки Октября» были лишь удобным предлогом для Зиновьева и Каменева, поскольку еще до опубликования статьи они решили использовать старые разногласия Троцкого с Лениным в целях возобновления кампании против Троцкого[1]. Троцкий попал не в бровь, а в глаз: ведь по установившейся в партии традиции только самые крайние революционеры слыли настоящими большевиками; это стало очевидным, когда на «троцкизм» обрушилась целая лавина нападок. Возглавлял наступление Сталин, и весь пропагандистский аппарат партии был пущен в ход для развития этого наступления. Саму брошюру с текстом «Уроков Октября» изъяли из обращения, и противники Троцкого пользовались тем преимуществом, что могли критиковать его, основываясь на вырванных из контекста цитатах. Троцкий, впав в депрессию и отчаяние, не сделал почти никакой попытки ответить своим противникам; единственный аргументированный ответ, который он написал, остался неопубликованным[2].

Сталин отнесся снисходительно к грехам Зиновьева и Каменева; он даже признал (и это была сущая правда), что сам некоторое время колебался относительно правильности

[1] «Бюллетень оппозиции», № 9, февраль-март 1930 г., стр. 32.

[2] Рукопись этой статьи — «Наши разногласия» — находится в архиве Троцкого в библиотеке Гарвардского университета.

линии партии в марте 1917 года до приезда Ленина в Петроград[3]. Обращение Троцкого к истории было опасным ходом, ибо исторические факты легко становились такими, какими их желали видеть руководители партии. Постепенно Сталин начинает умалять роль Троцкого в захвате власти большевиками и в Гражданской войне. До сих пор ведущую роль Троцкого в октябре 1917 года никто не оспаривал, и сам Сталин признавал ее в юбилейной статье «Правды» в 1918 году[4]. Эта роль, утверждает теперь Сталин, сильно преувеличена: вклад Троцкого в победу был не больше, чем вклад любого другого большевика. Подлинное руководство восстанием осуществляла якобы пятерка, назначенная Центральным Комитетом для поддержания связи с Петроградским Советом; в этой группе, куда будто бы входил Сталин, не было Троцкого. Это искажение фактов (пятерка — так называемый «Военно-революционный центр», насколько известно, вообще никогда не действовала) было лишь началом кампании. Вскоре историю Октября начинают постепенно перекраивать с целью доказать, что Троцкий был предателем уже в 1917 году и что в действительности главным организатором победы был Сталин.

Троцкого обвиняли в «ереси» трижды. Обвинения, которые ему предъявлялись, были придуманы и сформулированы не сразу, но они в том или ином виде составляли основу для нападок на «троцкизм», пока эти нападки оставались неотъемлемой частью борьбы за власть.

Во-первых, обнаружили, что в 1905-1906 годах Троцкий проповедовал теорию перманентной революции (идущей еще от Маркса). Напомним: Троцкий утверждал тогда, что задача социал-демократов состоит в том, чтобы не ослаблять усилий

[3] Речь от 19 ноября 1924 года — см. Сталин, т. 6, стр. 333.

[4] См. «Правда», 6 ноября 1918 г. См. эту же статью в собрании сочинений Сталина, выпущенном несколько лет спустя, где опущены строки, касающиеся Троцкого как человека, обеспечившего успех переворота. Сталин, т. 4, стр. 152-154.

после свершения буржуазной революции и немедленно продолжить попытки перейти ко второй фазе — социальной революции. Именно этой политики и придерживался Ленин после февраля 1917 года. Но в 1905 году и в последующие годы Ленин — главным образом, по тактическим соображениям — нападал на Троцкого, считая его взгляды полуанархическими, и выдвигал свою собственную теорию «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Вытаскивание на свет божий старых споров имело целью доказать, что в 1905 году Ленин и Троцкий стояли на диаметрально противоположных позициях[5]. Отсюда нетрудно было перебросить мост к следующему пункту обвинения — «недооценка крестьянства». В 1905 году Троцкий утверждал, что крестьянство по своей природе тяготеет к буржуазии и что поэтому пролетариату всегда придется руководить им. Опять-таки совершенно очевидно, что политика, проводимая Лениным не только в 1917 году, но и во время Гражданской войны и даже в период НЭПа, когда экономические уступки крестьянам не

[5] Насколько близки были взгляды Троцкого на «перманентную революцию» к политике, проводимой Лениным в 1917 году, видно из следующих строк, написанных Троцким в 1922 году: «Мудреное название это выражало ту мысль, что русская революция, перед которой непосредственно стоят буржуазные цели, не сможет, однако, на них остановиться. Революция не сможет разрешить свои ближайшие буржуазные задачи иначе, как поставив у власти пролетариат. А этот последний, взявши в руки власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками революции... Пролетарскому авангарду придется совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебное столкновение не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с преобладающим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата». (Из предисловия к «1905»). Если заменить слово «пролетариат» словом «большевистская власть», то этот отрывок точно описывает события 1917 года, и трудно сказать, с чем бы в нем Ленин не согласился.

повлекли за собой никаких политических уступок, была основана на твердом убеждении, что крестьянин — неисправимый буржуа. Но и в 1905 году, а также позднее Ленин критиковал формулировку Троцкого. Раскопав этот старый спор, Сталин получил большое преимущество, позволившее ему утверждать: предложения Троцкого в области экономики с их упором на тяжелую промышленность были ошибочными из-за «недооценки» крестьянства и поэтому противоречили взглядам Ленина после введения НЭПа, согласно которым в настоящее время необходимо любой ценой сохранить поддержку крестьянства. К тому же утверждение, в соответствии с которым позиция некоторых сторонников Троцкого (таких, как Преображенский) действительно противоречила разработанной Лениным теории НЭПа, было отчасти справедливым.

Третье и наиболее серьезное обвинение, выдвинутое против Троцкого, требовало еще большей изворотливости. До тех пор ни один коммунист не сомневался открыто в том, что окончательная победа революции в России зависит от поддержки других стран, где совершится революция, в особенности, передовых промышленных стран Европы. Этот постулат проходит красной нитью через всю ленинскую теорию; именно ставка на революцию в Европе и послужила основой для захвата власти в 1917 году. С тех пор надежды на революцию в других странах рухнули, но большевики не теряли веры в то, что она рано или поздно произойдет и тогда временные трудности в России будут преодолены. Сам Сталин в лекциях на тему «Основы ленинизма» в апреле 1924 года специально подчеркивал общепринятую точку зрения, согласно которой судьба русской революции и окончательная победа социализма в России зависят от мировой революции[6]. Однако по мере того как отдалялись перспек-

[6] Сталин, «Проблемы ленинизма», Москва, 1947, стр. 38. Эти лекции были прочитаны и напечатаны до начала развернутой кампании против троц-

тивы революции в Европе, становилось необходимо пересмотреть существующую теорию и заменить ее новой, согласно которой русские коммунисты в своем стремлении удержать власть могли рассчитывать только на самих себя. Именно так и поступил Сталин, воспользовавшись полемикой с Троцким.

В сочинениях Ленина стали старательно искать изречения, которые подтвердили бы правильность нового курса. В одной ленинской статье, написанной в 1915 году, было найдено место, где указывалось, что ввиду неравномерного развития капитализма революция первоначально может произойти в нескольких странах или даже только в одной стране. Сталина нимало не смущал тот факт, что в этой статье Ленин говорил не о России и, кроме того, тесно связывал победу революции в одной стране с немедленным возобновлением попыток распространить революцию на другие страны. Это шаткое основание дало Сталину возможность развить теорию о построении «социализма в одной стране»: хотя опасность реставрации буржуазного строя без поддержки пролетариата нескольких стран продолжает существовать, вполне возможно построить социализм в одной стране[7]. Несмотря на отсутствие авторитетных канонов, подтверждающих это положение, многие коммунисты на практике и без того уже понимали, что делать слишком большую ставку на революцию в других странах в ближайшем будущем нереалистично. Огромная ценность учения о построении «социализма в одной стране» в области внутренней политики состоит в том, что с его помощью Сталин и его сторонники могли дать сильный отпор Троцкому, который обвинял их в отсутствии революционного пыла; они же могли теперь утверждать, что надежды Троцкого на мировую революцию объясняют-

кизма. Как объяснял сам Сталин, эта формулировка подверглась пересмотру, когда начался спор о «социализме в одной стране», — там же, стр. 158.

[7] О провозглашении этой теории в декабре 1924 года см. там же, стр. 94-123. Ленинская статья — см. Ленин, т. 18, стр. 230-233 — опубликована в августе 1915 г. См. также выше, стр. 216-218.

ся неверием в способность коммунистической партии добиться успеха в России без посторонней помощи.

Зиновьев и Каменев, как и следовало ожидать, приняли самое активное участие в травле Троцкого, организованной во второй половине 1924 года. На пленуме ЦК, который проходил с 17 по 20 января 1925 года, они даже выдвинули требование об исключении Троцкого из партии. Сталин выступил против этого требования. Как он объяснил позднее, такая «политика отсечения голов чревата большими опасностями», она «заразительна»: «сегодня одну отсекли, завтра другую, послезавтра третью — что же у нас останется в партии?»[8]. Он ограничился снятием Троцкого с поста Народного комиссара по военным делам. Троцкий охотно согласился с еще одним понижением и даже, по-видимому, предложил его сам, желая, как он писал позднее, отмести от себя все подозрения в попытке произвести «бонапартистскую» реставрацию[9].

После того как потенциальный Бонапарт оказался без армии, Сталин смог сконцентрировать свое внимание на новом очаге недовольства, возникшем в Ленинграде. Борьба с этой новой угрозой его авторитету была главным событием на политической арене в течение почти всего 1925 года. Она началась с попыток Сталина подорвать позицию Зиновьева, а затем усилилась в результате сопротивления Зиновьева нависшей над ним угрозе. Преимущество Зиновьева заключалось в его способности контролировать мощную партийную организацию Ленинграда, которая обладала определенной независимостью и опиралась на старые традиции, зародившиеся еще в ранний период жизни партии, когда центр ее находился в Петербурге. Кроме того, ленинградские ком-

[8] Сталин, т. 7, стр. 379 и 380.

[9] Троцкий, «Моя жизнь». Опыт автобиографии, т. 2, Берлин, 1930, стр. 261. Троцкий был снят со своего поста 17 января 1925 г. — см. «КПСС в рез.», т. 2, стр. 106-115.

мунисты были пролетариями, если не всегда по происхождению, то обязательно по духу, и потому в большей степени склонны к радикальным, враждебным по отношению к крестьянству взглядам.

Условия, в которых оказалась коммунистическая партия, давали веские основания сомневаться в правильности избираемого курса. В течение целого периода — с момента введения НЭПа до коллективизации сельского хозяйства — перед партией стояла дилемма, непосредственно связанная с попыткой применить концепцию Маркса, рассчитанную на общество, где большинство составляют пролетарии, к обществу, где большинство составляют крестьяне. Таким образом, партия имела возможность занять по отношению к крестьянству обычную большевистскую позицию, то есть эксплуатировать его в пользу пролетариата, вызывая тем самым опасность нового Тамбовского восстания или Кронштадтского мятежа, либо предоставить крестьянам достаточную свободу, чтобы они могли спокойно обрабатывать землю и развивать свои ресурсы в условиях более или менее свободной экономики. В последнем случае возникала опасность использования крестьянами своей экономической свободы в целях завоевания политического влияния, что со временем представило бы угрозу партийной монополии. Конечно, между этими двумя возможностями существовали различные варианты и компромиссы. Но в условиях борьбы со все возрастающей властью Сталина, ограничения свободы дискуссии и опасений большевиков, что любой неосторожный шаг может привести к свержению коммунистического строя, ни о каких компромиссах не могло быть и речи. Золотой середины между повиновением Секретариату и бунтом быть не могло. Когда Зиновьев в качестве альтернативы повиновению и самоуничижению избрал бунт, он, естественно, в достаточной степени использовал сомнения радикально настроенных членов партии в правильности политики, проводимой по отношению к крестьянству, сомнения, которые они были готовы высказать вслух. Но было

бы наивно видеть в этом переход Зиновьева и его тени — Каменева на более радикальные позиции. В прошлом, пока союз со Сталиным казался им прочным, они неоднократно поддерживали прокрестьянскую политику. Они встали на «левую» платформу только тогда, когда их позиции оказались под угрозой, и были готовы поступиться своими теоретическими взглядами при условии, что Сталин не посягнет на их авторитет.

Первые стычки начались в 1925 году почти сразу после январского пленума ЦК, на котором был осужден Троцкий. На какое-то время кампания против «троцкизма» приутихла. В начале февраля Сталин сделал несколько попыток подорвать авторитет Зиновьева в Коминтерне[10]. Тогда он впервые вторгся в область международного коммунистического движения. Спустя некоторое время Сталину удалось убрать с поста руководителя комсомольской организации Ленинграда одного из сторонников Зиновьева, попытавшегося претендовать на независимость от Москвы. Сторонники Зиновьева громогласно заявляли о своих левых взглядах на страницах ленинградской печати и, как доносили сталинские осведомители, еще более настойчиво подчеркивали их в частных беседах. Однако открытого оппозиционного движения еще не наблюдалось. На XIV партийной конференции (27-29 апреля 1925 года), где в качестве основного вопроса обсуждалась сельскохозяйственная политика, Зиновьев молчал и не было ни малейшего признака оппозиции. Месяцем позже Зиновьев публично приветствовал решения конференции как компромисс между различными направлениями в партии. Может быть, это было и так, если иметь в виду текст резолюции[11]. Но явные признаки указывали на то,

[10] Об этих попытках см. Ruth Fischer, *Stalin and German Communism.* A Study in the Origin of the State Party. London, 1948, гл. 25 и 26.

[11] «КПСС в рез.», т. 2, стр. 145-161. Хотя резолюция не предусматривала никаких мер по взиманию особого налога с зажиточных крестьян, в ней в то же время придавалось большое значение развитию кооперации.

что Бухарин и Сталин считали своей первостепенной задачей умиротворение крестьянства, и их мало беспокоил рост влияния наиболее зажиточных крестьян, так называемых кулаков, чего так боялись левые. За несколько дней до конференции прозвучал знаменитый призыв Бухарина к крестьянству: «Обогащайтесь, развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что вас прижмут»[12]. Формально отказавшись позднее от этого лозунга, он продолжал публиковать статьи в том же духе. За Бухариным шла группа молодых экономистов, считавшихся его учениками. Конференция постановила снизить общую сумму сельхозналога на 25% (разницу втихомолку покрыли за счет государственной монополии на водку); Бухарин и Рыков в своих выступлениях преуменьшали опасность кулачества (Сталин на конференции не выступал). Как всегда, конференция пролетариев и бюрократов решала судьбу крестьян без участия самих крестьян: из 178 делегатов с правом голоса и 392 — без права голоса только 6,2% были, как отмечалось, по происхождению крестьянами.

Однако во второй половине 1925 года конфликт обострился. Почти все возможные вариации на тему об истинном смысле ленинизма были уже исчерпаны, так что становилось трудно найти вариант, не использованный Сталиным или Троцким. И вот Зиновьеву приходит в голову новая идея, которая служит ему основой для наступления на «правых»: в соответствии с правильным толкованием ленинизма, утверждает он, НЭП — не эволюция, а «стратегическое отступление». Это означает, что курс на создание мелкособственнического сельского хозяйства при опоре на зажиточное крестьянство неверен: опираться в основном следует на

В резолюции также говорилось о том, что Центральному Комитету поручено разработать и представить на следующий съезд систему обложения крестьян налогом с учетом «многоукладности сельского хозяйства».

[12] «Правда», 14 апреля 1925 г.

пролетариат и крестьянскую бедноту[13]. Сторонники Зиновьева в Ленинграде критикуют экономические концепции Бухарина гораздо более открыто и резко. Сталин переходит теперь в наступление на ленинградскую парторганизацию — единственную, которую он еще не полностью контролирует. Он добивается устранения одного из сторонников Зиновьева — Залуцкого, сделавшего одно неосторожное замечание. Но ему пока не удается поставить своего человека на пост секретаря Ленинградского горкома партии[14]. Таким образом, война объявлена, и в центре ее стоит вопрос, по которому Сталин едва ли пойдет на компромисс.

XIV съезд партии должен был состояться задолго до осени 1925 года. Он несколько раз откладывался, но в конце концов был назначен на 18 декабря. С 3 по 10 октября проходил расширенный пленум ЦК. Оппозиция в лице четырех ее представителей — Зиновьева, Каменева, Наркомфина Сокольникова и Крупской (члена ЦКК) заявила, что у нее отняли право свободно выражать свои взгляды на левый уклон, и потребовала дискуссии. (Несчастная Крупская, до этого молча соглашавшаяся с тем, как игнорировали ленинские пожелания, в последней отчаянной попытке примкнула к своим старым друзьям). В порядке компромисса была принята резолюция по сельскому хозяйству, в которой подчеркивалась необходимость направить усилия как на борьбу с «кулацкой» опасностью, так и на обеспечение поддержки крестьянства[15]. Пока что, казалось, все были довольны.

[13] Мысли Зиновьева получили свое развитие в его книге «Ленинизм», опубликованной летом 1925 года, и в двух статьях «Философия эпохи», опубликованных в «Правде» 19 и 20 сентября 1925 г.

[14] Нападки Сталина на Зиновьева в Ленинграде, а также выпады против него, сделанные ранее, весной того же года, отражены в выступлении Сталина на XIV съезде партии.

[15] «КПСС в рез.», т. 2, стр. 180-184. Ср. принятый в то же время призыв ко всем членам партии, в котором говорилось о возросшей «кулацкой

На этом этапе Зиновьев готов был отказаться от продолжения конфликта при условии, что его ленинградская вотчина останется неприкосновенной. Но Сталин решил теперь заставить его играть в открытую с тем, чтобы успешнее расправиться с ним. Незадолго до открытия съезда были проведены обычные предсъездовские местные конференции в Москве и Ленинграде. Ленинградская партийная организация избрала на предстоящий съезд делегацию, не включавшую ни одной кандидатуры из тех, что пыталась протащить Москва. Московская организация ответила резолюцией, открыто нападавшей на ленинградскую, а ленинградцы ответили тем же. Началась перепалка в печати, контролируемой, соответственно, той и другой организацией. В последний момент Зиновьев пытается найти компромиссное решение, но эта попытка кончается неудачей в связи с отказом ЦК дать гарантию, что после съезда к членам оппозиции в случае прекращения ими открытой оппозиционной деятельности не будет применено никаких репрессивных мер. Зиновьев, полностью уверенный теперь в неизбежном поражении, находит в себе достаточно мужества, чтобы заявить о своем праве представить на съезд доклад меньшинства[16].

За исключением ленинградской делегации, тщательно подобранной Зиновьевым, все остальные местные организации были сформированы сторонниками Сталина в аппарате

опасности» и о растерянности перед нею, ведущих к разрыву союза рабочих с деревенской беднотой. (Там же, стр. 188 и 189). Такие левые фразы в то время попадались довольно редко.

[16] Эти факты упоминаются в выступлениях на съезде. Что касается неприемлемых для Зиновьева условий, при которых Сталин был готов пойти на компромисс, — см. Сталин, т. 7, стр. 388 и 389. Эти условия означали, что Зиновьев должен согласиться с теми организационными изменениями, которые Сталин до тех пор безуспешно пытался провести в Ленинграде, а также отречься от двух самых близких сторонников. О той готовности и даже настойчивости, с какими Зиновьев шел на компромисс при условии, что ему дадут возможность остаться хозяином в своей организации, см., в частности, «XIV съезд», стр. 220, 507, 522-524.

Секретариата. Поэтому ленинградская группа могла рассчитывать в лучшем случае на поддержку отдельных лиц, например, Каменева и Крупской. Съезд наглядно показал, до какой степени морального падения могла дойти партия. Зиновьев стремился сохранить свой авторитет в Ленинграде, который был до сих пор его неоспоримой вотчиной. Поэтому он и его сторонники на съезде (за исключением одного) ограничились довольно умеренной критикой и потребовали, чтобы их взгляды были отражены в резолюции съезда. Крупская, заметив, что правда не всегда на стороне большинства, неосторожно сослалась на Стокгольмский съезд 1906 года, где большевики оказались в меньшинстве, а меньшевики — в большинстве, вызвала тем самым бурю негодования и была вынуждена взять свое замечание обратно. Кроме того, представителям оппозиции мешало их собственное поведение в прошлом: они всегда отстаивали и претворяли в жизнь политику централизации и дисциплины, а теперь были вынуждены выступать в защиту той демократии, которую они сами помогали уничтожать. Трудно было возразить одному из идущих в гору сталинцев — Микояну, сделавшему язвительное замечание: «Когда есть большинство у Зиновьева, он — за железную дисциплину, а когда у него нет этого большинства, он — против». А Бухарин возразил Крупской так: «Н. К. Крупская говорит: истина — это есть соответствие действительности; каждый прочитает, каждый вникнет, каждый за себя отвечает. А партия где? Как в загадочной картинке — пропала?». Это уже приближалось к общепринятой в партии установке и напоминало лозунг Троцкого: «Права или неправа, но это моя партия».

Только один человек — Каменев нашел в себе мужество сказать то, что думала вся оппозиция, а может быть, и многие другие. Перейдя в лобовую атаку на Секретариат, он сказал: «Я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роль объединителя большевистского штаба... Мы против теории единоличия, мы против того,

чтобы создавать вождя». Шум, крики возмущения и демонстрации разразились в зале, а затем все это было аккуратно занесено в стенограмму съезда в назидание потомству. За кулисами подручные Сталина, воспользовавшись всеобщим бедламом, инсценировали овацию в честь Генерального секретаря. Это явилось мерилом победы Сталина над партией. Термин «вождь» в применении к Сталину вскоре стал общепринятым титулом. Сталин не принимал участия в спорах с оппозицией на съезде, пока ее представители не высказывали своих взглядов. В своем ответном выступлении он защищал принцип коллективного руководства, который, по его утверждению, Зиновьев все время пытался нарушить. Можно ли, задал он риторический вопрос, можно ли руководить партией без Рыкова, без Калинина, без Томского, без Молотова, без Бухарина? «Руководить партией вне коллегии нельзя, — сказал он в заключение. — Глупо мечтать об этом после Ильича. Глупо об этом говорить». (К тому моменту, когда эта речь вышла в его собрании сочинений, Томского уже затравили до смерти, Рыкова и Бухарина расстреляли как изменников, а их имена вычеркнули из отредактированного текста).

Само собой разумеется, оппозиция потерпела поражение при голосовании, что не замедлило отразиться на составе верховного руководства. Каменев был снят с большинства своих постов: председателя Совета труда и обороны (одного из ведущих экономических органов), председателя Исполкома Моссовета и заместителя Председателя Совнаркома. Некоторое время он занимал пост Наркома торговли, но вскоре уступил его Микояну. Сокольников был освобожден от обязанностей Наркомфина и назначен заместителем председателя Госплана. Зиновьев пока оставался членом Политбюро, но Каменева низвели до положения кандидата в члены. В Политбюро вошли три сторонника Сталина — Молотов, Калинин и Ворошилов, и таким образом число членов Политбюро увеличилось до семи. Секретарь Московского горкома Угланов в порядке награждения за антиленин-

градскую кампанию был избран одним из пяти кандидатов в члены Политбюро. Среди 106 членов расширенного ЦК пострадали немногие, но за счет вновь избранных 16 членов и 23 кандидатов в члены Политбюро число сталинских сторонников увеличилось. ЦКК тоже была расширена до 163 членов.

Главный удар по Зиновьеву был нанесен после съезда. 5 января 1926 года влиятельная группа во главе с Молотовым направилась в Ленинград. Путем напряженной работы в местных фабрично-заводских организациях и перевода на другую работу более несговорчивых партийных работников, а также пользуясь престижем и авторитетом съезда, Молотов и его комиссия смогли к концу месяца переманить на свою сторону около 96% членов ленинградской парторганизации. Непопулярность Зиновьева, вероятно, способствовала этой победе. Зиновьев на этот раз лишился поста председателя Исполкома Ленсовета и таким образом потерял всякий контроль над партийной массой, хотя один из его сторонников — Евдокимов все еще оставался в Секретариате и Оргбюро.

Как только дым после съезда рассеялся, в одной из его резолюций обнаружили абзац, который представлял собой компромисс с левой оппозицией. В нем было указано на необходимость развивать машиностроительную и оборонную промышленность, чтобы сделать СССР экономически самостоятельным, независимым от импорта из капиталистических стран[17]. Впоследствии этот абзац, наряду с другими, послужил доказательством того, что еще в 1925 году Сталин предвидел необходимость форсированной индустриализации, а не просто перенял программу левой оппозиции после устранения со сцены ее членов. Но пока резолюция не привела к какому-либо изменению политики в области промышленности или сельского хозяйства.

[17] «КПСС в рез.», т. 2, стр. 195.

Троцкий не принимает никакого участия в событиях 1925 года; он присутствует на съезде, но не выступает. С холодным презрением следит он за маневрами Зиновьева. Самая значительная политическая акция Троцкого в течение этого года связана с ленинским «Завещанием». В 1925 году американский публицист Макс Истман публикует книгу под названием *Since Lenin Died* («После смерти Ленина»), в которой на основе информации, полученной от хорошо осведомленных иностранных коммунистов или близких к Троцкому лиц, он не только совершенно точно воспроизводит пространные выдержки из «Завещания», но и дает верный (как мы теперь знаем) отчет о политических конфликтах после смерти Ленина. В сентябре 1925 года Троцкий — как он позднее утверждал, чувствуя угрозу со стороны Сталина — напечатал статью, в которой опровергал содержание книги и ставил под вопрос подлинность упоминавшегося в ней документа. Мысль, что какой-нибудь важный документ мог быть утаен от партии Центральным Комитетом, он назвал «клеветой», а разговоры о сокрытии или искажении «Завещания» — «злостным измышлением»[18]. Аналогичное опровержение опубликовала и Крупская. Более ценного оружия Троцкий не мог вложить в руки Сталина. Тот факт, что Троцкий не встал во главе оппозиции после своего фиаско в начале 1924 года, деморализовал его все еще многочисленных последователей в партийных ячейках, которые опасались открытой игры.

Имелась в партии и сильная пролетарская оппозиция. Критики из рабочей среды могли бы, на худой конец, принять Троцкого как своего руководителя. За Зиновьевым они никогда бы не пошли. Сторонники последнего ограничивались Ленинградом и шли за своим лидером отчасти в силу

[18] «Большевик», 1 сентября 1925 г. Впоследствии Троцкий объяснил свой поступок в письме к Муралову от 11 сентября 1928 г., см. *The New International*. New York, ноябрь 1934, стр. 125 и 126.

прежней лояльности, но чаще в силу зависимости от Зиновьева.

Первый намек на то, что все группы или направления, противящиеся Сталину, должны объединиться, был сделан Зиновьевым на XIV съезде, когда он предложил поручить Центральному Комитету вернуть к активной работе в партии членов всех бывших групп. Помимо последователей Троцкого, имелись две группы, которые хотя и были пассивными ввиду особых условий в партии, но все же придерживались критических взглядов на диктатуру Секретариата. Одна из них — еще сохранившаяся в то время группа демократических централистов, вождем которой был Сапронов. Другую составляли остатки «Рабочей оппозиции» во главе со Шляпниковым. Этим группам удалось избежать серьезных репрессий, поскольку они воздерживались от активных выступлений; впрочем, преследования отдельных лиц, разделявших их взгляды, продолжались. Позднее Шляпников приписывал относительный иммунитет у своих последователей тому факту, что «определенная» группа в ЦК (под ней он явно подразумевал Сталина) неоднократно пыталась заручиться поддержкой его самого и его сторонников в качестве союзников против ленинградской оппозиции[19].

Мысль об объединении всех коммунистов, противившихся авторитарному режиму в партии, возникла в связи с поражением, а потому и явилась слишком поздно, чтобы быть действенной. Да и база для союза была не слишком крепкой: сторонники «Рабочей оппозиции» не скрывали своего презрения к оппозиции, возглавляемой Троцким в 1923-24 годах. Шляпников в критическом разборе идей и деятельности Троцкого, который ему разрешили напечатать в «Правде» 18 января 1924 года, указывал, что и Троцкий и все его последователи поддерживали мероприятия против

[19] М. Зоркий (ред.), «Рабочая оппозиция». Материалы и документы 1920-1926 г.г. С предисловием Е. Ярославского, М.-Л., 1926, стр. 188 и 189.

оппозиционеров на X съезде в 1921 году; их активность теперь направлена, мол, только на захват аппарата, но нет оснований предполагать, что аппарат был бы иным под новым управлением. Настоящего улучшения можно-де добиться только путем укрепления пролетарского элемента в партии и разрешения свободной деятельности рядовым ее членам.

С другой стороны, единственной силой Зиновьева был ленинградский партийный аппарат, которым он некогда руководил и контроль над которым теперь утратил. Все, что у него осталось, — это аппарат Исполкома Коминтерна, где он председательствовал, да один сторонник (Евдокимов) в Секретариате и Оргбюро и другой (Лашевич) — в Реввоенсовете.

Троцкий еще мог надеяться, что ему удастся сплотить вокруг себя кое-каких сторонников в партии, хотя тот факт, что в должное время он не проявил мужества, изворотливости и решительности, серьезно деморализовал его последователей. Кроме того, позволив оттеснить себя от командования Красной Армией и не использовав силу последних ленинских инструкций, он утратил свои два главных козыря.

Объединенная оппозиция стала реальностью весной и ранним летом 1926 года и оставалась активной до окончательного разгрома на исходе 1927 года. Все это время она вела неравную борьбу. С помощью аппарата партии, который он теперь крепко держал в руках, Сталин и его сторонники, сплотившиеся вокруг него перед лицом этой новой угрозы их собственным позициям, не только могли манипулировать голосами в партийных организациях, но и обеспечить положение, при котором взгляды оппозиции доходили до широких партийных кругов лишь в искаженном виде. Помощь со стороны ОГПУ (преемника ГПУ), ставшая теперь совершенно обычным средством при разрешении внутрипартийных споров, также была в их распоряжении для расправы с менее видными членами оппозиции. Однако практика использования карательных органов против вождей такого масштаба, как Троцкий или Зиновьев, в партии еще не устано-

вилась. Это обстоятельство давало на некоторое время свободу действий лидерам оппозиции, хотя иногда и в ущерб менее видным членам партии, обладавшим достаточным мужеством для открытой поддержки своих вождей.

Оппозиция понимала, что лобовая атака против мертвой хватки аппарата обречена на неудачу, — не только потому, что аппарат обладал реальной силой, но и потому, что в конечном итоге он был бы поддержан партийным большинством. Партийное же большинство сознавало, что его собственная, весьма непрочная власть над страной зависит от аппарата. Поэтому важно было разработать теорию, которая, если и не сразу, переманила бы партию на сторону оппозиции, имела бы хоть какой-то шанс добиться со временем широкой поддержки. Разработка этой теории была, в основном, делом Троцкого. Содержание ее хорошо известно (несмотря на искажения, которым она подверглась со стороны противников) по сочинениям Троцкого в эмиграции, по документам, хранящимся теперь в библиотеке Гарвардского университета, а также по отдельным публикациям — либо нелегальным, либо осуществленным с помощью сочувствующих иностранных коммунистов-раскольников, имевших в своем распоряжении все средства капиталистического мира.

Оппозиция тщательно избегала изображать себя фракцией или соперничающей партией и старалась не нападать на принцип единства. Как марксисты, оппозиционеры тоже испытывали серьезную трудность: дело в том, что любая фракция, противопоставляющая себя «государству трудящихся», возглавляемому коммунистическим авангардом, неизбежно рассматривалась бы как «контрреволюция». Троцкий справился с этой трудностью, обратившись к аналогии с французской революцией и используя символ «термидор», то есть свержение Робеспьера и конец террора. По революционной традиции (даже если исторические факты этого не подтверждают), падение Робеспьера всегда рассматривалось как победа буржуазных элементов над чистой струей

революции и социальной реформы. Существует опасность, предостерегал Троцкий, что силы «термидора», представленные партийной бюрократией, раздавят революционную традицию масс. Он не мог утверждать открыто, что «термидор» уже произошел в России, — такое заявление было бы равносильно открытому призыву к восстанию. Уже одна параллель с «термидором» была взрывоопасной в силу того рвения, с которым левые лозунги всегда подхватывались рядовыми членами партии.

В дальнейшем Троцкий приписывал все пороки существующего режима антагонизму между бюрократией и пролетариатом; он считал, что репрессивные меры необходимы, а подавление партийной демократии — нечто неизбежное, когда возникает «разрыв между направленностью хозяйственной политики и направленностью чувств и мыслей пролетарского авангарда... Любое другое объяснение роста бюрократизма будет производным...» Поэтому оппозиция требовала того направления в политике, которое покончило бы с отставанием промышленности, улучшило бедственное положение промышленных рабочих и противодействовало угрозе социализму со стороны возрастающего богатства и силы середняков и «кулачества». Также и в области международных отношений оппозиция возлагала вину за неудачи Коминтерна на отсутствие революционности среди советских руководителей. «Нововведение», согласно которому победу социализма в России, в Европе и во всем мире не следует рассматривать как нерасторжимое целое, по мнению Троцкого, необходимо отбросить. Пока русская партия не является подлинно большевистской в своей внутренней политике, нет и не может быть надежд на подлинно революционную политику в Коминтерне. В ходе атак на Сталина в течение последующих полутора лет оппозиция возлагала вину на русских лидеров также и за неудачу всеобщей стачки в Англии (1926 год) и за серьезное поражение китайских коммунистов (1927 год).

Троцкий и Зиновьев не должны были принимать в расчет

свои старые противоречия, чтобы договориться между собой. Троцкий умолчал о своих прежних упреках в адрес Зиновьева и Каменева, содержавшихся в «Уроках Октября», а Зиновьев признал, что критика «бюрократизма» со стороны Троцкого в 1923 году была обоснованной[20]. Соглашение между тремя было достигнуто к апрелю 1926 года, но установление союза с другими мелкими группировками потребовало еще нескольких месяцев. Новые союзники предстали единым фронтом на пленуме ЦК с 6 по 9 апреля, требуя программы более интенсивной индустриализации. За этим последовало провозглашение их полной программы накануне нового пленума (14-23 июля)[21]. Сталин немедленно ответил конкретными организационными мероприятиями. Евдокимов был выведен из Секретариата и Оргбюро еще в апреле. К июльскому пленуму подготовили пространный обвинительный акт против Лашевича и других, которые обвинялись (вероятно, вполне справедливо) в том, что они проводили конспиративные собрания. Всей этой деятельностью, говорилось в акте, связанной с отколовшимися иностранными коммунистами, руководил председатель Исполкома Коминтерна Зиновьев. На июльском пленуме Лашевича вывели из Реввоенсовета и из ЦК, а Зиновьева — из Политбюро[22]. Вывод последнего из Коминтерна был теперь только вопросом времени. Рудзутак заменил Зиновьева в Политбюро, а пятерых верных столпов аппарата произвели в кандидаты — Микояна, Андреева, Орджоникидзе, Кагановича и Кирова. Официального осуждения Троцкого еще не последовало.

[20] Перебранка между ними в прошлом дала достаточно материалов сторонникам Сталина для атаки на то, что Сталин назвал «прямой и открытой беспринципной сделкой». См. Сталин, т. 8, стр. 237.

[21] Копия этого заявления, объемом в 20 страниц, которое, помимо главных составителей, было подписано десятью другими лицами, в том числе Пятаковым и Крупской, находится в архиве Троцкого в библиотеке Гарвардского университета.

[22] См. «КПСС в рез.», т. 2, стр. 280-286. И Лашевич и Евдокимов подписали июльское заявление.

Но организационные мероприятия сами по себе оказались недостаточными. Теперь Сталину было нетрудно разбить оппозиционеров. Но следовало пойти дальше и дискредитировать идеи оппозиции. Сперва она получила два легких «предварительных» удара. В июле 1926 года было предано гласности частное письмо одного члена «Рабочей оппозиции». Письмо находилось в руках ОГПУ в течение двух лет, а затем было опубликовано, по слухам, в искаженном виде. Письмо называло зарубежные компартии содержанками русской партии и настаивало на претворении в жизнь ленинского замысла о концессиях иностранным капиталистам в целях финансирования тяжелой промышленности. Это дало Политбюро возможность утверждать, что оппозиция на деле представляет собой мелкобуржуазный правый уклон, а вовсе не левый — довод всегда очень веский[23]. Несколько месяцев спустя один сравнительно малоизвестный коммунист был демонстративно исключен из партии за статью, в которой он утверждал, что абсолютное единство в партии невозможно, пока страна остается, в основном, непролетарской, а другие партии запрещены. Троцкий и Зиновьев, не соглашавшиеся с этим мнением, которое Сталин явно хотел приписать им, но которого ни тот, ни другой никогда не придерживались, находили все же в себе мужество протестовать, когда из партии исключали человека, не выслушав его самого[24].

В октябре 1926 года Троцкий и Зиновьев сумели вооружить против себя Сталина. В порыве отчаяния ведущие оппозиционеры выступили в ряде заводских партийных ячеек, требуя партийной дискуссии по жизненно важным вопросам. Легко себе представить ту контратаку, которая последовала со стороны партийного аппарата. Как бы испугавшись собственной храбрости, шесть лидеров — Троцкий, Зиновьев,

[23] Зоркий, ук. соч., стр. 158 и сл., 170 и сл., 190 и сл.

[24] Статья была написана Я. Оссовским и опубликована в «Большевике», № 14, 1926 г. О подробностях сопротивления Троцкого и Каменева Политбюро и о письменном протесте Зиновьева см. «XV конф.», стр. 500.

Каменев, Пятаков, Сокольников и Евдокимов, опубликовали заявление, признав, что они повинны в нарушении партийной дисциплины. В этом заявлении они обещали воздерживаться впредь от фракционной деятельности и отрекались как от своих левых сторонников в Коминтерне, так и от «Рабочей оппозиции», с которыми всего несколько месяцев назад они заключили союз[25]. Их мотивы, как они впоследствии объясняли, состояли в желании сохранить хоть какое-то влияние в партии[26]. Однако этот поступок, вызвавший растерянность среди их рядовых последователей, был и бесплодным и бесчестным: бесплодным, потому что он подбадривал Сталина бить еще сильнее по слабым и дискредитированным врагам; бесчестным, потому что оправдывал доводы в пользу репрессий против их сторонников. На пленуме ЦК 23 и 26 октября 1926 года (заседавшего, как вошло тогда в обычай, совместно с ЦКК), лидеры оппозиции получили строгое предупреждение; Зиновьев был выведен из Коминтерна, Троцкий — из Политбюро, а Каменева лишили статуса кандидата в члены Политбюро. Однако оппозиция все еще настаивала на праве выражать свое мнение в партийных органах и требовала широкого распространения своей программы среди делегатов XV партконференции, которая начиналась 26 октября. Требование оппозиции было отвергнуто, а их взгляды изложены участникам конференции только в сталинском толковании.

Итак, оппозиция предстала перед XV конференцией как опозоренная и довольно комичная кучка людей. Кроме того, Сталину удалось перетянуть на свою сторону Крупскую. Позднее она оправдывала свое дезертирство тем, что оппозиция якобы слишком далеко зашла в своей критике и таким образом могла привести массы к выводу, будто партия и

[25] «Правда», 17 октября 1926 г.

[26] Так объяснил это Каменев на XV партконференции, что подтверждается запиской от 16 октября 1926 г., сохранившейся среди бумаг Троцкого.

советское правительство больше не представляют их интересов[27]. Этот поступок Крупской положил конец ее влиянию в партии. Постоянным преследованиям она подвергалась уже с 1922 года. Но прежде чем порвать с друзьями, Крупская устроила передачу ленинского «Завещания» отколовшимся заграничным коммунистам, и обе записки, из которых оно состоит, были впервые полностью опубликованы в «Нью-Йорк Таймс» за неделю до открытия конференции[28]. Присутствовавшие на конференции лидеры оппозиции не смогли изложить своей программы. Насмешки, громкие возгласы и обструкция председательствующих затрудняли их задачу; речь Зиновьева, например, почти невразумительна в стенограмме. Сталинские тезисы, принятые единогласно (ни один из присутствовавших на конференции оппозиционеров не обладал правом голоса), лукаво и бесчестно искажали доводы оппозиции, лишь бы доказать, что она говорит языком меньшевизма. Прения свелись к вопросу о «социализме в одной стране». Такова была реакция Сталина на притягательную силу платформы левой оппозиции. Возможность построения социализма в России без контакта с предполагаемыми революциями в других странах вызывала сомнение у оппозиции. Ее сторонников Сталин теперь мог клеймить, называя их маловерами, не верящими в собственные силы и возлагающими надежды на заграничные революции, вероятность которых в непосредственном будущем становилась все менее реальной. Принятая резолюция не только осуждала оппозицию; она призывала партию приложить все усилия к тому, чтобы оппозиция признала ошибочность своих взглядов. Недостаточно было, чтобы она подчинилась партийной дисциплине; она должна была покаяться, расписаться в своих

[27] «Правда», 20 мая 1927 г.

[28] 18 октября 1926 г. Подробности о том, как ленинское «Завещание» попало в руки заграничных социалистов, см. в *Est et Ouest*, № 151, Paris, 1-15 мая 1956 г., стр. 14 и 15.

ошибках[29]. А между тем резолюция как бы вторила Троцкому (1924 год): «Я знаю, что быть правым против партии нельзя».

Ситуация в следующем году своеобразно повторяла предыдущие события. Снова делались неуверенные попытки сопротивления и достижения компромисса, затем последовали капитуляция и разгром. На несколько месяцев оппозиция притихла, пытаясь создать свою подпольную организацию. И снова факт из сферы международного коммунистического движения активизировал внутренний протест. Речь идет об избиении китайских коммунистов, устроенном Чан Кай-ши в Шанхае в мае 1927 года. После неудачи всеобщей забастовки в Англии в 1926 году оппозиция выступила со своим первым политическим заявлением. Оппозиция повела кампанию против руководителей партии — кампанию, весьма компрометировавшую руководство. 25 мая 1927 года она представила Политбюро детальное изложение своих взглядов: неудачи Коминтерна и неудачи на внутреннем фронте связывались друг с другом в заявлении, представлявшем собой обвинительный акт против политического курса руководства[30]. Убедительность обвинений, предъявленных оппозицией Сталину, вынудила его уничтожить этот документ ради спасения собственного авторитета. Ход событий подтверждал аргументы оппозиции, и Сталин решил присвоить их. (Ленин в свое время тоже перенял меньшевистские доводы в пользу НЭПа.) До этого, однако, оппозицию нужно было уничтожить.

Тем временем на сцене появляется новый фактор, который обе стороны пытались использовать, — угроза войны. В мае 1927 года английское правительство порвало дипломатические отношения с СССР. Случилось следующее: английская полиция устроила нападение на помещение советского

[29] «КПСС в рез.», т. 2, стр. 329-340.

[30] Копия этого «заявления восьмидесяти четырех» тоже находится среди бумаг Троцкого в библиотеке Гарвардского университета.

торгпредства в Лондоне и, как было заявлено, обнаружила там доказательства подрывной деятельности коммунистов, направленной против Англии. Настоящей опасности войны, собственно, не существовало, но в СССР обе конфликтующие стороны, очевидно, верили, что угроза войны налицо. Оппозиция утверждала, что в целях обороны на случай войны нынешнее руководство необходимо заменить вождями, более приемлемыми для пролетариата, и что СССР должен опираться на подлинно революционные элементы в зарубежных компартиях, ныне заклейменные как уклонисты. Сталин же и его сторонники могли с некоторым основанием утверждать, что настало время сомкнуть ряды перед лицом общей опасности. К лету острота конфликта достигла предела и, несомненно, ОГПУ торжествовало бы, если бы получило право арестовать руководящих членов оппозиции. Но прежде «виновных» следовало исключить из партии. «Правое крыло» Политбюро, состоявшее из Рыкова, Бухарина, Томского и Калинина, по слухам, все еще сопротивлялось[31]. Тогда Сталин обратился к ЦК, где он всегда мог опереться на большинство; так он поступал неоднократно и в прошлом, когда не мог заручиться поддержкой Политбюро. На бурном пленарном заседании в начале августа 1927 года ему удалось провести резолюцию об исключении Троцкого и Зиновьева из ЦК. Поводом для этого послужили напутственные слова Троцкого, сказанные им на вокзале, когда он провожал одного из своих сторонников, «переведенного» на Дальний Восток. Благодаря стараниям Орджоникидзе (ставшего теперь председателем ЦКК) был достигнут компромисс. Резолюцию взяли обратно, а взамен оба лидера оппозиции сделали еще одно заявление о беспрекословном повиновении Центральному Комитету.

[31] Boris Souvarine, *Staline. Aperçu historique du bolchévisme*, Paris, 1935, стр. 414.

Так или иначе, к июню 1927 года Троцкий уже знал, что «искоренение» (так он писал в частном письме) оппозиции было только вопросом времени[32]. ОГПУ уже использовало свои методы против членов оппозиции, хотя еще и не обладало правом арестовать их. В ядро оппозиции проникли провокаторы — агенты ОГПУ, которых использовали с тем, чтобы ловить оппозиционеров на признании в изменнической деятельности; была организована кампания, носившая отчасти антисемитский характер[33].

Последняя демонстрация, проведенная оппозицией незадолго до своего окончательного разгрома, походила скорее на жест отчаяния; оппозиция сознавала, что ее дни сочтены. К лету 1927 года XV съезд уже запаздывал со своим созывом. (Последний съезд состоялся в декабре 1925 года. Устав же предусматривал ежегодные съезды). Неоднократно откладывавшийся ради окончательного сведения счетов, съезд в конце концов был назначен на 2 декабря 1927 года. Накануне оппозиция составила еще одно пространное изложение своей политики, третье по счету. В этом заявлении не скрывалось стремление к полной замене партийного руководства. Высказывалось требование, чтобы ЦК, который съезду предстояло избрать, был «тесно связан с массами» и «независимым от аппарата» — формулы, не применимые ни к Сталину, ни к его сторонникам. Свое заявление оппозиция представила Центральному Комитету с требованием

[32] В письме к Орджоникидзе от 28 июня 1927 г., копия которого сохранилась среди бумаг Троцкого.

[33] Среди бумаг Троцкого есть записи о собрании (в сентябре 1927 г.) одной партийной ячейки, требовавшей его исключения, — одного собрания из многих тысяч, организованных Секретариатом. В одной из речей подчеркивалось, что национальность Троцкого мешает ему быть коммунистом («она показывает, что он должен быть за спекуляцию») и что он и его сторонники «сделали ошибку насчет русского духа». Такие замечания, в то время, когда антисемитизм еще карался законом, вряд ли произносились без инструкций свыше.

напечатать его и раздать делегатам съезда. ЦК отказался выполнить это требование на том основании, что оно противоречило решениям X съезда партии. Таким образом, Сталин и его сторонники лишний раз могли укрыться под покровом ленинского авторитета.

Оппозиция заблаговременно приняла меры, предугадав запрет на оглашение их программы. Была организована подпольная типография во главе со сторонником Троцкого Мрачковским для печатания и распространения программы[34]. ОГПУ знало обо всех этих мероприятиях. Через несколько дней печатный станок конфисковали, а лица, ответственные за организацию типографии, были арестованы. Затем последовали и другие аресты; задержанные лица немедленно исключались из партии и, таким образом, передавались в руки ОГПУ, которое не замедлило распространить слухи о том, будто оппозиция поддерживает контакты с офицером-белогвардейцем. Лидеры оппозиции отбросили теперь всякую осторожность и организовали ряд митингов, на которых обращались к толпам рабочих. Возмездие не заставило себя долго ждать. На объединенном пленуме ЦК и ЦКК (21-23 октября 1927 года) Троцкий произнес свою последнюю дерзкую речь. Впервые он заговорил о ленинском «Завещании», пытаясь дискредитировать Сталина. Сталин сумел парировать нападение, припомнив, что сам Троцкий в 1925 году опровергал разоблачения Макса Истмана[35]. Слишком поздно было апеллировать к Ленину, которого уже превратили в легенду, используемую обеими фракциями в их собственных целях. Троцкий и Зиновьев были выведены из ЦК.

[34] Обугленный экземпляр этой нелегально напечатанной программы сохранился среди бумаг Троцкого. Текст заявления был позднее опубликован в переводе. См. Leon Trotsky, *The Real Situation in Russia.* Translated by Max Eastman, London, без даты (примерно 1928), стр. 23-195.

[35] Речь Троцкого см. там же, стр. 3-19; ответ Сталина см. Сталин, т. 10, стр. 172-205.

Две недели спустя, 7 ноября 1927 года, в десятую годовщину большевистского захвата власти, лидеры оппозиции провели организованные демонстрации на улицах Москвы и Ленинграда. ОГПУ оказалось наготове, и демонстрации были быстро рассеяны милицией и шайками хулиганов. Пролетариат апатично наблюдал за тем, как обе фракции, каждая из которых утверждала, что говорит от его имени, борются друг с другом. Таков был конец оппозиции. 14 ноября Троцкого и Зиновьева исключили из партии. Пятнадцатому съезду оставалось лишь санкционировать их осуждение. Кроме того, съезд одобрил исключение еще одной группы лидеров — 75 членов фракции Троцкого-Зиновьева и 18 демократических централистов. Съезд походил скорее на демонстрацию, чем на заседание совещательного органа, и проявил, конечно, полное единодушие. Десятки рабочих делегаций присутствовали на съезде, чтобы доказать солидарность в борьбе против оппозиции. В ходе прений несколько оппозиционеров, присутствовавших на съезде «по требованию ЦК», прочли свои речи под аккомпанемент насмешек и улюлюканья, а затем были исключены из партии. Некоторые оппозиционные группировки выразили намерение подчиниться решениям съезда и просили либо о восстановлении в партии, либо об отмене приговора об исключении из партии. Троцкий, подписавший несколько таких заявлений, не пал, однако, так низко, как Зиновьев и Каменев; последние не только просили о восстановлении в партии, но и осудили свои собственные взгляды как «антиленинские» (их ходатайство было отвергнуто). 19 января 1928 года печать в завуалированной форме сообщила об «отъезде» из Москвы тридцати оппозиционеров во главе с Троцким. Для Троцкого началось изгнание, которое завершилось через двенадцать лет в Мексике ударом ледоруба, нанесенным Троцкому агентом сталинской разведки.

Лет через десять после изгнания, размышляя о своем поражении, Троцкий утверждал: то, что оппозиция была теоретически права, а Сталин неправ, — большого значения

не имеет. «По своему существу политическая борьба — борьба интересов... а не доводов». Личности тоже значения не имеют, равно как и соображения о том, что Сталин оказался ловче своих противников. Все завершилось победой «бюрократии над массами». В ленинские времена большевизм был массовым движением, но после Гражданской войны «массы были постепенно оттеснены от участия в руководстве» и «бюрократия... захватила большевистскую партию». Только «поверхностные умы», утверждал Троцкий, могут рассматривать борьбу, являющуюся социальным процессом, как борьбу за власть или как соперничество за ленинское наследство. Что же касается подавления оппозиционных партий при Ленине, то это было всего-навсего «эпизодическим актом самозащиты», точно так же как запрет фракций в 1921 году был только исключительным и временным мероприятием[36].

Этот анализ не подтверждается фактами. Сколь бы демократическим ни казался режим в партии в ленинские времена, история не знает периода, когда массы участвовали бы в руководстве. Бюрократия партийных секретарей, на которую обрушивался теперь Троцкий, состояла в подавляющем большинстве из старых большевиков, вступивших в партию до революции, а социальный состав партии в 1927 году не слишком отличался от состава в 1921 году; напротив, ее пролетарский элемент численно возрос[37]. Что же касается картины, которую рисует Троцкий (картина, оказавшая сильное влияние даже на историков, претендующих на объективность), то нельзя не прийти к заключению, что еще в 1917 году Ленин был твердо намерен (и в этом его поддерживал Троцкий) уничтожить обе социалистические партии. Если в 1921 году Ленин и на самом деле рассматривал запрещение

[36] Leon Trotsky, *The Revolution Betrayed. What is the Soviet Union and Where is it Going?* Transl. by Max Eastman, London, 1937, pp. 87-104.

[37] См. ниже, стр. 444-446.

фракций только как временное мероприятие, то не существует никаких доказательств в пользу этого взгляда. К тому же такая позиция совершенно несовместима с той, которую Ленин отстаивал после 1902 года и с которой сам Троцкий полемизировал до революции. Так же как в свое время Мартов, Троцкий пал жертвой веры в марксистскую догму. Поскольку они верили в необходимое единство партии пролетариата, то оба — Мартов между 1910 и 1914 годами, а Троцкий после 1922 года — совершили ошибку, пытаясь достичь компромисса с оппонентом, единственная цель которого состояла в политическом уничтожении всех стоявших на его пути. Конечно, Троцкого легко критиковать за то, что он упустил возможность действовать с тем, чтобы попытаться свергнуть Сталина, пока это еще было выполнимо. Однако следует помнить, что ему нелегко было бы преследовать эту цель. Уже в 1921 году все большевики признавали необходимость строго дисциплинированного партийного аппарата. Теперь было уже слишком поздно отходить от прежних позиций, даже если организация и угрожала поглотить их самих.

17. СОСТАВ ПАРТИИ. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ГОСУДАРСТВОМ

В течение четырех лет между 1 января 1924 года и 1 января 1928 года число членов партии увеличилось почти втрое — с 472.000 до 1.304.471 человека[1]. Эти цифры включают как членов партии, так и кандидатов. Последние, составлявшие что-то между одной четвертью и одной третью общего числа, далеко не все становились членами партии. На 1 января 1925 года, например, около 28.000 кандидатов, подавших заявления в 1921 году, а то и раньше, все еще не были приняты в партию[2], тогда как официальный испытательный срок колебался между шестью месяцами для промышленных рабочих и двумя годами для категорий, считавшихся менее надежными. В некоторых случаях кандидаты теряли интерес к партии до истечения испытательного срока. В основном партия оставалась преимущественно мужской, однако число женщин в ней продолжало медленно увеличиваться — например, с 11,2% от общего числа на 1 апреля 1925 года до 12,8% (то есть — около 156.000) на 1 января 1928 года[3]. В течение того же периода быстро рос комсомол. Основанный в конце 1918 года, ком-

[1] БСЭ, т. XI, стр. 533; «ВКП(б) в цифрах», выпуск 8, 1928, стр. 6.

[2] «Изв. ЦК», № 28 (103), 27 июля 1925 г.

[3] «Изв. ЦК», № 22-23 (97-98), 22 июня 1925 г.; «ВКП(б) в цифрах», выпуск 8, стр. 32.

сомол в течение первых лет своего существования, вследствие запоздалого насаждения в его рядах партийной дисциплины, явственно отражал разочарование в самой партии; число его членов к 1922 году катастрофически снизилось. Предпринятые после 1922 года попытки увеличить его состав имели известный успех, но одновременно проводились радикальные чистки и реорганизация в целях искоренения левых тенденций среди молодежи, которую обычно привлекало то, что казалось ей более революционным у оппозиции. К 1927 году в комсомоле состояло около двух миллионов человек[4].

Самой крупной вербовочной кампанией был так называемый ленинский набор[5]. Задуманная еще летом 1923 года, эта кампания началась только после смерти Ленина и дала партии около 200.000 новых членов. В большинстве своем это были молодые рабочие, поэтому новый поток изменил как социальный состав партии, так и ее средний возраст. Ущерб, причиненный партии после окончания Гражданской войны в результате общего разочарования и чисток, был таким образом в какой-то степени возмещен. Ленинский набор обеспечил Секретариат (в самом начале его борьбы против левой оппозиции) массой податливых новобранцев, явившихся серьезным противовесом более упрямым большевикам. То, что ленинский набор был задуман как орудие в борьбе против оппозиции, обнаружилось на XIII съезде (май 1924 года), когда объявили, что новые рекруты, являвшиеся только кандидатами, в нарушение партийного устава[6], получают право голоса при выборах делегатов съезда. Ленинский набор — это только первая и наиболее широко разрекламированная кампания из тех, что проводились в годы НЭПа. Глав-

[4] См. Merle Fainsod, *How Russia Is Ruled,* revised ed., Cambridge, Mass., 1963, стр. 284-288.

[5] О подробностях ленинского набора см. T. H. Rigby, *Communist Party Membership in the USSR*, Princeton, 1968, гл. 3. Далее цит. как Rigby, *CPSU.*

[6] См. СПР, № 5, стр. 251.

ным контингентом этих призывов все еще считались рабочие, процент которых в партии едва достигал 41, по данным 1921 года[7]. На XV съезде утверждалось, что между январем 1924 года и 1 января 1927 года в партию было принято не меньше 488.000 промышленных рабочих.

Молодость, незрелость, неопытность и низкий образовательный уровень — наиболее характерные черты партии в годы НЭПа. Как показала перерегистрация 1927 года, одна четверть всех членов партии была моложе 25 лет, больше половины — моложе 30 и свыше 85% — моложе 40 лет. Примерно те же возрастные показатели наблюдались и среди партийной аристократии. Избранный в декабре 1927 года ЦК (всего 121 человек) почти наполовину состоял из людей моложе сорока лет и на три четверти — из тех, кто был моложе 45 лет. Партия в целом была неопытной: старые большевики, участвовавшие в предреволюционной борьбе, в революции 1917 года и в Гражданской войне, оставались в ничтожном меньшинстве. Смерть, старость, чистки, разочарование и значительное число самоубийств[8] собрали свою дань. «Подпольщики», как назывались люди с дореволюционным стажем, стали редким явлением. Среди членов бюро партийных ячеек, избранных, например, летом 1927 года, только 1,4% вступили в партию до 1917 года[9]. Все «подпольщики» располагались на высших ступенях партийной иерархии. Они составили 44% делегатов XIV съезда в 1925 году и, наряду с ветеранами Гражданской войны, преобладали в высших партийных комитетах еще в 1927 году. Примерно у трех четвертей всех старейших секретарей был дореволюционный партийный стаж, и «подпольщики»

[7] См. выше, стр. 335 и 336.

[8] 14,1% всех скончавшихся в первом квартале 1925 г. членов партии и 11,8% всех скончавшихся кандидатов в члены покончили жизнь самоубийством. «Изв. ЦК», № 34 (109) от 7 сентября 1925 г.

[9] «ВКП(б) в цифрах», выпуск 8, стр. 44.

составляли среди них 71%; 14% были ветеранами Гражданской войны[10]. За исключением десяти лиц, все члены ЦК, избранного в 1927 году, вступили в партию до 1917 года. На низших ступенях иерархии, например, среди секретарей первичных ячеек в конце 1927 года большинство составляло уже новое поколение коммунистов — свыше 60% из них вошли в партию после 1921 года[11]. Ситуация складывалась так, что ветераны удерживали ключевые позиции, а новое поколение набиралось опыта на низших ступенях аппарата. Своим продвижением новые люди были обязаны Сталину и Секретариату.

Перерегистрация 1927 года показала, что образовательный уровень партии в целом все еще очень низок. Менее 1% имели законченное высшее образование, менее 8% — среднее и, помимо приблизительно одной четверти членов партии, которые числились в графе «самообразование», свыше 2% были вообще неграмотны. Наблюдался, однако, некоторый, едва заметный рост образовательного уровня по сравнению с 1922 годом. Среди рядовых членов партии удвоился процент тех, кто стремился к самообразованию, чтобы возместить недостаток школьного образования[12]. Результаты анализа образовательного ценза директоров государственных предприятий, сообщенные в январе 1928 года, убедительно демонстрировали нехватку образованных партийцев. Подавляющее большинство директоров (около девяти десятых) были членами партии, но только 2,8% из них имели высшее образование. Из беспартийных же директоров высшее образование получили 58%[13].

Социальный состав партии в тот период определить труднее. Оппозиция часто утверждала, что партия теряет свой

[10] «Большевик», № 15, август 1928, стр. 19.

[11] «ВКП(б) в цифрах», выпуск 8, стр. 45.

[12] Социальный и национальный состав ВКП(б). Итоги всесоюзной партийной переписи 1927 г., Москва, 1928, стр. 41.

[13] «Большевик», № 15, август 1928 г., стр. 27.

пролетарский характер, причем этому обстоятельству придавалась политическая окраска. Недаром преувеличения и искажения статистических данных были повсеместным явлением. Тем не менее, усилия руководителей, направленные на увеличение пролетарского элемента в партии, увенчались некоторым успехом. Однако в целях точной оценки структуры партии к 1927 году следует делать различие между классификацией ее членов по социальному происхождению, с одной стороны, и по их фактическому роду занятий — с другой, так как два этих признака отнюдь не совпадали на практике. Многие члены партии, правильно классифицировавшиеся как рабочие или крестьяне по социальному происхождению, перестали работать у станка или на полях к моменту вступления в партию и выполняли административные обязанности. Значительное число рабочих и крестьян, действительно занятых к тому моменту физическим трудом, вскоре переводились на административную работу. Анализ партийной переписи 1927 года показал, что около одной трети принятых в партию «рабочих» уже занимались административной деятельностью либо учились, а около одной четверти «крестьян», завербованных в партию, служили в учреждениях. Поэтому вербовка пролетарского элемента вовсе не означала увеличения числа партийцев действительно от станка или от сохи.

С учетом подобных оговорок полезно взглянуть на данные статистического отдела ЦК (на 1 января 1928 года) о социальном происхождении членов партии. Здесь приводятся следующие цифры: рабочих – 56,8%; крестьян – 22,9%; служащих – 18,3%; «прочих» (то есть лиц, социальное происхождение которых нельзя подвести ни под одну графу) — 2%. Картина меняется, если проанализировать фактический род занятий членов партии (на ту же дату). Если не считать 6,3% военнослужащих, только 35,2% работали у станка и 1,2% обрабатывали землю в качестве батраков. Далее, 9,2% классифицированы как лица, занятые исключительно в сельском хозяйстве, — это относительно

зажиточные крестьяне, вероятно, использовавшие наемный труд. Служащие, в том числе младшие партийные работники, составляют 38,3%. Если прибавить к этой цифре 9,8% «прочих», то окажется, что почти половина членов партии не занималась физическим трудом[14].

Согласно официальным данным, более ответственные работники обычно рекрутировались из числа лиц, фигурировавших в графе «служащие и прочие» по происхождению, а не из тех, кто отнесен был к рубрике «рабочие» или «крестьяне». Так, анализ анкетных данных почти 2.000 партийцев, назначенных на ответственные посты в 1923-1924 годы, показал, что 59,7% из них относились к категории «служащих»[15].

459.067 коммунистов-рабочих в 1928 году составляли значительный процент общей рабочей силы. Согласно данным 1926 года, в среднем коммунисты составляли 14,4% в различных отраслях промышленности и около 20% в трех главных ее отраслях. Примечательно, однако, что процент рабочих-коммунистов был значительно выше на небольших предприятиях и неизменно сокращался на предприятиях с более чем 500 рабочими[16]. Совершенно иную картину являла собой деревня, где коммунистическое руководство было весьма некрепким. В начале 1928 года в деревне проживало менее 200.000 коммунистов на 120.000.000 сельского населения; из них только 15.000 — батраки[17]. В сельских партячейках на 1 января 1928 года 19,8% их членов были промышленными рабочими, 42,8% — крестьянами-единоличниками, 44,5% — служащими и «прочими» и 2,9% — колхозниками. Результаты обследования 29 сельских ячеек, приведен-

[14] «ВКП(б) в цифрах», выпуск 8, стр. 8-11.

[15] «Изв. ЦК», № 22-23 (97-98), 22 июня 1935 г., см. также по этому вопросу в целом Rigby, *CPSU*, гл. 4.

[16] «Большевик», № 12, июнь 1926, стр. 60-71.

[17] «ВКП(б) в цифрах», выпуск 8, стр. 10.

ные Саратовским губкомом в сентябре 1927 года, продемонстрировали слабость коммунистического влияния на селе. Число членов партии было очень небольшим, и попытки увеличения состава заканчивались неудачей; в партячейках фактически отсутствовали трудящиеся крестьяне; немногие партийцы крестьянского происхождения являлись администраторами того или иного типа. Часто большинство членов ячейки даже не были местными жителями. Ячейки фактически не оказывали никакого влияния на местную жизнь, кроме как при мобилизации населения на выборы в Советы, которые играли очень незначительную роль в сельских делах[18]. Начиная с 1927 года, наблюдался значительный рост числа рабочих в сельских ячейках и соответствующее уменьшение числа крестьян. Уже в 1927 году секретарями сельских парторганизаций на 80,5% были рабочие, а в 1928 году их число еще более возросло[19].

* * *

Политбюро, избранное XV съездом после разгрома левой оппозиции, состояло из девяти человек, включая Сталина. Четверо были фактически его креатурами — Куйбышев, Молотов, Рудзутак и Ворошилов. Остальные четверо — Бухарин, Калинин, Рыков и Томский — поддерживали Сталина против Троцкого и левой оппозиции не потому, что были ставленниками Сталина, а скорее по той причине, что держались «правой» политики по отношению к крестьянству — политики, принятой Сталиным перед лицом атак «слева». Все восемь кандидатов в члены Политбюро были сравнительно

[18] См. «Состояние и работа сельской ячейки ВКП(б) саратовской организации». Сборник материалов обследования губкома ВКП(б). С предисловием тов. И. М. Варейкиса, Саратов, 1927. Ср. Merle Fainsod, *Smolensk under Soviet Rule*, стр. 45-47.

[19] ПС, № 11-12 (13-14), июнь 1930, стр. 31-35.

молоды, большинство из них сделали карьеру на должностях ведущих партийных секретарей и поэтому они были целиком обязаны Сталину. К их числу относились Каганович, Киров, Угланов и Микоян. Большинство решений принималось в Политбюро, в компетенцию которого включалась вся жизнь страны. Спорные вопросы, особенно связанные с борьбой за власть, обычно выносились для обсуждения на пленумы ЦК. Этот метод имел то преимущество, что создавал видимость большей демократии, поскольку решения пленума, в противоположность решениям Политбюро, обычно оглашались. Что касается Сталина, то такой метод обеспечивал ему большинство, на которое он до 1927 года не всегда мог рассчитывать. Согласно заявлению оппозиции в июне 1926 года[20], Сталин с 1923 года ввел в практику частные совещания своих сторонников в Политбюро совместно с председателем ЦКК. Эти совещания, утверждала оппозиция, составляли повестку дня, а также общую линию официальных заседаний, и иногда даже принимали решения, не стоявшие на повестке дня.

Другая комиссия ЦК — Оргбюро — функционировала, в основном, как вспомогательное Политбюро. Функции Оргбюро точно никогда не определялись ни по отношению к Политбюро, ни по отношению к Секретариату, которому оно все больше уступало в силе влияния. Оно несло ответственность за более важные назначения. Вопросы политического характера переносились, как правило, из Оргбюро в Политбюро. В том составе, в каком оно было избрано в 1927 году на XV съезде, Оргбюро состояло из 13 членов и 7 кандидатов. Из них — пять секретарей ЦК и три кандидата в секретари, остальные представляли профсоюзы и экономические органы. Хотя в теории Секретариат подчинялся Оргбюро, значительная тождественность членов обоих органов, хозяйничанье Сталина в том и в другом и контроль

[20] См. выше, стр. 429.

над всеми делами, находившийся в руках Секретариата, давали последнему фактическую возможность руководить Оргбюро.

Главный центр партийной администрации — Секретариат возглавлялся после 1922 года Сталиным в качестве Генерального секретаря. В числе четырех его помощников были Молотов и Угланов — в то время секретарь московской парторганизации. К 1925 году в Секретариате работало 767 человек. После 1923 года произошло только одно значительное изменение в его структуре — слияние (1924 год) Учраспреда с Организационно-инструкторским отделом в Оргграспред, отвечавший как за подбор, так и за расстановку кадров. Новый отдел сразу же стал ключевым отделом Секретариата, сосредоточив в своих руках все руководство подчиненными партийными органами и важнейшую функцию назначений. История Оргграспреда — это история успеха Сталина в деле установления контроля над партией. В структуру Секретариата входили также отделы печати, работы в деревне, статистики, администрации, агитации и пропаганды (Агитпроп), по работе среди женщин и, кроме того, бухгалтерский и информационный отделы[21]. В одном советском источнике упоминается, что уже в 1924 году существовал секретный отдел Секретариата. Его существование в более поздний период не подлежит сомнению. Он, вероятно, был задуман для связи между партией и ОГПУ[22]. К 1924 году Секретариат сам превратился в комиссию, заседавшую отдельно от Оргбюро[23]. Секретариаты подчиненных партийных организаций штамповались по образцу Секретариата в Москве.

Повседневная практика Секретариата во второй половине 20-х годов представляла собой лишь формальное совершен-

[21] Merle Fainsod, *How Russia Is Ruled*, стр. 190 и 191.

[22] См. «Пролетарская революция», № 6, 1935 г., стр. 130. Во главе отдела стоял И. П. Товстуха.

[23] «Изв. ЦК», № 5 (63), май 1924 г., стр. 43; СПР, № 5, стр. 502.

ствование системы, установленной к 1923 году, что дало возможность Секретариату укрепиться в качестве подлинного центра власти в стране. Эта практика велась без какого бы то ни было одобрения со стороны партийных съездов, путем закулисных административных махинаций. Кое-какие изменения, имевшие место в 1924-1927 годы, можно разделить на три категории. Во-первых, после учреждения Оргаспреда усовершенствовался контроль над подчиненными партийными органами — в виде частых инспекций и повседневного руководства работой местных комитетов. Это осуществлялось главным образом армией ответственных инструкторов Оргаспреда, которые поддерживали постоянную связь с комитетами и были облечены соответствующими полномочиями. В особо сложных или важных случаях Секретариат высылал специальных уполномоченных от имени ЦК для проведения более тщательных инспекций. Местные секретари тоже вызывались в Москву для периодических совещаний[24]. Во-вторых, была рационализирована система персональных дел членов партии. Попытка установить централизованный учет всех партийцев, несколько амбициозно задуманная в первые годы, была отброшена. Центр хранил теперь полные списки только номенклатурных работников, а ответственность за других возлагалась на местные организации. Данные, собираемые инспекторами, служили центру материалом не только для личных дел, доступных, по меньшей мере в теории, всем членам партии, но и для доверительных личных дел, державшихся втайне. Областные секретариаты, в свою очередь, вели контроль и учет личных дел подчиненных им организаций[25]. Вся эта система рациональной передачи полномочий стала возможной только потому, что Сталину

[24] «Изв. ЦК», № 19-20 (94-95), 30 мая 1925 г.; СПР, № 6, ч. 1, стр. 508-510; № 5, стр. 228-231.

[25] «Изв. ЦК», № 3 (61), март 1924 г., стр. 14-25; № 4 (62), апрель 1924 г., стр. 52; СПР, № 6, ч. 1, стр. 341-346, 528-538.

удалось поставить своих людей во всех жизненно важных местных центрах, и его разногласия с Зиновьевым в связи с усилением контроля над Ленинградом следует рассматривать отчасти под этим углом зрения.

Третье изменение также касалось распределения полномочий. Практика назначений из центра ограничивалась теперь определенным кругом ключевых постов. Все назначения в стране — сверху донизу — были сведены в единый список и передавались той или иной организации, а иногда ряду организаций, которые сотрудничали друг с другом. Так были достигнуты и распределение ответственности и систематизация. Правила, разработанные в 1926 году, установили число назначений (5.500), которые подлежали компетенции высших партийных органов. Около одной трети из них, то есть наиболее важные посты, входили соответственно в компетенцию Политбюро, Оргбюро и Секретариата; вторая треть — исключительно в компетенцию секретарей ЦК с правом апелляции к ЦК и последняя треть, официально касавшаяся «выборных постов», находилась в ведении специальных комиссий, назначавшихся ЦК[26]. Таким образом, за исключением немногих случаев, рассматривавшихся Политбюро, где Сталин не всегда мог обеспечить себе большинство, все ключевые назначения относились к компетенции Секретариата, Оргбюро или Центрального Комитета, полностью контролировавшихся Сталиным. Важный сдвиг в политике назначений Секретариата произошел в конце 1923 года. Тогда Учраспреду удалось овладеть определенным контролем над процедурой назначения в правительственных учреждениях, которые до тех пор обладали автономией в этой области[27].

[26] «Изв. ЦК», № 1 (122), 18 января 1926 г.

[27] СПР, № 4, стр. 144-146. См. также «Изв. ЦК», № 9-10 (57-58), октябрь-ноябрь 1923 г., стр. 34, 43 и № 1 (59), январь 1924 г. Впервые внимание к этой проблеме было привлечено в июле и августе 1923 г. — № 7-8

Важнейшим из всех полномочий Секретариата был, конечно, контроль над сетью секретарей по всей стране — над «аппаратом». В теории все эти назначения были (и все еще остаются) выборными. Но традиция выборности никогда не существовала в большевистских организациях, и, хотя официальные резолюции периодически превозносили на словах принцип выборности, на практике Секретариат неизменно решал, кто должен быть «избран», снят или перемещен. По-видимому, в этой области Секретариат не встречался с какими-либо трудностями. Инструкции, публиковавшиеся в то время, почти открыто говорят о том, что члены аппарата назначаются на свои посты; хотя, как откровенно говорится в одном из постановлений, желательно, чтобы назначения проводились только в случаях крайней необходимости и совпадали по времени с выборами[28]. Практика назначений на выборные посты постоянно критиковалась оппозицией, но ей удалось добиться только принятия официальных резолюций — в 1921 и вторично в 1923 году, — в которых лишний раз утверждался священный характер «выборного» принципа. Более конкретные предложения Троцкого изменить статью Устава партии 1925 года, дававшую широкие полномочия центральным органам по «утверждению» местных комитетов и работников[29], были выдвинуты им только на XV съезде. Но тогда никакое предложение Троцкого практически уже не имело силы.

Число работников аппарата в августе 1922 года составляло 15.325 человек[30]. Ко времени XIV съезда в 1925 году

(55-56), август-сентябрь 1923 г., – но проблема разработки рациональной системы согласования назначений всеми заинтересованными сторонами в период НЭПа так и не была разрешена – см. «Большевик», № 8, апрель 1928 г., стр. 66-71.

[28] СПР, № 5, стр. 257 – циркуляр, касавшийся выборных профсоюзных работников.

[29] «КПСС в рез.», т. 2, стр. 248-250. Предложения Троцкого находятся в его архиве в библиотеке Гарвардского университета.

[30] «КПСС в рез.», т. I, стр. 676-679. (Цифра оценочного характера).

соотношение между аппаратом и партией в целом составляло один к сорока, то есть в аппарате работало около 20.000 человек. Партийные чиновники получали оклады, на 50% превышавшие ставки правительственных работников того же уровня; кроме того, они пользовались привилегиями, недоступными другим. Впрочем, находились партийцы, проявлявшие фанатический аскетизм и преданность долгу, но было немало и таких, кто поддавался соблазнам привилегированного положения. Данных о взяточничестве и нечестности среди партийных работников — необозримое количество. Контрольные комиссии нередко принимали дисциплинарные меры против виновных. Но они часто закрывали глаза на провинности того или иного работника, если тот добивался нужных результатов; когда же такой работник впадал в немилость, его старые грехи немедленно добавлялись к текущему обвинению[31]. Денежные средства партии составлялись, согласно Уставу 1922 года, из членских взносов, субсидий высших партийных организаций и из « других поступлений »[32].

Периодические съезды и конференции после 1923 года перестали быть органами, обсуждавшими политику партии. Их функция состояла теперь в одобрении политики, проводимой руководством, или в официальном подтверждении разгрома взглядов оппозиции. Значение съездов и конференций сводилось к тому, что они стали публичной трибуной для официальных директив. С этой же трибуны руководители отчитывались в своей деятельности за истекший период. Конечно, пока существовала какая-то оппозиция, эти отчеты критиковались. Более того, критика не была совершенно бесполезной, как будет показано ниже. Многое из того, что рекомендовала оппозиция, в конце концов принималось, но, разумеется, уже после ее ликвидации. Однако благодаря

[31] Много данных об этом содержится у Merle Fainsod, *Smolensk under Soviet Rule.*

[32] « КПСС в рез. », т. I, стр. 663.

поддержке большинства на всех съездах и конференциях руководство сводило на нет актуальность любой критики. Огромное большинство делегатов — например, 70% на XIV съезде в 1925 году — были представителями партийного аппарата. После XI съезда в 1922 году руководители ни разу не встречались с какими-либо трудностями при голосовании; им было обеспечено почти единогласное одобрение любой резолюции. Отчасти это объяснялось ловким использованием Устава, так что критически настроенные делегаты присутствовали обычно без права решающего голоса, а отчасти — было результатом жесткого контроля Секретариата над отбором делегатов. Этому способствовало также то обстоятельство, что делегаты, связанные с партийным аппаратом, особенно идущее в гору поколение молодых секретарей, поддерживали Генерального секретаря, от воли которого зависело их будущее.

Главным совещательным органом, где принимались все решения в период НЭПа, где происходили бои против левой оппозиции, являлся объединенный пленум ЦК и ЦКК. В этом органе было широко представлено честолюбивое, делающее карьеру поколение. Именно здесь Сталин мог всегда быть уверен в большинстве. Центральная контрольная комиссия (которая, напомню, была организационно слита с Рабоче-крестьянской инспекцией) в первую очередь являлась органом контроля над партией и правительством. По отношению к объединенному пленуму она выполняла еще одну функцию — служила его генеральным штабом. ЦКК собирала и готовила материалы, на основании которых пленум принимал решения. Таким образом, объединенный пленум стал первоисточником правительственной политики.

Основная функция ЦКК и подчиненных ей местных контрольных комиссий все еще состояла в поддержании дисциплины среди членов партии. Первоначально считалось, что контрольная комиссия должна поддерживать высокий уровень партийной этики, но при возникновении партийных

споров не становиться на ту или другую сторону. Впрочем, после 1923 года уже не делалось никаких попыток скрыть тот факт, что контрольные комиссии превратились в орудие центрального руководства — орудие, гарантировавшее сохранение единства путем глушения критики внутри партии. В документах о задачах ЦКК, принятых в 1924 году, подчеркивалось, например, что в круг ее основных задач входит «решительная борьба со всякого рода группировками и тенденцией к фракционности внутри партии», «широкое, систематическое изучение болезненных явлений в партии в области идеологии...» и «чистка партии от идеологически чуждых, вредных и разлагающих партию элементов»[33]. И на деле ЦКК, за исключением очень немногих ее членов (в том числе Крупской), открыто выступала, например, против ленинградской оппозиции, действуя совместно с ЦК. На XIV съезде замечания оппозиционных ораторов о том, что долг ЦКК состоит в нейтральном поведении при разборе внутрипартийных конфликтов, были встречены насмешками. Члены контрольных комиссий обладали широкими полномочиями как по отношению к организациям, так и к отдельным членам партии. Хотя в течение того периода партия посредством контрольных комиссий ревниво оберегала себя от вторжений со стороны ОГПУ, сохранив привилегию чистить самое себя, тем не менее Центральная контрольная комиссия (как признал на съезде ее председатель) поддерживала тесную связь с органами безопасности и, не колеблясь, пользовалась их услугами для получения нужной информации. До 1926 года во главе ЦКК стоял Куйбышев. На этом посту его сменил Орджоникидзе, а Куйбышев возглавил Высший совет народного хозяйства, сменив в свою очередь Дзержинского. Куйбышев был всем обязан Сталину. Орджоникидзе же, этого старого большевика, нельзя считать креатурой

[33] СПР, № 5, стр. 500-502.

Сталина, тем не менее они много лет тесно сотрудничали и в те годы были в приятельских отношениях.

После чистки в 1921 году новой чистки, как таковой, до 1927 года не проводилось. Но исключение из партии не только за оппозиционные взгляды, но и за такие проступки, как алкоголизм (причина весьма распространенная), карьеризм или нечестность, оставалось характерным явлением для жизни партии. Исключенный из партии оказывался беззащитным перед ОГПУ и в лучшем случае терял свою работу и свои привилегии. Поэтому была разработана система апелляций — от местных контрольных комиссий до ЦКК включительно. Количество исключенных из партии значительно выше в 1923-1924 годы, когда главными жертвами оказались студенты и военные — сторонники Троцкого. Ежегодное число исключенных в 1926 и 1927 годах составляло примерно один процент от общего количества членов партии. В годы борьбы с объединенной оппозицией (1926-1927) ЦКК, в противоположность ЦК, по-видимому, сама прониклась оппозиционными тенденциями или симпатиями, а может, просто не сумела проявить достаточной решительности в борьбе с ними. Характерно, что на XV съезде (декабрь 1927 года) не менее 60% от 163 ее членов не были переизбраны. Но никого из них не исключили из партии, и, по-видимому, их провинность состояла только в неспособности остановить рост оппозиционных тенденций в местных контрольных комиссиях. Отбор подходящих кандидатур для Секретариата составлял важную дополнительную функцию контрольных комиссий: им поручалось докладывать об отдельных членах партии и рекомендовать самых многообещающих.

* * *

В 1924-1927 годы партия значительно расширила свое влияние во всех областях жизни государства. К концу 1927 года по своему размаху и глубине это влияние было далеко не

столь тотальным, как в более поздний период; тем не менее, оно значительно прогрессировало — с точки зрения партии — по сравнению с часто случайным контролем в первые годы власти. Исторические факты не оставляют сомнения в том, что постепенное усиление контроля, начиная, по меньшей мере, с 1923 года, было процессом запланированным. Конкретные стадии процесса часто диктовались злободневными соображениями. Укрепление контроля партии над армией, например, — один из аспектов борьбы против Троцкого. Контроль над образованием, по крайней мере частично, имел в виду обучение коммунистов с целью замены многочисленных беспартийных спецов, которых режиму все еще приходилось использовать. Усиление контроля над промышленностью и сельским хозяйством было всегда составной частью партийной доктрины. Появление тоталитаризма подтверждается той решительностью, которую искони проявляли большевики в борьбе за власть, уничтожая любых соперников, искореняя все независимые институты.

К 1923 году партия добилась абсолютного господства над Советами. В пропагандистских целях Советы превозносились как самые демократические на свете выборные органы; не составляло секрета, что влияние в них партии усиливалось искусственно — посредством злоупотреблений на выборах. Наспех сформулированные инструкции облегчали злоупотребления. Инструкции предоставляли широкие полномочия избирательным комиссиям по принятию или отклонению как кандидатур, так и результатов голосования. Избирательные комиссии, разумеется, состояли из членов партии. В конце 1924 и в 1925 году, в разгар «правой» политики умиротворения крестьянства, были сделаны далеко идущие изменения в подготовке предстоявших перевыборов почти половины сельских Советов. Партийные организации в деревне были хронически слабыми и пассивными. Цель новой политики, предоставлявшей кое-какую свободу выборов, состояла — как совершенно открыто говорилось — в том, чтобы вызвать у крестьян интерес к местным

Советам, к которым они относились с полным безразличием. Если эта цель не будет достигнута, заявил Сталин в речи в октябре 1924 года, «то политическая активность масс пройдет помимо Советов, через голову Советов, вылившись в бандитские выступления, вроде восстания в Грузии»[34]. Руководители партии теперь открыто признавали, что в прошлом выборы не были свободными и что привлечь беспартийных крестьян к сотрудничеству с партией в Советах можно лишь в том случае, если предоставить им бо́льшие возможности для избрания их собственных кандидатов.

В новой инструкции от 1925 года, изданной в связи с перевыборами в Советы, партийным организациям воспрещалось «навязывать обязательное голосование по списку». Запрещалось также «отстранять избирателей от выборов только потому, что они критикуют действия местных органов советской власти»[35]. Крестьяне подозревали, что все эти нововведения — сплошное надувательство, и на выборах в 1926 и 1927 годах коммунистические кандидаты добились лишь незначительных успехов. В итоге выборов 1927 года как в РСФСР, так и на Украине почти девять десятых членов сельсоветов и три четверти их председателей были беспартийными. Тем не менее, Секретарь ЦИК Енукидзе, выступая на XV съезде партии, хвастался избранием значительного процента коммунистов, «особенно учитывая тот факт, что методы, использованные в прошлые годы, больше не применяются — методы, вроде назначения кандидатов, перемещения избирателей, определенной степени давления и т.д.».

В какой мере эта игра в демократию вела на деле к самоуправлению — совершенно иной вопрос. На том же съезде, например, весьма скромно утверждалось, что Советы только «кое-где» «на деле» превратились в органы власти.

[34] Сталин, т. 6, стр. 309.
[35] СПР, № 5, стр. 294-296 – директива ЦК от 10 февраля 1925 г.

Кучка коммунистов по-прежнему навязывала свою волю Советам. К тому же на практике сельсоветы оказывали весьма небольшое влияние, и деревенские дела крестьяне обычно решали сами. Оппозиция с подозрением относилась к новой избирательной практике, рассматривая ее как очередную уступку кулачеству. Самим руководителям этот эксперимент тоже был не по душе, ибо он демонстрировал ничтожность авторитета партии у народа, а иногда приводил к требованиям создания других партий. Руководство неоднократно внушало партийцам, что «оживление Советов» не означает «ни малейшего ослабления или смягчения по отношению к враждебным группам, не говоря уже о терпимости по отношению к меньшевикам или эсерам»[36]. В следующем году даже эта робкая попытка сделать выборы менее фиктивными была молчаливо отвергнута и в дальнейшем уже никогда не повторялась.

* * *

Партийная прослойка в государственных предприятиях и учреждениях в 1923 году оставалась все еще очень скудной. Так, только 5% от пяти тысяч служащих ВСНХ были коммунистами, да и то большинство из них не занимало особо ответственных постов. В последующие годы Оргбюро и Орграспред всячески старались выправить это положение. Согласно цифрам, приведенным на XV съезде, коммунистов, работавших на государственных предприятиях и в учреждениях, насчитывалось 20% или несколько больше. Значительные успехи были достигнуты в деле назначения коммунистов на посты в хозяйственных органах. Из документов XV съезда нам известно, что три четверти личного состава правлений государственных трестов и четыре пятых всех директоров

[36] Кроме информации, содержащейся в речах на XV съезде, см. также «Состояние и работа сельской ячейки», стр. 24, 26, 109 (см. прим. 18 на стр. 446).

предприятий и их заместителей были партийцами. Однако рост числа партийцев в государственных учреждениях и хозяйственных органах не всегда вел к большему согласию между коммунистами-специалистами и коммунистами, представлявшими партийный аппарат, скажем, секретарями партийных ячеек в учреждениях или на предприятиях. Трения в этой области отмечались систематически. Партийным ячейкам постоянно внушалось, что большевистское «водительство» не должно перерождаться в прямое вмешательство, что партийная организация не должна подменять руководство в решении практических вопросов. Отношения партии с хозяйственными органами и государственными учреждениями выявляли те рамки, которые в течение 20-х годов ограничивали беспрепятственный контроль партии. Во-первых, поскольку партийцы расходились в своих взглядах на основные хозяйственные вопросы, само по себе назначение коммунистов на ключевые посты в хозяйственных органах не гарантировало точного выполнения распоряжений ЦК. Во-вторых, нехватка квалифицированных коммунистов ограничивала партийный контроль. Именно по этой причине Ленин назвал советскую административную машину не чем иным, как старой бюрократической машиной, «только слегка помазанной советским миром».

Разграничение политики и администрации — всегда дело нелегкое. Партийным ячейкам в правительственных учреждениях полагалось «руководить», но не «вмешиваться». Однако где кончается руководство и начинается вмешательство? Кроме того, одно дело — руководить буржуазными спецами или бюрократами из бывших царских чиновников: ведь у них не было того вдохновения, которое давала партийная мудрость; от них требовалось только иметь знания, но не подвергать сомнению приказы поставленных над ними коммунистов, сколь бы технически невежественными последние ни были. Другое дело, когда крупные партийцы, лишенные технических знаний, «руководили» менее видными, но более знающими партийцами. Этот вопрос снова встал на

XII съезде в 1923 году. Красин утверждал, что партия должна «воздать кесарю кесарево», то есть должна дать возможность правительственным учреждениям выполнять их задачи. Зиновьев же с похвальной откровенностью заявлял, что нечего стыдиться диктатуры партии над всем государственным аппаратом, что ее незачем скрывать и что чем скорее она будет осуществлена, тем лучше. Этот конфликт между коммунистами-«аппаратчиками» и партийцами–«специалистами» в течение 20-х годов так и не был разрешен. Да такую проблему и нельзя было решить путем насаждения в правительственных органах все большего количества коммунистических работников, так как разделение коммунистов на технических специалистов и профессиональных политиков этим не устранялось. Может быть, проблема была вообще неразрешимой, пока режим ставил одну категорию лиц для выполнения той или иной задачи, а другую категорию — для разъяснения, как эту задачу следует выполнять.

18. АРМИЯ И ОРГАНЫ БЕЗОПАСНОСТИ. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО

Способность удержать власть над страной зависела в конечном итоге от того, в какой степени партия могла контролировать вооруженные силы — армию и органы безопасности. Поэтому важно рассмотреть отношения партии с этими двумя силами.

Когда Гражданская война подходила к концу, будущее армии обсуждалось на IX съезде. Постоянная кадровая армия противоречила социал-демократическим традициям и поэтому многие стояли за народное ополчение. Троцкий выдвинул довольно хитроумное предложение, согласно которому будущее ополчение должно опираться на крупные промышленные центры, так что его ведущие кадры формировались бы в тесном сотрудничестве с профсоюзами и находились бы под контролем пролетариата. Это предложение, равносильное военной «диктатуре пролетариата», было в принципе одобрено, но так и не осуществлено. Кронштадтское восстание, крестьянские бунты 1921-22 годов и одновременные волнения среди рабочих сделали идею народного ополчения слишком рискованной. Против ополчения выступали также некоторые кадровые военные, считавшие его слабее постоянной армии; возражал и Тухачевский, самый блестящий фронтовой командир Гражданской войны. Он считал, что надо сохранить армию, способную выполнять наступательные операции, чтобы помогать революциям

в других странах. В итоге, при реорганизации армии в 1924 году, была принята система всеобщего военного обучения для социально благонадежных граждан; менее благонадежные элементы, вроде священнослужителей или кулаков, привлекались только к нестроевой службе. Кадровая армия сохранялась в количестве примерно пятисот тысяч человек. Хотя Троцкий номинально все еще оставался Наркомвоенмором до 1925 года, его обязанности фактически выполнял заместитель наркома Фрунзе, тоже талантливый военачальник Гражданской войны, а сам Троцкий не играл какой-либо роли в реорганизации армии[1].

Открытый переход Троцкого в оппозицию к концу 1923 года привел к важному изменению системы партийного контроля над армией. До того времени Центральному Комитету не удавалось установить полного господства над политическим управлением армии. Во главе ПУРККА в 1923 году стоял друг и единомышленник Троцкого Антонов-Овсеенко. Троцкий мог также полагаться на некоторую поддержку со стороны других работников ПУРККА и армейских коммунистов в целом. Статья, опубликованная Троцким в «Правде» 4 декабря 1923 года, во время его первого конфликта со Сталиным, содержала фразу, смысл которой заключался в следующем: молодые воины не должны позволять вышестоящим командирам терроризировать себя. В разгар дебатов в партии между оппозицией и ЦК Антонов-Овсеенко, не спросив ЦК, разослал циркуляр от имени ПУРККА, предлагавший широкое обсуждение в армии различных форм политического контроля. Армейские коммунисты, среди которых недовольство центральным партийным контролем над их политическими организациями было очень сильным, с энтузиазмом приветствовали возможность

[1] К истории ранних событий в организации Красной Армии см. D. Fedotoff-White, *The Growth of the Red Army*, Princeton, 1944, – труд, которым я широко пользовался; см. также John Erickson, *The Soviet High Command: A Military-Political History 1918-1941*, London, 1962.

критиковать централизованную партийную дисциплину. Но ЦК аннулировал приказ, а самого Антонова-Овсеенко снял с поста и заменил его Бубновым[2].

В течение 1924 года система политического контроля над армией была реорганизована. ПУРККА было теперь непосредственно подчинено ЦК и действовало, как говорилось в новом Уставе партии, принятом в конце 1925 года, «в качестве военного отдела ЦК»[3]. Контроль осуществлялся посредством сети политотделов в военных округах, в армейских и военно-морских соединениях и частях. Эти политотделы подчинялись центральным органам партии. Местные же партийные органы не обладали правом контроля над воинскими партийными организациями, хотя между обеими системами существовала связь. Так была создана форма партийного контроля над армией, совершенно независимая от военных властей.

С этим изменением тесно связана и реформа института военных комиссаров. Двоеначалие в армии было пережитком Гражданской войны и к 1924 году вызывало значительные трения. Командиры были недовольны ограничением своего авторитета и вытекавшим отсюда ухудшением боеспособности войск. Многие из них состояли теперь в партии и по праву утверждали, что система, введенная для защиты революции от возможного предательства бывших офицеров царской армии, составлявших огромное большинство командиров во время Гражданской войны, уже изжила себя. В свою очередь комиссары, многие из которых научились военному делу и вжились в него, часто чувствовали, что обладают такой же квалификацией, как и молодые комму-

[2] Об этом инциденте см. также: И. Петухов, «Партийная организация и партийная работа в РККА», Москва-Ленинград, 1928, стр. 72 и 73. См. еще: Merle Fainsod, *Smolensk under Soviet Rule*, стр. 338-342, где описывается практическое выполнение директив ЦК от 20 декабря 1924 г. и 6 марта 1925 г. «О функциях партийных ячеек в вооруженных силах и об единоначалии».

[3] «КПСС в рез.», т. 2, стр. 254.

нисты, окончившие военные училища. В 1925 году был достигнут компромисс, который благоприятствовал командирам, но скорее на словах, чем на деле. Командир нес полную ответственность за командование, а комиссар становился его заместителем по политчасти. Но замполит поддерживал прямые отношения — через голову командира — с вышестоящими политическими органами. При разногласиях между командиром и его заместителем окончательное решение оставалось за Реввоенсоветом округа, в котором преобладали не военные, а скорее партийные деятели. Проблема взаимоотношений между строевым командованием и политическим так и не была разрешена в 20-е годы. Система единоначалия вводилась лишь постепенно. К марту 1928 года все комкоры, около трех четвертей комдивов и немногим больше половины командиров полков (во всех случаях эти цифры относятся только к офицерам-партийцам) добились единоначалия[4].

После того как план Троцкого о создании пролетарской «преторианской гвардии» был отвергнут, армия по своему составу неизбежно становилась, в основном, крестьянской. В 1926 году 71,3% всех красноармейцев были крестьяне, по сравнению с 18,1% рабочих и 10,6% «прочих»[5]. Кроме того, практика укрепления ключевых родов войск дополнительным числом людей пролетарского происхождения приводила к тому, что во многих частях процент крестьян был еще выше. Например, согласно директиве, действовавшей в 1925 году, в бронетанковых войсках должно было быть как минимум 50% рабочих, а в войсках ОГПУ — 25%, тогда

[4] Петухов, ук. соч., стр. 82. Документы о различных изменениях в контроле партии над армией в это время см. СПР, № 5: о введении единоначалия — стр. 476; задачи партийных ячеек — стр. 479-485; задачи партийных организаций в вооруженных силах в целом — стр. 493-496.

[5] Ст. Иванович, «ВКП(б). Десять лет коммунистической монополии», Париж, 1928, стр. 146. В противоположность этому, процент крестьян среди коммунистов в вооруженных силах составлял только 38,5% — см. «ВКП(б) в цифрах», выпуск 6, Москва, 1927, стр. 39.

как пехота довольствовалась восемью процентами[6]. Поэтому армейские коммунисты неизбежно играли важную роль в деле руководства их менее благонадежными товарищами — крестьянами. Политические органы в армии выполняли самые различные функции по укреплению боевого духа войск: проводили политучебу, заботились о бытовом благополучии, осуществляли цензуру. Важной работой воинских партийных организаций были также прием и воспитание новых членов партии из среды ежегодных пополнений с целью их последующей отправки обратно в деревню для усиления слабой в сельских местностях партийной сети.

Общее число коммунистов в армии значительно возросло между 1924 и 1928 годами. Основной рост наблюдался в 1925-26 годах — с 57.000 в 1925 году до 72.000 в 1926 году. К 1927 году в армии было 82.000 коммунистов, и вместе со 120.000 комсомольцев они составляли солидную силу, так или иначе связанную с партией, — 37% всего личного состава вооруженных сил. Члены партии были организованы в относительно небольшие ячейки, в среднем не превышавшие пятнадцати человек. Пролетарский элемент среди армейских коммунистов был представлен слабее, чем в партии в целом, где к 1927 году люди рабочего происхождения составляли свыше половины. Ускоренный прием коммунистов в армии означал, что уровень политического образования среди новых партийцев был слишком низким, чтобы дать им возможность принимать активное участие в политическом руководстве. Поэтому контроль над армейскими партийными организациями постепенно переходил в руки более опытных коммунистов, а это были большей частью командиры кадровой армии. В общем, партия опиралась на командиров, больше половины которых были в 1927 году членами партии[7]. В

[6] Ст. Иванович, ук. соч., стр. 147.

[7] Бывшие царские офицеры быстро заменялись обученными командирами -коммунистами, и к 1930 г. только 4.500 из 50.000 бывших офицеров еще служили в Красной Армии.

конце 1926 года, по подсчетам ПУРККА, две трети всех постов в военно-партийном аппарате были заняты командирами. Комсомольцы были, в основном, рядовыми. Партийным работником, ответственным за политическое воспитание рядового красноармейца, чаще всего являлся командир, что значительно укрепляло строгую партийную дисциплину в армии наряду с дисциплиной воинской[8].

Помимо партийного контроля, армия была еще и под наблюдением особых отделов ОГПУ, действовавших в рамках армии и ответственных за безопасность. После 1921 года эти отделы были совершенно независимыми от любой формы военного командования. ОГПУ учредили 15 ноября 1923 года. Эти «органы», как их называли, были санкционированы Конституцией СССР, принятой в июле 1923 года, и стали преемником ГПУ, но, в отличие от последнего, они были независимы от НКВД. Во всем другом ОГПУ унаследовало права и функции своих предшественников, а со временем и умножило их. Преемственная связь с прежними карательными органами символизировалась тем фактом, что Дзержинский, основатель и глава ВЧК, а в 1923 году — Наркомвнудел, стал также председателем ОГПУ. Он оставался на этом посту до своей смерти в 1926 году. Правда, после 1924 года Дзержинский уделял основное внимание ВСНХ, где также стал председателем, в то время как делами ОГПУ большей частью ведал его заместитель Менжинский. Среди тех функций, которые ОГПУ приобрело или расширило между 1923 и 1927 годами, следует упомянуть цензуру печати, театра и кино; управление пограничными районами (в этих целях ОГПУ был предоставлен специальный корпус пограничных войск); командование над усиленным контингентом войск особого назначения, заменивших вооруженные части, которыми располагали после 1918 года как ВЧК, так и ГПУ. Хотя в опубликованных декретах полномочия ОГПУ не были полностью определены,

[8] Ст. Иванович, ук. соч., стр. 149-151.

но на практике их всегда оказывалось достаточно для выполнения задач, которые ставила перед ним партия. Помимо унаследованных от ГПУ особых прав на высылку, аресты, обыски и дознания, ОГПУ получило также широкие полномочия по декрету от 6 февраля 1922 года, учредившему ГПУ, для выполнения «специальных инструкций президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета или Совета народных комиссаров по защите революционного порядка».

В теории ОГПУ было подчинено Совету народных комиссаров и подлежало контролю со стороны прокуратуры[9]. На практике же, поскольку и Совнарком и прокуратура в свою очередь находились под контролем партии, ОГПУ нельзя назвать иначе как органом партии. В данный период не отмечалось серьезного соперничества между ОГПУ и партией. Дзержинский, фанатик-коммунист, оправдывавший любые средства конечной целью, служил Сталину так же верно, как раньше Ленину. Партийный контроль означал на деле контроль со стороны либо Политбюро, либо же чаще — Оргбюро, Секретариата или ЦК. Дзержинский был все это время членом ЦК, членом Оргбюро с 1921 по 1924 год, а затем кандидатом в члены и Оргбюро и Политбюро. Секретариат или Оргбюро ведали назначениями на ответственные посты в ОГПУ, а менее важные должности предоставлялись по соглашению с местными парткомами. Но последние должны были вести себя весьма осмотрительно в своих отношениях с местными органами безопасности как в смысле назначений, так и по другим вопросам[10].

[9] См. декрет от 28 мая 1922 г., перепечатанный в сборнике «Советская прокуратура в важнейших документах», Москва, 1956, стр. 212-215. Никаких данных о каком-либо конфликте во время НЭПа между прокуратурой и ОГПУ нет. См., напр., Fainsod, ук. соч., стр. 174-177.

[10] См. также инструкцию ЦК от 25 мая 1926 г. о порядке перемещений в ОГПУ, которая предоставляет очень мало прав парткомам, СПР, № 6, т. 1, стр. 567.

После возникновения серьезных оппозиционных течений внутри партии встал деликатный вопрос о функциях ОГПУ по отношению к инакомыслящим коммунистам. Партия ревностно охраняла свое право расправляться с собственными членами[11] и, как правило, не разрешала ОГПУ принимать меры против партийцев, пока те либо не исключались, либо, по крайней мере, не становились изгоями (как некоторые члены «Рабочей оппозиции», пострадавшие вследствие вмешательства ОГПУ). В случаях ответственных партийных работников действовало правило, которое даже Сталин не осмеливался нарушить: арест мог санкционироваться только Политбюро. С другой стороны, как Секретариат, так и ЦКК весьма тесно сотрудничали с ОГПУ и без зазрения совести полагались на его помощь — во всяком случае, после 1923 года — в подготовке дел против оппозиционеров.

* * *

Совершенно иная картина складывается при рассмотрении партийного контроля над промышленностью и сельским хозяйством. Атмосфера НЭПа, при котором допускались и вольный рынок и свободное предпринимательство, — хотя и подверженные вмешательству и ограничениям, — неизбежно лимитировала возможности партийного контроля и руководства.

Напомню, что быстро растущее расхождение между промышленными и сельскохозяйственными ценами, ставшее очевидным в 1923 году (так называемый кризис «ножниц»), поляризовало мнения в партии, которые

[11] Fainsod, ук. соч. Тайный декрет ЦК от 26 апреля 1925 г. требовал, чтобы партия извещалась о всех случаях арестов членов партии, и разрешал вмешательство партийных органов, если, по их мнению, данный коммунист «был фактически невиновным, и возведенные против него обвинения были недостаточно вескими».

разделились между левым меньшинством, предлагавшим в качестве целительного средства расширение тяжелой промышленности, и большинством, выдвигавшим на первый план — явно по политическим соображениям — процветающее сельское хозяйство. В дебатах последующих лет борьба за власть и сопротивление растущему влиянию Секретариата настолько усилились на политической сцене, что теоретические расхождения отошли на задний план. Смешение теории с маневрами в борьбе за власть привело к тому, что Сталин согласился изменить экономическую политику партии только после разгрома оппозиции в конце 1927 года, хотя именно оппозиция била тревогу по поводу того, что народное хозяйство «теряет социалистический характер».

Решение кризиса «ножниц» в значительной степени определило ход экономической политики на ближайшие годы. Были приняты три главные меры. Во-первых, снижение промышленных цен и вытекавшая отсюда попытка снизить себестоимость продукции; во-вторых, установление твердой валюты в целях поощрения крестьян к сбыту их продукции на рынке; в-третьих, стимулирование крестьян к улучшению их благосостояния собственными силами. Кризис расхождения цен был преодолен к 1924 году. Но разрушенная промышленность восстанавливалась гораздо медленнее, чем сельское хозяйство, которое к 1923 году достигло уже более трех четвертей продукции 1913 года, а к 1925 году стало приближаться к довоенному уровню[12]. Между тем валовая продукция промышленности еле-еле достигла к 1923-24 годам половины объема 1913 года. Довоенный же уровень был восстановлен только к 1926-27 годам, а если сделать

[12] С. Н. Прокопович, «Народное хозяйство СССР», т. I, стр. 174 и 175. Довоенная цифра валовой продукции была несколько превышена в 1926-28 г.г., но рост населения по сравнению с 1913 г. означал, что проблема снабжения продовольствием все еще оставалась неразрешенной.

поправку на снижение качества продукции, то — даже годом позже. Кроме того, легкая промышленность восстанавливалась гораздо быстрее, чем тяжелая[13]. Основной причиной отставания промышленности была нехватка капиталовложений. Перспектива иностранных займов, на которую возлагалось столько надежд в начале 20-х годов, оказалась безрезультатной. Примирить требования потенциальных иностранных кредиторов с уступками, на которые готов был пойти СССР, оказалось невозможным; не было достигнуто и соглашения по вопросу о выплате довоенных иностранных займов, которые советское правительство денонсировало. Хотя внешняя торговля развивалась довольно быстро (к 1927-28 годам вывоз превысил половину уровня 1913 года), она давала дефицит в течение всего периода НЭПа.

Руководители партии твердо держались того мнения, что накопление капитала может произойти только в результате роста благосостояния и, тем самым, покупательной способности крестьянства. Левая оппозиция настаивала на необходимости применения более энергичных методов для перекачивания капитала из деревни. Ее доводы звучали одно время довольно убедительно, особенно среди рабочих, так как оппозиционеры указывали не только на бедственное положение рабочих, но и на растущее благосостояние крестьянства. Реальная зарплата рабочих в смысле покупательной способности составляла в 1923-24 годах всего 69,1% уровня 1913 года. Затем начался постепенный рост до 85,1% в 1924-25 годах, 108,4% в 1926-27 годах и 111,1% в 1927-28 годах. Кроме того, во второй половине НЭПа рабочий питался лучше, чем в 1913 году, а его рабочий день сократился с 8,5 часов в 1921 году до 7,46 часов в 1927-28 годах[14]. Однако в то же время существовала проблема безработицы. На VII съезде ВЦСПС была названа цифра «более миллиона» безработных. Правда,

[13] С. Н. Прокопович, «Народное хозяйство СССР», т. I, стр. 346 и 347.
[14] Там же, т. II, стр. 97, 98, 121.

эта проблема связана была скорее с тягой сельского населения в города, чем с недостатком работы для кадрового промышленного пролетариата.

Левые теоретики, например, Пятаков и Преображенский, неизменно утверждали, что одновременное существование общественного и частного секторов в одной и той же экономике невозможно: один из них в конце концов поглотит другого. Последовательное усиление государственного контроля над промышленностью и торговлей во время НЭПа, по-видимому, подкрепляло их доводы. Что касается промышленности, то частный сектор, составлявший в 1923-24 годах одну треть, сократился к 1926-27 годам до 20,8%, а в дальнейшем сокращался еще быстрее. Частный сектор распространялся почти целиком на мелкий кустарный промысел и никогда не имел большого значения в крупной промышленности. Торговля захватывалась государством еще быстрее, чем промышленность. Частный сектор, составлявший в 1923-24 годах более половины всей торговли, непрерывно сужался и к 1931 году практически перестал существовать. Внешняя торговля была с самого начала государственной монополией.

Во время кризиса «ножниц» правительственная политика была направлена на снижение помышленных цен и себестоимости продукции; ее успех в значительной степени зависел от позиции рабочих, а она в свою очередь зависела от профсоюзов. Партия установила контроль над профсоюзами еще до начала НЭПа и в дальнейшем удерживала там доминирующее положение. На 1 января 1927 года в профсоюзах было 1.190.200 членов и кандидатов партии. Так как партия в целом насчитывала 1.212.505 человек, то в профсоюзах состояли, очевидно, почти все коммунисты, хотя только половина из них, а то и меньше, были на деле заняты физическим трудом. Общее количество членов профсоюзов на то же число составляло 10.000.000. Не все они, однако, были работниками физического труда, так как по нормам советского профсоюзного движения административные и инженерно-технические работники и служащие входят в тот же профсоюз, что и рабочие. Про-

цент коммунистов в профсоюзных органах был гораздо выше их относительного процента в профсоюзах в целом — 11,9%. Особенно это касается верхов профсоюзной иерархии. Пленум ВЦСПС, например, состоял на 100% из партийцев в 1924 году и на 99,6% в 1926 году; делегаты всесоюзных съездов были на 98,9% партийцами в 1924 году и на 87,1% в 1926 году. Местные профсоюзные Советы состояли на 90% из коммунистов; их председатели и секретари неизменно были коммунистами. На более низких уровнях, например, в фабзавкомах, процент коммунистов оценивался в 1926 году в 25, а расценочно-конфликтные комиссии состояли на 22,2% из партийцев[15].

Предельно централизованный контроль партии над профсоюзами, характерный для начала 20-х годов, хотя и вызывал значительное недовольство среди профсоюзников-партийцев, оставался в силе и в дальнейшем. Он совершенно логически вытекал из крайне централизованной структуры самой партии. Контроль над профсоюзами был неотъемлемой составной частью общей деятельности партии как единой руководящей силы. Это часто подчеркивали сами руководители профсоюзов, в том числе Томский. Профсоюзным органам строжайшим образом воспрещалось обходить органы партийные. Партийные инструкции 1923-24 годов предписывали, например, вышестоящим профсоюзным организациям направлять директивы подчиненным по партийным каналам ЦК и губкомов[16]. И это было действительно необходимо для полного включения профсоюзных парторганизаций в общую партийную сеть. ЦК партии и его Секретариат также вскоре закрепили за собой монопольное право на контроль как над выборами профсоюзных органов и особо ответственных работников, так и над переводом работников из одного профсоюза в другой или из профсоюзного в партийный аппарат. Контроль партии над профсо-

[15] См. Ст. Иванович, ук. соч., стр. 100 и 101.
[16] «Изв. ЦК», № 4 (62), апрель 1924, стр. 25.

юзами давал ей — или, точнее, ее Секретариату — мощное орудие власти над рабочими. Партия решала вопрос об исключении рабочих из профсоюзов, что приобрело к концу 20-х годов (ввиду растущей безработицы) характер санкции и имело весьма существенное значение, поскольку исключенный рабочий почти наверняка терял и свою работу. Факты исключения рабочих не только за нарушения производственной дисциплины явствуют из случаев, приводившихся в официальном профсоюзном органе. Причинами исключения были алкоголизм, опоздание на работу или хулиганство, а также «критика работы профсоюзного органа», соблюдение религиозных обрядов или тот факт, что жена рабочего занимается торговлей[17].

Функции профсоюзов в период НЭПа были изложены на XI съезде партии в 1922 году в резолюции, составленной Лениным. Резолюция констатировала, что, учитывая ограниченное восстановление частного предпринимательства, одной из самых главных задач профсоюзов является защита классовых интересов пролетариата и его борьба с капитализмом. На профсоюзы государственных предприятий, «безусловно», ложится обязанность «защищать интересы трудящихся, способствовать, по мере возможности, повышению материального уровня их быта» и постоянно выправлять ошибки хозяйственных органов, поскольку они вытекают из «бюрократических извращений госаппарата». В резолюции далее признавалось, что пока продолжают существовать как капитализм, так и эти извращения, классовая борьба в виде забастовок должна продолжаться. Однако, поскольку конечная цель забастовок состоит теперь не в свержении государственной власти, а в укреплении уже существующего пролетарского государства, стачки могут вызываться только «бюрократическими извращениями», пережитками капитализма и политической неразвитостью трудящихся масс. Поэтому задача профсоюзов — содействовать

[17] «Труд», 14, 17 и 18 ноября, 2 и 4 декабря 1925 г.

безболезненному улаживанию конфликтов «с максимальными выгодами для представляемых ими рабочих групп»; но если, несмотря на эти усилия, забастовка все же начинается, то профсоюзы должны содействовать скорейшей ликвидации конфликта и устранять его причины.

Съезд также указал, что профсоюзы не должны вмешиваться в управление предприятиями; их участие в государственном контроле над промышленностью строго ограничивается правом выдвигать своих кандидатов в хозяйственные органы и способствовать их выборам. Профсоюзы также призваны делать все возможное для установления наиболее тесных и добрых отношений с техниками, инженерами и другими специалистами, труд которых имеет решающее значение для развития промышленности. Последние два предписания вызывают в памяти конфликты, связанные с синдикалистскими тенденциями в профсоюзах. В свое время они были вызваны «Рабочей оппозицией», а также враждебностью по отношению к беспартийным специалистам, которая усилилась к началу 20-х годов и была причиной острого конфликта в партии. Наконец, в резолюции подчеркивалась необходимость для профсоюзов добиваться и сохранять доверие беспартийных масс трудящихся. При этом главным методом провозглашался метод убеждения, однако «как участники государственной власти профсоюзы не могут отказаться и от участия в принуждении»; их дело — защита интересов трудящихся масс, но, будучи строителями всего народного хозяйства в целом, «они не могут отказаться от нажима». Съезд предвидел, что указанные противоречия неизбежно породят конфликты и трения, но льстил себя надеждой, что трудности будут немедленно разрешаться компартией[18]. В другой резолюции съезд предлагал партийным организациям «обновить» руководящие профсоюзные органы, введя в них должное число квалифицированных коммунистов. Может быть, не лишен значения тот факт, что это предло-

[18] «КПСС в рез.», т. I, стр. 603-612.

жение, трудно совместимое с принципом выборности профсоюзных органов и провозглашенное на предыдущем съезде в 1921 году, не фигурировало в проекте Ленина[19] и было введено, по-видимому, в его отсутствие.

Линия, принятая на XI съезде, оказалась трудновыполнимой на практике. Прежде всего, коммунисты-профсоюзники не всегда соблюдали предписанную съездом сдержанную политику, запрещавшую вмешательство в управление предприятиями. Да это и не удивительно, особенно по отношению к беспартийным администраторам, если учесть общую тенденцию партии рассматривать себя как привилегированную касту в период, когда, будучи ничтожным меньшинством, она пыталась любыми средствами закрепить свою власть над страной. В период НЭПа ЦК неоднократно критиковал профсоюзные органы за вмешательство в управление предприятиями. Но наиболее трудно осуществимой оказалась двоякая роль союзов — как защитников интересов рабочих, с одной стороны, и как соучастников власти, строящей социализм, — с другой. Необходимость развития промышленности при недостатке нужного для этого капитала неизбежно тормозила рост заработной платы и вела к требованиям большей производительности. Руководители профсоюзов неоднократно попадали в трудное положение, будучи вынужденными принимать сторону администрации в качестве членов партии, в то время как их обязанности — и часто симпатии — в качестве профсоюзных работников побуждали их относиться с сочувствием к требованиям рабочих. Правда забастовки еще не были запрещены, но для коммуниста становилось невозможным — под угрозой исключения из партии — поддерживать их, хотя по некоторым данным многие коммунисты-профсоюзники тайно или открыто сочувствовали бастующим и пытались содействовать неофициальным стачкам. В октябре 1923 года секретарь московской пар-

[19] Там же, стр. 612 и 613; ленинский проект этой резолюции см. Ленин, т. 27, стр. 147-156.

тийной организации Угланов строго предупредил, что такое поведение повлечет за собой дисциплинарные меры, вплоть до исключения из партии[20].

Профсоюзным работникам так и не удалось выполнить решения XI съезда о завоевании доверия беспартийной рабочей массы. Для рядового рабочего — как это неоднократно официально подтверждалось — профсоюзы, партия и заводоуправление оставались «хозяевами», и эта точка зрения разделялась многими рядовыми профсоюзниками-партийцами. Более того, профсоюзные руководители, и особенно Томский, не скрывали того факта, что защита интересов администрации и требования повышения призводительности труда, поскольку они диктовались партийной линией, важнее для профсоюзов, чем защита прямых интересов рабочих. Тем не менее, многие профсоюзные деятели, в том числе и сам Томский, все еще пеклись о рабочих. Они верно служили партии, и это объяснялось двумя причинами: во-первых, они верили, что тем самым помогают строительству социализма в будущем, а во-вторых, наблюдалось постоянное, хотя и медленное повышение зарплаты и улучшение условий труда. Но это улучшение объяснялось скорее политикой партии и правительства, чем какими-либо усилиями профсоюзов, которые быстро превращались в мощное орудие власти партии над рабочими. Новое положение создалось после конца НЭПа, когда началась политика быстрой индустриализации, принесшая с собой и новые тяготы для рабочего класса.

Совершенно по-другому выглядел партийный контроль в деревне. Единоличное хозяйство было почти повсеместным явлением: совхозы и колхозы, вместе взятые, дали в 1927 году менее двух процентов общей зерновой продукции и обработали менее одного процента всей посевной площади. Поскольку утверждение, что зажиточные крестьяне, так называемые «кулаки», превращались в класс эксплуататоров, неоднократно

[20] «Правда», 4 октября 1925 г.

выдвигалось оппозицией и вскоре стало официальной точкой зрения, необходимо рассмотреть социальный состав крестьянства в 1927 году. Общеизвестно, что наиболее зажиточные крестьяне были ничтожным меньшинством. По официальным данным, пролетарии составляли 8,2% сельского населения, бедняки — 21,1%, середняки — 66,8% и «кулаки» — 3,9%. Эти категории никогда точно не определялись, но приблизительная оценка становится возможной, если взглянуть на размер и распределение хозяйств. Крупных хозяйств типа дореволюционных помещичьих имений больше не существовало. К середине 20-х годов хозяйства, превышавшие 10 гектаров, составляли две пятых всех земель, а хозяйства размером от 6 до 10 гектаров — около половины. Остаток — одна десятая — состоял из хозяйств размером меньше 6 гектаров[21]. Бедными считались крестьяне, чьи хозяйства не могли прокормить их семейств. Середняки — основной костяк сельского хозяйства — обладали кое-каким живым и мертвым инвентарем (скотом и техникой) и могли жить за счет своих хозяйств.

Термин «кулак» никогда точно не определялся хотя бы потому, что по политическим причинам было удобно не уточнять суть этой категории. Слово это толковалось по-разному отдельными группировками в партии. По традиции оно обозначало наиболее зажиточного крестьянина в общине, который, как ростовщик и кредитор по закладным, нередко держал в своих руках остальных членов общины. По советской терминологии до 1928 года наименование «кулак» обычно означало зажиточного крестьянина, обладавшего крупным двором, тягловым скотом, инвентарем и способного использовать наемный труд и арендовать землю у крестьян победнее. Но советский

[21] В Смоленской области в 1927 г. 5% классифицировались как «кулаки», 70% как середняки и 25% как бедняки, — Fainsod, ук. соч., стр. 328. См. также: Otto Schiller, *Die Kollektivbewegung in der Sowjetunion.* Ein Beistand zu den Gegenwartsfragen der russischen Landwirtschaft, Berlin, 1931, стр. 9 и 10; Maurice Dobb, *Soviet Economic Development since 1917*, London, 1948, стр. 209.

«кулак» уже не занимался ни ростовщичеством, ни выдачей закладных, а обрабатывал землю сам с членами своей семьи. Говоря проще, 3,9% «кулаков» были, как правило, самыми работящими и умелыми хозяевами. Их предприимчивость всячески поощрялась партией после 1922 года: были разрешены наемный труд и аренда земли (с 1923 года); крестьянам предлагалось «обогащаться» и тем самым укреплять экономику страны.

Мощь «кулаков» не заключалась ни в их численности, ни в их доле в общем производстве зерна. В 1927 году они давали лишь 13% всей зерновой продукции, в то время как на долю середняков и бедняков приходилось 85%. По данным, приведенным на XV съезде партии в 1927 году, около половины всех товаров, поступавших в деревню, распределялось кооперативами, которыми руководила партия, и почти две трети всей сельской продукции поступало на рынки тоже через кооперативы. Но во многих отношениях зажиточный крестьянин оставался решающим звеном сельского общества, и все попытки партии устранить его заканчивались неудачей. Традиционные сельские общины дожили вплоть до коллективизации 1929 года, причем без особых изменений, в той форме, которую они приняли после незавершенных столыпинских реформ[22], так или иначе затрагивая жизнь около трех четвертей всего крестьянства. Новые хозяйства складывались вокруг этих общин (теперь называвшихся «земельными обществами»), которые во многих районах оставались центрами сельской администрации в гораздо большей степени, чем Советы или кооперативы. Опять-таки по данным, оглашенным на XV съезде, в то время как 2.300 сельсоветов обладали общим бюджетом

[22] Даже в 1926-27 г. г. общинная форма землепользования охватывала 64,8% всей посевной площади Смоленской области — см. Merle Fainsod, ук. соч., стр. 46. О структуре и полномочиях «земельных объединений» см. И. И. Евтихиев, «Земельное право», Москва-Ленинград, 1923 г., стр. 127, 128, 108, а также статьи 42-64 Земельного устава 1922 г., в котором официально признавались эти традиционные формы сельскохозяйственных объединений.

приблизительно в 16 млн. руб., бюджеты земельных обществ и других неофициальных крестьянских объединений составляли 80, а по другим данным — даже 100 млн. руб. Вероятно, эти цифры были несколько завышены, точно так же, как часто в политических целях преувеличивалось влияние зажиточных крестьян. Но детальное обследование, проведенное в 1928 году Коммунистической Академией, дает возможность составить определенную картину действительного влияния «кулаков», хотя и здесь следует сделать поправку на политические мотивы, побуждавшие преувеличивать это влияние. Совершенно очевидно, что более зажиточные крестьяне в качестве традиционных вожаков деревенской жизни были естественными соперниками советской администрации, которую пыталась насадить партия. «Тайные собрания», упоминавшиеся в обследовании, оказываются при ближайшем рассмотрении просто праздными разговорами на сходках или на обратном пути с базара. Но это были как раз те разговоры, к которым середняки прислушивались гораздо внимательнее, чем к разглагольствованиям горожан, изображавших из себя секретарей сельских ячеек, и вряд ли разговоры эти были прокоммунистическими. Попытка привлечь крестьян к Советам привела к тому, что избирательных прав была лишена целая категория крестьян (которым приклеили ярлык «кулаки»), и их естественное недовольство находило свое выражение на этих сходках. Политическим движением это отнюдь не было. Но в партии, одержимой жаждой монополии власти, оставался страх перед возможностью всенародных крестьянских волнений[23].

Провал попыток коммунизма укорениться в деревне отразился также в росте религиозной активности. Согласно

[23] А. Ангаров, «Классовая борьба в советской деревне», Москва, 1929. Тема крестьянства накануне коллективизации тщательно разбирается в книге: Moshe Lewin, *La Paysannerie et le Pouvoir Soviétique, 1928-1930*, Paris – The Hague, 1966, гл. I-VIII.

тому же обследованию, в 1922-23 годах число организованных религиозных общин удвоилось. Одни только сектантские общины насчитывали около миллиона членов; в РСФСР было зарегистрировано свыше 11.000 групп верующих; в 1928 году возникло 560 новых православных общин. Влияние религии было особенно сильным на Украине, где число священников якобы удвоилось по сравнению с довоенным периодом; лица, так или иначе связанные с религией, составляли, по меньшей мере, 20% всего населения, а в некоторых районах и того больше.

Ко времени XV съезда партии в конце 1927 года были налицо совершенно явные признаки предстоящего изменения курса в промышленности и в сельском хозяйстве. Хотя это изменение преподносилось в весьма осторожной форме, оно явно означало отход от «правой» политики, которую партийное руководство до тех пор энергично ограждало от критиков «слева». Но главные поборники правых взглядов, вроде Бухарина и Рыкова, не проявляли ни малейшей тревоги, по крайней мере, внешне. Две причины делали, быть может, крутое изменение курса более общеприемлемым. Одна из них состояла в том, что левая оппозиция была теперь разгромлена, и поэтому принятие какой-то части ее платформы не грозило возвратом к власти политических соперников, которые потребовали бы значительной мзды за бесцеремонное обращение с ними в прошлом. Вторая причина — серьезное сокращении поставок хлеба на рынок, что угрожало городам нехваткой продовольствия. Это ощущалось уже в конце 1927 года. Валовая продукция зерна в 1926-27 годах была несколько выше уровня 1913 года. Но товарная часть хлебной продукции сократилась. В то время как до войны основная масса товарной продукции поступала от помещиков и «кулаков», теперь ее поставщиками были середняки и бедняки, а эти категории жили и питались лучше, чем раньше, оставляя, таким образом, меньше продуктов для рынка. В процентном отношении их общая продукция увеличилась на 62%, но количество товарной про-

дукции возросло только на 26,3%[24]. Эти сдвиги не означали того, о чем неоднократно предупреждали оппозиционеры, — что «кулачество»-де вот-вот начнет шантажировать советский строй. За растущими аппетитами середняков не таилось никаких политических мотивов. Тем не менее, грозившая городу нехватка продуктов, казалось, подтверждала доводы оппозиции в глазах всех тех, кто не анализировал положение с особой тщательностью.

Предложения, выдвинутые на XV съезде партии в декабре 1927 года, очень напоминали те, которые тщетно выдвигались оппозицией в предыдущие годы. Главное решение съезда состояло в директиве о разработке к следующему съезду пятилетнего плана развития народного хозяйства. Решение это, принятое ЦК в октябре 1927 года, делало главный упор на необходимость развития как тяжелой промышленности для увеличения производства средств производства, так и основных отраслей оборонной промышленности (здесь сказался и военный переполох, взбудораживший партию летом 1927 года). Директива исходила из того, что необходимый капитал поступит от крестьян. Но, как бы предвосхищая обвинение в принятии доводов оппозиции, директива настойчиво подчеркивала, что в то время как в 1924 или 1925 году политика перекачки капитала из деревни была бы делом опасным, теперь, когда смычка пролетариата и бедняцкого и среднего крестьянства стала реальностью, этот курс является правильным.

Решения съезда по сельскохозяйственной политике и объяснявшие их речи Сталина и Молотова предвещали коренное изменение установки по отношению к зажиточному крестьянству. Увеличивалось его налогообложение, сурово урезывалось право на аренду земли, а соперничеству земельных обществ с сельсоветами был положен конец. И главное — открывалась кампания по созданию сельскохозяйственных

[24] С. Н. Прокопович, «Народное хозяйство СССР», т. I, стр. 175 и 176.

производственных кооперативов. До тех пор кооперация использовалась, в основном, лишь для сбыта сельской продукции на рынке и для снабжения деревни товарами ширпотреба. В резолюциях подчеркивалось, однако, что середняка не будут силой загонять в кооперативы и что единоличное хозяйство останется основой земледелия «на продолжительное время». По словам Молотова на съезде, заставлять середняка входить в объединенные хозяйства могут только «враги рабочих и крестьян». Сталин тоже настаивал на укрупнении хозяйств не путем принуждения, а путем убеждения. И в самом деле, сельское хозяйство страны явно нуждалось в кооперации, хотя бы уже для того, чтобы возместить ущерб, причиненный рынку раздроблением крупных зерновых хозяйств. Более интенсивное выкачивание капитала из «кулачества» и ограничение его деятельности были мероприятиями социалистическими, против которых в принципе не могли возражать даже «правые», хотя именно их заверения и обещания побудили более работящего и зажиточного крестьянина накапливать то скромное достояние, которое теперь у него отнимали. Поэтому на первых порах между Сталиным и его «правыми» союзниками не возникло никаких расхождений.

19. КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ. ПАРТИЯ В СТРАНЕ И ЗА ГРАНИЦЕЙ

К 1927 году партия могла по праву утверждать, что она почти полностью держит в своих руках государственный аппарат и в значительной мере промышленность. Но она мало чего добилась в деревне и не установила еще систематического контроля над культурной жизнью страны. Напомню, что в партии было тогда очень мало людей с высшим образованием — менее 1%. В 20-е годы и в течение нескольких последующих лет она в значительной степени зависела от той беспартийной интеллигенции, которая была готова сотрудничать с властью. В партию входили некоторые писатели и ученые, но значительная часть русской интеллигенции отвергала большевистский строй, и многие ее представители эмигрировали, пока это еще было возможно, или примкнули к белым во время Гражданской войны. Однако немало было и таких людей, которые, не принимая коммунизма, все же лояльно сотрудничали с большевистским режимом. Побуждения их были различными. Патриотизм и желание участвовать в восстановлении разрушенной страны часто брали верх над политическими разногласиями. Многие, несомненно, надеялись, что эксцессы, претившие им в коммунистической власти, со временем исчезнут, когда власть станет более уверенной в себе и обретет более прочную основу. Исконная тяга русской интеллигенции к уходу в духовную жизнь и к отрешенности от государства также сыграла свою роль.

Позднее коммунисты часто поносили и даже истребляли интеллигенцию, которая сотрудничала с ними в ранние годы. Но это не меняло сути дела: пока такое сотрудничество продолжалось, оно было лояльным и безусловным.

Партия могла избрать один из двух курсов в своих отношениях с беспартийной интеллигенцией. Первый курс состоял в применении к культурной жизни характерной для НЭПа политики реального сотрудничества с беспартийными элементами, признававшей как общность, так и различия интересов. В конечном итоге эта политика имела целью переманить всю интеллигенцию на сторону коммунизма путем убедительной демонстрации его преимуществ. Ведь, по теории НЭПа, крестьяне должны были принять коммунизм, убедившись в том, что, как система, он отвечает их интересам. Такого мнения придерживалось правое крыло партии; оно поддерживало Сталина, так как было уверено, что и он разделяет эту точку зрения.

Второй курс состоял в следующем: довольствоваться беспартийными попутчиками, пока другого выхода нет, но при первой же возможности заменить их коммунистами и теми беспартийными, которые полностью принимали партийную дисциплину. Приблизительно к 1930 году стало ясно, что партия пойдет по второму пути.

В 20-е годы проводилась интенсивная политика обучения партийных кадров[1]. К 1927-28 годам существовало около 40.000 партийных школ, кружков и всякого рода курсов, а общее число слушателей превышало 750.000. Школы обучали не только действительных, но и потенциальных членов партии; только 62,2% всех слушателей этих учреждений в 1927-28 годах состояли уже в партии. Развитие партийного обучения

[1] В освещении партийного обучения, работы коммунистических университетов и Коммунистической Академии я широко пользовался диссертацией моего бывшего ученика доктора Зева Каца «Советские партийные школы» (Лондонский университет).

в 20-е годы привело к созданию резерва коммунистов с каким-то образовательным уровнем, причем некоторые из них, пройдя через начальные партийные школы, поступали в вузы. Партийное обучение вскоре перешло в руки Секретариата; оно стало ценным средством подготовки надежных кадров с антитроцкистской ориентацией. Хотя обучение в партийных школах, естественно, сосредоточивалось на таких дисциплинах, как «ленинизм» и история партии, общая подготовка, которую получали там слушатели, в известной мере компенсировала недостаточное образование у многих членов партии.

Проблема высшего образования решалась двумя путями. Так как укомплектовать высшие учебные заведения профессорами-коммунистами было невозможно, партия довольствовалась тем, что направляла туда отдельных преподавателей-коммунистов или же осуществляла контроль через вузовские партийные ячейки. Это не было простым паллиативом. В качестве перспективной меры в 20-е годы были созданы «коммунистические университеты», имевшие целью воспитание будущего поколения университетских преподавателей и замену буржуазного высшего образования коммунистическим. Важным шагом в этом направлении было основание в 1921 году Института красной профессуры, специализировавшегося на общественных науках. После поражения «левых» теоретиков в 20-е годы Институт, естественно, превратился в твердыню правого крыла; многие из его сотрудников разделяли взгляды Бухарина. Другие «коммунистические университеты» были задуманы скорее как школы для обучения ответственных партийных теоретиков и практиков. К 1924 году существовало 10 таких университетов с более чем 6.000 слушателей, а к 1928 году их было уже 19 с 8.400 слушателей. Кроме того, партия строго следила за назначениями всех коммунистов, получавших высшее образование в обычных университетах. В этих целях Секретариат образовал в 1926 году комитет, в котором были представлены все заинтересованные отделы и учреждения.

Аналогичная политика применялась и к Академии наук (так переименовали Императорскую Академию наук). Была учреждена параллельная организация, известная сначала под названием Социалистической, а затем Коммунистической Академии, которая стала центром интеллектуальной деятельности партии. Будучи официальным учреждением, подчиненным ЦИК, Коммунистическая Академия, тем не менее, до 1927-28 годов все же стояла в стороне от внутрипартийных раздоров. В ее президиум, избранный в январе 1927 году, входили, например, Преображенский, Рязанов, Бухарин, а труды Пятакова по экономической теории публиковались Академией еще в 1926 году, хотя его взгляды уже тогда считались весьма еретическими. Деятельность Комакадемии в тот период определяет собой «золотой век» марксистской мысли в СССР. Под эгидой Академии появился ряд интереснейших работ, в которых ведущие теоретики партии с разных точек зрения пытались развивать принципы марксизма применительно к русским условиям. Однако мало кто из них удержался в Академии после установления там более строгого режима в конце НЭПа.

Таким образом, хотя проблема партийного руководства в академической сфере оставалась нерешенной, характер предстоящего решения уже намечался. Но в области литературы партия натолкнулась на значительные трудности, связанные с конфликтом между ее стремлением к контролю над творческой деятельностью и мощной естественной тягой писателя-творца к свободе. Вмешательство партии в область литературы никак не могло быть увязано с существующей марксистской теорией. Маркс и Энгельс придерживались традиционных взглядов на литературу и искусство и не вводили их в свою систему. Вкусы Ленина в литературе были также традиционными, и в частных беседах он не скрывал своей неприязни к новым экспериментальным течениям в литературе, возникшим после революции, считая, что писатели должны быть доступны массам. Единственное выступление Ленина в печати на эту тему было позднее

объявлено непререкаемо авторитетным для оправдания абсолютного партийного контроля над литературой и легло в основу коммунистической теории о «руководстве» искусством. Это была статья, написанная в 1905 году, в которой Ленин настаивал, что литературная деятельность должна быть партийной; судя по контексту, это относилось только к «литературе» в узком смысле партийно-политических сочинений[2]. Правда, в 1920 году Ленин резко выступил против группировки Пролеткульта, претендовавшего на роль авангарда нового, подлинно пролетарского искусства и литературы, которые служили бы единению и сплочению сил пролетариата как класса. Пролеткульт, однако, считал, что как движение он должен быть свободным от партийного контроля, а Ленин требовал его подчинения общему контролю Наркомпроса[3]. Но это единственное вмешательство Ленина легко объясняется тем, что вдохновителем и главой Пролеткульта был старый оппонент Ленина – Богданов, чьи взгляды он не терпел.

За исключением этого случая, в течение ряда лет различные соперничавшие друг с другом группы партийных и беспартийных литераторов продолжали полемику, и, как правило, без всякого вмешательства со стороны партии, если не считать цензуры ОГПУ. Очень немногие ведущие писатели примкнули к новому строю; большинство же эмигрировало, а некоторые, как например Н. Гумилев, активно боролись против большевиков и поплатились за это жизнью. Алек-

[2] Статья «Партийная организация и партийная литература» написана в ноябре 1905 г. Она была вызвана следующим практическим соображением: в результате революционных событий того года партия могла открыто выступать в печати в России и поэтому сотрудничала с частными издательствами. В одном месте Ленин специально пишет, что имеет в виду только партийную, а не творческую «литературу». Есть, однако, и другие места, которые могут толковаться так, что и художественная литература должна быть подчинена партийным целям. См. В. И. Ленин, т. 8, стр. 386-390.

[3] Ленин, т. 25, стр. 409, 419, 637.

сандр Блок, выдающийся поэт России того времени, стоял за большевистскую революцию, к великому возмущению своих друзей, но очень скоро разочаровался и умер в 1921 году в душевных муках и полном отчаянии. Самые талантливые из оставшихся в России писателей образовали группу, известную под именем попутчиков; они представляли в литературе слой, подобный бывшим царским офицерам в Красной Армии или беспартийным специалистам на государственных заводах. Попутчики принимали новый строй и даже необходимость цензуры для пресечения деятельности враждебно настроенных писателей, но отстаивали свободу своего творчества. Они подвергались постоянным нападкам со стороны крайних левых группировок писателей, претендовавших на создание новых форм «пролетарского» искусства, которое придет-де на смену буржуазному искусству и станет орудием в классовой борьбе; но политический энтузиазм этих левых групп, как правило, превышал их таланты.

Некоторое время партия придерживалась нейтралитета в этой борьбе, хотя, начиная с 1923 года, работники Агитпропа стали проявлять большой интерес к деятельности литературных группировок, регистрируя писателей, просматривая литературные журналы и подчиняя издательства строгому контролю. Однако в годы НЭПа небольшие частные издательства кое-как существовали, а русские писатели еще могли печататься в эмигрантских изданиях. Но в 1925 году ЦК вмешался в литературные склоки резолюцией от 18 июня. Резолюция, составленная, по слухам, Бухариным, воплощала установку «правого» крыла. Принимая сторону левых пролетарских писателей, она, вместе с тем, подчеркивала, что их требование вытеснить всех других из литературной жизни преждевременно, а их методы нежелательны. Задача левых группировок, говорилось в резолюции, состоит-де в перетягивании попутчиков на свою сторону путем убеждения, примера и более тесного сотрудничества. Хотя резолюция подчеркивала, что литература должна стремиться к тому, чтобы

быть понятной массам, она настаивала и на необходимости свободного соревнования различных стилей[4].

Свобода, провозглашенная этой резолюцией, оказалась, однако, кратковременной. Поражение оппозиции и конец НЭПа предвещали совсем иной подход партии к литературе. Впрочем, даже в период относительной свободы партия всегда могда помешать печататься тому или иному писателю. Один из талантливейших ранних советских писателей Е. Замятин, который затем эмигрировал, писал в 1931 году в письме на имя Сталина, что фактически он не мог печататься. А не печатали его из-за статьи, появившейся в 1920 году, где он жаловался на травлю инакомыслящих, убивающую всякое творчество[5].

Таким образом, в области народного образования и литературы, так же как и в сельском хозяйстве, партия, пусть неохотно, но терпела неугодные ей формы деятельности. Она была уверена, что со временем путем убеждения и примера привлечет на свою сторону тех, кто пока еще не принимал полностью ее мировоззрения.

Иной была позиция по отношению к социальной структуре общества, где прямое вмешательство путем законодательства и административных мер представлялось более легким и эффективным. Примером такого вмешательства могут служить попытки на ранних стадиях революции сломить семью как основу социальной структуры общества. Это движение было, вероятно, обязано не столько Ленину, взгляды которого на брак, так же как и на литературу, были традиционными, сколько левым фанатикам, типичным представителем которых была Александра Коллонтай. Советское семейное право, воплощенное в кодексах о браке и семье 1918 и 1926 годов, было прямо направлено на разрушение

[4] Перепечатана в «Изв. ЦК», № 25-26 (100-101), 13 июля 1925 г.
[5] Е. Замятин, «Лица», Нью-Йорк, 1955, стр. 277-282.

семьи как общественной ячейки. И брак и развод были низведены до простой регистрации, не проводилось никакой разницы между законными и незаконными детьми, а после 1926 года — и между зарегистрированными и незарегистрированными браками; права и обязанности обоих супругов были уравнены, а за их родней закон не признавал никаких прав.

Наступление же против Церкви и религии было всегда основным принципом ленинского курса. Знаменитое изречение Маркса «Религия — опиум для народа» не означало в первоначальном контексте, что после революции «опиум» этот должен быть у народа насильно отобран; оно означало лишь, что общественные условия улучшатся до такой степени, что люди перестанут нуждаться в «опиуме». Но воинствующий материализм Ленина шел гораздо дальше. Еще в 1905 году он подчеркивал необходимость для партии бороться против религиозного мракобесия, а причина, по которой атеизм не включался как обязательный тезис в партийную программу, была, как объяснял Ленин, только в том, что это оттолкнуло бы от партии многих возможных последователей[6]. В течение месяцев, предшествовавших захвату власти, ленинцы не вели никаких нападок на религию. Даже после прихода к власти партия, отлично понимавшая, что религиозные обычаи глубоко укоренились в жизни народа, предпочитала сама антирелигиозной деятельности не вести, предоставляя это дело ВЧК и «любительским» группам коммунистов-энтузиастов. Законодательство ограничивалось конфискацией церковной собственности, преследованием священников, запретом преподавания закона Божия лицам, не достигшим 18 лет, и отказом в юридическом признании церковных браков. Конституция 1918 года признавала свободу как религиозной, так и антирелигиозной пропаганды, но на практике церковь была с самого начала поставлена в невыгодное положение, поскольку в конечном счете право ре-

[6] Ленин, т. 8, стр. 419-423.

шать, что́ представляет собой «религиозную», а что́ — «контрреволюционную пропаганду», было за ВЧК.

Несмотря на свои преимущества, партия в ее наступлении на религию в годы НЭПа достигла весьма немногого. Она могла отдавать священников под суд и проповедовать атеизм, но коммунисты очень скоро поняли, что преследо̀вания только благоприятствуют религии. К 1923 году потерпели неудачу две попытки сломить влияние Церкви: показательный процесс с осуждением пятидесяти четырех высших духовных сановников православной и католической Церкви и одновременная попытка сколотить новую, покорную власти так называемую «Живую Церковь», которая должна была отвлечь верующих от Церкви православной. Надо было применять новые методы. Важным новым шагом того периода было образование в 1925 году Союза воинствующих безбожников. Союз, руководимый Агитпропом, пользовался большей поддержкой партийного аппарата, чем населения, которому предлагалось в него вступать; к 1928 году общее количество членов СВБ составляло всего 123.000 человек[7]. Его пропаганда была грубой и кощунственной и скорее отталкивала, чем привлекала людей. Другие административные меры касались, в частности, запрета куличей, сырной пасхи и елочных украшений. Может быть, именно из-за провала этой антирелигиозной кампании партия пошла на компромисс с Церковью. 19 августа 1927 года последний местоблюститель патриаршего престола, который еще был на свободе (все его предшественники, один за другим, заточались в тюрьмы), после переговоров с правительством объявил от имени деятелей Церкви их «искреннюю готовность быть полностью законопослушными гражданами» и стоять в стороне от всех политических партий, стремящихся причинить

[7] Подробности см. в книге N. S. Timasheff, *Religion in Soviet Russia, 1917-1942*, London, 1943, гл. ii. О провале Лиги безбожников в Смоленской области в период НЭПа см. также: Merle Fainsod, *Smolensk under Soviet Rule*, стр. 432-434.

вред Советскому Союзу[8]. Если Церковь и бросала таким образом тень на свою репутацию, как бы признавая, что до тех пор она поддерживала контрреволюцию, то одновременно она лишала правительство всякого оправдания антицерковных мероприятий. Компромиссу этому не суждено было, однако, длиться долго — он просуществовал лишь до 1928 года.

* * *

Напомню, что политика по отношению к нацменьшинствам была сформулирована на XII съезде партии в 1923 году, когда Сталину удалось заручиться согласием партии на контроль более централизованный, чем предполагал Ленин. Оппозиция политике Сталина со стороны некоторых национал-коммунистов, главным образом, украинцев и грузин, осторожно поддерживалась правым крылом партии, особенно Бухариным, но была без особого труда разгромлена. А вскоре после съезда Сталин принял ряд мер для закрепления разгрома национальной оппозиции. Некоторых из выступавших против него на съезде услали подальше. Так, например, один из украинских руководителей, Раковский, стал первым советским послом в Англии.

Но наибольший шум в партии вызвало дело Султан-Галиева, вождя татарских коммунистов и одно время верного подручного Сталина. Разочаровавшись в диктатуре пролетариата, но оставаясь убежденным коммунистом, Султан-Галиев выступал за «установление диктатуры колоний и полуколоний» над индустриальными метрополиями и за учреждение Колониального Интернационала. Он также требовал восстановления бывшей автономной мусульманской компартии, распущенной ЦК в 1918 году. Сталин, очевидно, ре-

[8] Matthew Spinka, *The Church in Soviet Russia*, New York, 1956, гл. ii. Другую, более новую литературу по религии в Советском Союзе см. в Приложении I.

шил расправиться с Султан-Галиевым в назидание другим. С помощью ГПУ он раздобыл компрометирующие «данные» и, вооруженный ими, уговорил членов Политбюро дать согласие на арест татарского руководителя. Зиновьев и Каменев позднее признали, что они дали свое согласие, хотя и неохотно, а из других членов Политбюро, насколько известно, никто не воспротивился этой мере. Поскольку Султан-Галиев все еще был членом партии, а к тому же и одним из руководящих партийцев, дело это стало опасным прецедентом для будущей роли ГПУ при внутрипартийных раздорах.

В июне 1923 года была созвана специальная партийная конференция для обсуждения дела. Сталин предъявил теперь «доказательства» измены Султан-Галиева, якобы связанного с антисоветскими националистическими движениями, и утверждал, что Султан-Галиев во всем сознался (само собой разумеется, сам Султан-Галиев на конференции не присутствовал и не получил возможности оправдаться). Хотя не всех участников конференции убедили эти доводы, Сталин добился большинства, и Султан-Галиева исключили из партии, а затем арестовали[9]. Затем он был, по-видимому, освобожден, так как в конце 1929 года его вновь арестовали, после чего он исчез совсем. Его дело явилось предупреждением другим потенциальным националистам: от пропаганды автономии национальных партий до измены — один шаг. И предупреждение это возымело действие. Во время НЭПа было мало явных признаков национализма среди коммунистических руководителей нерусского происхождения. Грузинское восстание в 1924 году было, конечно, открыто антикоммунистическим.

Были и другие причины для сталинского выступления против Султан-Галиева. Одна из них: улучшение механизма центрального аппарата партии, который мог теперь беспре-

[9] См. A. Benningsen, *Sultan-Galiev, l'URSS et la révolution coloniale*, журнал *Esprit*, апрель 1957, Париж, стр. 641-659. Речь Сталина в 1923 г. см. в его Сочинениях, т. 5, стр. 301-312.

пятственно перемещать любых потенциальных бунтарей и назначать надежных эмиссаров из Москвы для руководства местными партиями в национальных областях; Кагановича, например, назначили на пост первого секретаря ЦК КП Украины. Другая причина: относительная терпимость и расхлябанность центрального правительственного аппарата во время НЭПа — отчасти, быть может, потому, что Председателем Совнаркома был Рыков.

В те годы делались значительные усилия, чтобы придать ведущим партийным работникам нерусских окраин «более национальный» характер, но без особого успеха. Это доказывается данными о национальном составе делегатов на съездах партии. В мае 1924 года, например, на XIII съезде, русские составляли 60,8% всех делегатов, а евреи 11,3%. Тюрко-татарские же народы, которые в то время составляли почти 11% населения страны, были представлены только 1% всех делегатов. Украинцев на съезде было 4,7%, но, согласно данным переписи 1926 года, они составляли свыше 21% всего населения, а русские — чуть меньше 53%. На XV съезде в декабре 1927 года тюрко-татарская группа делегатов увеличилась только до 1,6%, а украинцы — до 9,8%, в то время как некоторые другие национальные делегации даже несколько сократились по сравнению с 1924 годом. Русские делегаты составляли 62%. Данные о партии в целом в 1927 году показывают, что национальные меньшинства были представлены в партии очень неадекватно по сравнению с их общей численностью. Так, украинцы все еще составляли менее 12% по сравнению с 65% русских. Мусульманские народы также были представлены очень слабо. Татар, например, при 2% населения было в партии 1,37%, узбеков при 2,65% населения 1,19%. Грузины же, белоруссы и армяне были представлены в точном соотношении с их общей численностью или даже немного выше[10].

[10] Данные о национальной принадлежности делегатов съездов находятся в протоколах соответствующих съездов. Данные 1927 г. основаны на пар-

Кое-какие успехи были все же достигнуты в деле обучения коммунистов — представителей нацменьшинств. С начала 20-х годов существовал ряд университетов и институтов, в которых как русских, так и национальных коммунистов готовили для работы в местных партийных аппаратах. Таким образом создавались кадры партийцев различных национальностей, основательно ассимилированных, обученных ленинизму и дисциплинированных, которые должны были использоваться для усиления все еще очень тонкой прослойки коммунистов в местных партийных аппаратах. Но, пока необходимых руководителей там не было, московские вожди вели себя очень осторожно, шли на уступки национальному самосознанию и культурным традициям, чтобы не отпугивать старшее поколение местных коммунистов, от услуг которых они еще зависели. Таким образом им удалось обеспечить себе лояльное сотрудничество многих местных коммунистов, которые в 30-е годы погибли как оппозиционеры.

* * *

История отношений СССР с другими странами и их компартиями на каждом этапе переплеталась с уже описанными внутренними событиями. Критика внешней политики партии — после того, как взяли верх Сталин и его сторонники —

тийной переписи этого года — см. «Социальный и национальный состав ВКП(б). Итоги всесоюзной партийной переписи 1927 года». Москва, 1928. Избыточное представительство некоторых национальностей за счет других иллюстрируется данными о национальном составе органов государственного аппарата, приведенными Орджоникидзе на XV съезде в 1927 г. В Москве и Ленинграде служащие государственных учреждений были, как и следовало ожидать, главным образом русские и евреи. В республиках Средней Азии русские (от двух третей до трех четвертей) преобладали над местными жителями. В Грузии же русские были ничтожным меньшинством. Но на Украине русские и евреи занимали по одной пятой, а в столице — по одной трети всех постов — «XV съезд», стр. 399-401.

стала обычным оружием оппозиции, причем обе стороны, естественно, перебарщивали. Оппозиция утверждала, что Сталин и «правое крыло» предают дело мировой революции; угроза «термидора» в России, говорили они, замедляет темп содействия мировой революции. В свою очередь Сталин, прикрываясь именем Ленина, проявлял большую изобретательность, апеллируя к ленинскому авторитету для оправдания тактических шагов, которых Ленин при всем желании предвидеть никак не мог. Но даже с поправкой на все эти преувеличения неизменным остается факт отступления от политики мировой революции еще при Ленине — из тактически первоочередной задачи она превращалась в конечную стратегическую цель. Происходило это не столько из-за какого-либо изменения теории, сколько ввиду фактического признания, что надежды на новые революции становятся тщетными и что наиболее практический шаг к осуществлению дальнейших революций — укрепление коммунистического строя в Советской России. Ведь именно этим доводом Ленин оправдывал Брестский мир. Задолго до того как Сталин начал играть вообще какую-то роль во внешнеполитических решениях, было признано, что при определенной конъюнктуре любая советская дипломатическая победа, одержанная даже за счет той или иной иностранной компартии, выгодна как для России, так и для конечной мировой революции. Союз с Турцией, пошедший во вред турецким коммунистам, является одним из таких примеров. Подчинение китайских коммунистов Гоминдану — другой пример. Кстати, соглашение 1923 года между Советской Россией и Сун Ят-сеном было подписано Иоффе, верным долголетним другом Троцкого, и нет никаких указаний на то, что Троцкий, который позднее обличал последствия этого соглашения, возражал против него в 1923 году.

Разумеется, Сталин использовал ситуацию в Коминтерне для борьбы со своими соперниками, особенно с Троцким и Зиновьевым, которые до середины 20-х годов играли там ведущую роль. Борьба с Троцким давала Сталину удобный

предлог для устранения левых иностранных коммунистов, открыто симпатизировавших Троцкому, из Коминтерна и из их собственных партий. Но не следует преувеличивать этой стороны дела, рассматривая ее с точки зрения разгромленных оппозиционеров. Так или иначе, после окончания Гражданской войны советские руководители вели два параллельных и, казалось бы, несовместимых друг с другом курса. Первый курс состоял в раздувании мировой революции при посредстве Коминтерна, а второй — в налаживании нормальными дипломатическими методами торговых связей и союзов с капиталистическими странами. Может быть, несовместимость этих курсов была скорее кажущейся, чем реальной. Ни Сталин, ни люди, ответственные за внешнюю политику в 20-е годы, не верили, что капиталистические державы могут быть столь слепы, чтобы не раскусить советскую двойную игру. Вряд ли они ожидали, что капиталисты окажутся столь наивными, чтобы верить заявлениям Советского Союза, будто он не раздувает никаких революций, или его заверениям, что революционная деятельность не связана с официальной советской политикой, а является делом частных лиц, которое демократическая советская власть не имеет якобы права пресекать. Советское руководство считало, что имеются объективные причины, побуждающие капиталистические страны, независимо от их симпатий, идти на установление дипломатических отношений и заключение союзов с СССР, и даже союзов, более благоприятных для СССР, чем для другой стороны. Одна из причин заключалась в стремлении наладить торговлю с Советским Союзом, другая — в соперничестве между капиталистическими странами, которое, по мнению коммунистов, несмотря на временную стабилизацию, подспудно продолжалось. Третьей причиной была та поддержка, которую коммунисты надеялись получить от трудящихся капиталистических стран и колониальных и полуколониальных территорий, настроенных антиимпериалистически.

Коммунистические вожди сознавали еще одно свое преи-

мущество. Страны, с которыми они главным образом имели дело во время НЭПа, — Англия, Франция, Германия и США, были демократическими государствами со свободной многопартийной системой. Поэтому можно было использовать оппозиционные политические партии против партии, стоявшей у власти. В этой сложной и тонкой политической игре Коминтерн, естественно, имел большое значение. Но такую политику, конечно же, нельзя было выносить на обсуждение партий, входивших в Коминтерн. Залогом успеха здесь был беспощадный нажим сверху. Хотя бы по одной этой причине, помимо врожденной склонности советской компартии к гегемонии, становилось особенно необходимым безоговорочное подчинение иностранных компартий жесткой дисциплине и диктату ВКП(б). Эти основные принципы внешней политики во время НЭПа лучше всего обнаруживаются на примерах Германии, Англии и Китая. Политика по отношению к Германии состояла, главным образом, в закреплении преимуществ, достигнутых в 1922 году в Рапалло. Германия была изгоем и кипела возмущением против мира, навязанного ей в Версале. А Советская Россия по тайным соглашениям давала Германии возможность перевооружиться в нарушение Версальского договора. Такое положение вещей держало Германию на привязи у СССР. Когда немецкая экономика встала на ноги, открылись также и новые возможности для торговли. Даже после принятия Германии в Лигу Наций в октябре 1925 года Советский Союз, не доверявший Лиге и бойкотировавший ее, все еще удерживал свое дипломатическое преимущество по отношению к Германии. 24 апреля 1926 года СССР заключил с Германией договор о нейтралитете и ненападении, который сделал невозможным привлечение Германии к какой-либо насильственной акции Лиги в рамках ее устава.

Таким образом, Советская Россия, казалось, должна быть заинтересована в устойчивости Германии, а не в каких-либо революционных потрясениях внутри этой страны. Тем не менее, соблазнившись растущим возмущением немцев ок-

купацией Рурской области французскими и бельгийскими войсками, Коминтерн способствовал коммунистическому восстанию в Германии в октябре 1923 года. Восстание это, как и следовало ожидать, полностью провалилось. Троцкий и Зиновьев целиком стояли за эту авантюру. Сталин частным образом рекомендовал осторожность и открыто в этом деле не участвовал. Когда после провала последовали упреки, Сталин, не скомпрометированный катастрофой, оказался человеком, выигравшим больше всех других на этом деле. Козлом отпущения стал Радек, хотя он так же, как и Сталин, рекомендовал осторожность[11]. Это дало возможность Сталину убрать с политической арены страны человека, который во внутренних вопросах поддерживал Троцкого. Радеку объявили выговор и низвели до должности ректора одного из коммунистических университетов для нацменьшинств, а на XIII съезде партии в мае 1924 года вывели из ЦК. Что касается советской политики, то главный результат германской авантюры заключался в том, что Сталин убедился в правоте своего тезиса: левые авантюры менее выгодны, чем более тонкая, перспективная политика коммунистической экспансии. Другим результатом явилось изменение курса Коминтерна — от прямого раздувания революций к тактике единого фронта: проникновение в массовые организации трудящихся в «буржуазно-демократических» странах и их использование, как это рекомендовал еще в 1920 году Ленин.

В своих дипломатических сношениях с внешним миром Советский Союз вступал теперь в эру, которая сначала называлась «передышкой» в период временной стабилизации капитализма, а годом позже, в 1925 году, ее окрестили «длительным периодом мирного сосуществования между СССР и капиталистическими странами»[12]. Разработка этой конце-

[11] Детальный отчет о провале в Германии дан в книге: E. H. Carr, *A History of Soviet Russia: the Interregnum, 1923-1924*, London, 1954, гл. IX.

[12] «КПСС в рез.», т. 2, стр. 194 и 195.

ции внешней политики была тесно связана с тезисом о «построении социализма в одной стране», выдвинутым Сталиным в ходе его полемики с Троцким. И Сталин и Бухарин, проповедовавший эту новую заповедь в Коминтерне, особо подчеркивали, что «построение социализма в отдельно взятой стране» в течение периода «мирного сосуществования» не означает отказа Советской России от ее главной цели — раздувания мировой революции. Но акценты в формулах Сталина и Бухарина часто размещались по-разному. Сталин обычно увязывал потенциальные революции в других странах с тем, что было, по его мнению, их первичной функцией — с укреплением коммунистического строя в СССР. Бухарин же рассматривал растущую силу СССР как «мощный рычаг международной пролетарской революции»[13].

В течение некоторого времени дипломатические успехи в отношениях с Англией, казалось, доказывали правильность нового курса. В январе 1924 года в Англии пришло к власти первое лейбористское правительство, которое вскоре признало Советский Союз *de jure*. Примеру Англии последовали Италия и многие другие страны, за исключением США. Сталин приписывал этот дипломатический успех прежде всего растущей популярности Советского Союза среди трудящихся масс капиталистических стран. Открывались, казалось бы, широкие возможности для развития торговли с Англией. Начались переговоры по урегулированию английских претензий к СССР — в качестве основы для предоставления английских займов Советской России. Но в октябре 1924 года лейбористское правительство пало. Советские руководители, уверенные в поддержке, которой, по их мнению, они поль-

[13] Ср., напр., речь Сталина на XV партконференции (И. В. Сталин, т. 7, стр. 246-266) с отчетом Бухарина на VII расширенном пленуме ИККИ в ноябре-декабре 1926 г., приведенным в выдержках из книги: X. J. Eudin and Harold H. Fisher, *Soviet Russia and the West 1920-1927*, A Documentary Study, Stanford, 1957, стр. 336 и 337.

зовались среди трудящихся Англии, зашли слишком далеко. В разгар избирательной кампании в английской печати было опубликовано письмо, содержавшее инструкции по подрывной деятельности и будто бы подписанное председателем Коминтерна Зиновьевым. Независимо от вопроса о подлинности этого документа, — а советские руководители энергично отрицали его аутентичность, — письмо мало чем отличалось от того, что говорил Зиновьев в Коминтерне за последние месяцы[14].

Победа консерваторов на выборах в Англии вскоре привела к ухудшению англо-советских отношений. Но советские руководители, продолжая выражать презрение к вождям английской лейбористской партии, усиливали политику, направленную на завоевание поддержки организованного рабочего движения в Англии. С английским профсоюзным движением были установлены дружеские контакты, а в 1925 году был образован Объединенный англо-русский профсоюзный комитет. В мае следующего года ВКП(б) открыто поддержала всеобщую забастовку, вспыхнувшую в Англии, вплоть до предложения фондов от имени советских профсоюзов, находившихся под контролем партии.

Тем временем консервативное правительство в Англии постепенно сводило на нет политику своих предшественников. Переговоры, начатые лейбористским правительством, были прерваны; неоднократно выражались протесты против подрывной деятельности Советского Союза как в самой Англии, так и на территории Британской империи. В мае 1927 года полицейский налет на помещение советского торгпредства в Лондоне будто бы дал доказательства развернутого шпионажа и подрывной деятельности в Англии, проводившихся при помощи торгпредства; дипломатические отношения были прерваны, а торгпредству предложили покинуть Лондон.

[14] Eudin and Fisher, ук. соч., стр. 301-307.

Но не все еще было потеряно. Коммерческие отношения продолжались, и советские руководители с удовлетворением принимали к сведению, что поведение консервативного правительства энергично критикуется лейбористской оппозицией. Тем не менее, разрыв отношений с Англией вызвал в Советском Союзе страх перед войной — понятный, если учесть другие события того времени. С Францией возник конфликт из-за деятельности французских коммунистов в стране; в марте Италия ратифицировала многостороннюю конвенцию 1920 года, подтверждавшую отделение Бессарабии от России — акт, который РСФСР не признавала; в Польше, в июне, как раз когда шли переговоры о возможном заключении пакта о ненападении, был убит советский посол. Приблизительно в то же время Британский совет тред-юнионов распустил Англо-русский профсоюзный комитет. Мы уже упоминали о том, как страх перед войной воздействовал на внутреннюю экономическую политику и как его использовали Сталин и оппозиция. Другой аспект — выход Советского Союза на арену международных споров о разоружении — освещается в одной из последующих глав.

Оппозиция ожесточенно критиковала «правых» за установление связей с английским рабочим и профсоюзным движением, клеймя это как измену незапятнанному революционному идеалу. Но трезвая правда, с советской точки зрения, состояла в том, что политика СССР по отношению к Англии грешила скорее излишней революционностью. Гораздо более веские причины были у оппозиции для критики курса по отношению к Китаю, где неизменно поощрялся союз между китайскими коммунистами и некоммунистическим Гоминданом. Правда, союз с «буржуазно-националистическим» движением за освобождение народов в полуколониальных странах рекомендовался как Лениным, так и II конгрессом Коминтерна в июле 1920 года. Но Коминтерн в то время подчеркивал, что коммунистические партии должны сохранять свое лицо и придавать «крестьянскому движению максимально революционный характер, по мере возможности организуя

в Советы крестьян и все эксплуатируемые элементы». Такую политику, по мнению оппозиции, следовало проводить в Китае. Однако «правые» отказывались принять эту линию, возлагая надежды на победу под крылом Гоминдана, которую они считали более перспективной. Удалась бы политика прямого восстания или нет, — вопрос иной, но союз с Гоминданом потерпел явную и сокрушительную неудачу. Хотя Китай стоял на грани восстания, многие вожди Гоминдана вовсе не желали экспроприации помещичьих земель по русскому образцу, и этот несуразный союз держался только благодаря подавлению коммунистических попыток вызвать крестьянский бунт. Теоретически, пользуясь излюбленной аналогией, заимствованной из русского опыта, гоминдановцы стали «кадетами», но, в противоположность последним, они, как объяснял Бухарин, играли «объективно революционную роль», и поэтому коммунистам следовало их поддерживать.

Однако китайские коммунисты, как и постоянно поучавшие их русские единомышленники, могли лишь пассивно следовать буржуазной программе в надежде на победу социализма в отдаленном будущем. Коммунисты в Китае, как в свое время и большевики в России, толковали свою помощь Гоминдану на особый лад. В июне 1927 года секретная телеграмма Москвы китайским коммунистам, настаивавшая на прямом выступлении против руководства Гоминдана в целях его обновления, укрепления и «немедленной ликвидации зависимости от ненадежных генералов», попала в руки Гоминдана. Коммунистов тотчас же изгнали из Гоминдана, а затем последовали многочисленные аресты. Так как китайские «кадеты» стали теперь «контрреволюционерами», прямое выступление против них считалось уже правомерным. Поэтому в сентябре вспыхнули два коммунистических восстания — в Сватоу и в Хэнани, но оба были подавлены. Китайский провал был тем более конфузным для Сталина, что он произошел на последнем этапе его конфликта с оппозицией. Все то, что оппозиция предсказывала, по-видимому, претворялось в жизнь в Китае. Но показательно: кон-

троль Сталина над партийным аппаратом значил куда больше, чем любые вопросы теории. В результате китайского провала позиции Сталина почти не пошатнулись.

Последующие события показали, насколько болезненно воспринимал Сталин критику своей политики со стороны оппозиции. Даже после того как оппозиция была окончательно разгромлена, в Китае, — по-видимому, по личной инициативе Сталина, — было организовано новое восстание. Двум посланцам Коминтерна — немцу Гейнцу Нейману и грузину Бесо Ломинадзе удалось 11 декабря 1927 года поднять восстание в Кантоне; но через три дня и эта вспышка была подавлена. В феврале 1928 года Исполнительный Комитет Коминтерна возложил, как и полагалось, частичную ответственность за неудачу на Неймана. Но несмотря на энергичные попытки Сталина и Коминтерна доказать, что их политика в Китае была теоретически неизменно правильной, катастрофический упадок влияния Москвы на революционное движение в Китае остается непреложным фактом[15].

В своем последнем выступлении против Сталина как руководителя партии на объединенном пленуме ЦК и ЦКК в октябре 1927 года Троцкий (кстати, этот пленум в конце концов вывел его из состава ЦК) особо подчеркивал предательское поведение Сталина по отношению к международному революционному движению. Однако на деле события предшествующих лет показали только одно: лево-революционные авантюры себя не оправдали. Наоборот, терпеливое укрепление Советского Союза, переговоры о расширении торговли с капиталистическим миром, дипломатия, имевшая

[15] Сводку сложных событий в Китае с 1925 по 1927 г. и подборку документов см. в книге: X. J. Eudin and Robert C. North, *Soviet Russia and the East, 1920-1927*, Stanford, 1957, стр. 288-310 и 347-396. Об отношениях Неймана со Сталиным см. мемуары его вдовы Margarete Buber-Neumann, *Von Potsdam nach Moskau,* Stationen eines Irrweges, Stuttgart, 1957, стр. 174-194.

своей целью предотвратить угрозу войны СССР и использовавшая противоречия между отдельными державами, а главное — привлечение к Советскому Союзу симпатий населения внешнего мира путем пропаганды, — все это обещало гораздо больше в смысле конечного торжества той «мировой революции», о которой говорил Троцкий. Он издевался над Сталиным за то, что буржуазная печать, начиная с «Нью-Йорк Таймс», восхваляет сталинскую «государственную мудрость» при подавлении левых поборников «мировой революции»[16]. Но Троцкий не отдавал себе отчета в том, что заблуждения западного мира, его готовность поверить, будто подавление левого крыла означает отказ от конечной революционной цели, играли на руку Сталину.

[16] Leon Trotsky, *The Real Situation in Russia.* Translated by Max Eastman, London, без даты, стр. 169.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ТРЕТЬЯ РЕВОЛЮЦИЯ

20. ПОРАЖЕНИЕ БУХАРИНА

Даже самый прозорливый наблюдатель на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 года не пришел бы к заключению, что Советский Союз стоит накануне новой социальной революции, которая ввергнет страну в состояние фактической гражданской войны. Правда, резолюции, принятые съездом, предвещали более решительные меры по ограничению влияния «кулаков» — во всяком случае, по сравнению с последними годами — и подчеркивали необходимость развития промышленности, в особенности тяжелой. Налоги ложились теперь более тяжким бременем на зажиточных крестьян, практика аренды земли ограничивалась, а соперничеству земельных обществ с местными Советами по линии сельской администрации был положен конец[1]. Но никто на съезде не предлагал ни покончить с НЭПом, ни отказаться от его основного принципа — сохранения союза между пролетариатом и крестьянством. Ведь именно на этом союзе настаивал Ленин в своих последних работах, называя его единственной надеждой коммунистического строя. Никто и не намекал на метод левых теоретиков — «перекачать» ресурсы из деревни

[1] «КПСС в рез.», т. 2, стр. 470-488.

для «первоначального социалистического накопления». Более того, в одной из резолюций съезда подчеркивалось, что единственно правильным источником капитала служат сбережения процветающего крестьянства[2].

Имеющиеся у нас данные не позволяют заключить, когда именно Сталин решил любой ценой провести в кратчайший срок коллективизацию сельского хозяйства и быстрыми темпами развить промышленность на основе капитала, выкачанного из деревни. Однако, судя по характеру политических маневров Сталина в 1928 году, он, вероятно, принял решение еще до XV съезда, но сделал все, чтобы до поры до времени держать его в секрете. Решение наверняка было принято вне Политбюро; дело в том, что поддержка этого органа, на которую мог рассчитывать Сталин в своей борьбе против левой оппозиции, была обусловлена признанием НЭПа со всеми вытекающими отсюда последствиями как для сельскохозяйственной, так и для промышленной политики. Из девяти членов нового Политбюро, избранного после XV съезда, по крайней мере трое — Бухарин, Томский и Рыков не одобрили бы курса, который отвергал бы НЭП. Поддержка еще одного члена Политбюро — Калинина была под сомнением. Не мог Сталин, как прежде, положиться и на безоговорочную поддержку рядовых членов партии, не мог применить свою обычную тактику апелляции к ЦК или к его собственному «парламенту» — объединенному пленуму ЦК и ЦКК. Конечно, власть Секретариата оставалась неущемленной. Сталин сколачивал группу своих приверженцев, следуя определенной тактике: осмотрительность, благосостояние, последовательность — в противовес экстремистам из левой оппозиции — сторонникам более решительных, более рискованных и революционных мер как в стране, так и за рубежом. Круто изменить эту тактику и при этом сохранить достаточную поддержку снизу для ней-

[2] Там же, стр. 456.

трализации неминуемого сопротивления в Политбюро — такая задача требовала недюжинного политического мастерства.

К концу 1927 года сокращение хлебопоставок в города приняло угрожающие размеры, и во второй половине декабря ЦК разослал две директивы партийным работникам, требуя энергичных мер в области хлебозаготовок. По-видимому, директивы эти не возымели должного действия, так как в начале января 1928 года ЦК пригрозил партийным руководителям дисциплинарными взысканиями, если они не добьются решительного перелома в хлебозаготовках[3]. В феврале была проведена широкая чистка местных партийных организаций[4]. Много лет подряд местных партийцев обвиняли в троцкистском уклоне, если они прижимали зажиточных крестьян. Трудно после этого упрекать руководителей на местах за то, что они медленно переключались на новый курс и, как выразился Сталин, «не понимали основ нашей классовой политики в деревне»[5]. Однако чрезвычайные меры по борьбе с внезапным кризисом сами по себе еще не предвещали крутого поворота генеральной линии. Слухи, будто после разгрома левой оппозиции произойдет полная отмена НЭПа, с возмущением опровергались. Правда, в феврале 1928 года на заседании ИККИ стало ясно, что на предстоящем конгрессе Коминтерна курс будет изменен: политике сотрудничества с некоммунистическими партиями, за которую Сталин в течение долгого времени подвергался ожесточенным нападкам слева, теперь, очевидно, подходил конец[6]. Но каких-либо явных признаков разрыва между Сталиным и его тогдашними союзниками на внутреннем фронте еще не отмечалось. Объединенный пленум ЦК и ЦКК, заседавший с 6 по 11 апреля 1928 года, принял свои резолюции еди-

[3] Сталин, т. 11, стр. 1-9, 11.
[4] Там же, стр. 235; «Правда», 18 апреля 1928 г.
[5] Сталин, т. 12, стр. 13.
[6] «10 лет Коминтерна в решениях и цифрах», Москва, 1929, стр. 271-280.

ногласно. Раздраженно опровергая «злостные слухи», будто НЭПу приходит конец, партийные руководители договорились о ряде жестких мер для выжимания хлеба из деревни.

Пленум также рассмотрел другой важнейший вопрос. Месяцем раньше ОГПУ объявило, что раскрыт контрреволюционный заговор беспартийных специалистов, работавших в городе Шахты, в Донбассе, Вскоре последовали процесс и осуждение обвиняемых. Зазвучали призывы к повышенной бдительности по отношению к буржуазной технической интеллигенции и к более энергичной подготовке новых кадров красных специалистов[7]. Десятилетний союз между партией и беспартийными специалистами, которые помогли ей выстоять, подходил к концу.

Непосредственно после этого пленума, на заседании ВЦИК, Сталин раскрыл свои карты и, по-видимому, впервые дал понять своим союзникам, что предстоит нечто гораздо более радикальное, чем временные меры против строптивых крестьян. В последнюю минуту, без всякого предупреждения, был внесен проект нового закона о земле. Он предлагал лишить крестьян их неограниченного права вечного пользования землей, обрабатываемой ими самими, и предоставлял это право только тем крестьянам, которые вступят в существующие или новые колхозы. Таким образом, те, кого избирательные комиссии внесли в весьма расплывчатую категорию «кулаков», фактически лишались всяких прав на землю. Проект сразу же натолкнулся на оппозицию и был снят якобы для его дальнейшего широкого обсуждения[8]. Но он отразил важную особенность будущей политики — быструю коллективизацию сельского хозяйства. Другой его аспект — головокружительные темпы индустриализации — обнаружился спустя месяц, в мае 1928 года.

[7] «КПСС в рез.», т. 2, стр. 492-510.
[8] «Известия», 25 апреля 1928 г.

Согласно директивам XV съезда партии, экономисты Госплана работали над общим планом развития промышленности. Они исходили из предпосылки, до тех под определявшей всю партийную политику, что развитие промышленности должно ограничиваться темпами накопления капитала в результате растущего благосостояния сельского хозяйства. Но к маю штаб-квартира экономического управления, то есть возглавлявшийся Куйбышевым ВСНХ, вышла на арену планирования и ошеломила хозяйственников из Госплана предложением увеличить объем промышленности на 130% в течение пяти лет. Вскоре обнаружилось, что обе организации исходили из совершенно различных предпосылок. То, что Госплану представлялось экономически невозможным, для ВСНХ было крепостью, которую надо взять штурмом, достижением, которого должны добиться большевики, не знающие преград, и т. д. Мировоззрение плановиков из ВСНХ было ясно выражено в статье одного из ведущих экономистов сталинской эпохи еще в 1927 году. Там были лозунги, ставшие впоследствии хорошо известными по речам самого Сталина: «Наша задача не изучать экономику, а менять ее. Мы не связаны никакими законами. Нет таких крепостей, которых не могут взять большевики. Вопрос темпов — дело решения людей»[9]. В конце мая Сталин выступил с новым призывом к партии: «Единственный выход состоит в коллективизации сельского хозяйства и в быстром развитии тяжелой промышленности; иначе остается только самоубийство»[10]. О коллективизации как о перспективной цели на добровольной основе больше уже не говорилось.

[9] Статья С. Г. Струмилина в журнале «Плановое хозяйство», № 7, 1927, стр. 11; прения при обсуждении плана см. M. Dobb, *Soviet Economic Development since 1917*, London, 1948, гл. X. Струмилин, будучи экономистом Госплана, поддерживал точку зрения ВСНХ. См, также основополагающий труд, разбирающий весь период 1928-52 г.г.: Naum Jasny, *Soviet Industrialization, 1928-1952*, Chicago, 1961.

[10] Сталин, т. 11, стр. 87, 93.

Поскольку, за неимением какого-либо другого источника, капитал для промышленной экспансии на задуманном уровне мог быть получен только в результате насильственного его изъятия у крестьян, традиционно-правые теоретики, вроде Бухарина и Рыкова, казалось бы, должны были понять, что предстоит поворот на 180°. Но они не предприняли никаких открытых мер для предотвращения этого плана. Их колебания понятны. Любые иллюзии, будто призыв к широким партийным массам выступить против курса, намеченного Генеральным секретарем, имеет какие-то шансы на успех, были развеяны катастрофическим поражением Троцкого несколькими месяцами раньше. Вероятно, правые считали, что единственный шанс нанести поражение Сталину и его сторонникам — это голосование в Политбюро и в ЦК.

Острые вопросы снова были поставлены на обсуждение на пленуме ЦК с 4 по 12 июля 1928 года. Опубликованный в печати официальный отчет, излагавший резолюцию о положении на продовольственном фронте, намекал на то, что по существующим разногласиям достигнут компромисс. Резолюция подчеркивала, что индивидуальное мелкое и среднее крестьянское хозяйство останется «значительное время» базой производства зерна в стране, хотя добровольные производственные объединения следует поощрять. Отменялись «чрезвычайные меры», предписанные ЦК в декабре 1927 года и носившие, как указывалось, только временный характер; осуждались вызванные этими мерами «административный произвол» и «нарушения революционной законности». НЭП лишний раз объявлялся (и это подкреплялось соответствующей цитатой из Ленина) единственной основой строительства социализма, и все разговоры об его отмене клеймились как «контрреволюционная болтовня»[11]. Но речи Сталина на этом пленуме, опубликованные только через несколько лет, показали, что спор шел ожесточенный и что

[11] «КПСС в рез.», т. 2, стр. 511-517.

Сталин настаивал на совершенно иной политике. Он сказал на пленуме достаточно откровенно, что для индустриализации следует собрать временную «дань» с крестьян для получения капитала, необходимого для ускорения темпа развития промышленности. Это – «дело неприятное», но большевики не имеют права закрывать на него глаза. Поскольку у Советского Союза нет колоний и не имеется возможностей грабить более слабые страны (даже если бы такие возможности и были, он бы не воспользовался ими), то другого выхода нет. Суть НЭПа состоит в следующем: политика эта — не отступление от социализма, а «своеобразное выражение и орудие диктатуры пролетариата», и она влечет за собой все большее обострение классовой борьбы против капиталистических элементов. Сталин настаивал на необходимости «постепенной» коллективизации, но многозначительно опустил обычную оговорку, что процесс этот должен быть добровольным[12]. Щедрые цитаты из Ленина едва ли могли скрыть тот факт, что предлагавшийся ныне Сталиным курс был гораздо ближе к взглядам Преображенского, чем к взглядам Ленина и Бухарина.

Мы знаем из другого источника, что как пленум ЦК, так и предшествовавшее ему заседание Политбюро были отмечены открытыми столкновениями между Сталиным, с одной стороны, и Бухариным, Рыковым и Томским — с другой. Незадолго до окончания пленума ЦК, 11 июля, Бухарин неожиданно навестил Каменева и взволнованно рассказал ему о создавшемся положении. Очевидно, Бухарин боялся, что Сталин попытается теперь восстановить союз с Зиновьевым и Каменевым, недавно опять допущенными в партию, и надеялся переманить их на свою сторону, предлагая им «более высокую цену» за поддержку. Каменев сохранил запись этого разговора; она находится теперь в архиве Троцкого. Позднее эта запись была напечатана нелегально сторонни-

[12] Сталин, т. 11, стр. 157-187.

ками Троцкого в Москве[13]. Курс Сталина, говорил в бешенстве Бухарин, ведет к гибели революции. Сталин — беспринципный интриган, меняющий свои теории в зависимости от того, от кого он хочет избавиться. Теперь он делает уступки, но только для того, чтобы погубить Рыкова, Томского и Бухарина. Политика его ведет к террору, гражданской войне, кровопролитию и голоду.

Нарисованная Бухариным картина поддержки, на которую могло рассчитывать правое крыло, была мало обнадеживающей. По заверению Бухарина, заместитель главы ОГПУ Ягода был на их стороне, так же как первоначально Калинин и Ворошилов, которые в последний момент переметнулись на другую сторону; по-видимому, как говорил Бухарин, это произошло потому, что Сталин их каким-то образом шантажировал. Орджоникидзе сначала тоже поносил Сталина, а кончилось тем, что он голосовал за него. ЦК в целом, очевидно, не отдает себе отчета в нависшей опасности. Секретарь московской организации Угланов полностью согласен с оппозицией, но Сталин уже готовится заменить его Кагановичем. Согласно Бухарину, оппозиция собирается держаться спокойно, выступать в печати, открывая глаза партии на грозящую ей серьезную опасность.

По-видимому, на Каменева не произвели большого впечатления шансы Бухарина в борьбе со Сталиным, раз уж он решил «спокойно ждать сигналов из другого лагеря». Неосторожный, азартный шаг Бухарина в значительной степени способствовал его поражению, так как последующее обнародование его высказываний (если о них еще не знало ОГПУ) снабдило Сталина ценным орудием.

Может быть, именно наличие сильной антисталинской оппозиции во влиятельной московской организации побу-

[13] Эта нелегальная листовка (один экземпляр ее был предоставлен мне Б. И. Николаевским) датирована 20 января 1929 г. Отчет о беседе был напечатан также в «Социалистическом вестнике», № 6, 22 марта 1929 г. и № 9, 4 мая 1929 г.

дило Сталина воздержаться пока что от открытого разрыва с Бухариным. Публично распри не подтверждались; наоборот, слухи о расколе в руководстве партии старательно отрицались. Делалось все для того, чтобы не выносить сора из избы на глазах у иностранных коммунистов — в период сразу же после потрясений, вызванных конфликтом с Троцким. VI конгресс Коминтерна должен был вот-вот собраться в Москве; он заседал с 17 июля по 1 сентября 1928 года. Среди делегатов упорно ходили слухи о разногласиях между руководителями советской компартии. Слухи эти были официально опровергнуты в послании Коминтерну, подписанном всеми членами Политбюро, в том числе Бухариным[14]. Сам Сталин в беседе с ведущими делегатами также намеренно отрицал наличие конфликта[15]. Но в то же время среди иностранных делегатов шла подспудная кампания с целью дискредитации Бухарина, тогда еще главного советского представителя на конгрессе[16]. Кроме того, престиж Бухарина был в известной мере демонстративно подорван: несколько поправок к подготовленному им проекту главной резолюции были приняты по настоянию советской делегации, в которую входил Сталин, — явный намек на то, что его авторитет не следовало больше считать непогрешимым[17].

ВКП(б) совершила теперь один из крутых поворотов курса, характерных для ее руководства Коминтерном. Повороты эти показывают, насколько Коминтерн использовался в качестве арены для внутрисоветских раздоров. Пра-

[14] «КПСС в рез. т. 2, стр. 557.

[15] На встрече с главными делегатами более крупных партий, напр., с Лоустоном и Фостером от КП Америки. (Сообщено мне в личном порядке другим американским делегатом, Бертрамом Д. Вульфом.).

[16] Benjamin Gitlow, *I Confess: The Truth about American Communism,* New York, 1940, стр. 507.

[17] La Correspondance Internationale, *VI Congrès de l'Internationale Communiste, 17 juillet – 1er septembre 1928,* Compte-rendu sténographique, стр. 1661-1663.

вая политика союзов с некоммунистическими партиями, которая навлекла на Сталина уничтожающий огонь со стороны Троцкого в случаях с Китаем и Англией, выбрасывалась теперь как ненужный балласт. Более умеренные элементы в зарубежных компартиях, которые сделали свое дело в качестве подручных Сталина в его кампании против Троцкого, превратились теперь в главных врагов, и вскоре с ними стали связывать имя Бухарина. Резолюции конгресса говорили о начале нового революционного подъема. Главными врагами коммунистов становились теперь правые реформисты в рядах компартий, а также социал-демократы и, в особенности, «левые» социал-демократы, которые утверждали, что стоят за единство с коммунистами, а на деле предавали их и были «опаснейшими врагами коммунизма и диктатуры пролетариата»[18]. Главные усилия должны быть теперь направлены против них и против правого крыла различных компартий. Бухарин лояльно выполнил поручение, которому в душе не сочувствовал, как он признавался в частном порядке. По его мнению, наиболее выгодным курсом для коммунистов был союз с социалистическими партиями против растущей опасности фашизма[19].

Связь этой новой тактики в Коминтерне с советскими внутренними делами стала явной, когда 18 сентября 1928 года «Правда», говоря об итогах конгресса, сделала вывод, что борьба против правых «прокулацких» элементов столь же важна внутри Советского Союза, как и за его пределами. Тем временем завеса, скрывавшая бурные споры в партийном руководстве, была отчасти приподнята Углановым — секретарем московской парторганизации и союзником Бухарина. По-видимому, вопреки совету и желанию Бухарина,

[18] Там же, стр. 1700-1710.

[19] Из частного письма Бухарина правому швейцарскому коммунисту Гумберт-Дроцу, приведенного в книге: Robert Vincent Daniels, *The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia,* Cambridge, Mass., 1960, стр. 335 и 336.

он раскрыл карты на пленуме МК и МГК. Пленум, проходивший с 11 по 15 сентября 1928 года, продемонстрировал, что правые взгляды пользовались значительной поддержкой среди московских коммунистов. Столичные партийцы не повели прямой атаки на сталинскую политику, но тон их речей, в особенности речи самого Угланова, не оставлял сомнений в том, кому они сочувствовали. Используя фразеологию 1927 года, Угланов подчеркивал опасность троцкизма и цитировал резолюции XV съезда в качестве прочной основы курса партии[20].

30 сентября сам Бухарин выносит спор на поверхность, опубликовав статью в «Правде», главным редактором которой он все еще номинально числился. Статья эта, перепечатанная в виде брошюры, называется «Заметки экономиста»; она представляет собой единственное сохранившееся полное изложение взглядов правой оппозиции против Сталина. Бухарин начинает с обзора достижений последних трех лет — «реконструктивного периода», утверждая, что за это время достигнуты реальные успехи. Промышленность быстро растет. В частности, сельскохозяйственное машиностроение втрое превысило довоенный уровень и уже начало технически преобразовывать деревню. Обобществленный сектор сельского хозяйства также развивается — основной капитал государственно-кооперативного сектора вырос на 14%. Доля средств, идущих на новое промышленное строительство, отражает быстрый темп индустриализации: с 12% в 1925-26 годах она поднялась до 23%. Но развитие индустриализации зависит от мощи крестьянского рынка. Пример Америки показывает, что зажиточные фермеры, не отягощенные абсолютной рентой, могут создать огромный внутренний рынок для промышленности. Ошибка троцкистов состоит в том, что их план максимальной перекачки капитала из крестьянского хозяйства в индустрию вернул бы страну к

[20] «Правда», 13 и 21 сентября 1928 г.

дореволюционному положению, к эксплуатации крестьян государством, тогда как в настоящее время надо развивать хозяйство по американскому образцу.

Переходя затем к кризису, вызванному недостатком хлебопоставок, Бухарин отрицает, что причиной кризиса явился сознательный отказ поставлять продукцию на рынок: теперь и малому ребенку ясно, что побасенки о сотнях миллионов пудов зерна, которые будто бы держат в закромах кулаки, просто россказни, и никто больше им не верит. Подлинная причина состоит в измельчении крестьянского хозяйства. «Сопровождающие его явления» — рост добавочных доходов крестьян от неземледельческого труда, недостаточное снабжение деревни промтоварами, недостаточное повышение налоговых ставок на кулацкое хозяйство и, как результат, возросшее влияние кулачества. Выход — в ограничении кулацкого сектора, в развитии кооперации и в правильной политике цен. Планирование необходимо для индустриализации. Но гиперцентрализованное планирование уничтожило бы самое себя в системе экономики, при которой сельское хозяйство все еще подчинено частному рынку и закону спроса и предложения. В то же время планирование чрезмерного роста промышленности, не принимающее в расчет ресурсов и не идущее в ногу с развитием сельского хозяйства, от которого эти ресурсы зависят, превратилось бы в «паразита» сельского хозяйства вместо средства его преобразования. Индустриализация должна идти максимально быстрым темпом, но таким, который можно будет выдержать. Самыми важными факторами для этого являются поднятие производительности труда и снижение себестоимости в целях увеличения капитала для новых вложений.

Сталин расправился сначала со второстепенными инакомыслящими. Куйбышев, его главный подручный по установлению высоких наметок индустриализации, сразу же предупредил, что партия должна принять все «имеющиеся в ее распоряжении меры» для пресечения «пессимизма и неуве-

ренности». 11 октября трое из главных подчиненных Угланова были сняты с должностей; среди них некто Рютин, о котором речь пойдет ниже. Сам Угланов пока был оставлен на своем посту. Неделей позже Сталин, выступая на пленуме МК и МКК, заговорил о правой опасности в ВКП(б), но в то же время настойчиво отрицал, что в Политбюро существуют какие-либо разногласия по вопросу о политическом курсе[21].

Тем временем, несмотря на эти заверения, распри в Политбюро достигли предельной остроты. Сталин явно решил проводить свой новый курс. Опубликованная 3 октября повестка дня предстоявшей сессии ЦИК включала новое законодательство о земле, которое натолкнулось на оппозицию на предыдущей сессии, а 4 ноября в «Правде» появилась новая директива ВСНХ, повышавшая первоначально предложенные промышленные нормы, и без того уже достаточно высокие.

Бухарин и Томский решили теперь перейти к действиям. Как мы знаем из дальнейших бесед, состоявшихся в начале 1929 года между Бухариным и Каменевым и опубликованных за границей троцкистами[22], Бухарин и Томский, все еще озабоченные сохранением видимости единства, предприняли попытку в Политбюро сменить руководство путем устранения главных сторонников Сталина. Сталин, желая выиграть время, согласился с выдвинутыми требованиями, но пальцем не пошевелил для их осуществления. Когда Бухарин, Рыков и Томский пригрозили отставкой, он, видимо, сумел «замазать» раскол, согласившись на ряд компромиссных резолюций на пленуме ЦК, заседавшем с 16 по 24 ноября 1928 года[23]. Как впоследствии признал Бухарин, к некоторому удивлению Каменева, обличение правого

[21] Сталин, т. 11, стр. 222-238.
[22] «Бюллетень оппозиции», № 1-2, июль, 1929, стр. 15.
[23] «КПСС в рез.», т. 2, стр. 525-540.

уклона в партии (пока еще анонимного) в этих резолюциях было составлено им самим. В своей речи на пленуме ЦК, опубликованной тогда в печати, Сталин вновь опроверг слухи о раздорах в Политбюро и даже назвал бухаринские «Заметки экономиста» «закономерной, хотя и отвлеченной постановкой вопроса»[24]. Он сосредоточил огонь на второстепенном критике, Фрумкине, взгляды которого очень походили на взгляды Бухарина.

В своей заботе о единстве партии правые руководители лишили себя каких-либо шансов сплотить партию против Сталина. Несмотря на их потенциальную силу в Политбюро, у них не хватило решимости пойти на крутые антисталинские меры. Как и неоднократно в прошлом, страх перед свержением непопулярного коммунистического режима действовал как мощный тормоз против любого хода, который мог бы потрясти основы власти. Вооруженный заверениями в солидарности, на которые пошли правые лидеры, Сталин мог теперь клеймить как «фракционность» любое открытое выражение несогласия с его курсом. Что же до рядовых партийцев, то, ошеломленные предательством своих вождей, они стали легкой добычей аппарата. Но трое руководителей не могли уже больше оставаться безнаказанными. Слабовольный Рыков был наименее опасным из них. Бухарин, оппонент более внушительный, хотя бы в силу своей репутации теоретика, подорвал свои позиции дважды — компромиссом со Сталиным и переговорами с Каменевым (факты, оглашенные троцкистами, быть может, с целью ударить по Бухарину). Но особенно важной мишенью, с точки зрения Сталина, был руководитель профсоюзов Томский. Во время НЭПа его руководство профсоюзами, хотя и бескомпромиссное по линии партийной дисциплины, по крайней мере, служило интересам рабочих, обеспечивая рост их жизненного уровня. Однако намеченный теперь форсированный темп индустриа-

[24] Сталин, т. 11, стр. 245-290 (особенно стр. 260).

лизации, естественно, повлек бы за собой снижение этого уровня; поэтому требовался новый тип профсоюзной дисциплины, на который Томский вряд ли пошел бы.

Своей речью на пленуме ЦК в ноябре 1928 года Сталин заложил теоретические основы того, что вскоре стало общепринятой генеральной линией. Он утверждал, что победу социализма нельзя обеспечить, не «догнав и перегнав» передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении. Невозможно отстоять страну, не имея достаточной индустриальной базы для обороны. Оба эти соображения диктуют быстрый темп развития промышленности. Кроме того, без этого развития невозможно построить передовое сельское хозяйство, так как оно зависит от механизации. С большим мастерством, хотя и с передержками, он карикатурно обрисовал и правых и левых. Если правые говорят: «Не тронь кулака, дай ему свободно развиваться» (чего Бухарин не утверждал), то левые призывают: «Бей не только кулака, но и середняка!» Если правые говорят: «Наступили трудности, не пора ли спасовать?», то левые бахвалятся: «Что нам трудности? Чихать нам на ваши трудности — летим вовсю вперед!» Так Сталин следовал освященному традицией методу, делая вид, будто он избегает отклонения в ту или иную сторону от единственно правильного среднего курса, в то же время производя поворот принятой до тех пор политики на 180°.

Подготовка нового курса шла шаг за шагом. 27 ноября 1928 года был выведен из московской организации Угланов, хотя он полностью признал все свои ошибки; была также проведена новая чистка подчиненных организаций. На сессии ЦИК в первой половине декабря был принят новый земельный закон, отменявший последние гарантии единоличного землепользования. VIII съезд ВЦСПС, собравшийся в конце декабря, одобрил завышенные контрольные цифры по индустриализации, предложенные Куйбышевым. Хотя конфликт с Томским на поверхность не вышел, почва для его устранения была должным образом подготовлена. Резолю-

ция, принятая съездом, подчеркивала необходимость профсоюзной демократии. Критика не должна зажиматься, а «обюрократившихся» руководителей, независимо от их положения, следует отзывать. Любая оппозиция демократии в союзах должна искореняться, «где бы она ни проявлялась»[25]. Эта «хартия вольности» послужила впоследствии предлогом для устранения Томского, который, конечно, свободы в союзах не насаждал. Однако новые хозяева профсоюзов начали править рабочими с такой суровостью, какая Томскому и не снилась. Примечательно, что в новоизбранный президиум ВЦСПС вошло пять видных сталинцев; среди них — Каганович, за которым к этому времени прочно укрепилась репутация «специалиста по борьбе с авариями» в партии, и еще один доверенный Сталина — даже не участник пленума[26]. Томский попытался было подать в отставку, но ее не приняли[27]. По-видимому, он не принимал больше никакого участия в профсоюзной работе и шесть месяцев спустя был снят со своего поста.

Бухарин сделал последнюю попытку предостеречь партию против того, что он считал гибельным курсом. В годовщину смерти Ленина, 21 января 1929 года, он произнес пространную речь, которая затем была опубликована в «Правде» и отдельной брошюрой под взрывоопасным заглавием «Политическое завещание Ленина». Это был мужественный поступок, так как к тому времени Бухарин уже находился под слежкой ОГПУ, его связь с Каменевым была известна, а его положение как редактора «Правды» — подорвано назначением шпионившего за ним заместителя. В брошюре Бухарин анализировал взгляды Ленина в самые последние годы жизни на основе его последних пяти статей. Многим читателям бухаринская брошюра, естественно, напоминала другое «За-

[25] «Правда», 29 декабря 1928 г.

[26] Акулов, впоследствии видный работник ОГПУ; см. «Правду» от 25 декабря 1928 г.

[27] См. его речь на XVI съезде партии, «XVI съезд», стр. 144.

вещание», которое, конечно, открыто обсуждаться не могло. (Резолюция XV съезда, предлагавшая, чтобы оно было напечатано в качестве приложения к стенограмме, осталась без внимания)[28]. Не называя Сталина по имени, Бухарин приводил цитату из ленинской статьи «О кооперации», диаметрально противоположную тому, на чем последнее время настаивал Сталин: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм... Раньше мы... центр тяжести клали на политическую борьбу... Теперь же центр тяжести... переносится на *мирную, организационную культурную работу*» (курсив Бухарина). Он добавлял от себя: это означает, что «третьей революции» быть не должно[29]. Сталин же в речи на пленуме МК и МКК 19 октября 1928 года подчеркивал, что суть НЭПа состоит именно в обострении классовой борьбы. Открытое столкновение стало неминуемым.

По-видимому, дело дошло до точки кипения в феврале 1929 года, когда ЦКК потребовала, чтобы правые руководители отчитались в своем проступке — установлении связи с Каменевым. Все трое заявили в Политбюро протест, содержание которого известно только по цитатам, приводившимся их противниками. Они жаловались на единоличные решения и на подмену коллективного руководства единоличным. Согласно Сталину, они также требовали снижения темпа развития промышленности, свертывания строительства совхозов и колхозов, восстановления полной свободы частной торговли и отмены чрезвычайных мер в отношении кулачества, которые ведут к «военно-феодальной эксплуатации крестьянства». В выражениях, очень близких к высказываниям всех предыдущих оппозиционных течений в партии, они также указы-

[28] Текст «Завещания» был напечатан в бюллетенях XV съезда и роздан делегатам, но не перепечатан в опубликованной позднее стенограмме.

[29] Н. И. Бухарин, «Политическое завещание Ленина», 2-е изд., Москва, 1929, стр. 9 и 10. Место, приведенное из Ленина, см. в его Сочинениях, т. 27, стр. 396 и 397.

вали на «насаждение бюрократизма» и на политику разложения Коминтерна. Вряд ли это (в свете взглядов, выраженных Бухариным в «Заметках экономиста») точное изложение того, что действительно говорилось в Политбюро. Но формулировки эти дали возможность Сталину изобразить Бухарина и его сторонников защитниками ненавистных, презренных «кулаков» и поэтому очень близкими к антимарксистам и даже к контрреволюционерам. Политбюро при содействии президиума ЦКК рассмотрело поведение правых и осудило их взгляды и действия. Правым вменялось в вину то, что они установили закулисную связь с Каменевым (для вида декларируя свое согласие с курсом ЦК) и подали в отставку, образовав при этом отдельную фракцию, что было уже смертным грехом.

Этот обвинительный акт был должным образом одобрен ЦК в апреле 1929 года, когда против Бухарина и его группы Сталин разразился пространнейшей тирадой (опубликованной лишь много лет спустя)[30]. Желчной критике подвергались теперь взгляды, которые Бухарин высказывал еще в 1925 году в брошюре, озаглавленной «Путь к социализму». Эта брошюра, написанная, в основном, в ответ теориям «левых», рекомендовала постепенное привлечение к социализму (или «врастание» в него) необобществленного сектора народного и в особенности сельского хозяйства путем демонстрации больших преимуществ социализма. Эта, можно сказать, классическая теория лежала, по существу, в основе НЭПа и логически вытекала из последних сочинений Ленина. Она также являлась официальной теорией партии в течение всей ее кампании против Троцкого и других левых критиков. Но, согласно Сталину, главная ошибка Бухарина прежде и теперь состояла в следующем: он не видел, что обострение классовой борьбы представляет собой единственный путь к спасению социализма. Разговоры же Бухарина и его

[30] Сталин, т. 12, стр. 1-107.

группы об эксплуатации крестьянства на руку лишь контрреволюционерам.

Словно для того, чтобы отвести мысль о новом курсе партии как о простом возрождении тезиса левого теоретика Преображенского о «первоначальном социалистическом накоплении», Сталин утверждал, что массовая коллективизация стала возможной только теперь, потому что масса крестьянства «тянется» к ней. Троцкизм, говорил он, отличается от нынешней политики так же, как и политика правых: троцкисты отрицают необходимость какой бы то ни было смычки с крестьянством, в то время как правое крыло стоит за смычку со всеми крестьянами, в том числе и с кулаками. Единственно правильная политика — это союз с середняками и беднотой против кулачества; такая политика теперь и проводится. Затем следовали нападки на Бухарина как на теоретика, подкрепленные многочисленными цитатами из старой полемики Ленина с Бухариным в Швейцарии во время войны. Сталин закончил свою речь угрозами по адресу правых руководителей, но, тем не менее, возражал против предложения «некоторых (не названных им) товарищей» об исключении Бухарина и Томского из Политбюро. Резолюция ЦК сурово осудила правых лидеров и рекомендовала снять Томского и Бухарина со всех занимаемых ими постов. Рыков, однако, был оставлен на посту Председателя Совнаркома[31].

Резолюция ЦК не была в то время оглашена, но ее разослали всем партийным органам, и раскол в руководстве стало невозможно замалчивать. Правые лидеры оказались в проигрышном положении. Жалобы на «бюрократию» и на диктаторское засилие в партии звучали не особенно убедительно в устах людей, которые еще совсем недавно нападали на Троцкого и на его союзников как раз по поводу тех же

[31] По этому инциденту см. прим. 22 на стр. 519; «КПСС в рез.», т. 2, стр. 549-567; Сталин, т. 11, стр. 318-325 и т. 12, стр. 2-10. См. также выступление Рудзутака на XVI съезде, «XVI съезд», стр. 201 и 202.

самых жалоб. Правые сыграли на руку Сталину, когда пошли на компромисс и проголосовали за резолюции, провозглашавшие единодушие руководства. Теперь эти резолюции могли быть использованы против них для обвинения в двурушничестве. Установление связи с опальными левыми было ошибкой; эта связь неминуемо должна была быть либо обнародована троцкистами, у которых не имелось особых оснований относиться с симпатией к Бухарину, либо же разоблачена ОГПУ. Попросту говоря, правые дали Сталину время подготовить почву для их уничтожения. После того как ЦК занес в протоколы осуждение правых лидеров за фракционность, любой новый открытый шаг толковался бы как атака на официальный курс партии и неминуемо привел бы к исключению их из всех партийных органов, а то и из партии. Единственный еще возможный для них курс состоял в том, чтобы избежать таких санкций, и они не теряли надежды, что, оставаясь в партии, смогут как-то оказывать влияние на политику или даже со временем добиться достаточной поддержки в Политбюро и в ЦК, чтобы устранить Сталина.

Но Сталин прекрасно понимал ситуацию и был исполнен решимости добиться окончательного падения хотя бы Бухарина и Томского и не допустить их реабилитации. Это было особенно необходимо по той причине, что положение самого Сталина, как неоспоримого вождя партии, не было полностью обеспечено. В Политбюро, по-видимому, все еще отмечались колебания, особенно у Калинина, с которым Сталин обращался очень бережно, даже настолько, что ему безнаказанно разрешалось произносить явно «правые» речи[52]. Если бы Калинин и еще один член Политбюро голосовали с тремя правыми лидерами, сталинское большинство сошло бы на нет. На более низком уровне существовала, видимо,

[32] См., напр., «Правду» от 23 сентября 1928 г.; «XVI конф.», апрель 1929 г., стр. 142, 209.

кое-какая оппозиция со стороны заместителя начальника ОГПУ Ягоды, но взгляды его были обусловлены не идеологией, а скорее опасениями, что чрезмерно быстрая коллективизация создаст положение, с которым ОГПУ не удастся справиться.

В течение некоторого периода после апрельского пленума ЦК разрыв с правым крылом почти не афишировался, и трое правых лидеров поименно не критиковались. Из них Рыков, вероятно, был наиболее близок к капитуляции или, по крайней мере, скрывал свои взгляды искуснее, чем его коллеги.

Непосредственно после пленума, между 23 и 29 апреля 1929 года, собралась XVI конференция ВКП(б) для принятия новой промышленной и сельскохозяйственной политики, вызвавшей такие распри. Взгляды Куйбышева и ВСНХ к этому времени стали уже официальной точкой зрения, а более осторожные плановики из Госплана были полностью дискредитированы (некоторые из них фигурировали впоследствии в качестве обвиняемых на процессах «вредителей» в 1930 и 1931 годах). Как чрезмерно завышенный пятилетний план, так и программа быстрой коллективизации сельского хозяйства были единодушно приняты, и конференция, вопреки слухам, не стала, по-видимому, ареной слишком острых столкновений. Больше того, резолюция о пятилетнем плане голосовалась по предложению Рыкова, речь которого была правоверно сталинской. Даже если Бухарин и Томский открыто нового курса не поддерживали, они, во всяком случае, активно против него и не выступали (хотя Бухарин вскоре опубликовал в «Правде» неосторожную рецензию на одну немецкую книгу, в которой явно сквозила критика сталинского курса)[33].

Добившись поддержки своей политики на конференции, Сталин мог теперь с уверенностью принять конкретные меры против главных лидеров оппозиции. Сразу же после

[33] См. «Правду» от 30 июня 1929 г.

конференции Угланов был освобожден от обязанностей кандидата в члены Политбюро и секретаря ЦК. 2 июня 1929 года Томский был снят с поста председателя ВЦСПС и впоследствии заменен таким ничтожеством, как Н. М. Шверник, который многие годы оставался преданным партийным заправилой профсоюзов. Месяц спустя, 3 июля, был выведен из президиума ИККИ Бухарин[34]. Оглашение этой резолюции в «Правде» послужило сигналом для начала кампании в печати против Бухарина, который теперь не мог даже отвечать. Речь шла уже не о теоретических разногласиях: Бухарин обвинялся в «сотрудничестве с капиталистическими элементами» и в попытке сколотить блок с бывшими троцкистами — два весьма тяжких обвинения, из которых второе было тем более основательно, что соответствовало истине. В потоке обвинений, который последовал в печати, давался полный разгул воображению; нападающая сторона пользовалась всеми преимуществами, поскольку она действовала, не опасаясь ни ответов, ни опровержений своих более чем явных домыслов.

Совершенно дискредитированным руководителям правого крыла было в конце концов предложено публично покаяться. Угланов и его сторонники, бывшие работники московской парторганизации, подписали декларацию, выдержанную в должном подобострастном тоне и порицавшую Бухарина и его группу; она была опубликована 18 ноября 1929 года. Бухарин, Рыков и Томский сделали безуспешную попытку спасти хоть какую-то долю своего человеческого достоинства. В письме на имя ЦК, вновь заседавшего с 10 по 17 ноября 1929 года, они объявили, что подчинятся решениям большинства, но, видимо, форма их покаяния была недостаточно унизительной. ЦК отверг эту декларацию, вывел Бухарина из Политбюро и серьезно предупредил Рыкова и

[34] Текст резолюции, в которой Бухарин порицался, в частности, за свою рецензию в «Правде», см. в СПР, т. VII, ч. 2, стр. 35 и 36.

Томского о последствиях «хоть малейшей попытки» возобновить борьбу против партийной линии[35]. Вскоре после этого, 26 ноября 1929 года, трое лидеров огласили новую декларацию, сформулированную должным образом. Они признавали, что ЦК прав, а «наши взгляды... оказались ошибочными». Они обещали решительно бороться в будущем против всех отклонений от линии партии[36].

Победа Сталина казалась полной. Избавившись от тормозов в проведении своей политики, он смог объявить конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 года, что партия перешла теперь «от политики *ограничения* эксплуататорских тенденций кулачества к политике *ликвидации* кулачества как класса»[37]. 5 января 1930 года ЦК вынес постановление, согласно которому коллективизации, по пятилетнему плану, подлежало (вместо 20% посевной площади, как это решила XVI партийная конференция, а за ней и съезд Советов) «огромное большинство крестьянских хозяйств»[38]. Это было красноречивым свидетельством того ничтожного значения, которое имели в партийной практике решения официальных партийных или советских органов по сравнению с непреклонной волей одного руководителя.

[35] «КПСС в рез.», т. 2, стр. 662 и 663.

[36] «Правда», 26 ноября 1929 г.

[37] Сталин, т. 12, стр. 166.

[38] «КПСС в рез.», т. 2, стр. 664-667. На самом деле XVI конференция ВКП(б) одобрила коллективизацию только 17,5% посевной площади – там же, стр. 571.

21. ТРЕТЬЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Новая социальная революция, начатая Сталиным в 1929 году, стала переломным моментом в истории партии. Конфликт Сталина с левой оппозицией был, по сути дела, борьбой за власть; это явствует хотя бы из того, что после разгрома левых Сталин стал действовать по их программе, но в гипертрофированной форме. Разногласия между Сталиным и Бухариным были принципиальными, хотя Сталин и использовал его для усиления своего влияния. Бухарин, Рыков и Томский сентиментальными людьми не были, и вряд ли они питали какие-нибудь иллюзии насчет характера советской власти и ее стремления полагаться на силу. Но они ставили предел тому страданию, которое были готовы причинить народу, в особенности крестьянам и рабочим. После того как военный коммунизм оказался ошибкой, после того как был введен НЭП, возврат к методам Гражданской войны стал для них немыслимым. Бухарин был прав, утверждая, что для Ленина НЭП был эволюционным путем к социализму и индустриализации, на котором социалистический сектор экономики постепенно обгонит и вытеснит частный сектор просто в силу своего примера: большей эффективности и лучших результатов. Конечно, история иногда нуждается в том, чтобы ее подталкивали: у нас, например, нет данных, которые указывали бы на то, что правые лидеры в 20-х годах протестовали против подавления частных предприятий в пользу предприятий государственных. Но насильственный

«толчок», который, как полагал Бухарин в июле 1928 года, вызвал бы террор, кровопролитие и, может быть, крах советской власти, был сопряжен с риском, на что бухаринцы идти не хотели: цена казалась слишком высокой, и они не считали себя вправе требовать ее.

Сталин таких сомнений не испытывал; не признавал он и каких-либо самоограничений и готов был идти на любой риск, чтобы преобразовать страну на свой лад; его не беспокоили страдания, которые он собирался причинить народу.

Бесчеловечность Сталина несомненна, но следует признать за ним и большое мужество. Правда, сам гигантский масштаб задачи, за которую он теперь взялся, во многих отношениях оберегал его от оппозиции изнутри. В течение без малого пяти последующих лет компартии пришлось вести открытую войну против терроризированного, ненавидящего ее, отчаявшегося народа. По мере того как набирал силу террор, росли ненависть и жажда мести. Мало кто из членов партии не отдавал себе отчета в том, что возврата к старому уже нет и что, как бы тягостно ни было бремя сталинской власти, она все же предпочтительнее того возмездия, которое постигло бы партию в целом, если бы из-за разброда в один прекрасный день власть над страной выскользнула из ее рук. Поэтому после поражения Бухарина в конце 1929 года возрождение организованной оппозиции внутри партии стало маловероятным. Сопротивление Сталину внутри партии, насколько о нем можно догадываться, принимало форму импровизированных заговоров, осторожных интриг на верхах и под конец — форму последнего отчаянного протеста, потопленного в крови.

Тот факт, что решение Сталина отказаться от НЭПа было встречено сочувственно теми слоями партии, которые так никогда НЭПа и не приняли, явствует из реакции левых оппозиционеров, которых тысячами ссылали после разгрома Троцкого, Каменева и Зиновьева на XV съезде в декабре 1927 года. Сам Троцкий оставался в ссылке около года,

после чего был выслан из Советского Союза. Выехав из России, он превратился в магнит, притягивавший к себе всех коммунистов-антисталинистов. Но если его высылка с этой точки зрения была вредна Сталину, последний старался использовать ее, чтобы приклеивать ярлык политическим противникам. Теперь всех противников — каковы бы ни были причины их оппозиции — можно было обвинять в сговоре с Троцким в целях свержения советского строя. Зиновьев и Каменев, вновь принятые в партию в июне 1928 года, по-видимому, питали надежду, что, принимая участие в нападках на Бухарина, они тем самым будут полностью реабилитированы. Слухи о предстоящем сговоре между ними и Сталиным действительно ходили в 1928 году, но вряд ли они были обоснованы. Временно Зиновьев и Каменев оставались в тени, занимая скромные должности. Сторонники левой оппозиции были в ссылке или в концлагерях, и число их все возрастало в течение 1928-1929 годов, по мере ускорения темпа арестов и чисток в рядах партии. В начале 1929 года число ссыльных левых определялось в несколько тысяч[1].

По мере того как становилось явным изменение курса, многие более или менее видные левые оппозиционеры пытались заключить мир со Сталиным. Первым капитулировал Пятаков (29 февраля 1928 года), а за ним вскоре последовали Крестинский и Антонов-Овсеенко. В следующем году, 14 июля, целая группа во главе с Радеком и Преображенским ходатайствовала о вторичном приеме в партию. Из видных левых оппозиционеров дольше всех держался Раковский, который, несмотря на растущие трудности и лишения, сопротивлялся до 1934 года. Капитулянтов обычно восстанавливали в партии и во многих случаях назначали на сравнительно ответственные должности. На XVI съезде ВКП(б), летом 1930 года, Сталин утверждал, что троцкизм утратил всякое значение; часть его последователей

[1] Boris Souvarine, *Staline*, Paris, 1935 г., стр. 452.

порвала-де с троцкизмом и отказалась от своих взглядов; другая же часть переродилась в «типичных мелкобуржуазных контрреволюционеров, превратившись на деле в осведомительное бюро капиталистической печати по делам ВКП(б)»[2]. И все же к концу 30-х годов фактически все бывшие троцкисты были либо казнены, либо сосланы, и, насколько известно, ни один из них не уцелел. С точки зрения Сталина, причину далеко искать не приходится. В условиях, сложившихся после 1930 года, когда жесткая система обязательного единомыслия и покорности, навязанная членам партии, приучала их скрывать подлинные мнения, трудно было верить заявлениям о лояльности со стороны любого члена партии. Так как бывшие оппозиционеры имели все основания ненавидеть Сталина, они, естественно, возглавляли списки лиц, подлежавших ликвидации, когда дошла очередь до суровых чисток среди старых большевиков.

Случай Пятакова, даже если он не типичен (напомню, что в своем «Завещании» Ленин хвалил Пятакова за его способности, но сомневался в его политической умелости), характерен для взглядов левых оппозиционеров после 1929 года. Один социал-демократ с большим партийным стажем, который в то время не был ни большевиком, ни меньшевиком и который работал с Пятаковым до конца 20-х годов, записал интересную беседу с Пятаковым во время посещения Парижа, где последний был тогда торгпредом. Незадолго до того в «Правде» появилось покаяние Пятакова[3]. В ходе разговора Пятаков разозлил своего бывшего коллегу, упрекнув его в трусости. Тот с горячностью возразил и в свою очередь обвинил Пятакова в том, что, капитулировав почти сразу же после своего исключения из партии (в декабре 1927 года) и отказавшись от убеждений, которых придерживался до последнего времени, он проявил отсутствие смелости.

[2] Сталин, том 12, стр. 343.
[3] «Правда», 29 февраля 1928 г.

Возмущенный Пятаков ответил на это целой тирадой. Подлинный Ленин, сказал он, это не инициатор НЭПа, не автор последних своих статей, которые, по мнению многих членов Политбюро, носят печать изнурявшей его болезни. Подлинный Ленин — это человек, имевший мужество сначала организовать пролетарскую революцию, а потом уже создавать объективные предпосылки, теоретически необходимые для такой революции. Чем, если не чудом, была Октябрьская революция? Что, если не чудо, сама коммунистическая партия? Меньшевику не понять, что значит быть членом такой партии. Суть партии в том, что она не связана никакими законами, что она постепенно расширяет сферу возможного, пока невозможное не сжимается до нуля. Для нее нет ничего недопустимого или неосуществимого. Ради такой партии настоящий большевик готов раствориться в коллективе, в партии, усилием воли оторваться от своих собственных мнений и убеждений и честно соглашаться с партией; вот отличительный признак настоящего большевика. Для него, продолжал Пятаков, жизнь вне рядов партии немыслима, он охотно сочтет белое черным и черное белым, если того потребует партия. Чтобы слиться с этой великой партией, он готов отдать ей всего себя, принадлежать только ей[4].

Вряд ли взгляды Пятакова на партию были характерными только для него одного. Троцкий говорил приблизительно то же на XIII съезде партии в 1924 году[5]. Может быть, именно эта вера в коллективную мудрость партии и мешала многим большевикам видеть, что то, что они считали волей «партии», быстро превращалось в произвол одной личности. Пятакову не довелось пожать плодов своей преданной службы большевизму. Восстановленный в партии после своего покая-

[4] Н. Валентинов (Н. В. Вольский), «Суть большевизма в изображении Ю. Пятакова», «Новый журнал» (Нью-Йорк), № 52, 1958, стр. 140-161. Основано также на моих беседах с автором.

[5] См. выше, стр. 406.

ния, он вернулся в Советский Союз и работал одно время председателем правления Госбанка, а затем заместителем Наркома тяжелой промышленности, под руководством Орджоникидзе. Он сыграл важную роль в выполнении первой пятилетки. В 1936 году, несмотря на усилия Орджоникидзе спасти его, он был арестован, обвинен в измене, принес полагавшиеся покаяния, а в 1937 году — расстрелян.

Сам Троцкий прошел в эмиграции эволюцию иного типа. Хотя новый курс Сталина и был радикальнее линии Троцкого, курс этот настолько походил на то, что годами проповедовал сам Троцкий, что последнему не всегда было легко найти теоретическое оправдание для дальнейшей оппозиции Сталину. Раковский из своей дальней ссылки снабдил Троцкого теоретической основой, ставшей главным доводом Троцкого и его сторонников в их борьбе со Сталиным. Раковский утверждал, что при Сталине пролетарское государство переродилось в бюрократическую деспотию. Наиболее активные рабочие превратились в бюрократов, пользующихся значительными экономическими привилегиями в награду за их услуги руководству. В свою очередь партийное руководство стало авторитарным; оно возводит на уровень партийных догматов то, что является просто методом указки и принуждения. Поэтому оппозиция была права в 1923-24 годах, выступая против подавления демократии в партии[6].

В принципе все коммунисты сознавали в 1928 году необходимость срочного развития промышленности. Споры шли только относительно темпов — в какой срок можно этого достичь — и в какой степени это можно сделать за счет крестьянства. Тот факт, что в конечном итоге именно крестьянству пришлось бы поставлять средства для капиталовложений

[6] «Бюллетень оппозиции», № 25-26, стр. 9-32. Тот довод, что коммунисты превратились в «новый эксплуататорский класс бюрократов», был также использован в феврале 1930 г. группой демократических централистов в ссылке — там же, № 11, стр. 35.

в промышленность, был очевидным при отсутствии каких-либо шансов на привлечение иностранного капитала или на развитие внешней торговли. Даже бухаринская политика создания нужного капитала за счет растущего благосостояния сельского хозяйства, вероятно, привела бы к необходимости насильственно подтолкнуть экономические процессы. Бухарин и его сторонники никогда не отрицали необходимости принудительных мер по отношению к «кулакам»; но совершенно невообразимо, чтобы они были готовы развязать войну против населения в целом, на что пошел Сталин. Утверждение, будто в конечном итоге любое советское правительство было бы вынуждено выкачивать капитал для промышленности с помощью пулеметов, не совсем верно: его авторы упускают из виду, что бухаринская политика индустриализации была по замыслу связана с внешней политикой. Ратуя за период мирного развития в самой стране, Бухарин верил и в сотрудничество с противниками растущих сил реакции за границей. При сочетании обоих факторов — затишья в «классовой борьбе» внутри страны и сотрудничества с демократическими странами за рубежом — иностранный капитал, может быть, и потек бы в Советский Союз, как на это совершенно определенно рассчитывал Ленин.

Мотивы, побудившие Сталина выбрать именно это время для решения индустриализировать страну быстрейшими темпами, невзирая на последствия, зависели, вероятно, от различных факторов. Перед Сталиным стояла, например, заманчивая перспектива, которую обычно влечет за собой изменение курса, — избавиться от серьезных политических соперников. Менее убедительной, но широко рекламировавшейся после немецкого вторжения 1941 года, является версия, согласно которой он вел политику дальнего прицела, направленную на противодействие угрозе войны путем создания базы для оборонной промышленности. В 1928 году перспективы какой бы то ни было агрессии были ничтожными. Если принять во внимание разруху, вызванную чрезмерно быстрой индустриализацией и коллективизацией, то не будет слиш-

ком поспешным заключение, что та же степень развития промышленности могла бы быть достигнута к 1941 году и без таких драконовских мер. Более вероятным мотивом (учитывая значение, которое Сталин придавал власти партийного аппарата) было его желание положить конец той относительной независимости от всякой партийной власти, которой пользовалось крестьянство во время НЭПа. Как говорилось в одной из предыдущих глав, к 1927 году стала очевидной неспособность партийных и советских органов насадить свою власть в селе. Конечно, пресловутое пугало «кулака, шантажирующего государство», было, как выразился Бухарин, россказнями. Но такому ревнивому самодержцу, как Сталин, даже относительно безобидные институты, вроде исконных общин, могли казаться опасными соперниками парторганизаций. И, наконец, Сталин с присущим ему инстинктом удержания власти, может быть, сообразил, что начало войны всех против всех было бы самым верным способом для обеспечения его положения как хозяина страны. В условиях относительного мира и согласия непопулярные организаторские способности Сталина могли бы показаться менее нужными для сохранения власти партии в целом и на авансцену могли бы выйти другие люди.

Порабощение крестьянства было делом беспощадным и беспорядочным, оно шло головокружительными темпами. В то же самое время делался упор на развитие промышленности, особенно металлургии. Задача осуществления революции в деревне выпала на долю членов партии. По постановлению ЦК исполкомам краевых и областных Советов предоставлялось право применять «все необходимые меры борьбы с кулачеством, вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краев»[7]. Конфискованное имущество передавалось в неде-

[7] Постановление ВЦИК от 1 февраля 1930 г., приведенное в книге С. П. Прокоповича «Народное хозяйство СССР», том I, стр. 189.

лимые фонды колхозов в качестве взноса бедняков и батраков, вступающих в колхозы. Постановление не давало определения «кулака» и не уточняло, что строительство колхозов — дело добровольное. В целях укрепления боевого духа сельских коммунистов в деревню было направлено 25.000 «рабочих с достаточным организационно-политическим опытом»; за ними последовали тысячи других. Ввиду дисциплинарных мер, принятых в 1928 и 1929 годах против местных коммунистов, не проявивших должной решимости при конфискации зерна у «кулаков», неудивительно, быть может, что первая волна коллективизации сопровождалась эксцессами. Но даже в этих условиях членам партии иногда было не по себе при выполнении возложенной на них задачи, называвшейся «войной против кулачества», которая превратилась в войну против крестьянства в целом. Основная тяжесть этой страшной операции легла на ОГПУ, работники которого участвовали в ней на всех ее этапах. Сама быстрота, с которой проводилась операция, дает представление о сопровождавших ее жестокостях. Коллективизация началась во второй половине 1929 года, и процент колхозов возрос с 4,1% всех дворов в октябре 1929 года до 21% на 20 января 1930 года. К 10 марта 1930 года было обобществлено 58% всех дворов. Пять месяцев понадобилось для того, чтобы коллективизировать сельское хозяйство более чем наполовину[8].

Сопротивление крестьянства сказалось в немедленном катастрофическом падении поголовья крупного рогатого скота и лошадей, которых резали десятками тысяч. Правительство забило отбой. В статье, опубликованной 2 марта 1930 года, Сталин заявлял, что «глупо и реакционно» насаждать колхозы силой, и приписывал имевшие место эксцессы «головокружению от успехов»[9]. Постановление ЦК, принятое вскоре после этого, бросило кое-какой официальный свет

[8] Там же, стр. 191.

[9] Сталин, т. 12, стр. 191 и 192.

на эти эксцессы: в число «раскулаченных» попадали иногда середняки и бедняки — в некоторых районах процент «раскулаченных» доходил до 15. (Отмечу, что ни по одной официальной оценке «кулаки», даже в самом широком смысле этого слова, не превышали 4% крестьянства.) Эта резолюция вскрывала также остервенелый характер «классовой войны» в деревне и лаконически подтверждала страшную картину, обрисованную в то время многими наблюдателями: у крестьян, говорилось в резолюции, насильственно отбирается все имущество под предлогом коллективизации; имеет место закрытие церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемое общественно-добровольным желанием населения[10].

Передышка после марта 1930 года имела непосредственный эффект. В течение шести месяцев, к сентябрю 1930 года, процент обобществленных хозяйств сократился с 58 до 21[11]. Но передышка была только временной. XVI съезд ВКП(б), состоявшийся в июне и июле 1930 года, подчеркнул, что «кулак» еще не разбит и будет оказывать «бешеное сопротивление». Потребуется длительная, упорная борьба для осуществления сплошной коллективизации[12]. К 1931 году процент обобществленных хозяйств снова достиг 52,7, а к 1934 году было обобществлено почти 3/4 всех дворов[13]. Вопреки щедрым обещаниям плана, сельскохозяйственное производство в 1933 году было ниже уровня 1928 года, а поголовье скота едва превышало половину поголовья 1928 года[14]. В 1932 году деревню поразил голод, который длился

[10] «КПСС в рез.», т. 2, стр. 604, 668-671.

[11] Прокопович, «Народное хозяйство СССР», стр. 193.

[12] «КПСС в рез.», т. 3, стр. 61. В то же время съезд специально подчеркнул, что коллективизация может совершаться только на добровольной основе, не указывая, как этого можно достигнуть при сопротивлении крестьян.

[13] Прокопович «Народное хозяйство СССР», стр. 204.

[14] Там же, стр. 206.

до 1935 года. Причиной голода была не засуха. Его вызвало разложение крестьянского хозяйства в результате сопротивления крестьян коллективизации и государственной политике насильственного выкачивания продуктов по принудительно низким заготовительным ценам. Голод был искусственный: количество зерновых резервов сократилось очень незначительно, но правительство настаивало на удержании заготовок на том же уровне, в то время как крестьяне умирали с голоду. Так, количество зерна, выжатого государством из крестьян в 1932-1933 годах, было только на 1/5 ниже количества 1931-1932 годов и значительно выше, чем в 1929-1930 годах[15]. С точки зрения государства, эта беспощадная политика не только позволила ему удержать, в меру возможного, жизненный уровень в городах и уровень хлебоэкспорта, но и была суровым предупреждением крестьянам, что борьба против коллективизации — дело гиблое.

Государство реагировало на неуступчивость крестьян также и репрессиями. Ряд постановлений поздним летом и осенью 1932 года усиливал уголовно-карательные меры против крестьян. Разрешалось применять смертную казнь за кражу зерна; крестьяне, выходившие из колхозов, лишались права на какую-либо землю, кроме как на участки из практически не существующего свободного государственного земельного фонда; повышались наказания за спекуляцию. Проводились также массовые высылки. К жертвам голода добавлялись жертвы террора ОГПУ. Общее число погибших или сосланных крестьян с 1929 по 1933 год оценивается по-разному западными экономистами, но число одних только сосланных, по мнению некоторых из них, достигало около пяти миллионов семейств[16]. Сам Сталин несколько лет спустя в беседе с Черчиллем сказал, что в тот

[15] Там же, стр. 213.

[16] См., напр., G. E. Hubbard, *The Economics of Soviet Agriculture*, London, 1939, стр. 111-119.

период погибло около десяти миллионов крестьян: «большинство из них были крайне непопулярны, их убивали их собственные батраки»[17].

Мы располагаем теперь первоисточниками по вопросу о роли партии в коллективизации крестьянства. Во время Второй мировой войны архив Смоленского обкома попал сначала в немецкие, а затем в союзнические руки; теперь к нему имеется свободный доступ. Смоленская область была районом в основном сельскохозяйственным, и ее опыт может считаться типичным для того, что происходило во многих других районах. Два факта вытекают, вне всякого сомнения, из отчетов партии и ОГПУ Смоленской области за 1929-1933 годы: во-первых, несмотря на отдельные попытки положить конец эксцессам, шла гигантская, хаотическая кампания арестов, высылок с конфискацией имущества, направленная против зажиточных, средних и бедных крестьян, противившихся попыткам загнать их в новые колхозы. Как сообщало местное отделение ОГПУ 23 февраля 1930 года, середняки и даже бедные крестьяне арестовывались «кем попало», имевшим отношение к коллективизации. Во-вторых, то, что было задумано как организованная реформа более ответственными партийными работниками, вскоре превратилось в оргию массового разбоя. Как сообщало ОГПУ 28 февраля 1930 года, лозунгом многих бригад по раскулачиванию было: «Пей и ешь — все наше!» Если многие более ответственные партийные работники пытались положить конец общей анархии и произволу, то очевидно также, что их попытки не могли иметь успеха, пока в дело не вмешался сам Сталин. В конце концов Сталин действительно вмешался, разослав 8 мая 1933 года закрытое письмо, подписанное им самим, а также Молотовым, и адресованное всем органам партии, ОГПУ и прокуратуры. В письме говорилось о «свистопляске арестов,

[17] W. S. Churchill, *The Second World War*, vol. IV: *The Hinge of Fate*, London, 1951, стр. 449-460.

проводимых каждым, кому того хочется, и кто, строго говоря, не имеет никакого права проводить аресты». Письмо приказывало «немедленно прекратить» аресты, а в будущем производить их только в случаях «активной борьбы» или «организованного сопротивления». Для отдельных районов устанавливались нормы количества высылаемых. Борьба еще не закончилась, но период санкционированной властями анархии завершился[18].

Неудивительно, что коллективизация и сопровождавший ее голод оставили глубочайшую травму в сознании как рядовых членов партии, так и ее руководителей, большинство которых было еще тесно связано с деревней своим прошлым. Среди них были люди, выполнявшие свои жестокие обязанности с большим рвением, но было и много таких, кому подобный опыт претил. При оценке влияния, которое все это оказывало на ведущих членов партии, важно помнить, что параллельно с коллективизацией быстро шел процесс индустриализации. Прежде всего следует учесть те методы, которые в 1928 и 1929 годах применялись для психологической подготовки населения к пятилетке во время конфликта Сталина с его правыми оппонентами и более умеренными хозяйственниками из Госплана. Сталин не предвещал тогда «крови, пота и слез», не требовал жертв ради светлого, но далекого будущего. Наоборот, Сталин и его сторонники всегда подчеркивали, что план с его оптимистическими обещаниями быстрого прогресса и повышения общего благосостояния будет выполнен просто при наличии большевистской смелости. Такие ультрареволюционные призывы всегда находили положительный отклик — вспомнить хотя бы то мастерство, с которым Сталин дал ход своему курсу «социализма в одной стране» в качестве альтернативы революционным

[18] Этот смоленский партийный архив, содержащий множество подлинных материалов о жизни партии и страны в целом за период с 1920 по 1939 г.г., блестяще проанализирован М. Файнсодом в *Smolensk under Soviet Rule*, Cambridge, Mass., 1958. О коллективизации см. гл. XII и стр. 185-188.

требованиям Троцкого, именно с целью превзойти его революционность.

Но с годами, при все более громких победных реляциях, взаимных поздравлениях партийных вождей, завышенных донесениях об успехах, подложных статистических выкладках и призывах к новым усилиям, реальная картина стала производить угнетающее впечатление. Вместо обещанного изобилия наступила нехватка продуктов, сопровождавшаяся карточной системой, особенно жестокая в голодные 1932-33 годы. Быстрый приток крестьян из деревень в неподготовленные для этого города еще более снижал жизненный уровень, сделавший такой очевидный скачок в годы НЭПа. Прогулы вскоре начали наказываться репрессивными мерами — принудительным назначением на работу и суровой трудовой дисциплиной. К ноябрю 1932 года прогул даже одного дня карался немедленным увольнением. В декабре была введена система внутренних паспортов.

Сама по себе дисциплина не обязательно привела бы к разочарованию в компартии, которая всегда тяготела к авторитарным методам и которая могла утверждать, что трудовая дисциплина в стране, где владельцем предприятий является государство трудящихся, — нечто совсем иное, чем дисциплина, навязываемая капиталистами. То же самое можно было бы говорить и о замене почасовых норм сдельными, ставшими широко распространенным явлением к концу 1932 года. Хотя, как система, сдельщина, по общему мнению, была выгодна скорее работодателю, чем рабочему (Маркс, например, клеймил ее как орудие капиталистической эксплуатации), все еще можно было утверждать, что там, где на этом выигрывает государство, вопрос об эксплуатации не встает. Но эти теоретические соображения не могли скрыть того факта, что отношения между рабочими и администрацией претерпевали глубокие изменения, которые бросались в глаза даже наблюдательным посетителям, не говоря уже о членах партии. Во время НЭПа рабочие, в памяти которых еще были живы равноправие и революционный пыл,

могли — перед лицом экономических лишений — утешать себя сознанием принадлежности к привилегированному революционному классу. К 1931 и 1932 годам, однако, что бы ни говорилось в теории, отношения между рабочими и начальством настолько изменились, что стали напоминать картину эксплуатации, ассоциируемую с капитализмом, даже если никто вслух этого говорить не смел. Но все это мало бы кого тревожило, если бы был выполнен план. Однако первый пятилетний план был в значительной мере недовыполнен[19]. Неудивительно поэтому, что к 1933 году многие коммунисты сомневались в том, действительно ли Сталин и его сторонники являются лучшими руководителями партии.

Эти сдвиги в настроениях были весьма постепенными; они происходили по мере того как менялось положение. Во время XVI съезда (26 июня-13 июля 1930 года) престиж правых руководителей, по-видимому, достиг предельно низкой точки. Бухарин на съезде не присутствовал и не испытал позора, выпавшего на долю Рыкова и Томского, которые каялись в своих ошибках в самых унизительных выражениях. Хотя тройка правых руководителей была переизбрана в ЦК, об их реабилитации не было и речи. В речах и резолюциях подчеркивалась необходимость безжалостной борьбы с правыми «оппортунистами», которые, как говорилось, применяют теперь новый маневр: вместо открытой оппозиции они-де формально признают свои ошибки и формально соглашаются с генеральной линией партии, а на деле только переходят от открытой борьбы с партией к борьбе скрытой или выжидают более благоприятного момента для возобновления атаки на партию[20]. Из этого общего обвинения в за-

[19] L. E. Hubbard, *Soviet Labour and Industry*, London, 1942 г., стр. 58, 60-62. Процент выполнения был соответственно: уголь - 86, чугун - 62, сталь - 57, нефть - 13, хлопчатобумажные ткани - 58. См. также: Н. Ясный в «Социалистическом вестнике», дек. 1956, стр. 243-245, и Naum Jasny, *Soviet Industrialization 1928-1952*, Chicago, 1961, стр. 64-69.

[20] «КПСС в рез.», т. 3, стр. 21.

говорщицкой деятельности, выдвинутого против былых противников сталинского курса, следовал вывод о возможности применения полицейских мер для расправы с политическими оппонентами.

В то время ходили слухи о бурных закулисных столкновениях, но в официальном стенографическом отчете о работе съезда таких данных нет. Рабская покорность, отмечавшая съезд, объясняется в значительной степени суровыми дисциплинарными методами, ставшими теперь нормой в партии. В апреле 1930 года Каганович был назначен первым секретарем МК со специфической целью: провести чистку организации. Вслед за падением Томского в профсоюзной иерархии последовали массовые увольнения коммунистов-профсоюзников. Одобряя эти мероприятия по отношению к профсоюзам, XVI съезд отмечал, что «оппортунистические» коммунисты-профсоюзники выражают «тред-юнионистские тенденции» и не только «неспособны понять задач пролетарской диктатуры в реконструктивный период», но и оказывают сопротивление партии в перестройке рабочих профсоюзов[21]. Говоря проще, они пытались защищать интересы рабочих против абсолютистских поползновений государства. Официальный партийный справочник за 1930 год отмечает несколько случаев, когда целиком снимались и заменялись комитеты партийных организаций. Была, однако, еще и другая причина, помимо страха перед дисциплинарными мерами, которая, вероятно, восстанавливала партию против критиков справа. В деревне шла открытая война, и отчаявшиеся мужики убивали коммунистов как своих отъявленных врагов. Поэтому в сознании многих коммунистов идти с правыми означало идти с теми, кто убивал коммунистов и, следовательно, с контрреволюцией. На XVI съезде один из сталинских областных сатрапов, Шеболдаев, с большим эффектом вывел эту мораль. Он описал возникновение оппо-

[21] Там же, стр. 64.

зиционной группы в Нижневолжском крае и привел слова из речи или заявления старого большевика, члена этой группы, который после ряда критических замечаний насчет коллективизации говорил о необходимости сменить руководство — в случае надобности даже силой оружия. Приведенное заявление могло быть просто протоколом допроса в ОГПУ и поэтому к истине имело, вероятно, только косвенное отношение. Но мораль была очевидна, и делегаты съезда своими аплодисментами продемонстрировали, что она до них дошла: от правых взглядов до заговора с целью свержения руководства и поэтому до контрреволюции — только один шаг[22]. Вероятно, лишь насильственное свержение Сталина привело бы к положению, при котором в партии раздавались бы и другие голоса, помимо сталинского. Но это было перспективой, чреватой большими опасностями для власти КПСС в целом.

Последующие годы показали, однако, что были некоторые пределы даже той поддержке, на которую Сталин мог рассчитывать со стороны своих коллег на верхах партии. Состав Политбюро, избранного после XVI съезда, заслуживает внимания; отражая, казалось бы, полную победу сталинцев, Политбюро вместе с тем включало нескольких лиц, которые впоследствии поплатились за то, что противились Сталину. Конечно, Бухарин и Томский в Политбюро больше не входили. Исчез и кандидат в члены Политбюро Угланов. Состав был таким: Ворошилов, Каганович, Калинин, Киров, Косиор, Куйбышев, Молотов, Рыков, Рудзутак и Сталин. Рыков был выведен к концу года и заменен Орджоникидзе. Кандидатами в члены были «избраны»: Микоян, Чубарь, Петровский, Андреев и Сырцов. Последние два оставались кандидатами недолго: Сырцов впал в немилость, а Андреева перевели в ЦКК. О взглядах и позиции этих лиц в интересующий нас период можно только догадываться ввиду

[22] «XVI съезд», стр. 135 и 136.

отсутствия точных данных. Кое-какой свет был пролит на этот вопрос информацией, сообщенной в 1956 году на XX съезде КПСС ее Первым секретарем Н. С. Хрущевым[23].

Очередь унизительного отказа от своих взглядов дошла до Бухарина на XVII конференции ВКП(б), проведенной с 30 января по 4 февраля 1932 года. Рыков после ухода с поста Председателя Совнаркома оставался Наркомом связи. Бухарин одно время ведал научно-исследовательским институтом при Наркомтяжпроме, где наркомом с момента образования наркомата в 1932 году был Орджоникидзе, а затем стал главным редактором правительственного органа «Известия».

Полностью дискредитированные отказом от своих взглядов, правые руководители вряд ли могли сплотить вокруг себя более энергичных, пусть даже менее видных оппозиционеров, которые в течение нескольких лет — во всяком случае, с 1930 по 1933 годы — пытались сколотить заговорщицкие группы в партии. Вероятно, мелких групп такого рода было много, но доступная нам информация позволяет выявить только три — одну в конце 1930 года, а другие две во второй половине 1932 года. Первая (группа Сырцова-Ломинадзе) до тех пор отличалась исключительной лояльностью

[23] Информацию эту довели до сведения делегатов на закрытом заседании XX съезда 24-25 февраля 1956 г. Текст речи так и не был опубликован в СССР, хотя на его существование неоднократно указывается в официальных документах. Единственный доступный нам текст опубликован Государственным департаментом США 4 июня 1956 г., хотя подробные резюме речи появились в коммунистических газетах в разных странах. Американский текст представляет собой, по-видимому, версию, изготовленную для информации иностранных коммунистов, и поэтому, вероятно, отличается от текста речи. Текст Госдепартамента молчаливо принят как аутентичный коммунистическими партиями всего мира и никогда формально не опровергался советскими руководителями, кроме как в одном случае, да и то вскользь. В его аутентичности сомневаться не приходится. Текст перепечатан в *The Anti-Stalin Campaign and International Communism.* A Selection of Documents edited by the Russian Institute, Columbia University, New York, 1956, стр. 1-89 (в дальнейшем цитируется как *The Anti-Stalin Campaign*).

по отношению к Сталину. Сырцов в течение многих лет был видным сотрудником Секретариата, а затем избран кандидатом в члены Политбюро. Напомню, что Ломинадзе был организатором Кантонского восстания в декабре 1927 года по специальному поручению Сталина. Эти люди обвинялись теперь в создании фракций или групп в партии и в образовании центра притяжения для контрреволюционных сил на основе «навеянной паникой перед трудностями» платформы «правых оппортунистов». Сырцов будто бы назвал успехи промышленного строительства «очковтирательством», а объявление о строительстве Сталинградского тракторного завода — «потемкинской деревней». Ломинадзе якобы говорил о «барски-феодальном отношении к нуждам крестьян»[24]. Оба были исключены из состава ЦК в декабре 1930 года, но по-видимому, никаких иных репрессивных мер против них не приняли. Ломинадзе остался на свободе; он покончил с собой в 1934 году в состоянии озлобленности и отчаяния[25].

Как известно, две последние группы действовали во второй половине 1932 года, в самый мрачный период этих неспокойных лет. Об одной из них — группе Рютина, бывшего союзника Угланова по московской организации, сообщают, по крайней мере, два источника, данные которых в значительной степени подтвердились событиями. Из этих источников известно, что группа Рютина рассылала подпольно гектографированную программу, в которой Сталин подвергался очень резким нападкам[26].

[24] «Правда», 2 дек. 1930 г.

[25] О последних годах Ломинадзе см. Margarete Buber-Neumann, *Von Potsdam nach Moskau.* Stationen eines Irrweges, Stuttgart, 1957, стр. 413-415.

[26] W. G. Krivitsky, *I was Stalin's Agent*, London, 1939; *The Letter of an Old Bolshevik.* A Key to the Moscow Trials, London, 1938 г. Несмотря на эти сенсационные заголовки, оба источника принимаются учеными за пределами СССР, в основном, как правдоподобные отчеты о событиях. Первый написан сотрудником советской военной разведки, а второй («Письмо старого большевика») был опубликован анонимно в «Социалистическом вест-

Другая группа тоже рассылала подпольно гектографированный манифест, по официальному заявлению, « подобный » взглядам группы Рютина[27]. Официальная советская версия гласит, что манифест требовал сокращения капиталовложений, роспуска колхозов и изменения верховного руководства. Содержал он якобы и нападки на Бухарина за то, что тот сложил оружие[28]. Рютин, руководители второй группы (Эйсмонт, Толмачев и др.), а также некоторые другие бывшие оппозиционеры, в том числе Зиновьев и Каменев, будто бы сочувствовавшие программе групп, были арестованы и сосланы в начале 1933 года. Поскольку в то время политические заключенные еще пользовались некоторыми привилегиями, наказание следует считать сравнительно мягким. Между Сталиным и его коллегами, по-видимому, произошло столкновение по вопросу о судьбе этих лиц, причем Сталин требовал самых суровых мер против руководителей указанных групп. Три независимых друг от друга отчета, написанных хорошо осведомленными очевидцами в 30-х годах, говорят об этом столкновении[29]. Но самое авторитетное подтверждение того,

нике » в 1936-37 г.г., и, по-видимому, основан на информации, полученной от оппозиционера на самых верхах партии. Данные обоих источников неоднократно подтверждались официальной информацией, просочившейся в печать гораздо позже. Кривицкий погиб в Вашингтоне в 1941 г. при обстоятельствах, позволяющих думать, что он был убит агентами советской разведки — лишнее подтверждение того, что его разоблачения вредили Сталину. (После выхода в свет настоящей книги, в 1960 г., стало известно, что автором « Письма старого большевика » был Б. И. Николаевский и что источником его информации был Бухарин, посетивший Западную Европу в 1936 г. См. Boris I. Nikolaevsky, *Power and the Soviet Elite*, New York, Washington, London, 1965 г., стр. 3-25. « Письмо старого большевика » перепечатано там же, стр. 26-65.)

[27] « КПСС в рез. », т. 3, стр. 199.

[28] « Бюллетень оппозиции », № 31, стр. 23.

[29] Krivitsky, ук. соч., стр. 203; *Letter of an Old Bolshevik*, стр. 16-21; A. Ciliga, *Au Pays du Mensonge Déconcertant*, Paris, 1950 г., стр. 163, 219. Чилига провел несколько лет в лагерях для политзаключенных и встречался там со многими оппозиционерами.

что этот конфликт действительно был, дано в 1956 году Первым секретарем ЦК партии Н. С. Хрущевым на XX съезде. Хрущев огласил текст телеграммы, в которой Сталин назначал Ежова главой ОГПУ вместо Ягоды и тем самым открывал кампанию террора 1936-38 годов. В этой телеграмме от 25 сентября 1936 года, то есть приблизительно четыре года спустя после интересующего нас периода, Сталин упрекал ОГПУ в том, что оно «на четыре года отстало» в деле расправы с угрозой контрреволюции[30].

Если рассмотреть состав Политбюро в 1932 году, то действительно создается впечатление, что Сталин объявил о своем намерении развязать полицейский террор в самой партии и сразу же встретился с некоторой оппозицией. Из девяти членов Политбюро только о двух можно с уверенностью сказать, что они безоговорочно поддерживали Сталина во всех его мероприятиях. Это — Молотов и Каганович. О двух других, о Ворошилове и Калинине, ходили слухи, будто они поддерживали Сталина неохотно и одно время сочувствовали Бухарину. Из остальных пяти четверо — Орджоникидзе, Косиор, Рудзутак и Киров — были как будто противниками сталинского террора; возможно, что к ним примыкал и Куйбышев. Все они, по-видимому, противились применению террора в партии. Такое предположение подтверждается последующей судьбой этих лиц: если не считать смерти Куйбышева в 1935 году, будто бы вызванной разрывом сердца, то выходит, что все они в той или иной степени стали жертвами сталинской мести.

Но если члены Политбюро действительно проявили некоторые угрызения совести осенью 1932 года, то это касалось, по-видимому, только репрессий против партийных работников. В течение ряда лет эти руководители терпели и, вероятно, одобряли осуждения и казни групп специалистов всех профессий, обвинявшихся в саботаже и вредительстве. Не-

[30] *The Anti-Stalin Campaign*, стр. 26.

мало бывало случаев, когда казни происходили и без суда. На судебных же процессах доказательства вины были, мягко говоря, неубедительными. Одним из видных процессов такого рода был суд над группой бывших меньшевиков в начале марта 1931 года, обвиненных в создании контрреволюционной организации с целью восстановления капитализма. Эти бывшие меньшевики (среди них — историк революции Суханов и такие видные экономисты, как, например, Громан) годами работали на ответственных постах в государственных хозяйственных органах. Все они были признаны виновными и приговорены к длительным срокам заключения, из которого, насколько известно, ни один из них живым не вышел. Тем не менее, процесс меньшевиков нельзя считать успехом ОГПУ, несмотря на безоговорочные признания, к которым опытные следователи сумели вынудить пожилых интеллигентов, большей частью слабого здоровья. Суть обвинений сводилась к заговору, организованному якобы эмигрантским лидером меньшевиков Абрамовичем во время тайного посещения им Советского Союза. Меньшевикам-эмигрантам ничего не стоило доказать на основании фотографий, что в то самое время, когда Абрамович будто бы находился в СССР, он принимал участие в работе конгресса Социалистического Интернационала в Брюсселе.

Но при всей своей неубедительности процессы эти имели пропагандный смысл. Они объясняли неудачи в деле достижения плановых наметок, приписывая их саботажу. И что еще важнее — начав устранение старых беспартийных специалистов, на которых строй до тех пор полагался и которым был обязан своим экономическим прогрессом, власти создавали возможности для выдвижения членов нового класса — партийных специалистов; их-то партия спешным образом и готовила. Процесс меньшевиков означал также падение партийного буревестника — Рязанова.

Рязанов, неисправимый индивидуалист, самый остроумный человек в партии и, бесспорно, лучший знаток марксизма, мозолил глаза людям партийной практики, начиная

еще с 1901 года, когда он вошел в конфликт с «Искрой». Рязанов никогда не скрывал своего презрения к тактическим зигзагам курса партии, которые делались под флагом марксистской теории. «Марксистов им в Политбюро не надо!» — вот характерный для него выкрик на XVI партконференции в апреле 1929 года. Процесс меньшевиков оказался удобным предлогом для косвенного обвинения и исключения Рязанова из партии за будто бы имевшие место подпольные контакты с меньшевиками. Он исчез во время террора и умер в 1938 году.

Если верно, что Политбюро отказывалось поддержать Сталина в его намерении поставить партию на колени путем внутрипартийного террора, то это, разумеется, стесняло свободу действий Сталина при использовании аппарата партии и органов безопасности. Так как в конечном счете оба аппарата были подчинены Политбюро, а оно, возможно, относилось с подозрением к любым попыткам использовать этот аппарат в личных целях, Сталину приходилось изыскивать какие-то иные средства. У нас мало данных о том, как ему удалось преодолеть эту весьма реальную трудность. Из разоблачений Хрущева мы знаем, однако, что Сталин сумел обойти нормальный партийный и полицейский аппарат путем искусного использования своих личных ставленников в рамках этого аппарата — людей, на которых он мог положиться. Есть указания на то, что в 1933 и 1934 годах Сталин провел на ключевые посты трех лиц, рассчитывая, что в конечном итоге они помогут осуществить то частичное уничтожение партии, которое он считал необходимым. Одним из этих трех был сотрудник Секретариата ЦК Н. И. Ежов. В начале 1933 года ЦК решил провести полную проверку и чистку личного состава партии. Когда, после некоторой задержки, была назначена комиссия по чистке, одним из ее членов оказался Ежов[31]. Если, как показывает развитие событий,

[31] «Известия», 29 апреля 1933 г.

Сталин уже начал делать Ежова своим доверенным лицом, то лучшего назначения нельзя было и придумать: принадлежность к комиссии по чистке давала этому человеку доступ к наиболее полной информации обо всех партийных кадрах, да к тому же у него имелся ценный практический опыт по организации чисток. При выборах центральных органов партии, сразу же после XVII съезда, 10 февраля 1934 года Ежов стал членом Оргбюро. Это были его первые шаги по партийной лестнице на пути к повышению в последующие два года.

Другой ключевой фигурой в те годы стал А. Н. Поскребышев, человек, сделавший карьеру в центральном аппарате партии и исчезнувший после смерти Сталина. Руководителем личного секретариата Сталина он стал, вероятно, в 1931 году. Функции этого органа, само наличие которого упоминается в советских источниках только вскользь, но который существовал с 1924 года, а то и раньше, далеко не ясны. Но исходя из того факта, что некролог предшественника Поскребышева был подписан не только заведующими отделами Секретариата ЦК, но также и Ягодой и другими заместителями начальника ОГПУ, можно заключить, что личный секретариат поддерживал тесные отношения с органами этого Управления[32].

Третьей ключевой фигурой, вышедшей на авансцену в 1933 году, был А. Я. Вышинский, бывший меньшевик и профессор права, а позднее — ректор Московского университета. Вышинский стал заместителем прокурора, а в 1935 году — прокурором СССР.

Эти начальные шаги Сталина, надо полагать, не остались незамеченными его коллегами по Политбюро. Может быть, более умеренные элементы в Политбюро надеялись постепенно вытеснить Сталина из Секретариата или, во всяком

[32] «Правда», 10 августа 1935 г.; см. также «Пролетарская революция», № 6, 1935, стр. 129-131.

случае, создать противовес сталинским выдвиженцам — в лице людей, которым умеренные больше доверяли. Согласно одному очень детальному отчету, кандидатом «умеренных», которого они старались укрепить в противовес Сталину, был секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Киров[33]. В карьере самого Кирова до 1933 года мало такого, что давало бы повод причислить его к «умеренным». Он работал на Сталина в борьбе против Зиновьева и в конце концов занял его место. Все внешние признаки говорят о том, что Киров полностью поддерживал и коллективизацию и пятилетку. Да и в его опубликованных речах мало — а то и вообще нет — указаний на умеренность. Пожалуй, Киров делал больший упор на практическую сторону дела и меньший — на правые или левые пугала. В речах Кирова разительно отсутствовали трафаретные восхваления Сталина, хотя делать это при всяком удобном и неудобном случае было общепринято. Киров, вообще говоря, по сравнению со Сталиным обладал тремя преимуществами: он был моложе, внешне привлекателен и русский по происхождению; даже официальные стенографические отчеты партийных сборищ показывают, что овации в его честь уступали только овациям в честь Сталина. Если «умеренные» члены Политбюро искали подходящего человека, чтобы противопоставить его Сталину, то лучшего кандидата, чем Киров, они вряд ли могли найти. По свидетельствам того времени, к 1933 году Киров начал частным образом высказывать свое мнение, которое сводилось к следующему: пришло время положить конец междоусобице в стране. Если это верно, то такой взгляд диаметрально противоречил мнению Сталина, согласно которому теперь-то как раз и время обострить классовую борьбу, а разговоры о ее затухании «контрреволюционны». Возможно, что Зиновьев и Каменев были обязаны своим возвращением в партию (после их ареста в связи с делом оппозиции в конце

[33] *Letter of an Old Bolshevik.*

1932 или в начале 1933 года) влиянию Кирова. При учреждении комиссии по чистке в апреле 1933 года Киров тоже стал ее членом. Состав этого органа свидетельствует об известном компромиссе. Председателем комиссии был Рудзутак, впоследствии ликвидированный Сталиным и поэтому, возможно, «умеренный» в то время. Но сталинцы — Каганович, Ежов, Ярославский и Шкирятов обладали перевесом над Кировым и над двумя «старыми большевиками» — Стасовой и Пятницким.

Однако ко времени XVII съезда партии, заседавшего в Москве с 26 января по 10 февраля 1934 года, стали особенно часто появляться признаки компромисса между Сталиным и более умеренными членами Политбюро. Съезд прозвали «съездом победителей», хотя претензия на победу была оправдана только частично. Правда, положение в деревне несколько улучшилось. Валовая сельскохозяйственная продукция и поголовье скота медленно возрастали. Но, несмотря на славословия по поводу успехов индустриализации, всем было известно, что амбициозные цели в промышленности не были достигнуты. Однако никто не смел признать этого открыто. Жизненный уровень рабочих неуклонно понижался, с жилищным вопросом дело обстояло катастрофически плохо, была введена жесточайшая трудовая дисциплина, понуждавшая рабочих прилагать все бóльшие усилия. В то же время в партии росло стремление к спокойствию, а не к обострению борьбы.

Этому способствовали два фактора: первый фактор — внутренний: самая жуткая фаза сталинской революции — война против крестьянства — закончилась. Пока она длилась, она была страшным делом, требовавшим неисчислимых жертв; но как бы то ни было, коллективизация завершилась, и о возврате к прошлому речи уже быть не могло. Второй фактор — зарубежный: победа Гитлера в Германии, которую многие склонны были приписывать безудержной кампании против социал-демократов, развязанной Сталиным в 1928 году, предвещала войну.

Внешне «съезд победителей» проявил такую мягкость к разгромленной оппозиции, которая до тех пор была несвойственна съездам партии. Ряду видных оппозиционеров — Бухарину, Зиновьеву, Каменеву, Ломинадзе, Преображенскому, Пятакову, Радеку, Рыкову и Томскому была дана возможность появиться и выступить на съезде без обычного аккомпанемента — улюлюканья или саркастических выкриков. Все они признали свои ошибки, но в довольно достойной форме. Ритуальное упоминание величия сталинского руководства в конце речи приносило каждому кающемуся оратору кое-какие аплодисменты, запечатленные в стенограмме.

Но за всем этим ритуалом самопоздравлений и безудержного восхваления Сталина и одновременно бурного осуждения как правой, так и левой оппозиции чувствовался реальный компромисс. Одним из признаков компромисса был несколько более скромный темп роста промышленности в предстоявшей пятилетке (второй) по сравнению с темпом, предусмотренным в первоначальном проекте резолюции[34]. Но наиболее явным признаком того, что Сталин не мог распоряжаться всем по своему усмотрению, был состав центральных органов партии. Избранный на съезде ЦК включал Пятакова, а среди кандидатов в члены — Бухарина, Рыкова и Томского. На пленуме ЦК, немедленно после съезда, было избрано новое Политбюро. Его состав: Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Орджоникидзе, Куйбышев, Киров, Андреев и Косиор (члены Политбюро) и Микоян, Чубарь, Петровский, Постышев и Рудзутак (кандидаты)[35].

Из девяти членов Политбюро (не считая Сталина) по крайней мере трое — Орджоникидзе, Киров и Косиор, вероятно, воспротивились бы любой попытке Сталина развязать террор в партии; а из других только двое (Молотов

[34] «XVII съезд», стр. 535 и 536.
[35] «Правда», 11 февраля 1934 г.

и Каганович) были готовы в силу их собственного прошлого поддержать любой крайний курс Сталина. Из пяти кандидатов только один (Микоян) был стопроцентным «сталинцем». Избрание Кирова — судя по стенограмме и ходившим тогда рассказам, овации в его честь напоминали овации в честь Сталина — было победой «умеренных», если они действительно готовили Кирова в преемники.

Новый Секретариат состоял из Сталина, Кагановича, Кирова и Жданова — последний был новым человеком, выдвинувшимся на верхи в качестве секретаря влиятельной горьковской организации. Один знаменательный факт отмечал лаконичное газетное сообщение об этих выборах: Сталин, которого с 1932 года неизменно величали Генеральным секретарем, превратился теперь просто в секретаря. Такие формальные отличия разрабатываются в советской практике очень тщательно. Предположение, будто в титул Сталина вкралась ошибка, совершенно невероятно, и всем было очевидно, что это отражало какое-то умаление авторитета. Наперсник Сталина Ежов еще не появился на верхах партии, хотя его избрали членом ЦК, и он не только вошел в Оргбюро, но и был назначен на съезде вторым после Кагановича человеком в Комиссии партийного контроля (как теперь стали называть ЦКК). Таким образом, фигуры были расставлены на доске, но Сталину понадобилось еще два года, прежде чем он получил возможность сделать ход, обеспечивший ему окончательную победу.

22. ПОБЕДА СТАЛИНА НАД ПАРТИЕЙ

После окончания работы «съезда победителей» некоторое время отмечались кое-какие признаки нормализации и относительного спокойствия. Грозные тучи войны, собиравшиеся после прихода Гитлера к власти в Германии, усиливали стремление к единству и солидарности в партии. Вскоре стало казаться, что скромная победа более умеренных элементов на съезде начала приносить плоды. Бывшим видным оппозиционерам было молчаливо позволено снова выполнять почетную, хотя и весьма скромную работу. По одному отчету, «умеренным» удалось в 1934 году отклонить требования Сталина о крутых мерах, на этот раз направленных против некоторых комсомольцев, проявлявших нездоровый интерес к изучению и обсуждению подвигов и методов террористов ранних революционных течений[1]. Более того, появились признаки сокращения власти ОГПУ. В июле 1934 года, после волны процессов по обвинениям во вредительстве и заговорах лиц, игравших роль козлов отпущения за неудачи в промышленности и сельском хозяйстве, заместитель генерального прокурора СССР Вышинский приказал местным прокурорам положить конец практике огульных обвинений инженеров и директоров заводов[2]. В

[1] *The Letter of an Old Bolshevik*, London, 1938, стр. 29 и 30.
[2] Merle Fainsod, *How Russia Is Ruled*, стр. 432.

силу ряда постановлений, первое из которых датировано 10 июля 1934 года, ОГПУ влилось в преобразованный Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), принявший на себя теперь все функции как полиции, так и органов безопасности, в том числе управление быстро размножавшимися лагерями принудительного труда и эксплуатацию заключенных в производственных целях. Специальное управление с четкими правами для наложения административных взысканий заменило бывшую судебную коллегию ОГПУ, которая с течением времени приобрела фактически неограниченную власть над жизнью и смертью[3].

На пленуме ЦК с 25 по 28 ноября 1934 года новый курс был распространен и на крестьян. Этот пленум одобрил в принципе три меры, две из которых означали некоторое ослабление жестокостей, навязанных в ходе первой пятилетки. Пленум решил отменить карточную систему на хлеб и принял проект примерного устава сельскохозяйственной артели, в силу которого значительно расширялось существовавшее до тех пор весьма ограниченное право колхозников обрабатывать свои крохотные приусадебные участки[4]. На пленуме присутствовал Киров, приехавший для этого из Ленинграда в Москву. На своем ленинградском посту Киров еще не был замещен, и после пленума он вернулся в Ленинград.

Тремя днями позже, вечером 1 декабря 1934 года, молодой коммунист Л. Николаев выстрелом из револьвера смертельно ранил Кирова в Смольном — в здании Ленинградского обкома партии. Истинная подоплека этого убийства, после которого были уничтожены десятки тысяч, а то и больше, людей, все еще неизвестна. Официальные отчеты,

[3] Подробности этих постановлений см. в книге Simon Wolin and Robert Slusser, *The Soviet Secret Police,* стр. 46-48.

[4] «КПСС в рез.», т. 2, стр. 256-265; С. Н. Прокопович, «Народное хозяйство СССР», т. I, стр. 252-255.

возлагавшие вину то на иностранные державы, то на зиновьевцев, то на Троцкого, то на правую оппозицию, неубедительны. Неофициальные версии, исходившие от лиц, видимо, хорошо осведомленных, излагают дело по-иному[5]. Согласно этим версиям, Николаев был молодым революционером-романтиком, его возмущали те бесчеловечные и бюрократические формы, которые явно приняла партия, и вдохновлял пример народовольцев. Побуждения Николаева были будто бы изложены им в дневнике; там доказывалось, что за ним не стояло ни сообщников, ни какой-либо организации. Официальный отчет о суде над Николаевым, состоявшемся за закрытыми дверями (если он вообще состоялся), тоже упоминает о дневнике, но утверждает, что это фальшивка, задуманная для создания впечатления, будто убийство не было частью тщательно задуманного заговора, а лишь протестом против «несправедливого отношения к человеку»[6]. Неофициальные объяснения далее утверждают, что органы безопасности знали о задуманном убийстве, но способствовали ему по инструкции Сталина. Это утверждение в какой-то мере подтверждается тем фактом, что охранники, преданные суду по обвинению в отсутствии должной бдительности в деле охраны Кирова, были приговорены к удивительно малым (по советским законам) срокам лишения свободы. На XX съезде партии в 1956 году Н. С. Хрущев, который, видимо, имел доступ к бумагам этого дела, намекнул, не упоминая Сталина, на то, что

[5] Об убийстве Кирова много написано людьми, стоявшими достаточно близко к событиям, чтобы говорить о них с некоторым знанием дела. Лучшие отчеты, вероятно, содержатся в *The Letter of an Old Bolshevik* и в книге Elizabeth Lermolo, *Face of a Victim*, London, 1956. Оба отчета подтверждены в известной мере в секретном выступлении Хрущева на XX съезде. Фон убийства проанализирован Б. И. Николаевским в «Социалистическом вестнике» за сентябрь и декабрь 1956; см. также: Robert Conquest, *The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties*, London, 1968, гл. 11.

[6] «Правда», 27 дек. 1934 г.

обстоятельства смерти Кирова весьма подозрительны: охранник, ответственный за личную безопасность Кирова, погиб при явно подстроенных обстоятельствах, замаскировнных под несчастный случай, а другие охранники были впоследствии расстреляны, вероятно, с тем, чтобы «замести следы организаторов убийства Кирова»[7]. Но организовал ли Сталин это убийство или нет, оно дало ему ту возможность, которую он искал. Принятое ЦИК в день убийства постановление фактически лишало лиц, обвинявшихся в террористических актах, всякого права на защиту: тайная партийная директива, выпущенная в тот же вечер, предписывала ускорить рассмотрение дел по обвинению в подготовке или выполнении террористических актов: приговор к расстрелу должен был немедленно приводиться в исполнение; времени на рассмотрение ходатайств о помиловании не давалось. Как рассказал впоследствии Хрущев, это постановление «легло в основу массовых нарушений социалистической законности. Во многих сфабрикованных делах подсудимые обвинялись в подготовке террористических актов; это лишало их всякой возможности пересмотра их дел, даже если они заявляли на суде, что „признания" исторгнуты у них силой, или если они убедительно доказывали ложность обвинений, возводимых против них»[8]. Следует отметить, что хотя постановление и было, по-видимому, издано по личной инициативе Сталина, Политбюро его впоследствии утвердило. Это постановление оставалось в силе некоторое время и после смерти Сталина.

[7] *The Anti-Stalin Campaign*, стр. 25 и 26. Была и другая гипотеза, по сути дела отвергавшая теорию, будто Киров к 1932 г. стал противником Сталина, и выдвигавшая предположение, что Сталин просто потворствовал задуманному покушению на жизнь Кирова, чтобы заручиться поводом для массовых казней. См. «Бюллетень оппозиции», № 42, стр. 7 (1935 г.).

[8] *The Anti-Stalin Campaign*, стр. 25; текст декрета — «Правда», 5 дек. 1934 г.

Сначала эта хартия беззакония применялась к некоммунистам, которых называли «белогвардейцами» и расстреливали пачками за «подготовку террористических актов» в разных городах СССР. Никто не утверждал, что эти лица имели какое-то отношение к убийству Кирова[9]. Но вскоре вину за убийство стали возлагать на бывших членов зиновьевской оппозиции и на Троцкого. 30 декабря Николаев и тринадцать других лиц, якобы его сообщников, предстали будто бы перед тайным судом, были присуждены к смерти и немедленно расстреляны[10]. Сообщники Николаева, по официальной версии, были «зиновьевцами». Затем последовали репрессии против оппозиционеров. Тысячи бывших участников оппозиции, давным-давно раскаявшихся и принятых в партию, были вновь исключены, репрессированы и сосланы. Зиновьев и Каменев пострадали в числе первых.

Но Сталин был полон решимости использовать панику, вызванную смертью Кирова, для начала атаки на партию, к которой он готовился по меньшей мере с 1932 года. 16 января 1935 года в обвинительном заключении, подписанном Вышинским как заместителем прокурора СССР, сообщалось, что Зиновьев, Каменев и другие бывшие оппозиционеры преданы суду по обвинению в создании подпольного «московского центра» оппозиции, в обмане партии своими двурушническими покаяниями и в косвенном «идеологическом» подстрекательстве к убийству Кирова; прямое соучастие в убийстве им в вину не ставилось. Зиновьева, Каменева и других судили за закрытыми дверями и приговорили к тюремному заключению[11]. Этот процесс можно рассматривать как поворотный пункт в истории партии, ибо он был первым случаем (помимо дела Султан-Галиева в 1923 г. —

[9] См., напр., «Правду» от 6 и 8 декабря 1934 г., но было много и других столь же массовых казней.

[10] «Правда», 22, 27, 30 декабря 1934 г., 10 января 1935 г.

[11] «Правда», 16 и 18 января 1935 г.

см. выше, стр. 492 и 493), при котором политическая оппозиция коммунистов внутри самой партии подверглась уголовному преследованию. Поскольку этот серьезный шаг не мог быть сделан без согласия по меньшей мере Политбюро, следует предположить, что более умеренные его члены либо одобрили его, либо же были не в состоянии ему противодействовать. В том и другом случае их поведение определило их собственную судьбу. Возможно, что Куйбышев в Политбюро, а Максим Горький вне этого органа делали какие-то попытки обуздать Сталина. Тот факт, что Ягода позднее обвинялся в отравлении их обоих, делает вероятной эту гипотезу: либо он действовал по инструкциям Сталина, а затем был обвинен в этом преступлении, либо его устранили как слишком хорошо осведомленного свидетеля, либо же, наконец, вынудили сознаться, чтобы отвлечь подозрение от подлинных убийц. Внезапная смерть Куйбышева, объявленная 26 января 1935 года, и тот факт, что приблизительно в это же время в печати началась травля до тех пор неприкосновенного Горького[12], придает такой гипотезе некоторое правдоподобие. Горький умер 18 июня 1936 года.

Возможный признак того, что между Сталиным и его сотрудниками, с одной стороны, и более умеренными элементами в партийном руководстве — с другой, намечалось что-то вроде компромисса, проявился на пленуме ЦК 1 февраля 1935 года при выборах новых членов и кандидатов в члены Политбюро. Из двух новых членов один, Микоян, был безусловным сталинцем, но другой, Чубарь, был, возможно, «умеренный». Кандидатами были выбраны: подручный Сталина Жданов, занявший пост Кирова в Ленинграде, и другой возможный «умеренный», Эйхе, впоследствии павший жертвой сталинской мести[13].

[12] См., напр., «Правду» от 28 января 1935 г. с нападками Ф. Панферова на Горького.

[13] «Правда», 2 февраля 1935 г.

Тем не менее, ход событий вскоре показал, что Сталин неуклонно усиливал свое влияние в партии. Ежов, введенный в Секретариат ЦК взамен Кирова 1 февраля 1935 года, вскоре стал также председателем Комиссии партийного контроля вместо Кагановича, таланты которого потребовались для восстановления дисциплины на железнодорожном транспорте[14]. Назначение Хрущева первым секретарем МК и МГК ВКП(б), объявленное в «Правде» 9 марта, завершило расстановку сталинских подручных на ключевых постах. Ежов был не только введен в Секретариат, но и ведал главным органом, ответственным за дисциплину и идеологическое единство в партии. Стоявший несколько ниже на партийной лестнице, но шедший в гору молодой Г. М. Маленков (он служил некоторое время в Секретариате, а теперь был заместителем заведующего еще не упоминавшегося в печати Отдела кадров ЦК) стал правой рукой Ежова по чистке партии[15]. Поскребышев еще ведал личным секретариатом, а возможно и Особым (Секретным) отделом Секретариата ЦК, имевшим дело с органами безопасности[16]. Вышинский, другой надежный подручный, был ключевой фигурой в прокуратуре, главой которой он вскоре стал.

Хотя стартовый механизм террора был таким образом смонтирован, в 1935 году Сталин двигался вперед еще очень осмотрительно. Проверка и чистка в партии продол-

[14] «Правда», 1 марта 1935 г.

[15] Управление кадров было официально учреждено только в 1939 г. Но Отдел кадров, по-видимому, уже существовал в то время, так как два циркуляра ЦК в Смоленском архиве партии упоминают Маленкова как заместителя заведующего Отделом кадров ЦК. Они подписаны Ежовым в качестве секретаря ЦК и датированы 8 июля и 10 августа 1935 г.

[16] Секретный отдел Секретариата ЦК был учрежден в 1930 г. (хотя, может быть, он существовал и раньше — см. выше, стр. 448), а Особый отдел, перенявший его функции, был создан в 1934 г. Отношения между этим отделом и личным секретариатом Сталина неясны, и оба отдела, возможно, тождественны.

жались в течение всего года. Многих партийцев исключили либо арестовали. Тем не менее атака на партию была еще относительно умеренной по сравнению с последовавшими далее событиями[17]. В конце 1935 года пленум ЦК объявил об окончании массовой чистки и постановил: в тех областях, где она не проходила, она проводиться не будет[18]. Но в середине 1935 года два эпизода предзнаменовали надвигавшиеся события: 25 мая было ликвидировано Общество старых большевиков, а месяцем позже — Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Оба объединения ветеранов революции были закрыты будто бы по просьбе их членов, а в комиссии, созданные для принятия их дел и имущества, вошли, в первом случае, Маленков и Шкирятов, а во втором — Ежов[19]. В руках главных инквизиторов партии оказались, таким образом, все материалы, относящиеся к настроениям старых большевиков, на которых в 1936 году и в последующие годы обрушился главный удар Сталина.

Практически в то же время по личной инициативе Сталина была проведена радикальная реорганизация комсомола с целью устранить «врагов партии»[20].

Один эпизод, имевший место в том же году, иллюстрирует, каким путем Сталин собирался использовать свои чрезвычайные полномочия для устранения оппонентов и для удовлетворения своего тщеславия. Эпизод этот показывает, что коллеги Сталина в Политбюро или в ЦК либо были готовы поддержать его в действиях такого рода, либо же вообще были неспособны его остановить. 7 июня 1935 года пленум ЦК по докладу Ежова постановил исключить из партии А. Енукидзе — одного из старейших грузинских большевиков. ЦК не привел никаких доводов для этого неожи-

[17] О количественной стороне чистки см. гл. 24.
[18] «КПСС в рез.», т. 3, стр. 288.
[19] «Правда», 26 мая и 26 июня 1935 г.
[20] «Правда», 28 июня 1935 г.

данного решения (Енукидзе был с 1918 года секретарем ЦИК и обладал широкими административными полномочиями), помимо утверждения, что он политически «разложился». Жданов и Хрущев, которым поручили объяснить это решение соответственно ленинградским и московским коммунистам, утверждали, что Енукидзе был повинен в «либерализме» и окружал себя дворянами, бывшими княгинями и «троцкистами»[21]. Другое, столь же вероятное объяснение состоит в том, что Сталин мстил Енукидзе за мемуары последнего, касавшиеся раннего периода деятельности партии на Кавказе, где Сталину отводилась только подсобная роль. Во всяком случае, вскоре после опалы Енукидзе, новый подручный Сталина, Л. П. Берия — работник НКВД, бывший тогда первым секретарем ЦК КП Грузии, сделал карьеру, опубликовав переработанный вариант истории большевистской партии в Закавказье. Сталину приписывалась теперь гораздо более видная роль. Енукидзе и другой грузин, Орахелашвили, обвинялись в извращении и фальсификации истории[22]. Оба они были расстреляны после процесса, проходившего за закрытыми дверями 16 декабря 1937 года[23].

Однако, несмотря на эти эпизоды, все еще жила надежда, что партия стоит на пороге относительного спокойствия. Реакция на убийство Кирова, казалось, подходила к концу. Материальные условия в стране постепенно улучшались, а снабжение продовольствием к осени 1935 года сделало возможной частичную отмену карточной системы. Вы-

[21] «Правда», 8, 13, 16 и 19 июля 1935 г.

[22] «Правда», 29 июля 1935 г. и следующие номера. История в изложении Берии была затем выпущена в форме книги и выдержала ряд изданий. Енукидзе и Орахелашвили упоминаются в книге Л. Берии «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Пятое издание, Москва, 1939 г., стр. 9. См. также: Bertram D. Wolfe, *Three Who Made a Revolution*, гл. XXIII.

[23] «Правда», 20 декабря 1937 г. Но более новые справочники указывают год смерти Орахелашвили как 1940 — см. БСЭ, т. 51, стр. 218.

пуск основных видов продукции, необходимых для производства средств производства, начал постепенно расти по сравнению с 1923 и 1933 годами[24]. Повсюду в стране возникали новые отрасли промышленности, все эшелоны партии с энтузиазмом взялись за новое «стахановское движение» с целью побудить рабочих приумножить усилия для создания производственной базы нового, социалистического строя. Страх все еще был налицо, но была и кое-какая надежда.

Одним из факторов, позволявшим оптимистам надеяться, что самое худшее осталось позади, было решение принять новую Конституцию. Подготовка новой Конституции и обсуждение ее проекта заняли почти два года — 1935 и 1936. Вопрос о пересмотре Конституции, насколько известно, обсуждался на пленуме ЦК в феврале 1935 года, когда Молотову было поручено предложить VII съезду Советов внести некоторые изменения в действовавшую тогда Конституцию в направлении «дальнейшей демократизации избирательной системы» и «приведения Конституции в соответствие с соотношением классовых сил, сложившимся в результате разгрома «кулачества», утверждения социалистической индустрии, победы колхозного строя как основы советского общества»[25]. Съезд образовал конституционную комиссию под председательством Сталина, но с участием Бухарина и Радека — как бы в знак примирения всех политических антагонистов при подготовке новой Конституции[26]. В июне 1936 года проект был утвержден ЦК. Помимо изменений, предло-

[24] Напр., чугун — 12,5 млн. тонн в 1935 г., 6,2 в 1932 г.; сталь — 12,6 млн. т в 1935 г., 5,9 в 1932; уголь — 109,6 млн. т в 1935 г., 64,4 в 1932 г.; цемент — 3.478.000 т в 1932 г. и 4.488.000 т. в 1935 г. См. «Народное хозяйство СССР. Статистический сборник», Москва, 1956, стр. 62, 63, 67, 79.

[25] «КПСС в рез.», т. 3, стр. 266.

[26] «Правда», 8 февр. 1935 г. Бухарин был даже секретарем комиссии и нес главную ответственность за проект Конституции. Я обязан этой справкой Б. И. Николаевскому.

женных в феврале 1935 года, проект содержал также новую главу о правах и обязанностях граждан. Под руководством партии в широком масштабе развернулось всенародное обсуждение проекта. Это обсуждение, почти не повлиявшее на окончательную редакцию Конституции, имело целью придать новой Конституции видимость массовой народной поддержки и тем самым полностью узаконить общественный строй, который она символизировала.

5 декабря 1936 года новая Конституция была единогласно утверждена на VIII чрезвычайном съезде Советов. Одобрение Конституции явилось поводом для личного триумфа докладчика — Сталина. «Правда» называла его «гением новой эры, мудрейшим человеком эпохи, великим вождем коммунизма»[27]. Формулы, содержавшиеся в новой Конституции, ставили определенные теоретические вопросы, вроде вопроса о природе государства и права в обществе, где социализм будто бы был уже осуществлен, а классовые противоречия упразднены. (Эти вопросы обсуждаются в одной из последующих глав.) Решение изменить избирательную систему, заменив многостепенные выборы прямыми, не вполне равные — равными, открытое голосование — тайным, показывало, насколько партия была уверена в своей способности обеспечить выборы отобранных ею самою кандидатов без тех мер предосторожности, которые до тех пор считались необходимыми. Гарантии гражданских свобод, предлагавшиеся Конституцией, поднимали интересные проблемы в государстве, где политическая власть уже давно была монополизирована стоявшей над законом коммунистической партией. Соответствующие статьи Конституции были составлены с учетом этих соображений. Так, статье 125, гарантировавшей свободу слова, печати, собраний и уличных демонстраций, была предпослана ограничительная фраза, по которой эти свободы гарантируются «в соответствии с интересами тру-

[27] «Правда», 25 ноября 1936 г.

дящихся и в целях укрепления социалистического строя». Официальные комментарии после опубликования предварительного проекта для его обсуждения подчеркивали, что эти права предоставляются только тем, кто принимает руководство партии, а не тем, кто ему противится[28]. Гарантия свободы от ареста, кроме как по постановлению суда или с санкции прокурора, тоже не имела на деле значения при системе, в рамках которой и судьи и прокуроры, как правило, состояли в партии и всегда находились под ее надзором.

Новая Конституция разительно отличалась от старой тем, что она признавала существование партии. Статья 141 упоминала партию как одну из общественных организаций, имеющих право выставлять кандидатов при выборах депутатов в Советы.

Статья 126 определяла, что «наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных».

Таким образом, внимательный анализ проекта новой Конституции показывал, что она оставляет нетронутым главенство партии и поэтому ничего не стоит как гарантия прав личности. Больше того, позволительно усомниться, возможно ли вообще создать систему гарантированных законом прав, пока партия исполнена решимости сохранить свою собственную позицию по отношению к остальному населению в неприкосновенности. Как и в 1921 году, отрицая

[28] См., напр., «Правду» от 22 июня 1936 г.: «Тот, кто ставит своей задачей расшатать социалистический строй... не получит ни клочка бумаги, не перешагнет порога типографии».

права других, член партии тем самым неизбежно лишал и себя самого всякой защиты от произвола. Но люди, взлелеянные коммунистической системой, редко разбираются в конституционных тонкостях и, несомненно, тот факт, что новая Конституция с ее формальными гарантиями вот-вот должна была быть введена, усиливал веру многих членов партии в то, что эра беззакония подходит к концу.

Кроме того, одна из главных целей Конституции состояла в том, чтобы убедить внешний мир в демократической природе советского строя.

В тот период Советский Союз стремился заручиться симпатиями социалистического и либерального общественного мнения в западном мире. СССР настаивал на коллективной безопасности и стремился сколотить союз против Гитлера. Речь Сталина на VIII съезде Советов показывала, что он полностью отдавал себе отчет в этой стороне новой Конституции. «Она является, — сказал Сталин, — единственной в мире до конца демократической Конституцией». Ее международное значение едва ли может быть переоценено, когда «мутная волна фашизма... оплевывает демократические устремления лучших людей цивилизованного мира»[29]. Реакция даже просвещенного общественного мнения за границей на новую советскую Конституцию показала, что Сталин не переоценил легковерия и невежества своей иностранной аудитории.

Какие бы надежды ни возникали в 1935 году в связи с новой Конституцией и другими признаками умеренности, год 1936 начался зловеще: несмотря на решение об окончании чистки, 14 января была пущена в ход новая чистка в форме постановления ЦК об обмене всех старых партийных документов на новые. Цель этого обмена документов формально состояла в отсеве «пассивных работников, не оправдывающих высокого звания члена партии». Эта опе-

[29] J. Stalin, *Problems of Leninism*, Москва, 1947 г., стр. 567.

рация привела к массовым исключениям из партии и продолжалась до мая. Но как только обмен документов закончился, 29 июля 1936 года ЦК разослал всем комитетам партии, вплоть до самых низших, закрытое письмо, озаглавленное «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока». В нем содержались требования не ослаблять бдительности, разоблачать притаившихся врагов и подготовиться к новой проверке членов партии. Последовала волна доносов, исключений и арестов[30].

19 августа 1936 года, когда обсуждение Конституции было еще в разгаре, шестнадцать видных бывших оппозиционеров во главе с Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым и И. Н. Смирновым предстали перед судом по обвинению в тяжких преступлениях. Они обвинялись в создании «террористического центра» по прямым инструкциям и под руководством Троцкого, жившего в изгнании. Этот центр, говорилось далее, существовал с 1932 года и имел своей целью организацию террористических актов против Сталина и других вождей, в том числе Ворошилова, Кагановича и Жданова, но странным образом — не Молотова. Отсутствие в списке Молотова, возможно, означает, что в то время он был в немилости, хотя это не подтверждается никакими источниками. Убийство Кирова теперь определенно инкриминировалось этому «террористическому центру». Приведенные доказательства основывались исключительно на результатах предварительного следствия и на признаниях обвиняемых, которые, за исключением И. Н. Смирнова, подтверждали свою вину на суде. Все они были приговорены к смерти и немедленно расстреляны.

Суд над видными старыми руководителями партии и их расстрел как террористов подействовали, точно взрыв бомбы, на огромное большинство членов партии. Кроме того, характер обвинений не оставлял никакого сомнения в том,

[30] Merle Fainsod, *Smolensk under Soviet Rule,* 1958, стр. 232-237.

что этот суд был лишь первым из множества процессов и что Сталин подготавливал ни больше ни меньше, как полное истребление всех бывших оппозиционеров, и левых и правых. В ходе процесса были упомянуты имена Бухарина, Рыкова и Томского, а показания Каменева вовлекали в «заговор» Сокольникова, Радека и Преображенского. Другой подсудимый назвал комкора Путну, тогдашнего военного атташе в Лондоне[31]. В ходе процесса Вышинский, будучи уже прокурором СССР, сделал заявление о том, что он распорядился начать расследование против Рыкова, Бухарина и Томского ввиду показаний, данных на процессе[32]. За этим сразу же последовала волна резолюций, якобы принятых рабочими коллективами и требовавших их казни.

Есть данные, указывающие на то, что план полного истребления всех оппозиционеров — ибо к этому-то он и сводился — натолкнулся на несколько неожиданное, хотя и запоздалое, сопротивление. 10 сентября 1936 года печать сообщила, что расследование обвинений против Бухарина и Рыкова не установило «юридических данных» для привлечения их к судебной ответственности и что дело их прекрекращено[33]. Самоубийство Томского вскоре после того, как Вышинский приказал начать следствие, быть может, напомнило многим членам партии об их ответственности перед старыми товарищами — революционерами.

По некоторым ходившим тогда слухам, одним из главных противников этой новой формы политической борьбы был Орджоникидзе, который, в частности, пытался спасти своего заместителя по Наркомату тяжелой промышленности Пятакова. Кое-какие факты подтвсрждают эти слухи.

[31] People's Commissariat of Justice of the USSR, *The Case of the Trotskyite-Zinovievite Terrorist Centre*, etc., Москва, 1936, стр. 58-67, 116.

[32] «Правда», 22 августа 1936 г.

[33] «Правда», 10 сентября 1936 г.

Орджоникидзе внезапно скончался якобы от разрыва сердца 18 февраля 1937 года. Но, по словам Хрущева на XX съезде партии много лет спустя, Орджоникидзе «был вынужден застрелиться»[34].

Кроме того, хотя 23 января 1937 года Пятаков был обвинен вместе с Сокольниковым, Радеком и Преображенским, показательно, что его имя не упоминалось вместе с тремя остальными на первом процессе. Пятакову также было разрешено опубликовать в печати письмо, приветствовавшее на обычный лад процесс и осуждение Зиновьева, Каменева и остальных — верный признак в то время, что во всяком случае официально он еще не впал в немилость.

Может быть, была также некая оппозиция против Вышинского и со стороны юристов. Во всяком случае, заместитель Наркомюста, видный теоретик права Е. Пашуканис, резко тогда критиковался, а затем был, вероятно, расстрелян[35]. Атака на Пашуканиса имела, конечно, и теоретическую подоплеку, которая будет рассмотрена в одной из последующих глав[36]. Но из многочисленных подвергавшихся нападкам юристов Пашуканис относился к числу тех немногих, кого обвиняли и как «вредителя» и как «врага народа». Вероятно, его падение было вызвано не только разногласиями по теории права. Более того, причиной, окончательно определившей судьбу Пашуканиса в период, когда Сталин вел свою политику безудержного террора, был, несомненно, тот факт, что он оказался автором проекта нового Уголовного кодекса СССР, предусмотренного статьей 14 проекта новой Конституции. По-видимому, проект нового Уголовного кодекса, помимо про-

[34] *The Anti-Stalin Campaign*, стр. 69.

[35] Первая атака на теоретической основе — статья Юдина в «Правде» от 20 января 1937 г. Другая атака — Вышинского, заявившего о «вредительской» деятельности Пашуканиса, связавшего его с Бухариным и назвавшего его «разоблаченным двурушником», там же, 9 апреля 1937 г.

[36] См. ниже, стр. 650-656.

чего, предусматривал отмену смертной казни. Хотя проект Пашуканиса и не был опубликован, он, видимо, произвел большое впечатление в Институте советской Конституции и права Коммунистической Академии, директором которого Пашуканис был в то время. Назначение Вышинского на этот пост после падения Пашуканиса положило вскоре конец этим «либеральным тенденциям», и Уголовный кодекс так и оставался непересмотренным в течение последующих двадцати двух лет[37].

Во время процесса Зиновьева и Каменева летом 1936 года Сталин отдыхал в Сочи вместе с Ждановым. Очевидно, он считал, что в деле начала массового террора можно положиться на Ежова и Вышинского. Возможно, реабилитация Бухарина и Рыкова навела Сталина на мысль, что с его генеральным планом происходит что-то неладное. Во всяком случае, 25 сентября 1936 года оба руководителя направили телеграмму Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро, в которой говорилось, что назначение Ежова Наркомом внутренних дел является абсолютно необходимым и срочным, что Ягода окончательно доказал свою неспособность разоблачить троцкистско-зиновьевский блок и что ОГПУ в этом деле отстало на четыре года[38]. Очевидно, Политбюро согласилось с этой инструкцией или преодолело сопротивление несогласных, так как на следующий день назначение Ежова было утверждено. Ягода был назначен Наркомом связи — на пост, принадлежавший до него Рыкову, и, по-видимому, служивший последним этапом перед тюрьмой[39]. За падением Ягоды последовала массовая чистка высших эшелонов службы безопасности. Старые чекисты, которые провели всю жизнь в машине террора, служа, как

[37] Это следует из отчета о собрании, впоследствии проведенном в юридическом отделе Академии. См. «Социалистическая законность», Москва, № 10-11, 1937 г.

[38] *The Anti-Stalin Campaign*, стр. 26.

[39] «Правда», 27 сентября 1936 г.

они несомненно верили, революции, были заменены большей частью новичками, сделавшими карьеру, в основном, в партийном аппарате. Так, из шести главных чекистов чином ниже Ягоды после смены начальства удержался всего лишь один. Характерно, что именно этот единственный чекист — Заковский не был ветераном Гражданской войны. Вероятно, предполагалось, что он не будет склонен проявлять лояльность по отношению к старым большевикам, до которых теперь дошла очередь[40].

Второй показательный процесс состоялся в последнюю неделю января 1937 года. Теперь во главе семнадцати подсудимых стояли Пятаков, Радек, Сокольников и Серебряков. Второй процесс был организован психологически тоньше, чем первый. Снова в роли главного закулисного злодея оказался Троцкий. Но первый процесс, сводивший обвинение к заговору против руководителей партии, тем самым уменьшал свое воздействие на население, так как популярность руководителей в народе была сомнительной. Второй процесс апеллировал к конкретным патриотическим чувствам, так как расширенное обвинение включало заговор с целью расчленения СССР в пользу Японии и Германии. Смысл привлечения к делу Пятакова выяснился из роли, которую ему отвели на процессе. Его положение в Наркомтяжпроме придавало больше веса обвинениям в саботаже и вредительстве.

Обвинение против Пятакова и других не только удобно объясняло недостатки и провалы, вызванные неумелым планированием и руководством. Обвиняемые предстали в еще более отталкивающем виде как организаторы катастроф, в результате которых, как общеизвестно, погибло или было искалечено множество людей.

[40] Биографические подробности шести заместителей Ягоды см. в «Правде» от 27 ноября 1935 г. Заковский упомянут в качестве сотрудника НКВД при Ежове (речь Хрущева на XX съезде), см. *The Anti-Stalin Campaign*, стр. 35 и 36.

Подобно первому процессу, второй тоже предвещал новые суды. Имена Бухарина, Рыкова и покойного Томского снова упоминались в показаниях подсудимых, несмотря на реабилитацию первых двух после расследования их дела. Радек, дававший показания с рвением актера, играющего увлекательную роль, впутал в дело Путну, упомянул главкома Тухачевского, что было недвусмысленным указанием на грядущие события. На этот раз неподобающих отказов признать за собой вину не было. Все подсудимые признали себя полностью виновными и всех, кроме четверых, присудили к смертной казни. Пощадили, в частности, Радека и Сокольникова. Радек, очевидно, заслужил пощаду той готовностью, с какой он признавал каждый эпизод, нужный государственному обвинителю Вышинскому. Сокольников был обязан своей жизнью, возможно, тому факту, что он был полпредом в Лондоне, где сблизился с представителями левых кругов, в том числе с супругами Вебб, чья книга об СССР изображала это государство как свободное и демократическое. Помилование Сокольникова было, вероятно, рассчитано на то, чтобы сделать процесс более приемлемым для зарубежного общественного мнения. Оба — и Радек и Сокольников — умерли в лагере в 1939 году[41].

В конце 1936 или в начале 1937 годов несколько руководителей партии сделали отчаянную попытку положить конец оргии арестов и расстрелов, направленных против партии. Противники сталинских планов находились теперь в безвыходном положении. В прошлом они оказывали поддержку или, по крайней мере, не противодействовали достаточно настойчиво тем последовательным шагам, при помощи которых Сталин укреплял свое главенствующее положение в партии, — выдвижению Ежова и Вышинского, первому процессу Зиновьева и Каменева в 1935 году, чистке 1936 года, про-

[41] Это следует из советских источников — см., напр., Ленин, 5-е изд., т. 45, стр. 648 и 652.

цессу в августе 1936 года, опале Ягоды. Чистка НКВД, проведенная Ежовым, предоставила Сталину послушное орудие террора, которое он мог использовать против любого, даже самого влиятельного члена партии — в случае надобности и за спиной обычных партийных органов. Внезапные и загадочные смерти Куйбышева и Орджоникидзе предупреждали посвященных, чтó может стрястись даже с самыми влиятельными людьми, если они попытаются противиться Сталину. Хотя доступные нам данные далеко неполны, члены ЦК сделали, по-видимому, какую-то попытку положить вовремя конец террору в партии. Честь им и хвала за мужество и честность, но их безвыходное положение было результатом их собственной деятельности и собственного поведения в предшествующие годы.

Дело дошло до кризиса в связи с вопросом о судьбе Бухарина и Рыкова. Эти вожди бывшей правой оппозиции были арестованы, вероятно, в январе или феврале 1937 года[42]. Пленум ЦК с 23 февраля по 5 марта того же года рассмотрел «вопрос об антипартийной деятельности Бухарина и Рыкова и постановил исключить их из рядов ВКП(б)», так говорилось в опубликованном тогда информационном сообщении[43]. Затем двум сторонникам Сталина — секретарям Московского и Ленинградского обкомов Хрущеву и Жданову было поручено объяснить этот новый поворот членам партии. И тот и другой нападали на опальных руководителей. Из доклада Хрущева явствует, что Бухарин и Рыков присутствовали на февральско-мартовском пленуме. Возможно, их доставили из тюрьмы. Но, добавил Хрущев, «они пришли и на пленум, чтобы обмануть партию... они не стали на путь раскаяния». Он сказал, что партия имеет теперь право поступать с ними так, «как этого требуют интересы револю-

[42] На своем процессе в марте 1938 г. Бухарин сказал, что он был под арестом свыше года, а его имя как редактора «Известий» упоминалось в газете до 16 января 1937 г.

[43] «Правда», 6 марта 1937 г.

ции», ибо они — «враги партии и рабочего класса». Жданов в своей речи открыто связал их с Троцким[44].

Тот факт, что большинство членов ЦК было арестовано и расстреляно, в основном, в 1937 и 1938 годах, позволяет заключить, что члены ЦК, по меньшей мере, пытались противиться либо вторичной травле Бухарина и Рыкова, либо же возобновлению террора, развязанного против членов партии. По заявлению Хрущева на XX съезде, из общего количества 139 членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на XVII съезде в 1934 году, всего было ликвидировано 98 человек, то есть 70%[45].

Доклад Хрущева на XX съезде был, само собой разумеется, сформулирован очень осмотрительно: осуждая некоторые стороны сталинской политики террора в 1936-38 годы, Хрущев был в затруднительном положении, так как он сам и большинство сидевших рядом с ним коллег вышли целыми и невредимыми из побоища — вероятно, ценой поддержки Сталина в ЦК в те самые годы. Согласно Хрущеву, именно на февральско-мартовском пленуме 1937 года «многие члены ЦК действительно поставили под вопрос правильность курса массовых репрессий под предлогом борьбы с „двурушничеством“. Хрущев сказал, что эти сомнения были выражены наиболее остро секретарем ЦК КП Украины Постышевым. Хрущев привел несколько фраз Постышева, заимствованных, по-видимому, из неопубликованной стенограммы пленума: «Я лично не верю, что честный член партии, прошедший долгий путь беззаветной борьбы с врагами за партию и за социализм, мог бы в 1934 году оказаться во вражеском лагере. Я просто этому не верю... Я не могу себе представить, что можно пройти с партией через трудные годы, а потом, в 1934 году, примкнуть к троцкистам». Либо тогда же, либо под другим предлогом Сталин, возможно, искренне

[44] «Правда», 17 и 21 марта 1937 г.
[45] *The Anti-Stalin Campaign*, стр. 22 и 23.

пораженный тем, что Постышев, до тех пор, как и многие другие члены ЦК, поддерживавший его политику, теперь восстал против нее, набросился на Постышева: «Кто вы такой, собственно говоря?» — «Я — большевик, товарищ Сталин, большевик», — ответил Постышев.

Хрущев назвал по имени только немногих из тех, кто, по его словам, поплатился жизнью за попытку противостоять Сталину в ЦК, — Постышева, Рудзутака, Эйхе, Чубаря, Косиора, Косарева. Но он пояснил, что изучение материалов, относящихся к обвинениям против членов ЦК, показало, что дела против них были сфабрикованы и что в тех случаях, когда делались признания, последние исторгались путем пыток; больше того, «обширные и документированные материалы о массовых репрессиях против делегатов XVII съезда партии и против членов ЦК, избранных на этом съезде», показывают, что многие партийные, советские и хозяйственные работники, заклейменные в 1937-38 годах как враги, шпионы или вредители, были ложно обвинены. Они признались «во всякого рода тяжких и невероятных преступлениях» только тогда, когда «не могли больше вынести варварских пыток». Хрущев также сообщил, что происходило с теми, кто не признавался в сфабрикованных против них обвинениях: их расстреливали после тайных процессов, а их протесты на имя Сталина или суда замалчивались. Хрущев процитировал два таких протеста — Эйхе и Рудзутака. Оба «сознались» под пытками; оба взяли обратно свои показания на закрытом суде. Призыв Эйхе к Сталину заканчивался словами: «Я умру, веря в правоту политики партии, как я верил в нее в течение всей моей жизни». Рудзутак просил только об одном: известить ЦК, что в НКВД существует «еще не ликвидированный центр, который... принуждает людей делать „признания“»[46]. Преданность этих и многих других подобных им людей идее партии напоминает предан-

[46] Там же, стр. 22, 29, 34 и 35, 82.

ность этой идее Троцкого и Пятакова; такая преданность, способная сохраняться даже перед лицом бесчеловечности партийных руководителей, была в конечном итоге главной причиной победы Сталина. Таким образом, не исключена возможность какой-то не совсем уверенной и запоздалой оппозиции сталинской политике со стороны около 3/4 членов и кандидатов в члены ЦК[47]. Косвенный намек на эту оппозицию, возможно, содержится в речи Сталина на февральско-мартовском пленуме, опубликованной в «Правде» от 29 марта 1937 года. Сталин критиковал партию за благодушие в деле борьбы со шпионами и вредителями, несмотря на неоднократные предупреждения, и ссылался на два закрытых письма ЦК по вопросу о бдительности — от 18 января 1935 года и 29 июля 1936 года (упомянутых выше). Сталин дал некоторое объяснение задержке расправы со всеми шпионами и диверсантами, которыми была пронизана партия. Прежде чем справиться с технической отсталостью страны, необходимо было подготовить десятки тысяч «технически подкованных большевистских кадров». Теперь опасность состоит уже не в технической отсталости кадров, а в политической «беспечности». Подчеркивая мысль, что даже дельный инженер не застрахован от подозрения, Сталин напал на «гнилую теорию», будто хороший работник не может быть вредителем. Наоборот, ни один вредитель не будет все время вредить, если он не хочет быть разоблаченным. «Болтовне» о том, что-де меры, предпринимаемые против вредителей, неблагоприятно отразятся на выполнении хозяйственных планов, сказал Сталин, надо положить конец.

Сталин также предложил практические меры для противодействия тому расшатыванию партийного аппарата, к

[47] Есть сомнения насчет даты, когда оппозиция впервые выплыла на поверхность. Опубликованный в 1951 г. отчет бывшего высокопоставленного члена партии относит «бунт» в ЦК к осени 1936 г. См. A. Ouralov, *Staline au Pouvoir*, Paris, 1951, стр. 34-41.

которому неизбежно вели массовые репрессии. Он изложил новый план интенсивной политической подготовки партийных кадров, причем главный упор делался на подготовку заместителей. Надо, сказал он, особенно интенсивно готовить вторых и третьих секретарей для замены их непосредственных руководителей. Жданов, речь которого на этом пленуме была опубликована несколько позже, особенно подчеркивал необходимость «большей демократии» в партии. Он критиковал ряд выступивших на пленуме — все они стали жертвами удара, который вскоре обрушился на ЦК — за то, что они не понимают тонкостей внутрипартийной демократии[48]. Письмо ЦК, опубликованное в «Правде» 21 марта 1937 года, настаивало на свободном и открытом выдвижении и обсуждении кандидатур в новый состав партийных органов, на тайном голосовании и других демократических гарантиях. В царившей тогда в партии атмосфере общей паники вряд ли какие-либо выборы могли произойти вопреки директивам свыше. Но это традиционное упражнение в лицемерии, вероятно, имело своей целью убедить рядовых членов партии, будто массовые репрессии метили только на устранение отдельных секретарей с диктаторскими замашками. Если это действительно было целью — напомню, что такая же тактика предшествовала выводу Томского из партийного руководства профсоюзами, — то, мягко выражаясь, лишь немногие попались на удочку.

Массированная атака на партию, в ходе которой были арестованы десятки, а то и сотни тысяч коммунистов, началась в конце 1936 года и продолжалась до конца 1938 года. Тревога Сталина относительно воздействия его политики на партийный аппарат была вполне понятной, если взглянуть на опустошения, произведенные хотя бы только в высших

[48] Их речи на пленуме были опубликованы, а затем перепечатаны в брошюре «О перестройке партийно-политической работы. К итогам пленума ЦК ВКП(б)», Москва, 1937 г.

кругах партии. Избранный в 1934 году ЦК состоял из 71 члена и 68 кандидатов в члены. Уже к весне 1937 года из этих 139 человек по меньшей мере десять были расстреляны или сидели в тюрьмах. Согласно Хрущеву, всего было расстреляно 98 членов и кандидатов ЦК — большей частью в 1937-38 годы. (Может быть, Хрущев несколько преувеличил, сказав, что все они были расстреляны, поскольку, по крайней мере, один из них, Г. И. Петровский, вновь появился после смерти Сталина). Вероятно, однако, самое меньшее, 90 высших руководителей партии были так или иначе устранены после февральско-мартовского пленума ЦК в 1937 году. Совместно они представляли значительный сгусток власти в партийном аппарате, народном хозяйстве, в государственном аппарате и в армии. В их число входили, например, два ведущих секретаря ЦК КП Украины, Председатель Совнаркома УССР и председатель исполкома Украинского съезда Советов (С. В. Косиор, П. П. Постышев, В. Я. Чубарь и Г. И. Петровский); несколько ведущих секретарей обкомов, на которых Сталин до тех пор полагался в проведении своей политики (вроде М. М. Хатаевича из Днепропетровска и Б. П. Шеболдаева с Северного Кавказа); несколько наркомов СССР и РСФСР; первый секретарь ЦК комсомола А. В. Косарев; ряд видных военных деятелей, среди которых члены ЦК — начальник Главного политического управления армии Гамарник и командующий Украинским военным округом Якир; кандидаты в члены ЦК — командующий Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией маршал Блюхер, главнокомандующий сухопутными силами РККА маршал Тухачевский, два других видных военачальника — Егоров и Уборевич, а также заместитель Гамарника Булин. Двое близких друзей и товарищей Сталина — Ворошилов и Буденный (первый из них член, а второй — кандидат в члены ЦК), вероятно, поддерживали Сталина. Изменения в составе партии, вызванные террором, рассматриваются в одной из последующих глав. Но кое-какое представление о разрухе в результате арестов и казней в 1937 и 1938 годах

и о последующей смене кадров можно составить на основании двух цифр. Первая, сообщенная партии Хрущевым на XX съезде, показывает, какие опустошения произвел террор среди делегатов XVII съезда, представлявших партийную и советскую верхушку. Из 1.961 делегата с правом решающего и совещательного голоса не менее 1.108, то есть больше половины, были арестованы по обвинениям в контрреволюционных преступлениях[49]. Другую цифру дал Сталин на XVIII съезде партии в 1939 году. Согласно Сталину, свыше 500.000 членов партии было выдвинуто на руководящие партийные и советские посты между 1934 и 1939 годами[50]. Конечно, не все они заняли места покойников, так как некоторые продвижения были несомненно обусловлены расширением административного и партийного аппаратов в результате промышленного развития. Кроме того, период, на который ссылался Сталин, включает 1935 и 1936 годы, помимо 1937 и 1938 годов, а репрессии против членов партии и их исключения уже имели место в значительном масштабе и в первые два года этого четырехлетнего периода. Но общее количество лиц, устраненных в первые два года, было скромным по сравнению с более страшными 1937 и 1938 годами. Согласно Хрущеву, например, «количество арестов за контрреволюционные преступления в 1937 году было в десять раз больше, чем в 1936 году»[51], хотя в данном случае Хрущев, по-видимому, имел в виду не только партийцев, но и беспартийных. В общем, «оборот» партийных и советских работников в основные годы сталинской кампании против партии — 1937-38, — вероятно, исчисляется сотнями тысяч.

[49] *The Anti-Stalin Campaign*, стр. 23.
[50] «XVIII съезд», стр. 30.
[51] *The Anti-Stalin Campaign*, стр. 30.

23. АПОГЕЙ ТЕРРОРА

Коммунисты не удержали бы власти в критические годы «третьей сталинской революции» без поддержки вооруженных сил. Можно даже сказать, что сохранение лояльности армии в период коллективизации, несмотря на преимущественно крестьянский состав вооруженных сил, — одно из крупнейших достижений Сталина. Сила партии в Красной Армии значительно возросла в годы пятилетки, и к ее концу все старшие командиры и 93% всех комдивов состояли в партии. Нет никаких указаний на то, что оппозиция со стороны армейских коммунистов представляла собой серьезную проблему для властей в этот период. Достаточно привести несколько цифр: в 1929 году, например, было «вычищено» только 3,5% членов армейских партийных организаций по сравнению с 11,7% исключенных из партии в целом. В 1933 году исключения в армии составили всего 4,3%, в то время как гражданские организации потеряли в ходе чистки 17% членов. Шкирятов от лица ЦКК особо подчеркнул высокую идейную преданность армейских коммунистов. Конечно, эти цифры могут быть обманчивы — в том смысле, что Сталин, возможно, не намеревался тогда подрывать боевого духа армии серией мелких чисток и откладывал главный удар до более позднего времени. Во всяком случае, даже если политическое настроение армии и подвергалось каким-либо серьезным испытаниям между 1929 и 1934 годами, то об этом нет никакой достоверной информации.

Но если армия, таким образом, оставалась верной Сталину после 1929 года, то она же, в основном, и выигрывала от его расположения. Материальные преимущества включали в себя важные льготы солдатам-колхозникам и их семьям. Для офицеров большое значение имели жилищные льготы, улучшенное снабжение товарами ширпотреба и сравнительно высокие оклады. Еще более важным фактором было усиление престижа армии. Восстановление персональных воинских званий в сентябре 1935 года повысило чувство собственного достоинства у кадровых офицеров и привело к огромному наплыву курсантов в военные училища. В то же время (после 1934 года) личный состав армии стремительно расширялся. Вскоре образовался огромный офицерский корпус, состоявший из молодых, только что обученных офицеров, в основном, пролетарского происхождения. Подсчитано, что к маю 1937 года около трех четвертей всех командиров были людьми этой формации, обязанными своим положением и своим новым престижем исключительно Сталину и его курсу. Остальные были ветеранами Гражданской войны, в основном, принадлежавшими к высшему командному составу. Нетрудно себе представить, насколько сильным при таком положении вещей был карьеристский ажиотаж, царивший на служебной лестнице.

Сложность продвижения определялась не только давлением снизу. Существовали трения и на верхах. Они вызывались системой политического контроля — компромиссной системой, остававшейся, по существу, неизменной с 1925 года[1]. С 1929 по 1937 годы Политическое управление армии возглавлял Ян Гамарник. Он обладал качествами,

[1] См. выше, стр. 462-464. Там, где это не оговорено особо, факты о Красной Армии заимствованы из книги, которая превосходно разрабатывает эту тему: D. Fedotoff-White, *The Growth of the Red Army*, Princeton, 1944. Наиболее полный материал о чистках в армии в 1937-38 г.г. см. в книге: John Erickson, *The Soviet High Command: A Military-Political History, 1918-1941,* London, 1962, гл. XIII-XV.

непригодными для поколения коммунистов, выпестованных Сталиным: еврей по происхождению, умный человек, честный коммунист, убежденный интернационалист. Рядовые младшие политработники, которых аппарат выпускал конвейерным методом, работали на низшем уровне рука об руку с красными командирами. Но на верхах, где ветераны Гражданской войны занимали бо́льшую часть командных постов, старшие и более образованные политработники не ладили с обычно малообразованными, хотя в военном отношении и заслуженными ветеранами.

Эти два фактора — карьеристская толчея на служебной лестнице и трения на верхах между командирами и политработниками — вносили раздоры в армию, которые Сталин ловко использовал, когда решил, что настал момент для расправы с командирами вооруженных сил.

К началу 1937 года участились признаки того, что следующей жертвой террора станет армия. В январе 1937 года имена двух военачальников упоминались на процессе Пятакова — Радека. На февральско-мартовском пленуме ЦК Сталин сделал прозрачный намек: какой, дескать, большой вред могут причинить несколько вражеских агентов в штабе армии. К апрелю того же года главкома Тухачевского уже открыто игнорировали. 10 мая была снова введена система военных комиссаров. 11 июня печать объявила, что арестована и в тот же день предана закрытому суду группа военачальников — маршал Тухачевский, командующие военными округами Якир и Уборевич, заместитель командующего войсками округа Примаков, начальник Военной Академии Корк, комкоры Фельдман и Эйдеман, а также бывший военный атташе в Лондоне Путна. О Гамарнике сообщалось, что 31 мая, при аресте, он покончил жизнь самоубийством. Конкретные обвинения против этих офицеров никогда не выдвигались; более того, помимо краткого сообщения в печати, нет никаких указаний на то, что судебный процесс над ними вообще имел место. Но за сообщением последовал, как всегда, поток обвинений в печати (позднее, в марте

1938 года, к ним добавились обвинения, выдвинутые на процессе Бухарина). Утверждалось, что командиры Красной Армии шпионили в пользу Германии и Японии, готовили переворот и передачу власти руководителям правой и троцкистской оппозиции, а также расчленение СССР в пользу Германии и Японии в обмен на военную поддержку со стороны этих держав.

Затем последовали волны арестов в течение 1937 и 1938 годов. Аресты в армии, которые коснулись в одинаковой мере и командиров и политработников, относительно сильнее затронули именно высшие командные кадры. Было убрано большинство ветеранов Гражданской войны, хотя оставались и исключения — например, Конев. Количество жертв, по подсчетам японской разведки, выражалось в следующих цифрах: в общей сложности исчезли 35.000 человек, или около половины личного состава офицерского корпуса; трое из пяти маршалов; 13 из 15 командармов; 57 из 85 комкоров; 110 из 195 комдивов; 220 из 406 комбригов; все 11 заместителей Наркома обороны; 75 из 80 членов Военного Совета, в том числе все командующие войсками округов. Главнокомандующие военно-воздушными и военно-морскими силами и все, кроме одного, командующие флотом были также ликвидированы. Если считать по воинским званиям, то арестовано было 90% всех генералов и 80% всех полковников. Количество «вычищенных» офицеров по чину ниже полковника исчислялось в 30.000 человек[2].

Аресты продолжались непрерывно на протяжении 1937 и 1938 годов. Однако, что касается высшего начальствующего состава, то тут избиение произошло, по-видимому, в два приема. Так, несколько видных командиров выжили до второй половины 1938 года. Из 14 командующих военными округами на 11 июня 1937 года шестеро исчезли к январю

[2] См. Raymond Garthoff, *How Russia Makes War: Soviet Military Doctrine*, London, 1954 г. стр. 220 и 221.

1938 года; но и другие шесть человек были смещены только между январем и серединой 1938 года. Отсрочка объяснялась, вероятно, необходимостью завершить обучение и подготовку офицеров новой формации. Это подтверждается тем фактом, что некоторые позднее прославившиеся офицеры появились только на последнем этапе террора. Осенью 1938 года во всех военных округах были проведены большие маневры, на которых присутствовал Ворошилов. Они, видимо, имели целью проверку новых командных кадров.

Самым важным нововведением было восстановление в самый канун террора системы политкомиссаров. Снова вернулось двоеначалие, при котором комиссар скреплял своей подписью каждый приказ командира, а не просто был заместителем по политической части. Система комиссаров постепенно отмирала после 1925 года. Ее восстановление, вероятно, рассматривалось как экстренное мероприятие. Выступая на XVIII съезде партии в 1939 году, Ворошилов особо подчеркивал военное значение комиссара и предсказывал, как командир и комиссар вдвоем поведут в бой свои части и соединения. Нелепость этого представления с точки зрения фронтовой эффективности сказалась на первой фазе финской кампании в 1939 году.

Последняя крупная реорганизация коснулась комсомола — в августе 1937 года, после устранения его руководителя Косарева[3].

Разгромив своих критиков, Сталин мог везде — даже на секретных сборищах Политбюро и ЦК — претендовать на то, что он является хозяином не только судеб страны, но и ее истории, которую он стал толковать теперь по своему усмотрению. Как это искони делали все деспоты, Сталин занялся писанием истории на новый лад[4]. Он пытался даже изменить объективные факты. Так, результаты переписи

[3] «Правда», 29 августа 1937 г.

[4] Рост партийного контроля над исторической наукой и вообще культурной деятельностью рассматривается в одной из последующих глав.

населения, проведенной в январе 1937 года, были просто аннулированы и замяты, — вероятно, они разоблачали потери, понесенные населением в результате казней, ссылок и голода 30-х годов[4a]. В конце 1937 года состоялись первые выборы в Верховный Совет по новой Конституции. Выборы эти были провозглашены убедительным доказательством всенародной поддержки, которой пользовались Сталин и партийное руководство: голосовало 96,5% имеющих право голоса. Из примерно 94 миллионов голосовавших только около 135.000 вычеркнули имя единственного кандидата в избирательном бюллетене и 62.000 бюллетеней были признаны недействительными[5]. Тем временем выдавались заслуженные награды людям, обеспечившим победу Сталина. 21 июля 1937 года получил орден Ленина Вышинский. Примерно в то же время награждается и Ежов — по случаю открытия канала Москва-Волга, прорытого заключенными концентрационных лагерей, находившихся в его ведении[6]. В октябре того же года Ежов становится кандидатом в члены Политбюро[7]. В январе 1938 года удостаивается награды другой верный сталинец — первый секретарь МК и МГК Н. С. Хрущев, ставший теперь первым секретарем ЦК КП(б) Украины. Он занял место неспокойного Постышева в качестве кандидата в члены Политбюро[8].

В первой половине марта 1938 года, после полного разгрома оппозиции, было поставлено последнее действие трагедии. Бухарин, Рыков, Ягода, Крестинский, Раковский и 16 других лиц предстали в качестве обвиняемых на открытом судебном процессе. Большая часть обвинительного заключения носила уже знакомый характер. Лишний раз Троцкий изображался подлинной движущей силой за кулисами заговора, именовавшегося теперь «антисоветским право-троцкистским

[4a] «Правда», 20 сентября 1937 г.
[5] «Правда», 15 и 17 декабря 1937 г.
[6] «Правда», 1, 15 и 18 июля 1937 г.
[7] «Правда», 13 октября 1937 г.
[8] «КПСС в рез.», т. 3, стр. 306.

блоком». Подсудимые обвинялись, как обычно, во вредительстве, шпионаже в пользу Германии и Японии и в заговоре с целью свержения Сталина и его ближайших товарищей, расчленения СССР в пользу названных держав в обмен на их поддержку. Расстрелянные в июне 1937 года военачальники тоже будто бы участвовали в этом заговоре. Но были на процессе 1938 года и кое-какие новые отличительные черты. Например, Ягоде инкриминировалось еще и отравление Максима Горького, Куйбышева и своего бывшего начальника по ОГПУ Менжинского, и на скамье подсудимых оказалось несколько видных врачей. Бухарина — несомненно с целью умалить популярность, которой он еще пользовался — обвиняли дополнительно в заговоре с левыми эсерами с целью ареста и убийства Ленина, Сталина и Свердлова в 1918 году. За исключением этого последнего пункта, который Бухарин отрицал до конца, приведенные на суде доказательства состояли почти целиком из признаний, сделанных подсудимыми на предварительном следствии. По делу о заговоре с целью убийства Ленина в 1918 году было вызвано несколько свидетелей. Это были бывшие левые эсеры и левые коммунисты — привидения из давно ушедшего мира, сами находившиеся в руках НКВД.

И на этот раз подсудимые подтвердили на суде показания, данные ими при допросах. Но произошло и несколько срывов. Крестинский отказался от «признаний», сделанных им на предварительном следствии. На следующий день, однако, побывав снова в руках следователей НКВД, он взял свое опровержение обратно и дал все нужные показания перед публикой. У Вышинского, выступавшего и на этом процессе государственным обвинителем, имелся и другой непокорный «клиент» — свидетель Борис Камков. Этого старого эсера-террориста вызвали для подтверждения, что Бухарин в 1918 году якобы участвовал в заговоре левых эсеров с целью убийства Ленина. Но мужественный и сильный человек, Камков и теперь не дал себя сломить коммунисту-прокурору — так же, как не сломили его в прошлом царские жандармы. Он

стойко отрицал существование какого бы то ни было заговора против Ленина в 1918 году. Камков был уже заключенным, находился в руках НКВД, и его дальнейшая судьба неизвестна. По советским источникам, он «умер» в 1938 году. В этом сомневаться не приходится. Все подсудимые, кроме трех, были приговорены к расстрелу. В числе осужденных к тюремному заключению были один из врачей и бывший полпред в Лондоне Раковский.

Все три показательных процесса 1936-38 годов стали предметом оживленных обсуждений — и в то время и позднее. Они действительно ставят перед историками важные вопросы. Первый из них: были ли показания обвиняемых хоть в какой-нибудь части правдивыми? Имеются веские основания просто отвергнуть все обвинения как плод фантазии НКВД и Вышинского. Бóльшая часть показаний, за несущественными исключениями, состояла из признаний подсудимых, сделанных ими при допросах в тюрьмах НКВД. Мы знаем теперь из разоблачений Хрущева на XX съезде партии, что сотрудники НКВД имели право применять и действительно применяли пытки — и психологические и физические, чтобы исторгнуть эти признания[9]. Помимо того, новейшая официальная советская история партии больше не называет Зиновьева, Каменева, Рыкова или Бухарина предателями. Она довольствуется утверждением, что их взгляды были «ошибочными», что, «продолжая настаивать на своих ошибочных взглядах, они скатились впоследствии к антипартийной деятельности» и поэтому превратились «объективно» в орудие антисоветских сил, а в случае Бухарина и Рыкова — в «агентуру кулачества»[10].

Кроме того, везде, где можно проверить конкретные факты и сравнить их с утверждениями, звучавшими на процессах, результаты оказываются неизменными: факты про-

[9] *The Anti-Stalin Campaign*, стр. 31-42.
[10] БСЭ, 2-е изд., т. 50, Москва, 1957 г., стр. 258, 263.

тиворечат тому, что говорилось. В частности, Троцкий приложил особые усилия, чтобы очистить себя от возведенных против него обвинений. Ему удалось установить перед независимой следственной комиссией ложность утверждений в тех случаях, когда они поддавались проверке[11]. Не стоило, впрочем, большого труда разоблачить ошибки, обычные для дела, явно состряпанного в ведомстве Вышинского. Оказалось, например, что гостиница, в которой, согласно показаниям, будто бы состоялась важная встреча, была разрушена еще до Первой мировой войны и никогда не восстанавливалась. Показания на процессе придавали особое значение тайной встрече с Троцким одного из «заговорщиков». Им оказался Пятаков, якобы прилетевший в Норвегию на самолете, чтобы повидаться с Троцким. Однако легко было установить, что ни в указанный на процессе день, ни даже приблизительно в тот период на данном норвежском аэродроме не приземлялся ни один самолет. Огромная масса нового материала, ставшая доступной после поражения Германии в 1945 году, содержит кое-какие указания на сговор между НКВД и гестапо, но не имеет никаких данных о контактах между немцами и участниками советской оппозиции. И, наконец, когда утверждения касаются событий прошлого, извращения и фальсификации обвинителей легко опровергаются историческими источниками. Один из примеров: «участие» Бухарина в заговоре с целью убийства Ленина и других в 1918 году. Общеизвестные факты, относящиеся к тому периоду, были искажены до неузнаваемости, чтобы подкрепить совершенно беспочвенное обвинение[12].

[11] См. *The Case of Leon Trotsky,* Report of Hearings on the Charges made against him in the Moscow Trials. By the Preliminary Commission of Inquiry, John Dewey, Chairman etc., London, 1937. *Not Guilty,* Report of the Commission of Inquiry into the Charges against Leon Trotsky in the Moscow Trials etc., New York, London, 1938.

[12] Я рассмотрел этот случай детально в книге *The Origin of the Communist Autocracy,* стр. 143-145.

Особое значение имеет вопрос об оппозиции в армии. Существовал ли армейский заговор в 1926 или 1937 году? Все говорит об обратном. Заговор с целью устранения Сталина и передачи власти Бухарину имел бы смысл в 1929 или 1930 году, но не в 1936 или 1937. Мы не знаем, как голосовали Тухачевский и другие военные члены ЦК на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года, который исключил Бухарина и Рыкова из партии и предопределил их судьбу. Если они голосовали против Сталина, то тем самым преждевременно раскрыли свои карты. Если они голосовали за него, то это их не спасло. Во всяком случае, обычный метод подавления заговора состоит в молниеносном разгроме, без всякого предупреждения. Аресты же 1937 года были чем-то совершенно противоположным, так как им предшествовал целый ряд предупреждений с начала года.

Эмигрантские утверждения о наличии заговора противоречивы, отрывочны и неубедительны; кроме того, они часто оказываются под влиянием некой правдоподобной версии «заговора», которая была выдвинута на процессе Бухарина. Правда, есть кое-какие доводы в пользу того, что переворот как будто готовился; они опираются на тот факт, что первая волна арестов обрушилась с особой тяжестью на командование Московского гарнизона, на командный состав ключевых Киевского и Белорусского военных округов на западе и изолированного Дальневосточного военного округа. Но даже это можно объяснить просто мерами предосторожности. Ни малейшего доказательства каких-либо контактов между немцами и казненными военачальниками не обнаружено и в ходе процесса над военными преступниками в Нюрнберге. Но зато имеются весьма детальные отчеты Кривицкого (до войны) и сотрудника гестапо Хеттля (после войны), говорящие о том, что данные против Тухачевского и других были сфабрикованы гестапо в сговоре с НКВД и затем переправлены советскими агентами в Париже в Москву через Чехословакию. Роль Чехословакии подтверждается воспоминаниями Черчилля о том, что ему впоследствии расска-

зал Бенеш[13]. Кроме того, сами советские власти уже не считают, что Тухачевский и расстрелянные с ним военачальники были вражескими шпионами. Тухачевский и несколько других названных с ним лиц теперь реабилитированы, и имена их опять включены в списки героев Гражданской войны. Признается также, что «репрессии» тех лет были «противозаконными» и привели «к известному ослаблению вооруженных сил», пока не выдвинулись новые командные кадры[14], — мнение, несовместимое с утверждением, будто ликвидированные лица были немецкими шпионами.

Таким образом, единственное заключение из имеющихся у нас данных состоит в том, что факты, которые обвинение пыталось доказать на процессах, были, в основном подложными, а если некоторые из них и соответствовали истине, то отличить правду от лжи здесь невозможно. Допустимо предположить, например, что некоторые подсудимые обсуждали отстранение или даже убийство Сталина и, может быть, некоторых из его приближенных. Пожалуй, достоин удивления тот факт, что, в частности, руководители армии, которые, не в пример Бухарину или Зиновьеву, имели в своем распоряжении оружие, терпеливо ждали в течение нескольких месяцев, пока до них дошла очередь быть уничтоженными. Но все это только домыслы, которые ими и останутся вплоть до поступления новых данных. Одно несомненно: если бы действительно существовал заговор с участием армии, руководящих партийных органов и органов безопасности, — заговор того масштаба и размаха, которые подсказывали и сам террор и процессы, — то абсолютно невероятно, чтобы он не удался.

[13] См. Wilhelm Höttl, *The Secret Front. The Story of Nazi Political Espionage*, London, 1953, стр. 10-87. (Более поздние мемуары Вальтера Шелленберга, говорящие о том же, основаны на той же информации.) W. G. Krivitsky, *I Was Stalin's Agent*, гл. VII; W. S. Churchill, *The Second World War*, vol. 1, London, 1948, стр. 225.

[14] БСЭ, 2-е изд., т. 50, Москва, 1957 г., стр. 424, а также более поздние источники.

Следующий вопрос: почему подсудимые признавались? Прежде всего следует отметить одно важное обстоятельство: люди, представшие перед открытым судом, не делали никаких признаний, на суд выводили только тех, кто уже «признался» на следствии. На XX съезде партии Хрущев привел имена нескольких мужественных людей, которых судили за закрытыми дверями или расстреляли без суда, так как они отказались дать нужные показания. Это — Рудзутак, Эйхе, Косиор, Постышев, Чубарь, Косарев. Их было намного больше — вспомнить хотя бы всех без исключения руководителей армии, а также Карахана, Енукидзе, Преображенского. Но и те, кто «признавался», были тоже большей частью людьми мужественными, старыми революционерами, в прошлом перенесшими с отвагой и решимостью опасности и лишения подпольной борьбы, тюрьмы и ссылки. Может быть, те психологические и физические пытки, которым они подвергались, сами по себе объясняют все. История знает достаточно примеров, когда даже самый сильный человек надламывался и превращался в глину в руках жестокого, неумолимого палача. Кто сам не испытал беспросветной изоляции в руках врага — без каких-либо видов на мученический венец, без надежды на спасение, с единственным выбором между безвестной смертью и покорностью воле палача, — тот не имеет права осуждать этих людей.

Так как все казненные были революционерами, жертвами нового строя, созданного ими самими, неудивительно, что, реагируя по-разному на свое отчаянное положение, они пытались в меру возможности спасти хоть какие-то остатки веры и человеческого достоинства. Не все признания были однотипными, даже судя по опубликованным отчетам. Некоторые из подсудимых — Пятаков, например, или Рыков — повторяли свою роль, даже не пытаясь противиться и не нуждаясь в особом суфлерстве; они словно решились отделаться от последней назойливой обязанности и потом искать избавления в смерти. Другие, в особенности Радек, входили в роль даже с каким-то интересом, играя, как в

театре, разукрашивая свои истории, нагромождая невероятное на невозможное и оставаясь актерами до конца. Возможно, что в некоторых случаях люди такого типа даже уговорили себя, что, давая требуемые от них признания, они служат делу всей своей жизни. Кривицкий — свидетель достоверный, на мемуары которого мы уже ссылались, — рассказывает, как один из подсудимых, Мрачковский, был вынужден, в конце концов, признаться в невероятнейших преступлениях, потому что этого-де ожидала от него партия. Мрачковский был сыном революционера, большевиком с 1905 года, последователем Троцкого в 20-х годах; он одним из первых сел в тюрьму за распространение подпольно отпечатанной программы. В течение длительного времени Мрачковский не поддавался ни попыткам следователя сломить его, ни личному обещанию Сталина пощадить, если он признается. И все же следователь добился своего. «Я довел его до того, что он заплакал, — рассказывал этот следователь Кривицкому. — Я плакал вместе с ним, когда мы пришли к выводу, что не на что уже надеяться, не во что верить, и единственное, что можно еще сделать, это предпринять отчаянное усилие для предотвращения бесцельной борьбы со стороны недовольных масс. А для этого правительству нужны публичные покаяния лидеров оппозиции»[15].

Вероятно, Бухарин был в таком же состоянии. Хотя он провел больше года в строгой изоляции в руках НКВД, его показания и последнее слово не производят впечатления, что говорил надломленный человек. Он охотно признавался в контрреволюционной деятельности, которая ему инкриминировалась, но категорически отрицал участие в заговоре с целью убийства Ленина или агентурную деятельность в пользу иностранной державы. Все пункты обвинительного акта были сфабрикованы. Но признаться в покушении на жизнь Ленина означало бы растоптать тот революционный идеал, слу-

[15] W. G. Krivitsky, *I Was Stalin's Agent*, стр. 219-225.

жению которому он отдал всю свою жизнь. Признание же в «контрреволюции» было делом совсем иным. Никто не знал лучше Бухарина, что на языке партии, которой он помог придти к власти, правда была понятием относительным: любая оппозиция против руководителей партии легко толковалась как «объективная» помощь делу контрреволюции. При наличии растущей угрозы со стороны Гитлера Бухарин мог, пожалуй, убедить себя, что его смерть не была бы бессмысленной, если бы укрепила первое в мире социалистическое государство для того неизбежного боя с силами фашизма, который он предвидел и, возможно, считал последним.

С точки зрения Сталина, процессы служили важной цели. Сосредоточивая внимание на внешнем враге — на Троцком в союзе с Германией и Японией, они отвлекали от недовольства условиями внутри страны, как-то объясняли экономические трудности и недостатки. И, прежде всего, эти судилища рисовали картину достаточно жуткую, чтобы нагнать страх на простодушных людей. В такой ситуации любая оппозиция Сталину приравнивалась к измене. Главная заслуга здесь принадлежит Вышинскому. Ему удалось в ходе процессов обойти всякий намек на то, что кто-либо из подсудимых действовал по идейным побуждениям или что оппозиция пользовалась хоть какой-то поддержкой масс. Подсудимые изображались предателями и уголовниками, а не идеологическими оппонентами.

Единственным осложнением, с которым Сталин встретился в результате процессов, был риск восстановить против себя западную, особенно социалистическую общественность, и как раз в то время, когда он пытался сколотить «народный фронт» всех левых партий в качестве страховки против возможного нападения со стороны Германии. На этот риск стоило идти, так как Сталин мог полагаться на двух мощных союзников — на полное непонимание Западом советских дел и ненависть к Гитлеру. Эти два фактора побуждали даже некоторых некоммунистов рассматривать процессы как

заслуживающие доверия. Такой, например, трезвый наблюдатель русских дел как английский историк Бернард Пэрс считал факт вредительства «безусловно доказанным»[16]. И коммунисты и некоммунисты превращались в адвокатов Сталина — иногда более восторженных, нежели честных. Немецкий писатель Лион Фейхтвангер, например, дал западным читателям по существу превратное описание процесса Пятакова и Радека; сам он в книге, написанной для русского читателя, совершенно явно показал,что знал, как ложно это описание. Так, в отчете для нерусских читателей Фейхтвангер писал: «Все дело напоминает не уголовный процесс, а дискуссию, похожую на беседу между образованными людьми, стремящимися прийти к истине». Но даже сухие страницы стенографических отчетов о процессах изобличают это описание как явную ложь. История знает мало примеров такого уничижения, которому подвергал подсудимых прокурор Вышинский. Он использовал все ухищрения, весь свой недюжинный талант, чтобы смешать с грязью те жалкие подобия людей, в которых превратились подсудумые после многомесячных истязаний. Фейхтвангер, таким образом, заведомо обманывал западных читателей. Ведь находясь в стране во время процесса, он пытался убедить советских людей в том, что «уничижительные эпитеты и шумное возмущение» вряд ли, мол, помогут объяснить смысл происходящего западному миру[17].

Все три показательных суда были лишь самым драматическим выражением более глубокого процесса — двухлетнего сталинского натиска на партию и народ, известного под именем «ежовщины». Почему Сталин счел нужным нанести этот удар? Объяснения, предлагающие в качестве ответов парал-

[16] См. M. Muggeridge, *The Thirties, 1930-1940, in Great Britain*, London, 1940, стр. 246.

[17] L. Feuchtwanger, *Moscow, 1937*, London, 1937, стр. 145. Я обязан этими и другими характерными штрихами неопубликованному труду Г. М. Каткова о процессе Бухарина.

лели с выродившимися римскими императорами и душевную болезнь Сталина, неубедительны; они справедливы разве что в том смысле, что любой человек, приносящий миллионы жизней в жертву своим политическим целям, должен считаться безумцем. Сталин был действительно натурой мстительной и тщеславной, и эти черты порой доводили его до потери душевного равновесия. Но террор имел слишком много признаков тщательной подготовки, планирования и системы, чтобы его можно было целиком приписать безумию. Конечно, легче и заманчивее возложить ответственность за всю бесчеловечность, за всю неправду тех лет на заблуждения одного человека: так, например, объясняло ежовщину партийное руководство в 1956 году, когда за смертью Сталина последовала его переоценка. Но такое объяснение не учитывает обстоятельств, в которых действовал этот человек, как и не объясняет причин, почему он один смог навязать свою волю миллионам людей. С точки зрения самого Сталина, к бойне второй половины 30-х годов привела определенная, неумолимая логика.

Сталин сосредоточил в своих руках огромную власть над партией в 20-х годах не только в силу своего честолюбия. Власть партии над страной была в те годы весьма шаткой, и подавляющее большинство коммунистов считало удержание монопольного господства первой и важнейшей целью всей партийной работы. Это требовало, прежде всего, централизованной внутрипартийной дисциплины, и Сталин был, вероятно, единственным человеком, способным ее обеспечить. Поддержка, которой он пользовался во время своего конфликта с левой оппозицией, была, в первую очередь, обусловлена этим соображением. Даже Троцкий, будучи в оппозиции, проявлял колебания, опасаясь подорвать всю структуру партийной власти. Но власть над партией, захваченная Сталиным в 20-х годах, была только преддверием той социальной революции, которую он осуществил в начале 30-х годов. Оставим в стороне вопрос о том, верно ли был выбран срок для этой революции и были ли необходимы именно такие

методы ее осуществления; отметим лишь, что, проводя ее в жизнь, Сталин пользовался значительной поддержкой со стороны партии. Но так как эта сталинская революция означала подлинную войну партии против большинства населения — крестьянства, то в ее ходе неизбежно росла и личная власть Сталина над партией. Она усилилась во сто крат именно в 20-х годах, когда началась кампания против крестьянства.

К 1934 году сталинская революция была успешно завершена — во всяком случае, в том смысле, что возврат к прошлому был исключен. Коллективизация сельского хозяйства стала свершившимся фактом, а кривая развития промышленности, наконец, поползла вверх. Партия стояла на перепутье. Один путь вел к примирению, окончанию чисток, ослаблению жесткой дисциплины, к почиванию на лаврах. О чем-то вроде этого могли мечтать те, кто думал о Кирове как о воплощении нового курса (если такие существовали). Сталину же такой курс, вероятно, представлялся гибельным. Возможно, он опасался, что конец того огромного напряжения, которое до тех пор вело партию от победы к победе, означал бы опасную расслабленность и мог подорвать монополию партии на власть. Вероятно также — и совершенно справедливо, — Сталин предвидел, что в условиях внутрипартийной гармонии для него не нашлось бы места: человек, правящий при помощи террора, редко выживает, когда террор приходит к концу. Слишком много разбушевалось страстей и жажды мести, слишком много голосов требовало возмездия за совершенное зло. Если отчеты о программе Рютина 1932 года соответствуют истине, то она ставила устранение Сталина во главу угла; этот факт Сталин вряд ли забыл в 1936 году. Таким образом, он выбрал второй путь — террор. Но террор бессмыслен и даже опасен для того, кто его применяет, если он останавливается на полпути, если не обезвреживает всех, кто может лелеять мечты о мести. С той основательностью, которая всегда его отличала, Сталин на полпути не остановился: он провел полное обновление партии, истребив поколение, сделавшее

революцию и выигравшее Гражданскую войну. Взамен он выдвинул новых людей, обязанных ему всем. Таким образом, сталинскую революцию в сельском хозяйстве и промышленности и последующий разгром партии, осуществившей эту революцию, следует рассматривать как одно неразрывное целое.

Вопрос, перевешивают ли достижения Сталина в преобразовании страны те потери и страдания, которые он ей причинил, не имеет смысла. Он зависит в свою очередь от другого вопроса, на который также нет ответа: могли ли другие люди достичь иными методами тех же или лучших результатов? Но для Сталина его успех и его личная тирания были одним и тем же, и террор внес решающий вклад именно в дело укрепления его личной власти.

Террор имел три главных результата. Во-первых, профилактический — устранение всех потенциальных соперников или оппонентов Сталина. Во-вторых, созидательный — пополнение элиты страны людьми, всем обязанными Сталину, знавшими, что их жизнь и карьера зависят от беспрекословного повиновения его воле[18]. В-третьих, — и это было, возможно, самым главным — и в рядах партии и за ее пределами террор разбил, успешно и надолго, любую возможность общественной консолидации, солидарности или какого-либо объединения. Ведь резня в партии сопровождалась гораздо более широким террором против всех слоев общества. Ни один человек, занимавший в течение какого-то времени авторитетное положение и окруживший себя послушными подчиненными или единомышленниками, не остался безнаказанным. В охватившей страну волне паники, доносов, лицемерия и интриг никто не мог доверять своему соседу

[18] Характерным примером этой стороны террора может служить случай Румянцева, который, проявляя примерную преданность Сталину, годами правил смоленской областной партийной организацией. См. Merle Fainsod, *Smolensk under Soviet Rule,* стр. 58-60.

или укрываться под крылом того или иного учреждения, той или иной личности, на которых он до сих пор полагался. «Атомизация» общества, в которой иногда усматривается сущность тоталитаризма, как раз и была завершена в годы террора.

Конец террора наступил внезапно и бесшумно. Но в течение всего 1938 года проявлялись признаки опасений среди партийного руководства, не начинают ли аресты и исключения подрывать само существование партии как действующего организма. В созданной террором атмосфере становилось все труднее и труднее обеспечивать пополнение партийного и административного аппаратов, столь остро необходимое вследствие массовых ликвидаций. Трудность состояла в том, что уцелевшие до поры до времени коммунисты (по причинам вполне понятным) очень осторожно и неохотно брали на себя ответственность за рекомендацию новых членов партии. Такая позиция довольно резко критиковалась в печати. Один коммунист, отвечая на вопрос, почему он никогда не рекомендует новых кандидатов, откровенно сказал: «А что, если с ними что-нибудь случится? Отвечать-то буду я»[19].

Уже в течение 1938 года были приняты меры для исправления создавшегося положения; их цель — более интенсивное восполнение поредевших партийных рядов. В разосланном партийным организациям постановлении пленум ЦК строго предупреждал против излишней «бдительности», приводившей к неоправданным исключениям из партии, и требовал рассмотрения всех апелляций по этому вопросу. Вина за злоупотребления возлагалась, само собой разумеется, на отдельные партийные организации и на «клеветников», проникших-де в партию и использовавших бдительность в собственных своекорыстных целях — будто ежовщины и в

[19] Приведено в книге: Zbigniew K. Brzezinski, *The Permanent Purge*, Cambridge, Mass., 1956, стр. 120.

помине не было[20]. Впервые за долгие годы беспартийным было разрешено занимать руководящие посты в правительственных и хозяйственных органах[21]. Ускорен был прием новых членов в партию[22]. Положение постепенно исправлялось, но очень медленно, и это неудивительно: полномочия НКВД урезаны не были, а партийные организации раздирались между боязнью арестов — в том случае, если они оставят в партии человека, которого можно хоть в чем-то заподозрить, и страхом перед дисциплинарными взысканиями, если они его исключат.

Руководители партии поистине оказались между двух огней. С одной стороны, чисто практическая необходимость диктовала восстановление какого-то подобия нормальных условий в рядах партии. Но с другой — слишком резкое прекращение террора могло бы действительно вызвать катастрофу; ведь за истекшие годы накопилось так много недовольства и справедливой ненависти, особенно, конечно, по отношению к НКВД. Поэтому руководители действовали очень осторожно. В июле 1938 года заместителем Ежова был назначен Л. П. Берия, деятельность которого до тех пор ограничивалась Грузией, — сначала он работал там в ОГПУ, а затем в партийном аппарате. К концу года Ежова постепенно вытеснили. 8 декабря печать объявила, что он освобожден от своих обязанностей в НКВД. Его преемником, естественно, стал Берия. И хотя Ежов, как сообщалось, сохранил за собой пост Наркома водного транспорта, на который был назначен еще в марте или апреле 1938 года, но он уже канул в то небытие, из которого его в свое время извлек Сталин; о его дальнейшей судьбе ничего неизвестно (по

[20] «КПСС в рез.», т. 3, стр. 306-315.

[21] ПС, № 6, март 1938 г., стр. 62, — резолюция ЦК от 4 марта 1938 г.

[22] ПС, № 23, 1 декабря 1938 г., стр. 43, — резолюция ЦК от 14 июля 1938 г. См. также: Бжезинский, ук. соч., стр. 119-128, и следующую главу настоящей книги.

слухам, он будто бы сошел с ума и вскоре умер)[23]. Массовые аресты разом прекратились, и бесчисленные дела, следствие по которым еще продолжалось, были прекращены, а обвиняемые выпущены из тюрем. Ряд сотрудников НКВД был арестован, и заключенные в лагерях иной раз неожиданно встречались со своими прежними мучителями, прибывшими отсиживать сроки[24]. Но никаких изменений полномочий и привилегий НКВД не последовало; не изменилась и система принудительного труда. Террор не был отвергнут, его жертвы не были реабилитированы. Хотя эксцессы прошлого теперь свободно признавались, вина за них возлагалась на «клеветников» и врагов, вроде троцкистов, которым удалось проникнуть в органы безопасности. Были-де допущены некоторые ошибки, и партия, как обычно, приписывала себе заслугу в деле их исправления.

В марте 1939 года, после пятилетнего перерыва, собрался, наконец, съезд партии — восемнадцатый. Это было сборище, запуганное и льстивое. Ни прений, ни критики, ни дискуссий... Ораторы, один за другим, покорно вторили трем главным докладчикам — Сталину, Молотову и Жданову. Выступавшие соревновались между собой в поисках все новых и новых формул для восхваления Сталина. Стенографический отчет пестрит виршами в честь Вождя, собранными делегатами со всех концов Советского Союза. И Сталин и Жданов коснулись событий, потрясавших партию в истекшие годы. Сталин сказал, что чистка сопровождалась «серьезными ошибками»; их оказалось даже больше, чем можно было предположить. «Несомненно, — продолжал он, — что нам не придется больше пользоваться методом массовой чистки. Но чистка 1933-1936 годов была все же неизбежна, и она, в основном, дала положительные резуль-

[23] Ежов не упоминается в переизданном официальном «Кратком курсе истории партии», вышедшем в свет в 1939 г. В БСЭ, т. 50, 1957, стр. 124, Ежов назван «врагом народа», наряду с Ягодой и Берией.

[24] См. Merle Fainsod, *How Russia Is Ruled*, стр. 442 и 443.

таты»[25]. Эти слова были косвенным обещанием, что ежовщине положен конец. Но его слушатели не могли не заметить, что, ограничившись периодом 1933-36 годов, Сталин, по сути дела, не коснулся двух главных лет террора — 1937 и 1938 годов.

Жданов, однако, поставил все точки над «и». С тем холодным цинизмом, на который он был такой мастер, Жданов критиковал местные организации за их «ошибки», приводя примеры патологической подозрительности, охватившей партию. Обвинения, говорил он, фабриковались; после исключения одного «шпиона» исключались все, кто когда-либо поддерживал с ним хотя бы самый случайный контакт; в одном случае было исключено 64% членов местной организации — и т.д. Жданов безжалостно громил местные организации за их глупое чрезмерное усердие[26]. Резолюция, принятая съездом, шла еще дальше. В ней признавалось, что метод массовых чисток оказался малодейственным. С одной стороны, он не смог обезвредить пробравшихся в партию ее подлинных врагов, с другой — метод чисток исключает-де возможность индивидуального подхода к персональным «делам» и «зачастую ведет к ущемлению прав членов партии». В целях ограждения прав коммунистов в будущем Устав партии, принятый съездом, предусматривал новые правила, гарантировавшие право апелляции против исключения из партии[27].

Таким образом, ничего особенно утешительного съезд партий не дал. Сталин лишний раз оказался победителем. На съезде не было и следа оппозиции. Политбюро укрепили двумя верными подручными Сталина — Ждановым и Хрущевым. Оно состояло теперь целиком из испытанных последователей вождя, на которых он мог положиться при

[25] И. Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, Москва, 1940, стр. 594.
[26] «XVIII съезд», стр. 519-524.
[27] «КПСС в рез.», т. 3, стр. 368, 375.

каждом новом зигзаге своего политического курса. НКВД был в руках верного помощника, доказавшего свою услужливую преданность еще в 1935 году, когда в угоду Сталину он заново написал историю большевизма в Грузии. Ниже Политбюро ничто не шло в счет. В течение долгого периода никто уже не осмеливался поднять голос.

Между тем за рубежом уже сгущались военные тучи. И вскоре преданность сторонников Сталина была подвергнута еще одному испытанию — 23 августа 1939 года с Германией был заключен пакт о ненападении. События уже некоторое время развивались в этом направлении; они привели к внезапному изменению, казалось бы, раз и навсегда закрепленного курса внешней политики партии.

24. СОСТАВ И СТРУКТУРА ПАРТИИ (1929-1941)

На 1 января 1928 года партия насчитывала свыше 1,25 миллиона членов и кандидатов[1]. В течение нескольких лет прием новых членов продолжался равномерным темпом, и к 1 января 1933 года общая численность коммунистов чуть превышала три с половиной миллиона. Этот быстрый количественный рост стимулировался растущими административными потребностями в годы первой пятилетки и неизбежно отражался на качестве новоиспеченных коммунистов. Многие из тех, кто вступил в партию на волне энтузиазма первой пятилетки, не сумели выработать в себе абсолютную преданность руководству, столь важную в суровые годы принудительной коллективизации. Против таких неустойчивых элементов и были, в основном, направлены две чистки партии. Первая, предписанная XVI партийной конференцией, привела к тому, что ко времени XVI съезда, состоявшегося в июне-июле 1930 года, уже было исключено 116.000 человек. Еще 14.000 сами вышли из партии. Таким образом, общие потери в результате этой чистки превысили 130.000 человек, то есть около 11,7% всех подвергшихся проверке коммунистов. Причины исключений указывались такие: «недисциплинированность» (около одной пятой всех исключенных), «пьянство», «бюрократиче-

[1] 913.221 член партии и 391.250 кандидатов, в общей сложности 1.304.471. См. «ВКП(б) в цифрах», выпуск 8, Москва-Ленинград, 1927, стр. 6.

ское отношение к работе» и принадлежность к «чуждым элементам». Исключения особенно задели крестьян и коснулись интеллигентов сильнее, чем рабочих. Старых большевиков исключали очень редко[2].

12 января 1933 года была предписана более радикальная чистка, и прием в партию пока прекратился вообще[3].

В течение всего этого года было исключено более 800 тысяч человек и еще 340 тысяч — в следующем году. Судя по инструкциям, чистка эта, в основном, била по коммунистам, недостаточно твердым и целеустремленным для выполнения задач, которые ставила теперь партия; вычищали также всех, кто сочувствовал «кулакам». Уже первые результаты показали, что главным образом чистка обрушилась на тех, кто вступил в партию в 1932 году; затем следовала категория людей, ставших членами в 1927-28 годах. К 1 января 1935 года партия насчитывала в своих рядах лишь немногим более 2.350.000 человек[4].

Прием в партию был возобновлен только в конце 1936 года. Тем временем убийство Кирова 1 декабря 1934 года придало явно политический характер следующему этапу чистки, которая шла в течение всего 1935 года. К 1 января 1937 года общее количество членов и кандидатов составляло чуть меньше двух миллионов; таким образом, в течение двух предшествовавших лет (1935 и 1936) было исключено около 350.000 человек[5]. Общий урон, нанесенный партии террором тех лет, можно определить, сличив общую численность партии до начала ежовщины в 1936 году и после ее окончания в 1938 году. Разница составляет 445.000. Но и эта цифра не показывает общего числа жертв. Дело в том, что в ноябре 1936 года был возобновлен прием в партию,

[2] «КПСС в рез.», т. 2, стр. 605-614; ПС, № 10(12), май 1930, стр. 14-19.
[3] «КПСС в рез.», т. 3, стр. 198.
[4] СПР, № 8, стр. 293; «Большевик», № 15, август 1934 г., стр. 9.
[5] Fainsod, ук. соч., стр. 249.

куда за это время приняли около 415.000 человек. Значит, общее количество жертв складывается из числа выбывших членов партии плюс число новых членов, что составляет приблизительно 850.000, или 36% всего личного состава партии[6]. Таким образом, если не учитывать сравнительно незначительные репрессии, последовавшие непосредственно за убийством Кирова, то в 1933-34 и 1936-38 годы речь шла о двух крупнейших чистках, стоивших партии: одна — свыше миллиона и другая — 850.000 членов. Цели обеих чисток оказались, однако, весьма различными. Первая была направлена, в основном, на устранение новичков, не выдержавших проверки временем. Вторая же представляла собой, по существу, не официальную, предписанную ЦК чистку, а террористическую операцию, предпринятую лично Сталиным и Ежовым чуть ли не за спиной ЦК. Террор привел к превращению партии, в особенности ее высших кругов, в некое подобие сталинской опричнины.

Итоги обеих чисток выяснились, когда на XVIII съезде, в марте 1939 года, Маленков огласил сведения о партийном стаже 1.589.000 членов партии. Только 8%, или 132.000 человек, вступило в партию до конца 1920 года. Так как в начале 1921 года партия насчитывала в своих рядах 773.000

[6] Основано на подсчете в книге Zbigniew Brzezinski, *The Permanent Purge*, стр. 98 и 99. Достоверное число исключений вряд ли известно и советским властям. Ригби дает несколько меньшие цифры за 1935, 1936 и 1937 г.г. — около 600.000 (см. T. H. Rigby, *CPSU*, стр. 209-214). Если учесть, что за исключением почти неизменно следовал арест, то общая цифра вычищенных в 1936-39 г.г. — 850.000 — на самом деле могла быть еще выше. Так, академик А. Д. Сахаров, который, вероятно, имел доступ к официальным цифрам, сообщенным партией ее ответственным членам в 1956 г., пишет, что в 1936-39 г.г. было арестовано более 1.200.000 членов ВКП(б), из которых только 50.000 вышло на свободу, — см. его выпущенную « Самиздатом » брошюру « Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе », Франкфурт-на-Майне, 1968, стр. 24. Возможно, конечно, что некоторые члены партии, арестованные в период 1936-39 г.г., были исключены из партии в ходе одной из предшествовавших чисток.

членов и кандидатов, то это означало, что меньше одной пятой этих ветеранов все еще состояло в партии в 1939 году. Далее, 22%, или 250.000 человек, из личного состава 1939 года, вошло в партию между 1921-1928 годами и, наконец, 70%, то есть свыше 1.100.000 человек, — после 1929 года. Поскольку из 410.000 человек, вступивших в партию после возобновления приема в ноябре 1936 года, максимум 200.000 могли стать полноправными членами к 1939 году, то можно предположить, что из личного состава партии 1939 года стажем с 1929 по 1933 годы (когда прием был приостановлен) обладало около 900.000 человек. Вступило же в партию в этот период (1929-1933 годы) около двух миллионов. Следовательно, после чистки уцелело, по-видимому, менее половины из них[7].

Социальный состав партии тоже испытал глубокие изменения — большей частью в результате сознательной политики при отборе новых членов. В начале первой пятилетки официальная политика все еще по традиции отдавала предпочтение пополнению рядов партии из рабочего класса. Цель — увеличение в партии процента рабочих, непосредственно занятых на производстве, и цель эта была достигнута. Постановление ЦК от 7 января 1929 года требовало, чтобы 90% всех новых членов в промышленных районах и 70% в сельских были производственными рабочими. 1 апреля 1930 года такие коммунисты составляли почти половину (48,6%) всего личного состава партии по сравнению с 40,8% в январе 1928 года[8]. Устав партии 1934 года все еще предписывал при приеме новых членов отдавать предпочтение рабочим, но так как в то время и в

[7] «XVIII съезд», стр. 148 и 149; см. также: T. H. Rigby, *The Selection of Leading Personnel in the Soviet State and Communist Party* (неопубликованная докторская диссертация, Лондонский университет. Цитируется в дальнейшем как Rigby, *Thesis*).

[8] ПС, № 11-12(13-14), июнь 1930, стр. 14, 19.

течение следующих двух лет прием в партию вообще был приостановлен, то практического значения это правило, по существу, не имело.

Когда после ноября 1936 года, а особенно в 1938 году, прием в партию был возобновлен и делались усилия возместить урон, нанесенный чистками, стало очевидным начало нового курса. Отказ от традиционного предпочтения, отдававшегося рабочим, стал совершенно необходим. После 1928 года партия последовательно создавала собственную техническую интеллигенцию для замены беспартийных специалистов, на которых до тех пор приходилось полагаться. В июне 1931 года, выступая на совещании хозяйственников, Сталин пояснил, что в прошлом ни один господствующий класс не обходился без своей собственной интеллигенции; поэтому и рабочий класс должен создать собственную производственно-техническую интеллигенцию. Ее следовало готовить, сказал Сталин, обучая рабочих и крестьян[9].

В течение последующих лет тысячи молодых людей, многие из них члены партии, стали специалистами в развивавшейся промышленности. Не все они были детьми рабочих и крестьян. Более того, из крестьянской молодежи даже мало кто попадал в вузы, а число выходцев из семей «служащих и специалистов», уже в 1934 году составлявшее половину студентов, к 1938 году стало еще бо́льшим[10].

В Советском Союзе начали искать таланты повсюду, отказываясь от идеологически обусловленного предпочтения людей физического труда. Очень многие из этих новых инженеров вступали в партию: уже к 1936 году 97% дирек-

[9] Сталин, т. 13, стр. 66 и 67.

[10] Данные заимствованы из советских статистических источников и приведены в книге Gregory Bienstock, Solomon Schwarz, and Aaron Yugow, *Management in Russian Industry and Agriculture,* New York, 1944, стр. 112.

торов заводов, 82% начальников строек и 40% главных инженеров были коммунистами[11].

Совершенно очевидно, что нельзя было держать этот новый класс инженерно-технических работников, взращенных советским строем, вне рядов коммунистической партии. Это было бы близорукой политикой, так как большинство из них, естественно, поддерживало строй, открывший перед ними широкие возможности и прививший им гордое сознание участия в преобразовании страны. Когда в конце 1936 года возобновили прием в партию, технических специалистов принимали с распростертыми объятиями. Хотя каких-либо сведений о социальном составе партии на XVIII съезде оглашено не было, но данные о приеме в партию после чистки по двум союзным республикам показывают, что новые члены из среды «интеллигенции» и «служащих» составили 42,8% и 44,5% по сравнению с 1,7% в 1929 году[12]. Сталин и Жданов, выступая на XVIII съезде, критиковали все еще существовавшую тупую враждебность к приему интеллигентов в партию, а новый Устав закрепил то, что теперь уже стало определившейся политикой: всякие привилегии для кандидатов были отменены; возможность вступить в партию открывалась всем «сознательным, активным, преданным делу коммунизма рабочим, крестьянам и интеллигентам»[13].

Данные о приеме в партию в годы после съезда показывают, насколько глубоко укоренилась новая политика: более 70% новопринятых принадлежали к интеллигенции[14]. Следует отметить еще две отличительные особенности, ставшие очевидными после чисток. Теперь это была партия молодая: среди делегатов XVIII съезда, например, почти не

[11] Там же, стр. 30. Цифры опубликованы позднее и поэтому, вероятно, менее достоверны, см. «Коммунист», № 11 (1958), стр. 52-65.

[12] «XVIII съезд», стр. 544, 577; БСЭ, т. 9, стр. 534.

[13] «КПСС в рез.», т. 3, стр. 382.

[14] Fainsod, ук. соч., стр. 263 и 264. Rigby, *Thesis*, гл. IV.

встречались люди старше пятидесяти лет, около половины были моложе тридцати пяти и значительно больше трех четвертей — моложе сорока лет[15]. Молодой возрастной состав был, само собой разумеется, обусловлен ликвидацией старых большевиков и обновлением личного состава партии. Кроме того, партия оставалась преимущественно мужской: даже в 1941 году женщины составляли только 14,9% от общего количества членов — меньше, чем в июле 1932 года (15,9%)[16].

Тенденции, проявившиеся в партии в 1939 году, особенно ее молодость и короткий партийный стаж, сказывались еще ярче среди партийной элиты — секретарей, комитетчиков и лиц, занимавших ответственные посты в правительственном аппарате и в промышленности. В 1930 и 1934 годах, например, огромное большинство делегатов на съездах партии, в общем, имели солидный партийный стаж, исчислявшийся еще со времен Гражданской войны, — соответственно 82,4% и 81%. В 1939 году люди с таким стажем составляли уже только 19%. Анализ состава московской и ленинградской областных партконференций, состоявшихся в тот же период, показывает, что почти полное устранение старых большевиков с ответственных постов не ограничивалось высшими кругами партии[17]. Как и следовало ожидать, радикальная чистка вызвала огромные изменения в партийных комитетах по всей стране. Например, при выборах в комитеты в 1938 году процент лиц, избранных впервые, колебался от 35 в низовых организациях до 60 в высших. К 1939 году подавляющему большинству секретарей не было и сорока лет, а их партийный стаж начинался не ранее 1924 года[18].

[15] «XVIII съезд», стр. 140.
[16] «Большевик», № 1, 1951 г., стр. 11.
[17] Rigby, *Thesis*, гл. V.
[18] Fainsod, ук. соч., стр. 196.

Другой ярко выраженной тенденцией в 1939 году было повышение образовательного уровня делегатов съезда, которое отражало повышение образовательного уровня членов партии в целом. Свыше четверти делегатов XVIII съезда имело законченное высшее, а еще одна четверть — среднее образование. В 1930 году соответствующие показатели были — 4,4% и 15,7%[19].

У нас нет данных, позволяющих с достаточной точностью определить социальный состав партийной элиты. Самые поздние сведения о социальном происхождении делегатов съезда партии относятся к 1934 году: рабочих тогда было 60%, крестьян 8%, служащих 32% (в то же время процент рабочих и крестьян, занятых непосредственно на производстве, составлял соответственно 9,3 и 2). Поскольку чистки 30-х годов били особенно больно по старым большевикам, в среде которых процент членов буржуазного происхождения был наиболее высоким, можно предположить с некоторой долей уверенности, что преобладание в элите людей рабочего и, в меньшей степени, крестьянского происхождения продолжало возрастать после 1938 года[20]. Таким образом, к 1939 году главную роль в партии во все большей степени играли молодые люди, принятые после 1929 года и обязанные своим образованием и карьерой беспрекословному подчинению сталинскому руководству. Революция и Гражданская война были для этих новых людей почти легендой.

* * *

Какие бы иные цели ни преследовал Сталин, осуществляя это преобразование партии, одна из них, бесспорно, состояла в утверждении его собственного главенства. К 1939 году оно

[19] Rigby; *Thesis* гл. V, где указаны советские источники этих данных.
[20] Там же.

стало практически абсолютным. Политбюро не вышло из чисток незатронутым. Из десяти членов, избранных в 1934 году, оставались в Политбюро в 1939 году только шестеро: Сталин, Молотов, Андреев, Калинин, Каганович и Ворошилов. К ним присоединились Микоян, Жданов и Хрущев. Четыре члена исчезли: один из них, Косиор, был исключен из партии и расстрелян, трое умерли, мягко выражаясь, при сомнительных обстоятельствах — Киров, Куйбышев и Орджоникидзе. Четверо из пяти избранных в 1934 году кандидатов в члены Политбюро — Чубарь, Петровский, Постышев и Рудзутак были вычищены или находились на грани устранения, и все они, кроме Петровского, были впоследствии расстреляны. Эйхе, ставший кандидатом в члены Политбюро в 1935 году, расстрелян в 1940 году. Ежов, избранный кандидатом в 1937 году, канул в небытие к 1939 году. Кроме того, хотя чистка и закончилась, орудие террора пребывало в полной готовности: руководимый Берией НКВД оставался столь же действенным и под таким же непререкаемым личным контролем Сталина, как и в ежовские времена. Устранение из Политбюро всех, кто осмеливался перечить Сталину, превратило этот мощный, «делающий политику» орган в послушное орудие, где неизбежно преобладала воля одного человека. Более того, Сталин мог теперь проводить политику в обход Политбюро столь же легко, как он мог начать чистки 1936-38 годов, несмотря на оппозицию со стороны трех четвертей членов ЦК. На XX съезде в 1956 году Хрущев рассказал, как Сталин манипулировал заседаниями Политбюро, не допуская на них тех, чье присутствие было для него нежелательным при обсуждении того или иного вопроса[21]. Хотя рассказ Хрущева, очевидно, относится к последним годам жизни Сталина, нет оснований считать, что положение было иным в 1939 году,

[21] *The Anti-Stalin Campaign*, стр. 83 и 84.

после того как Сталин показал, на что он способен при расправе с оппозицией.

Центральный Комитет, избранный на XVIII съезде партии в 1939 году, периодически созывался (по крайней мере, до 1941 года), хотя вряд ли каждые 4 месяца, как полагалось по Уставу. Личный состав ЦК был обновлен на XVIII съезде почти на четыре пятых — красноречивое свидетельство эффекта чистки, если учесть, что между 1919 и 1934 годами процент обновления колебался между 21 и 7. Одна треть всех членов и кандидатов были областными партийными и советскими работниками, около одной пятой — военными и сотрудниками органов безопасности, а остальные — в основном работниками центральных партийных и правительственных организаций. Хотя по новому Уставу съезды должны были созываться не реже, чем раз в три года, очередной съезд состоялся только в 1952 году. Реальная же власть находилась в руках наиболее приближенных к Сталину лиц в верховном руководстве и в партийном аппарате. Если проанализировать состав этого руководства[22], то выясняется,

[22] Назовем следующих 19 человек:
Сталин — Секретарь ЦК;
Молотов — Председатель Совнаркома;
Калинин — Председатель Президиума Верховного Совета;
Каганович — Нарком путей сообщения и топливной промышленности;
Ворошилов — Нарком обороны;
Микоян — Нарком внешней торговли;
Андреев — председатель Комиссии партийного контроля;
Жданов — 1-й секретарь Ленинградского обкома, заведующий Агитпропом;
Хрущев — 1-й секретарь ЦК КП Украины;
Берия — Нарком внутренних дел;
Шверник — 1-й секретарь ВЦСПС;
Маленков — заведующий Управлением кадров ЦК;
Мехлис — начальник Политического управления РККА;
Михайлов — 1-й секретарь ВЛКСМ;
Щербаков — 1-й секретарь Московского обкома;
Булганин — председатель правления Госбанка;
Вознесенский — председатель Госплана;
Землячка — председатель Комиссии советского контроля;
Вышинский — заместитель Председателя Совнаркома, прокурор СССР.

что оно распадается на две группы. Первая состояла из людей, которые неизменно поддерживали Сталина, но обладали весом в партии еще до его победы. Их можно назвать старыми сталинцами. Вторая группа состояла из лиц, которые были целиком обязаны Сталину продвижением и получили ответственные посты только во время террора. Их можно назвать неосталинцами. В Политбюро состава 1939 года преобладали старые сталинцы — Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Микоян, Андреев и Шверник. Неосталинцев было трое — Жданов, Хрущев и Берия. Обе группы были представлены почти поровну в Оргбюро и Секретариате. В Оргбюро четырем старым сталинцам — Кагановичу, Андрееву и Швернику (помимо самого Сталина) «противостояли» пять неосталинцев — Маленков, Жданов, Мехлис, Михайлов и Щербаков. Так же и в Секретариате: Сталин и Андреев — Жданов и Маленков. Совнарком был прочно в руках Молотова. Но из шести заместителей Председателя Совнаркома только Микоян и Каганович представляли старую гвардию. Вознесенский и Вышинский сделали карьеру во время террора. Шестой заместитель Председателя, единственная женщина в руководстве, Землячка, хотя и была старой большевичкой и ранней сторонницей Ленина в его борьбе против «Искры» в 1904 году, достигла видного положения только в 1938 году, став председателем Комиссии советского контроля (заменившей Рабкрин) вместо вычищенного Косиора, и в этом смысле была тоже неосталинцем.

Конечно, старые и новые сталинцы не являлись двумя изолированными друг от друга группами. Тем не менее, это возрастное различие, как и разный характер карьеры, стали со временем играть роль в том соперничестве и в тех интригах за сталинское благоволение и за власть, которые приобретали все большее значение по мере того, как старел Сталин. Мы увидим позднее, что предложенная здесь классификация помогает объяснить некоторые конфликты. Особого внимания заслуживают четверо секретарей ЦК, которые, вероятно, держали в своих руках больше власти, чем кто-либо иной.

Каганович к ним больше не принадлежал. Сталин, хотя и именовавшийся с 1934 года просто «секретарем», осуществлял, само собой разумеется, общий контроль. Жданов, будучи первым секретарем Ленинградского обкома, нес также главную ответственность за идеологические вопросы, по которым он выступал от имени ЦК с 1934 года. Маленков был специалистом по кадрам. Но после 1939 года он взял на себя также опеку над промышленностью и транспортом[23], вторгаясь, таким образом, в область, которая до той поры находилась в компетенции Кагановича. Однако, не будучи еще членом Политбюро, Маленков был слабее остальных секретарей.

Следует отметить еще одно обстоятельство: победа Сталина над его оппонентами в партийном руководстве привела к устранению почти всех лиц, происходивших из буржуазной среды или из среды разночинцев-интеллигентов, которые когда-то составляли подавляющее большинство руководителей партии. Все старые сталинцы, за исключением Молотова, были людьми рабочего или крестьянского происхождения. Но неосталинцы Маленков, Жданов и, вероятно, Берия были выходцами из среды интеллигенции. Однако, если рассматривать только партийную верхушку, то можно утверждать, что победу Сталина обеспечили люди, принадлежавшие к тем классам, от имени которых делалась революция.

Территориальная сеть партийных организаций в основном не изменилась с 20-х годов. Она была закреплена в Уставе 1934 года и с небольшими изменениями — в 1939 году[24]. Несколько ступеней партийной администрации отражали территориальное деление СССР. В рамках РСФСР партийные организации существовали в краях и областях. Внутри краев или областей были городские и районные органи-

[23] Это следует из речи делегата от Молотовской области на XVIII конференции ВКП(б) в 1941 г.

[24] «КПСС в рез.», т. 3, стр. 236-242, 385-393.

зации, причем более крупные городские делились в свою очередь на районные. Каждая партийная организация подчинялась непосредственно вышестоящей: районная — городской, а городская — областной, краевой или республиканской, эти последние — ЦК и, наконец, съезду партии. В каждой союзной республике, за исключением РСФСР, существовала республиканская партийная организация; некоторые из них — прямые преемницы национальных партий 20-х годов; крупные республики имели и областные организации. В самой большой республике — РСФСР центральной республиканской партийной организации не было, и партийная сеть подчинялась непосредственно ЦК. Устав предусматривал центральные комитеты и периодические съезды в республиках; для краев и областей существовали краевые (областные) комитеты и периодические конференции (отличие в случае республик — чисто номинальная дань национальному самолюбию, их функции и полномочия были теми же). Комитеты избирали свои «исполнительные органы» и четыре-пять секретарей. Городские и районные организации также проводили периодические конференции для избрания комитетов и трех секретарей[25].

Устав партии также предусматривал сеть первичных партийных организаций (до тех пор известных как «ячейки») на всех фабриках и заводах, в колхозах, в частях Красной Армии и Военно-Морского Флота, во всех учреждениях при наличии не менее трех членов партии. Эти первичные организации, как правило, подчинялись горкомам или райкомам, но Устав предусматривал одно исключение: ЦК получал полномочия осуществлять при необходимости партийный контроль непосредственно над отстающими или особо важ-

[25] Устав 1939 г., следуя Уставу 1934 г., предусматривал партийные организации и в округах. Эти промежуточные административные единицы между областями и районами уже почти не упоминались к 1939 г., будучи отмененными еще в 1930 г., за исключением нескольких национальных округов.

ными участками социалистического строительства и в таких случаях обходить территориальные организации партии посредством специальных «политотделов». Политотделы — особая разновидность первичных партийных организаций — подчинялись непосредственно ЦК. Первичные партийные организации, названные в Уставе «основой партии», имели своей задачей «мобилизацию масс» на предприятии или в колхозе для выполнения производственных планов, укрепления трудовой дисциплины и развития социалистического соревнования. Им вменялось в обязанность принимать активное участие в экономической и политической жизни страны, вести агитационную работу в массах, привлекать в партию новых членов и заниматься их политическим воспитанием. Первичным организациям всех предприятий и учреждений (кроме наркоматов) присваивалось еще и право «контроля деятельности администрации учреждения». Все это, вместе взятое, составляло хартию весьма внушительных полномочий. Первичные организации, насчитывавшие не менее 15 членов партии, избирали бюро; все без исключения организации избирали секретаря или — в более крупных организациях — секретарей; согласно Уставу, секретари освобождались от работы на производстве только в организациях, объединявших не менее 100 членов партии[26].

Ядром этой иерархии были «освобожденные», то есть занятые только партийными делами секретари и другие партработники на всех уровнях. Связь «по вертикали» обеспечивалась на практике тем, что подчиненные секретари и другие партийные работники были представлены в вышестоящем комитете и его бюро: работники нижестоящих организаций часто составляли четверть общего числа членов обкомов или ЦК республик. Численность таких «освобожденных» секретарей в 1939 году можно определить только ориентировочно. В 1937 году «ведущие силы» партии, ее

[26] На практике это условие часто нарушалось.

«генералы, офицеры и сержанты», как называл их Сталин, составляли что-то между 133.000 и 194.000[27]; более высокая из этих двух цифр является, вероятно, правильной оценкой размера аппарата партии в 1939 году. Это означало соотношение: один активный работник на каждые двенадцать членов и кандидатов. Данных о размере окладов секретарей нет. Напомню (об этом шла речь выше), что уже в 20-х годах ставки партийных деятелей несколько превышали зарплату соответствующих по рангу работников в других областях жизни страны. Очень маловероятно, что это положение изменилось к концу 30-х годов, когда уравниловка в зарплате вообще не была в чести[28]. Об источниках денежных средств партии тоже можно только догадываться. Согласно Уставу, они состояли из «членских взносов, партийных мероприятий и других источников». Но поскольку партия никогда не нуждалась в средствах, остается предположить, что, если возникала необходимость, то они просто брались из государственных фондов[29].

Устав партии подчеркивал выборность всех секретарей. На практике, как явствует из многих признаний в партийной печати 30-х годов (да и в 20-х), выборы часто бывали простой формальностью, ибо Секретариат всегда мог провести своих назначенцев. Даже Устав признавал это положение: он содержал правило, по которому избранные секретари нуждались в «утверждении» непосредственно вышестоящей партийной организацией. Секретари горкомов и райкомов «утверждались» крайкомами (обкомами); для секретарей же

[27] Приведено у Файнсода, ук.соч., стр. 205 и 206.

[28] В 1957 г. оклад секретаря первичной партийной организации составлял, по-видимому, 1.400 р. в месяц, т.е. приблизительно вдвое превышал средний заработок в промышленности. См. СПР, 1957, стр. 441. (Этот незаменимый источник информации по партийным делам, прекративший свое существование после 1934 г., стал снова издаваться с 1957 г.).

[29] В бюджетах такие ассигнования не упоминаются, но они могли входить в рубрику «административные расходы».

крайкомов (обкомов) и ЦК республиканских партий требовалось «утверждение» ЦК в Москве. Более того, практика назначений сверху распространялась, очевидно, и на «выборы» членов комитетов, бюро и исполнительных органов партии. В конце 1936 и в начале 1937 года — на фоне растущего террора — в партийной печати нередко говорилось о «нарушениях партийной демократии» при выборах. Новые инструкции ЦК по выборам от 30 марта 1937 года формально имели целью устранить некоторые из этих нарушений. Предлагалось свободно обсуждать деловые качества кандидатов до выборов и закрытого голосования. Однако почти сразу же после опубликования этих инструкций в печати появились статьи, обвинявшие местных партийных руководителей в том, что они неправильно-де толкуют новые указания, не «руководят» выборами, не отводят неподходящих кандидатур и не предотвращают излишнего обсуждения заслуг кандидатов. В самих инструкциях пояснялось, что партийным руководителям не следует отсутствовать на заседаниях нижестоящих партийных организаций из боязни нарушить партийную демократию. В марте 1938 года были восстановлены открытые выборы секретарей[30].

Так же обстояло дело и со свободным обсуждением партийных вопросов. Устав подчеркивал право всех членов партии участвовать в «свободном и деловом» обсуждении всех «практических вопросов партийной политики». Но, помимо самоочевидного ограничения, содержащегося в этих словах, на практике член партии давно уже не осмеливался привлекать к себе нежелательного внимания, критикуя одобренную «на верхах» политику. Устав также содержал жесткие ограничения права «на открытие партийных дискуссий», столь характерных для первых послереволюционных

[30] ПС, № 4, февраль 1937 г., стр. 58 и 59; № 6, март 1937 г., стр. 3 и 4; № 8, апрель 1937, стр. 50-54; № 10, май 1937, стр. 22-30; № 8, апрель 1938, стр. 3-7, 62 и 63.

лет, когда в недрах партии еще могла зарождаться оппозиция. Эти уставные ограничения формально должны были ограждать внутрипартийную демократию от злоупотреблений со стороны «антипартийных элементов» и лишать «незначительное меньшинство» какой-либо возможности «навязать свою волю громадному большинству партии». Иными словами, предполагалось, что это самое «громадное большинство» придерживается правильного курса, пока оно подчиняется мнениям руководства; но, вместе с тем, это же большинство явно не считалось достаточно надежным, ибо без особой уставной защиты злокозненное «незначительное меньшинство» могло, по-видимому, совратить сие праведное «огромное большинство» с пути истинного.

Функции Оргбюро никогда точно не определялись. Согласно уставу партии, Оргбюро осуществляло «общее руководство организационной работой». Но в 20-х годах оно занималось, в основном, партийными вопросами, а в начале 30-х уже широко ведало вопросами промышленности, сельского хозяйства и труда[31]. Очевидно, Оргбюро подменило собой Центральную контрольную комиссию как в качестве генерального штаба Политбюро, так и в качестве административного органа Секретариата. ЦКК получила, таким образом, возможность целиком посвятить себя все усложнявшимся дисциплинарным вопросам. Переименованная в 1934 году в Комиссию партийного контроля, она потеряла те остатки независимости, которыми еще обладала. Правило, согласно которому члены ЦКК не могли одновременно быть членами ЦК, было отменено, — в 1934 году ее председатель Каганович и некоторые из членов, например, Ежов, состояли

[31] См. план работы Оргбюро на 1931 г., напечатанный в СПР, № 8, стр. 280-287. См. также: Александров (без иниц.) «Кто управляет Россией. Большевистский партийно-правительственный аппарат и сталинизм. Историко-догматический анализ», Берлин, без даты. Во многих отношениях это все еще лучший, наиболее детальный и точный анализ партийно-правительственного аппарата за период до 1932 г.

также членами ЦК. Организационный аппарат КПК был усилен, ее полномочия расширены, а структура радикально централизована; в частности, Комиссия партийного контроля действовала теперь через уполномоченных в республиках, краях и областях[32], а не через местные контрольные комиссии, как в прошлом. В 1939 году, на XVIII съезде, было проведено еще одно изменение, хотя более формального характера: Комиссия партийного контроля уже не избиралась съездом, а прямо назначалась Центральным Комитетом. Впрочем, различие между этими двумя методами было уже давно лишь вопросом терминологии.

Секретариат оставался реальным центром власти в партии. Его значение в 20-х годах в деле контроля над расстановкой коммунистов в партийном аппарате и в государственных учреждениях уже подчеркивалось. Но с началом первой пятилетки задачи по расстановке партийных кадров усложнились и разрослись в связи с сельскохозяйственной революцией и расширявшейся индустриализацией страны. Стояла также крупная проблема организации пропаганды в пользу нового курса. С 1930 по 1941 год партия проверила на опыте два варианта структуры Секретариата: при первом варианте Секретариат брал на себя общий контроль над расстановкой всех членов партии, но не пытался осуществлять повседневного надзора из центра за промышленностью и сельским хозяйством; при втором — Секретариат нес ответственность не только за распределение кадров, но и за постоянный ежедневный контроль над каждой отраслью народного хозяйства. Первая система была традицией до 1930 года. Ключевым отделом Секретариата являлся Оргграспред, образованный в 1924 году усилиями энергичного Кагановича, слившего два отдела — организационно-инструкторский и распределительный. Все назначения членов партии проходили через Оргграспред или находились под его контролем. Он также направ-

[32] СПР, № 9, стр. 247-249.

лял и проверял деятельность всех партийных организаций в стране. Другим главным отделом до 1930 года был Отдел агитации и пропаганды[33].

Ход дел в промышленности и сельском хозяйстве после 1929 года лег тяжким бременем на оба этих ключевых отдела. Заинтересованный в руководстве или даже вынужденный руководить, Секретариат не обладал, однако, аппаратом для прямого контроля над огромным, все более усложнявшимся народным хозяйством страны. Контроль осуществлялся через сеть местных секретарей, подчиненных организаций и партийных ячеек на предприятиях и в учреждениях. На XVI съезде партии в 1930 году Каганович объявил полную реорганизацию. Он утверждал, что существующий аппарат партии уже не в состоянии справиться с новыми требованиями, столь возросшими в связи с грандиозными задачами по выполнению пятилетнего плана. Возникло много «путаницы и хаоса», и Оргаспред оказался заваленным требованиями, которых он не мог выполнить. Поэтому Каганович рекомендовал децентрализовать внутри Секретариата ответственность за распределение Кадров. Принятое решение состояло в расчленении Оргаспреда на два отдела — организационно-инструкторский и распределительный. Оргинструкторский отдел нес ответственность только за расстановку работников в самом аппарате партии и осуществлял надзор за местными партийными организациями. Распределительный же отдел был разбит на восемь секций, «курировавших» различные отрасли народного хозяйства — тяжелую и легкую промышленность, транспорт, сельское хозяйство, финансовые, плановые и торговые органы. Каждая секция специализиро-

[33] Вот полный список отделов Секретариата до 1930 г.: Оргаспред, печати, по работе в деревне, статистический, Управление делами, агитации и пропаганды, работы среди женщин, учета, информационный. Был также Особый, или Секретный, отдел, существование которого официально подтверждено только в 1930 г. Вероятно, он был тесно связан с ОГПУ, а может быть, и с личным секретариатом Сталина.

валась в распределении кадров по своей отрасли. Отдел агитации и пропаганды был тоже разделен надвое — на Отдел агитации и массовой работы и Отдел культуры и пропаганды. Это дублирование пропагандной деятельности отражало новые требования, вставшие перед центральным аппаратом в связи с расширением контроля над общественным мнением и над культурной жизнью вообще. Съезд учредил также Управление делами. Впервые был упомянут Секретный отдел, который, вероятно, обеспечивал связь с ОГПУ[34].

Эта реорганизация до некоторой степени облегчала проблему кадров, но все еще не давала Секретариату возможности установить непосредственный контроль над промышленностью, который Секретариат во все возраставшей мере пытался взять в свои руки. Распределительные секции были ответственны за назначения членов партии в «своих» отраслях хозяйства; но они не получили полномочий всесторонне контролировать эти отрасли в целом. Воздействие на массы, например, входило в круг обязанностей Отдела агитации, а проверка выполнения инструкций партии осуществлялась Оргинструкторским отделом[35]. Смелая попытка сосредоточить всю деятельность партии и весь контроль в одном отделе для каждой важной отрасли производства была сделана на XVII съезде в 1934 году. О необходимости изменений снова говорил Каганович. Он пояснил, что метод разделения работы Секретариата по выполняемым функциям, а не по отраслям народного хозяйства, мешает центральному органу партии осуществлять необходимый всесторонний контроль. ЦК, говорилось в докладе Кагановича, часто полу-

[34] См. Fainsod, ук. соч., стр. 190-198, где превосходно излагается реорганизация Секретариата между 1930 и 1939 г.г. с четкими диаграммами, воспроизведенными в Приложении IV.

[35] См. СПР, № 8, где изложена структура этого отдела в 1932 г. Он включал секции по партийной работе в сельском хозяйстве, на промышленных предприятиях, на траспорте и в вузах, помимо главных инструкторских групп для надзора за местными партийными организациями (официально — главное назначение отдела).

чает меньше информации от своих собственных отделов, чем от других организаций. Поэтому Секретариат был вновь реорганизован. Он имел теперь девять отделов. Четыре из них занимались народным хозяйством — сельскохозяйственный, транспортный, промышленный и Отдел плановых, финансовых и торговых органов. Каждый из этих отделов нес ответственность за все стороны деятельности партии в данной отрасли: за размещение кадров, контроль над подчиненными партийными организациями, проверку исполнения, массовую агитацию. Новый Отдел культуры и пропаганды ленинизма должен был отныне ведать только идеологическим и культурным воспитанием, но не массовой агитацией. Был создан специальный Отдел руководящих партийных органов (ОРПО), в задачи которого входили исключительно вопросы назначения партийных работников. Реорганизация завершалась учреждением двух административных отделов и Особого отдела. Функции последнего на съезде уточнены не были[36].

Эффект этой реорганизации состоял в невиданном еще сосредоточении контроля над всем народным хозяйством. И все же и эта структура себя не оправдала. ОРПО, контролируя назначения коммунистов, стал вскоре прибирать к рукам вообще всю работу по кадрам, то есть возвращался, по существу, к старой системе. Этот процесс особенно заметно проходил в Ленинграде под влиянием первого секретаря обкома Жданова, ставшего в 1934 году и секретарем ЦК. Вероятно, то же происходило и в центральном ОРПО в Москве, возглавлявшемся с 1934 по 1939 год Маленковым[37]. Административные основания для такого возврата к старому методу подбора кадров в одном отделе, в общем-то, были.

[36] «XVII съезд», стр. 532 и 533, 672.

[37] Насчет Ленинграда см. заявление заместителя Жданова Штыкова на XVIII съезде в 1939 г. — «XVIII съезд», стр. 571-573; тот факт, что параллельный процесс шел при Маленкове в Москве, подтверждается реорганизацией ОРПО в сентябре 1935 г., в ходе которой в него включались промышленные и сельскохозяйственные кадры, — см. ПС, № 17, октябрь 1935, стр. 73-78.

Но, возможно, одним из скрытых мотивов являлось стремление честолюбивого Жданова и в то время тесно с ним сотрудничавшего другого неосталинца Маленкова отобрать часть полномочий у вновь созданных промышленных отделов Секретариата, находившихся под общим руководством Кагановича.

Во всяком случае, на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 году произошла еще одна реорганизация Секретариата — на этот раз по предложению Жданова. В результате последовавших изменений выиграл Маленков; Каганович же, необорот, был выведен из Секретариата. И Жданов и его заместитель по Ленинграду Штыков утверждали на съезде, что промышленные отделы Секретариата больше не нужны. Их главные доводы состояли в том, что эти отделы вносят путаницу, соперничая друг с другом в борьбе за кадры, узурпируют функции хозяйственных и советских организаций и становятся «своеобразным наркоматом наркоматов». Вместо того, чтобы заниматься партийно-политической работой на предприятиях, они берут на себя конкретные задачи управления производством и таким образом подрывают независимость и чувство ответственности директоров. Секретариат был соответствующим образом реорганизован. Все вопросы, касавшиеся кадров, были теперь сосредоточены в Управлении кадров (обладавшим более высоким статусом, чем отделы), а вопросы массовой воспитательной и агитационной работы — в Управлении пропаганды и агитации. Маленков стал во главе первого, а специалист по идеологии Жданов — во главе второго. Два отдела (по примеру 1934 года), однако, сохранились — школ и сельскохозяйственный. Другими отделами, учрежденными в 1939 году, были Особый отдел, Управление делами и Организационно-инструкторский для надзора за подчиненными партийными организациями. Аналогичная система была введена и для местных комитетов партии[38].

[38] «XVIII съезд», стр. 507-544, 570-575; «КПСС в рез.», т. 3, стр. 376 и 377.

Одна из целей реорганизации состояла в поощрении большей инициативы и ответственности директоров предприятий. Но план не учитывал того полного подрыва инициативы, той боязни ответственности, которые явились естественным результатом террора. Изменения сразу же породили хаос. Предприятия, внезапно лишившиеся партийного контроля, на который они обычно полагались, стали работать все хуже и хуже[39]. Попыток формально вернуться к системе 1934 года в Секретариате сделано не было. Но негласно централизованный партийный контроль был восстановлен путем учреждения явочным порядком в областных и городских партийных организациях промышленных секций, приспособленных для общего руководства промышленностью. Хотя данных у нас нет, но можно предположить, что секциями руководило из центра маленковское Управление кадров, которое уже имело отделения по различным отраслям промышленности. На XVIII конференции ВКП(б) в феврале 1941 года эта практика, неофициально проведенная в жизнь во многих районах страны, была по предложению Маленкова формально узаконена. Всем подчиненным партийным организациям предлагалось теперь назначать нескольких секретарей, обязанных заниматься исключительно вопросами промышленности и транспорта[40]. Этот отказ от попытки ослабить чрезмерный партийный контроль над промышленностью диктовался, несомненно, практическими соображениями. Но опять-таки, в результате изменений увеличилась власть Управления кадров Секретариата, контролируемого Маленковым; только это Управление могло дей-

[39] Эти проблемы составили не только содержание передовицы в ПС (сентябрь 1939 г.), главным редактором которого был в то время Маленков, но и оставались одной из ведущих тем партийной печати до начала войны.

[40] «КПСС в рез.», т. 3, стр. 433-435. Задачи одной такой секции определялись как «своевременное исправление ошибок и оказание конкретной помощи партийным организациям и управленческим кадрам в деле руководства производством». См. ПС, № 21, ноябрь 1940, стр. 53-57.

ствовать в качестве центра для надзора за новой местной сетью секретарей по промышленности. И снова, как и раньше, рост влияния Маленкова означал соответствующую утрату роли Кагановича — заместителя Председателя Совнаркома, который главным образом ведал промышленностью. Таким образом, неосталинцы успешно продвигались вперед. Но сложная проблема взаимоотношений между партией и промышленностью была еще далеко не решена, когда война с Германией, разразившаяся через четыре месяца после XVIII партконференции, временно отодвинула ее на задний план.

25. ПАРТИЯ И СТРАНА

(ГОСУДАРСТВО. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ. ИДЕОЛОГИЯ. РЕЛИГИЯ)

Еще в 1926 году Сталин сформулировал свое толкование отношений между партией и государством: «Диктатура пролетариата состоит из руководящих указаний партии плюс проведение этих указаний массовыми организациями пролетариата». Сталин далее говорил, что «партия осуществляет диктатуру пролетариата» и «в этом смысле... управляет страной». Но делает она это через Советы. Хотя, по существу, диктатура пролетариата есть диктатура партии, этих двух понятий отождествлять не следует[1]. Когда в 1936 году новая Конституция впервые официально зафиксировала не только существование партии, но и ее роль в государстве, Сталин специально отметил, что формулировка, данная им десятью годами раньше, все еще остается верной: проект новой Конституции, писал он, оставляет в силе диктатуру «рабочего класса», «равно как сохраняет нынешнее руководящее положение Коммунистической партии»[2]. На практике это означало, что партия, вожди которой устанавливали политический курс на высшем уровне, в некоторой степени использовала сеть Советов и других составных частей государствен-

[1] Сталин, т. 8, стр. 36 и 37.
[2] «Правда», 6 декабря 1936 г.

ного аппарата для проведения своей политики. Но для того, чтобы предотвратить соперничество с партийной властью, необходимо было обеспечить полный контроль партии над Советами.

Добиться этого на выборах, проведенных после вступления в силу новой Конституции, никакой трудности не представляло. Хотя и Конституция (статья 141) и положение о выборах формально предусматривали возможность выдвижения нескольких кандидатов в одном и том же избирательном округе, но на практике на выборах, проводимых с 1937 года, в каждом округе выдвигается только один кандидат. Можно с уверенностью предположить, что решающим голосом при отборе этого единственного кандидата обладала местная партийная организация[3]. Изучение опубликованных отчетов о предвыборных собраниях в 1937 году, на которых уже выдвинутые кандидаты представлялись для окончательного утверждения, показывает, что кандидат всегда утверждался единогласно, причем ни в одном случае не называлось какого-либо другого кандидата[4]. Когда дело доходило до самих выборов, то, несмотря на соблюдение внешних условий для тайного голосования, не представляло особых трудностей обеспечивать такую обстановку, при которой подавляющее большинство избирателей отдавало свои голоса соответствующему кандидату. На практике избиратель стоял перед выбором: либо опустить свой избирательный бюллетень в урну без всякой

[3] Постановление ЦК от 22 января 1957 г. требовало от партийных организаций при выдвижении кандидатов для выборов в Советы прежде всего согласовывать их на митингах трудящихся, а затем уж называть одного кандидата, — см. СПР, 1957 г., стр. 457. Это — первая опубликованная инструкция о роли партии в отборе кандидатов для официального выдвижения. Из нее следует, что ранее предварительное согласование кандидатов «с народом» не практиковалось. Огромный материал, подтверждающий контроль местной партийной организации над выборами, собран у Fainsod, *Smolensk Under Soviet Rule*, стр. 93-95.

[4] Rigby, *Thesis*, гл. ii.

отметки, либо обратить на себя внимание сидящих здесь же представителей партии, зайдя у них на виду в одну из кабин для голосования, — по всей видимости, для того, чтобы вычеркнуть единственное имя, напечатанное в бюллетене. В атмосфере нервозности и страха, вызванной террором, естественно, находилось мало смельчаков, готовых пойти на это.

Практика проведения общих и затем местных выборов в 1937 году имела своей целью обеспечить большинство членов партии в Верховном Совете СССР, в Верховных Советах республик, а также в областных и городских Советах. В 1937 году, например, процент членов партии в Совете Союза и в Совете Национальностей составлял соответственно 81 и 71; в республиканских Верховных Советах — 75. Во взятой выборочно группе местных Советов в 1939 году число коммунистов колебалось между 18,4% в сельсоветах, 50% в городских и 70% в районных Советах[5].

Процент членов партии был еще выше в некоторых других органах, в частности, в судах. Несмотря на особое указание в статье 112 Конституции, согласно которому «судьи независимы и подчиняются только закону», это положение никогда не толковалось в смысле независимости судов от партийного контроля. Официальная точка зрения хорошо выражена в учебнике советского права: «Следует иметь в виду, что независимость судей и подчинение их только закону не означает независимость от государства, от политики партии и правительства, ибо суд есть орган власти, а его деятельность — одна из функций государственного управления»[6]. В 1931 году уже почти все судьи были членами партии, но только около трети из них имели юридическое образование. Процент членов партии и комсомольцев среди судей

[5] Там же.

[6] М. В. Кожевников, «История советского суда, 1917-1956 годы», Москва, 1957 г., стр. 277.

в 1938 году был приблизительно тем же, что и в 1931 году, — 94,8%[7]. Число судей с высшим образованием оставалось низким, согласно данным, опубликованным в 1941 году, — меньше четверти, но свыше половины остальных имели какой-то стаж юридической работы[8]. Таким образом, в тот период риск, что суды могут серьезно воспрепятствовать проведению партийной политики, был очень незначительным. Кроме того, как отмечается в цитированном учебнике, в период 1935-41 годов ничем не обоснованное привилегированное положение органов государственной безопасности снижало роль и активность судов[9].

* * *

В своем стремлении руководить народным хозяйством страны партия, естественно, уделяла главное внимание сельскому хозяйству и промышленности. История сельского хозяйства в 30-х годах распадается на два периода. В течение первого (его главные черты были отмечены в предыдущей главе) партия силой подавляла сопротивление крестьянства преобразованию сельского хозяйства. Только после 1934 года сломленным голодом и террором крестьянам пришлось смириться с новой системой как с чем-то неизбежным и начать, в меру возможного, пользоваться ею. Во время бурных, тяжелых лет самой коллективизации говорить о какой-либо прочной форме партийной организации на селе не приходится. Это был период импровизации и работы вслепую. Прежде всего, существовавшие сельские организации были слишком слабы, чтобы справиться

[7] 84,8% членов партии, 10% комсомольцев — по заявлению Наркомюста, приведенному в книге Julian Towster, *Political Power in the USSR, 1917-1947*, Oxford, 1948, стр. 302, прим. 13.

[8] М. В. Кожевников, ук. соч., стр. 264, 265, 319.

[9] Там же, стр. 324. Само собой разумеется, эта фраза отсутствует в издании 1948 г.

со стоявшими перед ними задачами. Правда, предпринимались немалые усилия для укрепления крестьянского элемента в партии — количество коммунистов в деревне между 1930 и 1934 годом возросло с 400.000 до 800.000. Но, как это случалось и раньше, руководители партии явно переоценили ту поддержку, которой пользовалась их аграрная политика. Во всяком случае, чистка 1933 и 1934 годов обрушилась с особой силой на тех, кто только что был принят в сельские организации. С 1933 по 1935 год число партийных организаций в колхозах сократилось наполовину, а число краевых и областных сельских организаций — на одну треть. В результате многие колхозы и сельские районы остались вообще без партийных организаций или, в лучшем случае, имели по одному члену партии. Даже ко времени XVIII съезда в 1939 году на 243.000 колхозов существовало только 12.000 первичных партийных организаций, насчитывавших 153.000 членов и кандидатов партии[10]. При этом подавляющее большинство сельских коммунистов не было занято на производстве, а работало в деревне различными администраторами.

Поэтому, вследствие полного отсутствия или слабости и ненадежности сельских организаций, задача преобразования села выпала на долю рабочих. Между 1930 и 1934 годом в деревню было направлено около 50.000 таких пролетарских миссионеров[11]. Но, несмотря на это весьма значительное число, их все же было совершенно недостаточно для создания эффективной сети сельских ячеек. Поэтому

[10] «XVIII съезд», стр. 109 и 227; ср. ПС, № 20, октябрь 1939 г., стр. 53, где указывается, что в Смоленской области в 1939 г. только в 135 из 9.428 колхозов имелись парторганизации и кандидатские или комсомольские группы. 1 июля 1932 г. (самая поздняя дата, когда были опубликованы данные о социальном составе партии) 26,9% всех коммунистов числились крестьянами по происхождению, но только 18,3% в то время работали в сельском хозяйстве, — Merle Fainsod, *How Russia is Ruled,* стр. 252.

[11] «XVIII съезд», стр. 558.

«миссионеры» использовались на ключевых пунктах — в совхозах, колхозах и на МТС — для создания зачатков партийных организаций, полностью контролируемых из центра. В январе 1933 года местный контроль над сельским хозяйством был передан в руки новосозданных органов — политических отделов МТС, которые находились под прямым надзором ЦК. Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК, учредившего политотделы, подчеркивала ненадежный характер сельских партийных организаций: они-де не только не проявляют бдительности в отношении враждебных элементов, но иногда сами подпадают под влияние врагов колхозного строя. Новые политические отделы МТС получали всеобъемлющие полномочия, вплоть до вмешательства в борьбу против «антиобщественных» элементов внутри самих колхозов; они же были призваны, кроме того, принимать участие в чистке партийных организаций в деревне. Начальники политотделов МТС назначались непосредственно ЦК[12].

Эта система продержалась около двух лет. В ноябре 1934 года ненавистные политотделы МТС были упразднены и установлена несколько более нормальная система партийного контроля. Она состояла в превращении райкомов в главные центры местного партийного надзора за колхозами. Им придавались теперь сельхозотделы, подобные сельскохозяйственному отделу, учрежденному в центральном Секретариате в ходе реорганизации 1934 года. Однако политотделы МТС выжили, хотя и в несколько измененной форме. Они сохранили свои функции в качестве партийных организаций, возглавляемых заместителями директоров МТС по политической части[13]. К тому же, находясь территориально ближе к колхозам и связанные с ними непосредственно, эти организации продолжали годами конкурировать с более слабыми в этом отношении и отдаленными райкомами. 25.000 город-

[12] «КПСС в рез.», т. 3, стр. 187-198.
[13] «КПСС в рез.», т. 3, стр. 260-265.

ских коммунистов, стоявших во главе политотделов в течение этих двух лет — 1933 и 1934, — сыграли важную роль в проведении коллективизации. Любопытно отметить, что эти партийные работники, направленные в село для осуществления сельскохозяйственной революции, рекрутировались в своем подавляющем большинстве из среды тех старых большевиков, которые так пострадали в ходе террора: из 10.000 коммунистов, посланных в 1933 году в деревню, 82,6% вступили в партию до 1920 года[14].

Вместе с тем МТС, в силу монопольного владения техникой, были уже в состоянии к концу 1934 года, помимо политического, оказывать и значительное хозяйственное влияние на сельскую экономку. 3.500 МТС располагали к этому времени 281.000 тракторов и другой техникой, от которой зависели 240.000 колхозов[15], и механизация сельского хозяйства неуклонно, хотя и неравномерно, прогрессировала в 30-е годы. Первая и, возможно, главная цель коллективизации — поставка рабочей силы для промышленности — была, таким образом, достигнута, так как механизация привела к сокращению рабочих рук, требовавшихся в сельском хозяйстве. К 1937 году рабочие и служащие составляли 36,2% населения, а крестьяне (в том числе 5,9% крестьян-единоличников) — 63,8%. В 1928 году процент рабочих и служащих по отношению к населению в целом не составлял и половины цифры 1937 года[16].

30-е годы были отмечены также некоторым повышением сельскохозяйственного производства. В первые годы принудительной коллективизации растущие потребности городов удовлетворялись вопреки крестьянскому сопротивлению, и способы изъятия продовольствия у крестьян мало чем отли-

[14] ПС, № 13-14, июль 1933 г., стр. 62-64.

[15] «КПСС в рез.», т. 3, стр. 261.

[16] «Народное хозяйство СССР. Статистический сборник», Москва, 1956 г., стр. 19.

чались от методов военного коммунизма. Принудительные заготовки, замаскированные под названием «контрактации», навязывались крестьянам нередко под угрозой оружия, без всякого учета реальных производственных возможностей колхозов. Но после 1933 года сдача продуктов государству основывалась на посевной площади или, во всяком случае, на площади, которая должна была быть засеяна. Цены, выплачиваемые государством за такие поставки, были очень низкими, но какой-то производственный стимул они все же давали. Производство сельскохозяйственных продуктов стало возрастать, восстанавливалось некое подобие порядка. Валовой доход сельского хозяйства СССР, сократившийся между 1928 и 1832 годом примерно на 25%, к 1937 году превысил уровень 1928 года на 15% и, вероятно, так и оставался на этом уровне до начала войны в 1941 году. Производство зерна в конце 30-х годов было, в среднем, на 15% выше, чем в 1928 году, причем бóльшая часть этого увеличения шла за счет десятипроцентного расширения посевной площади[17]. Но в области животноводства сельское хозяйство не оправилось за этот период от того массового забоя скота, который проводился крестьянами в ранние дни коллективизации. Поголовье крупного рогатого скота, овец и коз все еще не достигало уровня 1928 года десять лет спустя[18].

Колхозы составляли основу сельского хозяйства в 20-е годы. Остатки крестьян-единоличников постепенно вытравлялись налогами и административной дискриминацией. Совхозы, работники которых получали зарплату от государства, имели еще очень небольшой удельный вес в общем сель-

[17] Основано на подсчетах Н. Ясного. См. Harry Schwartz, *Russia's Soviet Economy,* New York, 1950 г., стр. 305-313, где эти подсчеты приведены в сокращенном виде и проанализированы.

[18] Otto Schiller, *Die Landwirtschaft der Sowjetunion 1917-1953,* Tübingen, 1954 г., стр. 63.

скохозяйственном производстве[19]. Колхозы в теории не рассматривались как полностью обобществленная форма хозяйства. Хотя коллективно обрабатываемая земля принадлежала государству, колхозники считались совместными собственниками живого и мертвого инвентаря и хозяйственных построек. Земля предоставлялась им государством в бессрочное пользование. Когда эта форма землеустройства стабилизировалась в начале 30-х годов, было признано, что и частные хозяйства должны играть известную роль в колхозной системе. Как подчеркнул Сталин в 1935 году, «при нынешних условиях» обязательно надо «учесть, кроме общих интересов колхозников, их личные интересы», ибо «без этого невозможно укреплять колхозы»[20]. В какой-то мере этот принцип признавался с самого начала, но бы узаконен только в 1935 году. Воплощенное в Примерном уставе сельскохозяйственной артели, введенном в 1935 году, сочетание личных и общественных интересов колхозников приняло две формы. Во-первых, оплата труда колхозников была поставлена в зависимость от коллективного производства. После вычетов на обязательные государственные поставки, на оплату натурой работы МТС и на суммы, идущие в неделимый фонд, каждый член артели, соразмерно вложенному им труду, получал денежную оплату и вознаграждение натурой в виде доли остатка продукции. Во-вторых, каждому колхозному двору предоставлялось право иметь в личном пользовании приусадебный участок от четверти до половины гектара, а в отдельных районах и до одного гектара, а также ограниченное количество скота и овец (одну корову в зерновых колхозах) и неограниченное количество птицы и кроликов. Это право, имевшее огромное значение для крестьян, было закреплено

[19] В 1937 г. колхозы занимали почти 116 млн. га, а совхозы — чуть больше 12 млн. См. С. Н. Прокопович, «Народное хозяйство СССР», т. I, стр. 243.

[20] «Правда», 13 марта 1935 г.

в статье 7 Конституции 1936 года. Продукция подсобного хозяйства могла сбываться на официально разрешенном свободном рынке. Это сочетание двух начал — социалистического и частного — имело определенную цель: разрешая крестьянину сохранить исконный интерес к личному хозяйству, возбудить у него главный интерес к развитию хозяйства коллективного. На практике дело приняло иной оборот. Заниженные цены, по которым государство принудительно скупало продукцию у колхозов, были мало привлекательными по сравнению с гораздо более высокими ценами на вольном рынке. Высокие заготовительные нормы, устанавливавшиеся в центре часто без всякого учета местных условий, делали верную прибыль с подсобных хозяйств гораздо более заманчивой перспективой для крестьянина, чем его ненадежная доля в сомнительном избытке коллективной продукции. Он вкладывал всю свою энергию и душу в подсобное хозяйство и только нехотя работал на колхоз. Несколько цифр иллюстрируют примечательное развитие продуктивности этих карликовых участков по сравнению с весьма скромным ростом производительности колхозов. В 1938 году, например, колхозники, чьи приусадебные участки составляли всего лишь 3,3% общей посевной площади, имели на этих участках 55,7% всех коров и 40% всех овец[21]. Несмотря на огромную разницу в площади и на преимущества, которые давала колхозам техника, продукция приусадебных участков составила в 1937 году 21,5% общей сельскохозяйственной продукции страны. Доля колхозов составляла 63%[22]. Крестьяне инстинктивно предпочитали частное хозяйство и тянулись к вольному рынку.

Партию этот ход дел, естественно, тревожил. В 1939 и 1940 годах был принят ряд мер с целью восстановления равновесия в пользу общественного сектора. Имелось в виду по-

[21] Цифры приведены у Прокоповича, ук. соч., стр. 256.
[22] Там же, стр. 267 и 268.

ложить конец крестьянской практике подспудного расширения приусадебных участков за счет общественных земель колхозов, принудить крестьян к большей трудовой дисциплине с обязательным минимумом трудодней и изменить в пользу государства принцип исчисления размера поставок. В то же время бо́льшие стимулы предлагались колхозам, перевыполнившим производственный план. Партийные высказывания не оставляют никакого сомнения в том, что готовилась массовая кампания против «мелкособственнического инстинкта». Как и раньше, члены партии должны были здесь играть ведущую роль[23]. Начало войны 22 июня 1941 года прервало эту новую кампанию против крестьян до того, как она успела набрать силу. Но след в памяти крестьян остался: они не забыли, что накануне войны, потребовавшей от них огромных жертв, партия готовила против них свою собственную войну.

* * *

В течение десятилетия, охватывающего две пятилетки — 1929 по 1937 год, — Советский Союз набрал поразительный темп промышленного развития. В 1928 году довоенный уровень производства был достигнут или даже превышен. К 1937 году общее производство превышало уровень 1928 года почти в четыре раза; в основном, как и следовало ожидать, увеличивалось производство средств производства, а не производство товаров потребления. Эту экономическую экспансию прервала только война[24]. Само собой разумеется, движущей

[23] См. «Правду» от 27 мая, 3 и 19 июня 1940 г.; три главных резолюции ЦК по этому вопросу перепечатаны в «КПСС в рез.», т. 3, стр. 396-424.

[24] Эта оценка основана на детальных расчетах в книге Donald Hodgman, *Soviet Industrial Production, 1928-1951,* Cambridge, Mass., 1954 г. Официальные цифры говорили о еще более высоком темпе роста, но большинство зарубежных экономистов считает эти цифры преувеличенными.

силой стремительного развития промышленности была партия. Разумеется также, что, хотя и можно было спорить о темпах развития (пока вообще разрешались какие-либо споры), все коммунисты соглашались с тем, что сама по себе индустриализация — важнейшая цель политики партии. Жертвы, которые влек за собой быстрый темп, набранный Сталиным, требовали от партийного руководства совершенно исключительных мер. Но характер политики был различным в течение двух периодов, о которых идет речь. Что касается поддержки первого пятилетнего плана, партия могла полагаться на энтузиазм не только своих собственных кадров, но и рабочего класса вообще. Как и в период военного коммунизма, на который эпоха первой пятилетки очень походила, дело шло об отчаянной борьбе с казалось бы непреодолимыми трудностями. Несмотря на все лишения, сама грандиозность замысла захватывала воображение и вызвала что-то похожее на старый революционный большевистский энтузиазм, заглохший было во время относительно зажиточных лет НЭПа.

Второй период носил совершенно иной характер. К 1934 году худшие лишения были уже позади, а война против крестьянства закончилась победой партии. В стране в целом, а также в самой партии, росло сознание, что пришло время для передышки, что пора бы начать пожинать плоды сделанных усилий. Но именно такой передышки больше всего Сталин и боялся. Как уже отмечалось выше, его усилия преодолеть эти настроения в партии завершились успехом только в 1938 году. Что касается рабочего класса и нового, идущего в гору класса инженерно-технических работников, получивших образование в советский период, то требовались новые методы, чтобы поддержать их энтузиазм. Вторая пятилетка ставила более скромные задачи, чем первая, и не все они выполнялись. Но в большинстве случаев цели достигались скорее в области основных средств производства, чем в области товаров потребления. Производство этих последних, хотя и значительно возросшее по сравнению с

1933 годом, все еще серьезно отставало от плановых заданий[25]. Потребителю предлагалось больше товаров, но по очень высоким ценам.

Политика партии состояла теперь в том, чтобы обеспечить распределение этих дефицитных и дорогих товаров в строгом соответствии с вкладом в расширение народного хозяйства. Последние остатки эгалитаризма, характерные для раннего периода советской власти, теперь исчезли, уступив место обществу, в котором вознаграждение шло по определенной шкале, а жизненные блага и привилегии строго соответствовали вознаграждению. Анализ заработка рабочих и служащих в 1934 году, через три года после начала кампании против уравниловки, показывает, что вознаграждение самых высокооплачиваемых и самых низкооплачиваемых групп относилось как 29:1 и что рабочие в тяжелой промышленности зарабатывали значительно больше рабочих, занятых в производстве товаров ширпотреба[26]. В промышленности преобладала сдельщина, а производственные нормы устанавливались на основе достижений рекордсменов, а не по выработке среднего рабочего. Таким образом, ставки держались на низком уровне с двумя вытекающими отсюда преимуществами для государства: во-первых, больше капитала могло заново вкладываться в промышленное строительство; во-вторых, ограничение покупательной способности населения ослабляло спрос на дефицитные товары ширпотреба. В 1935 году была развернута огромная пропагандистская кампания — так называемое стахановское движение; ее цель — поощрение более высокой производительности труда. Это шло на пользу не столь уж многочисленным работникам, способным достигать выдающихся результатов, но било по интересам основной массы средних рабочих: их нормы увеличивались,

[25] Leonard E. Hubbard, *Soviet Labour and Industry*, London, 1942, стр. 280 и 281.

[26] Harry Schwartz, ук. соч., стр. 464 и 465.

так как предприятиям предписывалось исчислять эти нормы для всех на основе средней выработки лучших, а не исходя из средней производительности вообще.

Эта политика была бы невозможной без поддержки профсоюзов. От них требовалось добиваться всеми мерами и любой ценой большей производительности труда, а не справедливого вознаграждения своих членов. Полный контроль над профсоюзами, которого добивалась партия после устранения Томского в 1929 году, был необходим как средство именно для того, чтобы принудить профсоюзы взять на себя эту новую роль. XVI съезд партии в 1930 году подчеркнул, что мобилизация масс на строительство социалистического общества есть первейшая задача профсоюзов. Они должны разъяснять трудящимся, что быстрый темп индустриализации и перестройка сельского хозяйства являются «единственно правильным путем» к коренному улучшению материального положения рабочего класса[27]. Может быть, ненавистное стахановское движение (было немало случаев убийств стахановцев их товарищами по работе) заразило и некоторых профсоюзных коммунистов оппозиционными настроениями во второй половине 30-х годов. Преемник Томского по руководству профсоюзами Шверник сказал на XVIII съезде в 1939 году, что состав профсоюзных комитетов на фабриках и заводах изменился на 70-80%, а состав центральных комитетов отдельных профсоюзов — на 96%. Но у нас нет данных для того, чтобы решить, была ли чистка профсоюзных коммунистов вызвана их определенной оппозицией к политике партии или она оказалась частью общего террора тех лет.

Один из эффектов этой политики партии, первоначальная цель которой состояла в увеличении выпуска средств производства, заключался в создании общества, где богатство,

[27] «КПСС в рез.», т. 3, стр. 63.

привилегии и власть становились монополией меньшинства. Один из опытных наблюдателей народного хозяйства СССР отметил при посещении страны в начале 1937 года возникновение того, что он назвал «бюрократической элитой». По сравнению с 1934 годом богатые обогатились, а бедные обеднели. Снова появились внешние символы классовых различий (вроде манеры одеваться, различных форм обращения вышестоящих к подчиненным и наоборот), которые революция, казалось, смела с лица земли, и «из массы выкристаллизовался правящий класс»[28]. Многие члены этой элиты пали жертвами террора 1936-38 годов[29]. Но новые люди, занявшие их места, унаследовали отличительные классовые черты и привилегии своих предшественников.

Источником капитала для быстрого развития промышленности был труд крестьянина и рабочего. Крестьяне внесли здесь наибольший вклад. Тот факт, что они жили в те годы на грани голода, подтверждается многими очевидцами. Согласно весьма сдержанным данным, крестьяне голодали в 1932 и 1936 годах, жили впроголодь в 1933 и 1935 годах и более или менее нормально питались в 1934, 1937 и 1938 годах[30]. Рабочим, за исключением привилегированного меньшинства, жилось немногим лучше. Опять-таки, вычислить реальную заработную плату можно только приблизительно, поскольку официальные данные не учитывают здесь роста цен после 1928 года. По одному исчислению (в категориях индекса цен на продовольствие) валовой заработок рабочих составлял приблизительно половину

[28] Hubbard, ук. соч., гл. XIX.

[29] Подробно о воздействии чистки на техническую и промышленную элиту см. в книге: Z. Brzezinski, *The Permanent Purge*, стр. 87-91.

[30] Детальное исследование воздействия коллективизации на крестьян см. в книге Naum Jasny, *The Socialized Agriculture of the USSR, Plans and Performance*, Stanford, 1949, особенно, стр. 692 и 693, 697 и 698; см. также: Прокопович, ук. соч., т. I, стр. 274.

уровня 1928 года в 1936 и 1937 годах, несколько больше половины в 1938 году и снова половину в 1940 году[31].

СССР мог также эксплуатировать труд заключенных исправительно-трудовых лагерей, находившихся в ведении НКВД. Хотя этот труд был малопродуктивным, он обладал тем преимуществом, что не оплачивался, не требовал больших расходов на питание и жилье и мог использоваться для строительства и других работ в отдаленных районах страны в условиях настолько тяжелых, что они вызвали бы бунт вольнонаемных рабочих. Оценки общей численности этой рабочей силы, дававшиеся специалистами за пределами СССР (официальных цифр никогда не публиковалось), варьировались в различные периоды от нескольких до 20 миллионов человек. НКВД, используя бесплатные рабочие руки, вел такие крупные работы, как строительство Беломорско-Балтийского канала в 1932-37 годы и Байкало-Амурской железной дороги, начатого в 1934 году. В отдаленных районах страны такими методами создавались целые города и административные округа (самым крупным из них был Дальстрой на Дальнем Востоке), главным образом с целью эксплуатации приисков золота и других драгоценных металлов. Из 80 электростанций, перечисленных в Государственном плане 1941 года, десять находились в ведении НКВД и были возведены принудительным трудом[32].

[31] Harry Schwartz, ук. соч., стр. 461. Ср. Прокопович, ук. соч., т. II, стр. 121, где зарплата исчисляется количеством «корзинок» провизии следующим образом: 6 в 1928 г., 5 в 1932 г., 2,24 в 1936 г. и 2,18 в 1941 г. С другой стороны, Хаббард приходит к заключению, что реальная зарплата в 1937 г. была на уровне 1913 г., т.е. несколько выше половины уровня 1928 г. (Hubbard, ук. соч.). Но как признают и сами авторы, все эти расчеты приблизительны.

[32] «Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год», Балтимора, без даты, стр. 80-84, 9 и 10. Процент участия НКВД в добыче хрома и древесины был соответственно 40 и 12. Самая основательная, объективная работа о принудительном труде: David F. Dallin and Boris I. Nicolaevsky, *Forced Labor in Soviet Russia*, New Haven, 1947.

В начале этого периода внешняя торговля как источник инвестиционного капитала не играла никакой роли. Первым пятилетним планом в области развития внешней торговли были намечены очень важные задачи, но выполнены они были только на одну четверть. Между 1933 и 1937 годом Советскому Союзу удалось добиться положительного торгового баланса, но этот избыток едва-едва возмещал убытки предыдущих лет[33]. Характер советской внешней торговли отражал продолжавшийся упор на развитие средств производства и готовность правительства приносить в жертву интересы населения. В 1937 году, например, соотношение импорта предметов личного потребления к импорту средств производства составляло 1:10 по сравнению с 3:7 в 1913 году или 12,5:86,4 в 1927-28 годы[34].

* * *

Темп и насильственный характер политического и социального развития в 30-е годы требовали контроля над сознанием населения в масштабах, которые не были необходимыми в более легкие годы НЭПа. Надо было разжигать энтузиазм, маскировать недостатки, преувеличивать достижения. Это было задачей «массовой агитации», проводимой на основе общих пропагандистских принципов, разработанных руководителями партии. Но дело было не только в увеличении масштабов обычной агитации и пропаганды. В ходе 30-х годов партии удалось, главным образом под личным руководством Сталина, добиться фактически неограниченного контроля над всей культурной жизнью вообще.

Некоторые представления о масштабе деятельности партии в области культуры можно составить, проанализировав структуру Отдела культуры и пропаганды Секретариата

[33] Прокопович, ук. соч., стр. 202, 205.
[34] Там же, стр. 219.

ЦК в 1932 году (напомню, что к тому времени существовал также Отдел агитации и массовой работы; в 1934 году обе функции были слиты в одном отделе, превращенном в 1939 году в Управление). В январе 1932 года ЦК предложил Отделу культуры и пропаганды (Культпропу) «систематически руководить работой в области теории» и «отбором и обучением научных кадров». Структура этого Отдела, утвержденная Оргбюро 7 мая 1932 года, показывает, что он был полностью укомплектован для выполнения этих задач. В его штате насчитывалось до 35 ответственных работников. Отдел делился на 12 секций: партийной и политической литературы; партийных школ; массовой пропаганды (разделенной еще на многочисленные секторы по районам нацменьшинств, Москве, Ленинграду и главным районам РСФСР); школ; научно-исследовательских учреждений; технической пропаганды; газет (тоже подразделенной на секторы); культурной работы среди рабочих и колхозников; журналов, в том числе журналов по истории партии; научной литературы; творческой литературы и искусств, включая кино[35].

Таким образом, аппарат был достаточно оснащен для решения поставленных перед ним в 30-е годы задач: создать официальную теорию и историю партии, подчинить партийному контролю деятельность научной и творческой интеллигенции, не терпеть каких-либо отклонений от политики партии в области философии, права, истории и литературы. Особенно важной задачей стало сочинение новой истории партии. Главную роль во всем этом играл сам Сталин, который после 1930 года начал лично вмешиваться в область культуры и стал признанным авторитетом по вопросам, в которых до тех пор никто не подозревал его компетентности. Пятидесятилетие Сталина 21 декабря 1929 года послужило сигналом для нагнетания культа Генерального секретаря ЦК в качестве верховного вождя и гения во всех

[35] СПР, № 8, стр. 288-290.

областях искусства, науки и образования — культа, который продолжался до его смерти в марте 1953 года. Поскольку к 1929 году Сталин уже достиг единовластия, то маловероятно, чтобы этот культ мог возникнуть и развиваться без его личных указаний. Теоретическое оправдание этой новой роли индивидуального вождя в системе, претендовавшей на научные принципы марксизма как на свою основу, дано было уже с самого начала в официальном журнале партии в январе 1930 года[36].

Первая вылазка Сталина в область культуры была предпринята на ниве философии — в речи 27 декабря 1929 года. К концу 1930 года философы были уже полностью приструнены[37]. В 1932 году была вынуждена подчиниться партийной линии и художественная литература. Еще в 1928 году два постановления партии назвали литературу «орудием в деле организации масс» и призвали писателей к активной роли в пропаганде задач социалистического переустройства общества. Но одних призывов было недостаточно. В течение нескольких лет Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), хотя и сочувствующая и преданная коммунистическому режиму, упорно боролась за творческую независимость писателей от прямого контроля партии. Но борьба эта оказалась делом безнадежным. В 1932 году еще более или менее независимый РАПП был попросту ликвидирован и заменен единым «монолитным» Союзом советских писателей, контролируемым партией.

В беседе с писателями Сталин будто бы сформулировал свое учение о том, какую реальность должен изображать советский писатель и каким методом. Этому новому методу он-де дал название «социалистический реализм».

[36] См. К. Попов, «Партия и роль вождя», ПС, № 1, 1930, стр. 3-9.

[37] Подробно о философских школах и их подчинении партийному диктату см. в книге: Gustav A. Wetter, *Der Dialektische Materialismus*, Freiburg, 1952, стр. 147-200.

«Являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, — гласит официальное определение, — социалистический реализм требует от художника правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии». При этом писатель должен сочетать свое отображение истины «с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся в духе социализма». «Истина» писателя должна быть поэтому диалектической: изображая глазами партии сегодняшнюю действительность, он в соответствии с реальными планами той же партии видит уже и семена будущего; едва различимые сегодня, они станут реальностью завтра. Писатель призван внушать массам идеи коммунистической партии и (согласно другой формулировке Сталина, приведенной Ждановым) стать «инженером человеческих душ»[38]. Союз советских писателей имел в своем распоряжении достаточно средств, чтобы обеспечить возможность издания произведений только тех писателей, которые готовы были принять эти принципы. Кроме того, террор 1936-38 годов, в результате которого исчез ряд видных писателей раннего периода советской литературы, послужил предупреждением, что от творческой свободы литературы до обвинения в контрреволюции — лишь один шаг. И поистине, может быть, следует восхищаться тем фактом, что советская литература 30-х годов, хотя и не идущая в сравнение с литературой 20-х годов, все же не лишена художественных достижений.

Воздействие партийного контроля на теорию государства и права в течение 30-х годов особенно интересно в связи с Конституцией 1936 года. Маркс и Энгельс не проводили никакой разницы между государством и правом, рассматривая обе области как нечто необходимое только в период существования антагонистических классов. После же

[38] Л. Тимофеев и Н. Венгров, «Краткий словарь литературоведческих терминов», изд. 1-е, Москва, 1952, стр. 121-123.

захвата власти пролетариатом и ликвидации эксплуататорских классов в государстве уже необходимости нет. Это учение об отмирании государства после революции имеет основополагающее значение для марксистского анализа. Если государственный аппарат продолжает существовать после революции, несмотря на то, что у власти стоит якобы пролетариат, то это ставит под удар тех, кто действительно стоит у кормила власти и утверждает при этом, что он-де представляет пролетариат. В самом деле, почему стоящий у власти победоносный класс должен нуждаться в орудиях подавления, чтобы управлять самим собой? Накануне победы большевиков в 1917 году Ленин примирил теорию с практикой в своей книге «Государство и революция», выдвинув положение о том, что государству придется существовать, но только в течение переходного периода, пока пролетариат свыкается с властью; в то же время Ленин утверждал, что государство начнет последовательно отмирать с момента революции.

Занятый во все возрастающей степени конкретными задачами после захвата власти, практичный Ленин стал гораздо нетерпимее относиться к утопическим разговорам об «отмирании» и даже вступил в конфликт с более доктринерски настроенным Бухариным еще в 1918 году, когда на VII съезде партии встал вопрос о включении освященной традицией формулы в партийную программу. Но в 20-х годах никто не ставил под вопрос роль этой формулы в ортодоксальной марксистской теории. Для теоретиков права тех лет она была краеугольным камнем. Они рассматривали право как буржуазное явление, как пережиток старого строя, необходимый еще в условиях НЭПа, пока продолжали действовать частное предпринимательство и свободный рынок. Но после установления полного социализма оно, конечно же, обречено на отмирание. Пашуканис — самый влиятельный и выдающийся теоретик права, выдвинувшийся после революции, пошел еще дальше. Он утверждал, что «социалистическое» или «пролетарское» право

вообще немыслимо. Право — продукт общественной системы, основанной на товарообмене; поэтому оно исчезнет при социализме. Пока же право еще сохраняется, оно — право буржуазное, а нормы, вытекающие из новой диктатуры пролетариата, вообще не имеют отношения к природе права. Главный труд Пашуканиса вышел в свет в 1924 году и выдержал несколько изданий — последний раз в 1927 году[39].

Положение радикально изменилось, когда в апреле 1929 году Сталин выступил на пленуме ЦК с резкими нападками на Бухарина и, в частности, раскритиковал старые высказывания Бухарина об отмирании государства. Сталин подчеркнул, что государство не только не отмирает, но и усиливается, ибо страна вступает теперь в период обострения классовой борьбы. В следующем, 1930 году, на XVI съезде партии Сталин повторил, что марксистская формула состоит «в высшем развитии государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти»[40]. Оказавшемуся перед лицом такого авторитета Пашуканису не оставалось ничего другого, как отречься от своих взглядов. Но, изменив свои взгляды на отмирание государства, Пашуканис продолжал утверждать, что при советской системе право подчинено политике: «Можно сказать, что для нас революционная законность является проблемой на 99% политической»[41]. Несмотря на это откровенное (и совершенно верное) признание, Пашуканис до конца 1936 года сохранял свое руководящее положение в Коммунистической Академии и пост заместителя Наркома юстиции.

Проблема отмирания государства приобрела новое значение после 1934 года. «Кулаки» были ликвидированы, теоретически антагонистических классов больше не оставалось, и

[39] Он озаглавлен «Теория права и марксизм» и издан Коммунистической Академией. В английском переводе опубликован в *Soviet Legal Philosophy*, Cambridge, Mass., 1951, стр. 111-226.

[40] Сталин, т. 12, стр. 369 и 370.

[41] *Soviet Legal Philosophy*, стр. 280.

поэтому не было больше теоретического оправдания для дальнейшего существования государства, которое, по Марксу, Энгельсу и Ленину, имеет единственную задачу — предотвратить перерастание антагонизма между эксплуататорами и эксплуатируемыми в насилие. Для множества людей, надеявшихся, что новая Конституция окажется провозвестником периода мира после бурной войны в деревнях, марксистские абстракции об «отмирании» представляли удобную формулу, чтобы оправдать стремление к более спокойной жизни, которое они ощущали, но не смели открыто высказать. В одной из предыдущих глав я уже говорил, что внезапный удар Сталина по партии и стране в августе 1936 года был направлен именно против таких чаяний и что в течение нескольких предшествовавших лет его удерживало сопротивление в высшем партийном руководстве. Внезапная атака на Пашуканиса в начале 1937 года, более чем через шесть лет после его отречения от старых взглядов, составляет часть того же процесса. Вышинский, который повел атаку и после устранения Пашуканиса занял его место ведущего юриста, был, как мы знаем, одним из главных орудий Сталина в организации террора в 1936 году.

Вскоре после падения Пашуканиса Вышинский сформулировал новую теорию права, которая обходила рискованное марксистское понятие об отмирании права при социализме и в то же время увязывалась с новой Конституцией, утверждавшей государство и правовую систему. По Вышинскому, всякое право должно рассматриваться как выражение воли правящего класса, подкрепленное силой. В буржуазном государстве право — выражение воли эксплуататоров. В советском же социалистическом государстве оно выражает волю пролетариата; а поскольку крестьянство и интеллигенция выступают заодно с пролетариатом, воля рабочего класса сливается с волей всего народа и тем самым советское право «является выражением воли всего народа»[42]. (Вышинский

[42] *Soviet Legal Philosophy,* стр. 339.

не говорил, должны ли миллионы советских граждан, заключенных в концлагерях, тоже рассматриваться как часть этой общей воли). Эта новая формула, имея очень мало общего с марксизмом, обладала тем практическим преимуществом, что подчеркивала постоянную природу права и, таким образом, делала беспредметными рискованные размышления об отмирании государства. Годом позже, на XVIII съезде в 1939 году, Сталин вернулся к той же теме. Мысль Энгельса, что государство отомрет, когда больше не будет враждебных классов, требует поправки, сказал Сталин. Она верна только при условии победы революции во всех странах. При наличии же капиталистического окружения, в котором находится СССР, государство будет продолжать существовать даже на современном этапе, когда социализм уже победил, а враждебных классов, не говоря уже об эксплуататорах, больше нет. Более того, государство сохранится даже после того, как СССР достигнет следующей и высшей фазы — коммунизма, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение[43].

Различие между социализмом и коммунизмом, проведенное Сталиным в 1939 году, составляет часть традиционной марксистской теории. Маркс утверждал в 1875 году, что переход от капитализма к коммунизму потребует промежуточной фазы — социализма. В этой фазе сохранится неравенство вознаграждения за различные степени таланта и производительности. Но в «высшей фазе коммунистического общества», когда «все источники общественного богатства польются полным потоком», можно будет преодолеть «узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: "От каждого по способностям, каждому по потребностям„»[44].

Когда в 1918 году на VII съезде партия приняла имя

[43] «Правда», 11 марта 1939 г.

[44] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 19, Москва, 1961, стр. 19 и 20 («Критика Готской программы»).

«Российской коммунистической партии», Ленин напомнил своим слушателям об этих двух фазах. Однако, в противоположность Сталину, он утверждал, что, если говорить об отмирании государства на первом этапе преждевременно, то на втором оно несомненно произойдет[45]. В 1936 году Сталин считал, что достигнута только первая фаза — социализм, а вторая — коммунизм — еще впереди[46]. Тогда его довод, согласно которому еще не пришло время для отмирания государства, отвечал, по меньшей мере, ленинским взглядам (хотя сталинское предупреждение, что государству придется набрать силу, этим взглядам противоречило). Но утверждение Сталина в 1939 году, что государство сохранится даже при коммунизме, не отвечало теоретическим положениям ни Маркса, ни Ленина — во всяком случае в том виде, как они выражены в их сочинениях.

Имелись, таким образом, основательные причины для устранения Пашуканиса — достаточно было уже того, что он считался самым убежденным теоретиком отмирания государства. Обвинение, будто он разработал свою теорию права с целью ослабления советского государства и стал поэтому предателем, не выдерживает критики, тем более, что после 1956 года в СССР официально признается, что, хотя взгляды Пашуканиса ошибочные, уголовное обвинение против него было сфабриковано, и он посмертно реабилитирован. Возможно, конечно, что Пашуканис и некоторые другие юристы, устраненные после его падения, пытались в 1936 году саботировать планы Вышинского, стремясь сохранить какую-то долю законности. Есть также упрямая честность в настойчивом утверждении Пашуканиса, что в Советском Союзе политика преобладает над правом.

Пашуканис принадлежал к той школе старых марксистских теоретиков, которая все еще сохранялась в Коммуни-

[45] Ленин, т. 22, стр. 365.

[46] Сталин, Речь о проекте Конституции СССР, «Правда», 26 ноября 1936 г.

стической Академии и в Институте красной профессуры, пока этим двум учреждениям позволяли существовать. Они были наследниками относительно свободного обсуждения марксистских проблем, которым отличались 20-е годы.

Но в начале 30-х годов свободе дискуссий пришел конец. Коммунистическая Академия была преобразована из центра науки в центр обучения партийных кадров; по мере того как расширялись ее штаты и круг деятельности, понижался ее научный уровень. Контроль над Академией перешел в руки надежных партийных писак. Большая часть ученых кое-как дожила до террора 1936-38 годов. Нескольким из них удалось в начале 30-х годов опубликовать научные труды, которые подозрительная партия могла счесть (а, может, так оно и было) скрытой критикой режима. Такова, например, работа о якобинском терроре, опубликованная в 1930 году историком Старосельским, предисловие к которой написал Пашуканис[47]. Несколько двусмысленное отречение самого Пашуканиса от своих взглядов в 1930 году тоже могло показаться скрытой критикой разложения правопорядка в советском государстве. В конце концов, Коммунистическая Академия была в 1936 году закрыта и влилась в Академию Наук, которая к тому времени полностью контролировалась партией. Институт красной профессуры и старые коммунистические университеты, вроде университета им. Свердлова, тоже тихо приказали долго жить. Самым важным достижением Сталина в установлении контроля над мыслями был захват историографии партии. Конечно, история партии всегда использовалась в качестве орудия соперничающими

[47] Я. В. Старосельский, «Проблема якобинской диктатуры», с предисловием Е. Б. Пашуканиса, Москва, 1930 г. Книга эта стала настолько редкой, что ее нет ни в одной библиотеке в Англии или США — вероятно, она была конфискована после опубликования. Я смог использовать частный экземпляр, конспиративно преподнесенный автором в 1934 г. (к тому времени он уже был в немилости) посетившему его ученому. Несколько трудов о Нечаеве, опубликованных в тот же период, тоже принадлежат к категории «эзоповской» критики сталинского режима.

фракциями — сам Ленин, когда это шло на пользу его аргументации, не смущался заново описывать исторические события. Но до 1931 года издание трудов по истории партии оставалось в руках ученых, которые, как бы сильна ни была их большевистская тенденция, обычно сохраняли какое-то уважение к фактам. Многие исторические работы о развитии партии, опубликованные до 1931 года, обладают ценностью, некоторые из них — ценностью исключительной. В конце 1931 года в журнале «Пролетарская революция» (этот журнал издавался Комиссией ЦК по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии) появилось письмо Сталина. Письмо содержало нападки на редакторов за публикацию статьи, где делалась попытка проанализировать с обычной до тех пор для журнала объективностью вопрос о политике большевиков по отношению к германской социал-демократии накануне Первой мировой войны. Грубый тон письма Сталина не оставлял никакого сомнения в том, что в будущем больше не доверят писать историю партии «архивным крысам», предпочитающим объективные факты той версии событий, которая соответствует последнему зигзагу партийного курса[48]. Это положило конец какой бы то ни было объективной работе над историей партии.

Однако задача даже самых подобострастных историков партии была нелегкой; у них ведь не было авторитетных указаний, какая именно версия истории приемлема для Сталина. Книги по истории партии, состряпанные в 30-х годах, быстро обгонялись событиями, по мере того как вчерашние герои превращались в предателей или как принимавшаяся до тех пор теория приноравливалась к новым обстоятельствам. Только в 1938 году вышла в свет авторитетная история партии — пресловутый «Краткий курс истории ВКП(б)». Хотя формально он бы составлен специальной комиссией, Сталин несомненно приложил к нему свою руку. Во вся-

[48] Сталин, т. 13, стр. 84-102.

ком случае, лапидарный стиль книги носит все отличительные черты его пера. Лаконичные главы «Краткого курса» излагают ту нелепую историю партии, которая отныне увековечивалась как абсолютная истина. Выпуская «Краткий курс», ЦК подчеркивал в резолюции, что его цель состоит, во-первых, в издании официальной истории партии, а во-вторых, в ликвидации «вредного разрыва в области пропаганды между марксизмом и ленинизмом, который образовался за последние годы и привел к тому, что ленинизм стали преподавать как самостоятельное учение, в отрыве от марксизма». Что здесь имелось в виду, не совсем ясно, хотя для тех, кто обладал достаточной смелостью, чтобы говорить это вслух, «ленинизм» (который к 1938 году означал «сталинизм») и марксизм, очевидно, не были тождественны. Во всяком случае, после 1938 года публикация трудов или мемуаров о Ленине была фактически запрещена; это явствует из постановления Политбюро от 5 августа 1938 года, которое было оглашено только двадцать лет спустя[49]

Характерно также, что во время террора 1936-38 годов огромная сеть партийных кружков (в 1934 году в них обучалось около четырех с половиной миллионов человек) была, по-видимому, большей частью закрыта — во всяком случае, на низовом уровне. Возможно, власти боялись еще во время террора, что эти кружки станут рассадниками нежелательных взглядов. С выходом в свет «Краткого курса» была установлена совершенно новая система партийного просвещения. В основу ее работы был положен «Краткий курс», который следовало изучать дифференцированно на различных ступенях и уровнях партийного просвещения[50].

[49] СПР, 1957 г., стр. 364.

[50] Резолюция ЦК о «Кратком курсе» и о реорганизации партийного обучения содержится в книге «КПСС в резолюциях», т. 3, стр. 316-332. Для информации о Коммунистической Академии и о партийных школах я использовал докторскую диссертацию моего бывшего ученика Зева Каца «Партийные школы в СССР» (1957 г.), имеющуюся в Лондонском университете.

В течение многих лет книга эта оставалась главным, хотя и не единственным источником обучения коммунистов, заменив собой не только другие работы по истории партии, но и многие труды классиков марксизма. В качестве средства пропаганды «Краткий курс» поистине не имеет себе равных. Он лег в основу обучения целого поколения коммунистов, которые, не испытывая соблазна думать самостоятельно, всегда имели готовый официальный ответ на любой вопрос. Никто не понимал до Сталина, что подлинная цель пропаганды состоит не в том, чтобы убедить или хотя бы уговорить людей, а в том, чтобы снабдить их однородной системой официальных формул, в рамках которой малейший признак неортодоксальной мысли сразу же обнаруживается как режущий ухо диссонанс. По-видимому, тоталитарной власти легче контролировать речь и поведение людей, чем добиться контроля над их сознанием.

В 30-е годы политика партии по отношению к религии и церкви оставалась без особых изменений. Руководители партии продолжали колебаться между прямым натиском на церковь и косвенным методом административных преследований. Провал непосредственных нападок в начале 20-х годов не помешал, однако, использовать этот метод в 1929 году как часть политики, направленной на подавление крестьянства. Но и эта кампания, принявшая форму насильственного закрытия церквей и нередко приводившая к вооруженным столкновениям с крестьянами, оказалась неудачной, что было фактически признано в постановлении ЦК от 14 марта 1930 года. Как обычно, те, кто просто выполнял приказы партийного руководства, обвинялись теперь в приемах, «не имеющих ничего общего с политикой нашей партии», — в закрытии церквей «без согласия подавляющего большинства жителей села» и в «издевательстве над религиозными чувствами верующих»[51].

Но если метод лобовой атаки был снова отвергнут, то

[51] «КПСС в рез.», т. 2, стр. 670 и 671.

возобновились косвенные нападки. Был принят ряд административных мер, цель которых состояла в ограничении деятельности церкви отправлением обрядов. Всякая же форма социальной или педагогической деятельности запрещалась. Поправка к первой Конституции, принятая 22 мая 1929 года, признавала свободу отправления религиозных обрядов и свободу антирелигиозной пропаганды взамен свободы как религиозной, так и антирелигиозной пропаганды, провозглашенной в первоначальном тексте Конституции. Тот же самый запрет религиозной пропаганды был подтвержден и в Конституции 1936 года (статья 124). Тем временем Союз воинствующих безбожников расширялся и в начале 30-х годов уже уверенно предвидел полное искоренение религии. Началась широкая пропагандистская кампания за атеизм; антирелигиозное преподавание было введено в школах. После 1934 года наступило временное затишье, в период которого церкви и верующим пошло на пользу общее послабление, пришедшее со второй пятилеткой. Но в августе 1937 года внезапно начались новые и более яростные гонения на церковь. Духовенство арестовывалось массами; проходили процессы по обвинению его в государственной измене; многие из оставшихся еще в сохранности церквей были закрыты. Однако результаты всего этого оказались, с точки зрения партии, весьма неудовлетворительными. Данные переписи населения 6 января 1937 года, в которую входил вопрос о религиозных верованиях, были скрыты. По оценке руководителя Союза воинствующих безбожников Е. Ярославского, верующими оставалось около двух третей населения сельских районов и около одной трети в городах, то есть около 45% всего населения страны. Два года спустя оценка оставалась той же[52].

[52] См. N. S. Timasheff, *Religion in Soviet Russia, 1917-1942*, London, 1943 г., стр. 65, где приведена цитата из официального органа Союза воинствующих безбожников в 30-х годах. По Смоленской области богатый материал собран в книге: Fainsod, *Smolensk under Soviet Rule*, стр. 437-440.

26. НЕРУССКИЕ НАРОДЫ. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

В какой степени партия, в качестве вождя многонационального государства, представляла отдельные народы? Как изменилась политика партии по отношению к нерусским народам? Напомню, что к концу НЭПа национальный состав партии все еще не соответствовал численности многих нерусских народов[1]. Так как о национальном составе партии в в 30-х годах фактически нет точных данных, объективная оценка изменений в этой области невозможна. Имеющиеся данные позволяют заключить, что процент нерусских коммунистов на верхах постепенно возрастал. Если, например, сравнить национальные составы делегатов XVI (1930 год) и XV (1927 год) съездов партии, то обнаружится, что процент русских делегатов сократился с 62 до 57,4%. Но процент нерусских делегатов все еще далеко не соответствовал численности их национальностей в стране. Некоторые нерусские народы были представлены непропорционально проценту их численности в стране. Например, грузины и армяне дали 1,8 и 2,3% делегатов, тогда как их доля в населении страны была всего 1,24 и 1,07%. Еще большее несоответствие сложилось у латышей: 4,8% делегатов при 0,09% населения. Наоборот, украинцы (8,6% делегатов, 21,22% населения), казахи (1,3% делегатов, 2,7% населения), узбеки (1,3%

[1] См. выше, стр. 494 и 495.

делагатов, 2,65% населения) были представлены в партийной элите явно недостаточно[2].

Делались, однако, попытки привлечь коренное население в компартии союзных республик, по крайней мере в начале 30-х годов. В компартии Казахстана, например, с 1928 по 1932 год количество партийцев-казахов увеличилось с 37,9% до 52,3%. Анализ количественного состава двадцати одной национальной партийной организации, опубликованный в 1930 году, показывает, что в девяти из них процент местных кадров колебался между 55,5% (в Белоруссии) и 89% (в Армении), а еще в девяти — между 35,2% (в Республике немцев Поволжья) и 48,5% (в Узбекистане)[3]. К 1935 году процент коммунистов-нацменов несколько возрос в трех среднеазиатских партиях — узбекской, таджикской и туркменской. Данных об остальных партиях в 30-е годы нет[4].

Об огромных изменениях во второй половине 30-х годов можно только догадываться. Если руководствоваться фамилиями, то список делегатов XVIII съезда (1939 год), по-видимому, содержит более высокий процент украинских и среднеазиатских имен и гораздо меньше еврейских, чем список делегатов XVII съезда (1934 год). Сравнение численности партий с численностью населения союзных республик показывает, что на Украине партия была представлена все еще недостаточно, в Белоруссии, Узбекистане, Таджикистане, Туркменистане и Казахстане — крайне недостаточно, а Грузия, Армения и Азербайджан по-прежнему имели весьма сильные партийные организации[5]. Если руководствоваться этими приблизительными данными, то можно предположить, что они отражают события, потрясшие страну, — террор 1936-1938 годов. Особенно пострадали евреи, составлявшие высокий

[2] П.С., № 13-14, июль 1930, стр. 30.
[3] П.С., № 19-20, октябрь 1932, стр. 21, 70.
[4] Merle Fainsod, *How Russia is Ruled*, стр. 266 и 267.
[5] Там же.

процент старых большевиков[6]. Закавказские республики, хотя и пострадали от чисток в той же степени, как и другие, смогли найти замену уничтоженным кадрам. Среднеазиатские республики, где резерв партийцев нового типа был ограниченным, еще не оправились от удара.

Политику партии по отношению к нерусским национальностям во время НЭПа можно вкратце охарактеризовать как централизованный контроль над национальными партиями того же типа, что и контроль над подчиненными партийными организациями РСФСР. В то же время шла подготовка местных партийных кадров из среды коренного населения. В качестве таких кадров подбирались люди, готовые пожертвовать местными национальными чувствами ради общей всесоюзной политики партии. При этом партия старалась не подчеркивать руководящее положение русских, дабы не обострять местный национализм. XVI съезд партии в 1930 году повторил традиционное предупреждение об опасности обоих политических уклонов — «великодержавного шовинизма» и «местного национализма». Резолюция подчеркивала, однако, что из этих двух уклонов первый — «великодержавный шовинизм» — представляет главную опасность[7].

На практике в последующие годы основные удары были направлены против местного национализма. Причина понятна. Жестокость коллективизации, растущий централизованный контроль, навязывавшийся Москвой в интересах индустриального развития, общие лишения, вызывавшиеся новым курсом, незбежно приводили к росту национальных и антирусских чувств среди многих местных коммунистов, которые охотно подчинялись руководству в более легких условиях НЭПа. Сельскохозяйственные республики — Белоруссия и Украина, где было особенно серьезное сопротивление

[6] Вопрос о политике по отношению к евреям приобрел особое значение во время и после войны и рассматривается в одной из последующих глав.
[7] «КПСС в рез.», т. 3, стр. 21.

коллективизации, сильно пострадали во время первой волны чисток между 1933 и 1936 годом. На Украине, например, только в течение 1933 года было «вычищено» свыше половины всех секретарей обкомов[8]. Самоубийство старого украинского большевика Скрыпника в знак протеста против чистки символизировало изменения во взглядах многих местных коммунистов на власть Москвы. Ведь Скрыпник, хотя и был противником централизации, навязанной союзным республикам в 1923 году, тем не менее лояльно сотрудничал с московским руководством в течение всего периода НЭПа.

Первый нажим на партийные организации в нерусских районах страны, еще относительно мягкий по сравнению с главным ударом, нанесенным в 1937 году, не сломил местную национальную настроенность в целом. Нет оснований принимать всерьез дикие обвинения против нерусских коммунистических вождей во время ежовщины, — они были не более правдоподобными, чем обвинения, выдвигавшиеся в то время против многих членов партии, ложность которых была впоследствии признана. Национальное самосознание, не говоря уж о сепаратизме, вовсе не было так сильно развито в большинстве нерусских районов, за исключением Украины и Закавказья. Но существовали по крайней мере две причины, способствовавшие развитию националистических или, во всяком случае, антирусских настроений среди нерусских коммунистов в 30-е годы. Первая носила экономический характер. Система централизованного планирования пренебрегала специфическими нуждами местных районов. Если в Узбекистане было рациональнее и экономичнее выращивать технические культуры, вроде хлопка, вместо продовольствия для местного потребления, то план этого и требовал. С точки зрения местных районов,

[8] Ход чисток среди нерусских парторганизаций в 30-х г.г. превосходно проанализирован в книге: Z. Brzezinski, *The Permanent Purge,* стр. 77-82, 180-189.

эта система, как бы рациональна она ни была, выглядела нежелательной, потому что делала данный район зависимым от ненадежных поставок продовольствия из центра.

Вторая причина роста национализма характерна для всех колониальных держав: новые местные коммунистические кадры, выведенные из состояния отсталости и ставшие администраторами, постепенно начинали осознавать свое национальное достоинство и тяготиться опекой русских коммунистов. Это чувство особенно обострилось во второй половине 30-х годов, когда в большинстве нерусских партийных организаций установилась практика вторых секретарей. Если первыми секретарями работали нацмены, то вторыми секретарями должны были быть русские. Так как вторые секретари неизменно приобретали все бóльшую власть внутри организации, возникали очевидные причины для трений.

Приблизительно в середине 1937 года началась согласованная кампания против всех национальных партий. При обсуждении ежовщины мы уже имели случай отметить, что она часто носила запланированный и нарочитый характер. Это особенно очевидно в случае кампаний против национальных партий. Каждая из этих кампаний систематически развивалась по совершенно определенному образцу, который исключал всякую возможность совпадения и показывал, что дело шло не об операции, связанной с безопасностью, а о «социальном строительстве». В каждом случае кампания начиналась с резкой критики по адресу местных руководителей за националистический уклон. За ней следовало их устранение — обычно суд и казнь. Ряд руководителей фигурировал на показательном процессе в марте 1938 года рядом с Бухариным. За ликвидацией руководителей следовали резкое сокращение числа членов в партийных организациях и массовые аресты как коммунистов, так и беспартийных. Все кампании начались приблизительно в одно и то же время.

Когда дым несколько рассеялся, общий метод всех этих операций обрел достаточно четкие контуры. Исчезло большинство тех старых национальных руководителей, которые

еще уцелели к 1937 году. Сильно пострадали и нижестоящие категории партаппарата — секретари парторганизаций, обученные в 30-е годы. На Украине, например, в 1938 году почти половина секретарей партийных организаций была заново назначена[9]. В Грузии с начала 1937 до начала 1939 года из общего, не достигавшего 300, числа первых, вторых и третьих секретарей местных партийных комитетов было заново выдвинуто 260 человек[10]. Это было полезным уроком для тех, кто хотел преуспеть в партии: стало ясно, что единственный путь для этого — полное подчинение национальных интересов интересам СССР в целом, как они понимались партийным руководством в Москве. Для нерусских, готовых пойти на это условие, шансы на выдвижение увеличивались и награды возрастали. Если партия требовала повиновения от местного населения и подвергала его лишениям, то оно могло утешаться лишь тем, что и непривилегированному большинству русских жилось не лучше. Но последующие годы показали, что горечь, вызванная русскими коммунистами у некоторых народов, которых они стремились сплотить воедино, не прошла бесследно.

* * *

В 1928 году Советский Союз вышел из изоляции и стал силой в международном масштабе. Здесь невозможно проследить весь курс советской внешней политики в 30-е годы. Но необходимо отметить некоторые аспекты отношений СССР с внешним миром, которые отражают диктат Сталина, партии и ее теории в области советской дипломатии. Многие элементы советской внешней политики с 1928 года до на-

[9] «Правда», 16 июня 1938 г.; по статистическим данным, приведенным Ждановым на XVIII съезде, на выборах партийных комитетов в середине 1938 г. процент замененных работников колебался между 35 в первичных организациях и 60 в краевых, областных и республиканских комитетах.

[10] «Правда», 21 марта 1939 г.

чала Второй мировой войны не были, конечно, связаны с коммунизмом и представляли собой нормальные попытки набиравшей силы державы защитить свои интересы во внешнем мире. Было, однако, три принципа, лежавших в основе иностранной политики СССР, развившихся в 20-е годы и все еще влиявших на большинство принимавшихся решений. Первый принцип: поскольку конфликт между капиталистическими государствами и СССР рано или поздно станет неизбежным, единственная надежда на спасение состоит в поощрении революций как внутри капиталистических государств, так и в их колониях и полуколониях. В качестве непосредственной цели следовало развивать политику всемерного использования противоречий между отдельными капиталистическими государствами. Второй принцип, прочно укоренившийся к 1928 году: существование и мощь СССР — наиболее важные факторы в осуществлении таких революций, и вся международная революционная политика должна быть подчинена этим непосредственным целям. Третий, и основной, принцип, из которого исходил Советский Союз: природа капиталистических государств такова, что открытая подрывная политика Москвы не исключает некоторого подобия нормальных отношений и, в частности, развития торговых связей.

С точки зрения Сталина, сохранение его собственного диктаторского положения в партии было равнозначно упрочению коммунистической власти в СССР. Из этого, естественно, вытекало, что Коминтерн снова, как и в 20-х годах, становился ареной внутрисоветской междоусобной борьбы. Изменение политики на VI конгрессе Коминтерна летом 1928 года — от сотрудничества с иностранными социалистическими партиями к открытой войне против них (об этом уже упоминалось выше[11]) — явно помогло устранить и Бухарина и тех иностранных коммунистов, которые склонялись к ока-

[11] См. выше, стр. 514-517

занию ему какой-то поддержки. Исключения оппозиционеров и потенциальных оппозиционеров вскоре последовали в отдельных партиях Коминтерна. Многие из исключенных, оказавшихся на свою беду в 30-е годы в СССР, пали жертвами террора. Иностранные коммунисты столкнулись в те годы с дилеммой: или подобострастно принимать московские приказы, или быть обвиненными в сотрудничестве с капиталистическими разведками. Среднего пути они не нашли.

Но изменение политики Коминтерна не только отражало внутренние советские междоусобицы, но и свидетельствовало о растущем разочаровании Москвы в европейских социалистических партиях. Официально изменение политики объяснялось наличием нового революционного подъема. В этом революционном подъеме социал-демократические партии якобы неизбежно предадут дело пролетарской диктатуры. Поэтому коммунисты должны стремиться к прямому захвату власти — не путем мирного обеспечения парламентского большинства, а путем «насильственной отмены власти буржуазии, разрушения аппарата капиталистического государства... и замены его новыми органами пролетарской власти, которые являются, прежде всего, орудием подавления сопротивления эксплуататоров»[12]. На самом деле причины поворота в политике Коминтерна были, конечно, иные. Неудачный опыт с Гоминданом в Китае, провал Англо-русского профсоюзного комитета и обострение отношений с немецкими социал-демократами (которые в 1926 году стали еще более непопулярными в глазах советских коммунистов, разоблачив советское военное сотрудничество с немецкой армией) — вот более вероятные объяснения. Тот факт, что СССР навязывал все более жесткую дисциплину коммунистическим партиям в Европе, в известном смысле шел во вред самой советской политике: чем очевиднее эти партии становились

[12] *VI Congrès de l'Internationale Communiste.* (17 juillet-1 septembre 1928). Compte-rendu sténographique. Paris, 1928, стр. 1597 и далее.

послушным инструментом Москвы, тем труднее было им приноровить их политическую линию к внутренним условиям собственных стран и заручиться хоть минимальной поддержкой.

Рост национал-социализма в Германии не внес никаких конкретных изменений в тактику Коминтерна. Главным врагом все еще считалась социал-демократия, на которую натравливалась немецкая компартия. Этот курс фактически приводил к сотрудничеству коммунистов с фашистами против социал-демократов и создавал немалые трения среди немецких коммунистов[13]. Вероятно, он вызывал немало тайных угрызений совести и у коммунистов в самом Советском Союзе. Открытая критика называлась бы «правым» уклоном и была поэтому невозможна. Если когда-либо существовала реальная возможность победы социализма в качестве альтернативы Гитлеру, то московская политика ее эффективно подорвала. Тактика Коминтерна официально объяснялась тем, что победа национал-социализма в Германии неизбежно станет прелюдией к пролетарской революции; эта мысль продолжала циркулировать даже после прихода к власти Гитлера (1933 год).

Однако этот утешительный самообман длился недолго. Согласно одному детальному отчету, Сталин осознал, что Гитлер укрепился прочно после кровавой расправы со своими политическими соперниками 30 июня 1934 года, в «ночь длинных ножей»[14]. Сталин, возможно, даже испытывал чувство зависти, следя за тем, как другому диктатору удалось вскоре после захвата власти провести ту самую операцию, о которой он сам мечтал, но которую все еще не мог организовать. Националистический подъем в Германии созда-

[13] Margarete Buber-Neumann, *Von Potsdam nach Moskau.* Stationen eines Irrweges, стр. 283 и 284, 287-293.

[14] W. G. Krivitsky, *I Was Stalin's Agent,* стр. 29, где дата ошибочно указана как 13 июня 1934 г.

вал реальную угрозу безопасности СССР. Хотя ярость Третьего рейха была, по-видимому, направлена в первую очередь против версальских держав на Западе, писания Гитлера не оставляли никакого сомнения в том, что Россия считалась объектом немецких территориальных притязаний не в меньшей степени. Реальна была также опасность союза между Германией и Японией с целью совместного нападения на СССР. Кроме того, с коммунистической точки зрения, существовала также возможность (ее нужно было исключить любой ценой), что Германия в конечном итоге сговорится с другими «империалистическими» державами для общего удара по «социалистическому» СССР. Это диктовало необходимость выбора одного из двух взаимоисключавших друг друга курсов — либо союз с Германией, либо союз с версальскими державами, в особенности с Францией. С коммунистической точки зрения, казалось бы, никакой разницы между союзом с Германией и союзом с любой другой «капиталистической» державой не было. Все они представлялись коммунистам одинаково мерзкими, ненадежными и в конечном итоге враждебными. Вопрос о союзе был вопросом чистого оппортунизма, важным только с точки зрения усиления позиций СССР тактическими средствами. Как сказал Сталин на XVII съезде партии в январе 1934 года, установление фашистского режима в Германии не представляет собой большего препятствия для добрых отношений между СССР и Германией, чем фашизм в Италии, который не помешал СССР установить «наилучшие отношения» с этой страной[15].

Но логика — не всегда единственный фактор в принятии решения, даже у коммунистов. Совершенно несомненно, например, что для коммунистов типа Бухарина и для многих старых большевиков, думавших, как он, но не смевших сказать этого вслух, мысль о союзе с державой, столь откры-

[15] «XVII съезд», стр. 13.

то хищнической и варварской, как национал-социалистская Германия, была гораздо более отталкивающей, чем политика союза с ортодоксальными «империалистами». На том же съезде Бухарин, которому в атмосфере относительного примирения было разрешено произнести покаянную речь, уделил немало времени нападкам на Гитлера, подкрепленным цитатами из национал-социалистических писаний[16]. Контраст между тоном его речи и характером сталинских замечаний по адресу Германии был разителен. Курс на союз с Германией несомненно вызвал бы значительную оппозицию в партии, пока в ней еще состояли старые революционеры более традиционного толка. Кроме того, вполне возможно, что расправа Сталина со старыми большевиками и их капитуляция были отчасти обусловлены определенным фактом: в то время Советский Союз находился в авангарде борьбы против Гитлера, и необходимость единства для защиты социализма против власти тьмы ощущалась как нечто насущное. Не случайно, что последняя статья, которую позволили опубликовать Бухарину в 1936 году, представляла собой яростную атаку на немецкий фашизм[17].

С точки зрения Сталина, союз с Германией давал некоторые преимущества по сравнению с союзом с версальскими державами. Прежде всего, существовали традиционные связи, установленные с 1922 года Рапальским договором, нарушать который СССР наверняка не хотел. Торговля с Германией играла значительную роль в период первой пятилетки. Германия была крупнейшим поставщиком для СССР и усту-

[16] Там же, стр. 127-129. Напомню, что еще в 1928 г. Бухарин частным образом критиковал политику Коминтерна, состоявшую в активной борьбе с социал-демократическими партиями. См. выше, стр. 516 и 517.

[17] См. «Маршруты истории», «Известия», 6 июля 1936 г. Можно, пожалуй, предполагать, что в этой статье Бухарин, противопоставляя преимущества советской Конституции порокам нацистской Германии, внутренне был убежден, что параллель между обеими странами более убедительна, чем котраст между ними, и что статья поэтому была актом скрытой оппозиции.

пала только Англии в качестве потребителя советского экспорта. И, наконец, сговор между двумя диктаторами всегда таит в себе известные козыри, с которыми демократии конкурировать не могут: соблюдение полной тайны, свобода от вмешательства общественного мнения, отсутствие всяких сомнений насчет прав других государств, которых может ущемить такая сделка — короче говоря, все аспекты дипломатии, подгоняемые диктаторами и правого и левого толка под термин «реализм». Но какие бы надежды ни питал Сталин насчет союза с Германией, они были разрушены Гитлером. Соглашение между Польшей и Германией от 26 января 1934 года вызвало подозрения у Сталина, что эти две державы готовят сговор за счет Советского Союза. Вскоре после этого, 14 апреля 1934 года, Германия отвергла советское предложение о предоставлении совместных гарантий Финляндии и трем прибалтийским государствам. СССР был, естественно, заинтересован в налаживании связей с пограничными государствами более прочными средствами, чем пакты о ненападении, которыми он уже был связан со своими соседями. Однако эти государства, в прошлом входившие в состав Российской империи, естественно, относились с подозрительностью к любой советской гарантии, не подкрепленной другими великими державами, опасаясь, что она может быть использована как предлог для их вторичной аннексии Советским Союзом. Польша, кроме того, опасалась, что СССР не удовлетворился бы существовавшей тогда границей, которая оставляла миллионы украинцев в ее пределах и которую Польша силой оружия навязала обессиленной России в 1920 году.

Так как перспектив на улучшение отношений с Германией не было, консолидация отношений с другими западными державами, в частности, с Францией составила естественную цель советской внешней политики. Важным этапом в этом направлении в конце 1933 года явилось признание Советского Союза США. Переговоры с Францией, начавшиеся весной 1934 года, завершились вступлением СССР

в Лигу Наций в сентябре 1934 года и франко-советским договором о взаимопомощи от 2 мая 1935 года. Две недели спустя аналогичный пакт о взаимопомощи был заключен между СССР и Чехословакией. Он содержал статью, согласно которой обязательства по взаимной помощи вступали в силу только в том случае, если Франция придет на помощь стороне, ставшей жертвой агрессии.

В прошлом Советский Союз был непримиримым врагом Лиги Наций, хотя после 1928 года он принимал участие в шедших под эгидой Лиги переговорах о разоружении. Правда, его далеко идущие предложения об общем разоружении преследовали, в основном, пропагандистские задачи:[18] они имели своей целью разоблачить отсутствие серьезного намерения у ведущих членов Лиги разоружиться. Сделать это было не слишком трудно... Но после 1934 года советские намерения изменились: советское правительство стремилось теперь способствовать коалиции, направленной против держав Оси, коалиции, в которую превратилась Лига после выхода из нее Германии, Италии и Японии, в ее решимости стать действенным оплотом против агрессивных поползновений этих трех держав. Тут поведение СССР как члена Лиги было не лучше, но и не хуже поведения других ее членов, а иногда Советский Союз был готов идти и дальше других держав. Но Советский Союз пренебрегал тем механизмом сотрудничества, который пыталась наладить Лига, и полностью отвергал арбитраж или международный суд для решения спорных вопросов[19].

Вступление СССР в Лигу Наций ознаменовало начало идиллического периода в его отношениях с другими державами. Советские руководители пытались стереть впечатление, оставшееся в памяти некоммунистических держав, что СССР

[18] См., напр., резолюцию по этому вопросу на VI конгрессе Коминтерна, *VI Congrès de l'Internationale Communiste*, стр. 1724.

[19] См. мою статью *Soviet Participation in International Institutions*, Year Book of World Affairs, vol. III, 1949, стр. 205-240.

— бандит на международной арене, заинтересованный только в подрыве устоев остального мира. В этой новой роли значительная заслуга принадлежала Наркоминделу Литвинову, искренне ненавидевшему гитлеровский режим и производившему с помощью своей жены, англичанки по рождению, благоприятное впечатление на представителей других стран при контактах с ними в Женеве. СССР изображал теперь себя главным поборником сопротивления Гитлеру. Угроза немецкой агрессии росла, и по мере ее роста увеличивалось число веривших в то, что Советский Союз представляет собой жизненно важный фактор в этом деле.

В июле и августе 1935 года VII конгресс Коминтерна попытался использовать это новое положение, не отказываясь, однако, от революции как своей конечной цели. Теперь, после еще одного характерного молниеносного поворота курса, Коминтерн призвал к созданию «единого фронта с социал-демократическими рабочими партиями» или «широкого народного фронта с трудящимися массами, все еще далекими от коммунизма, но, тем не менее, способными сплотиться с нами в борьбе против фашизма...» Коммунистические партии упрекались в том, что в прошлом они не отличали буржуазные партии от фашистской: рабочему классу предлагалось теперь охранять буржуазную парламентскую демократию, пока придет время для ее замены «пролетарской демократией». Коммунистическим партиям предлагалось в случае необходимости объединяться с другими партиями, но — как в свое время социал-демократы в Думе — постоянно разоблачать их за предательство интересов рабочего класса и помнить, что конечной целью остается диктатура пролетариата[20].

Таким образом Советский Союз пытался достичь непосредственной тактической цели — организации сопротивле-

[20] См. резолюции конгресса, напечатанные в *VII Congress of the Communist International*, Abridged Stenographic Report of Proceedings, Москва, 1939, стр. 565-603.

ния Германии, не отказываясь от своих конечных целей. Задача была не из легких. Ход дел в самом СССР, несмотря на широкую пропагандную шумиху вокруг новой Конституции, служил суровым напоминанием о том, что «пролетарская демократия» означает нечто совсем иное, чем тот же термин в обычном, некоммунистическом понимании. Плясавшие под московскую дудку компартии в отдельных европейских странах стояли перед труднейшей задачей: надо было играть роль политических партий, претендующих на защиту национальных интересов собственных стран. Непоследовательность позиции Советского Союза оставалась фактом: ведь СССР выдавал теперь себя за государство, лояльное по отношению к сообществу некоммунистических стран, а в то же время поддерживал организации, открытой целью которых оставался подрыв западного демократического строя. Сталин теперь категорически отрицал, что Советский Союз когда-либо замышлял мировую революцию. «Если Вы думаете, — сказал он американскому корреспонденту 1 марта 1936 года, — что советские люди хотят сами, да еще силой, изменить лицо окружающих государств, то Вы жестоко заблуждаетесь». И на вопрос корреспондента, означает ли это, что Советский Союз оставил свои планы и намерения произвести мировую революцию, Сталин ответил: «Таких планов и намерений у нас никогда не было»[21]. Но двумя годами позже, в феврале 1938 года, он писал, что «нужно организовать политическую помощь рабочего класса буржуазных стран рабочему классу нашей страны» для борьбы против капиталистического окружения[22]. Таким образом, если Сталин в течение второй половины 30-х годов и позволял Литвинову сколачивать подлинную коалицию против Германии, то вместе с тем он, по ленинскому выражению, «держал камень за пазухой».

[21] Интервью с Р. Говардом, «Правда», 5 марта 1936 г.
[22] «Большевик», № 2, февраль, 1938 г.

Не отказался Сталин в тот период и от тайных попыток добиться союза с Гитлером. В июле 1934 года, когда еще шли переговоры о франко-советском пакте, французы достоверно узнали, что советская сторона зондирует возможность пакта и с Германией[23]. Тайные переговоры, как мы теперь знаем, велись также советским торгпредом в Берлине Канделаки в конце 1936 и начале 1937 года, хотя снова безуспешно[24]. Если европейские державы действительно никогда не доверяли коммунистическому СССР и не принимали его с распростертыми объятиями в союзники, то Советский Союз в свою очередь неизменно рассматривал более тесные отношения с Западом только как тактический прием на пути к конечной цели — укреплению своей мощи.

В этой атмосфере взаимного недоверия политика коллективной безопасности против немецкой экспансии была обречена на провал. К 1938 году, когда требования, предъявленные Гитлером Чехословакии, поставили Европу на грань войны, отношения между СССР, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой, носили напряженный и отчужденный характер. Роль, которую Сталин играл в гражданской войне в Испании (именно Сталин, а не Литвинов), не улучшала репутации Советского Союза как союзника против фашизма. В Испании стало очевидным, что Советский Союз, несмотря на все заверения в солидарности с республиканцами, был значительно больше заинтересован в установлении контроля над правительством Испании, чем

[23] *Documents on British Foreign Policy 1919-1939*, Second Series, vol. VI, 1933-34, London, 1957 стр. 875-877.

[24] Эти совершенно секретные переговоры впервые разоблачил Кривицкий, ук. соч., стр. 37-39. То, что они действительно имели место, подтверждено теперь доверительной депешей Нейрата Шахту от 11 февраля 1937 г., из которой явствует, что Канделаки от имени Сталина зондировал почву для соглашения с Германией, но получил отказ от Гитлера. Документ находится в архиве Германского Министерства иностранных дел, который попал в руки союзников во время Второй мировой войны. Приношу благодарность профессору Д. Эриксону за копию этого документа.

в обеспечении разгрома мятежников. В разгар этой смертельной борьбы НКВД занимался своим обычным делом: процессами, казнями и чистками троцкистов и других инакомыслящих из многочисленных испанских и интернациональных левых организаций. В самом республиканском правительстве те его члены, которые пользовались доверием СССР и даже были его агентами, вели интриги и устраивали заговоры. Много иллюзий о характере русского коммунистического строя исчезло во время гражданской войны в Испании. Кроме того, уверенность в ценности Советского Союза как военного союзника была подорвана казнями ведущих военачальников Красной Армии в июне 1937 года и широким террором в армии.

Немудрено, что Англия и Франция предпочли сами справиться с чехословацким кризисом 1938 года. Мюнхенское соглашение с Германией от сентября 1938 года, которое выдало Чехословакию на растерзание Гитлеру, было достигнуто без участия СССР. Здесь не место обсуждать целесообразность или этичность Мюнхенского соглашения. Вероятно, однако, Сталин сделал из него вывод, что западные державы развязывают Германии руки против СССР. В таком случае он ошибался, потому что немецкие первоочередные намерения состояли в броске на Запад. Для этого Германия нуждалась в уверенности, что ее восточный тыл не окажется под угрозой нападения. Немцы сделали правильный вывод, что крах системы коллективной безопасности, выявленный Мюнхенским соглашением, повысил возможность «более положительной установки по отношению к Германии со стороны СССР»[25], но они ждали первого шага от Советского Союза. Ведь Германия, отвергнув в прошлом несколько предложений и намеков Сталина, не могла быть уверенной в том, что СССР не использует переговоры с ней только в

[25] 3 октября 1938 г. — см. *Documents on German Foreign Policy,* Series D (1937-1945), vol. IV: *The Aftermath of Munich,* London, 1951, стр. 602 и 603.

качестве рычага для оказания давления на Англию и Францию. Новый пробный шар был запущен советским послом в Берлине 17 апреля 1939 года. 3 мая Литвинов, «архитектор» политики коллективной безопасности, был заменен Молотовым, ближайшим сотрудником Сталина.

В течение весны и лета 1939 года Советский Союз одновременно вел переговоры и с Германией, и с Англией, и с Францией. Что касается переговоров с западными державами, то ни у той, ни у другой стороны перспектива союза особого энтузиазма не вызывала. Во всяком случае, Англия не проявляла охоты присоединиться к СССР для предоставления гарантий Прибалтийским государствам без согласия этих стран, как того требовала советская сторона. Такой шаг был равносилен предоставлению Советскому Союзу права аннексировать эти страны. Польша отказывалась предоставить Красной Армии право прохода через свою территорию. В статье, опубликованной в «Правде» 29 июня 1939 года, Жданов обвинил Англию и Францию в том, что они используют переговоры только в качестве дымовой завесы для сговора с Германией. Эта формулировка была, быть может, более применимой к поведению СССР. За две недели до появления этой статьи советское правительство известило немцев, что, хотя Советский Союз ведет переговоры с Англией и Францией, сближение с Германией больше всего соответствует его стремлениям[26]. Переговоры теперь шли одновременно: открыто с Англией и Францией в Москве и секретно с Германией в Берлине. 22 августа 1939 года было объявлено, что немецкий Министр иностранных дел фон Риббентроп находится на пути в Москву, а на следующий день между СССР и Германией был подписан договор о ненападении. По тайному протоколу, приложенному к договору, три Прибалтийских государства и почти половина

[26] *Nazi-Soviet Relations 1939-1941,* Documents from the Archives of the German Foreign Office. Washington, 1948, стр. 20 и 21.

территории Польши признавались сферой влияния СССР «в случае территориального и политического переустройства». Германия также объявила о своей «полной политической незаинтересованности в Бессарабии»[27].

Оглядываясь назад, можно увидеть: назначение Молотова и статья Жданова были предвестниками изменения советского курса по отношению к Германии. Но секретность переговоров с Германией была в то время столь глубока, что договор от 23 августа 1939 года произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Никто не сомневался, что это — прелюдия к войне. 1 сентября 1939 года германские вооруженные силы вторглись на территорию Польши, а 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии в силу гарантий Польше, данных в марте того же года. Для компартий — как в Советском Союзе, так и в Европе — крутой поворот в советской политике стал суровым испытанием. В один день Советский Союз из противника германской агрессии превратился в союзника или даже сообщника Гитлера. Коммунистические партии неплохо выдержали это испытание. Английская и французская компартии, в частности, продемонстрировали, что они умеют ставить советские интересы превыше интересов своих собственных стран; более того, партии эти оставались совершенно равнодушными к той смертельной опасности, в которой теперь оказались их страны. Они обличали свои правительства как агрессоров и, вторя Молотову, издевались над мыслью, будто идеологию гитлеризма можно уничтожить силой в ходе «бессмысленной и преступной войны... прикрываемой фальшивым флагом борьбы за „демократию“»[28]. В самом СССР запуганная и присмиревшая партия не проявила ни малейшего признака несогласия. Как бы безжалостны ни были сталинские методы «перековки», они так или иначе оказались очень действенными.

[27] Там же, стр. 76-78.
[28] См. речь Молотова, «Правда», 1 ноября 1939 г.

27. ВОЙНА. ВЛАСТЬ ПАРТИИ НАД АРМИЕЙ

Казалось, мир для СССР обеспечен договором с Германией. Мечта Сталина о пакте с Гитлером, который оставлял бы СССР неприкосновенным, в то время как Германия вела войну против западных держав, теперь, после многих лет терпеливых усилий, наконец, осуществилась. Но территориальные приобретения, выговоренные Сталиным, сразу же навязали Советскому Союзу военные обязательства. Расширение советской территории в 1939-40 годы было как раз таким, какого СССР хотел добиться в переговорах с западноевропейскими державами; но они, как известно, отказались предоставить Советскому Союзу чужую территорию для обеспечения безопасности его границ.

Недели через две после германского вторжения в Польшу Красная Армия оккупировала ту часть польской территории, которая входила в советскую зону влияния по договору с Германией. Дело не шло о временной военной оккупации: захваченные территории вошли в состав Советского Союза. На них распространилась власть компартии и там были проведены «выборы» по советскому образцу в целях закрепления политических изменений. Вскоре после этого были заключены пакты о военной помощи с тремя Прибалтийскими государствами — Латвией, Литвой и Эстонией, которые оказались теперь в изоляции и не могли ожидать какой-либо помощи от противников Германии. За военными пактами последовало в июне 1940 года как раз то, чего всегда так

опасались эти небольшие страны: посредством организованных Советским Союзом политических переворотов они были включены в его состав в качестве союзных республик. В том же месяце Румынии было предъявлено требование о возврате Бессарабии, которую РСФСР была вынуждена уступить в 1918 году, а заодно и об уступке смежной провинции — Северной Буковины, хотя она никогда не входила в Российскую империю и не составляла объекта какого-либо сговора с Германией в августе 1939 года. Румыния оказалась не в состоянии противиться этим требованиям, и вскоре Бессарабия и Северная Буковина были также включены в состав СССР.

В противоположность Прибалтийским государствам и Румынии, Финляндия воспротивилась советским притязаниям. Переговоры были прерваны в ноябре 1939 года, обе стороны провели мобилизацию и 30 ноября Красная Армия перешла в наступление. Несмотря на численную несоразмерность сторон, кампания растянулась на четыре месяца. Это было связано и с упорным сопротивлением финских войск и с трудностями театра военных действий, но немаловажную роль здесь играло и состояние Красной Армии, дезорганизованной в результате террора, да у советских солдат и не дежала душа к явно агрессивной войне.

Агрессия против Финляндии резко ухудшила советские отношения с западными державами. Бессильный жест исключения Советского Союза из Лиги Наций — санкция, которую в свое время не посмели применить к другим государствам-агрессорам, вроде Японии или Италии, вызвал раздражение у советской стороны, не оказав помощи финнам. Тем временем отношения между обоими диктаторами тоже принимали напряженный характер. Аннексия Северной Буковины, советизация Прибалтийских государств и постоянная советская заинтересованность в балканских делах тревожили Гитлера, в то время как немецкие военные мероприятия на смежных с Советским Союзом территориях вызывали беспокойство у Сталина. 13 ноября 1940 года

Молотов посетил Берлин для бесед с Министром иностранных дел Германии. Ему была предложена значительная, но неопределенная доля активов Британской империи, скорую ликвидацию которой гитлеровцы считали неминуемой. Однако Молотов не услышал в Берлине ничего удовлетворительного по более конкретным вопросам, касавшимся Финляндии, Болгарии, турецких проливов и тревожившим Советский Союз. Пятью неделями позже, 18 декабря 1940 года, Гитлер подписал директиву о «Плане Барбаросса», согласно которой «германские войска должны быть готовы разгромить Советскую Россию в молниеносной кампании еще до завершения войны против Англии». После этого Гитлер уклонялся от всех попыток Советского Союза разрядить нараставшее напряжение дипломатическими средствами[1].

Итак, в течение двухлетней отсрочки, купленной ценой пакта с Германией, Советскому Союзу пришлось заняться своими внутренними делами в атмосфере растущего напряжения. После 1939 года партия старалась усилить свой контроль и над сельским хозяйством и над промышленностью. В сельском хозяйстве главная цель состояла в том, чтобы отвлечь крестьян от их привязанности к приусадебным участкам и расширить производство общественного сектора.

В то же время на XVIII партконференции, созванной в феврале 1941 года, было признано, что партийные организации в чрезмерной степени сосредоточили свои усилия на сельском хозяйстве и ослабили работу в промышленности. Местные партийные организации, говорилось в резолюции, склоняются к тому, чтобы оставлять реальный контроль над предприятиями в руках промышленных наркоматов, ошибочно полагая, что отвечают за состояние дел

[1] См. об этом периоде *Nazi-Soviet Relations 1939-1941*, Documents from the Archives of the German Foreign Office, ed. by Raymond James Sontag and James Stuart Beddie, стр. 247 и далее.

на этих предприятиях наркоматы, а не партийные органы. Им предлагалось неукоснительно проводить в жизнь те два принципа, на которых с 30-х годов покоилась советская промышленная политика, — дифференцированная оплата труда и единоначалие директоров предприятий. Предписывалось также следить за неуклонным внедрением сурового устава трудовой дисциплины, введенного в силу 26 июня 1940 года (тогда также был введен восьмичасовой рабочий день вместо гарантированного Конституцией семичасового). Конференция лишний раз продемонстрировала (но не разрешила) трудности, неизбежно возникающие при системе, где две параллельные организации — партийный и государственный аппараты — осуществляют административный контроль. Была затронута также другая хроническая проблема — отрицательное отношение директоров предприятий к партийно-пропагандным собраниям и митингам, которые, с их точки зрения, растрачивали ценное рабочее время, не внося никакого ощутимого вклада в производство. Партийным организациям было теперь указано проводить политическую деятельность только в нерабочее время[2].

Вторжение германских войск на советскую территорию 22 июня 1941 года застало страну совершенно неподготовленной — и в военном и в промышленном отношении. Заводы срочным порядком эвакуировались на восток, но производить жизненно необходимое вооружение и военную продукцию начинали, естественно, только после некоторого перерыва[3]. После смерти Сталина его преемники пытались свалить вину за неподготовленность страны на его непредусмотрительность: Сталин игнорировал повторные сигналы тревоги, исходившие от его военных советников и дипло-

[2] «КПСС в рез.», т. 3, стр. 425-436.

[3] Около 1.300 крупных предприятий было эвакуировано; в 1940 г. они производили около одной трети всей промышленной продукции, — Harry Schwartz, *Russia's Soviet Economy*, стр. 203 и 204.

матических представителей за границей[4]. Тот факт, что позднее страна мобилизовала силы для сопротивления, считается «заслугой партии». Несмотря на бесспорно огромную личную власть Сталина в те годы, такой взгляд все же чрезмерно упрощает положение вещей. Во-первых, неподготовленность страны к войне с Германией объяснялась не столько личными промахами Сталина, сколько самой природой тоталитарного строя: переключив весь механизм контроля над сознанием масс на то, чтобы сделать приемлемым неожиданный пакт с Гитлером, режим не мог одновременно готовить страну к войне, предотвращение которой до тех пор приписывалось мудрости руководства. А во-вторых, даже если в этой ошибке действительно был повинен один-единственный человек, то партия не могла снять с себя ответственность за то, что вручила свою судьбу диктатору, сдерживать которого она оказалась не в состоянии.

Шок, вызванный немецкой агрессией, немедленно сказался на тех формах, какие приняла теперь власть партии. Серьезность и внезапность создавшегося чрезвычайного положения привели к более четким формам диктатуры; интриги ближайшего сталинского окружения отошли на второй план, а на первый выдвинулась напряженная работа.

Напомню, что после XVIII съезда в 1939 году среди партийного руководства наметился водораздел между двумя группами, которые можно условно назвать старыми сталинцами и неосталинцами, причем первые занимали ведущие посты, а люди помоложе стояли на более низких ступенях руководства, но уже начинали догонять «стариков»[5]. Впоследствии нам придется иметь дело с Молотовым, Кагановичем и Микояном как со старыми сталинцами и с Маленковым, Берией, Вознесенским и Хрущевым как с новыми людьми. Жданова труднее подвести под одну из этих

[4] Напр., в речи Н. С. Хрущева на XX съезде партии в 1956 г., — *The Anti-Stalin Campaign and International Communism* стр. 43-46.

[5] См. выше, стр. 616-618.

категорий, но скорее он все же принадлежал к неосталинцам. К 1939 году Жданов был уже членом Политбюро. Хрущев тоже входил в Политбюро, а Берия был кандидатом в члены. Период между XVIII съездом и началом войны в июне 1941 года был отмечен быстрым восхождением Маленкова и Вознесенского. Маленков — один из четырех секретарей ЦК — ведал важнейшим Управлением кадров. В феврале 1941 года он стал кандидатом в члены Политбюро вместе с двумя другими неосталинцами — Щербаковым и Вознесенским (Щербаков умер в 1945 году). Вознесенский, пользовавшийся покровительством Жданова, быстро выдвинулся в годы террора как специалист по экономическому планированию. Он был председателем Госплана с 1938 года и заместителем Председателя Совнаркома с 1939 года, при этом ведал еще и оборонной промышленностью. Примерно в то же время, в феврале 1941 года, заместителем Председателя Совнаркома был назначен и Берия, — вероятно, в качестве координатора по вопросам безопасности; сам аппарат безопасности теперь разделили между двумя наркоматами — НКВД и НКГБ.

Повышение Маленкова и Вознесенского — специалиста по управлению партийным аппаратом и специалиста по промышленному планированию — было, может быть, сознательным политическим актом Сталина в целях установления равновесия между двумя поколениями и выдвижения новых сил в партийном и в правительственном аппаратах. Во всяком случае, до начала войны в этих параллельных органах власти отмечался определенный баланс старых и новых сталинцев. В Секретариате Маленков и гораздо более старый Андреев ведали, наряду со Сталиным, текущей работой. Маленков, занимавшийся кадрами, в то же время осуществлял общий надзор за промышленностью, так как промышленные отделы местных партийных организаций были подчинены его Отделу в центре[6]. Сферой деятельности Ан-

[6] См. выше, стр. 628-630.

дреева было сельское хозяйство, за которое он в том или ином качестве нес ответственность до своей внезапной опалы в 1950 году. Четвертый секретарь, Жданов, большей частью работал в Ленинграде, где он провел всю войну до 1944 года. Вскоре после XVIII съезда на посту заведующего Отделом агитации и пропаганды его заменил Г. Ф. Александров, хотя Жданов, вероятно, сохранил за собой общую ответственность за эту работу в Политбюро.

На правительственной стороне параллельным экономическим аппаратом был Экономсовет Совнаркома. Его председателем был Молотов, но сразу же за ним, — судя по постановлениям этого органа и по подписям под ними, — стояли старый сталинец Микоян и неосталинец Булганин. В числе членов Экономсовета были Вознесенский и три человека моложе сорока лет, принадлежавшие к новому классу членов партии с техническим образованием, — Малышев, Первухин и Косыгин. Все они быстро шли в гору в период террора. Экономсовету были даны огромные полномочия. Он действовал в качестве узкого состава Совнаркома, координируя все народное хозяйство, разрабатывая годичные и квартальные планы, проверяя их выполнение, занимаясь ценами, ставками и вопросами труда. Решения Экономсовета были обязательны для всех центральных правительственных органов. Поскольку Секретариат ЦК в лице Маленкова и Андреева также нес верховную ответственность за все народное хозяйство (первый из них — за промышленность в силу своего контроля над кадрами, а второй — за сельское хозяйство), то, вероятно, эта двойственная форма контроля вызывала трения. Тот факт, что система все же функционировала, несомненно объясняется концентрацией верховной власти в руках Сталина.

Однако начало войны вызвало немедленную рационализацию этой двойственной формы правления. Еще накануне войны, 6 мая, Сталин взял на себя должность Председателя Совнаркома, оставаясь секретарем ЦК партии. Впервые в истории страны партийный и правительственный аппараты

были, таким образом, открыто слиты воедино. 30 июня 1941 года, сразу же после начала войны, был учрежден Государственный комитет обороны (ГОКО) — первоначально в составе Сталина, Молотова, Ворошилова, Маленкова и Берии. Комитет был облечен всей полнотой власти над партийными, советскими и военными органами[7]. Вся система равновесия между партийными организациями, с одной стороны, и советскими и хозяйственными — с другой, — система, которую в прошлом, даже в кризисные моменты, неизменно сохраняли, была сметена. Маленков и Берия попали в самый эпицентр власти через голову гораздо более опытных людей, в том числе тех шестерых, которые, в противоположность им, были уже членами Политбюро — Кагановича, Микояна, Андреева, Калинина, Хрущева и Жданова. Вне рамок ГОКО Вознесенский стал главной фигурой в области управления хозяйством — опять-таки через головы своих старших коллег, вроде Микояна и Кагановича. Это явствует из того факта, что до конца 1942 года подпись Вознесенского красовалась под всеми постановлениями по экономическим вопросам, если они не подписывались самим Сталиным. Равновесие между старшими и более молодыми руководителями было в какой-то степени восстановлено в феврале 1942 года, когда Кагановича и Микояна кооптировали в ГОКО вместе с Вознесенским. После этого состав ГОКО больше не менялся, за одним исключением — в 1944 году Булганин, который успешно выполнял политические задачи на фронте, заменил Ворошилова и в то же время стал заместителем Сталина по Наркомату обороны. Вернулся на авансцену Каганович — в декабре 1944 года он был назначен заместителем Председателя Совнаркома.

Ключевым для руководства в военные годы стал более рациональный подход, более разумная и объективная оценка. Одним из признаков этого явилось выдвижение знающих,

[7] «Правда», 1 июля 1941 г.

деловых работников, которых Сталин до тех пор держал на задворках и чей опыт теперь понадобился. Другой характерной чертой было полное слияние партийного и правительственного аппаратов, которые до войны использовались Сталиным как разделенные и соперничающие друг с другом. Вероятно, так нужно было Сталину в борьбе за власть, но соперничество аппаратов шло в ущерб их эффективности.

На отдельных членов ГОКО была возложена ответственность за главные отрасли производства, вне зависимости от той должности, которую они занимали в том или ином административном аппарате[8]. Кроме того, основной конфликт между партией и промышленностью, связанный с подбором кадров, был решен в пользу промышленности: на Управление кадров возложили теперь только общий надзор; оно перестало быть исполнительным органом, вмешивавшимся в подбор кадров до самых низких уровней, влезавшим в детальное руководство промышленными предприятиями и т.п. Предприятиям, работавшим рука об руку с местными партийными организациями, была предоставлена гораздо бо́льшая свобода действий[9].

Война оказала громадное влияние на отношения между партией и подчиненным ей беспартийным населением. Конечно, сознание общей опасности содействовало тому, что народ охотнее принимал еще более суровый, чем раньше, контроль, необходимость которого диктовалась условиями военного времени. Но в годы войны партия скорее администрировала, чем руководила идеологически, — во всяком случае, в наиболее критический период войны. Характерно, что именно в такой период, когда положение было крайне на-

[8] Молотов был ответствен за танки, Берия — за вооружение и боеприпасы, Маленков — за самолеты и Микоян — за продукты питания и топливо. Это явствует из сопроводительного текста к наградам, присужденным им в сентябре 1943 г.

[9] См. статью Н. Н. Шаталина — заместителя Маленкова, а после марта 1946 г. — его преемника в качестве заведующего Управлением кадров, ПС, октябрь 1943 г.; ср. со статьей Н. Семина, там же, декабрь 1943 г.

пряженным и дело шло поистине о жизни или смерти, партийные и социалистические лозунги фактически исчезли из официальной пропаганды, уступив место патриотическим и национальным призывам. Так, например, программа лекций, разработанная партийными пропагандными органами в июле 1941 года, не содержала ни одного упоминания о партии или социализме. Упор делался исключительно на родину, защиту отечества, героизм народа, партизанское движение и т.п. Но когда положение на фронте начало меняться к лучшему, — в конце 1942 и в начале 1943 года, — партийно-социалистическая тематика снова появилась в пропаганде, и партийные организации подверглись критике за то, что они до тех пор уделяли-де слишком мало внимания этим темам. Военные речи Сталина отражают тот же сдвиг. Первая из них прозвучала 3 июля 1941 года, через одиннадцать дней зловещего молчания, во время которого в стране росли паника и разброд. Вождь обратился к «братьям и сестрам» с призывом оказывать сопротивление агрессору во имя родины. В противоположность этому, в речи в ноябре 1943 года Сталин делал основной упор на партию — вдохновителя и организатора всенародной борьбы и победы, возможность которой теперь уже появилась на горизонте. За время войны, утверждал Сталин, партия еще больше сроднилась с народом[10].

Это утверждение было, может быть, тем знаменательней, что не констатировало факта, а предвещало возрождение традиционного толкования роли партии. Сложные, противоречивые отношения между партией и населением в годы военных испытаний и лишений нельзя свести к однозначной формуле. Этот вопрос заслуживает более детального рассмотрения, так как он имеет огромное значение для понимания

[10] «Правда», 3 июля 1941 г. и 7 ноября 1943 г.; анализ пропаганды военного времени см. в книге: David J. Dallin, *The Changing World of Soviet Russia,* Oxford, 1956 г., стр. 197-203.

всего последующего развития партии. Кроме того, историк может пользоваться не только информацией, опубликованной в Советском Союзе, но и огромным материалом, содержащимся в официальных немецких документах, и показаниями десятков тысяч советских граждан, бежавших или вывезенных с советской территории во время войны и обратно не вернувшихся[11].

Неподготовленность советской стороны дала возможность немецкому командованию, вопреки численному превосходству противника, добиться быстрых успехов. Планов для отступления Красной Армии разработано не было, войска огромной численности попадали в окружение, громадное количество военной техники оказалось захваченным или уничтоженным. В первые четыре месяца войны попало в плен свыше двух миллионов солдат и офицеров, а количество потерянных советской стороной танков исчислялось немцами в 17.500. Не следует думать, что столь значительное количество пленных в начальной фазе кампании было вызвано исключительно массовой капитуляцией; многочисленные немецкие рапорты, не предназначенные для публикации, подчеркивают упорное сопротивление, оказывавшееся советскими войсками. Случаи массовой сдачи в плен часто вызывались окружением, отрезанностью и дезорганизацией. Более того, немцы, которые рассчитывали на широкое недовольство среди противостоявших им войск, испытали разочарование. К исходу 1941 года Красная Армия сражалась стойко и упорно; командование оправилось от первоначаль-

[11] Литература об оккупированной Советской России огромна. Среди более значительных работ сравнительно недавнего времени укажу на: Alexander Dallin, *German Rule in Russia 1941-1945: A Study of Occupation Policies*, London, 1957; George Fischer, *Soviet Opposition to Stalin: A Case Study in World War II*, Cambridge, Mass., 1952; Jürgen Thorwald, *Wen sie verderben wollen*, Stuttgart, 1952; Leon Gouré and Herbert S. Dinerstein, *Moscow in Crisis*, Glencoe, Illinois, 1955; John A. Armstrong (ed.) *Soviet Partisans in World War II*, Madison, Wisconsin, 1964; Д. Каров, «Партизанское движение в СССР в 1941-1945 г.г.», Мюнхен, 1954 г.

ной неразберихи; подходили резервы, а боевой дух креп благодаря рассказам о немецких зверствах, просачивавшимся из оккупированной части России. Катастрофические неудачи Красной Армии в начале войны были вызваны не только отсутствием боевого духа, но в равной степени и провалом руководства[12].

Хотя вина за этот провал и ложится на партию, поскольку она уже давно утвердила за собой монополию на руководство в стране, уничтожив всех соперников[13], следует учесть, что в такой предельно централизованной партии, как советская, основная ответственность ложится на плечи ее верхушки. На более низком уровне члены партии справлялись с отчаянным положением безжалостно, но отважно и решительно. И политорганы и органы безопасности играли важную роль в восстановлении боевого духа в армии. Да и сами немцы внесли немалый вклад в дело морального укрепления своего противника. Они начали кампанию без какого бы то ни было четкого плана относительно будущего Советского Союза после его завоевания, не говоря уже о какой-либо политике, направленной на привлечение симпатий гражданского населения. Гитлер, уверенный в скорой победе, имел в виду покорение страны оккупационными войсками в целях эксплуатации ее ресурсов, но без всякого учета интересов ее жителей.

[12] См. по этому вопросу: Raymond L. Garthoff, *How Russia Makes War; Soviet Military Doctrine*, стр. 423-436; см. также Malcolm Mackintosh, *Juggernaut: A History of the Soviet Armed Forces*, London, 1967, гл. VII и VIII.

[13] Вопрос о том, была ли допущена ошибка в подготовке к возможному немецкому нападению, стал темой желчной полемики между представителями армии и партийного аппарата в 1956 г. Точка зрения армии состояла в том, что отступление на первых этапах кампании 1941 г. не было запланировано и было навязано войскам отсутствием какой-либо подготовки. Партийные аппаратчики, вполне естественно, оспаривали эту концепцию, так как ответственность за отсутствие подготовки ложилась на партию, но в конце концов вынуждены были признать, что точка зрения армии верна. См. «Военный вестник», апрель 1956 г., и «Красную звезду», 9 мая и 3 августа того же года.

Какие бы страдания советское население ни терпело под своей коммунистической властью, оно скоро осознало, что господство захватчиков не лучше. Немцы не сделали ничего, чтобы подготовиться к приему огромного количества пленных, попавших в их руки. На ранних этапах войны пленные были не нужны, поэтому их просто морили голодом. Из общего числа пяти миллионов пленных в ходе войны погибло или было истреблено около двух или трех миллионов[14]. Сведения об их страданиях шли из оккупированных районов через фронтовую полосу и укрепляли боевой дух вооруженных сил и гражданского населения в незавоеванных областях.

Безжалостное поведение немцев было политически близоруким. Среди населения Советского Союза накопилось достаточно недовольства и обиды, которые мог бы сравнительно легко использовать более умный, более человечный завоеватель. В первые недели войны, пока немцы продвигались по территории, которая до 1929 или 1940 года не входила в состав СССР, их встречали восторженно. Но даже на территории, население которой имело за собой более чем двадцатилетний опыт советской власти, настроение основной массы людей колебалось между оптимистической приветливостью и осторожным, но пассивным выжиданием[15]. Анализ поведения жителей Москвы, когда в октябре 1941 года немецкая оккупация казалась неминуемой, показывает, что настроением большинства была пассивная инертность. В течение нескольких дней все казалось потерянным, и власть на верхах надломилась. В ходе этого кризиса какая-то часть населения мечтала о немедленном приходе немцев; другие — в основном, молодые рабочие, — с энтузиазмом поддерживали стоявшую под ударом советскую власть. Но очень

[14] А. Даллин, ук. соч., стр. 426 и 427.
[15] А. Даллин, ук. соч., стр. 65.

многие принимали перспективу краха режима безучастно и готовились к жизни под немцами. Открытой вражды к коммунизму не проявлялось, за исключением отдельных случаев; не было и признаков какого-либо подпольного движения или стихийной организации в качестве альтернативы коммунизму, не говоря уже о восстаниях. Как только партийные руководители оправились от паники, население опять им подчинилось. Что касается партийных работников, то они неукоснительно повиновались режиму. Была ли эта лояльность обусловлена убеждениями или страхом перед немцами с точки зрения власти значения не имело[16].

Настроения Москвы были, вероятно, стандартными для районов с русским населением. О доверии или о любви к партии, которые составляли постоянную тему партийной пропаганды, не могло быть и речи. Оказавшись лицом к лицу с, казалось бы, неминуемой заменой советской власти, население не проявило никакого желания бороться до последней капли крови за коммунизм, в общем-то, легко приняло его конец и с надеждой ждало того, что дадут ему новые хозяева. Но кроме партии, не было никакой организации и, за немногими исключениями, не было и иных руководителей. Другим было положение на новозахваченных территориях — в Западной Украине и в Прибалтике — и во многих районах Средней Азии и Кавказа. Там возникли энергичные антикоммунистические движения сопротивления, многие из которых продолжали свою подпольную борьбу и после окончания войны.

Партия и, в особенности, НКВД играли важную роль в организации партизанского движения в оккупированных областях. Здесь как бы повторялось в меньшем масштабе то, что происходило в годы революции и Гражданской войны:

[16] О Москве см. упоминавшуюся уже тщательную и объективную работу Gourè и Dinerstein, основанную на многочисленных показаниях очевидцев.

массовое стихийное движение против властей было коммунистами сплочено, дисциплинировано и направлено к единой определенной цели (нередко — насильственно). Советские власти, по-видимому, ничего не сделали до начала войны для подготовки партизанской деятельности на случай вражеской оккупации (хотя обе воюющие стороны утверждали обратное). Можно даже сказать, что в первые шесть месяцев войны партизанского движения вообще не существовало. Но к концу 1941 года стихийно образовалось немало партизанских отрядов — как реакция на исчезновение контроля со стороны центральных партийных органов и на поведение немецких оккупационных властей. Хотя эти отряды и были исполнены патриотического пыла в борьбе против оккупантов, они зачастую относились и к советской власти без всякого восторга. Руководимые скорее оптимизмом, чем политическим реализмом, они уходили в леса и, донимая врага своими налетами, вместе с тем намеревались как можно дольше пользоваться непривычным даром свободы от всяких ограничений. Эти настроения преобладали даже в тех случаях, когда отрядами руководили коммунисты с большим партийным стажем и с опытом партизанщины в Гражданской войне.

Неудивительно, что руководители партии относились к этому движению недоверчиво, пока не установили над ним своего контроля. Нижестоящим партийным организациям на захваченных немцами территориях было приказано уйти в подполье. Они старались организовать свои собственные партизанские отряды. Но при отсутствии руководства и помощи из центра (в те месяцы еще не была установлена связь) попытки расширить контроль над кучкой существовавших партизанских отрядов имели мало успеха. Главная задача партийцев-подпольщиков состояла в предотвращении сотрудничества гражданского населения с оккупационными властями путем террористических актов против обеих сторон. Эта деятельность, с одной стороны, подрывала боевой дух немцев, а с другой — напоминала населению, что коммунистическая

власть не ушла в прошлое[17]. Хотя вопрос об организации партизанской войны ставился в Политбюро уже 18 июля 1941 года, прошло больше года, прежде чем заработал центральный аппарат. 30 мая 1942 года был учрежден Центральный штаб партизанского движения, но только в конце августа того же года созвано первое общее совещание партизанских руководителей. Главнокомандующим партизанским движения был назначен Ворошилов[18].

Главные задачи Центрального штаба состояли в обучении командиров партизанских отрядов, в оснащении вооружением и боеприпасами, в подчинении партизан централизованной дисциплине и в поддержании их политической благонадежности, под которой понималась не столько вражда к немцам (она и так была достаточно сильной), сколько коммунистическая убежденность. В 1943 и 1944 годы было подготовлено около трех тысяч таких командиров, в том числе руководителей специальных диверсионных групп, обученных в НКВД и совершенно независимых от партизанских отрядов[19]. Создание этих дисциплинированных, руководимых из центра вооруженных сил, готовых сотрудничать с армией и партией, прошло, однако, не без трений. Партия никогда не доверяла партизанам до конца, несмотря на почести и рекламу отдельных лиц. После освобождения того или иного района, на территории которого действовали партизаны, члены отрядов не вливались в Красную Армию, а проходили проверку и отсылались в тыл для «переподготовки». (В свое время Троцкий поступал совершенно так же по от-

[17] Одно из лучших описаний такой подпольной партийной организации — книга А. Ф. Федорова «Подпольный обком действует», Москва, 1950 г.

[18] Отдельные отчеты дают различные даты. Я заимствовал их из статьи Ю. П. Петрова «Коммунистическая партия — организатор и руководитель партизанского движения», «Вопросы истории», 1958 г. № 5, стр. 23-42, основанной на материалах из партийных архивов. Детальную сводку и анализ данных см. у John A. Armstrong (ed.), ук. соч. стр. 73-139.

[19] Каров, ук. соч., стр. 38; Garthoff, ук. соч., гл. XXIII.

ношению к партизанам, действовавшим на Украине во время Гражданской войны). Эта практика вызывала у партизан ожесточение и разочарование[20]. Но именно партия с помощью НКВД превратила стихийное партизанское движение в организованные воинские соединения, сковывавшие значительные вражеские силы. Однако общая численность партизан — около 200.000 человек — была небольшой по сравнению с населением оккупированных областей[21].

Но если партия в целом показала себя на оккупированной территории надежной силой, то это не всегда относилось к отдельным коммунистам, терявшим связь с партийной сетью. Как только разрывалась, так сказать, организационная пуповина, связывавшая их с центральным аппаратом, даже ответственные партийцы охотно сбрасывали с себя многолетнюю идеологическую дисциплину, начинали мечтать о более свободной и более справедливой системе, как они ее понимали, и даже были готовы бороться за новый строй в Советском Союзе. Этот процесс выявился на примере власовского движения, поощрявшегося немцами. Руководителями Российского освободительного движения, возникшего в среде русских военнопленных, были большей частью старшие армейские офицеры, члены партии с многолетним стажем, обладавшие привилегированным статусом в рамках советского строя. Сам Власов состоял в партии с 1930 года, отличился во время обороны Москвы в 1941 году и к тому времени, как он попал в плен, был генерал-лейтенантом и командующим армией. Движение, которое обещало русскому населению освобождение от коммунизма за отказ помогать Советскому Союзу вести войну, было,

[20] По этому вопросу см. брошюру, изданную во время войны и основанную на допросе военнопленного А. Д. Русанова, « Правда о партизанском движении », без указания места и года издания.

[21] Основательный, широкий анализ партизанского движения, проведенный на массе захваченных немецких документов, можно найти у John A. Armstrong (ed.), *Soviet Partisans in World War II*, Madison, Wisconsin, 1964.

с точки зрения Гитлера, просто пропагандистским трюком. Но что касается Власова и его товарищей, то они, по-видимому, были введены в заблуждение и искренне, хотя и наивно, верили, что немцы используют их услуги на началах равноправия ввиду той военной пользы, которую — по их убеждению — означала их близость к соотечественникам. Следует учесть также, что немецкие офицеры, с которыми непосредственно общались власовцы, были большей частью противниками нацистского строя и резко отрицательно относились к тому, что они считали слепотой Гитлера и его неспособностью использовать недовольство в Советском Союзе.

Из-за оппозиции Гитлера Освободительное движение так и не превратилось в реальную военную силу. Но его ясная программа освобождения от коммунистического строя, очень напоминавшая программу кронштадтских повстанцев в 1921 году[22], вероятно, представлялась партии в Советском Союзе опасным соблазном для советского населения. Объезд Власовым оккупированных областей, организованный втайне от Гитлера, вызвал восторженную реакцию местного населения. Советские власти, не подозревавшие, в какой степени власовское движение было блефом, сильно встревожились. Помимо пропаганды с целью дискредитации Власова, агенты НКВД устроили несколько неудачных покушений на его жизнь. В целях противодействия его программе распространялись слухи (которые население жадно подхватывало), будто после победы колхозы будут распущены и другие недостатки системы устранены[23].

Руководители партии могли сделать три вывода из своего военного опыта. Первый заключался в том, что только мерт-

[22] Текст см. Fischer, ук. соч., стр. 59 и 60.

[23] См. Alexander Dallin and Ralph S. Maurogordato, *The Soviet Reaction to Vlasov,* в *World Politics*, апрель 1956, стр. 307-322. О власовском движении вообще см. полностью документированные отчеты: Fischer, ук. соч., и A. Dallin, ук. соч., гл. XXVI-XXVIII.

вая хватка партии способна предотвратить катастрофу или анархию при любом кризисе. Второй вывод — партийная машина могла действовать надежным и дисциплинированным образом только до тех пор, пока сохранялась связь между центральными организациями и низовым комитетом или отдельным членом партии; предоставленный самому себе коммунист так же попадал в ловушку своего недовольства, как и любой другой гражданин. И, наконец, третий вывод состоял в том, что связь масс с партией была очень ненадежной — это касалось широких слоев населения, особенно крестьянства. Война с ее страшными страданиями и лишениями вынесла на поверхность свободу мысли, которую до тех пор многие годы террора эффективно сдерживали. Партийная пропаганда использовала обычно фиктивные призывы и утверждения; формальное согласие людей с ними стало средством маскировки подлинных мыслей, и сила партии покоилась не столько на убеждениях, сколько на дисциплине и страхе. Теперь же, в годы военных испытаний, когда партия делала главный упор на достоверные и убедительные патриотические лозунги, ее влияние парадоксальным образом ослабло. Многие почувствовали, что вообще не нужна партия, которая, кстати, еще так часто в прошлом бахвалилась, что советская территория останется неприкосновенной. Ведь и без партийных наставлений люди охотно исполняли свой патриотический долг. Параллельно с утратой уважения к партии начал, как всегда, идти на убыль и страх перед ней.

* * *

Именно во время войны была развита и усовершенствована система партийного контроля над армией, в основном оставшаяся неизменной. После ряда мер, продиктованных паникой, партийные власти попытались с некоторым успехом поставить партийный контроль над армией на более рациональную основу и устранить трения между партийными идеологами и кадровыми офицерами, так часто портившие

их отношения в прошлом. Напомню, что система двоеначалия была восстановлена в 1937 году, в процессе подготовки к террору в армии[24]. Однако в ходе финской кампании эта система не выдержала проверки делом. Комиссары и политработники брали на себя ответственность за чисто военные вопросы во время боя, авторитет командиров подрывался и в итоге страдали и дисциплина и боевые результаты. Неудивительно поэтому, что предпринятые после окончания финской войны радикальные реформы в армии с целью усиления воинской дисциплины устранили и двоеначалие. 12 августа 1940 года комиссары были заменены замполитами. Таким образом, армия возвратилась к системе, последовательно развившейся между 1925 и 1937 годом: безраздельная ответственность за все военные решения возлагалась на командира, а его заместитель по политчасти отвечал за политическое обучение и состояние духа войск. После немецкой агрессии в июне 1941 года была восстановлена старая двойственная система. Но это, по-видимому, продиктованное паникой мероприятие рассматривалось только как шаг, отвечавший кризису и разброду, вызванным внезапным нападением. Его отменили, как только схлынула первая волна поражений; 9 октября 1942 года единоначалие было восстановлено, и военные комиссары снова уступили место замполитам.

Единоначалие, при котором представители партии действовали как заместители боевых командиров, может поэтому рассматриваться в качестве системы, которая вообще соответствует нормальным условиям. Разработанная после 1942 года, она остается в силе, по существу, и поныне (1970 год). Это означает, однако, что политический и военный административные аппараты были слиты воедино. Политическая сеть все еще оставалась независимой от военной в том смысле, что она подчинялась своему собственному цен-

[24] См. выше, стр. 586.

тру, причем замполит мог переносить свои конфликты с командиром на более высокий уровень. Партия признает необходимость воинской дисциплины, но в то же время советская армия остается армией неприкрыто политической. Поэтому в вопросах коммунистического воспитания солдат и в том, что касается их преданности режиму, руководители партии полагаются на политический аппарат в армии. С другой стороны, хотя подавляющее большинство командиров и состоит в партии, они, как все кадровые офицеры, в первую очередь заинтересованы в повышении боеспособности войск. Поэтому их раздражает, если на политическую работу тратится слишком много времени в ущерб воинской тренировке или если политические дискуссии грозят подорвать их собственный авторитет.

Во время войны эта проблема отступила на задний план. Партийная пропаганда мало тогда акцентировала идеологические темы, а патриотические призывы партийных организаций и общее дело остро необходимого повышения боеспособности и дисциплины часто укрепляли связи между командирами и политработниками. Но по окончании войны, когда партия стала вновь внедрять свой авторитет во все то, что касалось догматических вопросов, теперь уже не столь связанных с непосредственными нуждами войны, трения снова усилились. Зависть Сталина к репутации наиболее отличившихся военачальников тоже сыграла здесь свою роль. Но события, имевшие место уже в 1957 году, то есть через четыре года после смерти Сталина, показали, что проблема гармоничных отношений между командирами и их заместителями по политической части все еще не разрешена.

Контроль над политической работой в армии находится в руках Главного политического управления, которое является одновременно и частью Министерства обороны СССР и отделом ЦК. Эта центральная организация координирует всю пропагандистскую работу в армии и направляет деятельность сети подчиненных политработников, а также партийных и комсомольских организаций в частях, на которые политра-

ботники опираются. Политработники, непосредственно подчиненные Главному политическому управлению, причислены к каждому отделу и управлению Министерства обороны и Генерального штаба и обладают своими собственными крупными штатами. Каждый военный округ имеет в своем Военном совете политработника в генеральском чине. Высшие партийные деятели, вроде Хрущева и Булганина, занимали во время войны именно эти жизненно важные политические должности. Политический деятель Военного совета назначает руководителей политотделов корпусов, дивизий, полков и рот[25]. На практике главным политработником является заместитель командира полка по политической части. При выполнении своих обязанностей он пользуется помощью со стороны полкового партбюро с его секретарем (номинально выборным, но на практике назначаемым, иногда даже не из полка), вокруг которого группируется крепкое ядро преданных делу коммунистов, имеющих своей задачей усиливать партийное влияние по всей части.

Кроме того, имеется полковая комсомольская организация, а в подразделениях действуют пропагандисты и агитаторы. Политическая работа состоит, в основном, в проведении лекций по различным теоретическим вопросам (как правило, два раза в неделю) и ежедневной политической информации с целью осведомления солдат о партийном толковании текущих событий[26]. Во время войны предпринимались большие усилия для расширения базы партии в армии путем интенсивной вербовки новых членов. После войны темп приема в партию, естественно, замедлился, но партия все еще оставалась в армии очень сильной. Накануне войны более половины военнослужащих состояли в партии

[25] Замполиты на уровне рот были отменены в 1943 г., но восстановлены в 1949 или 1950 г.

[26] См. Merle Fainsod, *How Russia Is Ruled,* стр. 489-495, и J. M. Mackintosh, *The Soviet Army,* edited by B. H. Liddell Hart, London, 1956 г., стр. 228-233.

или в комсомоле[27]. В октябре 1952 года 86,4% всех офицеров были коммунистами или комсомольцами[28].

Напомню, что лояльность армии проходила и проходит через еще один контрольный фильтр в виде «особых отделов» — подразделений безопасности на всех уровнях во всех видах вооруженных сил. Начальники этих отделов совершенно независимы как от военных командиров, так и от замполитов и подчинены органам государственной безопасности, а офицеры отделов — профессиональные работники органов безопасности. Правда, они носят военную форму, им присваиваются соответствующие воинские звания, но военным опытом они, как правило, не обладают. Их присутствие среди военных, вероятно, воспринимается как необходимость. В противоположность этому, замполиты, большей частью прошедшие курс обучения не только партийной теории, но и военному делу, часто достигают какой-то степени товарищеских отношений со своими военными коллегами и не являются (относительно) чужеродным телом в воинском коллективе.

[27] D. Fedotoff-White, *The Growth of the Red Army*, стр. 410.
[28] «Правда», 10 октября 1952 г., статья А. М. Василевского.

28. ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ

(ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. ПАРТИЯ)

Надежды на смягчение режима, поощрять которые партия считала полезным, пока шла война, имели мало шансов на осуществление после победы. В грозную годину войны руководство вынуждено было терпеть опасную пропасть между партией и населением; теперь эту пропасть следовало перекрыть. Кроме того, предстояла огромная работа по восстановлению разрушенной промышленности и обеспечению страны продовольствием. Первые военные катастрофы поколебали самоуспокоенность, а может быть, и самоуверенность Сталина. Но в 1945 году этот кризис отошел уже в далекое прошлое. Теперь, когда работающий на полную мощность пропагандистский аппарат был снова под его контролем, Сталин мог беспрепятственно выставить себя спасителем страны. Его мудрость и предусмотрительность в деле стремительного развития промышленности и освобождения страны от «пятой колонны» (именно так изображались теперь события предвоенного десятилетия) делали положение Сталина более неколебимым, чем когда-либо в прошлом.

В результате войны позиции Сталина как главы партийного и правительственного аппаратов еще более укрепились.

Когда после войны был распущен ГОКО, Сталин остался Председателем Совнаркома (после 1946 года — Совета Министров), а также Первым секретарем ЦК партии — если не формально, то фактически. Это сосредоточение огромной власти в руках одного человека нашло свое отражение в постепенном отмирании функций высших органов партии. До октября 1952 года не состоялось ни одного всесоюзного съезда или конференции; фактически не созывались даже пленумы ЦК, хотя постановления иногда издавались от их имени. Сомнительно даже, собиралось ли регулярно Политбюро в полном составе. Будучи полновластным хозяином обоих административных аппаратов и, сверх того, террористической службы безопасности, Сталин мог манипулировать ими по своему усмотрению с помощью собственного секретариата и — как и в 1936-38 годы — личных агентов, подобранных для выполнения его замыслов. В результате партия утратила значительную часть своего привилегированного положения в стране и превратилась просто в одно из орудий личного деспотизма. Министерская бюрократия, например, стала по меньшей мере столь же важной, как и партийный аппарат. Законодательные акты исходили теперь от Совета Министров. В управлении промышленностью партийный аппарат, работавший параллельно с правительственным, не пользовался уже беспрекословным авторитетом, поскольку руководство по обеим линиям восходило, в конце концов, к одному человеку — Сталину.

Отчеты партийных съездов, проведенных в союзных республиках в сентябре 1952 года, показали, что отношения между партийными и правительственными органами на более низких уровнях далеко не гладкие. Партийные органы критиковались одновременно и за пренебрежение административными проблемами и за вмешательство в работу промышленных отделов исполкомов местных Советов, хотя трудно вообразить, как они могли бы избежать одного из этих двух курсов. На практике напряжение все чаще снималось путем апелляций к центру или командирования на места

партийных уполномоченных из вышестоящих организаций[1]. Проблема трений между обеими административными иерархиями была не новой. Но, вероятно, она обострялась в связи с тем, что партийные организации на местах не пользовались больше тем неоспоримым авторитетом, каким они пользовались в прошлом. В области сельского хозяйства отсутствие действенных партийных организаций в колхозах (об этом см. ниже) неизбежно возлагало львиную долю административной ответственности на правительственные органы.

Прежде чем ближе присмотреться к ходу дел в партии после 1945 года, необходимо учесть соперничество между членами правящей верхушки, которое несомненно оказывало влияние на партийные дела. Пока Сталин был жив, его верховная власть оставалась непререкаемой. Тем не менее, хотя члены второго эшелона партийной верхушки и боялись каких-либо действий, которые могли быть истолкованы как оппозиция, они зато уж вовсю маневрировали, соперничая друг с другом в борьбе за благосклонность Сталина. Он вероятно, и сам поощрял соперничество между своими подручными, понимая, что такое соперничество означает меньшую угрозу его власти, чем крепко сплоченная группа спевшихся друг с другом политиков.

Успешная карьера Маленкова продолжалась в течение почти всей войны. В августе 1943 года он стал председателем Комитета по восстановлению освобожденных районов. В состав Комитета входили Берия, Микоян, Вознесенский и Андреев. Нельзя сомневаться в административных способностях Маленкова, проявившихся в очень тяжелый период. Тем не менее, к концу войны снова появились признаки соперничества между наиболее сильными личностями в окружении Сталина, включая и Маленкова. Возвращение

[1] См. отчеты республиканских съездов, опубликованные в русских газетах в отдельных союзных республиках в сентябре 1952 г.

Жданова в начале 1945 года в Москву и в состав Секретариата означало, быть может, начало борьбы с Маленковым, который до тех пор руководил работой Секретариата вместе с Андреевым. С марта 1946 года Жданов в качестве секретаря ЦК шел третьим по списку после Сталина и Маленкова[2]. Ловкому и волевому Маленкову, вероятно, нетрудно было справиться со слабым человеком, вроде Андреева. Другое дело — Жданов, личность жесткая, догматичная, честолюбивая. К тому же Жданов был ожесточен, по-видимому, тем, что не он, а Маленков в годы войны был особенно на виду. Каковы бы ни были причины, но между этими двумя ближайшими подручными Сталина возникло, судя по всему, серьезное соперничество.

В конце 1944 года Совнарком учредил Комитет по демонтажу немецкой промышленности в счет репараций. Председателем его стал Маленков. Импровизированные методы, принятые Комитетом в хаотических условиях сразу же после войны, естественно, привели к потере крупных материальных ценностей, в то время как между отдельными ведомствами шла борьба за оборудование. Но, как часто случалось и в прошлом, конкретная административная проблема использовалась также и в политических целях. Согласно детальным и, по-видимому, надежным отчетам нескольких бывших сотрудников этого Комитета, нападки на маленковскую администрацию, в основном, делались по инциативе Жданова и его протеже Вознесенского. В результате была создана особая комиссия во главе с Микояном для расследования положения дел. Комиссия рекомендовала прекратить демонтаж и создать вместо этого советские объединения в Германии с целью производства товаров для Советского Союза. План Микояна был принят, несмотря на то, что Маленкова поддерживали Каганович и Берия, заинтересованные в поставках оборудования для предприятий, за

[2] « Большевик », № 6, 1946, стр. 3.

которые они отвечали (Каганович — за промышленность строительных материалов, Берия — за хозяйственные предприятия НКВД)[3]. По этой ли или по какой иной причине, но продвижение Маленкова теперь застопорилось. В 1946 году он уже не числился секретарем ЦК. В июне 1947 года Г. Ф. Александров, близкие связи которого с Маленковым стали явными после того, что случилось с ним много позже[4], потерял место главы Агитпропа и был заменен М. А. Сусловым. (Это изменение явилось результатом ждановского наступления на творческую, академическую и научную интеллигенцию в 1946-1947 годы)[5].

Но Маленкову вскоре удалось выправить свое пошатнувшееся было положение. 20 июля 1948 года он вернулся в Секретариат. А 31 августа того же года внезапно скончался Жданов. Вскоре после его смерти последовала жестокая чистка среди его сторонников и подручных, хотя сам Жданов посмертно не был опорочен[6]. Вознесенский исчез из Политбюро и с политической арены вообще. Один из секретарей ЦК А. А. Кузнецов, Председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родинов и секретарь ленинградской партийной организации П. С. Попков были сняты со своих постов и, как впоследствии сообщил Хрущев, расстреляны

[3] *Soviet Economic Policy in Post-War Germany.* A Collection of Papers by Former Soviet Officials. Research Program on the USSR, New York, 1953. Этот труд был опубликован за несколько лет до того, как стали доступными другие данные, подтверждавшие группировки отдельных руководителей, описанные в нем.

[4] Александров не впал в немилость в 1947 г.; он оставался на виду в академической среде до своего назначения на пост Министра культуры в марте 1954 г., когда Маленков был еще Председателем Совета Министров. Но почти сразу же после ухода Маленкова в 1955 г. на Александрова начались резкие нападки, и он был с позором устранен, — см. «Правду» от 21 марта 1955 г. За этим последовала волна нападок на всю его академическую деятельность.

[5] См. об этом в следующей главе.

[6] Совет Народных комиссаров был переименован в Совет Министров в 1946 г.

вместе с Вознесенским по сфабрикованным обвинениям[7]. Все они были обязаны своей карьерой Жданову — либо в Ленинграде, либо в других местах.

Вина за фабрикацию «Ленинградского дела», как оно стало называться в просторечии, была позднее возложена Хрущевым на тогдашнего главу службы безопасности Абакумова, казненного за это преступление в 1954 году. Конечно, органы безопасности сыграли свою роль в подготовке необходимых «материалов», но трудно себе представить, что они делали это без санкции Сталина. Соучастие же Маленкова в этом деле подтверждается тем фактом, что В. М. Андрианов, заменивший Попкова в качестве первого секретаря Ленинградского обкома и впоследствии возглавивший террор в Ленинграде, был тесно связан с Маленковым и исчез с политической арены после падения последнего в 1955 году. О том, что́ побудило Сталина начать или терпеть истребление ценных администраторов, можно только догадываться; пока что никаких достоверных данных на этот счет нет. Возможно, постоянное подозрение Сталина, что Ленинград попытается вернуть себе какую-то долю былой независимости, тоже сыграло известную роль[8].

* * *

Возвращение Маленкова в 1948 году к власти над партийным аппаратом послужило сигналом для радикальной реорганизации. Перестройка аппарата была тесно связана со сложными промышленными проблемами, вызванными военной разрухой. Как всегда, центральным вопросом была степень

[7] *The Anti-Stalin Campaign*, стр. 58 и 59.

[8] В одном из писем (предшествовавших советско-югославскому разрыву в 1948 г.), датированном 4 мая 1948 г., содержится определенный намек на то, что югославы вели интригу против Москвы с ленинградской партийной организацией. См. *The Soviet-Yugoslav Dispute*, London and New York, 1948, стр. 40 и 41.

и природа партийного контроля над промышленными предприятиями. Напомню, что система, связанная с именем Жданова и введенная XVIII съездом в 1939 году, имела своей целью передачу текущего надзора за промышленными предприятиями первичным партийным организациям на местах. Центральный аппарат Секретариата ЦК ограничивался при этом общим руководством и расстановкой кадров. Но эта система на практике почти сразу же рухнула, и, хотя формальная структура Секретариата оставалась неизменной, в 1940 и 1941 году по инициативе Маленкова проводились различные мероприятия, превращавшие Управление кадров в орудие более активного и действенного контроля из центра[9].

Через насколько месяцев после смерти Жданова и возвращения Маленкова в Секретариат стало очевидным, что в структуре Секретариата произошли важные изменения, которые, по сути дела, означали возврат к системе 1934 года, связанной с именем Кагановича: подбор кадров для промышленности несколько децентрализовался, но бóльшую централизацию приобретал партийный контроль над предприятиями. Эти изменения, отражавшие взгляды Маленкова, произошли без всякого формального оповещения и даже в атмосфере некоторой секретности. Главным изменением была ликвидация Управления кадров и разделение его функций между рядом отделов, ответственных за руководство различными отраслями промышленности. Так были учреждены отделы: тяжелой промышленности; плановых, финансовых и торговых органов; легкой промышленности; транспорта и связи и, вероятно, по ряду других отраслей. Был образован новый, иностранный, отдел с целью подбора кадров для работы за границей, связи с иностранными компартиями и, возможно, для других функций в сфере внешней политики. Иных существенных изменений основная структура не претерпела. Остались в том же виде Сельскохозяйственный и Администра-

[9] См. выше, стр. 627-630.

тивный отделы, так же как и Особый отдел, ведающий вопросами безопасности.

Контроль над сферой культуры и пропаганды оставался в руках центрального Отдела пропаганды и агитации, статус которого был, однако, несколько ниже по сравнению с Управлением пропаганды и агитации, учрежденным Ждановым в 1939 году. В общем, политике повышения статуса некоторых отделов путем превращения их в управления, по-видимому, был теперь положен конец. Так, бывший Организационно-инструкторский отдел, замененный в 1946 году (в период отсутствия Маленкова) Управлением проверки партийных органов, был снова низведен до статуса отдела с названием Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов. Его обязанности состояли в надзоре за всеми подчиненными партийными органами, в проверке выполнения постановлений партии и в размещении работников по административной партийной сети[10].

Характерно, что принятие производственно-отраслевого принципа в распределении работы Секретариата имело место во время двух поворотных пунктов в истории развития советской промышленности — в 1934 и в 1948 годах. В 1934 году, после конвульсий и относительных неудач, характеризовавших период первой пятилетки, партия переходила к

[10] См. Merle Fainsod, *How Russia is Ruled*, стр. 198-200. Схема новой системы распределения работы в Секретариате после 1948 г., составленная проф. Файнсодом, подтверждается анализом отчетов на республиканских партийных съездах, проведенных в сентябре 1952 г. Освещавшие эти съезды соответствующие республиканские партийные газеты упоминают следующие отделы республиканских ЦК (которые всегда строго следуют образцу центральной системы): пропаганды и агитации; партийных, профсоюзных и комсомольских органов; сельского хозяйства; легкой промышленности; тяжелой промышленности; транспорта и связи; плановых, финансовых и торговых органов; административный; работы среди женщин; школ, науки и высших учебных заведений; литературы и искусства и — только в некоторых случаях — машиностроения, промышленности строительных материалов, лесной и бумажной промышленности, нефтяной промышленности и рыбной промышленности.

сравнительно более устойчивому и более продуктивному периоду второго пятилетнего плана. В 1948 году страна достигла этапа, на котором она начала восстанавливать разрушенное войной хозяйство. Это восстановление было действительно очень внушительным. В 1947 году валовое промышленное производство еще не достигло уровня 1940 года, но к 1948 году оно уже превзошло его, а к предпоследнему году жизни Сталина (1952 год) превысило его в два с четвертью раза. По прочно укоренившейся традиции главный прогресс был сделан в области производства средств производства; так, в 1952 году производство в этой группе превышало уровень 1940 года в два с половиной раза, в то время как производство предметов потребления увеличилось только чуть больше, чем в полтора раза. Жизненный уровень большинства населения оставался еще очень низким; особенно напряженным было положение с жильем[11]. Конечно, имелось много факторов, способствовавших быстрому восстановлению промышленности. Среди них сыграло свою роль и усиление партийного контроля в 1948 году.

Помимо промышленности, главной заботой партии в послевоенные годы было сельское хозяйство. Самым срочным делом считалось восстановление дисциплины в колхозах, партийный контроль над которыми расшатался за время войны. Окрыленные надеждой, что после войны колхозы будут распущены, крестьяне во многих случаях расширили свои частные наделы, не дожидаясь санкции свыше. Во время немецкой оккупации некоторые колхозы были ликвидиро-

[11] «Народное хозяйство СССР». Статистический сборник, Москва, 1956, стр. 46 и 47. Официальные цифры, возможно, завышены. Критический их разбор см. Naum Jasny, *The Soviet Statistical Handbook, 1956.* A Commentary, East Lansing, Michigan, стр. 55-59; однако все западные специалисты сходятся на том, что темп восстановления после 1947 г. был очень высоким. По мнению Ясного (стр. VII и 150), до 1955 г. жизненный уровень рабочих и крестьян оставался ниже уровня 1928 г.

ваны, хотя, в основном, немцы сохранили эту систему как наиболее удобную для максимальной эксплуатации крестьян[12]. 19 сентября совместное постановление Совета Министров и ЦК ВКП(б) явилось попыткой восстановить хоть какой-то порядок в этом явно хаотическом положении. Постановление было, прежде всего, направлено на возвращение колхозам земель и оборудования, расхищенных у них крестьянами. Критиковались различные злоупотребления: местные и советские работники используют колхозную собственность и продукцию для личного обогащения; раздутые управленческие штаты колхозов проедают народное достояние; нарушаются демократические основы управления делами сельскохозяйственной артели — колхозные собрания не созываются, а председатели колхозов назначаются и сменяются районными организациями без ведома колхозников[13].

Чтобы выправить положение, был учрежден Совет по делам колхозов под председательством Андреева, отвечавшего за сельское хозяйство во время войны. Совет, в который входили видные партийные работники и сельскохозяйственные администраторы, был облечен весьма широкими полномочиями и действовал, в основном, через своих представителей при сотрудничестве секретарей обкомов. Он добился возвращения колхозам расхищенных земель[14] и некоторого сокращения административных штатов колхозов. Но попытка упорядочения методов партийного руководства оказалась менее успешной. Корень зла был в чрезвычайной слабости колхозных парторганизаций. Поэтому, не доверяя осуществление своей политики колхозникам, продолжавшим оставаться независимыми от партийных групп на селе, руководители партии вынуждены были пола-

[12] Otto Schiller, *Die Landwirtschaft in der Sowjetunion 1917-1953*, Tübingen, 1954, стр. 43. A. Dallin, *German Rule in Russia 1941-1945*, стр. 310.

[13] «КПСС в рез.», т. 3, стр. 495-501.

[14] 19 сентября 1947 г. газета «Правда» утверждала, что колхозам было возвращено около пяти с половиной миллионов га общественных земель.

гаться на руководство из центра при посредстве самых разнообразных учреждений. Одно из таких учреждений — сеть МТС с их заместителями директоров по политической части, которые в 1947 году были снова усилены членами партии, откомандированными из городов. Другой организацией являлось Министерство сельского хозяйства с его республиканскими, областными и районными земельными отделами.

В результате значительных усилий, приложенных сразу после войны, были достигнуты некоторые успехи. По-видимому, партия стремилась, в основном, к двум целям: увеличить прием в партию крестьян и распределить коммунистов в сельских районах таким образом, чтобы сделать возможным образование первичных организаций в наибольшем количестве колхозов. (По Уставу партии, утвержденному в 1939 году, на любом предприятии, в том числе и в колхозе, необходимо было наличие по крайней мере трех членов партии для образования первичной партийной организации.) К началу 1948 года около одной трети всех колхозов уже имели первичные парторганизации, а во многих районах процент таких колхозов был значительно выше. Но в количественном отношении организации были часто очень слабыми: число их росло гораздо быстрее, чем общее количество членов ВКП(б). На Украине, например, число сельских партийных организаций между 1941 и 1949 годом выросло в четыре раза, тогда как общее количество членов партии только удвоилось. По-видимому, рост был вызван скорее распределением сельских коммунистов, чем возросшим количеством принятых в партию крестьян[15]. Более серьезные успехи были достигнуты в ходе радикальной реформы после 1950 года, которая рассматривается ниже.

[15] T. H. Rigby, *Social Orientation of Recruitment and Distribution of CPSU Membership. Recent Trends,* American Slavic and East European Review, октябрь, 1957 г., стр. 275-290.

Восстановление и развитие сельскохозяйственного производства отставало от прогресса в промышленности. Политика заготовок оставалась той же, что и до войны: обязательная сдача колхозами установленного количества продуктов государству по очень низким ценам. Сочетание наказаний и премий в рамках самих колхозов имело своей целью поощрять колхозников к бо́льшим усилиям на полях. Но главный стимул — прибыль — все еще отсутствовал, и колхозники упорно держались за свои приусадебные участки, которые давали им гораздо больше прибыли на разрешенном свободном рынке. Для противодействия этой тенденции были повышены налоги на доходы колхозников с их участков, а крестьян, державших коров, овец и птицу, обязали сдавать определенную долю их частной продукции государству. Эта политика не только снизила жизненный уровень в колхозах, где более бедные крестьяне еле-еле сводили концы с концами, но и не приводила к какому-либо значительному повышению сельскохозяйственного производства вообще.

Пока Сталин был жив, явный провал сельскохозяйственной политики маскировался самоуверенными претензиями на успех и фальсификацией статистических данных. Так, в отчетном докладе на XIX съезде партии в октябре 1952 года Маленков смело заявил, что благосостояние сельского хозяйства после разрухи военного времени восстановлено, а зерновая проблема разрешена, мол, «окончательно и бесповоротно»[16]. После смерти Сталина были опубликованы цифры, которые открыли совсем иную картину. Так, производство зерна в 1950 году было все еще ниже производства в урожайном довоенном году (с учетом увеличения площади СССР). Положение с поголовьем скота было еще более тревожным. Для поголовья в целом цифры показывали, что к началу 1953 года оно все еще было ниже уровня 1928 года,

[16] «Правда», 6 октября 1952 г.

то есть до начала коллективизации (опять-таки с поправкой на новые границы). Что касается коров, то цифра на начало 1953 года была еще хуже — процентов на 13 ниже уровня 1916 года (тоже с учетом изменения границ)[17]. Следует учесть, что население СССР с 1928 года возросло процентов на 25, то есть приблизительно на 40 миллионов человек[18].

Неудивительно, что сельскохозяйственная политика вызывала острые споры между руководителями партии, особенно разгоревшиеся к 1950 году. Более удивительно, что в атмосфере секретности и показного единодушия, которая существовала в течение многих лет, этим спорам разрешалось выходить наружу. Может быть, Сталин, понимая, что сельское хозяйство представляет собой самую больную и трудно разрешимую проблему, стоявшую перед партийным руководством, довольствовался поощрением открытого соперничества по этому вопросу между своими подручными, в первую очередь между такими руководителями, как Андреев, Маленков, Берия и Хрущев. Введение Маленкова и Берии в Политбюро в 1946 году заставило их проявить интерес к сельскохозяйственным вопросам, которыми до тех пор занимался один только Андреев.

В конце 1949 года Хрущева перевели в Москву в качестве секретаря МК и ЦК. С 1938 года он был как бы украинским Сталиным, особенно в решающие годы освобождения и послевоенного восстановления Украины — с 1944 по 1947 год. Тогда, подобно Сталину, он совмещал функции первого

[17] Данные о производстве зерна взяты у Schiller, ук. соч., стр. 92; цифры по зерновой продукции после 1950 г. и по животноводству — из сборника «Народное хозяйство СССР», стр. 101, 118. Советские руководители впервые открыто заговорили о состоянии сельского хозяйства в сентябре 1953 г., и за этим признанием последовали напряженные усилия по выправлению дел путем радикального изменения курса — в основном, успешные.

[18] Ни на 1929, ни на 1952 г.г. данных о народонаселении нет. По переписи 1926 г. в декабре того же года население составляло 147 млн. В апреле 1956 г. народонаселение официально оценивалось в 200, 2 млн человек. См. «Народное хозяйство СССР в 1956 г.».

секретаря ЦК партии и Председателя Совета Министров. Быстрая карьера этого руководителя не ускользнула от внимания его коллег в Москве. По-видимому, они предприняли кое-какие шаги, правда, безуспешные, чтобы положить конец его быстрому выдвижению. В 1946 году ЦК раскритиковал работу с кадрами на Украине, прямая ответственность за которую лежала, конечно, на Хрущеве. Возможно, что инспирировал эти нападки Маленков, хотя нет никаких указаний на соперничество между ним и Хрущевым в то время. Сам Маленков в Секретариате больше не состоял, но его преемник по Управлению кадров в Москве Н. Н. Шаталин был обязан своей карьерой именно Маленкову. (Шаталин исчез с политической арены вскоре после падения Маленкова.) За этой атакой на Хрущева последовала командировка на Украину в марте 1947 года главного «аварийщика» Политбюро Кагановича, который «забрал» у Хрущева пост руководителя ЦК партии, оставив за ним только должность Председателя Совета Министров. Но Хрущев выдержал эту атаку, отсиделся и, после отбытия Кагановича в конце 1947 года, снова занял пост первого секретаря ЦК КП Украины.

Прибытие в Москву этого энергичного человека с четко изложенными взглядами на развитие сельского хозяйства, частично уже проверенными на Украине, было сигналом для выхода на поверхность споров по сельскохозяйственной политике, подспудно уже давно тлевших. Первой жертвой конфликта стал Андреев. 19 февраля 1950 года анонимная статья в «Правде» учинила Андрееву разнос за его поддержку так называемой звеньевой системы в колхозах. По сути дела, эта система означала организацию труда в колхозах в форме небольших групп, или звеньев, вместо групп более крупных, или бригад. Звеньевая система, широко рекламировавшаяся с 1939 года, — и не только Андреевым — обладала тем преимуществом, что превращала работу в колхозах в дело более индивидуальное и потому поощряла личную инициа-

тиву — особенно там, где из-за недостаточной механизации интенсивное сельское хозяйство оказалось невозможным.

Внезапный поворот курса был, возможно, вызван усилением механизации к 1950 году по сравнению с тем, что было, скажем, лет десять тому назад. Можно, конечно, оспаривать целесообразность проведения таких изменений именно в то время. Но, с точки зрения власти, у бригадной системы были значительные преимущества по сравнению со звеньевой. При малочисленности партийных кадров на селе легче было найти сравнительно небольшое количество надежных бригадиров, чем осуществлять партийный надзор за более своенравными небольшими группами, часто состоявшими из одной семьи. В результате этой «критики» Андреев перестал играть какую-либо серьезную роль в политических делах, но и опала его не была значительной. На XIX съезде партии, через два с половиной года, он не был избран в орган, заменивший собой Политбюро, — в Президиум ЦК, но остался членом ЦК партии.

Кампания против звеньевой системы открыто Хрущевым не велась, хотя можно предположить, что он ее поддерживал. Но связанная с ней более радикальная реформа, начавшаяся приблизительно в то же время, уже открыто велась от его имени. Это был план укрупнения колхозов[19].

Объединение колхозов завершилось очень быстро. К концу 1950 года общее число — 252.000 колхозов было низведено до 121.400; к концу 1952 года их оставалось всего 94.800[20]. Согласно Хрущеву, укрупнение облегчало механизацию, сокращало расходы на администрацию и увеличивало производство. Не менее важная цель сокращения числа колхозов заключалась в попытке разрешить проблему партийного контроля над сельским хозяйством. Меньшее число

[19] «Правда», 8 марта 1950 г.

[20] «Народное хозяйство СССР», стр. 131; процесс этот продолжался, и к концу 1954 г. общее число колхозов сократилось до 87.100.

колхозов сделало возможным увеличение процента колхозов с собственными партийными организациями, в то время как сокращение числа председателей колхозов облегчило заполнение этих должностей членами партии или, во всяком случае, надежными для партии людьми. Но проблема численности сельских партийных организаций все еще оставалась серьезной. К XIX съезду в октябре 1952 года в колхозах было 76.355 партийных организаций, иными словами около 18.000 колхозов их еще не имели. Да и там, где партийные организации существовали, они были очень слабыми: только около 5.000 из них насчитывали больше 25 членов[21].

Вероятно, большая часть хрущевских мероприятий в области сельского хозяйства натолкнулась на сопротивление двух лиц, которые в какой-то степени разделяли с ним в Политбюро ответственность за положение в деревне (после ухода со сцены Андреева) — Маленкова и Берии. Есть данные, свидетельствующие о том, что Берия так или иначе возражал против политики укрупнения: один из его близких подручных — секретарь ЦК КП Азербайджана Багиров, расстрелянный вскоре после казни Берии, критиковал в мае 1951 года излишнюю поспешность с укрупнением колхозов. Есть также совершенно определенные данные, указывающие на то, что по меньшей мере одна из наиболее сумасбродных идей Хрущева натолкнулась на оппозицию со стороны и Берии и Маленкова. Речь идет о его предложении создать на селе так называемые «агрогорода» (которые колхозники должны были сами построить), причем приусадебные участки крестьян предполагалось вынести на окраины этих «городов». Трудно себе представить что-либо, способное вызвать более ярую враждебность со стороны

[21] Эти данные содержатся в докладе Аристова на XX съезде в 1956 г. Даже в 1956 г. свыше 7.000 колхозов все еще не имели партийных организаций, а около 11.000 существовавших организаций объединяли только от трех до пяти коммунистов. См. «XX съезд», т. 1, стр. 236.

крестьян, да и многим руководителям партии было явно не по себе от этого плана. Неудивительно, что Берия, сохранявший за собой общую ответственность за вопросы безопасности, оказался одним из противников плана.

Предложение было впервые выдвинуто Хрущевым в речи в январе 1951 года, но опубликовано в «Правде» только через несколько недель, 4 марта. На следующий день «Правда» объявила, что «по недосмотру» было опущено примечание редакции о том, что статья Хрущева печатается «в дискуссионном порядке» — иными словами, не носит директивного характера. Впоследствии план Хрущева критиковали два близких сотрудника Берии — Багиров и секретарь ЦК КП Армении Арутюнов[22]. На XIX съезде партии, в октябре 1952 года, и Маленков резко раскритиковал предложение Хрущева, которое он приписал «отдельным нашим руководящим работникам», не называя Хрущева по имени[23].

Конечно, решающим фактором во всех этих разногласиях по вопросам сельскохозяйственной политики были взгляды Сталина, так как нельзя себе представить, чтобы какой-либо руководящий работник посмел публично критиковать другого, не заручившись заранее одобрением вождя. Но и защита того или иного взгляда тоже доказывает, что он высказывался с согласия Сталина. Когда, незадолго до своей смерти, Сталин огласил собственные воззрения на будущее сельского хозяйства, выяснилось, что он предусматривает дальнейший зажим производственных стимулов крестьянства. Прежде всего Сталин категорически отверг мысль, выдвинутую двумя экономистами, о продаже колхозам машин, принадлежащих МТС. Такой шаг, утверждал он, сделал бы колхозы единствен-

[22] См. выступление Арутюнова в журнале «Коммунист» (орган ЦК КП Армении) от 21 марта 1951 г.; речь Багирова в газете «Бакинский рабочий», 26 мая 1951 г. Арутюнов, так же как и Багиров, попал в немилость после падения Берии, но, в отличие от Багирова, насколько известно, расстрелян не был.

[23] «Правда», 6 октября 1952 г.

ными собственниками основных орудий производства в обществе, где эти средства производства национализированы, и не только не приблизил бы крестьянство к коммунизму, но даже отдалил бы его. Проблема превращения колхозной (то есть кооперативной) собственности в общенародную (то есть государственную) решается отменой свободного рынка и системы товарного обращения вообще. Вместо продажи своих излишков на рынке, как это делает крестьянин сейчас, ему следует сбывать их на путях продуктообмена между государственной промышленностью и колхозами[24].

* * *

5 октября 1952 года в Москве собрался XIX съезд партии — первый съезд за последние тринадцать лет; ему предшествовали съезды в союзных республиках. Сталин, которому тогда было около 73 лет, присутствовал на съезде, но не принимал прямого участия в прениях, за исключением краткого выступления. Вождь, по-видимому, берег таким образом свои убывающие силы, однако, его главенство на политической арене оставалось неоспоримым. Его появление на съезде сопровождалось бурными овациями, все ораторы заканчивали свои речи обычными заклинаниями, произнося имя великого вождя, а печать ставила его в центр внимания. Кроме того, следуя безошибочному инстинкту саморекламы, Сталин буквально накануне съезда опубликовал новую работу — «Экономические проблемы социализма в СССР»[25], в которой свел воедино свои новейшие соображения по внутренним и внешнеполитическим вопросам. Таким образом, все прения на съезде были фактически предрешены этими соображениями.

[24] «Большевик», № 18, сентябрь 1952 г., стр. 45-50.

[25] Впервые опубликована в «Большевике», в номере, упомянутом в предыдущем примечании и подписанном к печати 1 октября 1952 г.; перепечатана полностью в «Правде» за 3 и 4 октября.

Хотя вопрос о преемнике Сталина, конечно, не мог открыто обсуждаться, очень многие понимали, что дни Сталина сочтены. С точки зрения власти, имевшейся у будущих соперников, наиболее серьезными кандидатами, помимо Молотова, были Маленков и Берия, а может быть, и Хрущев — все трое неосталинцы. Маленков все еще оставался самым влиятельным секретарем после Сталина и держал в своих руках партийный аппарат. Берия осуществлял общий надзор за органами безопасности — МГБ и МВД. Контроль над ними вдобавок отдавал в его распоряжение значительные вооруженные силы — войска внутренней безопасности. В его ведении находилась и важная часть народного хозяйства — развитие атомной энергии. Хрущев, не будучи столь влиятельным секретарем, как Маленков, добился, несмотря на некоторые неудачи, весьма высокого положения после своего перевода в Москву. Для его растущего влияния в Секретариате показателен тот факт, что в 1952 году (вероятно, после съезда) Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов, ведавший всеми важными назначениями в сети партийных организаций, возглавил ставленник и близкий сотрудник Хрущева А. Б. Аристов[26]. Из трех «молодых» руководителей наибольшей рекламы и наиболее громогласных приветствий после Сталина удостоился Маленков. Он представил отчетный доклад ЦК вместо Сталина. Хрущеву же был поручен доклад об Уставе партии.

Конечно, нельзя было ожидать, что съезд станет ареной каких-либо подлинных прений или что ему изменит ставшее обычным для таких сборищ единодушие. Но съезд дал кое-какую новую информацию об объеме и составе партии, наметил предстоящий курс и произвел важные изменения в структуре партии. Именно они нас сейчас и интересуют.

[26] См. статью об Аристове в «Политическом словаре», под ред. Б. Н. Пономарева, Москва, 1958 г. Аристов сделал быструю карьеру при Хрущеве после падения Маленкова, но впал в немилость, потерял свои посты в Президиуме и Секретариате в 1961 г. и стал послом в Польше.

Главное изменение произошло в области руководящих органов партии. Политбюро и Оргбюро были ликвидированы и заменены сильно расширенным Президиумом. Объяснений по этому поводу Хрущев не дал никаких, кроме того, что новое наименование более соответствует функциям Политбюро. Он добавил: опыт показал, что организационную работу целесообразно сосредоточить в Секретариате[27]. Важно помнить, что Маленков был членом Оргбюро, а Хрущев — нет. Двадцать пять членов и одиннадцать кандидатов в члены Президиума представляли верховное командование партии и правительства. В их число входили десять секретарей ЦК и тринадцать заместителей Председателя Совета Министров СССР, а также несколько областных и профсоюзных руководителей, первые секретари ЦК партии Белоруссии и Украины, Министры государственной безопасности и иностранных дел. Восемнадцать человек (из двадцати шести), которые теперь вместе с десятью членами Политбюро образовали новое верховное руководство, вступили в партию в 1924 году или позже. Обновление верхушки можно толковать, оглядываясь на события 20-х годов: возможно, Сталин предусматривал изменения на «верхнем ярусе» партии и подтягивал резервы для восполнения «потерь». Так и объяснял это Хрущев четырьмя годами позже, на следующем съезде партии. Расширение Президиума Сталиным, говорил тогда Хрущев, имело целью устранить членов прежнего Политбюро и выдвинуть менее опытных людей, которые прежде всего превозносили бы его самого[28]. Президиум, состоявший из 36 членов, был явно слишком громоздким для оперативной работы. Поэтому тайно было учреждено более узкое Бюро (о его существовании впервые упомянули только после смерти Сталина[29], и о составе этого Бюро можно только догадываться).

[27] «Правда», 13 октября 1952 г.
[28] *The Anti-Stalin Campaign,* стр. 84 и 85.
[29] «КПСС в рез.», т. 3, стр. 606.

ЦК в составе 236 членов и кандидатов был почти вдвое многочисленнее ЦК, избранного в 1939 году. Анализ его состава вскрывает два интересных обстоятельства. Во-первых, бо́льшую устойчивость среди верхушки партии по сравнению с бурным периодом второй половины 30-х годов: 61% членов нового ЦК входил и в предыдущий состав. Это резко контрастирует с теми 22,5% членов ЦК, которые оыли избраны в 1934 году и переизбраны в 1939 году. Во-вторых, значительно увеличилось в ЦК число секретарей обкомов: они составили почти половину всех членов по сравнению с одной пятой в 1939 году. В 1952 году сократилось также число работников центральных правительственных органов (в 1939 году — две пятых всего состава); меньше стало и партийных идеологов[30].

Никаких данных о структуре Секретариата, наподобие тех, которые были детально описаны в 1939 году, оглашено не было; не объяснялись и изменения, происшедшие после смерти Жданова. В новом Уставе просто говорилось, что основные функции Секретариата состоят в проверке исполнения решений партии и в подборе кадров. Облик десяти назначенных секретарей заставляет думать, что Сталин стремился установить равновесие между Маленковым и Хрущевым — двумя своими главными подручными в Секретариате. Помимо самого Сталина, Маленкова, Хрущева и Суслова, все еще возглавлявшего Агитпроп, в число секретарей входили А. Б. Аристов, Л. И. Брежнев, Н. Г. Игнатов, Н. А. Михайлов, Н. М. Пегов и П. К. Пономаренко. Первые четверо были, вероятно, хрущевцами, поскольку они продолжали делать карьеру, пока Хрущев приобретал все большую власть в последующие годы. Последние же два впали в немилость после падения Маленкова и, надо думать, они уже тогда были с ним связаны. Комитет партийного контроля, как и в 1939 году, назначался ЦК для дисциплинарных функций и

[30] Более подробный анализ см. Rigby, *Thesis*, гл. VI.

для рассмотрения апелляций на решения ЦК компартий союзных республик, краевых и областных комитетов (но не ЦК КПСС) об исключениях из партии. Новая статья Устава обеспечивала Комитет партийного контроля собственными уполномоченными на местах. Следует вкратце упомянуть и о других новых положениях Устава, принятого съездом. Партия теперь стала называться Коммунистической партией Советского Союза. Традиционное наименование «большевики» — символ исторической борьбы двух фракций — сохранялось до тех пор в скобках: ВКП(б). Теперь оно было отброшено, символизируя, таким образом, разрыв с традициями прошлого. В списке обязанностей членов партии на первое место выдвигался долг охраны партийного единства. Обязанность работать над усвоением основ марксизма-ленинизма, стоявшая в 1939 году на первом месте, отступила на пятое. Особый упор делался в новом Уставе также на необходимость развития бесстрашной самокритики; осуждались члены партии, зажимавшие критику, и подчеркивалась необходимость строжайшей партийной дисциплины для всех, сверху донизу. Последняя статья имела, в частности, в виду руководителей предприятий, пытавшихся ловкими, но незаконными средствами обойти бюрократические рогатки сверхцентрализованного контроля. В своей речи на съезде Маленков подробно остановился на этих вопросах.

Другим важным новшеством были правила исключения из партии членов республиканских ЦК и других подчиненных партийных организаций. Такие лица могли исключаться или выводиться из комитетов, в которых они состояли, только большинством в две трети пленума соответствующего комитета или — если это касалось членов ЦК — всесоюзного съезда. Исключенный член ЦК автоматически заменялся кандидатом в порядке, установленном съездом. Что касается членов всесоюзного ЦК, то это правило существовало с 1921 года, хотя оно, конечно, нарушалось в 1937 и 1938 году и, вероятно, в других случаях. И, наконец, промежутки между съездами партии и между пленарными заседаниями ЦК были увели-

чены: очередные съезды должны были созываться не реже одного раза в четыре года (а не так, как до тех пор — раз в три года), а пленумы ЦК — проводиться не реже, чем раз в шесть месяцев (вместо четырехмесячного интервала по Уставу 1939 года)[31]. Съезд также учредил комиссию для переработки программы партии, восходившей к 1919 году. В состав комиссии входили Сталин, Берия, Каганович, Маленков, Молотов и четверо ведущих идеологов. Заседала ли комиссия до того, как смерть Сталина положила конец ее работе, — неизвестно.

* * *

Пора подвести итоги изменениям в составе партии между XVIII съездом в 1939 году и XIX съездом в 1952 году. Самым примечательным был количественный рост партии. Прием в члены и кандидаты продолжался неуклонно после XVIII съезда: ко времени созыва XVIII конференции в феврале 1941 года общая численность ВКП(б), включая кандидатов, увеличилась на полтора миллиона и достигла 3.876.885 человек. Война дала новый стимул росту партийных рядов. Партия стремилась расширить свою базу, особенно в вооруженных силах, и в начале войны облегчила условия приема в целях поощрения массового набора. В одном только 1942 году было принято около двух миллионов человек[32]. К 1 января 1945 года общее число членов партии составило 5.760.369. После этого оно продолжало расти, но несколько более медленным темпом, составив 6.300.000 к сентябрю 1947 года и 6.882.145 к 1 октября 1952 года. Много коммунистов было убито на войне. После войны была сделана попытка вычистить новых членов, оказавшихся неблагонадежными или недостойными. Но даже с учетом этого

[31] Устав 1952 г. напечатан в «КПСС в рез.», т. 3, стр. 579-594.
[32] См. ПС, № 8, апрель 1943 г., стр. 25.

значительный процент в послевоенной партии составляли люди, вступившие в нее во время и после войны; например, к сентябрю 1947 года их было около половины[33].

Такой же курс проводился и при наборе в комсомол, который к октябрю 1945 года разросся до 15 миллионов членов, то есть до половины всех молодых людей комсомольского возраста. Этот быстрый рост был вызван, по-видимому, патриотическим подъемом военных лет. В мирное время, когда подобные стимулы перестали действовать, численность комсомола резко сократилась. К марту 1949 года он насчитывал немногим более 9 миллионов, то есть вернулся к довоенному уровню. Несомненно, здесь сыграли роль и разочарование, вызванное возвращением после войны к старым политическим порядкам, и память о насильственной чистке комсомола в конце 30-х годов. Однако интенсивная кампания по набору в ВЛКСМ нового, послевоенного поколения довела численность комсомола к августу 1952 года до 16 миллионов[34].

Расширение рядов партии в начале войны объяснялось необходимостью восстановить доверие к коммунистам среди народных масс и армии. Но расширенная база партии сохранилась и после войны. Новые методы приема неизбежно вызывали изменения в социальном составе партии. Хотя детальных официальных данных по этому вопросу опубликовано не было, некоторые указания позволяют нам опре-

[33] Fainsod, ук. соч., стр. 269 и 270, где указаны источники. Данных об исключениях между концом войны и XIX съездом в целом по партии нет. В Грузии и Азербайджане они составляли соответственно 8 и 10%, — Rigby, *Thesis*, гл. IV.

[34] Fainsod, ук. соч., стр. 290 и 291. Этот быстрый «оборот» был, по-видимому, характерным явлением для комсомола. Так, цифры, оглашенные на съезде комсомола в апреле 1958 г., показывают, что из ВЛКСМ выбыло не менее 11 миллионов человек, т.е. около 58%, однако потери были в значительной мере возмещены после 1954 г., — «Правда», 16 апреля 1958 г. Только весьма небольшой процент этого числа мог перейти в партию, большинство же, вероятно, просто отсеялось с возрастом.

делить основные черты изменившейся социальной структуры партии к концу жизни Сталина. Напомню, что после 1936 года, когда был возобновлен прием в ВКП(б), партия перестала отдавать традиционное предпочтение — во всяком случае, в теории — лицам пролетарского и крестьянского происхождения и сосредоточила свое внимание на привлечении новой интеллигенции. Когда во время войны начался массовый прием солдат и офицеров, эта политика, естественно, не могла уже продолжаться; да и придерживаться ее было нежелательно, поскольку целью стала массовая партия, а не партия избранных. Возросшее после войны число коммунистов-крестьян, вызванное возращением демобилизованных членов партии в села, явилось одним из результатов этого курса. Но рабочие, занятые на производстве, тоже все больше вступали в партию: это подтверждается тем фактом, что в 1949 году коммунистов, занятых на производстве, было в пять раз больше, чем в 1940 году[35]. Этот процесс, по-видимому, продолжался, по меньшей мере, в некоторых районах, в первой половине 1952 года. Из новых членов партии в Белоруссии, например, свыше половины были рабочими или колхозниками[36], и даже в Москве из вновь принятых в 1949-1951 годы 34% были рабочими[37].

Имеющиеся сведения дают основание предполагать, однако, что эти коммунисты — рабочие или крестьяне — занимали большей частью административные должности на своих заводах и в колхозах. Так, анализ состава коммунистов-колхозников, опубликованный в 1948 году, показывает, что свыше половины из них были председателями колхозов, бригадирами или администраторами[38]. В целом, даже с учетом процента занятых на производстве рабочих и крестьян,

[35] « Московский большевик », 2 февраля 1949 г.
[36] « Советская Белоруссия », сентябрь 1952 г.
[37] « Московская правда », 31 марта 1951 г.
[38] « Партийная жизнь », № 5, 1948 г., стр. 21.

возросшего после 1941 года, перевес служащих в партии несомненен. Единственные опубликованные тогда данные, касавшиеся Грузии и Киргизии — двух, в основном, сельскохозяйственных республик, — указывают процент этой прослойки: соответственно 58,9 и 41,4[39]. В партии же в целом процент служащих был, несомненно, выше. Члены партии в 1952 году были в своем подавляющем большинстве людьми молодыми с немноголетним партийным стажем. По весьма осторожной оценке около трех четвертей членов ВКП(б) того периода вступили в партию после июня 1941 года. От одной трети до половины их были людьми моложе 35 лет, а около трех четвертей — моложе 45[40]. Образовательный уровень членов партии, несомненно, повысился. Уже в 1947 году одна пятая всех партийцев имела законченное среднее образование (по сравнению с 14,2% в 1939 году), а к XIX съезду у 11,8% всех коммунистов будто бы было либо высшее, либо незаконченное высшее образование[41]. Число женщин в партии также возросло — с 14,9% в 1941 году до 19,2% в октябре 1952 года[42]. Но, хотя количество женщин постоянно росло на средних и низших уровнях партийной иерархии (например, среди секретарей первичных организаций), в Президиум ЦК в 1952 году не было введено ни одной женщины, а среди членов ЦК их было всего две — Министр здравоохранения Ковригина и историк Панкратова.

[39] «Заря востока», 18 сентября 1952 г.; «Советская Киргизия», сентябрь 1952 г. Тщательный анализ, основанный на всех имеющихся советских источниках, см. в упомянутой уже работе T. H. Rigby. Этот анализ показывает, что служащие составляли не менее 68% (при предположении, что 10 из 14% коммунистов в вооруженных силах и органах безопасности занимали командные должности, — оценка весьма скромная).

[40] Rigby, *Thesis*, гл. IV.

[41] «XX съезд», т. I, стр. 237 (Аристов). Согласно «Партийной жизни», № 20, 1957 г., стр. 88, к 1 января 1956 г. 11,2% всех членов партии имели высшее образование, а 25,6% — незаконченное высшее или среднее образование.

[42] «Большевик», № 1, 1951 г., стр. 11; «XX съезд», т. I, стр. 238 и 239.

Больше сведений о партийной элите можно почерпнуть из анализа состава делегатов всесоюзных, республиканских и областных съездов партии. Социальный состав участников этих съездов довольно однороден. Списка делегатов XIX съезда опубликовано не было. На XVIII съезде в 1939 году партийные работники составляли самую большую группу (42%), за ними следовали правительственные, профсоюзные, чекистские и армейские работники (28%). Остальные делегаты представляли промышленность, транспорт, сельское хозяйство, науку и культуру. Анализ состава трех съездов КП Украины между 1940 и 1952 годом показывает небольшое сокращение числа партийных работников среди делегатов и соответствующий рост числа представителей сельского хозяйства, культуры, науки и искусства[43]; можно поэтому предположить, что та же самая тенденция отмечалась и среди делегатов XIX съезда в 1952 году. Но даже если это и так, то партийные работники на XIX съезде все еще были представлены совершенно несоразмерно с их общей численностью, которая, вероятно, не превышала 220.000[44].

[43] Цифры и источники в Rigby, *Thesis*, гл. V.

[44] Fainsod, ук. соч., стр. 205 и 206, оценивает общее число партийных работников в 1952 г. в 194.000, но эта цифра представляется мне слишком низкой. Вот приблизительный подсчет:

Штаты Секретариата ЦК и 14 республ. секретариатов	3.000
170 обкомов и крайкомов, по 70 в каждом	12.000
6.500 горкомов и райкомов, по 30 в каждом	200.000
Около 350-400 тысяч первичных организаций, из них с освобожденными секретарями	10.000-20.000
Итого . . .	225.000-235.000

На 1 января 1941 г. было 184.238 первичных партийных организаций; 1 января 1956 г. их численность превышала 350.000 — см. «Партийную жизнь», № 20, 1957 г., стр. 89. Но число оплачиваемых секретарей первичных организаций, может быть, превышало 20.000 в 1955 г., так как, согласно постановлению ЦК от 21 мая 1957 г., напечатанному в СПР, 1957 г., стр. 440, численность этих секретарей между 1940 и 1957 г.г. чрезмерно возросла —

Есть кое-какие данные относительно делегатов ряда республиканских съездов после 1948 года. Если исходить из того, что делегаты не представляли руководящий слой партии в целом, то складывается определенная картина их социального положения, образовательного уровня, возраста и партийного стажа. Служащие составляли около 60% делегатов[45], и нет оснований предполагать, что соотношение было иным на XIX съезде, так как эта цифра очень близка к опубликованному проценту делегатов съездов с высшим образованием[46]. Следует отметить, что все эти данные касаются и профессий. Информация о социальном происхождении членов партии не публикуется уже лет двадцать, но, если верить биографиям ведущих партийных деятелей, то крестьянское или рабочее происхождение тех, кто сделал карьеру после террора, скорее — правило, чем исключение. Возраст делегатов XIX съезда показывает, что сравнительно мало представителей главной партийной массы, то есть людей моложе 45 лет, успели к тому времени прийти к руководству. Больше трех четвертей делегатов перешагнули за 41 год; в 1939 году больше четырех пятых были людьми моложе 40 лет[47]. Очевидно, возможности быстрого выдвижения стали более ограниченными, чем в 1939 году, когда в результате террора «освободилось» много высоких должностей. Это становится особенно ясным при рассмотрении партийного стажа делегатов съезда: очень многие вступили в партию между 1921 и 1930 годом (36,4%) и между 1931 и

в пять раз, тогда как в тот же период общая численность первичных организаций только удвоилась. Делегации итальянских коммунистов в 1957 г. было сказано, что численность оплачиваемых секретарей первичных организаций составляет 29.000 — см. *Problemi e realtà dell'URSS*, Roma, 1958 г., стр. 44 и 45. Но в 1952 г. это число было, вероятно, несколько ниже.

[45] Rigby, *Thesis*, гл. V.

[46] *Current Soviet Policies*, 1953 г., стр. 94.

[47] Там же и «Правда» от 15 марта 1939 г. Но процент лиц моложе 40 лет был выше среди делегатов республиканских съездов.

1940 годом (35%)[48]. Но в партии в целом подавляющее большинство составляли лица, принятые во время и после войны.

Темп смены кадров в партийных комитетах в течение обоих периодов также свидетельствует, что возможности быстрого выдвижения уменьшились по сравнению с 1937-1939 годами. Только 22,5% членов ЦК, избранных на XVIII съезде в 1939 году, были в предыдущем его составе, то есть в ЦК, избранном XVII съездом в 1934 году. В 1952 году соответствующий процент составлял 61, несмотря на длительный тринадцатилетний период между съездами и на гибель многих членов партии во время войны. Схожая картина обнаруживается при взгляде на состав Московского горкома партии в тот же период времени. В 1940 году процент членов горкома, избранных впервые, равнялся 73, а в 1952 году — только 40 (следует отметить, что в Московском обкоме партии разница не так заметна: процент избранных впервые в 1940 и 1952 годах составлял, соответственно, 66 и 58)[49]. В общем, с учетом специфики отдельных районов и организаций, где террор был особенно жестоким, картина в партийной сети в целом после 1946 года отражала относительную устойчивость на верхах и большую текучесть в низовых организациях. Если проанализировать, например, назначения 73 первых секретарей крупнейших организаций РСФСР (крайкомы, обкомы и пр.) за 1946-1952 годы, то окажется, что число замен на этих ключевых постах колебалось между 11 в 1947 и 1950 годах и 20 в 1949 году, что дает среднюю цифру в 15 смещений — или 19% в год. Эти изменения были вызваны отчасти опалой отдельных секретарей, а частично — выдвижением более способных людей. На более низком уровне и в некоторых республиканских организациях изме-

[48] *Current Soviet Policies*, 1953 г., стр. 94.

[49] Основано на сличении списков, опубликованных в печати. Детали см. в Rigby, *Thesis*, гл. V.

нения за тот же период были гораздо значительнее[50]. Как правило, для молодых людей были открыты возможности на более низких ступенях иерархии. Но на верхах лакомые места, связанные с подлинной властью, все еще прочно удерживались старшими и более опытными членами партии[51].

[50] Данные о первых секретарях обкомов и крайкомов РСФСР основаны на анализе назначений, объявленных в центральной и местной печати в 1946-52 г.г. Приводимая ниже таблица иллюстрирует количество изменений, отмеченных за несколько лет, причем цифры в скобках указывают число лиц, не всплывших на поверхность впоследствии, при других назначениях. По-видимому, эти люди были в одних случаях репрессированы, а в других — направлены на обучение в партийные школы:

1946 — 13 (9)	1950 — 11 (4)
1947 — 11 (7)	1951 — 16 (15)
1948 — 17 (8)	1952 — 15 (9)
1949 — 20 (11)	1953 — 9 (5)

Вот более свежие цифры для сопоставления:

1954 — 10 (1)	1955 — 15 (1)

Детали изменений в меньших республиках и на более низких уровнях см. Brzezinski, *The Permanent Purge*, стр. 137-147.

[51] Заключения, сделанные T. H. Rigby и мною по вопросу о руководящем партийном слое, схожи с выводами Джона А. Армстронга — см. его книгу *The Soviet Bureaucratic Elite.* A Case Study of the Ukrainian Apparatus, New York, 1959, представляющую собой детальный анализ партийной верхушки на Украине.

29. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. СМЕРТЬ СТАЛИНА

После войны партия, помимо всего, стояла перед тремя проблемами, имевшими, в общем-то, сходные корни: идеологическое воспитание, отношения с нацменьшинствами внутри страны и компартиями за границей. В каждой из этих трех областей война подорвала тот абсолютный контроль партийного руководства, который существовал все годы, пока Советский Союз оставался изолированным от внешнего мира. Война принесла новые контакты, объединила людей в общей борьбе против нацизма; верность союзникам в бою соперничала с верностью старым догмам. Все это неизбежно ослабило хватку партии, державшуюся в прошлом на терроре и изоляции населения СССР от всего мира. Интеллигенция, которой во время войны было позволено поддерживать некоторые контакты с интеллигенцией союзных стран, стала проявлять после войны естественное нежелание возвращаться к предписанному обязательному единомыслию. На новоприобретенных территориях — в Прибалтийских государствах и Западной Украине — росли антирусские, а также антикоммунистические настроения. Среди некоторых нерусских народов, уже давно входивших в Советский Союз, во время войны пробудился глубоко затаенный национализм отчасти под влиянием немецкой пропаганды. У евреев появились новые надежды в связи с образованием государства Израиль в 1948 году.

Война отразилась также и на зарубежных компартиях. В некоторых странах они усилились благодаря той важной роли, которую они играли в сопротивлении немецкой оккупации. А в ряде стран Европы компартии пришли к власти — с активной или молчаливой помощью Советской Армии. Пока зарубежные партии были небольшими заговорщицкими группками без массовой поддержки в их собственных странах, они вынужденно довольствовались подчинением московскому руководству. Но прийдя к власти, они стали помышлять о независимости, о которой в прошлом и мечтать не смели.

Ясно поэтому, что после 1945 года советским руководителям предстояло провести «капитальный ремонт» окружавшей страну стены, прежде чем они могли снова обрести уверенность в прочности своей власти. Начавшаяся теперь тройная кампания была, по сути дела, попыткой восстановить главенство партии, расшатанное в результате войны. Но она опиралась на вызванный войной мощный подъем патриотизма. Если русскому интеллигенту предлагалось теперь презирать западные достижения в науке и искусстве ввиду их неполноценности по сравнению с достижениями России, то среднеазиатскому мусульманину вбивалась в голову мысль о прогрессивном характере его присоединения к Российской империи, в то время как румынскому или польскому коммунисту внушали, что вдохновителем и образцом социалистического прогресса является советская компартия.

Наступление на интеллигенцию шло, в основном, между 1946 и 1950 годом; при этом фактически не осталась нетронутой ни одна сфера творческой или научной деятельности. С обычным апломбом партия провозглашала свои мнения по вопросам литературы, философии, музыки, биологии, филологии или физиологии. Много авторитетных людей, пользовавшихся до тех пор безупречной репутацией и занимавших видные места, были арестованы или, по меньшей мере, дискредитированы, а в некоторых случаях даже расстреляны.

Несколько примеров проиллюстрируют общее положение вещей.

Различные идеологические кампании можно свести к трем типам. Первый был направлен почти исключительно на искоренение западного влияния или тенденций и на восстановление партийного контроля над научной и творческой деятельностью, над любым видом интеллектуального труда. Характерными были здесь последовательные нападки на литературу. Начало этой кампании ознаменовалось выходом в августе 1946 года нового журнала «Партийная жизнь», предназначавшегося для массового читателя (в отличие от старых журналов такого типа, ориентировавшихся на партийных работников). В первом же выпуске этого журнала было напечатано постановление ЦК от 2 августа 1946 года «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников». В постановлении подчеркивалась необходимость устранить «острую нехватку» членов партии, способных занимать руководящие посты в ВУЗах, научно-исследовательских учреждениях и научных журналах[1].

За этим постановлением почти немедленно последовало другое, учинившее разнос двум ленинградским журналам — «Звезде» и «Ленинграду» за то, что они публиковали вещи, в которых советские люди «клеветнически представлялись примитивными, малокультурными, глупыми с обывательскими вкусами и нравами»; произведения «безыдейные и аполитичные», написанные с позиций «искусства для искусства». Особенно грубым нападкам подверглись рассказы сатирика Зощенко и поэзия Ахматовой. Издание журнала «Ленинград» прекратилось 14 августа 1946 года, а «Звезде» было разрешено выходить а свет, но под началом нового главного редактора — заместителя начальника Управления пропаганды ЦК[2].

[1] «КПСС в рез.», т. 3, стр. 476-484.
[2] Там же, т. 3, стр. 485-488.

Партийные гонения на литературу не прекратились и после этого. С 1949 года они сливались с нараставшим антисемитизмом, который стал проявляться в официальной политике. Начались преследования писателей и критиков, в большинстве своем людей еврейского происхождения, за их «безродный космополитизм». Чтобы подчеркнуть «нерусский» характер творчества литераторов-евреев, писавших под русскими псевдонимами, раскрывались их подлинные имена[3].

Кампании против философов и филологов могут служить примером несколько иной цели — разгрома академических групп, которые, как опасалась партия, могли стать достаточно сильными, чтобы выйти из-под ее контроля. Положение философов могло казаться особенно угрожающим, так как одна и та же группа «засела» не только в университетах и в Академии Наук, но и в самом органе контроля — в Управлении пропаганды ЦК. Философов разгромили в июне 1947 года в ходе «открытой дискуссии» под председательством Жданова. Главная цель состояла просто в подрыве той монопольной позиции, которой ученые успели добиться для себя; это доказывается тем, что философы, подвергшиеся нападкам, не попали в опалу и не утратили своих академических постов, а были только выведены из Управления пропаганды. Правда, выдвигались утверждения, будто они проявляют низкопоклонство перед западными философскими школами (чего им, пожалуй, было трудно избежать ввиду фактического отсутствия соответствующих советских школ).

Ничего подобного не утверждалось во время внезапного удара по филологам в 1950 году, особенно примечательного вмешательством в «дискуссию» самого Сталина, что он делал крайне редко. Как правило, идеологические атаки

[3] Например: Яснов — Финкельштейн, Жаданов — Лифшиц, Санов — Смульсон. «Комсомольская правда», 6 марта 1949 г.; «Литературная газета», 9 марта 1949 г.

велись от имени ЦК, этого окончательного арбитра по всем вопросам науки и искусства, хотя личный интерес Сталина к таким вопросам был общеизвестен. Например, затянувшийся спор между двумя школами генетиков завершился в июле-августе 1948 года «победой» биолога Т. Д. Лысенко на открытой сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ). Как отметил сам Лысенко в своем докладе, его последователи составляют меньшинство в ВАСХНИЛе, но «положение в Академии теперь резко изменилось благодаря интересу, проявленному партией и лично т. Сталиным». Положение действительно изменилось. Не менее двенадцати ведущих академиков и профессоров были уволены в результате этого «интереса» за их отказ подогнать результаты научно-исследовательской работы под сумасбродную биологическую теорию, которую теперь приняла партия.

Но генетические теории могут иметь практическое значение для сельского хозяйства, и в этом споре партия, как бы она ни ошибалась, возможно, надеялась, что ей удастся повысить производительность полей и ферм, заставив ученых принять всерьез взгляды Лысенко. Такого, так сказать, утилитарного мотива никак уж нельзя обнаружить в споре о марксистском толковании лингвистики. Анализировать этот нудный и пустой в научном отношении спор бессмысленно. Значение его заключалось в устранении от контроля над ВУЗами и академическими должностями последователей принятой до тех пор филологической школы Н. Я. Марра (скончавшегося в 1934 году). В мае и июне 1950 года между последователями Марра и их противниками шла открытая дискуссия — главным образом на страницах «Правды». 20 июня Сталин положил конец дискуссии, высказавшись против воззрений Марра и, в частности, очень резко против «марровцев», прочно утвердившихся на академическом поприще. Цель вмешательства Сталина (как и в деле философов) — лишить академические круги чувства спокойной уверенности и относительной свободы от контроля со сто-

роны партии. Единственным важным идеологическим высказыванием, исходившим от Сталина в этом драматическом и неожиданном вмешательстве, было утверждение, касавшееся подлинной природы надстройки и базиса в советском обществе и не имевшее прямого отношения к его тезису о том, что язык не является частью надстройки. «Надстройка, — писал Сталин, — не только отражает базис. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой... принимает все меры к тому, чтобы помочь новому порядку доконать и ликвидировать старый базис и старые классы»[4]. Здесь в иной форме повторяется выраженный Сталиным в 30-х годах взгляд о необходимости дальнейшего существования государства, противопоставленный теории его отмирания, заново утверждается примат политики над экономикой. Но фактически то же мнение было выражено или, по крайней мере, авторизовано Сталиным в 1938 году, когда в «Кратком курсе» сельскохозяйственные реформы периода после 1929 года назывались «революцией сверху».

Цель всех этих споров была, может быть, скорее административной, чем идеологической, — положить конец любому потенциальному преклонению перед культурными достижениями некоммунистического мира и подорвать самостоятельность отдельных лиц. Дискуссии же по экономическим вопросам, проходившие между 1947 и 1950 годом и получившие свое авторитетное разрешение в опубликованной накануне XIX съезда сталинской работе «Экономические проблемы социализма в СССР», содержали хоть какие-то крохи подлинных поисков правильного научного решения насущных практических проблем. Спор начался вскоре после выхода в свет в конце 1946 года работы ветерана коммунистического движения экономиста Е. Варги об изменениях в экономике капитализма в результате войны. Книга подвер-

[4] «Правда», 20 июня 1950 г.

глась систематической травле, а Институт мировой экономики и мировой политики Академии Наук СССР, которым в течение многих лет руководил Варга, был закрыт. Но сам Варга в немилость не впал и сохранил достаточно силы воли, чтобы не отречься целиком от своих взглядов — во всяком случае, до выхода в свет сталинской брошюры в 1952 году. Одним из главных оппонентов Варги был Вознесенский, внезапная опала которого в 1949 году уже упоминалась. Но так как опала Вознесенского не привела к реабилитации Варги, то, по-видимому, устранение Вознесенского следует приписать какой-то политической интриге, не связанной с его взглядами на капиталистическую экономику.

Воззрения Варги, подвергшиеся критике, можно свести к следующим основным положениям: капиталистическому миру удастся избежать серьезного экономического кризиса в течение, по меньшей мере, десяти лет после окончания войны; европейские страны обладают благоприятными условиями для проведения реформ социалистического характера без насильственного свержения существующего государственного строя; колониальные территории будут и в дальнейшем обретать независимость; войну против СССР, а также междоусобные империалистические войны нельзя уже рассматривать как нечто неизбежное. Противники же Варги утверждали, что мировая война обострила общий кризис капитализма. Равновесие сил между «капиталистической» и «социалистической» частями мира сдвинулось в пользу последней: в ряде стран установились «народные демократии», коммунистические партии в капиталистических странах окрепли, классовая борьба обостряется, а колониальные народы борются за свою независимость. В особенности США, хотя временно и усилившиеся, станут в ближайшем будущем лицом к лицу с суровым экономическим кризисом, в то время как их стремление к мировому господству обостряет соперничество между США и другими капиталистическими державами. Внешнеполитические выводы из этого спора, в ходе которого взгляды Варги под-

вергались все более сильному обстрелу, очевидны: если прав был Варга, то правильная политика для СССР состояла в сотрудничестве с некоммунистическими странами и в отказе от борьбы за мировую революцию, так как ее результаты достижимы и без насилия. Если же правы были его оппоненты, то, наоборот, правильная политика состояла в непримиримой вражде к некоммунистическому миру и в борьбе за мировую революцию, которая приведет к победе в условиях неминуемого экономического кризиса капитализма и междоусобных войн между «империалистическими» державами.

Каким бы молчаливым согласием среди советских руководителей ни пользовались взгляды Варги (открыто никто из них его не поддерживал), сталинские высказывания в упомянутой брошюре в конце концов решили вопрос в пользу оппонентов Варги. Эта брошюра была связана с дискуссией среди экономистов (проходившей на высоком уровне) о подготовке нового учебника по экономике. Поэтому «Экономические проблемы» Сталина были не столько систематическим изложением, сколько рядом энергично сформулированных ответов на мнения, выраженные в ходе дискуссии, с которыми он не соглашался. Но два тезиса, высказанные Сталиным, не оставляли никакого сомнения насчет того, как он относился к взглядам Варги. Во-первых, Сталин решительно поддержал тех, кто предвидел кризис капиталистического мира в ближайшем будущем. Временная стабилизация капитализма, о которой он сам говорил до мировой войны, теперь уже не имеет под собой никаких оснований, утверждал Сталин. План Маршалла, война в Корее и гонка вооружений — просто соломинки, за которые хватается обреченный империализм. Сталин считал также, что, несмотря на антагонизм между империалистическими и социалистическими державами, гораздо вероятнее война между империалистами, чем между империалистами и Советским Союзом. Он объяснял это двумя причинами: во-первых, потому что война с Советским Союзом более опасна для импе-

риалистов, чем война междоусобная, так как она обязательно поставит вопрос о существовании самого капитализма, а во-вторых, потому что империалисты учитывают мирную политику Советского Союза и знают, что сам он не нападет на капиталистические страны. Но для того, чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм.

* * *

Проблемы взаимоотношений с интеллигенцией после войны мало чем отличались от трудностей, которые испытывала партия в своих отношениях с нацменьшинствами. Ослабление контроля во время войны вызвало к жизни скрытые националистические настроения или породило новые, не существовавшие до тех пор чаяния. Следует учитывать еще два фактора, появившихся в послевоенные годы и отразившихся на национальной политике партии. Прежде всего — это вторичное присоединение к СССР (после изгнания немцев) территорий, впервые захваченных еще накануне войны. Среди населения этих территорий пассивное и даже активное сопротивление советским властям продолжалось в течение долгих лет[5]. Другим фактором было поощрение великорусского — в отличие от советского — патриотизма во время войны. Призыв к русской истории, к русским традициям оказался мощным фактором для мобилизации патриотических чувств и сплоченности, которых явно не мог бы вызвать призыв к традициям советским. Даже после войны Сталин был чрезвычайно заинтересован в том, чтобы использовать этот источник силы. В своей речи в самом конце войны он выделил русский народ как «наиболее выдающую-

[5] Есть официальные ссылки на такое вооруженное сопротивление подпольных групп в течение многих послевоенных лет: например, на Украине — «Правда Украины», 24 марта 1954 г.; в Латвии — «Правда», 15 марта 1953 г.; в Литве — «Советская Литва», 11 ноября 1956 г.

ся нацию из всех наций, входящих в состав Советского Союза» и как «руководящую силу Советского Союза»[6]. Это толкование, однако, шло вразрез с традициями некоторых национальных меньшинств. Среди них жила память о борьбе против царской России, и к тому же им до тех пор внушали, что связь с русским народом в рамках революционного строя зиждется на началах равноправия и общего для всех советского патриотизма.

Проблема эта стала решаться путем сочетания административных репрессий с попытками расширения базы партии среди нерусских народов Советского Союза. В годы войны семь народов были в массовом порядке принудительно переселены со своих территорий в Сибирь и Среднюю Азию: немцы Поволжья, крымские татары, калмыки и четыре небольшие кавказские народности — чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы, — в общей сложности около миллиона человек. В одних случаях официально сообщалось, что эти народности были повинны в поголовной нелояльности, а в других — депортация становилась известной только после того, как названия этих народов исчезали из официальных публикаций. После смерти Сталина власти признали, что в пяти случаях всеобщие высылки не были оправданы ни стратегической необходимостью, ни соображениями безопасности; маловероятно, чтобы случаи остальных двух народов носили иной характер[7]. После вторичной оккупации Западной Украины и трех Прибалтийских республик там тоже имели место массовые высылки в лагеря принудительного

[6] «Правда», 25 мая 1945 г.

[7] См. *Anti-Stalin Campaign*, стр. 57. В 1957 г. было заявлено, что пятерым из этих народностей будет разрешено вернуться на родину в 1960 г. Ни немцы Поволжья, ни крымские татары при этом упомянуты не были. (Немцы Поволжья поселились в России около двух веков тому назад; в 1937 г., на выборах в Верховный Совет, будто бы 99,7% из них голосовали за официальный список.) Детальный анализ всего вопроса о массовых выселениях см. в книге R. Conquest, *The Soviet Deportation of Nationalities*, London, 1960.

труда лиц, заподозренных хотя бы в потенциальной нелояльности.

Новое привилегированное положение русской нации не преминуло сказаться на настроениях интеллигенции нерусских республик и территорий, в том числе интеллигенции нерусских компартий. Толкование истории их покорения Россией, навязанное партией народам Средней Азии и Кавказа, начиная, по меньшей мере, с 30-х годов, заключалось в следующем: аннексия этих стран царской Россией рассматривалась как зло, как часть насильственной колонизаторской политики России; но эта аннексия должна была рассматриваться как «меньшее зло» по сравнению с иным вариантом — с поглощением этих территорий другими империалистическими державами. То были уступки национальному самосознанию. А после войны это «меньшее зло» превратилось по воле партии в абсолютное добро: аннексия окраин царской России официально изображалась теперь как явление положительное и прогрессивное. Так как этот взгляд был диаметрально противоположен многим национальным традициям, и малые народы чтили своих героев, боровшихся против русских, то эти герои превращались ныне в агентов западного империализма. Результатом этого нового шовинизма был рост недовольства среди интеллигенции Кавказа и Средней Азии. С другой стороны, в новозахваченных частях Украины и в Прибалтийских государствах трудности вызывались сопротивлением политике быстрой коллективизации сельского хозяйства; там повторялся в меньшем масштабе опыт, потрясший партию в 1929-33 годах.

Ошибки членов партии, обусловленные одной из этих двух причин и огульно называвшиеся «буржуазным национализмом», ярко фигурировали в отчетах на республиканских съездах в сентябре 1952 года[8]. Но нет указаний на то,

[8] Эта информация основана на отчетах, опубликованных в 15 республиканских газетах на русском языке во второй половине 1952 г. Детальные ссылки опускаются.

что ответственные работники в республиках сменялись быстрее, чем в РСФСР. Так, в РСФСР в период 1946-52 годов в среднем за год смещалось 15 из 73 секретарей крайкомов и обкомов, то есть 19%. Если же проанализировать темп смещений в национальных республиках, то складывается следующая картина: в течение трех лет после избрания смещалось в среднем 20% членов ЦК, то есть высшего слоя партийных работников, и 25% кандидатов в члены, то есть второго эшелона руководителей. Эти цифры не позволяют заключить, что в республиканских партийных организациях шло избиение кадров. Но, как показали последующие события, кульминация чисток была еще впереди[9].

Республиканские съезды также прилагали особые усилия по укреплению местного элемента в республиканских партиях. Но имеющиеся в нашем распоряжении цифры показывают, что в 1952 году коренное население все еще оставалось очень слабо представленным в этих партиях, за исключением кавказских организаций, где местный элемент был всегда очень силен. По пяти республикам данные были опубликованы; из них следует, что к коренным народностям принадлежало, по-видимому, от 40 до 60% делегатов съездов; это означает, что в Среднеазиатских и Прибалтийских республиках около половины всех ведущих партийных работников были людьми местных национальностей. По партии в целом процент был, вероятно, ниже; так, в КП Молдавии только 24,7% партийцев были молдаванами, а в Таджикистане только 38% всех новых членов партии после 1948 года составляли таджики.

Необходимо, однако, сделать две общие оговорки относительно картины, складывающейся на основании этих неполных данных. Во-первых, ввиду значительного притока

[9] Между 1952 и 1956 г.г. было смещено 33% ответственных партийных и советских работников в национальных республиках по сравнению с 13% секретарей крайкомов и обкомов РСФСР.

русских во многие республики, в особенности в Прибалтийские и Среднеазиатские, низкий процент членов партии местного происхождения был вызван не только их относительно небольшим количеством. Во-вторых, довольно высокий процент местных руководящих работников не обязательно отражает меру ответственности, возлагаемую на национальные кадры. Например, определенные ключевые посты в нерусских республиках, вроде руководства службой безопасности, неизменно находились в руках русских или украинцев. Как правило, первый секретарь республиканской партии принадлежал к коренной национальности, но вторым секретарем в подавляющем большинстве случаев назначался русский, и он-то и нес основную ответственность за состояние дел. Таким образом, хотя партия действительно выдвигала руководителей второго, а иногда и первого эшелона из числа людей нерусского происхождения, было бы неверно заключить, что окраинные народы, за исключением кавказцев, достигли к концу сталинского периода равноправия с русскими. Следующие цифры относительно национальной принадлежности специалистов всех видов со средним или высшим образованием, опубликованные в 1957 году, но относящиеся к 1954 году, иллюстрируют сравнительно небольшой процент нерусских в этой важной прослойке, где многие были, конечно, партийцами (для сравнения процент населения каждой отдельной республики по отношению к населению СССР в целом дается в скобках)[10]:

украинцы	15,1%	(20,3%)
грузины	2,3%	(2,0%)
армяне	1,6%	(0,8%)
узбеки	0,8%	(3,65%)
киргизы	0,2%	(0,95%)
латыши	0,7%	(1,0%)

[10] Эти данные содержатся в сборнике «Достижения советской власти за сорок лет в цифрах», Москва, 1957 г., стр. 261. Процент населения не учиты-

Особо следует упомянуть евреев. Данных о их количестве в партии в целом после 1927 года не публиковалось. Так как евреи составляли значительный процент «старых большевиков», они сильно пострадали в ходе террора 30-х годов, и у нас нет данных о том, в какой степени эти потери возмещались в ходе позднейших кампаний по приему в партию[11]. Но процент евреев, состоявших в партии, имеет, вероятно, мало отношения к политике партии в еврейском вопросе, так как в основном партийцы-евреи были так же, а то и еще больше настроены против поощрения еврейского национализма и сионизма, чем коммунисты-неевреи. В течение краткого периода во время войны поощрялся и стимулировался еврейский национализм, но только в целях мобилизации еврейского общественного мнения на Западе для борьбы против Гитлера. Этой кратковременной политике был положен конец после войны. Тем временем две причины содействовали росту национализма среди советских евреев: страдания их собратьев под властью нацистов и рост антисемитизма (всегда близкого к поверхности в России), ставший очевидным во время войны, — рост, которому партия не считала нужным противодействовать. После войны наблюдатели отмечали политику негласной дискриминации евреев при приеме в ВУЗы и допуске к некоторым профессиям. Хотя евреи все еще были хорошо представлены в культурной и научной жизни[12], но на верхах партии евреев

вает примеси русских поселенцев. Поэтому в некоторых случаях местные кадры представлены несколько больше, чем показывают цифры.

[11] На Украине в 1940 г. евреи составляли 13,4% всех членов партии — процент высокий, если учесть, что по отношению к населению Украинской ССР в целом евреи составляли тогда около 5%. См. John A. Armstrong, *The Soviet Bureaucratic Elite*, New York, 1959 г., стр. 17.

[12] Из общего количества 223.893 научных работников в 1955 г. евреев было 24.620, русских — 144.285, украинцев — 21.762. Но к этому времени — после немецких зверств — евреи составляли максимум 1% населения. См. «Культурное строительство СССР», Статистический сборник, Москва, 1957 г., стр. 254.

фактически не оставалось — за характерным исключением Кагановича. Неофициальный антисемитизм резко усилился после образования в 1948 году государства Израиль. Для многих евреев в Советском Союзе это событие послужило сигналом к появлению новых надежд на лучшую жизнь, связанных с возможностью выезда на свою историческую родину. А с точки зрения партии оно означало, что часть советского населения можно теперь подозревать в лояльности к другому государству. Еврейскую культуру, которую если и не поощряли, то терпели, теперь стали сурово преследовать: все издания на еврейском языке и Еврейский театр были закрыты в 1949 году. Антисемитизм стал явлением более заметным. В 1952 году фактически все ведущие деятели еврейской культуры были расстреляны, и, возможно, рассматривались планы общего выселения евреев в отдаленные районы; по некоторым сведениям, в конце года происходили массовые аресты евреев[13].

* * *

История внешних сношений Советского Союза во время и после войны выходит за рамки данной книги. Но некоторые стороны международной политики партии следует в общих чертах рассмотреть, хотя бы из-за ее влияния на внутренние события. После поражения Германии и Японии отношения между СССР и его некоммунистическими союзниками, относительно гармоничные в годы общей борьбы, стали быстро ухудшаться. Каковы бы ни были причины этого явления, с советской стороны существовали факторы, делав-

[13] Общее положение евреев в советской жизни хорошо документировано в книге Solomon M. Schwarz, *The Jews in the Soviet Union*, 1951 г. О неудавшейся попытке создать еврейскую национальную родину в Биробиджане после 1928 г. см. там же, гл. XIII; см. также более новый обзор основных известных нам фактов — Zvi Giterman, *The Jews*, Problems of Communism, Washington, сентябрь-октябрь 1967 г., стр. 92-101.

шие перспективы добрых отношений весьма маловероятными. Одним из них был болезненный страх партийного руководства перед «инфекцией» вследствие контактов с несоциалистическим миром. Идеологические кампании, начавшиеся вскоре после войны, служат показателем этого страха. Во время войны выявился неустойчивый характер связи между населением и советской системой; контакты с внешним миром оказали определенное воздействие на армию; накопились сведения об условиях жизни за границей, правда о которых до тех пор тщательно скрывалась, и это могло привести к еще бо́льшим сомнениям в объективности советской пропаганды. Все это, вместе взятое, вероятно, сыграло свою роль. Помимо того, тоталитарная система, вынужденная мобилизовать пропаганду в беспрецедентном масштабе, не знает промежуточных стадий между ярой враждой и сердечной дружбой: она должна либо поносить, либо возносить. А если возносить она не смеет, то ей не остается ничего иного кроме как поносить.

Был еще один фактор, бросавший тень на советские отношения с союзниками после войны. СССР был заинтересован в укреплении своего контроля над Польшей и другими восточно- и центрально-европейскими странами, представлявшими стратегический и экономический интерес. Союзники СССР признавали эту заинтересованность Советского Союза. Но события вскоре показали, какая пропасть разделяет западные державы и СССР. Это обнаружилось, как только пришло время для проведения в жизнь соглашений военных лет. Западные державы, вероятно, считали, что, используя такие выражения, как «демократическое», «свободолюбивое» или «демократически избранное» правительство, им удалось заручиться обещанием СССР, согласно которому в этих странах будет разрешен принятый на Западе строй при условии, что они останутся в дружественных, союзнических отношениях с Советским Союзом. Но последний, по-видимому, был очень разочарован, когда понял, что традиционные иносказательные наименования коммунисти-

чески-партийного строя и подтасованные выборы толкуются на Западе так, как они того заслуживают. Поэтому последовательное установление коммунистических режимов в странах, входивших в советскую сферу влияния[14] (за поразительным исключением Финляндии), в сочетании с трениями по совместному управлению Германией быстро привели к напряженным отношениям. Советский Союз утверждал, что сопротивление союзников советскому хозяйничанью в Восточной Европе является лицемерным нарушением соглашений военного времени и вызвано страхом капиталистов перед распространением социализма. Западные же державы усматривали в советской политике симптомы подготовки к новой агрессии.

Наличие ряда государств, где компартии были уже у власти или надеялись к ней прийти в скором будущем, создало совершенно новую проблему для Москвы. Кроме того, и во Франции и в Италии после войны создались крупные коммунистические партии с сильными парламентскими фракциями. До войны ВКП(б) успешно установила в Коминтерне свое полное главенство над другими компартиями (за исключением, пожалуй, компартии Китая). Теперь террор сочетался с упорным утверждением особой роли СССР как главной базы для распространения коммунизма. В результате компартии вынуждены были, в конце концов, подчиниться советскому главенству и принять принцип, по которому содействие интересам Советского Союза есть наилучшая помощь делу мирового коммунизма. Но Коминтерна больше не было — после гражданской войны в Испании он сошел на нет и был распущен в 1943 году. Положение в Европе сложилось после войны совсем по-иному. В Югославии у власти стояли коммунисты, пользовавшиеся

[14] Отчет об установлении коммунистических режимов в странах Восточной Европы см. Hugh Seton-Watson, *The Pattern of Communist Revolution.* A Historical Analysis, London, 1953 г., гл. XIII.

сильной поддержкой народа и мало чем обязанные Красной Армии. Правда, в других восточноевропейских странах, где коммунисты либо стояли у власти, либо шли к ее захвату, они были почти целиком обязаны своим положением советским войскам. Но, прийдя к власти, занявшись собственными проблемами и перспективами, они, естественно, начинали заботиться в первую очередь о своих национальных интересах и, может быть, даже сомневаться в целесообразности полного подчинения московской указке. Во Франции и в Италии компартии поддались соблазну «парламентского кретинизма», то есть нередко забывали о революционных целях ради дальнейших успехов в парламенте. Поэтому стало насущной необходимостью восстановить какую-то координационную организацию.

Шаги к созданию такой организации были сделаны в сентябре 1947 года, когда в Шклярской Поребе (Польша) было образовано Коммунистическое информационное бюро (Коминформ). В противоположность Коминтерну, Коминформ не был глобальной организацией; он объединял в своих рядах только компартии СССР, восточно- и центрально-европейских стран, входивших в советскую зону влияния, и в значительной мере — Франции и Италии. Цель Коминформа, как свидетельствовал отчет об организационном совещании, опубликованный много лет спустя одним из его участников, была двоякой. Во-первых, она заключалась в консолидации коммунистического блока в Восточной Европе путем закрепления советского контроля над партиями стран «народной демократии». Это было особенно необходимо ввиду того, что план Маршалла по экономической помощи представлял для этих стран большой соблазн «отбиться от стада». Вторая же цель состояла в распространении коммунизма (там, где это было возможно) представленными в Коминформе партиями. Обсуждались, например, методы усиления коммунистического влияния в Чехословакии, где коммунисты еще не стояли у власти, а компартии Франции и Италии

сурово порицались за их неумение добиться победы революции[15].

Попытка консолидации коммунистического блока в Восточной Европе полного успеха не имела. Всего через несколько месяцев разразился конфликт между компартиями Советского Союза и Югославии, и когда Коминформ собрался во второй раз, в июне 1948 года, цель его съезда состояла в осуждении и исключении югославской партии. Причину конфликта следует искать в отказе югославов подчиниться экономическому диктату Советского Союза, успешно навязанному партиям в других странах блока. Югославские коммунисты не намеревались следовать советским методам и в своей внутренней политике, прежде всего в коллективизации сельского хозяйства. Советская сторона также подозревала, что руководители югославской компартии стремятся к образованию блока коммунистических государств в Восточной Европе, независимого как от Москвы, так и от Запада[16].

Отлучение Тито было тяжким ударом по единству коммунистического блока. Одним из его немедленных результатов явились раздоры в компартии Греции, которые способствовали поражению коммунистов в гражданской войне в Греции в 1949 году. Но главное состояло в том, что отход Югославии породил совершенно новое явление — партия, называвшая себя коммунистической и явно говорившая на языке

[15] Eugenio Reale, *Avec Jacques Duclos au Banc des Accusés à la Réunion Constitutive du Kominform à Szklarska Poreba* (22-27 septembre 1947), Paris, 1958. Реале представлял компартию Италии, и книга его состоит из записанных им в то время неопубликованных речей.

[16] Текст переписки между обеими партиями и сделанных в то время официальных заявлений см. в *The Soviet-Yugoslav Dispute*, Royal Institute of International Affairs, London and New York, 1948. О попытках Тито создать независимый блок см. мою статью *The Post-War Treaties of the Soviet Union*, *Year-Book of World Affairs*, 1950, стр. 130-149; ср. Vladimir Dedijer, *Tito Speaks*, London, 1953, стр. 309.

марксизма, не признавала авторитета Советского Союза. Что касается Китая, то после прихода там к власти коммунистов в конце 1949 года ВКП(б) сохранила большую солидарность с ними, хотя руководить китайцами она, конечно, не могла. Общность интересов, связывавшая обе партии, еще больше укрепилась после агрессии коммунистической Северной Кореи против Южной Кореи в июне 1950 года, которой содействовали и Китай и Советский Союз.

Таким образом, новое положение, сложившееся в послевоенный период, не изменило основной внешнеполитической установки ВКП(б). Тот факт, что Варга мог поставить вопрос совершенно по-новому, доказывал, что в партии, во всяком случае, были люди, способные пересмотреть стратегию. Но тезисы Варги не возымели никакого эффекта, потому что крепко укоренившиеся старые, косные взгляды и навыки не допускали таких сдвигов. К XIX съезду партии в 1952 году Советский Союз явно находился в тупике на международной арене. Во Франции и в Италии перспективы революции отошли на задний план. Несмотря на всю свою «ересь», Тито крепко утвердился в Югославии. Бессмысленная война в Корее шла уже два с половиной года без всяких шансов на успех. На западе возникла мощная оборонительная организация — НАТО. Испытанные в течение многих лет методы пропаганды перестали быть действенными. Различным «фронтам мира», маскировавшим в нейтральные цвета чисто коммунистические организации, теперь противостояла антисоветская пропаганда. Стена секретности, которой умел окружать себя СССР, рухнула — в основном, благодаря тысячам советских граждан, покинувшим родину во время войны и отказавшимся туда вернуться. Начавшаяся широкая научная разработка проблем советской истории, политики и экономики впервые дала некоммунистическим странам базу для борьбы против советских пропагандистских измышлений о положении в стране. С точки зрения советской партии, ситуация в мире, расколовшемся теперь на два враждебных блока, несомненно требовала новой политики. Но то, что

говорил престарелый вождь о внешней политике накануне съезда, не содержало каких-либо свежих мыслей по этим вопросам и не сулило надежд на их появление.

* * *

XIX съезд собрался в период нараставшего напряжения. Одна идеологическая кампания следовала за другой. Аресты, террор и казни опять входили в порядок дня. Тайные расстрелы видных деятелей еврейской культуры стали широко известны и внесли новую ноту ужаса. Официальная лакировка не могла уже скрыть очевидного разорения крестьянства. За рубежом, казалось, надвигалась угроза новой войны, по мере того как некоммунистические державы сплачивались в целях обороны против открыто агрессивной политики Сталина. Сам съезд дал мало утешительного. В своей работе «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталин пригрозил еще более суровым ограничением той жалкой свободы действий, которой еще пользовалось крестьянство. Его оптимистическое предсказание, что война между капиталистическими странами более вероятна, чем война между СССР и некоммунистическим миром, оказалось не столь убедительным, как он, быть может, надеялся. В своем докладе на съезде Маленков особо превозносил «мудрую» политику, которая в 30-е годы привела к террору и показательным процессам. Атмосфера была насыщена страхом.

Через три месяца после окончания съезда печать объявила о раскрытии «некоторое время тому назад» террористической группы врачей. Эти врачи будто бы признались, что умертвили Жданова и готовились к «выводу из строя руководящих военных кадров, чтобы ослабить оборону страны». Врачи эти принадлежали к числу самых выдающихся медицинских светил страны. Семеро из девяти арестованных, перечисленных по имени, были евреи. В сообщении далее утверждалось, что некоторые из обвиняемых являются агентами американской разведки, с которой они будто бы

установили связь через американо-еврейскую благотворительную организацию «Джойнт». Открыто антиеврейский характер обвинений был, пожалуй, чем-то новым. Но в других отношениях разоблачение «заговора» походило как две капли воды на обвинения, ставшие привычными во второй половине 30-х годов. Конечно, обвинения против врачей были выдуманы от начала до конца, а признания исторгнуты пытками: это официально признано после смерти Сталина в сообщении, опубликованном в печати 4 апреля 1953 года. (Арестованные врачи были впоследствии освобождены — все кроме двух, имена которых не значились в списке освобожденных, не совпадавшем со списком арестованных. Ввиду отсутствия объяснений следует предположить, что они умерли от истязаний в тюрьме.)

Само собой разумеется, намечавшийся «процесс» врачей послужил бы отправной точкой для новых обвинений, арестов и казней. О размерах намечавшегося террора можно только догадываться. В своей секретной речи на XX съезде партии Хрущев высказал предположение, что накануне смерти Сталина готовилась чистка среди старших членов Политбюро; в качестве намечавшихся жертв он назвал Молотова, Микояна и Ворошилова[17]. Судя по некоторым фактам, можно предположить, что одной из жертв сталинского плана должен был стать Берия. Во-первых, после его падения в 1953 году Берию обвиняли во всевозможных преступлениях в период сталинского единовластия, начиная с середины 30-х годов; но в одном его никогда не обвиняли — в фабрикации дела врачей. Во-вторых, в ноябре 1951 года, задолго до ареста врачей[18], но, вероятно, уже в ходе подготовки этого дела, в Грузии шли массовые аресты политических руководителей

[17] *The Anti-Stalin Campaign*, стр. 84 и 85.

[18] Время ареста большинства врачей можно предположительно вывести из того факта, что подписанные ими статьи продолжали печататься в медицинских журналах примерно до ноября 1952 г.

мингрельского происхождения, тесно связанных с Берией — тоже мингрелом. Все арестованные, обвиненные в участии в мингрельском националистическом заговоре, были реабилитированы после смерти Сталина, но снова исчезли после падения Берии. В свете последовавших событий мингрельский «заговор» становится похожим на генеральную репетицию дела самого Берии. И, наконец, в-третьих, связь «заговора» врачей с международным еврейством могла быть использована для вовлечения в этот «заговор» Берии, так как именно он в начале войны организовал Еврейский антифашистский комитет с целью мобилизации еврейской общественности в США для борьбы против немцев и оказания помощи СССР. Один из членов организованного Берией комитета (Михоэлс) был братом арестованного врача — профессора Вовси.

Процесс над врачами, возможно, превратился бы в сигнал для широкого террора в партии, правительственных учреждениях и в промышленности. Я уже говорил о карьеристской толчее, царившей у подножья иерархической лестницы среди более молодых членов партии и вызванной тем, что руководящие посты были прочно забронированы за старшими. В 1937-38 году Сталин укрепил свои позиции путем быстрого выдвижения нового поколения партийцев, обязанных своей карьерой только ему. Не исключено, что в 1952-53 году он собирался провести аналогичную операцию. Можно привести два довода в пользу такой гипотезы. Во-первых, укажу на ту настойчивость, с какой сразу же после съезда печать начала подчеркивать необходимость подбора и выдвижения на руководящие посты новых людей. Текст передовой «Правды» от 10 декабря 1952 года, когда врачи уже сидели, а сталинский план был готов к осуществлению, напоминал бахвальство Сталина на XVIII съезде, где он заявил, что чистка сделала возможным выдвижение полумиллиона человек: «У руля руководства в промышленности и сельском хозяйстве, в партийном и государственном аппарате должны стоять люди, до конца преданные делу коммунизма, хорошо

знающие свое дело, способные вносить свежую струю, поддерживать все передовое, прогрессивное... Людей, отвечающих таким требованиям, у нас сколько угодно, надо лишь уметь вовремя подбирать и выдвигать их на руководящие посты». Второй примечательный факт — включение без всяких объяснений статьи 58-7 Уголовного кодекса РСФСР[19] в обвинительный акт, на основании которого сотруднику аппарата госбезопасности Рюмину была после смерти Сталина инкриминирована фабрикация «заговора врачей». (Рюмин был затем расстрелян.) Статья 58-7 предусматривала наказание за подрыв государственной экономики в контрреволюционных целях. Но фабрикацию обвинений против видных пожилых врачей нельзя расценить даже с натяжкой как подрыв государственной экономики. Включение этой статьи в обвинительный акт наводит на мысль, что лица, поставившие ему ловушку, знали, что сфабрикованные Рюминым обвинения не ограничились бы врачами, а, в конечном итоге, стали бы частью крупного плана гораздо более широкого террора, который охватил бы и промышленность[20].

О том, кто задумал этот так и не осуществленный план, можно только догадываться. По всей вероятности, его следует приписать Сталину, ибо шаг такого значения мог быть сделан только по его инициативе. Нет сомнений в том, что важную роль сыграл здесь и Поскребышев, который, насколько известно, все послевоенные годы занимал важнейший пост личного секретаря Сталина и заведующего Особым отделом Секретариата. В силу этого именно он, наряду со Сталиным, ведал органами безопасности, — вероятно, через головы людей, которые их номинально возглавляли. Поскребышев бесследно исчез сразу же после смерти Сталина. На XX съезде

[19] «Правда», 23 июля 1954 г.

[20] Это соображение было выдвинуто Б. И. Николаевским в статье «Расстрел Рюмина» в «Социалистическом вестнике», № 8-9, август-сентябрь 1954 г.

Хрущев насмешил слушателей, назвав его «верным оруженосцем Сталина»[21]. Это было первым публичным упоминанием о нем за три года.

Пострадала за фабрикацию дела врачей группа сотрудников органов безопасности во главе с Рюминым; они были казнены в 1954 году, будто бы после процесса. Эти подчиненные работники понесли гораздо более суровую кару, чем люди, приказы которых они выполняли. Например, Министр госбезопасности С. Д. Игнатьев, сделавший карьеру в партийном аппарате и занимавший должность только временно, был просто переведен на периферию, но остался членом ЦК. По словам Хрущева, Сталин пригрозил Игнатьеву, что «укоротит его на голову», если он не добьется необходимых признаний в деле, «сфабрикованном от начала до конца»[22]. Но трудно объяснить, в силу какой логики он избежал возмездия, хотя и отдал приказ, за исполнение которого были расстреляны его подчиненные. Вероятно, в планы намечавшейся новой чистки, которая больно ударила бы по возглавляемому Игнатьевым аппарату, были посвящены и некоторые секретари ЦК, во всяком случае, оба первых секретаря — Хрущев и Маленков. Один из секретарей — Аристов стоял во главе Отдела организационно-партийной работы и поэтому не мог не быть причастным к террору в партии. После смерти Сталина Аристов был временно отправлен на периферию, но в немилость не впал[23].

Контраст между мягким отношением к высокопоставленным партийным сановникам и суровыми наказаниями подчиненных работников органов безопасности наводит на мысль, что приближенные к Сталину партийные руководители, хотя и не смели противиться его воле при жизни, были все же против начала нового побоища в партии. Эти настроения понять

[21] *The Anti-Stalin Campaign*, стр. 55.
[22] Там же, стр. 64.
[23] Так же, как Игнатьев, он был избран членом ЦК.

нетрудно. Ежовщина показала, что после развязывания операции такого рода никто уже не мог предвидеть ее размаха и даже высшие партийные руководители не были застрахованы от ее последствий. Смерть Сталина 5 марта 1953 года, вызванная кровоизлиянием в мозг, приостановила новое наступление на партию в самой начальной стадии. Сталин был уже стар и проявлял симптомы усталости еще на XIX съезде. Ввиду отсутствия конкретных данных, рассуждения о том, была ли его смерть вызвана только естественными причинами, — дело бесплодное. Одно бесспорно: для многих членов партии — и на верхах и пониже — смерть вождя пришла как раз вовремя.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА

30. ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ХРУЩЕВА

Шесть важных черт характеризовали партию в 1952 году. Во-первых, она превратилась в партию массовую, но в то же время основанную на принципе отбора. Это была уже не кучка фанатичных приверженцев, как в ленинские времена, а руководящая элита из всех областей жизни страны. Партия искала способных людей повсюду, давным-давно отделавшись от догматического предпочтения пролетариев, хотя именно этой догме партия обязана своим происхождением и своим существованием. Правда, партия была заинтересована в расширении базы за счет людей рабоче-крестьянского происхождения, но вместе с тем она втягивала в свои ряды руководителей любого уровня. Партия стремилась собрать под своим крылом максимальное количество ведущих работников. Вероятно, этим и объясняется непропорциональное преобладание русских над некоторыми нерусскими народами Советского Союза. Поскольку русские считались элементом более надежным и более способным к управлению, национальный состав партии не определялся соображениями равноправия народов. Отчасти по той же причине посты в партии все еще находились в руках людей с бóльшим стажем и бóльшим опытом.

Второй отличительной чертой внутри партии было особое положение аппарата чиновников и секретарей, составлявших ничтожное меньшинство от общего числа членов — приблизительно три процента. В силу авторитета, накопленного ими (не без кровавых конфликтов) за долгие годы, эти работники могли заправлять выборами, дискуссиями и решениями в партийных организациях по всей стране. Широко рекламируемые попытки, время от времени предпринимавшиеся руководством для развития демократии в рядах партии, ни к чему не приводили. Умудренные опытом члены партии знали, что единственно безопасный образ действий состоит в повиновении инструкциям сверху, в принятии списков, составленных руководителями данной организации, в критике только тех, кто уже порицался свыше, и в голосовании без всяких оговорок за предложения, исходящие от руководства. Более разумные партийцы всегда понимали, что, какие бы призывы к большей демократии и инициативе снизу ни делались время от времени, партийное руководство в Москве меньше всего заинтересовано в рядовых коммунистах, способных мыслить самостоятельно.

Третьей отличительной чертой партии была централизация самого аппарата. Верхушка партийной иерархии состояла из секретарей ЦК, контролирующих различные отделы через подчиненных им аппаратчиков. Эксперименты в области передачи административной ответственности были, как правило, явлением преходящим. Партия неизменно возвращалась к той форме администрации, которая оставляла вожжи прочно в руках Секретариата ЦК. В некоторых случаях, например, в управлении сельским хозяйством (когда оно осуществлялось политотделами МТС) центр действовал прямо через своих инструкторов. Но даже в тех областях, где административная ответственность возлагалась на сеть подчиненных организаций (скажем, в промышленности), Секретариат ЦК всегда считал нужным сохранять аппарат повседневного контроля.

Эта централизация аппарата, наблюдавшаяся к концу ста-

линского периода, не была новой отличительной чертой; можно даже сказать, что, в основном, она восходила прямо к ленинскому пониманию партии, хотя при жизни Ленина полной централизации достигнуто не было. Но личная власть Сталина — четвертая отличительная и, пожалуй, самая важная черта — придала специфический характер традиционным формам. Сталин был гораздо больше, чем просто вождем партии. Он мог править либо через партию, либо без нее, как ему больше нравилось. Секретари, заправлявшие аппаратом, были послушными исполнителями его политики. Он обладал достаточной властью, чтобы в случае необходимости обходить нормальные партийные каналы, и мог по своему усмотрению игнорировать формальные партийные органы, что он в действительности и делал. Съезд не созывался в течение тринадцати лет; пленумы ЦК собирались очень редко, и Сталин, по-видимому, обходился даже без заседаний Политбюро в полном составе. Могущественные органы безопасности находились в его власти, и он руководил ими через личный секретариат. Конечно, Сталин нуждался в людях для выполнения своей воли. Но он мог приводить в действие то одного, то другого из своих подручных, без формального обсуждения и решения того или иного вопроса, в атмосфере, насыщенной интригами, заговорами и страхом.

Этот рост личного сталинского могущества породил пятую отличительную черту, ставшую заметной в последние годы его жизни — соответствующий упадок влияния партии[1]. Причина упадка была в том, что партийный аппарат соперничал с разраставшимся правительственным аппаратом; и диктатор сознательно поощрял этот аппарат, видя безопасность в дублировании своих инструментов власти. Пока он сам возглавлял ту и другую иерархию и, кроме того, пускал в ход, когда это было нужно, надежное орудие — органы безо-

[1] Последствия этого важного и обычно незамечаемого факта для изучения тоталитаризма рассматриваются ниже, в эпилоге.

пасности, у него не было причин бояться растущего престижа правительственного аппарата. На низшем уровне соперничество обеих административных сетей было богатым источником конфликтов, которые не могли разрешаться только путем возраставшего вмешательства из центра, если они вообще разрешались. Первичным организациям было дано по партийному Уставу право контроля и предполагалось, что они это право осуществляют. Однако в центральных правительственных учреждениях функции контроля первичных партийных организаций были, в силу того же Устава, ограничены; на этом уровне административная машина могла работать без каждодневных помех, хотя, разумеется, она всегда была подчинена политике, установленной Политбюро или диктатором, действовавшим от имени этого органа[2].

Кроме того, неудобство этой двойной системы администрации до некоторой степени умерялось наличием общего резервуара, из которого шли пополнения и партийного и правительственного аппарата. Очень часто — пожалуй, даже как правило — государственные чиновники, вроде республиканских министров или председателей Исполкомов Советов на различных уровнях, набирались из лиц, служивших в партийном аппарате. В меньшей степени то же самое происходило и в обратном направлении: иногда партийные работники набирались из числа лиц, служивших в правительственных органах[3]. Но хотя полезность того факта, что чиновник одного аппарата приобретал опыт в другом аппарате и, следовательно, начинал понимать его проблемы, была очевидной, все же сам по себе этот обмен кадрами не мог разрешить конфликтов, постоянно возникавших в ходе будничной управленческой работы.

[2] Правило это было впервые принято в 1939 г. См. «КПСС в рез.», т. 3, стр. 392. Оно было подтверждено в 1952 г. — там же, стр. 592.

[3] См. Rigby, *Thesis*, гл. IX, где даны подробности.

Шестой отличительной чертой партии к концу сталинского периода было прочно установившееся и постепенно развивавшееся — во всяком случае, начиная с 30-х годов — проникновение членов партии во все учреждения и формы деятельности и стране. Процесс этот был далеко не однородным. В одной важной сфере — в колхозах — партийный контроль был случайным даже в 1952 году из-за отсутствия партийных организаций во многих колхозах. Партия не могла взирать на это с безразличием. Страх перед тем, что сельскохозяйственные предприятия могут обрести какую-то долю независимости и начать конкурировать с политическим и хозяйственным строем, определяемым партией, был присущ партийному руководству во все периоды его истории; в одной из предшествующих глав высказано предположение, что страх перед конкуренцией со старыми земельными обществами, возможно, явился одним из факторов, определивших политику быстрой коллективизации в 1929 году[4]. Отсутствие должным образом развитой партийной сети в колхозах вплоть до конца жизни Сталина, по-видимому, обусловило совершенно произвольные методы, путем которых партия старалась обеспечить свою власть над деревней. Насколько мы знаем, только Хрущев проявил какую-то энергию в этой области, когда, укрупнив колхозы, он сделал возможным создание более полной сети сельских партийных организаций.

* * *

Такой, в общих чертах, была партия к тому времени, когда смерть Сталина вывела из строя маховик всей машины. Первым и неотложным делом партии стало восстановление этого «маховика» — в лице Маленкова. Ключевой нотой реорганизации партии и правительства, прозвучавшей 7 марта,

[4] См. выше, гл. 18.

было стремление обеспечить преемственность и единство с целью предотвратить «разброд и панику». Партийное и правительственное руководство было приведено в порядок и сокращено. Возглавлять Совет Министров должен был Президиум, состоявший из Председателя Совета Министров Маленкова и четырех первых заместителей: Берии, Молотова, Булганина, Кагановича. Берия стал Министром внутренних дел, взяв под свое руководство и органы государственной безопасности, до тех пор подчиненные министру. Молотов стал Министром иностранных дел, а Булганин — Министром обороны.

Бюро Президиума ЦК партии было теперь упразднено (сам факт его существования с октября 1952 года оставался тайной), а состав Президиума сокращен. В Президиум вошли (в порядке, не связанном ни с алфавитом, ни со стажем) Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович, Микоян, Первухин и Сабуров. Произошли изменения и в Секретариате: в этот важный орган был введен Шаталин, в течение многих лет бывший заместителем Маленкова по управлению партийными кадрами. Таким образом, Маленков, так же как Сталин, совмещал должности Первого секретаря и главы правительственного аппарата[5]. В течение примерно одной недели печать превозносила Маленкова в стиле, напоминавшем восхваление Сталина; в частности, в «Правде» была напечатана сфабрикованная фотография[6].

[5] «Правда», 7 марта 1953 г. Изменения были объявлены в виде совместного постановления пленума Центрального Комитета, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР. См. «КПСС в рез.», т. 3, стр. 603-607.

[6] Фотография к статье под заголовком «Величайшая дружба» представляла собой монтаж, имевший целью показать одного Маленкова вместе со Сталиным и Мао Цзе-дуном. На самом же деле имелась групповая фотография, снятая в 1950 году, из которой было вырезано несколько других лиц. См. «Правду» от 15 февраля 1950 г. и 10 марта 1953 г.

Скоро выяснилось, однако, что назначение «нового Сталина» было лишь временным мероприятием. 14 марта пленум ЦК «удовлетворил просьбу» Маленкова об освобождении его от обязанностей секретаря ЦК. Секретариат состоял теперь из Хрущева, Суслова, Поспелова, Шаталина и Игнатьева — бывшего Министра государственной безопасности[7]. Аппараты партии и правительства были снова разделены, как до мая 1941 года. Но оставалось одно важное отличие. Ленин, будучи Председателем Совнаркома, без всякого труда главенствовал и над партийным и над правительственным аппаратами; правда, партийная машина в его время не была еще полностью развита. После того как Молотов заменил на этом посту Рыкова в 1930 году, Сталин (тоже без труда) утвердил примат партии. Молотов довольствовался тем, что оставался тенью Сталина. Теперь же друг другу противостояли два энергичных соперника, каждый во главе отдельного мощного аппарата. То, что это разделение власти отражало общее стремление руководителей партии предотвратить появление нового диктатора, доказывается упором на важность «коллективного руководства», который теперь делался в партийных заявлениях. Можно только гадать, был ли Маленков вытеснен из Секретариата своими коллегами или, стоя перед необходимостью отказа от одной из должностей, предпочел сохранить правительственный пост, считая, что правительственный аппарат стал теперь более влиятельным.

Последовавшие месяцы ушли на ликвидацию «заговора врачей» и на конфликты между партийным руководством, с одной стороны, и аппаратом госбезопасности — с другой. 10 июля было внезапно объявлено об аресте Берии (его арестовали за две недели до того; восстание 17 июня 1953 года в Восточной Германии послужило, возможно, удобным предлогом). Некоторые возведенные против него обвинения

[7] «Правда», 21 марта 1953 г.

(например, будто в течение более тридцати лет Берия был агентом английской разведки) столь же маловероятны, сколь и обвинения, в прошлом столь часто возводившиеся сотрудниками Берии против других. Подлинный смысл устранения Берии выявился более четко в закрытом письме Президиума ЦК КПСС, изданном для осведомления старших партийных работников. В письме, в частности, говорилось, что Берия использовал аппарат органов безопасности для попытки захватить власть[8]. Все равно, соответствовало ли это утверждение истине или нет, устранение Берии несомненно положило конец статусу органов безопасности как государства в государстве, которого они добились при Сталине.

Преемник Берии уже не был членом Президиума, а статус аппарата госбезопасности оказался еще более ослабленным путем вторичного его разделения в марте 1954 года на Министерство внутренних дел (МВД) и Комитет государственной безопасности (КГБ). У Министерства внутренних дел постепенно отбиралась его огромная экономическая империя, а предприятия, ранее входившие в состав МВД, передавались в ведение производственных министерств. Среди старших сотрудников органов безопасности была проведена чистка, а в некоторых важных случаях должности, занятые до того сотрудниками органов, переданы военным. На ключевые посты в аппарат госбезопасности поставили теперь партийных работников. Падение Берии также послужило удобным предлогом для того, чтобы свалить всю вину за былые злоупотребления на него одного и, таким образом, снять с членов Президиума ответственность за их поддержку деяний Сталина.

[8] Отчет о содержании этого письма был сделан видным польским коммунистом, который читал его в ходе своих служебных обязанностей. См. *Hearings before the Sub-Committee of the Judiciary.* United States Senate, Eighty-Fourth Congress, Second Session on Scope of Soviet Activity in the United States, June 8, 11 and 29, 1956, Part 29, Washington, 1957, стр. 1556 и 1557.

Всего через четыре года эта коллективная олигархия уступила место системе, при которой Первый секретарь ЦК партии (этот титул был официально присвоен Хрущеву в сентябре 1953 года), вытеснив из Президиума всех первоначальных его членов, кроме трех, стал если не самодержцем на сталинский лад, то, во всяком случае, неоспоримым политическим вождем. О причинах краткости эксперимента с олигархией можно в настоящее время только догадываться. Между Хрущевым и побежденными им соперниками существовали подлинные политические разногласия и, может быть, его победа стала возможной только благодаря той реальной поддержке, которой он пользовался в ЦК. Какую-то поправку следует сделать и на личное честолюбие этого энергичного человека. Кроме того, в системе, где политический курс определяется, в основном, вне зависимости от общественного мнения и где не существует настоящих представительных органов для устранения разногласий между отдельными равноправными руководителями, личная диктатура представляется более эффективной и удобной. Прежде всего, однако, важно помнить, что победа Хрущева над соперниками, вроде Маленкова, символизировала (и на деле представляла собой) утверждение партией ее главенства над правительственным аппаратом — главенства, которое она утратила в предшествовавший период, при Сталине.

* * *

В первые четыре года после смерти Сталина возникли по меньшей мере четыре важных вопроса, по которым разногласия между отдельными членами Президиума были очевидны из опубликованных данных. Первым был извечный вопрос об относительной важности производства средств производства и производства потребительских товаров. Правление Маленкова началось под аккомпанемент обещаний увеличить производство предметов потребления. Это обещание было выполнено, во всяком случае, в том смысле,

что темп роста производства товаров ширпотреба в 1953 году впервые превысил темп роста тяжелой промышленности[9]. Этот отход от коммунистической теории, несомненно продиктованный стремлением сделать новое правительство более популярным, нашел своих поборников[10], но впоследствии подвергся нападкам со стороны других экономистов — особенно резко по форме со стороны редактора «Правды» Шепилова 24 января 1955 года. Критическая статья в «Правде» появилась накануне пленума ЦК, на котором, вероятно, было принято решение снять Маленкова с поста Председателя Совета Министров. Но начало упадка его влияния может быть датировано гораздо раньше — не позднее июня 1954 года, когда был изменен метод перечисления членов Президиума: их имена стали публиковаться в алфавитном порядке, а не в порядке старшинства во главе с Маленковым.

8 февраля 1955 года, на сессии Верховного Совета, Маленков был освобожден от обязанностей Председателя Совета Министров и заменен Булганиным — формально по собственной просьбе. В заявлении, зачитанном от его имени (Маленков, хотя и присутствовал на сессии, ни разу не раскрыл рта), он привел в качестве объяснения свой недостаточный опыт государственной работы и признал ответственность за неудовлетворительное положение дел в сельском хозяйстве. Булганина на посту Министра обороны заменил герой войны маршал Жуков, который был назначен заместителем Министра обороны сразу после смерти Сталина, но которого все время держали в тени. За падением Маленкова последовали немедленная опала одного из его сторон-

[9] Это можно вычислить на основе процентов роста в той и в другой категории товаров по сравнению с 1940 г., приведенных в сборнике «Народное хозяйство СССР», М., 1956, стр. 47. Относительные проценты роста в 1953 г. были соответственно 11,6% и 12%.

[10] См., например, статью Я. А. Кронрода в «Коммунисте», № 16, ноябрь 1953 г.

ников, Министра культуры Александрова, и уход с политической арены Шаталина. Позднее были произведены изменения и в сети первых секретарей обкомов (со временем эти перемены отразились на составе ЦК)[11].

Неудовлетворительное положение дел в сельском хозяйстве — наследие сталинского режима — было обрисовано весьма детально в сентябре 1953 года в докладе Хрущева на пленуме ЦК. С этого времени Первый секретарь стал глашатаем партии по сельскому хозяйству. Разрабатываемые им планы отражали более реалистический подход к проблеме: как сделать колхозную систему более эффективной перед лицом крестьянской оппозиции. Но его политика, возможно, возбуждала опасения среди более догматических коммунистов, воспитанников сталинской школы, вроде Кагановича и Молотова, что колхозы могут стать мощными и начнут шантажировать режим. Главные отличительные черты этой политики (в том виде, в каком она постепенно развивалась в течение последующих лет) можно свести к следующим моментам: значительное увеличение

[11] По мнению ряда компетентных наблюдателей, падение Маленкова было вызвано в первую очередь его неагрессивностью во внешней политике. Этот взгляд подтверждается тремя обстоятельствами: во-первых, тем, что Маленков был первым советским руководителем, открыто признавшим, что термоядерная война уничтожила бы всю цивилизацию, а не только капиталистический мир; во-вторых, тем, что его падению предшествовало посещение Китая Хрущевым, Булганиным и Микояном и что за уходом Маленкова последовал четырехлетний период (до разрыва между Советским Союзом и Китаем), в течение которого отношения между обеими странами были весьма дружественными; и, наконец, в-третьих, атакой на Маленкова в «Коммунисте», № 4, 1955, за его «слабонервность» и за то, что он позволил себя запугать западным империалистическим державам. Тот факт, что Хрущев перенял все взгляды Маленкова во внешней политике после падения последнего, конечно, не опровергает этого толкования. Кстати, если падение Маленкова было каким-то образом обусловлено его сопротивлением наращиванию военного потенциала Китая, то, может быть, придет день, когда будет признано, что Маленков пытался сослужить своей стране лучшую службу, чем Хрущев, чья политика в 1954-1955 г.г. привела к превращению Китая в термоядерную страну.

материальных стимулов для колхозного производства; упрощение многоступенчатой системы центрального контроля над колхозами и децентрализация планирования производства в целях предоставления отдельным колхозам какой-то личной инициативы; значительное упрощение партийного контроля над колхозами и укрепление роли партии за счет государственных органов. (Эта сторона новой сельскохозяйственной политики обсуждается ниже.)

Кроме того, весной 1954 года началась большая кампания по производству зерна на целинных землях Казахстана, и, наконец, весной 1958 года было оглашено самое революционное предложение — передача техники в собственность колхозов и отмена МТС. Тот факт, что мероприятия Хрущева для восстановления благосостояния сельского населения в значительной степени имели успех[12], усилили престиж и могущество Первого секретаря, а тем самым и партии. Объявляя об отмене МТС, Хрущев имел возможность сказать, что средний доход колхоза, составлявший в 1949 году 111 тысяч рублей, составил теперь 247 тысяч рублей. Приводя в качестве примера свою родную деревню, он утверждал, что расположенный в ней колхоз увеличил зерновое производство почти в четыре раза с 1953 года, а валовой доход — в девять раз[13]. Конечно, эти цифры преувеличены и выбранный в качестве иллюстрации колхоз был далеко не типичным. Но, что бы ни думала аудитория о хрущевских цифрах, несомненные доказательства роста благосостояния сельского населения и его жизненного уровня были налицо.

Одновременно с падением влияния Маленкова стала закатываться и звезда Кагановича — самого опытного из ком-

[12] «Целинная» кампания в конечном итоге провалилась.

[13] «Правда», 28 марта 1958 г. Более трезвая оценка роста доходов колхозов была сделана Хрущевым на пленуме ЦК 15 декабря 1958 г.: по сравнению с 1952 г. общий валовой доход всех колхозов более чем удвоился в 1957 г. См. «Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, 15-19 декабря 1958 г.», М., 1958, стр. 62.

мунистов старшего поколения в деле управления промышленностью. Единственный первый заместитель Председателя без ведомственной ответственности в Совете Министров, Каганович отвечал за планирование промышленности в целом. Но в марте 1955 года были назначены три новых первых заместителя Председателя: Микоян и двое специалистов по планированию — Сабуров и Первухин. Каганович вскоре стал председателем Госкомитета по вопросам труда и заработной платы, а после сентября 1956 года — Министром промышленности строительных материалов. Таким образом, его вытеснили с позиций, где он мог определять курс, и низвели до уровня чисто практической повседневной администрации. Его преемником в области планирования стал Первухин. Но взлет Первухина был кратковременным. На XX съезде в феврале 1956 года были намечены весьма амбициозные задания в области промышленности. Вершиной влияния Первухина стал пленум ЦК в декабре 1956 года. Но к тому времени положение с ресурсами для капиталовложений оказалось очень напряженным, и были основания думать, что промышленные задания, поставленные XX съездом, неосуществимы. (Они были действительно негласно отменены в 1957 году.)

Декабрьский пленум 1956 года пытался решить проблему путем улучшения центрального механизма планирования при одновременном сохранении традиционного централизованного контроля над промышленностью. Первухин стал теперь председателем значительно усиленной Госэкономкомиссии — органа, незадолго до того выделенного из Госплана в целях текущего (в отличие от перспективного) планирования. Роль Госплана была соответственно урезана. Первухину явно предстояло стать верховным координатором всех координаторов; это подтверждается тем, что почти всех первых заместителей и просто заместителей Председателя Совета Министров перевели в Госэкономкомиссию. Из этого правила было три знаменательных исключения — Маленков, который после своей отставки в 1955 году оставался заместителем Председателя Совета Министров, и Молотов с Кага-

новичем, — оба первые заместители (оставшийся заместитель Председателя Тевосян был вскоре назначен послом в Токио и таким образом устранен из центра).

Двумя месяцами позже, на пленуме ЦК в феврале 1957 года, выяснилось, что к тому времени вынашивались уже совсем иные идеи для улучшения положения в промышленности. Согласно постановлению пленума, следовало «перестроить работу Госэкономкомиссии», с тем чтобы она не вступала в конфликт с Госпланом[14]; это предвещало отход от курса, намеченного в декабре предыдущего года, когда Госплан был оттеснен с авансцены, уступив место своему близнецу — Госэкономкомиссии, а его председателя Сабурова подвергли критике.

Еще через шесть недель, 30 марта, были опубликованы тезисы Хрущева для обсуждения на сессии Верховного Совета. Хрущев задумал далеко идущую децентрализацию контроля над промышленностью — нечто прямо противоположное системе улучшенного централизованного контроля, намеченной реформами декабря 1956 года. Теперь предлагалось разделить страну на ряд экономических районов, возглавляемых совнархозами, которым предстояло нести ответственность за руководство промышленностью в своих районах под общим надзором значительно расширенного Госплана. Координация, проводимая Госпланом не должна была тормозить инициативы совнархозов по планированию местного производства. Центральные производственные министерства предлагалось ликвидировать за ненадобностью.

Конечно, это радикальное нововведение вызвало сильную оппозицию, большей частью подспудную. Общественное обсуждение тезисов 30 марта, хотя и контролируемое сверху, показало, что сопротивление реформе исходило, главным образом, от директоров заводов и плановых работников. Когда тезисы обсуждались на сессии Верховного Совета в

[14] «Правда», 16 декабря 1957 г.

мае 1957 года, ни один из присутствовавших директоров или плановиков не принял участия в прениях; лишенные возможности возражать вслух они, по меньшей мере, отказывались активно поддерживать реформу. Правда, новый закон, в той форме, в какой он был введен в силу, учел в известной степени критику, имевшую место в ходе предшествовавшей дискуссии в печати. Например, восемь всесоюзных производственных министерств из тех, что по первоначальным хрущевским предложениям должны были быть раскассированы, были временно сохранены — это большей частью министерства, связанные с обороной. Тем не менее, десять всесоюзных и пятнадцать союзно-республиканских министерств экономического профиля были распущены[15]. Сам Первухин был поставлен во главе одного из оставшихся министерств — Министерства среднего машиностроения, ведающего атомной энергией. Хотя назначение это было важным, оно снижало роль Первухина с того уровня, где он мог влиять на общий политический курс. Возросшую роль партии, особенно в краевом и областном звене (этот вопрос обсуждается ниже), отражало назначение на пост председателя Госплана И. И. Кузьмина, который сделал карьеру, в основном, в партийном аппарате[16].

Таким образом, к весне 1957 года влияние, которым пользовались Маленков, Каганович и Молотов, а также плановики Первухин и Сабуров, резко пошло на убыль. Положение Молотова пошатнулось также из-за его оппозиции Хрущеву по внешнеполитическим проблемам, в частности, из-за конфликта между ними по вопросу об отношениях с Югославией. В мае 1955 года советская делегация, возг-

[15] «История советской Конституции». Сборник документов, 1917-1957, М., 1957. Проблемы, возникшие в результате реорганизации промышленности, обсуждаются в статье Philip E. Mosely, *Khrushchev's New Economic Gambit*, Foreign Affairs, июль, 1958.

[16] О его карьере см. «Политический словарь» под редакцией Б. Н. Пономарева, 2-е изд., М., 1958.

лавляемая Хрущевым, но не включавшая Министра иностранных дел Молотова, посетила Югославию. (Пробные шаги в этом направлении были сделаны несколько раньше с целью восстановления отношений, прерванных в 1948 году.) Хрущев выразил «искреннее сожаление» по поводу ухудшения отношений в прошлом, возложив ответственность за разрыв 1948 года на Берию. Этот примирительный акт закончился совместным заявлением, которое, помимо всего прочего, подчеркивало право каждой страны идти к социализму своим путем. Против этого акта покаяния Молотов неизменно возражал. В июле 1955 года позиция Молотова была вынесена на обсуждение пленума ЦК, где Молотова никто не поддержал; он был вынужден формально отказаться от своего мнения[17]. Вероятно, конфликты возникали и по другим внешнеполитическим вопросам (в том числе по вопросу об Австрии), так как в 1956 году Молотова на посту Министра иностранных дел сменил Шепилов.

Но позиция самого Хрущева тоже несколько пошатнулась в результате эпохального XX съезда партии, заседавшего в Москве с 14 по 25 февраля 1956 года. Постепенная разрядка напряжения после смерти Сталина, эффект сокращения полномочий органов безопасности после падения Берии и тот факт, что съезд собрался несколько раньше назначенного срока — все это, вместе взятое, создало на съезде оптимистическую атмосферу. Главный отчет Хрущева, которым открылся съезд, не содержал никаких особенных сюрпризов. Первый секретарь ЦК был скорее человеком практики, а не теории, и те слушатели, которые ждали от него очередного толкования основ марксизма-ленинизма в свете

[17] Эта часть дискуссии на пленуме опубликована не была; она стала известной только из отчета о пленуме, ставшего доступным польскому коммунисту, упомянутому в прим. 8 на стр. 766 (стр. 1562 цитируемого там текста). Тот факт, что дискуссия на этом пленуме произошла, подтвердился в 1957 г. в официальном сообщении об исключении Молотова из ЦК — см. СПР, 1957 г., стр. 121-126.

нового опыта, были либо разочарованы, либо толковали его слова на свой лад. Доклад Хрущева был отмечен мужицким здравым смыслом. Все старые формулы оказались налицо, но было совершенно ясно, что теоретическим вопросам не будет позволено мешать важным вопросам практики — повышению производительности труда в стране, сохранению и росту могущества коммунизма за рубежом. В кратком обсуждении вопросов идеологии Хрущев неоднократно подчеркивал, что теория без практического применения бессмысленна: переход к коммунизму, имеющий сейчас место, — не вопрос пропаганды или фантастических теорий, а упорной работы для того, чтобы догнать и перегнать более развитые страны. Он перечислил три главных задачи в области идеологии — сохранение единства и авторитета партии и, прежде всего, принципа коллективного руководства; направление руководящей деятельности партии на практические задачи и повышение бдительности в идеологической работе для преодоления влияния буржуазной идеологии.

Пожалуй, только по вопросу об отношениях Советского Союза с другими государствами Хрущев выдвинул два тезиса, которые тогда (вероятно, ошибочно) широко толковались как сенсационные изменения курса советской политики. Во-первых, он утверждал, что, пока существует империализм, опасность развязывания войны остается, но теперь уже нет оснований думать, что война между социалистическими и капиталистическими державами неизбежна. Это заявление толковалось в некоторых кругах как доказательство того, что Советский Союз готов установить подлинно мирные отношения с некоммунистическими государствами. Но в дальнейшем Хрущев объяснил, почему он решил, что война не неизбежна: «общественные и политические силы», стоящие за мир в капиталистических государствах, теперь-де достаточно сильны для того, чтобы помешать империалистическим державам развязать агрессивную войну. Это заставляет думать, что, по мнению Хрущева, война могла быть пре-

дотвращена своевременной победой коммунизма и «общественных и политических сил», стоявших за эту победу. Иными словами, теперь Хрущев усматривал возможность победы коммунизма на всем земном шаре мирными средствами — победы, которая до тех пор казалось достижимой только путем насилия. Он также подчеркнул, что формы социализма меняются в зависимости от обстоятельств и что нет единой, применимой ко всем странам формулы, причем особую ссылку он сделал на Югославию. Несомненно, некоторые восточно-европейские страны истолковали это как указание на готовность СССР проявить бо́льшую терпимость, чем до тех пор, к стремлению некоторых компартий к независимости. Вряд ли Хрущев предвидел те опаснейшие последствия, к которым привели его слова[18].

На третий день съезда слушателей взволновала речь Микояна с открытой критикой Сталина. До той поры, хотя Сталин превозносился уже гораздо меньше и хотя некоторые стороны его правления косвенно критиковались, даже если вина за них возлагалась на Берию, никто еще публично не подвергал сомнению абсолютное совершенство покойного вождя. А теперь Микоян открыто сказал, что в течение примерно двадцати лет «у нас фактически не было коллективного руководства», а процветал «культ личности», осужденный еще Марксом. Далее он подверг критике сталинскую работу «Экономические вопросы социализма в СССР» и даже «Краткий курс истории ВКП(б)»[19]. Но настоящая бомба взорвалась утром 25 февраля, когда съезд провел закрытое заседание, на котором Хрущев произнес свою вторую речь: «О культе личности и его последствиях»[20]. В предыдущих главах эта речь уже неоднократно упоминалась; приводились также соображения, по которым единственный имеющийся

[18] «XX съезд», т. I, стр. 111-118, 34-41.
[19] Там же, стр. 302 и 303, 322-325.
[20] Там же, т. II, стр. 402.

у нас текст, опубликованный Государственным департаментом США, следует считать, в общем, достоверным[21].

В довольно напряженной атмосфере — судя по отчетам корреспондентов иностранных коммунистических газет в Москве — Хрущев драматически сорвал завесу, до тех пор удобно скрывавшую сталинский террор. С откровенностью, давно уже исчезнувшей из партийной жизни, он обрисовал конфликт Ленина со Сталиным к концу его жизни и рассказал давно забытую историю ленинского «Завещания». Он описал, приводя факты и цифры, период ежовщины, погромов среди рядовых и руководящих членов партии, которых пытками вынуждали признаться в несовершенных преступлениях. Всего Хрущев не рассказал: не реабилитировал он, например, Троцкого и Бухарина; не говорил и о массовом истреблении крестьян под предлогом борьбы против «кулаков»; не сказал ни слова о той роли, какую играли он сам и те из его коллег, кто вышел живым и невредимым из сталинского побоища.

И все же эта секретная речь, вскоре ставшая широко известной (текст ее был доведен до сведения членов партии в стране и некоторых коммунистов за границей) произвела огромный эффект. Правда, с точки зрения людей за пределами коммунистического мира, пристально следивших за коммунизмом, она содержала мало такого, что им не было уже известно, хотя бы по рассказам многочисленных беженцев из Советского Союза. Но что касается коммунистов, считавших такие рассказы клеветническими измышлениями, официальное подтверждение этих отчетов на время подорвало их доверие к вождям. Много людей вышло из отдельных компартий. В двух восточно-европейских странах — Польше и Венгрии эти разоблачения зажгли и раздули пламя возмущения против жестокости их собственных коммунистических правителей. Можно сказать, что примирение

[21] См. выше, прим. 23 на стр. 547.

СССР с Югославией и публичные заявления Хрущева на XX съезде насчет различных путей к социализму способствовали росту надежд среди некоторых коммунистов в Восточной Европе на то, что они смогут заменить наиболее ненавистных, навязанных Москвой правителей другими людьми, избранными внутри их стран. В Венгрии эти надежды привели в октябре 1956 года к всенародному восстанию рабочих и студентов; Советская Армия подавила восстание силой оружия. В Польше был достигнут неустойчивый компромисс благодаря согласию СССР на значительные реформы строя и на устранение наиболее ненавистных коммунистических заправил, в том числе бывшего советского маршала Рокоссовского. Не будет преувеличением сказать, что к октябрю 1956 года коммунистическому блоку угрожал распад.

Легко понять, что эта величайшая угроза, перед которой когда-либо стоял коммунистический строй после Кронштадтского восстания 1921 года, вложила мощное оружие в руки противников Хрущева; они могли теперь утверждать с некоторым основанием, что своими разоблачениями на XX съезде он поставил весь строй под угрозу. Радикальная экономическая реорганизация в мае 1957 года — а она тоже восстановила против него влиятельные слои советского общества — последовала сразу же за шоком, вызванным восстаниями в Венгрии и Польше. Неудивительно поэтому, что решающая схватка между Хрущевым и его противниками в Президиуме произошла именно в июне 1957 года. Хрущеву, оказавшемуся в меньшинстве в Президиуме и стоявшему перед угрозой вывода из Секретариата, удалось созвать чрезвычайный пленум ЦК, где он мог рассчитывать на достаточную поддержку. Ряд отчетов дают основание предполагать, что важную роль в этом кризисе сыграл Министр обороны маршал Жуков, который не только обеспечил транспорт для доставки членов ЦК в Москву, но и продемонстрировал мощь армии.

29 июня 1957 года было опубликовано постановление,

где говорилось, что «антипартийная группа» Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова пыталась произвести изменения в составе руководящих органов партии путем «антипартийных, раскольнических методов» (это, вероятно, означало их попытку добиться устранения Хрущева), что участники группы расходились с партией по ряду вопросов, в том числе об экономической реорганизации, о сельскохозяйственной политике и о примирении с Югославией, и что они были исключены из ЦК (и тем самым автоматически — из Президиума) единогласным решением ЦК на пленуме в составе его членов, кандидатов и членов Центральной ревизионной комиссии[22] при одном воздержавшемся — Молотове[23]. Но так как сами противники — Маленков, Каганович и Молотов не получили возможности высказать публично свою точку зрения (вероятно, им было разрешено высказаться на пленуме ЦК), то нельзя с уверенностью сказать, вызвали ли кризис они (как говорилось в официальном сообщении) или его создал Хрущев для того, чтобы положить конец политическому влиянию противников, получивших теперь волею событий мощный козырь против него. До июня 1957 года все три главных противника Хрущева были членами Президиума. В том составе, в каком он был избран на XX съезде (с последующими пополнениями), Президиум включал, помимо самого Хрущева, также Булганина, Ворошилова, Кириченко, Первухина, Микояна, Сабурова и Суслова. Таким образом, из одиннадцати членов в июне 1957 года пятеро — Маленков, Каганович, Молотов и оба плановика Сабуров и Первухин почти наверняка го-

[22] Этот, в общем, почетный орган ответствен за ревизию прохождения дел в центральном аппарате партии и кассы ЦК. См. «КПСС в рез.», т. 3, стр. 587.

[23] СПР, 1957, стр. 121-126. Новый свет был пролит на эти события рядом речей на пленуме ЦК в конце декабря 1958 г., отчет о котором опубликован — см. прим. 13 на стр. 770, а также на XXI чрезвычайном съезде партии в январе 1959 г.

лосовали против Хрущева, и требовался только один голос — голос Булганина, чтобы свергнуть Хрущева. У Хрущева было, по крайней мере, четверо сторонников среди семи кандидатов в члены, но неясно, имеет ли право кандидат голосовать иначе, как в отсутствие кого-либо из членов. Справившись с июньской атакой или, может быть, успешно спровоцировав ее, Хрущев получил возможность укрепить свою базу в Президиуме, который после июня 1957 года состоял из пятнадцати членов. Маршал Жуков, ставший теперь Министром обороны, был одним из новых членов Президиума (до тех пор он был только кандидатом); в Президиум ввели также остальных пятерых кандидатов, за исключением попавшего в опалу Шепилова.

Энергия Хрущева, настойчиво продвигавшего своих сторонников в кандидаты в члены Президиума, теперь себя оправдала: из пятнадцати членов шестеро, помимо него самого, были секретарями ЦК, то есть его непосредственными подчиненными в повседневном управлении партийным режимом[24]. К концу года произошло еще одно изменение. Возник конфликт с Жуковым. В официальном сообщении говорилось о безразличии Жукова к политическому обучению в армии; более вероятно, его отставка объясняется чутким инстинктом Хрущева — инстинктом диктатора, побуждавшим его устранять даже потенциального соперника, имевшего в своем распоряжении вооруженные силы. Ведь Жуков в истекшие годы неизменно поддерживал Хрущева в его борьбе против всех противников, в результате чего он усиливал свой политический вес. Теперь Жуков был внезапно снят со своего военного поста, осыпан бранью и исключен из ЦК. Преемником Жукова в качестве Министра обороны стал человек, тесно сотрудничавший с Хрущевым во время

[24] Членами Президиума были Аристов, Беляев, Брежнев, (все трое — секретари), Булганин, Ворошилов, Жуков, Игнатов, Кириченко, Ф. Р. Козлов, Куусинен (секретарь), Микоян, Суслов (секретарь), Фурцева (секретарь), Хрущев (секретарь) и Шверник.

войны[25]. В Президиуме Жукова сменил узбек Мухитдинов, двое других членов Президиума были назначены секретарями ЦК, а одного из секретарей — Беляева перевели в Казахстан[26].

Поэтому положение в Президиуме в декабре 1957 года сложилось следующим образом: из пятнадцати его членов девять (или десять, если Беляев все еще работал какое-то время в Москве) были также секретарями ЦК с полной нагрузкой. Из остальных пяти членов трое были людьми слабыми и незначительными (Булганин, Шверник, Ворошилов), а двое (Ф. Р. Козлов и Микоян) могли считаться надежными сторонниками Хрущева. Плановики были теперь представлены, в лучшем случае, только одним кандидатом — Первухиным, по старшинству последним из восьми кандидатов, да и он планированием больше не занимался. Контраст по сравнению с Президиумом, избранным в марте 1953 года, где единственным представителем центрального аппарата партии был Хрущев, а плановики представлены двумя членами, оказался поистине разительным. Конечно, эти изменения означали личный триумф Хрущева, который таким образом обеспечил себе верное большинство во всех критических положениях: подчиненные секретари, обязанные Хрущеву судьбой и карьерой, вряд ли стали бы ему возражать. Но еще важнее было полное восстановление авторитета партии по отношению к правительственному аппарату. Ведь девять секретарей, вероятно, заседали ежедневно — такова была традиция, установленная в 20-х годах — и координировали деятельность административных отделов ЦК, управлявших всей страной. Они имели теперь возможность верховодить Президиумом в вопросах политического курса. Правительственный аппарат был в значительной степени ослаблен в результате реорганизации промышленности.

[25] Маршал Малиновский, один из трех членов Военсовета Сталинградского фронта.

[26] Его освобождение от обязанностей секретаря ЦК было оглашено только 12 ноября 1958 г.

И все же несколько месяцев спустя Хрущев присоединил должность Председателя Совета Министров к должности Первого секретаря, завершив таким образом победу своего партийного аппарата и свою личную. Не будет преувеличением сказать, что в течение пяти лет он создал, возможно, самую крепкую и надежную базу для увековечения власти, какую только мог пожелать себе любой партийный заправила. И тем не менее, всего через шесть лет Хрущев внезапно лишился власти и был низведен до того самого положения живого трупа, которое он сам изобрел для своих побежденных политических противников.

* * *

Шесть лет с небольшим — от того времени, когда Хрущев закрепил свою власть над государством, до его падения — представляют собой в некоторых отношениях самую колоритную эпоху во всей истории партии. Он успешно обезвредил своих открытых противников, в число которых входили лица, первоначально обозначенные как «антипартийная группа», — Маленков, Молотов, Каганович и Шепилов, и те, чья поддержка этой «группы» стала очевидной только впоследствии, — Первухин, Сабуров, Ворошилов и Булганин. Но опасность в конечном итоге возникла в совсем неожиданном месте — она исходила от его собственных друзей, если можно говорить о друзьях в джунглях тоталитарного общества. Личность Хрущева — этого примечательного, хотя и эксцентричного человека, находила все более яркое отражение в его политике. Самоуверенность, питавшаяся сознанием прочной власти над аппаратом вплоть до самого момента падения, мешала Хрущеву видеть опасения и недовольство, которые накапливались у его ближайших сотрудников. Политика Хрущева создавала ему врагов во многих слоях общества. Он восстановил против себя органы безопасности, урезав их почти неограниченные полномочия и разоблачив их кровавое прошлое. Около половины всех секретарей обкомов было

смещено между январем 1960 и октябрем 1961 года, причем партийный аппарат был недоволен ущемлением своего авторитета в результате открытой критики Сталина после 1956 года. Попытка Хрущева разделить местные партийные комитеты в конце 1962 года на промышленные и сельскохозяйственные обозлила многих затронутых этой реформой первых секретарей, у которых вдруг отняли половину власти. Реформа управления сельским хозяйством в том же году вынудила тысячи секретарей райкомов искать другого заработка, а образование в 1963 году нового Комитета партийно-государственного контроля под руководством бывшего председателя КГБ Шелепина вызвало опасения, что партийные работники вскоре окажутся под еще более строгим дисциплинарным надзором. (Эти мероприятия рассматриваются в следующей главе.) Помимо всего прочего, партийный аппарат был вряд ли благодарен Хрущеву за восстановление в партии какого-то подобия организационной жизни: как ни робки были первые побеги демократии в партии — к тому же на самом низшем уровне, — сомнительно, чтоб их могли приветствовать бюрократы, издавна привыкшие к беспрекословному выполнению директив. Кроме того, хотя Хрущев непрестанно настаивал на том, чтобы партийные секретари сохраняли полную власть над всеми сторонами жизни страны, он требовал многого в смысле результатов. Наказания за неудачи были внезапны и непредсказуемы — и нередко, по-видимому, основывались на скороспелых и субъективных суждениях. Без всяких колебаний он заставлял своих подчиненных расплачиваться за неудачи своего собственного курса, часто совершенно невыполнимого. Что касается замученного аппаратчика, то ему могло задним числом казаться, что жизнь даже в сталинские времена была более надежной (за исключением лет террора), чем во времена хрущевские. Период правления Хрущева усеян политическими трупами высокопоставленных работников, попавших в опалу, внезапно и без какой-либо очевидной причины; назову хотя бы Беляева, Мухитдинова, Спиридонова, Щербицкого и Козлова.

Хрущев не мог не знать, что наживает себе врагов в аппарате партии и органов безопасности. Но, вероятно, он полагал, что, пока вожжи управления аппаратом остаются в его руках (а они оставались в его руках до самого конца), эта враждебность большой опасности не представляет. Ведь партия находилась под жестким контролем сверху с самого ее возникновения, и особенно после пришествия Сталина. Не предвидел запальчивый Первый секретарь того, что его политические акции вынудят ближайших сотрудников в Президиуме ЦК сговориться с аппаратом в целях его свержения. Вряд ли сердца людей (Брежнева, Косыгина, Подгорного, Суслова, Шелепина и прочих), сговорившихся свергнуть Хрущева, обливались кровью от жалости к бедственному положению партийных аппаратчиков или работников госбезопасности. Но им достаточно претили хрущевские политические приемы, чтобы побудить их пойти на риск заговора. Некоторые аспекты хрущевской политики явно вызывали опасения и даже антагонизм среди его ближайших коллег; это легко можно заключить по данным, имевшимся в то время, но еще легче — по тем политическим шагам, которые предприняли его преемники, как только власть оказалась в их руках.

Первым таким аспектом было осуждение Сталина, начало которому положил Хрущев на XX съезде в 1956 году. Как подтвердил Хрущев пятью годами позже, он столкнулся с оппозицией этому курсу со стороны некоторых коллег — Молотова, Кагановича, Маленкова, Ворошилова «и других»[27]. И это действительно было операцией, связанной с риском, так как она неизбежно поднимала вопрос о сообщничестве нынешних руководителей в сталинских злодеяниях, в том числе и самого Хрущева. Кроме того, одним из последствий осуждения «культа личности» было открытие шлюзов для критической переоценки прошлого — в историографии,

[27] «XXII съезд», т. II, стр. 583.

в литературе и в мемуарах. Перепуганные аппаратчики по своему долгому опыту знали только одно — полицейское государство. Историография и литература годами (под личиной «социалистического реализма») тщательно избегали даже замаскированных намеков на страшную реальность. Так же, как и жадные читатели новых, волнующих книг и статей, аппаратчики понимали, что в большинстве случаев в осуждении прошлого содержится и обличение настоящего. Остановить этот поток было слишком поздно; но, во всяком случае, они хотели держать паводок под контролем. В особенности они опасались — и не без основания, — что будет сделана попытка наказать то ли путем исключения из партии, то ли, что еще хуже, путем уголовных процессов тех, кто помогал уничтожать невинные жертвы. По их мнению, такая попытка положила бы начало событиям и действиям, конца которых никто не мог бы предугадать.

Настойчивость Хрущева, заставившего коллег по партии признать правду (неполную правду, конечно), может быть объяснена как ход в политической игре против его главного соперника — Маленкова. Ведь Маленков был лично связан со страшным террором 1936-1938 года в большей степени, чем Хрущев (последний, впрочем, тоже «отличался» на Украине). И все же Хрущеву следует воздать должное за первую попытку внести какой-то элемент принципиальности в советский политический мир; справедливо будет также напомнить, что именно настойчивость антисталинских выпадов Хрущева способствовала в известной мере его последующему падению.

Вопрос о сталинщине вновь всплыл на XXII съезде партии, проходившем в Москве с 17 по 31 октября 1961 года. К великому удивлению сторонних наблюдателей, вопрос о вине и о возмездии за сталинские преступления стал главной темой прений. Съезд решил удалить набальзамированное тело Сталина из мавзолея, где оно лежало рядом с Лениным. По отношению к живым съезд оказался более милостивым. Он отказался последовать инициативе Хрущева и наложить партийные взыскания, не говоря уже об уголовных наказаниях,

на тех, кто был изобличен в соучастии в сталинских злодеяниях. Ведь точка зрения Хрущева и некоторых его сторонников по вопросу о наказаниях явно расходились с мнением тех, кто отказывался заходить далеко в этом опасном и важном пункте[28].

Было бы наивным считать Хрущева «либеральным» политиком из-за его отношения к сталинской кровавой бане. Хрущев оставался тем, чем он всегда был — своевольным и капризным правителем. Репрессии против православной церкви и религии вообще заметно усилились при его правлении; и хотя писателям не приходилось идти под суд за правдивые сочинения (как это случилось при преемниках Хрущева), они иногда рисковали тем, что психиатры из КГБ могли объявить их сумасшедшими или что их сошлют в административном порядке по обвинению в «тунеядстве»; во всяком случае, против писателей постоянно допускались грубые выпады со стороны Первого секретаря. Точно так же, не будучи «либералом» в своей внешней политике, Хрущев, по-видимому, настолько встревожил своих коллег, что они повернули курс на 180°, как только его свергли. Возможно, однако, что их опасения вызывались скорее импульсивными и своевольными приемами Хрущева, чем самим содержанием его политики. В 1962 году, например, была сделана необдуманная попытка разместить наступательные ракеты на Кубе. За этим последовало вынужденное отступление: уловка Хрущева была разгадана, его блеф выведен на чистую воду. Вряд ли этот эпизод способствовал усилению престижа Советского Союза. Но по мере того как приближался час его падения, Хрущев, по-видимому, начал нарушать два основных принципа советской внешней политики ядерной эры — принцип поддержки «освободительных

[28] Тщательный анализ прений на съезде см. у Michel Tatu, *Power in the Kremlin: From Khrushchev's Decline to Collective Leadership,* London, 1969, стр. 141-164.

войн» и принцип сопротивления «экспорту контрреволюции» и сохранения единства социалистического лагеря. Так, Хрущев явно старался отделаться от всех обязательств в юго-восточной Азии, включая Вьетнам; за границу просочились и намеки насчет того, что он не прочь начать переговоры о будущем расколотой надвое Германии. Это очевидное стремление Хрущева отделаться от обязательств в менее важных районах было, вероятно, вызвано углублением разрыва с Китаем; первое публичное признание этого факта прозвучало на XXII съезде в 1961 году в форме нападок на Албанию, ставшую сателлитом Китая. В январе 1960 года вполне созвучно с этим Хрущев сформулировал новую военную политику: значительное сокращение численности вооруженных сил и больший упор на современную военную технику, включая ядерное оружие. Но эта политика вызывала серьезное недовольство в армии и оказалась невыполнимой. Несовместимо было сокращение обычных видов вооружения с растущей потенциальной китайской угрозой «спорным районам» на советско-китайской границе. Военные руководители во главе с маршалом Жуковым спасли Хрущева в июне 1957 года; более чем вероятно, что они наблюдали за его падением в октябре 1964 года без всякого сожаления.

Хрущев вошел в конфликт и с людьми, ответственными за планирование и управление плановым хозяйством; их задачи усложнялись по мере того, как все больше учитывались запросы потребителей. Роль хозяина, которую Хрущев предлагал играть партийному аппарату как в этой, так и в других областях, была недостижимой ввиду высокотехнического характера современных методов планирования. Но политика партийного диктата нашла свое отражение в 1961 году в новой программе партии[29]; она становилась все более ощутимой на практике в последующие годы. Хрущев настаивал на том, чтобы этот метод управления был усовершен-

[29] Программа рассматривается в следующей главе.

ствован путем технического обучения аппаратчиков. Но на деле технические знания, на приобретение и использование которых мог надеяться аппаратчик с полной партийной нагрузкой, оставались недостаточными по сравнению с профессиональным опытом инженера, ученого, директора предприятия, плановика или экономиста. Поэтому конфликт был неизбежен.

Плановики, однако, отстояли свои позиции; в результате в начале 1963 года сформировалась структура управления промышленностью, очень отличавшаяся от той, которая была объявлена (было бы нереалистично сказать «предложена») Хрущевым на пленуме ЦК в ноябре 1962 года. В марте 1963 года появился совершенно новый орган с абсолютными полномочиями по отношению ко всем без исключения отраслям промышленности. На пленуме в ноябре 1962 года этот сверхорган еще не упоминался. Речь идет о Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ). Во главе его стоял Д. Ф. Устинов, ставший теперь первым заместителем Председателя Совета Министров наряду с Микояном и Косыгиным. На протяжении всей своей карьеры Устинов был связан с Косыгиным. Не приходится сомневаться, что ВСНХ создали вопреки воле Хрущева. Устинов не был избран в Президиум на пленуме в июне 1963 года, и Хрущев однажды публично оскорбил его. Кроме того, факт незамедлительного роспуска ВСНХ после падения Хрущева дает основания думать, что этот орган был задуман Косыгиным и Устиновым в качестве противовеса партийному аппарату и что в условиях коллективного руководства в нем больше не было нужды. Можно указать и на другие значительные разрывы между официальными намерениями Хрущева и характером того механизма, который в конечном итоге сложился. В частности, поменялись ролями главные экономические органы. Хрущев задумал Совет народного хозяйства СССР (это было просто новым названием Госплана) для руководства текущим планированием, а преобразованному Госплану оставлял перспективное планирование. В действительности же новый Госплан взял

на себя все планирование, в то время как на долю Совета народного хозяйства СССР выпал только надзор за выполнением плана.

Но, быть может, самой побудительной причиной устранения Хрущева были для его коллег по Президиуму присущие ему методы руководства. После смерти Сталина много говорилось о «коллективном руководстве», которое на практике все больше сходило на нет. Рост влияния Хрущева после 1958 года, когда он совместил в своем лице обязанности Председателя Совета Министров с обязанностями Первого секретаря ЦК, уже сам по себе шел вразрез с осуждением «культа личности» после 1956 года. После 1958 года во все возрастающей степени проявилось пренебрежение Хрущева к коллегам; как во внутренних, так и во внешнеполитических делах он часто ставил их перед свершившимся фактом. Хрущеву не всегда удавалось осуществлять свои замыслы, а некоторые из осуществленных замыслов, особенно в области сельского хозяйства, где он пытался руководить почти единолично, кончались позорными неудачами. Его коллеги, многие из которых едва избежали опасности нового сталинского террора в 1953 году, естественно, боялись, что опять могут оказаться под ударом, если Хрущев останется у руля и станет единоличным диктатором. Его падение произошло совершенно внезапно; оно явилось неожиданностью для большинства внешних наблюдателей и для самого Хрущева. Детали его устранения неизвестны. О замене Хрущева на посту Первого секретаря ЦК Брежневым было объявлено 15 октября, а о его замене Косыгиным по линии Совета Министров — на следующий день. Фактически отстранение Хрущева, вероятно, имело место 13 или 14 октября. Хрущеву так и не было позволено сделать публичного заявления в ходе прений; не был опубликован и отчет о том, что̀ именно произошло в ЦК. Нельзя даже с уверенностью сказать, присутствовал ли он на пленуме ЦК — он мог уже находиться под домашним арестом. Но два факта можно утверждать определенно. Во-первых, к тому времени, как собрался ЦК, Хрущев был

уже устранен; события июня 1957 года, когда Хрущев одолел своих противников, обратившись в ЦК, были еще свежи в памяти. Во-вторых, некую важную роль в этом деле сыграл КГБ: избрание А. Н. Шелепина в члены Президиума в ноябре 1964 года (до этого он даже не был кандидатом в члены) ясно об этом свидетельствует. Ведь Шелепин был председателем КГБ с 1958 по 1961 год и продолжал сохранять значительное влияние в этом органе через своего преемника В. Е. Семичастного[30].

* * *

Самая парадоксальная сторона падения Хрущева состоит в том, что оно произошло в тот период, когда он, по всей видимости, сосредоточил в своих руках полную власть над партией. Важность расстановки людей в качестве показателя относительной власти и влияния руководителей неоднократно выявлялась в ходе нашего повествования. Существуют весьма строгие, хотя и секретные, правила назначения партийных и других ответственных работников на всех уровнях. Эти правила отражены в списках, называемых номенклатурой; в номенклатуру входят лица, чье согласие необходимо для назначения любого нового работника на соответствующем уровне. Секретность, которой окружается партийная номенклатура, объясняется тем фактом, что значительное большинство номенклатурных должностей в партии являются в теории выборными. Однако некоторые основные принципы, относящиеся к высоким должностям, могут быть выведены из практики; кроме того, описание номенклатуры наиболее важных партийных должностей сделано бывшими ответственными работниками партии[31]. Так, например, пленум

[30] Лучшая сводка всего материала о падении Хрущева и анализ его причин см. в статье Peter Reddaway, *The Fall of Khrushchev*, Survey, № 56, июль 1965.

[31] См. А. И. Лебедь, «Подготовка и распределение руководящих кадров СССР», The Bulletin of the Institute for the Study of the USSR, № 3 (189), Мюнхен, 1969, стр. 100-117 (на правах рукописи).

ЦК должен дать свое согласие на назначение секретарей ЦК — на практике это означает предварительное решение в Президиуме; Секретариат должен санкционировать назначение заведующих отделами ЦК, помимо других важных назначений в партийном аппарате; а заведующие отделами ЦК обладают полномочиями утверждать весьма широкий круг должностей — так, например, Административный отдел утверждает работников органов безопасности. Таким образом, человек, способный оказывать влияние на назначение секретарей ЦК, в свою очередь ведающих важными отделами, может контролировать огромную часть партийного аппарата. Конечно, это только деталь общей картины, так как Президиум, Секретариат и заведующие отделами тоже принимают участие в назначениях людей на различные руководящие посты. Исходя из дат выдвижения или понижения, связей в прошлом или географии служебной карьеры, обычно легко установить вероятную вассальную зависимость того или иного работника от отдельных членов Президиума или секретарей ЦК. Полезно поэтому проследить, как меняются назначения: даже с поправкой на возможные ошибки это позволяет определять, растет или снижается влияние отдельных руководителей партии с течением времени.

Этот метод бросает особенно яркий свет на период хрущевского правления. Он показывает, без всякого сомнения, доминирующее положение Хрущева в расстановке кадров. К моменту своего падения Хрущев был единственным членом Президиума, выполнявшим несколько функций: Первый секретарь ЦК партии, Председатель Совета Министров СССР, Председатель Президиума ЦК, председатель Бюро ЦК по РСФСР и Главнокомандующий вооруженными силами. Из 175 членов ЦК 73 входили в партийный аппарат и прямо или косвенно утверждались Хрущевым; 14 членов ЦК были военными, связанными с Хрущевым «фронтовой дружбой»; еще 12 членов — люди, лично с ним связанные, вроде его зятя и чиновника по особым поручениям Аджубея. Между тем для принятия самых важных решений

— например, для исключения работника из ЦК КПСС — требовалось большинство в две трети на пленуме. Значит, Хрущев нуждался всего-навсего в 19 добавочных голосах из числа сотрудников государственного аппарата, ученых и дипломатов. Набрать эти 19 голосов было задачей не слишком трудной.

Изучение списка членов Президиума, избранных 31 октября 1961 года[32] (с учетом весьма немногих изменений, произведенных в течение последующих трех лет), не дает оснований предполагать, что Хрущеву когда-либо грозил риск остаться в меньшинстве. Никто в то время не мог предвидеть, однако, что ряд его ближайших сотрудников и даже фаворитов (среди них: Брежнев, Косыгин, Подгорный и Полянский) решат выступить против него.

Изучение перемен в Секретариате в течение четырех с половиной лет хрущевского правления выявляет интересный эпизод иного характера — неудавшуюся попытку Хрущева назначить себе преемника. В наследники был намечен Ф. Р. Козлов, которого Хрущев, действительно, неоднократно называл своим преемником в частных беседах. На пленуме 4 мая 1960 года Козлова назначили секретарем ЦК; одновременно общее число секретарей было урезано — из Секретариата убрали трех человек (или даже четырех, если учесть назначение Брежнева Председателем Президиума Верховного Совета), которые могли бы стать соперниками Козлова[33]. Однако не прошло и полутора лет, как что-то случилось с хрущевским намерением расчистить путь Козлову. Проявил ли Козлов нетерпение, зарясь на пост Первого секретаря, разочаровал ли он Хрущева каким-то иным образом — об этом можно только гадать. К тому же урезанный Секретариат оказался, совершенно очевидно, слишком слабым админи-

[32] См. Приложение III.

[33] См. Приложение VI, где приведены изменения личного состава Секретариата, иллюстрирующие этот эпизод.

стративным механизмом. Как бы то ни было, между октябрем 1961 года и июнем 1963 года было заново назначено не менее десяти новых секретарей — сплошь хрущевцев. (Апоплексический удар, сразивший Козлова, как раз вовремя убрал его со сцены в апреле 1963 года.) Эксперимент с подготовкой преемника не удался; но власть Первого секретаря над Секретариатом казалась неущемленной до самого конца.

Можно предположить, что люди, сбросившие Хрущева, извлекли урок из своего собственного успеха — урок, в соответствии с которым традиционная система заполнения ключевых позиций сторонниками, друзьями и сообщниками сама по себе не является прочной основой для сохранения верховной власти. Сейчас преждевременно давать оценку первых лет после падения Хрущева, хотя некоторые соображения о возможных сдвигах в будущем приводятся в эпилоге этой книги. Новые руководители сразу же отменили почти все, сделанное Хрущевым. Его сложная реконструкция партии была отменена, а новая система управления промышленностью при помощи местных Совнархозов заменена более традиционной иерархией центральных правительственных органов и подчиненной им администрацией. Произошли также изменения во внутренней и внешней политике. Тенденция «лицом к потребителю», проявлявшаяся со времени смерти Сталина, не претерпела серьезных изменений. Больше того, в 1965 году было кое-что сделано для претворения в жизнь планов, обсуждавшихся еще при Хрущеве и связанных с именем проф. Либермана, относительно предоставления большей плановой инициативы отдельным предприятиям и большей зависимости цен и прибылей от производительности и выполнения заказов потребителей. Последующий ход событий показал, однако, что навыки сверхцентрализации остались серьезным препятствием на пути к полному и успешному осуществлению этих новых экспериментов.

В других аспектах хрущевское воздействие на курс партии и даже на идеологию было сведено на нет. Ко време-

ни открытия XXIII съезда партии в конце марта 1966 года программа 1961 года[34] уже была мертвой буквой. Вскоре выяснилось также, что приходит конец критике Сталина. На празднествах по случаю 20-й годовщины победы во Второй мировой войне упоминание гениальности Сталина как полководца встречалось овацией, а для тезисов, приготовленных Брежневым в 1967 году к 50-й годовщине Октябрьской революции, использовали принятую теперь формулу, по которой страшные события сталинского периода отметались как «временные неудачи и ошибки». Параллельно с этой «реабилитацией» Сталина шло усиление репрессий против деятелей литературы и культуры. И наконец, хрущевская внешняя политика была вывернута наизнанку, хотя, как и сам Хрущев в Венгрии в 1956 году, Брежнев и Косыгин оказались в 1968 году вынужденными гнаться за ускользавшим от них сателлитом — Чехословакией с помощью танков и войск. Это — постоянный элемент в советской внешней политике. Но практически во всех других областях началась новая, более экспансионистская политика, чем та, которую вел Хрущев: значительная помощь Северному Вьетнаму, увеличение военного и военно-морского бюджета, новая и более солидная поддержка арабских стран в их конфликте с Израилем[35].

Самым важным немедленным изменением было подтверждение принципа «коллективного руководства». Практически оно выразилось в 1964 году в резолюции (принятой ЦК 13 или 14 октября при снятии Хрущева), согласно которой считалось нежелательным, чтобы должность Первого секретаря ЦК и должность Председателя Совета Министров удерживались одним и тем же лицом[36]. И действительно,

[34] Описание программы см. в следующей главе.

[35] Эти вопросы также обсуждаются в следующей главе.

[36] Единственную известную ссылку на эту резолюцию см. у П. А. Родионова в его работе «Коллективность — высший принцип партийного руководства», М., 1967, стр. 219.

в первые годы новый режим был явно намерен строго разделять компетенцию Первого секретаря и Председателя Совета Министров. На обе должности поставили видных политических деятелей — в отличие, например, от положения между 1955 и 1958 годами, когда Председателем Совета Министров был ничтожный Булганин. И это придавало некоторую реальность «коллективному руководству»; решение Президиума (или Политбюро, как этот орган стал называться с 1966 года) предполагало согласие всех его членов или, во всяком случае, ведущих членов; при этом ни один из них не пользовался очевидным превосходством. Например, нет указаний на то, что в первые годы Брежнев был постоянным председателем на заседаниях Политбюро, как Хрущев.

В первые годы «коллективного руководства» больших изменений на верхах не произошло. Головокружительное повышение Шелепина до уровня члена Политбюро уже обсуждалось выше; но вскоре ему пришлось потерпеть неудачу, особенно в 1965 году, когда его Комитет партгосконтроля был ликвидирован, а сам он утратил свой пост в Совете Министров. Несомненно, Брежнев и Косыгин сходились в том, что необходимо помешать третьему — и весьма честолюбивому — руководителю нарушить гармонию их двоевластия. В марте 1965 года Устинов — с запозданием — стал кандидатом в члены Президиума. Напомним, что Д. Ф. Устинов — ведущий специалист в оборонной промышленности, тесно связанный всей карьерой с Косыгиным. Его ввод в «святая святых» можно рассматривать как попытку свести до минимума вмешательство партийного аппарата в сферу промышленности и планирования. Двое хрущевских выдвиженцев — В. Н. Титов и Л. Ф. Ильичев были выведены из Секретариата и в 1965 году сняты с ответственных постов. Ильичев, возглавлявший пропаганду, был заменен П. Н. Демичевым, который стал кандидатом в члены Президиума почти сразу же после падения Хрущева. Быть может, самым интересным событием явилось избрание в июне 1967 года Ю. В. Андропова (незадолго до того заме-

нившего Семичастного на посту председателя КГБ) кандидатом в члены Политбюро. В известном смысле этот шаг символизировал возраставший вес КГБ — после Берии ни один глава органов безопасности не входил в Политбюро. Но его можно толковать и как подтверждение принципа коллективного руководства: вполне возможно, что присутствие главы службы безопасности в Политбюро урезывает личное влияние на эту службу Генерального секретаря (как после XXIII съезда стал именоваться Первый секретарь) через подчиненного ему в Секретариате заведующего Административным отделом ЦК. Время покажет, будет ли коллективное руководство долговечным. Как бы то ни было, оно выдержало шок вторжения в Чехословакию 21 августа 1968 года.

31. ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА. ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА (1953-1966)

В течение первых пяти лет после смерти Сталина состав партии не претерпел коренных изменений. Ее общая численность возросла лишь на 4,8% в период между XIX и XX съездами — с 6.822.145 до 7.215.505 членов и кандидатов[1]. Рост был относительно выше в некоторых республиках, особенно на Украине (15,1%), в Белоруссии (13,3%) и в Казахстане (11%). К январю 1959 года общее количество членов и кандидатов КПСС составляло 8.239.131 человек, что соответствует росту приблизительно на 14%[2]. В некоторых республиках рост шел еще интенсивнее. Так, количество членов партии на Украине с 1956 по 1958 год возросло примерно на 200 тысяч, то есть на 25%. Аналогичные темпы роста отмечались и в некоторых других республиках[3]. Менее удовлетворительно обстояло дело в комсомоле[4].

[1] «XX съезд», т. I, стр. 98.

[2] «XXI съезд», т. I, стр. 259.

[3] Например, в Молдавии — 17%, в Армении — 10%, в Киргизии — 13,5%. Об Украине см. «Партийная жизнь», № 12, 1958, стр. 58-60. Данные по другим республикам, приводимые ниже, заимствованы (если не указываются другие источники) из отчетов о республиканских съездах, напечатанных в русских газетах в столицах соответствующих республик. Данных о численности партии в Прибалтийских республиках в 1958 г. опубликовано не было.

[4] Общее количество членов в 1954 г. — 18.825.327 («Правда» от 1 марта 1954 г.). К этой цифре надо прибавить 10.000.000 вступивших в комсомол

Данных о возрастном составе партии за этот период не много. На Украине, например, в 1958 году почти одну пятую всех членов КПСС составляли люди моложе 30 лет, а свыше одной трети — от 30 до 40 лет; одна пятая состояла из лиц старше 50 лет[5]. (В партию по Уставу принимаются лица, достигшие 18 лет, хотя молодежь до 20 лет включительно вступает в партию лишь через комсомол). Основная масса членов КПСС вступила в партию после начала войны — на Украине, например, в начале 1958 года одна треть всех партийцев имела стаж с 1941 по 1945 год, и около двух пятых было принято в партию после войны[6]. Имеющиеся данные позволяют предположить, что социальный состав партии не претерпел особых изменений между двумя съездами: служащие по-прежнему составляли ее бо́льшую часть. На это указывает и тот факт, что образовательный уровень коммунистов продолжал повышаться. В 1956 году 14,7% всех членов и кандидатов имели высшее или незаконченное высшее образование по сравнению с 11,8% в 1952 году; 22,2% имели среднее образование[7].

между 1954 и 1958 г.г. («Комсомольская правда» от 16 апреля 1958 г.), итого — 28.825.327. Вычесть следует ежегодный отсев в 1 млн. (Эта цифра указана на 1956 г. в «Комсомольской правде» от 25 июля 1957 г.). К 1958 г. цифра должна была составить 24.000.000, с учетом 735.000, перешедших в партию («Комсомольская правда от 16 апреля 1958 г.). Но на деле в 1958 г. численность комсомола составляла только 18.000.000, т.е. отмечался недобор в 6.000.000.

[5] «Партийная жизнь», ук. место.

[6] «Партийная жизнь». По другим республикам данных нет. Rigby, *Thesis*, гл. IV, оценивает стаж в 1954 г. по всей партии следующим образом: 9,3% — до 1933 г., 15% — с 1936 по май 1941 г., 46% — военные годы, остальные (около 30%) — послевоенные годы.

[7] «XX съезд», т. I, стр. 237. К тому времени одна треть всей технической интеллигенции, составлявшей 15.460.000 человек, были партийцами. Иными словами, из общего числа членов партии (7.215.505) 5.150.000 были лицами умственного труда, составляя свыше 70%. См. «Коммунист», № 11, 1958, стр. 62 и 63. На XXI (внеочередном) съезде в январе 1959 г. говорилось, что число членов партии с высшим образованием возросло на 632.993 или на 23,9% после XX съезда. См. «XXI съезд», т. I, стр. 260.

После 1956 года, однако, все более подчеркивалась необходимость привлечения в партию рабочих и колхозников; к 1958 году отмечался уже некоторый сдвиг в этом направлении. На Украине в 1958 году рабочие составляли 22,5% а колхозники — почти 15,5% всех членов партии; рабочие и колхозники составляли будто бы 65% всех принятых в партию в 1957 году. В Молдавии в 1956-57 году 78,3% всех новых членов партии были якобы рабочими и крестьянами. В Азербайджане рабочие и колхозники составляли 60,6% всех вновь принятых членов, в Таджикистане — 49%, в Туркмении — 53,2%[8]. В какой степени нерусским народам удалось увеличить представительство в партии (в тех случаях, когда они все еще оставались несоразмерно слабо представленными) — точно неизвестно. В 1956 году несколько республиканских партий были все еще относительно малочисленными по сравнению с процентом соответствующего населения в составе СССР. Это относится к Среднеазиатским и Прибалтийским республикам, к Украине и Белоруссии[9]. Единственные имеющиеся у нас данные о периоде до 1960 года относительно процента местных коммунистов в какой-либо республиканской партии относятся опять-таки к Украине, где в 1958 году украинцы составляли 60,3%, русские — 28,2% и другие национальности — 11,5%[10].

Больше данных имеется о партийной верхушке — ЦК КПСС, республиканских ЦК и делегатах съездов. Старшие

[8] Данные по Украине взяты из «Партийной жизни», ук. место, по другим республикам — из отчетов о съездах. Мы не знаем, насколько эта тенденция была явлением общим, но на XXI съезде говорилось, что почти две трети принятых в партию являются рабочими и колхозниками. «XXI съезд», т. I, стр. 112.

[9] По СССР в целом численность партии составляла в 1956 г. 3,55% от общего населения. Сравнительные цифры по некоторым республикам: Армения — 4,33%, Грузия — 4,63%, Азербайджан — 3,52%, Киргизия — 2,54%, Узбекистан — 2,6%, Литва — 1,44%, Украина — 2,25%, Белоруссия — 1,8%.

[10] «Партийная жизнь», ук. место. Новые данные по этому вопросу стали доступными позднее. См. ниже.

и опытные члены партии продолжали преобладать в руководстве, и выдвижение молодых партийцев с небольшим стажем было делом медленным, особенно на верхах. Так, 65% делегатов XX съезда вступили в партию до 1941 года и только 13,4% стали членами партии после войны[11]. В партии в целом процент членов с послевоенным стажем был гораздо выше. Кроме того, несмотря на общую молодость партии и на дополнительное «омоложение» после 1952 года, процент пожилых делегатов в 1956 году повысился по сравнению с 1952 годом — около 79% из них были старше 40 лет по сравнению с 76,4% в 1952 году[12]. На республиканских съездах, однако, пожилые группы преобладали менее явно[13].

Закрепление более пожилых и опытных членов КПСС на важных постах представляется еще более определенным явлением при изучении верховного руководства партии — Президиума ЦК. Анализ биографий тех десяти членов Президиума, которые к декабрю 1957 года оказались подлинными властителями страны, а именно десяти секретарей ЦК во главе с Первым секретарем, показывает преобладание среди них лиц, названных нами выше неосталинцами, то есть людей, выдвинувшихся при Сталине и с его помощью. Из этих десяти одного — Куусинена, семидесятишестилетнего старика, можно, вероятно, оставить в стороне, поскольку его

[11] «XX съезд», т. I, стр. 238 (На XIX съезде 80% всех делегатов имели стаж до 1941 г.).

[12] «XX съезд», т. I, стр. 238; *Current Soviet Policies*, II, стр. 94. На XXI (внеочередном) съезде в январе 1959 г. 78,8% делегатов с решающим голосом были старше 40 лет. Но, несмотря на этот повышавшийся средний возраст делегатов, число новых людей в партийной элите возросло: 21,1% делегатов с решающим голосом вошли в партию после войны, и только 57,7% имели довоенный стаж, «XXI съезд», т. I, стр. 261.

[13] В 1958 г. на съезде КП Литвы почти 50% делегатов были моложе 40 лет, а 32% были в возрасте от 41 до 50 лет. На съезде в Молдавии пропорции были почти те же. На киргизском и таджикском съездах возраст был несколько выше.

умственные способности не давали оснований видеть в нем «серого кардинала» партии. Шестидесятитрехлетний Первый секретарь с партийным стажем до 1918 года, член ЦК с 1934 года, был типичным неосталинцем.

Из остальных восьми двое — узбек Мухитдинов и первая женщина в Президиуме Фурцева представляли молодое поколение. Мухитдинов, которому в 1957 году исполнилось сорок лет, вступил в партию только в 1942 году. Фурцева старше его на семь лет и член партии с 1930 года; она начала быстро выдвигаться в московской партийной организации в 1950 году, после возвращения Хрущева в Москву. Остальные шестеро — люди старше 50 лет, вступившие в партию между 1921 и 1930 годом и поднявшиеся к руководству после и в результате террора 1937-1938 годов. Это были «сливки» того полумиллиона партийцев, выдвижением которых после ежовщины бахвалился Сталин. Все они были людьми, прошедшими суровую школу; они научились беспрекословному повиновению, дисциплине и безжалостности во имя сохранения своей власти. Все десять были крестьянского и рабочего происхождения[14]. Под энергичным руководством Первого секретаря они нейтрализовали влияние лидеров старшего поколения — Кагановича и Молотова и «прочесали» поколение неосталинцев, к которому сами принадлежали. Для людей их возраста Ленин, революция и Гражданская война были не больше чем легендой. Но они не представляли и того поколения, которое знало о коллективизации и терроре лишь понаслышке и потому не несло за них личной ответственности.

Опубликованные данные о национальном составе делегатов на республиканских съездах дают основания думать, что русские коммунисты все еще сохраняли доминирующее положение. Если взять, например, несколько республикан-

[14] Биографические детали основаны на статьях в «Политическом словаре», 2-е изд. под ред. Б. Н. Пономарева, М., 1958.

ских съездов в 1958 году, то в Литве литовцы составляли 79%, а русские — 15%; на киргизском съезде русские делегаты составляли 29,3% по сравнению с 50,7% киргизов, а на туркменском съезде — 26% по сравнению с 62% туркменов (остальные в каждом случае являлись представителями других национальностей). Как всегда, процент русских в руководстве кавказских партий был очень незначителен. Судя только по фамилиям (критерий — не абсолютно достоверный), доля русских в ЦК партий трех Прибалтийских республик и в республиках Средней Азии составляла около одной трети в 1954 и в 1956 году. В Казахстане же, где русское население весьма многочисленно, доля русских и украинцев в ЦК составляла почти две трети. Однако в ЦК КП Казахстана, избранном в 1958 году, процент русских заметно сократился: возможно, это отражало новую тенденцию. Но, за исключением Украины и Кавказских республик, русские продолжали занимать определенные ключевые позиции — в частности, посты председателей КГБ и либо первого, либо второго секретаря ЦК[15].

Какое-то представление о текучести руководящих партийных кадров можно получить, анализируя состав Центральных Комитетов. Так, всесоюзный ЦК, избранный в 1956 году, обновил треть своих членов и больше половины кандидатов в члены. Около одной трети членов и кандидатов, избранных в 1952 году, бесследно исчезло. Республиканские Центральные Комитеты избирались после 1952 года каждые два года. Сравнение составов республиканских ЦК, избранных в 1956 и 1958 году, показывает, что переизбрано было между одной пятой и одной четвертью их членов. Текучесть кадров, по-видимому, оставалась значительной на низших уровнях; это видно из того, что ЦК осудил годовую

[15] На ключевые позиции русские назначаются иногда даже в кавказских партиях.

смену (26%) партийных секретарей в одной из областей, назвав ее «большой и необоснованной»[16].

XX съезд снабдил делегатов некоторой информацией о денежных средствах партии. Денежные средства партии, по Уставу, составляются из членских взносов, доходов от партийных предприятий и неуточненных «других поступлений»[17]. В 1956 году в результате уменьшения поступлений от взносов, удельный вес этого источника в общем доходе партии сократился с 85% до 73%. В противоположность этому, доходы от издательской деятельности партии, то есть от «предприятий», упомянутых в Уставе, значительно возросли. Из неуточненных «других источников» доходов практически не поступало (0,7% общего дохода). Ввиду уменьшения поступлений от членских взносов было предложено, с одной стороны, расширить издательскую деятельность, а с другой — сократить постоянные штаты партийных организаций; штат аппарата ЦК будто бы был сокращен на 24,7%[18]. Финансовых отчетов после революции партия не публиковала. Формально финансы партии подлежат контролю Центральной ревизионной комиссии, избираемой вместе с членами и кандидатами в члены ЦК на съездах. На практике эффективный контроль находится в руках Административного отдела Секретариата ЦК. Однако ответственность за составление бюджета партии, в рамках которого устанавливаются ассигнования местным партийным организациям из фонда, контролируемого центральными органами, вверена Министру финансов.

[16] «Партийная жизнь», № 9, май 1956, стр. 78. Неясно, какой процент сменяемости считается нормальным — может быть, 20%. Текучесть среди секретарей первичных организаций была гораздо бо́льшей на самом низком уровне, чем на более высоком — городском и районном.

[17] «КПСС в рез.», т. 3, стр. 395.

[18] «XX съезд», т. I, стр. 121-125. Взносы были установлены в 1952 г. по шкале, колебавшейся от 3% для лиц с доходом, превышавшим 500 р. в месяц, до 0,2% для лиц с доходом менее 100 р. в месяц.

Статистические данные о членском составе партии, опубликованные на протяжении 60-х годов, дают возможность описать ее состав за период между XX съездом в 1956 году и XXIII съездом в 1966 году. Хотя в 1961 году Хрущев предостерегал против излишне быстрого набора новых членов, темп роста партии фактически замедлился только после его падения. К 1965 году личный состав партии возрос с 7.843.196 в 1958 году до 11.758.169, то есть в среднем увеличивался приблизительно на 560.000 в год. Двумя годами позже, к 1 января 1967 года, общее число членов достигло 12.864.133 — ежегодный прирост в 460.000[19]. Были и другие признаки, указывавшие на то, что набор в партию проводился теперь более осторожно. По-видимому, принадлежность к партии была ныне связана с более строгими условиями; так, процент исключений в 1966 году больше чем вдвое превысил процент 1964 года; в том же 1966 году меньше половины всех кандидатов были переведены в члены (по сравнению с 1964 годом)[20]; некоторые упоминаемые ниже изменения Устава также имели своей целью ограничение численности КПСС.

Партия оставалась молодой и мужской по своему составу; весьма незначительное повышение процента коммунистов-женщин между 1957 и 1967 годом (с 19,7% до 20,9%), возможно, отражает некоторое улучшение шансов женщин на прием в партию, вызванное нормализацией статистического соотношения между мужским и женским населением в целом[21]. В 1967 году более половины всех членов партии были людьми моложе сорока лет, причем 5% — в возрасте 25 лет и моложе, 46,5% — от 26 до 40 лет, 25,6% — от

[19] См. таблицы, анализирующие личный состав партии к 1 января каждого года, приведенные у T. H. Rigby, *Communist Party Membership in USSR, 1917-1967,* Princeton, 1968, стр. 52 и 53 (Цитируется в дальнейшем как « Rigby »).

[20] Там же, стр. 322.

[21] Там же, стр. 361 и 362.

41 года до 50 лет и 22,9% — свыше 50 лет. Почти половина имела партийный стаж, не достигавший десяти лет, а еще 20,8% — стаж от 11 до 20 лет[22]. Другими словами, около трех четвертей членов КПСС вступили в партию после войны и больше половины — после смерти Сталина. Однако послевоенное поколение было еще очень слабо представлено в верховном руководстве партии: там преобладающим поколением были люди старше 60 лет, вошедшие в партию до 1933 года, и люди старше 50 лет, принятые в партию после возобновления приема в 1938 году или во время войны. Так, анализ карьеры 360 членов ЦК, избранного в 1966 году (а он верно отражает состав высшего слоя чиновничества), дает их средний возраст — 56 лет, а средний партийный стаж — 29 лет. Старшее и среднее поколения «поставляют» почти 90% общего числа членов ЦК; послевоенное поколение членов партии представлено только 39 из 360 человек. Средний возраст членов Политбюро в 1967 году немногим превышал 58 лет; послевоенное поколение не было представлено в нем ни среди членов, ни среди кандидатов в члены, и самому младшему было 49 лет.

Кое-какие статистические данные, ставшие доступными в 60-х годах, дают основания предполагать, что национальный состав партии проявлял тенденцию к уменьшению контраста между щедро и скупо представленными народами. Например, в 1965 году (по сравнению с 1961 годом) число коммунистов на одну тысячу населения национальной группы возросло у украинцев с 36 до 44, а у белоруссов — с 35 до 44. Отмечался рост и в других национальных группах, но немногочисленные народы были все еще очень слабо представлены по сравнению с русскими (58 на тысячу населения в 1965 году)[23]. Поскольку по этому вопросу данных опубликовано не было, трудно определить процент евреев в партии. Некоторые дан-

[22] См. «Коммунист», № 15, октябрь 1967 г., стр. 89-103.
[23] См. таблицу, приведенную у «Rigby», стр. 378.

ные позволяют все же предполагать, что он, возможно, был довольно высоким, хотя и ниже, чем до войны[24]. Как бы то ни было, в партийных комитетах на любом уровне и среди депутатов Советов еврейских имен попадается очень мало, и несомненно, в известной степени это вызывается официальной политикой дискриминации.

Официальная статистика показывает незначительный прирост за период между 1956 и 1967 годом процента членов, называющихся «рабочими» (с 32% до 38,1%), и небольшое снижение процента «служащих и прочих» (с 50,9% до 45,9%)[25]. Но опыт научил нас понимать, насколько растяжимым может быть понятие «рабочий» в партийной статистике. Более реалистическая картина создается на основе анализа распределения членов партии по профессиям. Как и следовало ожидать, главными областями являются промышленность (25,2%), наука, образование и культура (13,7%), колхозы (10,5%), правительственный и партийный аппараты (7,4%) и вооруженные силы (7%)[26].

Политика Хрущева, направленная на восстановление некоторых устоев партийной жизни, предвещала во многих отношениях яркий контраст с тем, что делалось в течение многих лет при Сталине. XX съезд партии собрался в 1956 году — в пределах четырехлетнего срока, предусмотренного Уставом. XXI съезд, который был внеочередным, — в 1959 году и XXII — в 1961 году. Республиканские партийные съезды созывались регулярно каждые два года. Устав 1952 года предусматривал полуторагодовой промежуток между республиканскими съездами, но это оказалось явно неудобным, и этот период был формально продлен XX съездом до двух лет (до четырех лет на Украине, в Белоруссии, Казахстане и Узбекистане)[27]. Несмотря на более

[24] Там же, стр. 383-388.
[25] Там же, стр. 325.
[26] Там же, стр. 348.
[27] «XX съезд», т. II, стр. 429.

регулярные созывы съездов, они не превратились в трибуну подлинной дискуссии, кроме, возможно, XX съезда, о котором речь уже шла выше. Политический курс устанавливался, как и в прошлом, речами главных руководителей и принимался единогласно без изменений или с формальными поправками. Даже XX съезд, на котором такие вожди партии, как Микоян, откровенно критиковали заблуждения прошлого, не вызвал, по крайней мере на открытых заседаниях, большей свободы прений, чем в прошлом. Короче говоря, съезды остались тем, чем они были в течение многих лет — публичными сборищами руководителей партии и правительства на всех уровнях, где давались директивы по главным вопросам. Эти директивы затем становились ключевыми нотами партийной пропаганды и деятельности партии по всей стране.

ЦК КПСС также собирался на пленарные заседания гораздо чаще, чем при Сталине. В течение четырех лет (1954-1957 годы) пленум собирался не реже, чем дважды в год, а в иные годы и чаще — в 1957 году, например, пять раз. Важные законодательные изменения обычно оглашались в виде совместных постановлений Совета Министров и ЦК. Очень вероятно также, что, помимо официальных пленумов, имели место и неофициальные консультации между постоянными сотрудниками Секретариата и местными работниками и представителями партии до опубликования постановлений от имени ЦК[28]. Таким путем руководители партии могут, если хотят, советоваться с партийной бюрократией по всей стране до оформления своих решений. Имеющиеся данные не позволяют заключить, что ЦК по собственной инициативе оказывает влияние на руководителей Президиума. По Уставу он это делать вправе. Но авторитарные традиции партии и огромная власть, сосредо-

[28] Так объяснил дело высокопоставленный сотрудник ЦК посетившей СССР делегации итальянских коммунистов. См. *Problemi e realtà dell'URSS*, Roma, 1958, стр. 44-55.

точенная в центральном Секретариате и позволяющая ему влиять на служебное положение членов партии, представляют собой эффективные барьеры на пути к таким самостоятельным действиям.

Возникновение после смерти Сталина Президиума, в котором в течение какого-то периода ни один из его членов не мог уже главенствовать над другими, подняло такой вопрос: станет ли ЦК в случае разногласий между членами Президиума чем-то вроде апелляционного трибунала, на рассмотрение которого будут выноситься такие разногласия. Известны два случая, когда вопросы были таким образом перенесены из Президиума в ЦК; они уже упоминались — вопрос о разногласиях насчет Югославии между Молотовым и другими членами Президиума в июле 1955 года и столкновение при попытке убрать Первого секретаря с его поста в июне 1957 года. В обоих случаях взгляды Первого секретаря ЦК были единогласно одобрены пленумом (хотя Молотов порвал с традицией, воздержавшись в июне 1957 года от обсуждения и голосования за собственное исключение). В предыдущей главе были изложены причины, по которым пленум, одобривший снятие Хрущева, нельзя считать исключением из правила. Единогласное принятие резолюций — традиция давняя в ЦК и не обязательно означает, что во время дискуссий не раздается никаких возражений против взглядов Первого секретаря.

Но влияние, которое может оказывать Первый секретарь на решения ЦК, весьма значительно. Во-первых, хотя по Уставу партии состав ЦК может быть изменен только съездом (помимо формальных голосований по вопросам об исключении членов), Первый секретарь может, вероятно, оказывать влияние на состав ЦК между съездами путем устранения его членов с тех должностей, в силу которых они получают право входить в ЦК. Это, по-видимому, произошло между ноябрем 1953 года и февралем 1954 года, когда десять первых секретарей обкомов — все без исключения члены ЦК — были заменены явно по воле Хрущева. Снятый секретарь Ленин-

градского обкома был даже публично охаян. Ни одного из этих десяти не переизбрали в ЦК в 1956 году. Не фигурировали они и в списках делегатов съезда и, насколько известно, не получили каких-либо новых назначений. Более чем вероятно, что все они перестали быть членами ЦК задолго до 1956 года. Так как эти ответственные работники были назначены на свои важные посты в партийном аппарате в тот период, когда Маленков держал в своих руках назначенческую машину в Секретариате, они, вероятно, представляли собой потенциальных сторонников Маленкова в ЦК и были выведены из ЦК Хрущевым в ходе его борьбы против соперника.

В ЦК, избранный на XX съезде после поражения Маленкова, входило много партийных работников, которые зависели по службе от Первого секретаря и поэтому, естественно, его поддерживали: 53% всех членов, 31% кандидатов в члены и 40% членов Центральной ревизионной комиссии входили в эту категорию. (Важно рассмотреть все три группы: в случае голосования по вопросу об исключении члена ЦК — что и произошло в июне 1957 года — все три группы пользуются правом голоса в соответствии с правилом, установленным на X съезде в 1921 году, причем для решения вопроса необходимо большинство в две трети голосов)[29]. Но сторонники Хрущева находились не только среди партийных работников. Например, среди военных членов ЦК, избранного в 1956 году, был ряд старших офицеров, служивших с Хрущевым во время войны в Военном совете Сталинградского фронта; согласно прежней практике формирования ЦК, эти военные не были бы избраны, так как не занимали тогда ключевых

[29] Правило 1921 г. см. «КПСС в рез.», т. I, стр. 529 и 530. Это правило было применено в июне 1957 г. — см. СПР, 1957, стр. 121-126, но члены Центральной ревизионной комиссии голосовали вместо членов Центральной контрольной комиссии, как это было предусмотрено в 1921 г. — вероятно, ввиду совершенно измененного характера современного Комитета партийного контроля, органа назначаемого, а не избираемого.

должностей в Министерстве обороны[30]. Многие советские работники, представленные в ЦК, тоже несомненно поддерживали Первого секретаря — либо по убеждению, либо из опасений, что он может расправиться с ними, если почувствует противодействие. Хрущев в июне 1957 года мог, в общем, рассчитывать (среди трех категорий — членов ЦК, кандидатов в члены ЦК и членов Центральной ревизионной комиссии), по меньшей мере, на 215 из 309 голосов, то есть на 68%[31].

«Производственно-отраслевая» система распределения работы среди отделов ЦК оставалась без изменений до 1963 года, когда Хрущев провел весьма радикальную, но оказавшуюся недолговечной реорганизацию. Она описана ниже. Делегация итальянских коммунистов получила в 1957 году самую полную за многие годы картину центрального штаба партии в беседе с весьма высокопоставленным работником ЦК. В 1957 году в ЦК существовало по меньшей мере 14 отделов: Отдел организационно-партийной работы, заменивший собой Отдел партийных, комсомольских и профсоюзных органов, Отдел агитации и пропаганды, Отдел науки и культуры, Отдел высших учебных заведений и школ, Сельскохозяйственный отдел, Отдел транспорта и связи, Отдел плановых и финансовых органов, четыре отдела по главным отраслям промышленности, Административный отдел, Иностранный отдел и Отдел административных органов.

[30] Речь идет о маршалах Еременко, Чуйкове и Малиновском (последний заменил маршала Жукова на посту Министра обороны в ноябре 1957 г.). Остальные двое членов этого Военсовета — первый секретарь Смоленского обкома Доронин и первый секретарь ЦК КП Украины Кириченко были тоже выбраны в ЦК. С июня 1955 г. Кириченко был членом Президиума.

[31] Это подтверждается тем фактом, что, по словам Ф. Р. Козлова, тогда первого секретаря Ленинградского обкома, именно это число членов, кандидатов в члены и членов ЦРК записалось для выступления против «антипартийной группы» на июньском пленуме. См. «Ленинградскую правду» от 5 июля 1957 г. См. также выше, гл. 30, о той поддержке, которой Хрущев пользовался в ЦК накануне своего падения.

Эти отделы не нуждаются в подробных комментариях, так как распределение их функций мало чем отличается от положения, установленного после 1948 года. Следует отметить, однако, отсутствие Секретного отдела. Нет никаких указаний на то, что такой отдел (либо нечто похожее на личный секретариат Сталина) возник после смерти диктатора. Партийный контроль над органами безопасности осуществлял Отдел административных органов. Организационно-партийный отдел вел общий надзор за подчиненными партийными организациями, в том числе за расстановкой кадров в них. В этих целях он был разделен на четыре территориальные секции, каждая из которых ведала группой республик (за исключением РСФСР), и на четыре функциональных сектора — по партучету, по кадрам, по оргучету и по профсоюзам, комсомолу и Советам[32].

Общее количество «освобожденных», то есть оплачиваемых партийных работников в 1957-1958 году можно оценить приблизительно в 240 тысяч — после сокращения штатов на 25%, проведенного или предусмотренного в центре, в областях, краях и республиках, принимая также во внимание, что число секретарей первичных партийных организаций составляло 29 тысяч — цифра, сообщенная итальянской делегации[33]. Данных, на основе которых можно было бы точнее

[32] *Problemi e realtà dell'URSS*, ук. место. В настоящее время (1969) положение очень сходно. Список отделов — см. Приложение IV.

[33] См. выше, стр. 728-730. С поправкой на сокращение мы получаем следующую картину на 1958 г.:

Центральные и республиканские аппараты	2.250
Крайкомы, обкомы и т. д.	9.000
Горкомы и райкомы	200.000
Секретари первичных организаций («освобожденные»)	29.000
	240.250

Крайкомам, обкомам и республиканским комитетам было предложено составить планы сокращения их штатов на 25-30% к 24 марта 1956 г. — см. СПР, 1957, стр. 406; в рамках настоящей оценки мы исходим из предположения,

определить размер аппарата в 1958-1968 году, нет. Вряд ли он испытал значительное сокращение.

Новым элементом административного аппарата партии при Хрущеве явилась некоторая децентрализация вследствие создания отдельных аппаратов для РСФСР и других союзных республик. Этот процесс, начавшийся незадолго до 1956 года, был упорядочен в 1956 году путем создания так называемого Бюро ЦК по РСФСР — первого отдельного партийного органа для РСФСР в истории партии. В постановлении, учреждавшем Бюро, перечислялись отделы, через которые оно должно было действовать. Эти отделы соответствовали существовавшим уже тогда отделам ЦК по РСФСР, которые теперь подлежали координации. Это были отделы парторганов, пропаганды и агитации, науки, школ и культуры, сельскохозяйственный, промышленно-транспортный, административный отделы и отдел торгово-финансовых органов[34]. Очевидно, однако, что начатый таким образом процесс административной децентрализации в партии слишком далеко зайти не мог. Эффективная координация в центре была обеспечена в первую очередь тем, что Первый секретарь ЦК являлся одновременно и председателем Бюро по РСФСР. Кроме того, хотя теперь предусматривались отдельные аппараты для партийных органов союзных республик, в том числе и по РСФСР, существовал только один центральный список членов партии (от которого зависит распределение кадров) — в Отделе партийных органов ЦК[35].

что сокращения 1958 г. были осуществлены. Отчеты о республиканских съездах, проведенных в начале 1958 г., содержат кое-какие указания на то, что штаты аппаратов были действительно сокращены. См. «Партийную жизнь», № 12, 1956, № 23, 1957 и № 19, 1958. О мерах по сокращению числа «освобожденных» секретарей первичных партийных организаций см. СПР, 1957, стр. 440 и 441.

[34] СПР, 1957, стр. 127. Бюро по РСФСР обладало, однако, также полномочиями общегосударственного характера и не было чисто партийным органом.

[35] *Problemi e realtà*, ук. место.

Бюджет партии тоже оставался централизованным, хотя полномочия республиканских ЦК были значительно расширены в августе 1957 года, особенно в области партийного просвещения[36]. Аппарат ЦК КПСС сохранил за собой также право вмешиваться в дела республиканских партий — вызывая их руководителей в центр или поручая своим представителям расследовать вопросы на местах[37]. Стало быть, реформа партийных органов отвечала общей тенденции — расширению ответственности республик при неизменном их подчинении надзору из центра. Этот процесс наблюдался с 1954 года. Другим проявлением того же процесса ослабления чрезмерной централизации была отмена специальных политотделов — не только в МТС, но и существовавших многие годы политотделов на транспортных предприятиях и в милиции, которые прежде подчинялись непосредственно центру, минуя обкомы и крайкомы. Как указывается ниже, в последние годы хрущевского правления наметилась некая новая централизация партийных органов параллельно с возросшей централизацией управления промышленностью.

Упорядочение всего партийного механизма и возрождение функций нормальных партийных органов привели к некоторому оживлению внутрипартийных демократических процессов, которые в течение долгих лет были совершенно парализованы, да, собственно, никогда особенно заметными и не были. Радикальным реформам промышленности и сельского хозяйства предшествовали их публичные обсуждения; и хотя одобрение решений, принятых на верхах, было делом заранее предрешенным, обсуждения эти влияли как-то на выработку немаловажных деталей. Партийным органам и отдельным членам партии постоянно внушалась как в партийной печати, так и на открытых собраниях мысль о важности расширения демократии: свободный выбор работников

[36] СПР, 1957, стр. 441 и 442.
[37] *Problemi e realtà,* ук. место.

местных организаций, критика и прения в более свободной форме и более активное участие всех партийных бюро в повседневной партийной жизни.

Руководство партии, несомненно, искренне пыталось вывести членов партии из тяжелой летаргии, в которую они впали при страшном сталинском правлении. Но как извечный страх перед стихийностью, так и чинопочитание шли на убыль крайне медленно, а демократизация осуществлялась очень робко. Статья в авторитетном центральном партийном журнале о важности свободной критики иллюстрирует трудность, перед которой стоял член партии, когда ему предстояло решить, что́ он может и чего не может сказать в ходе прений, не опасаясь последствий. В статье говорилось, что свобода критики ограничена определенными рамками. Член партии имеет право на собственное мнение, имеет право высказывать его. Цитировался Ленин, писавший, что любые репрессии против членов партии, чья точка зрения отличается от мнения, принятого партией, «недопустимы». Однако критика не должна быть направлена на «подрыв основ» партии или ее решений. Она не должна быть «критикой ради критики», а должна быть «деловой по своему характеру» и «продиктованной стремлением к совершенствованию»[38]. Это — различие весьма тонкое. И так как руководство решает, какая критика правомерна, а какая — нет, трудно винить рядового члена партии в том, что он предпочитает осторожность[39].

[38] См. «Вопросы партийной работы», М., 1957, стр. 50-57. Это — сборник перепечатанных авторитетных статей из партийной печати (примеры критики на партийных собраниях таких ошибок, как «мелкобуржуазный анархизм и недисциплинированность» — см. «Коммунист Армении» от 26 января 1958 г., «Правду» от 5 апреля 1956 г. и «Правду» от 21 января 1957 г.).

[39] Авторитарные традиции партии отмирают очень медленно. В 1966 г. партийный работник Ф. Петренко все еще жаловался на то, что прения на партийных собраниях носят, в основном, показной характер. См. «Правду» от 20 мая 1966 г.

Другая статья того же характера показывает, что положение было весьма схожим при выборах партийных органов и отдельных работников. По Уставу выборы носят тайный характер: каждый член отдельной организации голосует за список кандидатов. Голосованию предшествует открытое обсуждение кандидатур, значащихся в списке, и Устав подчеркивает право каждого члена, если он того пожелает, критиковать всех кандидатов, внесенных в список. На практике представитель вышестоящей партийной организации (обычно один из ее секретарей) неизменно присутствует на обсуждении. От него требуется, с одной стороны, чтобы он «не навязывал» своего списка кандидатур подчиненной организации, а с другой, чтобы он «руководил» выборами, так как демократия не имеет-де ничего общего со «стихийностью, которая может вылиться в любой случайный результат». Это руководство, осуществляемое представителем вышестоящей партийной организации, принимает форму помощи собранию при составлении списков кандидатов. Его помощь на практике оказывается успешной, и это подтверждается тем фактом, что в подавляющем большинстве случаев число кандидатов в списке, составленном под его руководством, не превышает числа вакансий[40]. Это означает, что решающим этапом в большинстве таких выборов является не тайное голосование, а предшествующие открытые прения в присутствии представителя вышестоящего органа. Тем не менее, партийная печать отмечает отдельные случаи, когда низовым партийным организациям удавалось отстоять своих кандидатов, несмотря на оппозицию представителя сверху. Даже это было бы невероятно в последние годы сталинского режима. Некоторые чаяния членов партии выявились в ходе дискуссии, которая предшествовала пересмотру Устава в 1961 году.

[40] «Вопросы партийной работы», стр. 27-32.

Устав, принятый в 1952 году, оставался практически в силе без всяких изменений, пока не был пересмотрен XXII съездом в октябре 1961 года. Проекту Устава, одобренному ЦК 19 июня того же года, предшествовало основательное обсуждение. Однако большого практического значения это обсуждение, по-видимому, не имело; выступая на съезде, Козлов, который председательствовал во время обсуждения проекта, ограничился тем, что подытожил внесенные поправки, принимая или отвергая их по своему усмотрению, и делегаты приняли его предложения единогласно. В конечном итоге важных поправок к проекту сделано не было: всего оказались принятыми 30 поправок, из них 26 грамматических. Но обсуждение в партийной печати обнаружило стремление среди рядовых членов партии к большей свободе при выборах работников и делегатов. Для коммунистической тактики характерен тот факт, что Козлов настаивал на сохранении тайного голосования в Уставе и назвал недемократическим мнение тех, кто предлагал открытые выборы. Но, когда после съезда были опубликованы инструкции ЦК по вопросу о голосовании, они содержали требование открытого голосования путем поднятия рук при выборах на все важные партийные должности, гарантируя таким способом сохранение традиционной системы косвенного давления на делегатов со стороны вышестоящих организаций, представители которых неизменно присутствуют на выборах[41].

Изменения Устава можно разбить на три категории: во-первых, изменения декларативного характера; во-вторых, изменения, касающиеся положения членов партии; в-третьих, изменения организационного характера. К первой категории относятся новое обозначение партии как «авангарда советского народа» и (ст. 58) пространный моральный кодекс члена партии, который устанавливал нормы поведения, имев-

[41] Текст см. в СПР, т. 4, 1963, стр. 482-488.

шие весьма отдаленное отношение к действительности. Эти нормы были взяты из новой Программы партии, тоже принятой на съезде, и отражали хрущевское понимание партии. Был принят также целый ряд декларативных требований, которые формально подтверждали право члена партии на свободу дискуссии и свободу критики. Вторая категория изменений касалась, в основном, правил об исключении, которые в своей новой формулировке гарантировали каждому партийцу бо́льшую защиту, чем до тех пор. Однако новый Устав, как и старый, все еще не предусматривал какой-либо независимой инстанции, к которой мог бы апеллировать исключенный член партии. Самым важным изменением третьей категории было правило (ст. 25) об обязательном систематическом обновлении состава всех партийных органов. На каждых очередных выборах состав ЦК и его Президиума должен обновляться не менее чем на одну четвертую часть; состав партийных органов до областного уровня включительно — не менее чем на одну треть, а состав низших органов — наполовину. Но была и оговорка: тот или иной работник, обладающий исключительными политическими и деловыми качествами, мог быть избран и на «более длительный срок» при условии согласия трех четвертей коммунистов, участвовавших в голосовании[42].

Поправки в новый Устав были внесены после падения Хрущева на XXIII съезде, в апреле 1966 года. Одна часть поправок несколько затрудняла прием в партию — в соответствии с новой практикой замедления набора новых членов. Более важной, пожалуй, была отмена введенного в 1961 году правила об обязательном обновлении состава партийных органов. Это соответствовало курсу преемников

[42] Устав 1961 г. перепечатан в отчете о XXII съезде. Более детальное обсуждение Устава см.: Leonard Schapiro, *The New Rules of the CPSU*, в сборнике под редакцией Leonard Schapiro и Albert Boiter, *The USSR and the Future*, New York-London, 1962, стр. 179-194.

Хрущева, курсу на умиротворение пожилых аппаратчиков, которым, естественно, было не по душе правило о периодическом обновлении. Другая поправка требовала, чтобы республиканские съезды созывались раз в два года; правило о созыве съездов раз в четыре года для Украины, Белоруссии, Узбекистана и Казахстана было отменено. И наконец, было упразднено Бюро ЦК по РСФСР. Оно оказалось последним пережитком ряда новых органов, созданных Хрущевым[43].

Выше уже говорилось о широком преобразовании партийных органов, провести которое пытался Хрущев. Поскольку ни один из этих органов не пережил его падения и поскольку они просуществовали «в рабочем состоянии» очень недолго, они не заслуживают детального описания. Бюро ЦК по РСФСР претворило в жизнь одну из любимых идей Хрущева — свести партийных и правительственных работников в единый орган, с тем чтобы партия, сохраняя за собой доминирующее влияние, не отрывалась от того процесса управления, надзор за которым был главной целью ее существования. В течение 1962 и 1963 года Хрущев пытался применить этот принцип к партийному управлению сельским хозяйством. До 1962 года главным органом, ответственным за управление сельским хозяйством, являлись райкомы, которых в стране насчитывалось почти 4.000. Большинство этих райкомов было ликвидированно в 1962 и 1963 году. (Эта мера, мягко говоря, не пользовалась особой популярностью среди партийных аппаратчиков.) Они были заменены партийными комитетами новых административных органов, задуманных для руководства сельским хозяйством — производственными колхозно-совхозными (или, в некоторых частях страны, совхозно-колхозными) управлениями[44]. Вряд ли ра-

[43] Поправки см. «XXIII съезд», т. II, стр. 318-320.

[44] Какое-то число райкомов выжило; общее число парткомов и сохранившихся райкомов составляло в 1963 г. 1.711 по сравнению с 3.743 райкомами до реформы. См. статью Г. Шитарева в «Коммунисте», № 7, 1963.

бочие методы новых парткомов существенно отличались от методов старых райкомов; это явствует из многочисленных жалоб в газетах[45]. Райкомы были восстановлены в ноябре 1964 года.

Еще более широкая реорганизация была объявлена Хрущевым на пленуме ЦК в ноябре 1962 года. В центре были созданы новые органы — Бюро по химической и легкой промышленности, по сельскому хозяйству, по промышленности и строительству, по Средней Азии и Закавказью, Идеологическая комиссия и Комиссия по организационно-партийным вопросам. Чем все они занимались — неясно. Некоторые из них, вроде Закавказского бюро, вообще остались на бумаге. Большое значение имели два других нововведения. Одно из них состояло в разделе всех партийных комитетов (в том числе имеющих ключевое значение крайкомов и обкомов) на две части — комитеты по промышленности и комитеты по сельскому хозяйству. Официально цель этой реформы заключалась в придании партийному руководству этими двумя отраслями народного хозяйства более оперативного, менее спорадического, менее формального и менее отвлеченного характера. Но обычно болтливый Хрущев пояснил также, что одной из его целей является снижение статуса некоторых секретарей обкомов, которые умудрились создать собственные мощные империи. Другая реформа — образование Комитета партийно-государственного контроля во главе с Шелепиным и, за немногим исключением, во главе с партийными секретарями на всех других уровнях. Этому аппарату контроля над всеми сторонами жизни в стране были даны огромные полномочия по расследованию, критике и смещению работников. По крайней мере на бумаге его полномочия распространялись не только на государственных, но и на партийных работников.

[45] См., например, «Советскую Россию» от 8 марта 1963 г. и от 29 мая 1963 г., а также «Казахстанскую правду» от 14 июня 1963 г.

Совершенно очевидно, что, несмотря на обычные славословия, которыми встречались хрущевские предложения в ЦК, его новые замыслы вызвали большую тревогу. Все его нововведения были отменены после его падения, а может быть, даже вызвали это падение. Нередко они были хаотичны по замыслу и трудно выполнимы, даже при наличии доброй воли. Но есть основания полагать, что осуществление хрущевских «новинок» (так же, как и осуществление его реформ планирования, которые уже упоминались) натолкнулось на серьезную обструкцию. Выяснилось, например, что задолго до своей отмены в декабре 1965 года Комитет партгосконтроля не обладал правом накладывать дисциплинарные взыскания на членов партии. Как и до тех пор, партия ревниво удерживала это право в своих руках. После отмены этого гибридного контрольного органа была восстановлена старая система в виде двух отдельных органов — Комитета партийного контроля, с одной стороны, и государственного контроля (в традиционной со времен Рабкрина форме), теперь переименованного и названного народным контролем, — с другой. Еще более показателен провал эксперимента по созданию разделенных надвое обкомов. На практике было разделено меньше двух третей обкомов. Кроме того, поскольку только промышленные комитеты сохранили Отделы административных органов в своем секретариате и тем самым удерживали монополию контроля над милицией и органами безопасности, они, вероятно, имели большее значение, чем комитеты сельскохозяйственные[46]. Расколотые надвое комитеты были воссоединены в ноябре 1964 года. XXIII съезд также одобрил два терминологических изменения: Первый секретарь ЦК снова стал именоваться, как при Сталине, Ге-

[46] Эти малоизвестные факты изложены, насколько мы знаем, только в одном источнике — в официальной брошюре, объясняющей новую систему: М. П. Карпов и В. М. Засорин, «По производственному принципу. Новое построение партии», Москва, июль 1963.

неральным секретарем, а верховный, определяющий курс партии орган — Президиум ЦК вновь обрел название Политбюро, как до 1952 года. Нервные наблюдатели толковали в то время эти изменения как признаки возврата к «сталинизму». Более вероятная причина — стремление стереть память о хрущевской эре.

* * *

Самым важным сдвигом, касавшимся партии в хрущевский период, было изменение ее отношения к государственному аппарату, к сельскому хозяйству и промышленности. Соперничество между Хрущевым и Маленковым, которое закончилось победой Хрущева, было не только просто борьбой за власть, но в той же степени и конфликтом между партийным и государственным аппаратами, в котором верх одержала партия. Преобладание секретарей ЦК на самых верхах партии — в определяющем курс Президиуме — в 1957 году символизировало новое положение вещей, при котором партия утвердила свое главенство и не потерпела бы вмешательства со стороны. Снижение авторитета Совета Министров и тот факт, что Первый секретарь ЦК присвоил себе должность Председателя урезанного Совета Министров, закрепили уже достигнутую победу.

Государственно-правовые теоретики партии не отставали от практики. Официально утвержденное пособие по государственному конституционному праву, вышедшее в свет в декабре 1955 года, определяет одну из функций высших органов партии как дачу директив правительственным органам при разработке законодательных предложений. Одной из форм этого руководства партии, говорится там, являются совместные постановления ЦК и Совета Министров. Таким методом «непререкаемый» авторитет партии обеспечивает этим постановлениям «широкую поддержку со стороны совет-

ского народа»[47]. Некоторые авторы заходили еще дальше, утверждая, что одна из функций партии состоит в определении характера работы государственных органов в свете партийной политики. Эта «функция» включала право партийных органов давать прямые инструкции Советам и их исполкомам[48]. Правда, все еще раздавались знакомые увещевания насчет отношений между партийными органами и правительственными: партия-де должна руководить этими органами, но не подменять их. Старый конфликт между «руководством» и «подменой» все еще был налицо. Но по меньшей мере с 1955 года уже не оставалось сомнений, в чьих руках — в случае конфликта — на самом деле будет находиться власть.

Возросшая роль партии стала еще более ощутимой в результате уже упомянутых выше далеко идущих реформ в сельском хозяйстве и промышленности.

Решение позволить колхозам самим распоряжаться техникой, помимо его огромного хозяйственного и политического значения, привело к радикальному изменению структуры партийной власти над колхозами (напомню, что в 1952 году Сталин назвал такое предложение «шагом от коммунизма, а не шагом к коммунизму»). До 1953 года власть партии и государства над колхозами носила чуть ли не хаотический характер. Каждый колхоз получал указания из политотделов МТС, от всевозможных представителей центральных органов партии, от секретарей обкомов и райкомов, от облисполкомов и от представителей Министерства сельского хозяйства — помимо прочих должностных лиц. Результатом явились путаница и безответственность, еще более обострявшиеся спорадическим энергичным вмешательством местных

[47] См. М. П. Карева, С. Ф. Кечекян, А. С. Федосеев, Г. И. Федькин, «Теория государства и права», Москва, 1955, стр. 290-292 (учебник, одобренный Министерством просвещения для высших учебных заведений).

[48] Ц. А. Ямпольская, «Органы советского государственного управления в современный период», Москва, 1954, стр. 71, 76 и 77.

секретарей. В сентябре 1953 года политотделы МТС были упразднены, и обязанность эффективного надзора за колхозами перешла к секретарям райкомов. Райком реорганизовали таким образом, что его первый секретарь возглавлял группу «секретарей зоны МТС». Каждый из этих секретарей ведал сетью «инструкторов», обязанность которых состояла в тесном сотрудничестве с бригадами МТС и с колхозами, входившими в район обслуживания МТС. Вместе с тем были значительно расширены полномочия МТС как организаторов колхозного производства под общим надзором Министерства сельского хозяйства.

Эта административная система, во многом зависевшая от МТС, была, возможно, задумана только как временная мера — впредь до укрепления партийных организаций в колхозах. Как бы то ни было, параллельно шли попытки усиления колхозных партийных организаций: тысячи партийцев — большей частью из городов (30.000 в 1955 году) — направлялись в деревню, где назначались председателями колхозов. По мере укрепления партийных организаций на местах во все возрастающей степени шла децентрализация: функции местных партийных работников расширялись, а права работников в центре урезывались. В 1955 году МТС и колхозам разрешалось составлять собственные производственные планы и подавать их на утверждение и координацию в центральный аппарат; в прошлом планы спускались из центра, разработанные до мельчайших подробностей. Последний этап этого процесса наступил в 1958 году в форме отмены МТС. В результате колхоз должен был превратиться в некое независимое целое, составляющее свои собственные планы; партийная власть сосредоточилась в руках секретаря райкома, координирующего интересы общего производственного плана с пожеланиями отдельных колхозов. Но сам факт реформы свидетельствовал о том, что партийные организации колхозов считались теперь достаточно крепкими, чтобы райкомы вместе с надежными председателями колхозов могли удерживать ту власть, которая свыше двадцати

лет находилась в руках МТС — этих пролетарских аванпостов в извечно ненадежной деревне.

Сельскохозяйственные реформы сопровождались постепенной нормализацией партийной власти над колхозами. Основы этой нормализации были заложены Хрущевым еще в сталинские времена, когда он положил начало укрупнению колхозов. Нормализация партийной власти над колхозами означала определенную систему партийного руководства: райком руководит каждым колхозом посредством сильной первичной партийной организации, способной в свою очередь оказывать влияние на беспартийных членов колхозов. В 1956 году свыше 7.000 из 87.500 колхозов все еще не имели своих первичных партийных организаций, а в 10.000 колхозов партийные организации насчитывали только от трех до пяти членов[49]. К 1958 году положение значительно улучшилось. В результате дальнейших укрупнений общее число колхозов к этому времени сократилось приблизительно до 78.000[50]. В партию принимали больше колхозников, чем раньше. Принятое в начале 1958 года решение распустить МТС и перевести большинство их кадров в колхозы высвободило большое число членов партии, которые влились в партийные организации колхозов. Почти во всех колхозах были теперь первичные организации[51]. В 1962 году Хрущев совершил новую революцию партийной власти (об этом уже упоминалось выше). Но она продлилась недостаточно долго, чтобы оставить заметный след, и преемники Хрущева немедленно вернулись к более традиционным формам руководства.

Реорганизация промышленности, которая привела к столь серьезным и все еще неизжитым конфликтам среди партий-

[49] «XX съезд», т. I, стр. 236.

[50] «Правда», 28 марта 1958 г.

[51] Согласно тому, что Хрущев сообщил ЦК в декабре 1958 г., организации состояли в среднем из 20 членов и охватывали в общем 1.350.000 членов. См. «Правду» от 16 декабря 1958 г.

ных руководителей, тоже способствовала усилению и упорядочению власти партии. На самом низшем уровне полномочия первичных организаций остались без изменений. Но сам факт, что рост числа «освобожденных» секретарей вызывал к 1957 году тревогу властей, свидетельствовал о возросшей активности партии. Исконные конфликты, порождавшиеся двоевластием, никак не изживались, но растущее число членов партии с техническим образованием позволяло ставить на партийные посты все больше ответственных работников, более или менее компетентных в своих областях[52]. Снижение авторитета Совета Министров повлекло за собой рост влияния партии. На территориях отдельных совнархозов партия могла осуществлять свою власть через посредство могущественных секретарей обкомов. Характерно, что число и территории этих совнархозов (в том виде, в каком они были в конечном итоге определены) близко соответствовали территориям, которыми ведали первые секретари обкомов, — даже там, где экономические соображения, казалось бы, подсказывали раздел территории[53]. По-видимому, считалось неблагоразумным разрушать прочно установившуюся административную сеть. Именно на плечи этих секретарей, подчиненных непосредственно соответствующим отделам ЦК в Москве, и легла задача согласования местных интересов с общей политикой партии. Были созданы также первичные партийные организации в каждом совнархозе. Но их полномочия были приравнены к полномочиям первичных организаций в министерствах и поэтому они, в отличие от первичных организаций на промышленных предприя-

[52] Председатели совнархозов, однако, вышли в большинстве случаев (58 из 73, насколько нам известна их карьера) из рядов министерских или технических работников. См. A. Poplujko, *The Sovnarkhoz Chairmen*, Bulletin of the Institute for the Study of the USSR, Munich, май 1958 г., vol. V, № 5, стр. 14-19.

[53] См. статью A. Nove, *The Soviet Industrial Reorganisation*, Problems of Communism, т. VI, № 6, ноябрь-декабрь 1957 г., стр. 19-25.

тиях, не влияли на руководство деятельностью совнархозов[54].

Таким образом, общую тенденцию 1953-58 годов можно охарактеризовать как огромный рост авторитета партии, достигнутый в результате некоторой децентрализации и значительной рационализации методов управления. Личный деспотизм, построенный на произволе и сверхцентрализации, постоянный конфликт между параллельными аппаратами власти (характерные черты сталинского периода) постепенно заменялись системой, при которой государственный аппарат был подчинен партии. Если администрирование, в общем и целом, оставалось в руках государственного аппарата, то определение политического курса, ограничение местничества и каждодневное руководство работой правительственных органов и хозяйственных предприятий ложились на плечи партии. На вершине пирамиды находились секретари ЦК (с 1958 года, а то и раньше, они имели возможность в рамках Президиума определять всю политику), руководитель которых, Первый секретарь, после апреля 1958 года взял на себя еще и формальное руководство государственным аппаратом. Если существование этой двойной системы администрации и продолжало порождать конфликты, то не было уже никакого сомнения в том, что последнее слово оставалось за партией. Такова была система, которую Хрущев пытался сохранить в последние годы своего правления. О сопротивлении этому со стороны плановых и технических специалистов и, вероятно, армии уже упоминалось в предыдущей главе. Напомню также, что Хрущеву не удалось полностью осуществить свою идею контроля над планированием и народным хозяйством и что он был вынужден пойти на значительные изменения, навязанные ему плановиками.

При оценке карьеры этого необычного человека приходится поставить вопрос: была ли его политика просто «про-

[54] «Партийная жизнь», № 11, июнь 1958 г., стр. 16.

жектерством», смесью не связанных друг с другом «скороспелых выводов и поспешных, оторванных от реальности решений и действий», как утверждали позднее его преемники[55], или же в основе хрущевской политики лежала какая-то последовательная и связная концепция сути грядущего коммунистического общества? Если на такой вопрос вообще можно дать ответ, то его следует искать в Программе КПСС, принятой в октябре 1961 года на XXII съезде, созванном в первую очередь именно для утверждения этой Программы. Правда, главное внимание на съезде привлекла полемика о Сталине и о том, что делать (или чего не делать) с его сообщниками; правда также, что Программа 1961 года канула в небытие почти столь же быстро, как и предыдущая Программа 1919 года, и все же на каждой строке Программы лежит отпечаток личности Хрущева; она обсуждалась, восхвалялась и принималась еще до начала упадка его авторитета (в 1962 и 1963 году), и именно в Программе следует видеть документальное свидетельство его политических убеждений.

Неимоверно пространная, полная повторений, многословная и велеречивая Программа охватывает как прошлое, так и будущее и затрагивает все аспекты советских чаяний во внутренней и внешней политике. Центральной темой второй части, озаглавленной «Задачи КПСС по строительству коммунистического общества», являются подступы к высшей стадии коммунизма в Советском Союзе, на которой будет осуществлен принцип «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Текущее десятилетие (1961-70 годы) должно быть посвящено созданию материально-технической базы для этого радостного события; в следующем же десятилетии, около 1980 года, советское общество вплотную подойдет к коммунизму — «в СССР будет, в основном, построено коммунистическое общество». Большая часть

[55] «Правда», 17 октября 1964 г.

семи глав, составляющих эту вторую часть, посвящена обсуждению той возрастающей роли, которую на всех этапах, в том числе и на этапе полного построения коммунизма (после 1980 года), будет играть партия. Хрущевская теория о природе партии составляет его главный вклад в идеологию. Первым его нововведением было утверждение, будто партия уже стала партией и авангардом всего народа и больше не является, как до тех пор, партией и авангардом правящего класса — пролетариата. Этот новый взгляд трудно примирить со всем тем, что писал Маркс: если классов больше не существует, а есть только народ в целом, то, по Марксу, нет места и для какой-либо партии и даже для какого-либо государства или формы правления[56]. По-видимому, Хрущев не сознавал нелогичности существования партии в условиях, которые называются коммунизмом; больше того, Программа нигде не предусматривает исчезновения партии, а наоборот, постоянно подчеркивает необходимость роста роли партии на грядущем, коммунистическом этапе. И все же, как бы неуклюж ни был его подход, Хрущев нащупал в своей Программе какой-то ответ на теоретическую проблему об «отмирании государства» по мере отхода в прошлое классовых конфликтов. Напомню, что Сталин отложил «отмирание» государства до того далекого будущего, при котором перестанет существовать капиталистическое окружение; он подчеркивал в теории (и доказывал на практике), что тем временем государство не только не отмирает, а напротив все более крепнет. Многих иностранных коммунистов смущали не столько миллионы жертв, которых погубила теория Сталина, сколько несовместимость его взглядов с доктринами Маркса. Хоть и в примитивной форме, Хрущев, по крайней мере, попытался указать недоумевавшим коммунистам решение

[56] Взгляды Маркса на «свободное государство», «народное государство» и т.д. яснее всего изложены в его «Критике Готской программы», см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 19, стр. 9-36.

этой щекотливой проблемы. В его Программе говорится: государство, в том, что касается его институтов, действительно будет последовательно отмирать. На практике это будет означать, что отдельные функции, выполяемые правительственными органами, перейдут к «общественным организациям». Этот процесс в какой-то мере действительно шел при Хрущеве: некоторые функции милиции были переданы группам «добровольцев»-дружинников; широко использовались «добровольные» услуги во многих отраслях администрации; некоторые функции судов взяли на себя товарищеские суды на предприятиях и собрания Советов, организуемые для травли и высылки лиц, называвшихся (по весьма расплывчатой формулировке) тунеядцами. За всей этой смесью ханжеской, грубой, любительской путаницы и несправедливости виднелась палка партийного работника. На утопию Маркса все это очень мало походило. Но оно соответствовало некой мечте (которую лелеял Хрущев) об обществе, где сила уступит место процессу «самоорганизации» — за тем исключением, что понятие «само» осуществлялось бы благородными, неподкупными, морально чистыми и преданными членами партии будущего. Мечта эта была довольно наивной, но, быть может, не более наивной, чем мечта Ленина в его «Государстве и революции».

Часть первая Программы касалась будущего международного коммунистического движения; она устарела чуть ли не до того, как пошла в печать. Хотя к октябрю 1961 года конфликт между компартиями Китая и СССР был уже в полном разгаре, этикет все еще требовал официальной сдержанности в этом вопросе. Именно поэтому публичные выпады Хрущева против китайского вассала — Албании на XXII съезде были правильно истолкованы как направленные против Китая. В последующие годы этот раскол огромного значения, обозначившийся в мировом коммунистическом движении, стал очевидным для всех. Спор между обеими партиями вышел на поверхность, сначала замаскированный болтовней о «сосуществовании», «ревизионизме», «догма-

тизме», «культе личности» и т. п., и вскоре превратился в грубую брань, которая свидетельствовала о глубокой личной антипатии между Хрущевым и Мао Цзе-дуном. Но, по сути дела, китайско-советский разрыв выходил далеко за пределы личных антипатий: скоро стало очевидным, что дело идет о борьбе за руководство мировым революционным движением и что разрыв между соперниками имеет огромное значение для коммунистических партий во всем мире. История этого конфликта, который все еще (1970 год) не разрешен, выходит за рамки данной книги. Враждебность Хрущева, возможно, способствовала его обострению: ведь именно Хрущев привлек Китай в 1954 году в качестве союзника в своем внутреннем конфликте с Маленковым и в последующее пятилетие помог превратить Китай в промышленную и ядерную державу — поэтому у Хрущева были основания для раздражения, когда вождь китайской партии отверг его «советы». Однако преемникам Хрущева повезло не больше, чем ему самому: после первоначальной попытки прекратить полемику и даже примириться с Китаем они оказались втянутыми в такую же желчную полемику и вражду, что и Хрущев, и отчаянно пытались склеить обломки международного коммунистического движения, изображая себя вождями мировой революции. Только время покажет, что можно спасти из рухнувшего единства тех партий, которые все еще номинально принимают советское руководство, и какие успехи сделает Китай в качестве вождя нового типа революции «нищих и безымянных» масс, выступающих против любой власти, — революции, которая по своим формулировкам соответствует скорее идеям Бакунина, чем Маркса.

* * *

Руководители партии выразительно подытожили собственное понимание отношения народа к партии, когда — сразу же после смерти Сталина — заговорили о необходимости предотвратить «разброд и панику». Очевидно, у них

были основания бояться, что с исчезновением жесткой руки вождя они не смогут уже рассчитывать на преданность населения. Не могли они, конечно, быть уверенными и в том, за кем из них пойдет партийный аппарат. Как и во время кризиса 1921 года, партия старалась заручиться поддержкой населения путем уступок и улучшения жизненных условий. История последующего пятилетия ознаменована рядом последовательных шагов, направленных на облегчение жизни крестьян и рабочих и на высвобождение большего количества товаров для удовлетворения покупательной способности более привилегированных слоев общества. Правда, партия призывала к неослабному напряжению сил во всех областях жизни страны. Но, в отличие от сталинских времен, она следила за тем, чтобы усилия эти вознаграждались материальными благами, и, кроме того, старалась распределять товары среди более широких слоев населения, чем это имело место в прошлом.

Одной из самых важных мер, принятых партией в ходе «генеральной уборки» после Сталина, было укрепление законности. Факты полного попрания правовых гарантий, произвольного и почти повсеместного террора при Сталине теперь открыто признавались, хотя вина за них старательно приписывалась либо отдельным лицам, вроде Берии, либо «культу личности» Сталина, непомерно развившемуся в последние годы жизни диктатора. Подозрение, будто беззаконие вытекало из привилегированного положения партии по отношению к закону, высмеивалось или строго замалчивалось. Какие бы ошибки ни были допущены в прошлом, партию винить-де не в чем; тот факт, что партия теперь выправляла совершенные преступления, по мнению вождей, доказывал, что партия не виновата ни в каких прошлых грехах.

Действительно, практические меры по укреплению правопорядка и исправлению былых несправедливостей имели немалое значение. Было объявлено несколько амнистий, проведена основательная проверка лиц, заключенных в

лагерях принудительного труда, и многие из них выпущены на свободу. Было реабилитировано — большей частью посмертно — немало видных коммунистов, в свое время осужденных или ликвидированных якобы за измену (реабилитировали, в частности, бывшего заместителя Наркомюста Пашуканиса: о нем теперь говорилось, что взгляды его были ошибочными, но что обвинение в измене оказалось ложным)[57]. Была реорганизована система принудительного труда. Восстания в лагерях после смерти Сталина (о которых рассказали за границей бывшие заключенные), возможно, содействовали ускорению реформы. У МВД постепенно отобрали его огромные хозяйственные предприятия — их передали соответствующим производственным министерствам. Условия жизни и труда заключенных в карательных заведениях (их теперь было гораздо меньше) значительно улучшились. Возник план преобразования всех лагерей в исправительно-трудовые колонии и передачи новообразованных колоний и оставшихся лагерей в ведение МВД и местных Советов. Но ответственность за надзор над условиями в этих лагерях и колониях возлагалась на местные Советы и на прокуратуру. Постановление от 5 ноября 1934 года, по которому НКВД имел право ссылать во внесудебном порядке лиц, признанных «общественноопасными», будто бы отменили, хотя решения об его отмене опубликовано не было[58]. В 1955 году было принято постановление, предоставлявшее прокуратуре широкие полномочия по наблюдению за арестами, местами заключения, за предварительным следствием и доз-

[57] Все данные о терроре и о последующих реабилитациях можно найти в книге: Robert Conquest, *The Great Terror. Stalin's Purge of the Thirties*, London, 1968.

[58] См. «Советское государство и право», январь 1956, стр. 3; дата отмены позднее давалась как сентябрь 1953 г. — см. «Партийная жизнь», февраль 1957, № 4, стр. 66-68, где дается официальная сводка мер по укреплению законности; см. также интересный отчет о личных беседах и об опубликованной информации в статье: Harold J. Berman, *Soviet Law Reform – Dateline Moscow 1957*, Yale Law Journal, т. 66, № 8, июль 1957, стр. 1191-1215.

нанием в милиции и органах безопасности по уголовным делам и вообще за соблюдением законности в судах и администрации.

Хотя утверждать определенно, что эти правила на деле соблюдались, нельзя[59], юридическая практика, несомненно, значительно улучшилась. В ходе подготовки новых Уголовно-процессуальных кодексов, которые были введены в практику в декабре 1959 года, юристы живо обсуждали дальнейшие улучшения. Весь этот ход дел несомненно приветствовался населением. Но определенные оговорки все еще оставались в силе. Как бы широки ни были полномочия судов и прокуратуры на бумаге, на практике суды все еще были бессильны в случае конфликтов с политикой партии. Партия постоянно настаивала на своем праве попирать законы, если того требовали политические соображения; неизменно повторялось, что оговоренная в своде законов независимость прокуроров и судей не означает независимости от партийных решений, которым они по-прежнему должны повиноваться. В силу этого ограничения теряли большую часть своего практического значения „законные" прерогативы, так как они осуществлялись лишь постольку, поскольку партия была готова их терпеть. Ведь и в период самого бессовестного попрания правовых норм, например в 1937 и 1938 году, прокуроры тоже имели право надзора за орга-

[59] Например, постановление от 24 мая 1955 г. давало прокурорам широкие полномочия по наблюдению за арестами и за всеми стадиями предварительного следствия по уголовный делам, в том числе, по-видимому, и за дознанием, проводимым органами безопасности. Тем не менее, в Уголовно-процессуальных кодексах РСФСР и других союзных республик, оглашенных в октябре 1957 г., примечания, констатирующие, что полномочия надзора за действиями органов безопасности регулируются особыми (не уточненными) правилами, перепечатаны без всяких комментариев. См. «Уголовно-процессуальное законодательство СССР и союзных республик». Сборник. (Основные законодательные акты). Под ред. Д. С. Карева, Москва, 1957, стр. 57, 108, 156, 193, 199, 200, 255, 260, 277, 383, 376. Постановление от 24 мая 1955 г., там же, стр. 31-37.

нами безопасности, и все ордера на аресты должны были подписываться и прокурорами. Но эти прерогативы оказались клочком бумаги, как только партия решила пойти по противозаконному пути. Точно то же может произойти с ними и в будущем. Может быть, лучше всего охарактеризовал положение заместитель Прокурора СССР в беседе с посетившим его американским юристом: «В случае необходимости мы восстановим старые методы. Но я не думаю, что это станет необходимым»[60]. Как бы незначительны ни были улучшения правопорядка в хрущевский период, ретроградных мер в этой области тогда не отмечалось. Основы уголовно-процессуального права, принятые Верховным Советом в декабре 1958 года, и союзно-республиканские кодексы, принятые впоследствии по образцу этих основ, все еще были значительным шагом вперед по сравнению с любыми законами, существовавшими в советском государстве со дня его основания. О преемниках Хрущева того же сказать уже нельзя. Их первые годы у власти ознаменованы неизменным усилением роли КГБ при воздействии на правовые процессы. Полномочия органов безопасности увеличены путем значительного расширения категорий подсудных им преступлений. Хрущев утверждал — может быть, несколько греша против фактов, — что в СССР больше нет политзаключенных. В первые четыре года правления его преемников количество политзаключенных исчислялось тысячами. 16 сентября 1966 года Верховный Совет принял поправку к Уголовному кодексу, имевшую целью пресечь любую критику существующего порядка (на словах, на деле или путем демонстраций), и установил наказание за нарушение новых статей — три года лишения свободы[61]. Быть может, самой яркой иллюстрацией отношения нового руководства к закону было

[60] Берман, ук. место, стр. 1215.
[61] Ныне статьи 190-1, 190-2, 190-3 Уголовного кодекса РСФСР.

назначение в октябре 1967 года профессионального работника органов, заместителя председателя КГБ С. Г. Банникова, членом Верховного Суда СССР.

* * *

Хотя иностранная политика Советского Союза после смерти Сталина — тема, которую мы здесь затрагивать не будем, следует все же коснуться стремления Хрущева заручиться большей поддержкой общества, что отразилось на одном из аспектов внешней политики. Сталин в своих отношениях с некоммунистическим миром, не колеблясь, подводил Советский Союз к самой грани войны. До самой его смерти тянулись бесплодные переговоры об окончании военных действий в Корее. Политика Сталина в последние годы его жизни привела к возникновению военного союза государств, опасавшихся за свою независимость. Хотя советские руководители редко признавали эту возможность (которая явно шла бы вразрез с мессианским характером марксистской историософии), развитие термоядерного оружия делало все более вероятным, что любая война между Советским Союзом и Соединенными Штатами нанесла бы непоправимый урон обеим сторонам. Поэтому внешняя политика советского руководства начала отражать, так же как и его внутренняя политика, необходимость убедить население, боявшееся новой войны, что оно может положиться на своих вождей в деле сохранения мира. Соглашение о перемирии в Корее, достигнутое вскоре после смерти Сталина, было, вероятно, вызвано именно такими соображениями.

Однако руководители партии пытались добиться доверия тех, кем они правили, не путем дипломатических компромиссов или куцых соглашений по разоружению и по международной инспекции или арбитражу — такая политика действительно означала бы полный разрыв с многолетними традициями. Ключевая нота новой политики была хорошо сформулирована Первым секретарем в его речи на XX съезде,

когда он подчеркнул, что войны между социалистическими и несоциалистическими державами не должны больше рассматриваться как нечто неизбежное, поскольку «силы мира» в несоциалистических государствах могут быть мобилизованы для обуздания правительств империалистических стран, стремящихся развязать новую войну.

В переводе на более конкретный язык это означало усиление энергичной кампании по изображению Советского Союза защитником мира, а некоммунистических стран — сторонниками войны. С подобными призывами обращались не только к людям, сочувствующим коммунизму в некоммунистических странах, но и к простым людям — в надежде убедить их, что единственное препятствие на пути к миру состоит в непримиримости правительств некоммунистических стран, отказывающихся договориться с Советским Союзом. Эта политика очень отличалась от той, какую когда-то вел Коминтерн. Тут звучал призыв к гораздо более широкой аудитории, чем имели коммунистические партии, во всяком случае в Западной Европе и в США. Больше того, в некоторых случаях Советский Союз без всякого зазрения совести обходил или сбрасывал со счетов ту или иную коммунистическую партию, когда усматривал бо̀льшую выгоду в приобретении сторонников, которых традиционная коммунистическая партия могла отпугнуть. Эта политика, направленная на поиски более широкой поддержки, чем просто пропаганда коммунизма, велась с особой энергией в бывших колониях в Африке и Азии, где Советский Союз надеялся успешно использовать нараставший национализм и непопулярность западных держав.

То, что целью этой политики было конечное торжество коммунизма в мировом масштабе, никогда не отрицалось; ведь отрицание было бы несовместимо с историософской основой всего марксизма. Отрицалось — причем неоднократно и очень настойчиво — другое: будто КПСС намерена так или иначе содействовать неизбежным историческим процессам путем подрывной деятельности или применения

силы. На XX съезде Первый секретарь подчеркнул не только, что каждая страна имеет право идти к социализму своим собственным путем, но что в некоторых случаях переход к социализму может произойти без гражданской войны или насилия. Однако другие ораторы, в частности Микоян, приводили в качестве примеров мирного перехода к социализму Прибалтийские государства и страны Восточной Европы. Но во всех этих странах коммунизм пришел к власти либо в результате организованной Москвой подрывной работы и прямой угрозы военных действий со стороны Советского Союза, либо же в силу присутствия в данных странах советских вооруженных сил. Очевидно, такая поддержка коммунистических переворотов, оказываемая Советским Союзом, не рассматривалась партией ни как подрывная работа, ни как применение силы.

Руководители партии были, таким образом, заинтересованы в том, чтобы убедить своих сторонников как в самой партии, так и за ее пределами, что они ведут политику мира. Была, однако, область, где они продемонстрировали готовность применять силу, — сохранение коммунистической власти в тех странах, в которых компартии пришли к власти в результате продвижения Красной Армии. И в Восточной Германии в июне 1953 года и в более крупном масштабе в Венгрии в октябре 1956 года советские войска использовали оружие для защиты коммунистических режимов в ходе восстаний, которые, хотя и назывались в Советском Союзе «контрреволюцией», казались беспристрастным наблюдателям (комиссии Объединенных Наций в Венгрии) народными массовыми восстаниями против коммунистического режима, а никак не попытками восстановления реакционного режима в той или иной форме. Очевидно, в таких случаях опасность, связанная со свержением какого-либо коммунистического правительства, брала верх в сознании советских вождей над потерей престижа и над нарушением миролюбивых заверений в связи с военными действиями против рабочих и студентов. (То же самое применимо и к

вторжению в Чехословакию в августе 1968 года, проведенному преемниками Хрущева.) Кроме того, Хрущев, не колеблясь, привел свою страну в 1962 году на грань термоядерной войны, когда попытался разместить ракеты на Кубе. Что бы ни говорилось в советской печати о «мирном сосуществовании», тут же неизменно подчеркивалось, что оно не означает «идеологического сосуществования»; в этой области должна продолжаться ожесточенная, неустанная борьба. Поэтому цель разрядки напряженности состояла в ограждении СССР от термоядерной войны, но в то же время и в энергичном ведении политической борьбы. Изменения, внесенные преемниками Хрущева, касались лишь стиля, но не сути политики. Более смелые в некоторых отношениях, чем Хрущев, и менее заинтересованные в нейтрализации конфликтных районов (Вьетнам, Ближний Восток, Германия), они, тем не менее, преследовали в течение первых лет своего правления ту же цель — достижение максимальных преимуществ в результате ограниченных военных и неограниченных политических акций и уклонение от термоядерного столкновения.

* * *

Разрядка напряжения после смерти Сталина привела к брожению и недовольству старыми методами руководства партии как в СССР, так и в других коммунистических странах. Это серьезно тревожило партийных лидеров в Москве. Партийные идеологи, по-видимому, более заинтересованные в политической пользе, чем в исторической точности, порицали это недовольство, называя его обобщающим термином «ревизионизм» и отождествляя таким образом с теориями, выдвинутыми в 1899 году Бернштейном, который критиковал тезис Маркса и Энгельса о неизбежности насильственной революции в целях достижения социализма. Это отождествление было полезно тем, что давало возможность использовать ленинские нападки шестидесятилетней давности

на Бернштейна и на его русских последователей против бунтарей нового времени. Ревизионисты, говорится в недавно вышедшем авторитетном справочнике, объявляют марксизм-ленинизм «устаревшим», выступают против исторической необходимости пролетарской революции и диктатуры пролетариата при переходе от капитализма к социализму, «отрицают руководящую роль марксистско-ленинской партии», отрицают «принцип пролетарского интернационализма», требуют отказа от демократического централизма и «превращения коммунистической партии в какое-то подобие дискуссионного клуба»[62].

Но новый дух продолжал жить среди интеллигенции. Со стороны писателей (в том числе партийцев) раздавались то осторожные, а то и смелые голоса, призывавшие к искренности в литературе, к свободному изложению мыслей (то есть писать то, что литератор видит, а не то, чего от него требуют), а в некоторых случаях даже критиковавшие партийную смирительную рубашку. Таких голосов не было слышно с начала 30-х годов. Руководители партии реагировали на такие выступления с тревогой, которая еще более усилилась после попытки революции в Венгрии в октябре 1956 года, где ведущую роль играли писатели и интеллигенция. Насколько известно, возврата к методам террора, которые Сталин без всяких колебаний применял, чтобы заглушить голоса своих критиков, не наблюдалось. Но партия увещевала, обхаживала лестью писателей и угрожала им. В конечном итоге, поскольку партия заправляла Союзом писателей, от которого зависело право каждого писателя печататься, она могла оказывать экономическое давление на более смелых людей. Партия не воспрещала критики вообще и не требовала, чтобы не писалось ничего, кроме славословий в честь ее достижений. Но она настаивала на двух условиях: во-первых, всякое творческое

[62] «Политический словарь», 1959, стр. 474 и 475.

искусство должно сознательно способствовать достижению конечных целей партии; «искусство для искусства» недопустимо; а во-вторых, хотя критиковать отдельные недостатки в рамках системы можно, саму систему критиковать нельзя, нельзя обострять конфликты, существующие в обществе. Основой литературы должна быть преданность политике партии.

Бо̀льшая свобода допускалась в других областях интеллектуальной жизни. В особенности научно-исследовательская работа освободилась от мертвой хватки сталинских капризов и догматических взглядов; поэтому были достигнуты внушительные успехи. Но оставалась одна область научной работы, в которой партия продолжала проявлять крайнюю чувствительность — история партии. Критика Микояна по адресу «Краткого курса» на XX съезде не открыла дороги для какой-либо объективной оценки событий прошлого. В своей речи на закрытой сессии XX съезда Хрущев старательно подчеркивал, что его критика Сталина относится только к последним годам его жизни: борьба Сталина против троцкистов и правой оппозиции была в принципе совершенно правомерной, даже если на практике она и заходила далеко. Партийное руководство стремилось теперь обосновать свою политику путем нового толкования мыслей и деяний Ленина. В результате новые наслоения мифов прибавились к тем легендам, которыми уже обросла история ленинского периода. Статья о далеком прошлом, касавшаяся большевистской политики в марте и апреле 1917 года, до прибытия Ленина в Петроград, где впервые за многие годы факты излагались в какой-то степени объективно, привела к разгрому редакционной коллегии журнала «Вопросы истории», к освобождению от обязанностей первого заместителя редактора и автора статьи, а также к выговору редактору Панкратовой[63]. Несколько изда-

[63] Статью Е. Н. Бурджалова см. в «Вопросах истории», № 4, 1956, стр. 38-56. Постановление, разгромившее редакционную коллегию и, между прочим, раскритиковавшее статью, см. СПР, 1957, стр. 381 и 382.

ний краткой истории партии и шесть томов пространной истории не изменили впечатления, что руководители КПСС не терпят света подлинной исторической науки, направленного на их прошлое.

Таким образом, решимость партии крепко держать народ в тисках остается неослабной. Правда, партия прислушивается, возможно, несколько внимательнее, чем в былые годы, к голосу «масс», но она все еще считает, что должна вести их, а в случае необходимости — навязывать им свою волю. И тем не менее, уже через пять лет после смерти Сталина обозначилась глубочайшая разница в отношениях между партией и населением. Внешне население оставалось столь же покорным, столь же слабо осознающим возможность как-то обуздать своих правителей, как и в прошлые семь веков. Но оно уже не тряслось от страха, как при Сталине. Правда, никто не был уверен в том, что террор не вернется, да и без террора суровость существующих законов и их «гибкая» интерпретация судами действовали устрашающе на потенциальных бунтарей. И все же народ, на глазах у которого был ликвидирован Берия и который слышал (хотя и из вторых рук) уничтожающую хрущевскую критику Сталина, не мог не чувствовать, что какая-то доля колдовской силы, окружавшая Сталина, испарилась.

Позиция Хрущева, оказавшегося лицом к лицу с новой волной непривычной духовной свободы, была по необходимости несколько двусмысленной. С одной стороны, человек, сформировавшийся в партийном аппарате и в сталинской традиции, вряд ли приветствовал даже ограниченную свободу критики. С другой же стороны, Хрущев считал себя разоблачителем Сталина и не мог просто пойти на попятную, не играя при этом на руку своим противникам. Таким образом, как бы ни стращали и ни донимали интеллигенцию Хрущев и его идеологи, два важнейших достижения остались в силе. Во-первых, писатели и ученые получили право критиковать Сталина и его эпоху, даже если из этой критики часто и вытекало, что многое из того, что говорилось в 1936

году, все еще применимо в 1956 году, а то и в 1964 году. (Именно Хрущев лично разрешил в 1962 году публикацию самого страшного и волнующего произведения о концлагерях — повесть «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына.) А во-вторых, с интеллигенцией имела дело партия, а не КГБ.

В обоих этих отношениях наметилось очевидное изменение после того, как власть взяли Брежнев и Косыгин. Критика Сталина и его эпохи была сурово ограничена или даже полностью приостановлена. Позднейшие крупные произведения Солженицына, касающиеся сталинской эпохи, остались неопубликованными в СССР, хотя рукописи проникли за границу и были там опубликованы. И, прежде всего, полномочия КГБ и милиции неизменно расширялись, а КГБ была присвоена активная роль в деле преследований и предания суду писателей, религиозных деятелей и студентов. Хрущев пошел в 1962 году на упразднение всесоюзного Министерства внутренних дел (МВД), ведавшего милицией, и переименовал его в Министерство охраны общественного порядка. Местные работники МВД были даже подчинены исполкомам областных Советов. В июле 1966 года было восстановлено всесоюзное Министерство охраны общественного порядка (новый министр Щелоков тесно связан с Брежневым), а в ноябре 1968 года — и старое название недоброй памяти — МВД. Полномочия органов безопасности — КГБ — неизменно расширялись начиная с 1965 года, и КГБ повел активную кампанию преследования инакомыслящей интеллигенции. Началась эта кампания на Украине летом 1965 года. Писатели Синявский и Даниэль, арестованные в сентябре того же года, предстали перед судом и были осуждены в начале следующего года.

Конечно, отчасти это завинчивание гаек в стране было вызвано ростом преступности, алкоголизма и хулиганства — явлений, характерных не только для Советского Союза, но и для некоммунистических стран. Но одно явление было совершенно новым и, по мнению вождей партии, весьма тревожным симптомом — рост движения протеста, охватив-

шего широкие слои общества и проявлявшего признаки организованности. Движение это охватило также баптистов и православную церковь, представители которых мужественно и энергично выражали свое недовольство официально назначенными руководителями и требовали от советских и партийных властей соблюдения существующих законов[64]. Ходатайства о соблюдении законности, исходившие от писателей, студентов, ученых и многих других групп и адресованные властям, имели своей главной мишенью принятые в 1966 году статьи 190-1, 190-2, 190-3 Уголовного кодекса РСФСР; лица, подписавшие эти протесты, совершенно правильно считали, что новые законы нарушают Конституцию 1936 года. Имели также место многочисленные протесты и коллективные требования в связи с приговором Синявскому и Даниэлю в 1966 году и с некоторыми последовавшими процессами других инакомыслящих. Документы, составленные группами инакомыслящих и посылавшиеся в адрес советских руководителей, прокуроров, Верховного Совета и т. д., распространяются относительно свободно в СССР и десятками, а то и сотнями попадают за границу. Издается и распространяется несколько подпольных литературных и общественных журналов[65]. Четыре отличительных черты характерны для этого нового движения протеста. Во-первых, отсутствие анонимности: полные списки подписей и адресов фигурируют почти на всех документах; во-вторых, отсутствие какого-либо специфически антисоветского содержания: почти всегда подписывающие призывают к соблюдению Конституции и существующих законов, а не к отмене советской системы; в-третьих, тот факт, что впервые за тридцать лет, или даже больше, инакомыслящие находят в себе муже-

[64] О религиозном движении см. две книги M. Bourdeaux, *Religious Ferment in Russia*, London, 1968 и *Patriarch and Prophets*, London, 1970.

[65] Полезную подборку этих документов см. в двух специальных выпусках журнала Problems of Communism, Washington, июль-август и сентябрь-октябрь 1968.

ство — в советских условиях — действовать коллективно и сплоченно для общего протеста; наконец, то обстоятельство, что движение протеста не ограничивается писателями и студентами, а охватывает и некоторых ученых[66] — сторона дела очень важная, так как, с точки зрения советских руководителей, без писателей обойтись можно, без ученых — нельзя.

Дать окончательную оценку этому новому явлению в советской жизни в настоящее время еще невозможно. С одной стороны, партия с помощью КГБ закрепляет свои позиции путем репрессий, и нет оснований полагать, что ей не хватает возможностей для их усиления. С другой стороны, движение существует уже несколько лет (строки эти пишутся в 1970 году), несмотря на все репрессии. Очевидно, члены его черпают мужество в той гласности, которой на более ранних стадиях режима они не пользовались. Будет ли этот новый призыв к совести и здравому смыслу потоплен в крови? Или же настойчивость и жизненность человеческого духа восторжествуют над дряхлеющим и устаревшим деспотизмом?

[66] См. в особенности А. Д. Сахаров, «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», Франкфурт, 1968.

ЭПИЛОГ

СООБРАЖЕНИЯ ОБ ИЗМЕНЕНИИ РОЛИ ПАРТИИ В ТОТАЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ

Коммунистическая партия Советского Союза почерпнула свое вдохновение из идей Маркса, переплавленных в горниле динамичного революционного учения Ленина. Но Маркс никогда даже не упоминал о партии пролетариата, осуществляющей власть после успешной революции. Можно даже сказать, что такое понятие противоречит всей его общественно-революционной философии. Маркс рассматривал революцию как завершение борьбы, а потому и как кульминацию сознательности рабочего класса: революция кладет конец разрыву между обществом и государством и тем самым приводит к преодолению (Aufhebung) классов и самого государства. Наоборот, захват власти, осуществляемый партией во имя отвлеченного понятия, именуемого социализмом, до возникновения необходимых для этого общественных условий, приводит лишь к замене одного вида тирании другим — обвинение, неоднократно выдвигавшееся Марксом против французских якобинцев[1].

[1] Наиболее детальное и ясное изложение политического мышления Маркса см. у Shlomo Avinieri, *The Social and Political Thought of Karl Marx*, Cambridge, 1968.

Однако мысль о захвате и удержании власти «классом» явно утопична и неосуществима на практике. Ленин изобрел практическое средство — партию избранных, действующую от имени класса, пролетариата; но тем самым Ленин совершенно исказил утопию Маркса. И все же некоторые элементы утопии всегда наличествовали в сознании Ленина, во всяком случае, в разгар его революционного ликования. В работе «Государство и революция», написанной накануне захвата власти, Ленин все еще говорил о начале «отмирания государства» (выражение Энгельса, у Маркса не встречающееся) на следующий день после революции и о дружной коллективной работе в области администрирования, которое в недалеком будущем займет место всякого принуждения. Со временем реальность власти вытеснила легкомысленный оптимизм насчет «отмирания», а веру во все более удаляющуюся утопию пришлось подкреплять растущей верой в миф, согласно которому «партия» и «пролетариат» — это одно и то же. Поскольку государство «преодолено» не было и поскольку пролетариат не достиг той степени классовой сознательности, которая в теории должна предшествовать революции, на партию постоянно возлагались новые обязанности: она выискивала все новых врагов, травила политических противников, укрепляла Красную Армию, командовала Советами и профсоюзами, трудилась над восстановлением разрушенной промышленности. К 1921 году Ленин создал однопартийное государство, в котором партия-монополист претендовала на право руководить всеми сторонами жизни общества, хотя осуществить это она не могла.

Не подлежит сомнению, что система, введенная Лениным на X съезде партии в 1921 году, сформировала и продолжает формировать компартию Советского Союза да и многие другие компартии. Но заключать из этого, что март 1921 года явился как бы завершением ленинского политического мировоззрения, было бы несправедливо. Во-первых, последние политические сочинения Ленина показывают, что он предвидел длительный период, измеряемый, может быть,

поколениями, период, в ходе которого отсталая Россия постепенно врастала бы в социализм. Этот период упорного труда предполагал прежде всего мир между деревней и городом: в этом был смысл НЭПа. Предполагал он также изменение морального облика членов партии, на что Ленин, быть может наивно, надеялся до конца своих дней. Ленин признавал, что попытка развить общественную сознательность после, а не до революции ставила с ног на голову марксов порядок вещей, но он оправдывал это утверждением, будто необходимость захвата власти в октябре 1917 года была навязана большевикам ходом событий.

Ленин не дожил до осуществления своей программы. К 1922 году его уже теснили нетерпеливые последователи, а в марте 1923 года он и совсем замолчал в результате апоплексического удара. Некоторые историки считают, что система, введенная на X съезде партии, была задумана только как временное мероприятие, вызванное чрезвычайной обстановкой того времени, хотя Ленин никогда ничего подобного не говорил. Но чрезвычайное положение продолжалось, пока был жив Ленин; у него, стало быть, не было никакой возможности менять систему. По мнению других историков, в том числе и автора этой книги, основы системы, сооруженной Сталиным для укрепления своей тирании, были заложены Лениным. Это — весьма убедительная концепция, в пользу которой говорит многое. Следует признать, однако, что Ленина подкосил удар, когда его деятельность еще не была завершена.

Партия, какой ее оставил Ленин, была — по крайней мере, в теории — монолитной. X съезд сурово ограничил всякие разногласия и положил конец фракционности. Она была также — говоря языком нашего времени — партией «монополистической», поскольку создания других партий не допускалось и поскольку она обладала монопольным правом вмешиваться во все области общественной и частной жизни. Конечно, при жизни Ленина, да и в течение многих последующих лет, партия на практике этим правом полностью

не пользовалась. Некоторые историки считают такой тип партии отличительным признаком так называемого тоталитарного государства. Оставляя пока в стороне вопрос, применим ли термин «тоталитаризм» к гитлеровской Германии или к сталинской России, или даже к Италии Муссолини (который, видимо, изобрел этот термин), отметим, что есть ряд причин, в силу которых его трудно применить к ленинской России.

Как бы суровы ни были мероприятия 1921 года по ущемлению партии, она, тем не менее, выжила как организация. Инакомыслящие («оппозиционеры») или, во всяком случае, бо́льшая их часть, согласились с необходимостью умерить свою деятельность, но глухая оппозиция проявлялась еще многие годы. Съезды созывались регулярно, контрольные органы партии сохраняли какое-то подобие независимости (до 1922 года), а в некоторых сферах, с политикой прямо не связанных, вопросам идеологии в течение многих лет придавалось особое значение. Конечно, Ленин доминировал над партией, но, в отличие от Сталина, он не разрушил ее полностью. И еще одно: если отличительной чертой тоталитарного общества считать власть идеологии или использование идеологии для осуществления власти, то все это развилось только после того, как Сталин развязал свою Третью революцию[2].

Но является ли партия-монополист в вышеуказанном смысле отличительной чертой тоталитарного общества, как это думают многие историки?[3] Опыт сталинской диктатуры — во всяком случае, после террора 1936-38 года — заставляет в этом сомневаться. Ведь Сталин уничтожил партию как

[2] Эта оценка Ленина отражает некоторое изменение тех взглядов, которых я придерживался в первом издании этой книги и в более ранних работах. Тщательное изучение последних произведений Ленина заставило меня придать большее значение той внезапности, с которой его политические цели были пресечены болезнью.

[3] См., напр., Carl J. Friedrich (ed.), *Totalitarianism*, Cambridge, Mass., 1954, стр. 47.

институт и подорвал ее монопольную власть: он даже использовал органы безопасности и государственный аппарат в качестве соперников партии. Для деспота тоталитарного режима характерно следующее: он не терпит существования какого бы то ни было учреждения с собственной корпоративной жизнью и политикой, поскольку оно неизбежно ущемляет его собственную верховную власть. Муссолини — наименее удачливый из современных тиранов — вел беспрерывную борьбу против фашистской партии[4]. Гитлер будто бы заслужил восхищение Сталина той основательностью, с которой он 30 июня 1934 года раз и навсегда подчинил себе партию. Сталинский террор, начиная с убийства Кирова 1 декабря того же года, следует рассматривать отчасти как аналогичную борьбу с целью расправы с компартией как с институтом.

Повторяю, в природе правления деспота тоталитарного режима заложена его нетерпимость к любому соперничающему с ним институту. Именно по этой причине деспот стремится так или иначе превратить Советы или другие учреждения в бутафорию, на обломках которой он затем строит свою власть. Партия, какой бы монополистской она ни была, ведет корпоративную жизнь, обладает институционным устройством и своей живой идеологией и может стать столь же страшной угрозой деспоту, что и свободный парламент: поэтому деспот должен уничтожить ее, прежде чем она уничтожит его. Иногда говорится, что тоталитарный строй стремится к полному поглощению общества государством. Опыт сталинского периода (то же самое можно сказать о Муссолини и о Гитлере) свидетельствует об ошибочности этого взгляда: государство со своими группами и институтами становится мишенью для деспота в его стремлении к тотальной власти. Его идеал — аморфная масса, которую он может формировать по своей прихоти.

[4] Alberto Aquarone, *L'organizzazione dello Stato Totalitario*, Torino, 1965, стр. 187 и 188; Renzo De Felice, *Mussolini il Fascista*, I, *La conquista del potere, 1921-1925*, Torino, 1966, стр. 401-438.

Несмотря на обильную литературу последних лет о природе тоталитаризма, анализ Макса Вебера, различающий три «чистых типа» законной власти (правовую, традиционную и харизматическую)[5], все еще остается лучшим для изучения советского строя. Как известно, Вебер утверждал, что «чистые типы» — в том законченном виде, в каком он их описывает — на практике не встречаются. Но он считал их «предельно точную формулировку»[6] полезным методом анализа. Достоверно, что и партийной и государственной бюрократии в Советском Союзе присущи некоторые отличительные черты первого чистого типа — типа правовой власти с бюрократически-административным составом. Существует довольно четкая иерархия должностей как в партийной, так и в правительственной бюрократии; существует точная шкала окладов и более или менее ясно разграниченные сферы компетенции. Но этим и ограничивается внешнее сходство советской административной системы — все равно, партийной или правительственной — с «правовой властью» в веберовском смысле. Прежде всего, средства принуждения, находящиеся в распоряжении административных аппаратов, и условия их применения точно не определены, да и применяются они не по строгим правилам; применение силы не подчинено точно определенной и полностью отрегулированной системе правовых норм; суды, применяющие закон, отнюдь не независимы от возглавляющих административную иерархию лиц. Эти важнейшие аспекты «правовой власти» начисто отсутствуют в советской системе. С другой стороны, у работника, занимающего определенную должность в партийной (да и

[5] Max Weber, *Grundriss der Sozialökonomik, III Abteilung.* Wirtschaft und Gesellschaft, 2-е изд., 1-й полутом, Тюбинген, 1925, стр. 122-176. [«Харизматический» от греч. слова «харизма» — помазание (на царство) употребляется Вебером (и другими современными социологами) в более специфическом смысле. «Харизматический» вождь — человек, правящий государством без юридических на то оснований. Прим. переводчика].

[6] Там же, стр. 124.

в правительственной) бюрократии нет ни прав, которые он мог бы отстаивать в пределах бюрократии, ни уверенности в своем служебном положении, за которое он мог бы бороться. У него нет независимого метода, с помощью которого он мог бы оспаривать решения начальства. Самое большее, что он может сделать, это дойти до Генерального секретаря ЦК или даже Политбюро. Ни один человек вне бюрократии, ущемленный в своих правах действиями партийного работника, не обладает в рамках советского права возможностью обжаловать эти действия в суде; опять-таки ему не остается ничего иного, кроме как жаловаться — либо тем, кто допустил эти действия, либо их начальству. Его шансы на успех зависят от прихоти отдельных лиц, а не от правовых норм; они определяются политическими взаимоотношениями между верховными руководителями партии и лицами, ответственными за данное действие.

Итак, аналогию советской системе следует, по-видимому, искать в других названных Вебером типах — в традиционной власти или, порой, во власти харизматической. В той или иной форме решающим моментом для этих двух видов власти является личный авторитет руководителя, независимо от того, подчиняется ли он традиционным ограничениям. Вместо статуса, при котором чиновники имели бы строго определенные права (и обязанности) в рамках иерархии, налицо положение, при котором должность зависит от прихоти; вместо пригодности и эффективности, самым важным для такой должности становится преданность. Эти отличительные черты неизменно наличествуют в партийном аппарате на всех этапах советской истории.

Цель нашего экскурса — выяснить, насколько далеки партийный и государственный аппараты в Советском Союзе от классического понимания «бюрократии». Что бы ни творилось при Сталине, партия никогда не была бюрократией в точном смысле слова. По существу она оставалась сборищем вельмож и их челяди. Источником авторитета каждого партийного работника служил не занимаемый им пост, а

тот факт, что работа на данном посту (с которого, как все знали, его могли в любой момент снять) означала расположение к нему высшего начальства. Полномочия работника определялись не законом, а той степенью, в какой он мог пускать в ход машину репрессий. Конечно, бывало, что в течение длительных периодов партийный аппарат (или отдельные его секторы) работал бесперебойно, причем каждый отдельный работник делал что мог в нечетко разграниченной сфере своей компетенции. Но в конечном итоге его сила (или слабость) зависела — в самом последнем звене длинной цепи подчиненных и начальников — от воли высшего начальства, причем не только сила, но и возможность сохранить жизнь, во всяком случае, жизнь привилегированную и комфортабельную.

Хрущев восстановил институционные рамки партии, ее уничтоженные Сталиным органы и нормы. Но от этого партия не стала более демократичной, а партийный режим — разновидностью правовой власти. Прежде всего — и это, быть может, важнее всего — партийный работник так и не освободился от своей зависимости от Первого секретаря, главного заправилы партийного аппарата. В партийных органах, куда он мог обращаться, хозяйничал тот же Первый секретарь. Так, последний разработанный Хрущевым в 1962 году механизм надзора за партийными работниками — Комитет партийно-государственного контроля возглавлялся в центре человеком, пришедшим в Секретариат из органов безопасности; на всех низших уровнях местные комитеты партгосконтроля возглавлялись соответствующими первыми секретарями партии. Эта хрущевская политика была логическим продолжением традиции, сложившейся в 1922 году, по которой в случае конфликта между партийным работником (или членом партии) и партийной иерархией вопрос решали сами руководители этой иерархии.

Помимо того, хотя Хрущев и сделал многое для укрепления авторитета и влияния партии, он полностью сохранил ту личную власть, в силу которой он в качестве Первого

секретаря распоряжался судьбами партийных работников и вообще всех членов партии. Пока эта власть оставалась в его руках, она укреплялась еще и тем обстоятельством, что Хрущев неизменно имел возможность держать своих людей на всех решающих постах управления кадрами. Хотя эта власть не была столь смертоносной, как при Сталине, она зачастую бывала столь же абсолютной по своему эффекту. Достаточно напомнить хотя бы о снятии с постов больше половины первых секретарей обкомов между январем 1960 года и октябрем 1961 года или упразднении свыше половины должностей первых секретарей райкомов в 1962 и 1963 году. При Хрущеве ни одному партийному работнику и в голову не приходило сомневаться, что его судьба зависит от Первого секретаря. Поддержка Хрущева (до его падения) ответственными работниками в ЦК была этому красноречивым доказательством. Если эту разновидность произвольной личной власти — по контрасту с властью, действующей через посредство институтов при точно и законно разграниченных сферах компетенции — считать существенной чертой тоталитаризма, то хрущевское владычество следует назвать тоталитарным.

Пожалуй, именно навязыванием своей воли в расстановке кадров и определении политического курса Хрущев и заложил основу конфликта с партийными аппаратчиками, который привел к его падению. Восстановив партию как институт, он делал все, что мог, чтобы помешать этому институту функционировать. Иногда, как например, на XXII съезде, имело место что-то напоминавшее свободные прения. В других случаях нечто похожее происходило за закрытыми дверями: об этом не сообщалось в печати. Время от времени на самом низшем уровне партийной деятельности — в первичных организациях — члены партии успешно отстаивали свое право избирать кандидатов по собственному выбору вместо лиц, навязываемых им вышестоящими инстанциями. Но до партийной демократии было еще далеко. Традиционная власть аппарата оставалась в силе, как и при Сталине — с одной только разницей: при Сталине террор приучил членов

партии принимать произвольное попрание всех обусловленных чином или номенклатурой прав как нечто естественное, как должное. В течение менее жесткого хрущевского правления аппаратчики начали тяготиться тем положением вещей, которое они, волей-неволей, терпели при Сталине. Это оказалось одним из факторов, вызвавших падение Хрущева. Хрущевский период лишний раз показал, что верховный правитель однопартийного общества не может разрешить партии стать «монополистом», то есть институтом со своей собственной корпоративной жизнью, со всякими привилегиями и соответствующими должностям. В этом отношении (хотя, конечно, не во многих других) период, когда Первым секретарем был Хрущев, походил на сталинский период. Но он резко отличался от ленинского периода, когда партия еще не перестала быть институтом со своей собственной жизнью и в этом смысле была подлинным «монополистом».

Какие перспективы стоят перед партией после падения Хрущева и воцарения «коллективного руководства»? Мы еще не отошли достаточно далеко по времени от событий, чтобы оценить положение с известной уверенностью — тем более, что оно имеет переходный характер. Но переходный к чему? В круг задач историка не входят предсказания. Он может только указывать на тенденции и определившиеся факторы и намечать те направления, по которым, возможно, пойдет в дальнейшем развитие событий. Да и то он может упустить какие-то тенденции, значение которых в его время еще не выявилось и которые станут очевидными только для будущих историков.

«Коллективное правление», или, пользуясь советской терминологией, «коллективное руководство», важно, в основном, для определения политики на верхах. Тот факт, что должности Генерального секретаря партии и Председателя Совета Министров поделили между собой два влиятельных политика, неизбежно привел к разграничению сфер, функций и интересов. Это в свою очередь сделало необходимым политическое согласие в Политбюро обоих руководи-

телей и, естественно, других наиболее влиятельных лиц. Обозначилось также некоторое разделение ответственности. Например, преобладающая ответственность за промышленность или внешнюю политику — дело руководителя правительства, а ответственность за проблемы безопасности, идеологии и международного коммунистического движения — дело вождя партии. Некоторым, наиболее беззастенчивым формам вмешательства партии в хозяйственную жизнь страны, поощрявшимся Хрущевым, был положен конец, а все созданные им странные, гибридные партийно-государственные органы — раскассированы. Несмотря на это разграничение областей, однако, было бы преждевременно говорить о превращении партийного и государственного аппарата в отдельные институты, обладающие какой-то долей независимости. Невзирая на «коллективное руководство», старые навыки еще процветают. Вопрос этот немаловажен теоретически, так как существование в Советском Союзе двух соперничающих и в значительной степени независимых друг от друга институтов — государства и партии — не позволяет, возможно, называть эту страну «тоталитарной» в полном смысле этого избитого термина.

В настоящее время (1970 год) нет еще указаний на то, что соперничество партийных и государственных органов и их независимость друг от друга действительно существуют. Все говорит о том, что рычаги управления по-прежнему прочно находятся в руках центральных органов — Политбюро, Секретариата, отделов ЦК или в руках таких управляемых ими орудий, как КГБ. В нижестоящих органах правила и правопорядок соблюдаются только до тех пор, пока у центра не находится оснований для вмешательства. Политическая жизнь в Советском Союзе остается тем, чем она была всегда — взаимодействием облеченных полнотой власти руководителей через сторонников и через оперативные базы в борьбе за сохранение и усиление их влияния. Этой отличительной черты не изменил и факт наличия по меньшей мере двух сильных вождей, равных или почти равных друг другу по

своему влиянию. При таком положении вещей партия остается тем, чем она была в течение многих лет, — сложной сетью сфер влияния и власти, но сетью в значительной степени разбросанной и, в смысле влияния и авторитета, неизменно зависимой от тех личных связей с хозяевами на верхах, которые может пустить в ход отдельный работник или член партии. В этом смысле положение государственного аппарата мало чем отличается от положения аппарата партийного. Ни в том, ни в другом случае отдельный работник не может найти защиты против всемогущего центра в независимом суде или в рамках ясного, недвусмысленного кодекса правил, обязательного для верховных руководителей.

Поэтому Советский Союз все еще следует считать тоталитарным государством. Этот тезис подкрепляется существованием своеобразного механизма власти, известного под именем идеологии — системы, при которой власть определяет и навязывает обществу обязательные для всех убеждения и насильственно предотвращает высказывание мнений, несовместимых с официальным кредо. Рвение, с которым единообразие этих убеждений навязывается обществу, колеблется от периода к периоду. Своего наибольшего накала оно достигло в последние двадцать лет жизни Сталина, когда оно было гораздо сильнее, чем после 1964 года. Но оно значительно усилилось после падения Хрущева по сравнению с периодом его правления. Разница эта лишь в степени накала, но пренебрегать ею не следует. После 1953 года в Советском Союзе шло гораздо больше споров, ставивших под сомнение официальные доктрины, чем в предшествующий двадцатилетний период. Есть даже признаки существования инакомыслящих групп — в церквах, в писательской и академической среде, а также в других слоях общества. Время от времени становится известным мнение военных, экономистов, даже юристов, имеющее цель воздействовать на общий политический курс. Значение этих новых тенденций пока что оценить трудно. Все, что можно сказать в настоящее время, сводится к следующему: во-первых, незави-

симая мысль — даже отдельных лиц — не только еще не узаконена, но и не дозволена. Инакомыслящие рискуют своей свободой, а власти никогда не испытывают недостатка ни в средствах, ни в готовности держать под контролем или репрессировать этих инакомыслящих. Вторжение в Чехословакию в августе 1968 года было отчасти вызвано страхом перед тем влиянием, какое пример одной, относительно свободной социалистической страны может оказать на другую, гораздо менее свободную во всех отношениях. И во-вторых, хотя к мнению отдельных, относительно влиятельных общественных групп власти прислушиваются и принимают его в расчет, ему до сих пор не позволено выкристаллизоваться в форме, так сказать, группового мнения. Кроме того, лицам, придерживающимся этих взглядов в своей сфере, будь то в сфере военной, в экономике или еще где-нибудь, не разрешается создавать «инициативные группы» для оказания какого-либо давления, хотя несомненно были случаи, когда военные или представители промышленности оказывали влияние на политику. Только время покажет, является ли этот намечающийся плюрализм провозвестником изменения природы советского общества, а тем самым и роли коммунистической партии.

Самым важным вопросом советской политической жизни в ближайшие годы, возможно, станет вопрос, выдержит ли коллективное правление испытание временем, или же ему на смену придет новый самодержавный диктатор — фигура, характерная для всей советской истории и для всех тоталитарных режимов нашей эпохи. Многое говорит в пользу возвращения к традиционной форме диктатуры. Принятие серьезных решений в политике предполагает наличие одного человека, будь то президента или премьер-министра, имеющего возможность принимать такие решения, пока он занимает свою должность. В годы, когда советское государство только-только зарождалось, Макс Вебер писал: «Нельзя представить себе внешней или внутренней политики великой державы, которая руководилась бы твердо и последовательно

на коллегиальных началах»[7]. Тяга к еще более радикальным методам расправы с новым движением протеста или плюрализма способствовала бы появлению нового диктатора, ибо коллегиальное руководство не способно эффективно применять террор. Современная стратегия предусматривает необходимость принимать жизненно важные решения в течение минут. В настоящее время (1970 год), по-моему, нынешний Генеральный секретарь таким правом не обладает, хотя есть и доводы в пользу обратного суждения.

Эксперименты, проведенные при диктаторах, — произвол и террор при Сталине, непредсказуемые капризы Хрущева — причинили настолько глубокие душевные травмы, что все советские руководители боятся повторения этих экспериментов. Система единоличной диктатуры открывает путь к борьбе за власть, к заговорам и переворотам, исключающим рациональное правление. Единовластный диктатор не может назначить себе преемника (как это понял на свою беду Хрущев в случае с Козловым), не способствуя тем самым либо интригам против преемника, либо же интригам преемника против себя самого. Он не может даже быть уверенным в том, что, разместив своих сторонников на решающих постах, он тем самым обеспечивает собственную безопасность. (Заговорщики 1964 года, свергнувшие Хрущева, были поголовно обязаны своей карьерой экспансивному Первому секретарю). Его коллеги не располагают конституционным методом для его устранения (как это выяснилось в 1957 году); им приходится прибегать к заговору, что имело место в 1964 году. Все это не способствует рациональному правлению. И, прежде всего, сосредоточение власти без ответственности (если не считать «ответственности» перед дворцовым переворотом) менее всего способствует той экономической рационализации, которая, по-видимому, является целью ряда групп совет-

[7] Там же, стр. 163.

ского общества, в том числе плановиков и ученых. Но эти доводы не исчерпывают всех возможностей.

Если стране суждено увидеть появление нового диктатора, то партия, по всей вероятности, сохранит свою сталинско-хрущевскую форму: она не будет иметь институционной жизни, будет атомизирована, а ее члены будут лишены прочно закрепленных прав. С другой стороны, если стрелка качнется в сторону продолжения коллективного правления, то не исключена возможность появления более самоуверенной, институционной партии со своей собственной политикой и со своим специфическим корпоративным бытием. В конечном итоге решение этого вопроса может зависеть от возрастного состава партии. Около половины всех членов КПСС — люди моложе сорока лет. Но Политбюро, центральный и местный аппараты крепко удерживаются в руках партийцев старше пятидесяти лет. Коммунист моложе сорока лет, в отличие от людей старшего поколения, не несет на себе бремени вины и страха перед возмездием, которое угнетает людей, участвовавших в сталинском терроре. У более молодых партийцев общее образование, вероятно, не столь основательно, как у их старших товарищей. Но они знают, что живут в мире термоядерной энергии, некоторым из них кое-что известно о других странах, и они травмированы конфликтом с Китаем. Они видели крах единства коммунистической идеологии и, подобно Калибану, увидели отражение своей собственной системы в кривом зеркале Китая. Их боги — технология и материальное благополучие — требуют рациональности. Когда до этих молодых людей дойдет очередь занять средние и высшие ряды партии, а может быть, даже сказать свое слово при отборе руководителей на верхах, будут ли они, подобно своим отцам, подобно всем советским руководителям от Ленина до Брежнева, все еще бояться свободного слова и свободной мысли?

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Литература по истории партии необъятна. Потребовалась бы еще одна книга, размером, по меньшей мере, равная этой, чтобы только перечислить все те труды, которые я просмотрел, — да и они составили бы лишь малую часть всех имеющихся источников. Как правило, я пользовался первоисточниками или, за неимением таковых, наилучшими побочными источниками. Я не всюду указываю их, поскольку это обременило бы текст большим количеством различных примечаний. Но я неизменно старался указывать источник каждого факта, который можно считать малоизвестным или спорным, а также давал ссылки при прямых цитатах. В большинстве случаев я приводил полные названия книг или статей, на которые ссылался. В тех случаях, однако, когда я неоднократно ссылался на один и тот же источник, я прибегал я сокращениям. (Список сокращений с расшифровкой названий источников приводится в конце этой справки.) Цель справки двоякая. Во-первых, она стремится дать читателю какое-то представление о степени обоснованности книги и кое-какие сведения о самих источниках. Во-вторых, она представляет собой краткий путеводитель по литературе в целом, так что читатель, который захотел бы заняться этой темой или одним из ее аспектов, мог бы обратиться к научным трудам на английском языке, а они в свою очередь помогли бы ему разобраться в литературе по этой теме.

ПЕРВОИСТОЧНИКИ

Самым важным источником информации о партии являются протоколы партийных съездов и конференций. Почти о всех съездах существуют полные отчеты, за исключением I съезда в 1898 году, протокол которого до нас не дошел. За немногими исключениями (в частности, XIX съезда в 1952 году), протоколы напечатаны в виде отдельных книг, но даже в случаях исключений существуют довольно полные отчеты в периодической печати. Протоколы ряда съездов, в том числе II и с IV по XI включительно, были изданы в начале 30-х годов со многими аннотациями и приложениями Институтом Маркса-Энгельса-Ленина. Эти издания содержат ценную информацию, основанную на неопубликованных материалах из партийного архива. За последние годы вышли в свет новые аннотированные издания протоколов большинства ранних съездов и конференций. В некоторых случаях для информации делегатов съезда или конференции выпускались бюллетени, где иногда содержатся данные, впоследствии не попавшие в печать. (Один примечательный пример — бюллетень XIX съезда, в котором содержится «Завещание» Ленина, не фигурировавшее в опубликованном протоколе). Но эти бюллетени весьма редки, поэтому я мог пользоваться ими только в немногих случаях.

Нет протоколов заседаний Политбюро или Президиума, которые, само собой разумеется, носят строго доверительный характер. Есть несколько выдержек из протоколов заседаний Политбюро среди бумаг Троцкого в библиотеке Гарвардского университета, но они весьма кратки и большого интереса не представляют.

Как правило, протоколы пленумов ЦК не публикуются, хотя публикуются их постановления и зачастую тексты некоторых речей. Опубликованы протоколы заседаний ЦК с августа 1917 года по февраль 1918 года, а также

протоколы, пожалуй, столь же важного Петербургского комитета за 1917 год. Затем, в конце 1958 года, был опубликован большим тиражом протокол декабрьского пленума ЦК. Эта практика продолжалась в течение всего хрущевского периода. Но все же это только небольшая часть целого.

Что касается периода до 1917 года, то существует масса несколько хаотической документации в форме отчетов об отдельных партийных съездах и конференциях, разбросанной в брошюрах, подпольных газетах или в послереволюционных изданиях документов из архивов партии. В послереволюционный период, когда партия стала правящей силой, важная информация появлялась в официальных документах. Строго говоря, они, конечно, не носят партийного характера, но все же достаточно освещают политику и деятельность партии. Это протоколы съездов Советов, отчеты ВЦИК, постановления, кодексы законов и т. д.

Есть две категории источников, имеющие значение для исследования периода до 1917 года. Первая — это переписка руководителей партии (таких, как Плеханов, Аксельрод, Потресов, Мартов, Ленин), значительная часть которой издана. Другая категория — сведения о революционной деятельности, имевшиеся в распоряжении царской полиции, основанные главным образом на донесениях агентов. Выдержки из полицейских документов о революционной деятельности изданы после революции и представляют собой ценный источник. (Я также использовал неопубликованные полицейские материалы, хранящиеся в виде машинописных текстов в библиотеке Конгресса США.)

Опубликовано значительное число документов, касающихся революционных лет — 1905 и 1917, причем многие из них — за последние годы. Хотя научная методика редактирования этих документов отражает влияние политических соображений и тщательного отбора, предпринятого явно с целью утаить участие в этих революциях кого-либо кроме большевиков, они все же содержат ценную инфор-

мацию. За последние годы некоторые из этих материалов были использованы зарубежными историками, занимающимися изучением обеих революций. Но остается сделать еще очень много.

Мемуары участников событий составляют еще одну категорию источников, без которой обойтись нельзя. Их существует великое множество. В последние годы были переизданы мемуары старых членов партии, давно уже ставшие недоступными. К сожалению, в новых текстах нередко имеются неоговоренные пропуски, которые можно выявить только путем сличения с редкими первыми изданиями, пропуски, продиктованные изменившимся толкованием истории партии.

Важным источником как мемуаров и документов, извлеченных из центральных и местных партийных архивов, так и статей, основанных на архивных материалах, недоступных для зарубежных ученых, является ряд периодических изданий, посвященных, в основном или частично, истории партии. Самые важные из них: «Пролетарская революция», «Красная летопись», «Красный архив», «Былое», «Каторга и ссылка», «Исторический архив» и «Вопросы истории». С 1957 года издается специальный журнал, посвященный истории партии — «Вопросы истории КПСС», который, хотя и напечатал ряд интересных материалов, оставляет желать лучшего в смысле научной методики.

Начиная с 1919 года партия издавала официальный журнал, в котором публиковались документы, постановления и разные фактические данные, выпускавшиеся за подписью ЦК. Но характер этого журнала претерпел значительные изменения. С 1919 по 1929 год он назывался «Известиями Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)» и был почти целиком посвящен чисто фактическому материалу. Почти всей нашей информацией о структуре и функционировании партии в указанный период мы обязаны этому журналу. В 1929 году его сменил новый, более популярный журнал — «Партийное

строительство», которому в 1946 году пришел на смену еще более популярный пропагандистский журнал — «Партийная жизнь». Эти два последних журнала содержат гораздо меньше статистических и фактических данных, чем первый, хотя в последние годы (1962, 1965 и 1967) «Партийная жизнь» возобновила публикацию статистических данных о составе партии за период 1955-66 годы. Оба журнала, однако, весьма важны, поскольку они проливают свет на вопрос об обязанностях членов партии и на проблемы и сдвиги в деятельности партии, особенно на более низких ее ступенях; я широко использовал информацию, содержащуюся в них. Так как цель журналов — информирование низовых партийных работников, то их можно считать авторитетными источниками для определения функций партии. В различные периоды существовали и другие официальные издания ЦК, содержавшие уникальную информацию. С 1921 по 1936 год выходил, например, ежегодно (но с пропусками) «Справочник партийного работника», в котором воспроизводились многочисленные партийные постановления и инструкции. Издание этих полезных сборников возобновилось в 1957 году. В нашем распоряжении имеются также детальные материалы, издававшиеся Статистическим отделом ЦК; самым важным из них следует считать публикацию результатов партийных переписей, последняя из которых была, насколько известно, проведена в 1927 году.

Важнейшим источником является, конечно, печать. Для дореволюционного периода газеты (большей частью подпольные), издававшиеся различными фракциями партии, неизменно представляют собой полезный, а то и единственный источник информации. Что касается периода после 1917 года, то, в основном, я полагался на официальные органы партии и правительства — газеты «Правда» и «Известия». Иногда важную информацию можно почерпнуть и из других газет. Так, сведения о республиканских съездах партии можно получить из подробных отчетов, публикуемых в русских республиканских газетах. Я широко

использовал этот материал при изложении фактов послевоенного периода, когда информация о партии из других источников почти иссякла.

Кое-какую одобренную свыше информацию, отсутствующую в других источниках, можно найти в «Большой советской энциклопедии», особенно в ее первом издании.

Помимо уже упомянутых выше опубликованных собраний документов, особого внимания заслуживают три других собрания. Два недавно опубликованных сборника документов, извлеченных из архива Германского Министерства иностранных дел, бросают новый свет на отношения немцев с большевиками во время войны. Речь идет о *Germany and the Revolution in Russia, 1915-1918.* Documents from the Archives of the German Foreign Ministry, ed. by Z.A.B. Zeman, Oxford, 1953, и *Lenins Rückkehr nach Russland, 1917.* Die deutschen Akten. Ed. by Werner Hahlweg, Leiden, 1957. Но в неизданных фондах остается огромная масса необработанного материала, бросающего косвенный свет на историю партии. Пока что он только частично стал доступным исследователям. Мне удалось воспользоваться этим неизданным материалом лишь в очень малой степени. Далее, во время войны немцы захватили около пятисот ящиков с бумагами Смоленского обкома. Этот неоценимый источник информации попал затем в руки американцев и был обработан проф. М. Файнсодом в его труде *Smolensk Under Soviet Rule,* 1958. Я широко пользовался этим трудом.

Некоторые стороны истории партии освещаются многочисленными, еще не изданными собраниями документов, которые в большинстве случаев пока не использованы учеными; мне удалось коснуться их лишь поверхностно. Архив Троцкого в библиотеке Гарвардского университета касается, в основном, его оппозиционной деятельности. Архивы Аксельрода и Алексинского, хранящиеся, соответственно, в Институте общественной истории в Амстердаме и в Колумбийском университете, фактически охватывают всю активную жизнь этих двух видных членов партии. Я озна-

комился также с архивом Каутского в Амстердаме. Этот архив, охватывающий период отношений Каутского с русскими социал-демократами (1910-1914 годы), существен потому, что он проливает свет на спорный вопрос о партийных фондах. У Б. И. Николаевского была огромная коллекция документов, собранная им за долгие годы его деятельности в партии — до и после того, как он стал историком. За последние годы своей жизни он изложил и издал главные документы своего собрания и некоторые документы из других собраний; мне довелось пользоваться его рукописными текстами, освещающими период с 1906 по 1912 год. Они оказались неоценимым источником. Есть и другие собрания, все еще ожидающие своего терпеливого исследования. Есть также много неизданных рукописей мемуарного жанра (подчас значительной ценности), которые я смог использовать. Среди них следует указать на мемуары П. А. Гарви и Н. В. Вольского (Валентинова).

И наконец, в категорию первоисточников следует включить произведения таких видных деятелей, как Ленин, Троцкий, Зиновьев и Плеханов. Есть несколько изданий сочинений Ленина и много томов «Ленинского сборника», публиковавшегося нерегулярно в Москве после 1924 года, где напечатан ряд не изданных до того материалов Ленина или о Ленине. Лучшее издание сочинений Ленина — третье, тридцатитомное, публиковавшееся в 1935-1937 годах и выходившее в свет одновременно со вторым. Это издание, опубликованное под эгидой Института Маркса-Энгельса, содержит неоценимые для всех историков, изучающих Советский Союз, аннотации и приложения. Хотя четвертое издание (1942-1950 годы) и более полное, в нем фактически нет никаких ценных примечаний. Пятое издание начало выходить в 1959, а завершено в 1968 году. Хотя, по утверждению его редакторов, оно является полным, есть основания думать, что все еще существуют неопубликованные ленинские документы. Текстуально пятое издание, по-видимому, точно, и ценность его в том, что оно собирает воедино

множество документов, разбросанных по старым журналам и газетам. Собрание писем полнее, чем в ранних изданиях. Аннотации, хотя и превосходят аннотации четвертого издания, значительно уступают — и качественно и количественно — третьему. Собрания сочинений Троцкого, Зиновьева и Плеханова, выходившие в свет в 20-х годах, остались незаконченными. Советское издание сочинений Сталина тоже не закончено и обрывается на XIII томе, который доводит события до января 1934 года. Но все, что было опубликовано Сталиным между январем 1934 года и его смертью, собрано и опубликовано на русском языке Робертом Мак-Нейлом (Robert H. McNeil) и как бы образует тома XIV-XVI советского издания (Hoover Institution, Stanford, 1967).

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Ни одно из изданий истории партии, появившихся в Советском Союзе, нельзя считать удовлетворительным. Историография партии в Советском Союзе — дело рискованное из-за изменений политического климата; это становится ясным, когда вспоминаешь те издания, которые были поочередно забракованы за последние тридцать лет советскими властями как ошибочные: книги Зиновьева, Бубнова, Попова, Ярославского и Сталина. Одобренный ныне вариант истории партии вышел в свет в 1959 году; с тех пор изменения в официальной идеологии вызвали два переиздания с соответствующими изменениями. Теперь готовится официальная шеститомная история; первые три тома уже вышли. Но ни одна из этих работ не носит научного характера. С тех пор как появилось первое издание моей книги, вышло в свет несколько книг по истории партии: на английском языке – John Reshetar и R. Schlesinger, на немецком — Бориса Левицкого и на французском — Pierre Broné. Книга – John L. Armstrong, *The Politics of Totalitaria-*

nism. The Communist Party of the Soviet Union from 1934 to the Present вышла в свет в 1961 году. Период, который она охватывает, делает эту работу незаменимой.

Большую ценность для изучения дореволюционного периода имеют русские работы: Невского, Лядова, Мартова и Дана. Следует упомянуть также «Зарождение марксизма в России 1883-94 год» Ю. З. Полевого, 1959 год. Лучшая книга по истории раннего периода на английском языке — J. H. L. Keep, *The Rise of Social Democracy in Russia,* Oxford, 1963. Ценны также: L. H. Harrison, *The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism,* Cambridge, Mass., 1955 и Allan K. Wildman, *The Making of a Workers' Revolution. Russian Social-Democracy 1891-1903,* Chicago and London, 1967. (Неоценима и немецкая работа: Dieter Geyer, *Lenin in der russischen Sozialdemokratie,* Köln, 1967). Но все эти работы доводят повествование только до 1906 года. Остальные десять лет, имеющие огромное значение для истории партии, изучены очень слабо на всех языках; исключением является блестящая книга: Bertram D. Wolfe, *Three Who Made a Revolution,* New York, 1948.

Историю партии, однако, часто невозможно отделить от истории страны или от изучения ее политического устройства. Наилучшим введением в изучение динамики советской системы до конца 1962 года, уделяющим много внимания развитию партии, является работа: Merle Fainsod, *How Russia is Ruled,* Revised Edition, Cambridge, Mass., 1963, которой я широко пользовался и которой многим обязан. Книга эта имеет еще то достоинство, что содержит детальную библиографию произведений как на русском, так и на английском языках.

Книг по общей истории Советского Союза сравнительно мало. Укажу две работы — Georg von Rauch, *History of Soviet Russia,* London, 1957 и более точную и вообще более удовлетворительную работу: Donald W. Treadgold, *Twentieth Century Russia,* Chicago, 1959. Существует, однако, ряд сборников документов, монографий и работ по

специальным вопросам, появившихся на английском языке за последние годы, которые иногда имеют очень большое значение. Я старался указывать на них, когда сознательно пользовался работами других ученых. Но в большинстве случаев такие работы превращаются в подручный материал автора, так что детальные указания становятся невозможными, и я могу исправить дело только тем, что перечислю здесь очень немногие из тех книг, которые помогли мне составить представление о советской истории. Список этот по необходимости весьма выборочный и составлен субъективно — в том смысле, что я могу привести только малую часть из великого множества превосходных книг, которые оказали влияние на мою работу; я отдаю себе отчет в том, что из-за недостатка места масса отличных книг опущена в этом списке. Я также ограничился работами, написанными по-английски. Надеюсь, что любознательный читатель легко составит себе более полный список названий, если обратится к библиографиям, приложенным ко многим упомянутым мною работам.

1. ОТДЕЛЬНЫЕ ПЕРИОДЫ

а) Революция 1905 года, думский период и война

Hugh Seton-Watson, *The Russian Empire, 1801-1917*, Oxford, 1967.

Richard Charques, *The Twilight of Imperial Russia*, London, 1959.

Richard Pares, *The Fall of Russian Monarchy*, London, 1939.

Donald W. Treadgold, *Lenin and his Rivals*. The Struggle for Russia's Future, 1898-1906, London, 1955.

O. H. Gankin and H. H. Fisher, *The Bolsheviks and the World War*. The Origin of the Third International, Stanford, 1940. (Бесценное собрание текстов и документов.)

б) **Революция 1917 года**

Лучшей книгой по истории революционного 1917 года и Гражданской войны по-прежнему считается: W. H. Chamberlin, *The Russian Revolution*, 2 тома, Нью-Йорк, 1935, хотя, конечно, она во многих отношениях устарела в результате издания нового материала и исследовательской работы по специальным вопросам, в особенности работ С. П. Мельгунова, чьи важнейшие произведения о 1917 годе и о Гражданской войне не переведены с русского. Что касается событий, которые привели к Февральской революции, то большое значение имеет посвященная им книга Г. Каткова *Russia: 1917. The February Revolution*, London, 1967. Существуют также два совершенно незаменимых собрания документов и текстов — James Bunyan and H. H. Fisher, *The Bolshevik Revolution, 1917-1918.* Documents and Materials, Stanford and Oxford, 1934, и James Bunyan, *Intervention, Civil War and Communism in Russia, April-December 1918*, Baltimore and Oxford, 1936. Что же касается 1917 года, то ценным является трехтомное собрание документов о Временном правительстве под редакцией Р. Браудера и А. Ф. Керенского (R. Browder and A. F. Kerensky), изданное в Стэнфорде в 1961 году. Об интервенции держав Антанты и о Гражданской войне см. двухтомное произведение Дж. Кеннана (G. Kennan) и двухтомное же издание Р. Ульмана (R. Ullmann), а также работу Джона Брэдли (John Bradley).

в) **1917-1926 годы**

Этот период детально разработан в пяти первых томах *History of Soviet Russia* (E. H. Carr). Этот труд содержит огромное количество информации, подобранной весьма искусно и недвусмысленно. Автор уделяет излишнее внимание ленинскому пониманию событий в ранних томах и, вообще, делает главный упор скорее на официальную политику, чем на ее воздействие на население страны.

2. БИОГРАФИИ

Исчерпывающей биографии Ленина нет, но, по-моему, лучшие книги о его жизни и деятельности написаны Д. Шубом и А. Уламом. Лучшая биография Сталина принадлежит перу Б. Суварина. Книги о Мартове и Плеханове написали, соответственно, Israel Getzler (1967) и Samuel H. Baron (1963). Бухарин все еще ждет своего биографа.

3. ОБРАЗОВАНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

R. Pipes, *The Formation of the Soviet Union.* Communism and Nationalism, 1917-1923, Cambridge, Mass., 1954.

W. Kolarz, *Russia and Her Colonies,* 3rd edition, London, 1953.

4. МАРКСИЗМ

На эту тему написаны тысячи книг. Следующие труды можно считать полезными и доступными читателю введениями:

I. Berlin, *Karl Marx,* 2nd edition, London, 1948.

Edmund Wilson, *To the Finland Station,* New-York, 1947.

R. N. Carew Hunt, *The Theory and Practice of Communism,* 2nd ed., London, 1957.

George Lichtheim, *Marxism: An Historical and Critical Study,* London, 1961.

Shlomo Avineri, *The Social and Political Thought of Karl Marx,* Cambridge, 1968.

5. СПЕЦИАЛЬНЫЕ ТЕМЫ

а) Экономическое развитие.

M. Dobb, *Soviet Economic Development Since 1917*, London, 1948.

Solomon M. Schwarz, *Labor in the Soviet Union*, New York, 1952.

H. Schwarz, *Russia's Soviet Economy*, 2nd ed., New York, 1954.

N. Jasny, *Socialized Agriculture of the USSR*, Stanford, 1949.

N. Jasny, *Soviet Industrialization, 1928-1952*, Chicago, 1961.

Alec Nove, *The Soviet Economy: An Introduction*, London, 1961.

Alexander Erlich, *The Soviet Industrialization Debate, 1924-1928*, Cambridge, Mass., 1960.

Работы С. Н. Прокоповича, которые я цитировал, переведены на французский и на немецкий языки, но не на английский.

б) Внутрипартийные дела

Для понимания периода 20-х годов имеют большое значение работы, написанные Троцким в эмиграции. О чистках см. Z. K. Brzezinski, *The Permanent Purge. Politics in Soviet Totalitarianism.* Cambridge, Mass., 1956 и более новую книгу, в которой обработаны все данные, ставшие известными после 1956 года, — Robert Conquest, *The Great Terror. Stalin's Purge of the Thirties*, London, 1968. Что касается развития партии в 30-х годах, то огромную ценность — помимо работы М. Файнсода *How Russia is Ruled* – представляет докторская диссертация T. H. Rigby, *The Selection of Leading Personnel in the Soviet State and Communist Party* (диссертация, защищенная в Лондонском университете в 1954 году, еще не напечатана). Что касается структуры партии, то

совершенно незаменима другая работа того же автора — *Communist Party Membership in the USSR, 1917-1967,* Princeton, 1968.

в) **Внешняя политика**

По раннему периоду книга Louis Fischer, *The Soviets in World Affairs 1917-1929,* 2nd ed., Princeton, 1951, все еще остается основным руководством. Что касается последующего периода, то можно указать двухтомный труд: Max Beloff, *The Foreign Policy of Soviet Russia* и работу J. M. Mackintosh, *The Strategy and Tactics of Soviet Foreign Policy,* London, 1962. Превосходны собрания документов по советской внешней политике под редакцией Jane Degras, издание Королевского института по международным делам. По периоду до 1927 года см. *Soviet Russia and the East* и *Soviet Russia and the West* — обзоры, основанные на документах под редакцией, соответственно, X. J. Eudin и R. C. North, X. J. Eudin и H. H. Fisher (Stanford, 1957).

г) **Коммунистический Интернационал**

По истории Коминтерна до 1934 года см. F. Borkenau, *World Communism.* A History of the Communist International, New York, 1939. Ценное собрание документов по Коминтерну в трех томах вышло под редакцией Jane Degras, издание Королевского института по международным делам. Имеется также новая двухтомная история трех Интернационалов — автор Julius Braunthal.

д) **Религия**

N. S. Timasheff, *Religion in Soviet Russia, 1917-1942,* London, 1943.

Walter Kolarz, *Religion in the Soviet Union,* London, 1961.

Недавно опубликованы также целые собрания документов под редакцией Michael Bourdeaux.

е) **Философия**

Gustav A. Wetter, *Dialectical Materialism,* London, 1959.

ж) **Литература**

G. P. Struve, *Soviet Russian Literature, 1917-1950,* Oklahoma, 1951.

Harold Swayze, *Political Control of Literature in the USSR, 1946-1959,* Cambridge, Mass., 1962.

з) **Право**

Soviet Legal Philosophy. Translated by Hugh W. Babb. With an Introduction by John N. Hazard, Cambridge, Mass., 1951.

Harold J. Berman, *Justice in Russia,* Cambridge, Mass., 1950.

John N. Hazard, *Law and Social Change in the USSR,* London, 1953.

Ivo Lapenna, *Soviet Penal Policy,* London, 1968.

и) **Армия**

D. Fedotoff-White, *The Growth of the Red Army,* Princeton, 1944.

Raymond J. Garthoff, *How Russia Makes War.* Soviet Military Doctrine, London, 1954.

J. Erickson, *The Soviet High Command,* London, 1962.

R. Kolkowicz, *Army-Party Relations in the Soviet Union,* Chicago, 1967.

к) **Война**

Alexander Dallin, *German Rule in Russia, 1941-1945.* A Study of Occupation Policies, London, 1957.

George Fischer, *Soviet Opposition to Stalin,* Cambridge, Mass., 1952.

John A. Armstrong, *Ukrainian Nationalism, 1939-1945,* New York, 1955.

По развитию внешней политики во время войны см. Herbert Feis, *Churchill - Roosevelt - Stalin,* Princeton, 1957.

л) **Послевоенный период**

Для периода до смерти Сталина лучшим пособием является работа Файнсода *How Russia is Ruled.* Превосходные собрания документов о съездах партии, начиная с XIX, изданы под редакцией Leo Gruliow и под заглавием *Current Soviet Policies.* См. также Boris Meissner (ed.), *The Communist Party of the Soviet Union,* New-York, 1956, а также *Annals of the American Academy of Political and Social Science,* vol. 303, January 1956.

Доскональный анализ политической ситуации (начиная с 1953 года) см. у Wolfgang Leonhard, *The Kremlin Since Stalin,* London, 1962, и у R. Conquest, *Power and Policy in the USSR. The Study of Soviet Dynasties,* London, 1961.

Даже самая поверхностная библиография была бы неполной без упоминания того огромного информационного материала, который был опубликован гражданами или жителями СССР, покинувшими страну и описавшими свои переживания. Конечно, материал этот неоднороден по своей ценности, а кое-что из него — явные фальшивки. Тем не менее, значительная часть мемуаров подтверждена информацией, полученной впоследствии, и несомненно, мы знаем теперь о событиях в СССР гораздо больше благодаря сведениям из этих источников. Упомяну среди наиболее ценных и оказавшихся в свете позднейшей информации наиболее надежными сочинения Троцкого в эмиграции, причем как его книги, так и журнал «Бюллетень оппозиции» на русском языке, а среди многих других материалов — мемуары Кривицкого, Бармина, Кравченко, Леонгарда, В. Петрова, Лермоло, Чилиги, Экарта, Шольмера, Агабекова, Герлинга и (на русском языке) Горбатова и Драбкиной.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Общее

БСЭ — «Большая советская энциклопедия». Официальное издание в 65 томах, которое выходило между 1926 и 1939 годом.

Изв. ЦК — «Известия Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)». Официальная публикация для информации членов партии; выходила обычно два раза в месяц между маем 1919 и октябрем 1929 года.

Ленин, т. 1, 2 и т.д. За немногими, оговоренными в примечаниях исключениями, я ссылаюсь на 2-е/3-е издания Полного собрания сочинений Ленина в 30 томах.

КПСС в рез. — «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Официальные сборники текстов, издаваемые Институтом Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КПСС.

ПС – «Партийное строительство». Официальная публикация, выходившая от имени ЦК дважды в месяц между 1929 и 1946 годом с пробелами во время войны.

СПР – «Справочник партийного работника». Официальное издание, содержащее партийные постановления, инструкции и руководства, во многих случаях нигде не публиковавшиеся. Между 1921 и 1934 годом вышли в свет восемь

томов. Издание этого весьма ценного справочника возобновилось в 1957 году — с тех пор появилось пять томов.

Сталин, т. 1, 2 и т.д. Речь идет о Собрании сочинений Сталина, 13 томов которого вышли в свет после 1946 года.

2. Ссылки на съезды и конференции партии

Как правило, я пытался свести до минимума ссылки на съезды и конференции, чтобы не обременять текст излишними примечаниями. Там, где нет ссылки на источник, я надеюсь, из контекста ясно, что материал взят из отчета о соответствующем съезде или конференции, и ссылку легко проверить, найдя речь оратора, упомянутого в тексте, при помощи указателя данного тома. Некоторые ссылки, однако, неизбежны; и для того, чтобы не приводить полностью многословные заглавия официальных стенографических отчетов, я принял сокращения, которые, как я надеюсь, легко поддаются расшифровке. Так, ссылки на стенографические отчеты съездов обозначены либо «Протоколы» плюс римская цифра, указывающая на соответствующий съезд (например, «Протоколы» II), либо же «съезд», с предшествующей римской цифрой, например, «XIV съезд». В случае ссылок на стенографические отчеты о конференциях, принятая форма — всегда «конф.» — слово, которому предшествует соответствующая римская цифра: например, «X конф.».

Дело усложняется тем, что в некоторых случаях существует не одно, а несколько изданий стенографического отчета, так как между 1928 и 1936 годом официальные стенограммы, издававшиеся сразу после съездов, нередко заново редактировались Институтом Маркса-Энгельса-Ленина и оснащались подробной аннотацией и приложениями, иногда весьма ценными. Следующая таблица дает возможность читателю установить источник ссылок в примечаниях на отчеты о съездах и конференциях:

Съезд или конференция:	*Использованное издание:*
II съезд	ИМЭЛ
III съезд	Первоначальное
IV съезд	ИМЭЛ
V съезд	ИМЭЛ
VII конференция	ИМЭЛ
VII съезд	Первоначальное
IX съезд	ИМЭЛ
X съезд	ИМЭЛ
X конференция	ИМЭЛ
XI съезд	ИМЭЛ
XII съезд	ИМЭЛ
XIV съезд	Первоначальное
XVI съезд	Первоначальное
XVI конференция	Первоначальное
XVII съезд	Первоначальное
XVIII съезд	Первоначальное
XX съезд	Первоначальное
XXI съезд	Первоначальное
XXII съезд	Первоначальное
XXIII съезд	Первоначальное

В тех немногих случаях, когда положение еще более осложняется из-за наличия трех изданий, я указываю издание в примечании.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ДАТЫ ПАРТИЙНЫХ СЪЕЗДОВ И КОНФЕРЕНЦИЙ (1898-1966)

I	съезд РСДРП	Минск, 1-3 (13-15) марта 1898.
II	съезд	Брюссель-Лондон, 17 (30) июля-10 (23) августа 1903.
III	съезд	Лондон, 12-27 апреля (25 апреля-10 мая) 1905.
I	конференция	Таммерфорс, 12-17 (25-30) декабря 1905.
IV	съезд (Объединительный)	Стокгольм, 10-25 апреля (23 апреля-8 мая) 1906.
II	конференция (Первая Всероссийская)	Таммерфорс, 3-7 (16-20) ноября 1906.
V	съезд (Лондонский)	Лондон, 30 апреля-19 мая (13 мая-1 июня) 1907.
III	конференция (Вторая Всероссийская)	Котка (Финляндия), 21-23 июля (3-5 августа) 1907.
IV	конференция (Третья Всероссийская)	Гельсингфорс, 5-12 (18-25) ноября 1907.
V	конференция	Париж, 21-27 декабря 1908 (3-9 января 1909).
VI	конференция (Пражская)	Прага, 5-17 (18-30) января 1912.

VII	Всероссийская конференция РСДРП(б) (Апрельская)	Петроград, 24-29 апреля (7-12) мая 1917.
VI	съезд	Петроград, 26 июля-3 августа 1917.
VII	съезд РКП (б)	Петроград, 6-8 марта 1918.
VIII	съезд	Москва, 18-23 марта 1919.
VIII	Всероссийская конференция	2-4 декабря 1919.
IX	съезд	29 марта-5 апреля 1920.
IX	Всероссийская конференция	22-25 сентября 1920.
X	съезд	8-16 марта 1921.
X	Всероссийская конференция	26-28 мая 1921.
XI	Всероссийская конференция	19-22 декабря 1921.
XI	съезд	27 марта-2 апреля 1922.
XII	Всероссийская конференция	4-7 августа 1922.
XII	съезд	17-25 апреля 1923.
XIII	конференция	16-18 января 1924.
XIII	съезд	23-31 мая 1924.
XIV	конференция	27-29 апреля 1925.
XIV	съезд ВКП(б)	18-31 декабря 1925.
XV	конференция	26 октября-3 ноября 1926.
XV	съезд	2-19 декабря 1927.
XVI	конференция	23-29 апреля 1929.
XVI	съезд	26 июня-13 июля 1930.
XVII	конференция	30 января-4 февраля 1932.
XVII	съезд	26 января-10 февраля 1934.
XVIII	съезд	10-21 марта 1939.
XVIII	конференция	15-20 февраля 1941.
XIX	съезд КПСС	5-14 октября 1952.
XX	съезд	14-25 февраля 1956.
XXI	съезд	27 января-5 февраля 1959.

XXII съезд	17-31 октября 1961.
XXIII съезд	29 марта-8 апреля 1966.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Если не указано другого, место заседаний — Москва.

2) Название партии указывается только тогда, когда оно меняется, а именно:

до 1918 г. — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) — РСДРП(б).

с 1918 г. — Российская коммунистическая партия (большевиков) — РКП(б).

с 1925 г. — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) — ВКП(б).

с 1952 г. — Коммунистическая партия Советского Союза — КПСС.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ЧЛЕНЫ И КАНДИДАТЫ В ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО И ПРЕЗИДИУМА ЦК (1917-1966)

1. Политическое бюро по руководству восстанием. Избрано на заседании ЦК 10 (23) октября 1917 года: В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, Г. Я. Сокольников, А. С. Бубнов.
2. Избраны в марте 1919 года, после VIII съезда —
   Членами: Ленин, Каменев, Троцкий, Сталин, Н. Н. Крестинский.
   Кандидатами: Зиновьев, Н. Н. Бухарин, М. И. Калинин.
3. Избраны 22 марта 1921 года, после X съезда —
   Членами: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Сталин, Каменев.
   Кандидатами: Молотов, Калинин, Бухарин.
4. Избраны 3 апреля 1922 года, после XI съезда —
   Членами: Ленин, Каменев, Троцкий, Сталин, Зиновьев, А. И. Рыков, П. М. Томский.
   Кандидатами: Бухарин, Молотов, Калинин.
5. Избраны 26 апреля 1923 года, после XII съезда —
   Членами: Ленин, Каменев, Троцкий, Сталин, Зиновьев, Рыков, Томский.
   Кандидатами: Бухарин, Молотов.
6. Избраны 2 июня 1924 года, после XIII съезда —
   Членами: Каменев, Троцкий, Сталин, Зиновьев, Рыков, Томский, Бухарин. (Ленин умер 24 января 1924 года.)
   Кандидатами: Молотов, Калинин, Ф. Э. Дзержинский, М. В. Фрунзе.

7. Избраны 1 января 1926 года, после XIV съезда — *Членами:* Бухарин, К. Е. Ворошилов, Зиновьев, Калинин, Молотов, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий. *Кандидатами:* Я. Э. Рудзутак, Дзержинский, Г. И. Петровский, Н. А. Угланов, Каменев. (Фрунзе умер 31 октября 1925 года.)
8. Пленум ЦК 14-23 июля 1926 года. Зиновьев выведен и заменен Рудзутаком. Избраны — *Кандидатами:* Петровский, Угланов, Г. К. Орджоникидзе, А. А. Андреев, С. М. Киров, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, Каменев. (Дзержинский умер 20 июля 1926.)
9. Пленум ЦК 23 октября 1926 года. Выведены Троцкий и Каменев.
10. Пленум ЦК 3 ноября 1926 года. Орджоникидзе заменяется В. Я. Чубарем. (Орджоникидзе избран председателем ЦКК.)
11. Избраны 19 декабря 1927 года после XV съезда — *Членами:* Бухарин, Ворошилов, Калинин, В. В. Куйбышев, Молотов, Рыков, Рудзутак, Сталин, Томский. *Кандидатами:* Петровский, Угланов, Андреев, Киров, Микоян, Каганович, Чубарь, С. В. Косиор.
12. Пленум ЦК 29 апреля 1929 года. Угланова заменяет К. Я. Бауман.
13. Пленум ЦК 10-17 ноября 1929 года. Бухарин выведен.
14. Избраны 13 июля 1930 года, после XVI съезда — *Членами:* Ворошилов, Каганович, Калинин, Киров, Косиор, Куйбышев, Молотов, Рыков, Рудзутак, Сталин. *Кандидатами:* Микоян, Чубарь, Петровский, Андреев, С. И. Сырцов.
15. Решением ЦК и ЦКК 1 декабря 1930 года Сырцов выведен из ЦК.
16. Объединенный пленум ЦК и ЦКК 17-21 декабря 1930 года. Рыков выведен, Андреев освобожден от обязанностей, Орджоникидзе избран членом. (Андреев избран председателем ЦКК.)

17. Пленум ЦК 4 февраля 1932 года. Рудзутак освобожден от обязанностей, Андреев избран членом. (Рудзутак избран председателем ЦКК.)
18. Избраны 10 февраля 1934 года, после XVII съезда —
Членами: Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Орджоникидзе, Куйбышев, Киров, Андреев, Косиор.
Кандидатами: Микоян, Чубарь, Петровский, П. П. Постышев, Рудзутак.
19. Пленум ЦК 1 февраля 1935 года. Избраны —
Членами: Микоян, Чубарь.
Кандидатами: А. А. Жданов, Р. И. Эйхе. (Киров убит 1 декабря 1934 года; Куйбышев умер 25 января 1935 года.)
20. Октябрь 1937. Н. И. Ежов избран кандидатом. Орджоникидзе покончил жизнь самоубийством 18 февраля 1937 года.
21. Пленум ЦК в январе 1938 года. Постышев выведен и заменен Н. С. Хрущевым.
22. Репрессированы в течение 1937-1938 годов: Косиор, Чубарь, Рудзутак, Эйхе, Ежов. Петровский выведен в начале 1939 года.
23. Избраны 22 марта 1939 года, после XVIII съезда —
Членами: Жданов, Хрущев.
Кандидатами: Л. П. Берия, Н. М. Шверник.
24. Пленум ЦК 21 февраля 1941 года после XVIII конференции. Избраны —
Кандидатами: Н. А. Вознесенский, Г. М. Маленков, А. С. Щербаков.
25. Пленум ЦК в марте 1946 года. Избраны —
Членами: Берия, Маленков.
Кандидатами: Н. А. Булганин, А. Н. Косыгин. (Щербаков умер 10 мая 1945 года.)
26. Вознесенский стал членом 28 февраля 1947 года. (Калинин умер 3 июня 1946 года.)

27. В феврале 1948 года избраны —
Членами: Булганин, Косыгин.
28. Жданов умер 31 августа 1948 года. Вознесенский арестован в 1949 году.
29. Президиум, избранный 16 октября 1952 года, после XIX съезда —
Члены: В. М. Андрианов, А. Б. Аристов, Берия, Булганин, Ворошилов, С. Д. Игнатьев, Каганович, Д. С. Коротченко, В. В. Кузнецов, О. В. Куусинен, Маленков, В. А. Малышев, Л. Г. Мельников, Микоян, Н. А. Михайлов, Молотов, М. Г. Первухин, П. К. Пономаренко, М. З. Сабуров, Сталин, М. А. Суслов, Хрущев, Д. И. Чесноков, Шверник, М. Ф. Шкирятов.
Кандидаты: Л. И. Брежнев, А. Я. Вышинский, А. Г. Зверев, Н. Г. Игнатов, И. Г. Кабанов, Косыгин, Н. С. Патоличев, Н. М. Пегов, А. М. Пузанов, И. Ф. Тевосян, П. Ф. Юдин.
30. Утверждены 6 марта 1953 года, после смерти Сталина —
Членами: Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович, Микоян, Сабуров, Первухин.
Кандидатами: Шверник, Пономаренко, Мельников, М. Д. Багиров.
31. Пленум ЦК в мае или июне 1953 года. Мельников заменен А. И. Кириченко.
32. Пленум ЦК в июле 1953 года. Берия исключен из партии.
33. Багиров арестован в 1953 или 1954 году.
34. Пленум ЦК в июле 1955 года. Избраны —
Членами: Кириченко, Суслов.
35. Избраны 27 февраля 1956 года, после XX съезда —
Членами: Булганин, Ворошилов, Каганович, Кириченко, Маленков, Микоян, Молотов, Первухин, Сабуров, Суслов, Хрущев.
Кандидатами: Г. К. Жуков, Брежнев, Н. А. Мухитдинов, Д. Т. Шепилов, Е. А. Фурцева, Шверник.
36. Пленум ЦК 13-14 февраля 1957 года. Избран —
Кандидатом: Ф. Р. Козлов.

37. Пленум ЦК 22-27 июня 1957 года. Маленков, Каганович, Молотов и Шепилов выведены из ЦК. Избраны —
Членами: Аристов, Н. И. Беляев, Брежнев, Булганин, Ворошилов, Жуков, Игнатов, Кириченко, Козлов, Куусинен, Микоян, Суслов, Хрущев, Шверник, Фурцева.
Кандидатами: Мухитдинов, П. Н. Поспелов, Коротченко, Я. Э. Калнберзин, А. П. Кириленко, Косыгин, К. Т. Мазуров, В. П. Мжаванадзе, Первухин.
38. Пленум ЦК 3 ноября 1957 года вывел Жукова из состава ЦК. В Президиуме его заменил Мухитдинов 19 декабря 1957 года.
39. Пленум ЦК 17-18 июня 1958 года. Избраны —
Кандидатами: Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский.
40. Пленум ЦК в начале сентября 1958 года. Булганин выведен из Президиума.
41. Май 1960 года. Кириченко и Беляев выведены из Президиума и заменены Подгорным, Полянским и Косыгиным.
42. Пленум ЦК в июле 1960 года. Ворошилов выведен из Президиума.
43. Пленум ЦК в январе 1961 года. Избраны —
Кандидатами: Г. И. Воронов, В. В. Гришин.
44. Избраны 31 октября 1961 года, после XXII съезда —
Членами: Брежнев, Воронов, Козлов, Косыгин, Куусинен, Микоян, Подгорный, Полянский, Суслов, Хрущев, Шверник.
Кандидатами: Гришин, Рашидов, Мазуров, Мжаванадзе, В. В. Щербицкий.
45. Пленум ЦК в апреле 1962 года. Кириленко переведен из кандидатов в члены.
46. Пленум ЦК в ноябре 1962 года. Избран —
Кандидатом: Л. Н. Ефремов.
47. Пленум ЦК в декабре 1963 года. Щербицкий заменен П. Е. Шелестом.
48. Куусинен умер в мае 1964 года.

49. Пленум ЦК в октябре 1964 года. Хрущев выведен из Президиума.
50. Пленум ЦК в ноябре 1964 года: Козлов заменен Шелестом. (Козлов умер в ноябре 1965 года.) Избраны —
Членом: А. Н. Шелепин.
Кандидатом: П. Н. Демичев.
51. Пленум ЦК в марте 1965 года. Мазуров переведен из кандидатов в члены. Избран —
Кандидатом: Д. Ф. Устинов.
52. Пленум ЦК в декабре 1965 года. Избран —
Кандидатом: Щербицкий.
53. Политбюро, избранное 8 апреля 1966 года, после XXIII съезда —
Члены: Брежнев, Воронов, Кириленко, Косыгин, Мазуров, А. Я. Пельше, Подгорный, Полянский, Суслов, Шелепин, Шелест.
Кандидаты: Гришин, Демичев, Д. А. Кунаев, П. М. Машеров, Мжаванадзе, Рашидов, Устинов, Щербицкий.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

СТРУКТУРА СЕКРЕТАРИАТА ЦК

1

Структура Секретариата ЦК, 1924-1930

Организационно-распределительный отдел (Оргаспред)
Отдел агитации и пропаганды (Агитпроп)
Отдел печати [1]
Отдел по работе среди женщин
Отдел по работе в деревне
Отдел учета
Статистический отдел
Информационный отдел
Управление делами

[1] Отдел печати был слит с Агитпропом в 1928 году.

2

Реорганизация Секретариата ЦК, 1930

Организационно-инструкторский отдел
Отдел агитации и массовой работы
Секретный отдел (Спецотдел)
Отдел культуры и пропаганды
Управление делами
Распределительный отдел

Тяжелая промышленность
Легкая промышленность
Транспорт
Сельское хозяйство
Заграничные кадры
Финансы-планирование-торговля
Советская администрация
Учет

3

Реорганизация Секретариата ЦК, 1934

Сельскохозяйственный отдел
Промышленный отдел
Транспортный отдел
Отдел плановых, финансовых и торговых органов
Политико-административный отдел
Отдел руководящих партийных органов
Отдел культуры и пропаганды ленинизма
Особый отдел
Управление делами

4

Реорганизация Секретариата ЦК, 1939

Управление кадров
Управление пропаганды и агитации
Организационно-инструкторский отдел
Сельскохозяйственный отдел
Отдел школ
Особый отдел
Управление делами

5

Реорганизация Секретариата ЦК, 1948

Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов
Отдел пропаганды и агитации
Отдел тяжелой промышленности
Отдел легкой промышленности
Сельскохозяйственный отдел
Транспортный отдел
Отдел плановых, финансовых и торговых органов
Административный отдел
Иностранный отдел
Особая секция
Главное политическое управление вооруженных сил[2]

[2] Действует как Военный отдел Секретариата ЦК.

6

Следующие отделы Секретариата ЦК существовали в 1968 году, но список этот, может быть, неполный, так как другие отделы, упоминавшиеся в печати в прошлом, возможно, все еще существуют:

Управление делами[3]
Сельскохозяйственный отдел
Отдел административных органов[4]
Отдел строительства
Отдел пропаганды
Отдел химической промышленности
Отдел легкой и пищевой промышленности
Отдел машиностроения
Отдел организационно-партийной работы[5]
Отдел науки и учебных заведений
Отдел тяжелой промышленности
Отдел транспорта и связи
Отдел плановых и финансовых органов
Отдел торговли и бытового обслуживания
Отдел культуры
Международный отдел
Связь с компартиями социалистических стран
Общий отдел[6]
Отдел оборонной промышленности

[3] Ведает общей администрацией Секретариата.

[4] Ведает органами безопасности, вооруженными силами, прокуратурой и судебными органами.

[5] Ведает назначением (формально — выборами) работников аппарата партии, комсомола, профсоюзов и надзором за работой аппарата.

[6] По-видимому, этот отдел координирует работу Политбюро.

Отдел заграничных кадров
Главное политическое управление Армии и ВМФ[7]

И две комиссии:
Комиссия партийного контроля
Идеологическая комиссия

[7] Одновременно отдел ЦК и отдел Министерства обороны.

ПРИЛОЖЕНИЕ V

СЕКРЕТАРИ ЦК (1959-1966)

Пленум 12 ноября 1958 г.

Аристов А. Б.
Брежнев Л. И.
Игнатов Н. Г.
Куусинен О. В.
Мухитдинов Н. А.
Поспелов П. Н
Суслов М. А.
Фурцева Е. А.
Хрущев Н. С.

Выведен:

Беляев Н. И.

Пленум 4 мая 1960 г.

Брежнев Л. И.
Козлов Ф. Р.
Куусинен О. В.
Мухитдинов Н. А.
Суслов М. А.
Хрущев Н. С.

Выведены:

Аристов А. Б.
Игнатов Н. Г.
Поспелов П. Н.
Фурцева Е. А.

* * *

Пленум 16 июля 1960 г.

Брежнев Л.И. *выведен* из Секретариата, избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

XXII съезд 31 октября 1961 г.

Демичев П. Н.
Ильичев Л. Ф.
Козлов Ф. Р.
Куусинен О. В.
Пономарев Б. Н.
Спиридонов И. В.
Суслов М. А.
Хрущев Н. С.
Шелепин А. Н.

* * *

Пленум 23-25 апреля 1962 г.

Выведен:
Спиридонов И. В.

Пленум 23 ноября 1962 г.

Избраны:
Андропов Ю. В.
Поляков В. И.
Рудаков А. П.
Титов В. Н.
(Все из аппарата)

* * *

Пленум 21 июня 1963 г.

Избраны:
Брежнев Л. И.
Подгорный Н. В.
Умер:
Куусинен О. В.
(16 мая 1964 г.)

Пленум 14 октября 1964 г.

Выведен:
Хрущев Н. С.

* * *

Пленум 16 ноября 1964 г.

Выведены:
Козлов Ф. Р.
Поляков В. И.
Умер:
Козлов Ф. Р.
(30 января 1965 г.)

Пленум 26 марта 1965 г.

Выведен:
Ильичев Л. Ф.
Избран:
Устинов Д. Ф.

* * *

Пленум 29 сентября 1965 г.

Избран:

Кулаков Ф. Д.

Выведен:

Титов В. Н.

Пленум 6 декабря 1965 г.

Избран:

Капитонов И. В.

* * *

XXIII съезд 18 апреля 1966 г.

Избран:

Кириленко А. П.

Освобожден от обязанностей:

Подгорный Н. В. (избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР).

УКАЗАТЕЛЬ

А

Абакумов В. С., 708
Абрамович Р. А., 321, 551
Абросимов В., 208
Авдеев Н., 233, 241
Авинери Ш., 845, 871
Австрия, 774
Агабеков, 875
Агитпроп, 353-5, 448, 488, 491, 625, 707, 723, 888
Агрогорода, 718
Аджубей, 791
Азербайджан, 662, 718, 726, 799
Академия Наук, 486, 656, 736
Акимов В. П., 68, 79, 90, 123
Аксельрод П. Б., 43, 68-9, 87, 104, 110, 150, 163, 179-80, 185, 209, 231, 862, 865; и «Черный передел», 35; и марксизм, 36-9; и «гегемония» пролетариата, 42; и рабочие кружки, 52, 56; и молодой Ленин, 60; о союзе с интеллигенцией, 60; и рабочая партия, 63, 67, 108; и политическая борьба, 67; и «экономизм», 68; и «Рабочее дело», 69; и «Искра», 73-4, 77, 91, 100-1; и «Что делать?», 77; и II съезд, 84, 88, 94; расхождения с Лениным, 87-8, 94-6; и рабочий съезд, 115-7, 126-7; и «Начало», 116; на IV съезде, 126-7; и Плеханов, 145; и «Заграничный Секретариат», 221-2
Акуароне А., 849
Акулов А. И., 522
Албания, 787, 829
Александр II, 27, 29, 34
Александров, 623
Александров Г. Ф., 686, 707, 769
Александрова Е. М., 89, 103
Алексинский Г., 169, 171, 174, 183, 191, 200, 226, 865
Ангаров А., 479
Англо-русский профсоюзный комитет, 501-2,668
Англо-советские отношения, 314, 428, 433, 500-2, 676-9
Андреев А. А., 429, 546, 556, 615-7, 685-7, 705-6, 712, 715-8, 883-4
Андрианов В. М., 708, 885
Андропов Ю. В., 795, 894
Антанта, 317, 323-4
«Антипартийная группа», 779, 782, 810
Антисемитизм, 54, 154, 435, 736, 746-7; *см. также* Евреи, «Дело врачей»

«Антисоветский право-троцкистский блок», 589-90
Антонов-Овсеенко В. А., 383, 403, 462-3, 532
Аристов А. Б., 718, 721, 723, 728, 757, 780, 885-6, 893
Арманд И., 212, 270
Армения, 494, 661-2, 719, 745, 797, 799
Армия Красная: большевистская агитация в, 157-8; роль Троцкого в организации, 271, 370-2, 383, 695-6; во время Гражданской войны, 271, 286; и Варшавская кампания, 286; и Кронштадтский мятеж, 296; и подавление крестьянских бунтов, 312; и захват Грузии, 323-4, 409; члены партии в, 335-8, 369-72, 698-700; дисциплина в, 369-70; и ПУРККА, 371, 462-6; Троцкий теряет контроль над, 415, 426; реорганизация и партконтроль, 461-5, 584-8; двоеначалие, 463-4, 588, 699; социальный состав, 464-5; и ОГПУ, 464-8; и комсомол, 466, 701-2; чистка и террор, 584-8, 677; рост престижа, 585; оппозиция в, 593; финская кампания, 681; война 1941-5 гг., 682-702; особые отделы, 702; в Восточной Европе, 748-51, 837-8; и Хрущев, 787; библиография, 874
Армстронг Дж., 690, 695-6, 732, 746, 867, 874
Аросев А., 201
Арутюнов Г. А., 719
Ахматова А., 735

Б

Багиров М. Д., 718-9, 885
Бадаев А., 207, 210, 216
Бажанов Б., 405
Базис и надстройка, 302, 738
Байкало-Амурская железная дорога, 646
Бакунин М. А., 31-2, 830
Балабанов М., 80-1, 138, 146, 215
Балкарцы, 742
Банников С. Г., 835
Баньян Дж., 870
Барбаросса план, 682
Бармин А., 875
Барон С., 133, 871
Бауман К. Я., 883
Бауман Н. Э., 91
Бауэр Отто, 224
«Бдительность», 602
Бебель А., 210
Бедди Дж., 682
Безбожники воинствующие, 490-1, 659-60; *см. также* Религия
Безработные, 314, 470
Белов М., 873
Белогвардейцы, 562
Беломорско-Балтийский канал, 646
Белоруссия, 494, 662-3, 727, 797, 799, 805-6, 818
Белосток, конференция (1902 г.), 82
Белостоцкий И. С., 194
Бельтов, *см.* Плеханов
Беляев Н. И., 780-1, 783, 886, 893
Бенеш Э., 594
Беннингсен А., 493
Бердяев Н. А., 43
Берия Л. П., 604, 688, 715-20, 725,

796, 831, 884-5; и история партии, 326-7, 566, 606; Нарком внутренних дел, 603, 616; и террор, 615; в ЦК, 617; неосталинец, 617-8, 684; в ГОКО, 687; и война, 705-7; в Политбюро, 715; и сельскохозяйственная политика Хрущева, 718-9; возможный преемник Сталина, 719; и «дело врачей», 753-4; в Президиуме, 764; Министр внутренних дел, 764; и разрыв отношений с Югославией, 774; падение, 765-6, 776, 841
Берлин И., 871
Берлин П. А., 110
Берман Г., 832
Бернштейн Э., 38-9, 45-7, 66, 69-70, 82, 203, 838-9
Бессарабия, 502, 679, 681
Бжезинский З., 602-3, 609, 645, 732, 872
Бибинеишвили Б., 144
Биологи, 737
Бирман П. Б., 101
Биробиджан, 747
Биск И. С., 178
Благоева группа, 52
Ближний Восток, 838
Блок А., 488
Блюхер В. К., 582
Богданов А. А., 104, 125, 140, 142, 144, 156, 159, 166, 169-76, 180, 200, 396, 487
«Богостроительство», 172
Бойтер А., 817
Болгария, 682
«Большевик», журнал, 404
Большевики: возникновение, 95, 101-2; III съезд, 105-8; и организованные рабочие, 114-7; и Московский Совет, 117; и меньшевики в 1905 г., 118-21; IV съезд, 122-7, 132, 138-9; отношение к Думе, 136-9, 159, 285; тактика в 1906-7 г., 140-4; экспроприации, 143, 155, 165; выборы в II Думу, 149; V съезд, 153; размежевание с меньшевиками, 154; отношение к другим партиям, 155; о вооруженном восстании, 157; конференция в Таммерфорсе, 158; комитеты в России, 161; закладка фундамента организации, 162; нелегальное положение, 165-7; расширенный большевистский Центр, 166; и финансы, и левые экстремисты, 174-5; возможность восстановления организации, 178-9; разногласия среди лидеров, 182; Парижский пленум, 182-3; арест «Семерки», 187; Мартов разоблачает финансовые махинации, 189; подготовка агентов, 191; на Пражской конференции, 193-8; «примиренцы», 196, 198; на Венской конференции, 196-7; в ЦК, 197-8; против легальной газеты для рабочих, 200; и меньшевики в профсоюзах, 201-2; отношение меньшевиков к, 202-3; борьба с меньшевистской фракцией в Думе, 204-7; отдельная фракция, 207-14; и Социалистический Интернационал, 210; и немецкие социал-демократы, 210; посредничество Социалистического Бюро, 210; и конференция в Брюсселе, 211-3; остаются в

меньшинстве, 212; трудный период 1914 г., 214; и антивоенная декларация, 216; арест пяти депутатов Думы, 217; о революции, 220-3; в эмиграции, 223; и война, 228, 235-8; и Военно-промышленные комитеты, 230; и Временное правительство, 236-41; и Корнилов, 236-7; захват власти, 237; Всероссийская партконференция, 239-42; отношение к Советам, 239-45; как немецкие агенты, 240; и меньшевики, 241; в меньшинстве на I съезде Советов, 242; июльская демонстрация в Петрограде, 243-5; положение в столице, 244; и финансовая помощь от Германии, 244; меры Временного правительства, 244-5; лидеры скрываются или арестованы, 244; Ленин о захвате власти, 245-6; на VI съезде, 245-6; на II съезде Советов, 245-50; и межрайонцы, 248; использование авторитета Советов, 249; членство в 1917 г., 250-1; преобладание русских и евреев, 251; состав ЦК после VI съезда, 251; формирование партии, 252; Секретариат и роль Свердлова, 253; новый Устав, 253; и Красная Гвардия, 254-6; фонды на пропаганду, 255-9; состав Совнаркома и ВЦИК, 260; контроль над всей печатью, 261-2; прекращение переговоров о коалиции, 261-2; и выборы в Учредительное Собрание, 262-4; и произвол, 265; и мирные переговоры, 265-8; конец коалиции с левыми эсерами, 268-9; левые коммунисты, 269-70; открытая оппозиция и национализация земли, 272-3; и снабжение продовольствием, 273; и крестьяне, 273-4; и промышленность, 274-5; и другие партии, 280-1; и национальная политика, 318-9; в Грузии, 323-4; использование власти Советов, 347; *см. также* Коммунистическая партия

Большевистский Центр, 140-1, 166-70, 173-5

Бонч-Бруевич В., 31, 103, 141

Боркенау Ф., 873

«Борьба», группа, 74, 90

Браудер Р., 870

Браунталь Дж., 873

Брежнев Л. И., 723, 780, 784, 789, 792-5, 842, 859, 885-7, 893-4

Брестский мир, 266-70, 277, 281-2, 496

Бронэ П., 867

Брэдли Дж., 870

Брюссель, конференция (1914 г.), 211-3

Бряндинский, 191

Бубер-Нойман М., 504, 548, 669

Буденный С. М., 582

Буковина Северная, 681

Булганин Н. А., 616, 686-7, 701, 764, 768-9, 779-82,792, 884-6

Булин, 582

Бунд, 53-5, 63-4, 79-82, 89-96, 122, 125, 143, 153-5, 159, 186-90, 196-7, 209, 211, 214, 224

Бурджалов Е. Н., 239, 840

Бурдо М., 843, 873

Бухарин Н. И.: и Ленин, 223, 225, 252, 299, 302, 309, 386, 389, 522;

и самоопределение наций, 225; о государстве, 226, 651-2; отношение к крестьянству, 257, 274, 394, 418, 512; и мир с Германией, 267; и «левый коммунизм», 268, 289; на VII съезде, 270; и Троцкий, 291; и профсоюзы, 293; и «военный коммунизм», 302; и НЭП, 311, 509; на IV конгрессе Коминтерна, 316; и Сталин, 386, 398, 403, 422, 434, 446, 500, 507-30, 546, 550, 572; и Политбюро, 392, 406, 525, 528; и экономическая политика, 395, 403, 524; «Путь к социализму», 395, 524; в Оргбюро, 398; и Зиновьев, 419, 532; и правая оппозиция, 434, 480, 485, 492, 502-3,549; и Комакадемия, 486; и литература, 488-9; «Заметки экономиста», 517, 520; «Политическое завещание Ленина», 522-3; и Коминтерн, 528, 667; и Каменев, 532; на XVI съезде, 544-6; на XVII партконференции, 547; редактор «Известий», 547; на XVII съезде, 556; в конституционной комиссии, 567; обвиняется на процессе Зиновьева, 572; обвиняется на процессе Пятакова, 576, 578; исключен из партии, 577, 593; процесс 1938 г., 589-93, 596-8, 665; отношение к Германии, 670-1; современная оценка, 777
Бухбиндер, 82
Бьенсток Г., 611
Бэбб Х., 874
«Бюллетень оппозиции» (Троцкий), 875
Бюро комитетов партийного большинства, 105
Бюрократия, 389-90
Бюро ЦК по РСФСР, 791, 812, 818

В

Валентинов Н., 96, 301, 404, 534, 866
Валиани Л., 124
Вандервельде Э., 211
Варга Е., 738-40, 752
Варейкис И. М., 446
Василевский А. М., 702
ВАСХНИЛ, 737
Вебб С. и Б., 576
Вебер М., 850-1, 857
Вена, конференция (1912 г.), 196-7, 199, 205, 208, 224; конгресс (1914 г.), 214
Венгрия, 777-8, 794, 837, 839
Венгров Н., 650
Версальский мир, 317, 498
Верховный Совет, 633, 768, 772
Ветров В., 875
Веттер Г., 172, 649, 874
Взносы партийные, 803
Вильсон У., 283
Вильямов Б., 176
Витте, граф, 80
Виттфогель К., 133
Владимирова В., 257
Владимирский М. Ф., 347
Власов А. А., генерал, 696-7
Власов Ал., 176
Внешняя политика, 281-3, 315, 495-505, 666-79, 682, 747, 769, 773-9, 786-7, 794, 835-8, 859, 873-4

Внешняя торговля, 303, 317, 394, 647
Вовси, проф., 755
Военнопленные советские, 690-2
Военно-промышленные комитеты, 230
Военно-революционные комитеты, 254-5, 264, 374
«Военный коммунизм», 278-9, 300, 302, 311, 530, 638
Военный Совет, 587
Вознесенский Н. А., 616-7, 684-6, 705-8, 739, 884-5
Война русско-японская, 101, 110, 113; финская, 588, 681, 699; I мировая, 215-39; II мировая, 667, 680-702, 705-7, 794; библиография, 874; *см. также* Армия Красная, Брестский мир, Германия, Гитлер, Сталин
Войтинский В. С., 110
Волин С., 375, 559
Волосевич В., 228
Вольский А. (Махайский Ян), 396
Вольский Н. В., *см.* Валентинов
Вольф Б. Д., 166, 170, 208, 385-6, 405, 515, 868
«Вопросы истории», журнал, 840
Воровский В. В., 104
Воронов Г. И., 886-7
Воронцов В. П., 44
Ворошилов К. Е., 398, 422, 446, 514, 546, 550, 556, 571, 582, 588, 615-7, 687, 695, 754, 764, 779-82, 784, 883
«Вперед», газета, 104, 115, 135, 172, 174, 189
«Вперед», группа, 174, 183, 193, 196, 200, 212, 226
Временное правительство, 109, 128, 130, 220, 233, 235-49, 254, 256, 262, 346, 870
Всероссийский Исполком Союза железнодорожников (ВИКЖЕЛ), 261
Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), 260, 264, 347-8, 391
ВЦСПС, 470, 551-2, 522; *см. также* Томский
ВЧК, 264, 291, 309, 373-8, 466, 490-1; *см. также* ЧК
Выборы, 568, 632-3, 815-7
Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ), 279, 458, 466, 511, 519, 527, 788
Вышинский А. Я., 553, 558, 562, 572-3, 576, 589-92, 597-8, 616-7, 653, 885
Вьетнам, 787, 794, 838

Г

Гальвег В., 240, 865
Гальперин Л. Е., 102
Гамарник Ян, 582, 585-6
Ганецкий, 256-7
Ганкин О., 211, 213, 216, 218, 223, 225-7, 869
Гапон Г., 110-2, 131
Гарви П. А., 63, 114, 180, 182, 184-5, 201, 216, 230, 233, 866
Гаррисон Л., 868
Гартхоф Р., 587, 695, 874
Гвоздев К. А., 230
«Гегемония» пролетариата, 42-3, 47, 66, 136, 179
Гегечкори Е. П., 163

Гейер Д., 868
Гельфанд А. Л. (Парвус), 128, 228, 256
Генуя, конференция (1922 г.), 317
Герлинг Г., 875
Гетцлер И., 59, 871
Германия, 315, 747, 787, 838; проезд Ленина через, 240; субсидии большевикам, 256-9; мирные переговоры, 265-9; тайный союз с Россией (1922 г.), 317; коммунистическое восстание (1923 г.), 407, 409, 499; договор с СССР (1926 г.), 498; и Сталин, 597, 670-2, 675-9; пакт 1939 г., 606, 678-80; национал-социализм, 669, 671; соглашение с Польшей (1934 г.), 672; и Лига Наций, 673; война с Англией, 679; война с СССР, 667, 680-702, 747, 794
Германия Восточная, 765, 837
Герцен А. И., 27-8
Гестапо, 592-4
Гитерман Ц., 747
Гитлер А., 555, 558, 597, 669-71, 674, 680, 682, 684, 691, 697, 746, 848-9
Гитлоу В., 515
Главное политическое управление, 700-1
Говард Р., 675
Голод, 52, 278, 539-40, 543, 634, 645
«Голос социал-демократа», газета, 163, 166, 176, 179, 183, 185-7, 190, 195, 198
Гольдман Б. И. (Горев), 176-8
Гоминдан, 469, 502-3, 668
Горбатов, генерал, 875
Горев, *см.* Гольдман
Горький М., 142-3, 171, 173, 175-6, 563, 590
Госплан, 391, 511, 527, 771-2, 788-9
Государственный комитет обороны (ГОКО), 687-8
Государство, 223, 226, 298-300, 373, 440-60, 483, 631, 650-5, 828-9, 846
«Государство и революция» (Ленин), 226, 298-300, 373, 651, 829, 848
Госэкономкомиссия, 771-2
ГПУ, 378-9, 396-8, 426, 430, 434-7, 466-7, 493; *см. также* ОГПУ
Гражданская война, 260-87, 304, 313, 319-22, 325, 331-3, 343, 348, 356-7, 360, 363-4, 370, 372, 375, 377, 383, 393, 411-2, 438, 441-3, 461-3, 483, 530, 575, 585-7, 594, 601, 613-4, 693-6, 801, 870
Гражданский кодекс (1922 г.), 381
Греция, 751
Гришин В. В., 886-7
Громан В., 551
Грузия и грузины, 154, 163, 321-8, 383-8, 409, 457, 493-4, 566, 603, 606, 661-2, 666, 726, 728, 745, 754-5, 799
Грулио Л., 875
«Группа борьбы за освобождение труда», 36, 39, 52, 69, 74, 83
Группа семнадцати, 57
Гумберт-Дроц, 516
Гумилев Н. С., 487
Гурэ Л., 690, 693
Гусаров Г., 102
Гусев С. И., 93, 104, 107, 383
Гучков А. И., 229
Гюисманс, 211, 213

Д

Даллин А., 646, 690, 692, 697, 712, 874
Даллин Д., 689
Дальстрой, 646
Дан Ф. И., 52, 74, 82, 92, 95, 116, 124-5, 138, 146, 163, 186, 190, 229-30, 868
Даниельс Р., 293, 365, 382, 516
Даниэль, 842-3
Движение протеста, 842-3
Двоеначалие, 463-4, 588, 699
Деграс Дж., 316, 873
Дедьер В., 751
Дейч Л., 35-6, 39, 91, 218
Декабристы, 26
Декрет о мире, 266; от 2 ноября 1917 г., 318; от 14 ноября 1917 г., 276; от 26 апреля 1925 г., 468
«Дело врачей» (1953 г.), 753-65
Демичев П. Н., 795, 887, 893
«Демократические централисты», 289, 291, 425, 535
Денежные фонды партии, 97, 101, 103-4, 141-4, 154-5, 165-70, 183-94, 198-201, 211-3, 244, 255-9, 266-9, 348-50, 621, 803, 813
Деннис А. Л., 271
Десницкий В. А. (Строев), 104
«Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» (Ленин), 285
Де Феличе Р., 849
«Джойнт», 754
Джугашвили, *см.* Сталин
Дзержинский Ф. Э., 125, 252, 264, 327, 374-7, 384, 397-8, 406, 466-7, 882-3
Диктатура пролетариата, 46, 86-7, 130, 220, 222, 226, 274, 291, 296-300, 311, 340, 377, 381, 392, 395, 402, 404, 407-8, 412, 492, 668, 674, 839
Динерстейн Г., 690, 693
«Дневник социал-демократа», журнал, 110, 179
Добб М., 477, 511, 872
Доронин, 810
Драбкина Ф. И., 239, 875
Драчкович, 216
Дубровинский Л. Ф. (Иннокентий), 166, 181
Дума I, 113-4, 134, 136-9, 145-7, 228, 285; II, 149-53, 156-9, 204-7, 214; III, 152, 159-61, 204; IV, 185, 205, 214, 216-7, 231
Дьюи Дж., 592

Е

Евдокимов Г. Е., 398, 423, 426, 429, 431, 571
Евреи, 53, 154, 251, 322, 494-5, 586, 662-3, 733, 746-7, 753-5, 805-6; *см. также* Антисемитизм, Бунд, «Дело врачей»
«Еврейский антифашистский комитет», 755
Евтихиев И. И., 478
Егоров А. И., 582
«Единство», группа, 210, 212
Ежов Н. И., 550-7, 589, 603-4, 609, 615, 623, 884
Ежовщина, 598-9, 602, 605, 608, 664-5, 758, 777, 801
Енукидзе А. С., 457, 565-6, 595
Еременко, маршал, 810
Ермолаев К. М., 182
Ефремов Л. Н., 886

Ж

Жаданов (Лифшиц), 736
Жданов А., 557, 563, 571, 574, 577-8, 581, 604-5, 612, 615-8, 627-8, 650, 678-9, 684-7, 706-10, 723, 736, 753, 884
Женева, конференция (1904 г.), 104; совещание (1905 г.), 108-10
Женщины в партии, 334, 613, 728, 804
«Живая церковь», 491
Житомирский, 168, 171
Жордания Н. Н., 146, 163
Жуков Г. К., 768, 778, 780, 784, 787, 810, 885-6

З

Забастовки, 57, 60-2, 78, 113, 231-2, 294, 475-6
Заграничная Лига русской социал-демократии, 75, 89, 98-9, 103
Заграничное Бюро ЦК (ЗБЦК), 182, 186-90, 193
Заграничный Секретариат, 221-2
«Задачи русских социал-демократов» (Ленин), 68-9
Заковский Л. М., 575
Залуцкий П. А., 228, 237, 419
«Заметки экономиста» (Бухарин), 517, 520, 524
Замятин Е. И., 487
Заславский Е. О., 51
Засорин В. М., 820
Засулич В., 31, 33, 35, 39, 73, 83-4, 86, 88, 91, 94, 96, 117, 209, 218
Заявление сорока шести, 399, 406; восьмидесяти четырех, 433
«Звезда», журнал, 735
Звеньевая система, 716
Зверев А. Г., 885
Зеленский И. Л., 408
Земан З., 258, 268, 865
Земельные общества, 507
«Земля и воля», общество, 30, 32-3, 35, 83
Землячка Р. С., 91, 102, 104, 616-7
Земцы-конституционалисты, 83, 133
Зибер Н. И., 43
Зиновьев Г. Е., 76, 140, 176, 181, 866-7, 882-3; в Петербургском комитете, 142; на V съезде, 156, 166; в комиссии по расследованию экспроприаций, 168; и партийные фонды, 170, 192; сторонник Ленина, 186, 188, 192, 223; в ЦК 1912 г., 194; и финансирование «Правды», 200; на конференции в Циммервальде, 227; политические тезисы, 240; разногласия с Лениным, 241, 252; скрывается, 244; на II съезде Советов, 248; в ЦК после VI съезда, 251; в Политбюро, 254; «колеблющийся», 261; и мир с Германией, 267; и профсоюзы, 281, 293; и Коминтерн, 285; и «либеральная» фракция, 291; антагонизм к Троцкому, 292, 294, 382-3, 388, 393; на X съезде, 292, 306; волнения в Петрограде, 294; претендент на место Ленина, 309, 403; на IV конгрессе Коминтерна, 316; на VIII съезде, 343-4; хозяин Пе-

трограда, 345; во время болезни Ленина, 389; на XII съезде, 391, 394; и Сталин, 397-8, 402, 405, 407, 409-10, 415, 417, 496, 554; в Оргбюро, 398; на XIII съезде, 407; и травля Троцкого, 415; и отношение к крестьянству, 417-8; о НЭПе, 418; критика Бухарина, 419; оппозиция на пленуме 1925 г., 419; «Ленинизм», 419; поражение на XIV съезде, 419-24; теряет контроль над Ленинградом, 420-5; в коалиции с Троцким и Каменевым, 429-30; выведен из Политбюро, 429; выведен из Коминтерна, 431, 501; исключен из ЦК, 434, 436; исключен из партии, 437; о партии и государстве, 460; и Султан-Галиев, 493; и восстание в Германии (1923 г.), 499; и подрывная деятельность в Англии, 501; восстановлен в партии, 513; разгром на XV съезде, 531; нападки на Бухарина, 532; ссылка (1933 г.), 549; на VII съезде, 556; после смерти Кирова, 562; процесс (1936 г.), 571-6; современная оценка, 591
Зонтаг Р., 682
Зоркий М., 425, 430
Зощенко М., 735
Зубатов С. В., 81, 110

И

Иванович Ст., 464-6, 472
Игнатов Н. Г., 723, 780, 885-6, 893
Игнатьев С. Д., 293, 757, 765, 885
«Известия», 547
Израиль, 733, 747, 794
Ильичев Л. Ф., 795, 893-4
Инакомыслящие, 856-7
Ингуши, 742
Индустриализация, 429, 510-8, 521, 527, 535, 544, 644, 703-11
Иннокентьев Е., 176
Институт красной профессуры, 485,656
Интеллигенция, 483-9, 510, 608, 611-2, 650, 727, 733-58, 798, 839-43
Интернационал II, *см.* Социалистический Интернационал
Интернационал III, *см.* Коминтерн
Информотдел, 352, 354
Иогихес Лео, *см.* Тышка
Иоффе А. А., 181, 252, 496
«Искра», газета, 73-84, 88-116, 129, 131, 136, 174, 200, 321, 552, 617
Испания, 676-7, 749
Истман М., 398, 400, 424, 436, 505
История партии, 326-7, 411, 566, 588, 606, 648-9, 656-7, 785, 840-1, 860-78
Исув И. А., 182
Италия, 502, 673, 681, 730, 749-52, 810, 848

К

Кабанов И. Г., 885
Кавказ и кавказцы, 125, 161, 189, 196, 209, 224, 319, 322-7, 398, 407, 566, 664, 693, 743, 802, 819
Каганович Л. М., 322, 355-6, 407, 429, 447, 494, 514, 522, 545-6,

550, 555-7, 571, 574, 615-8, 623-8, 630, 684, 687, 706-7, 725, 747, 764, 769-73, 779, 782, 784, 801, 883-6
Кадеты, 130, 133-4, 138, 145-9, 151-2, 159, 215, 231, 243
Казахстан, 661-2, 797, 802, 806, 818
Калинин М. И., 194, 295, 392, 422, 434, 446, 508, 514, 526, 546, 550, 556, 615-7, 687, 742, 882-4
Калмыкова А. М., 74
Калмыки, 742
Калнберзин Я., 886
Каменев Л. Б., 403, 410, 882-3; на III съезде, 107; на V съезде, 166; «примиренец», 181; в редакции «Социал-демократа», 186; сторонник Ленина, 188; ссылка в Сибирь, 217; возвращается в Петроград, 238; возглавляет Русское Бюро ЦК, 238-9; отношение к войне, 239; и Ленин, 241, 252; на II съезде Советов, 248; в ЦК, 251; в Политбюро, 251, 254; о коалиционном правительстве, 261; и «либеральная» фракция, 291; претендент на место Ленина, 309; хозяин Москвы, 345; во время болезни Ленина, 382-3, 385, 388; вражда с Троцким, 382, 388; Ленин о, 389; на XII съезде, 391-4; поддерживает Сталина, 402; критикуется Сталиным, 407-8; союз со Сталиным, 410; травля Троцкого, 415; оппозиция на пленуме 1925 г., 419; на XIV съезде атака на Секретариат, 421-2; кандидат в Политбюро, 422; коалиция с Троцким и Зиновьевым, 429; выведен из Политбюро, 431; разгром на XV съезде, 437, 531; и Султан-Галиев, 493; и Зиновьев, 513; восстановлен в партии, 513; и правая оппозиция, 513-4, 519, 531; нападки на Бухарина, 532; ссылка, 549; восстановлен в партии, 554; на XVII съезде, 556; после смерти Кирова, 562; процесс (1936 г.), 571-6; современная оценка, 591
Каменев Ю., 176
Камков Б., 590-1
Камо С. А., 144, 165-6, 173
Канделаки, 676
Кантонское восстание, 504, 548
«Капитал» (Маркс), 43-4
Капитонов И. В., 895
Капри, партшкола, 175
Карахан Л. М., 595
Карачаевцы, 742
Карев Д. С., 833
Карева М. П., 822
Каров Д., 690, 695
Карпов М. П., 820
Карр Э., 300, 311, 397, 399, 499, 870
Катков Г., 293, 598, 870
Каутский К., 47, 183, 189-90, 198-9, 210, 216, 297, 866
Кац З., 484, 658
КГБ, 766, 786, 790, 796, 802, 834, 842-3, 855
Кеннан Дж., 870
Керенский А. Ф., 240, 260, 870
Кечекян С. Ф., 822
Кинтал, конференция (1916 г.), 226-7
Кип Дж., 49, 77, 85, 136, 150, 868

Киргизия, 728, 745, 797, 799-802
Кириленко А. П., 886-7, 895
Кириченко А. И., 779-80, 810, 885-6
Киров С. М., 322, 429, 447, 546, 550, 554-66, 571, 600, 615, 849, 883-4
Китай, 428, 433, 502-4, 548, 668, 752, 769, 787, 829-30, 859
Ковригина, 728
Кожевников М. В., 374-5, 378, 633-4
Козлов Ф. Р., 780-3, 792-3, 810, 816, 858, 885-7, 893-4
Козловский, 256-7
Коковцев В. Н., 152
Коларов В., 309
Коларц В., 871, 873
«Колеблющиеся», 261, 269-70
Колкович Р., 874
Коллективизация, 508-18, 525, 527-58, 600, 634-8, 645, 663-4, 715, 743, 763; *см. также* Колхозы, Крестьянство, Кулаки, Сельское хозяйство
Коллективное руководство, 765-7, 776, 789, 794-6, 854-95
Коллонтай А., 221, 239-40, 270, 292, 309, 489
Колонии, 265, 286
Колхозы, 638-40, 711, 716-8, 763, 770, 799, 806, 822-4; *см. также* Коллективизация, Сельское хозяйство
Коминтерн: I (Учредительный) конгресс, 284; II конгресс, 285, 315, 502; и «Рабочая оппозиция», 309; подчиненность Москве, 315; III конгресс, 315-6; IV конгресс, 259, 316, 329; и Зиновьев, 315-6, 417, 426, 431, 496, 501; и оппозиция, 396, 426, 428; и Сталин, 417, 496-9; и Троцкий, 431, 496; и внешняя политика СССР, 497-505; и восстание в Германии (1923 г.), 499, 667; и крестьянство, 502-3; и некоммунистические партии, 509-10; VI конгресс и правая оппозиция, 515-6, 667, 673; и партия, 515-6, 749; и Бухарин, 528; и террор, 668; и социал-демократические партии, 671; и фашизм, 669; VII конгресс, 674; дальнейшая судьба, 836, 873
Коминформ, 750-1
Комиссия партийного контроля, 557, 623-4
Комиссия советского контроля, 617
Комитет партийного контроля, 723-4
Комитет партийно-государственного контроля, 783, 795, 809, 819-20, 852
Комитет по восстановлению освобожденных районов, 706
Комитет по демонтажу немецкой промышленности, 706
«Комитеты бедноты», 273-4
«Коммунист», журнал, 283
Коммунистическая Академия, 484, 486, 574, 652, 655-8
Коммунистическая Лига, 128
Коммунистическая партия: и терроризм, 84; численный состав, 120, 122, 161, 250-1, 359, 440-1, 451-3, 797, 804; национальный состав, 161, 321-2, 494, 566, 661-2, 727-8, 749, 797, 801-2, 805-6, 818; и печать, 255; и

профсоюзы, 288-9, 293, 472-3, 545, 811, 846; партийная дисциплина, 291, 305, 599; партийная демократия, 303-5, 308, 394, 397, 400, 581, 813-5; социальный состав, 331-40, 438, 440-6, 458, 610-4, 635, 713, 725-32, 797-801; партийная элита, 338-40; партийный аппарат, 340-60, 688, 765, 811-2, 830-1; организации, 342, 618-20; экономическая политика, 359, 403, 524; и армия, 369-72, 584-5, 698-700; конфликты в руководстве, 382-408; и Советы, 456-8, 822; и культурная жизнь, 483-9, 647-60, 710, 839-43; партийное обучение, 484-5; террор в, 582-3; и государственный аппарат, 631, 650, 688, 767, 821, 826; и народ, 631-60, 688, 698, 826, 841; и законность, 633, 843; реорганизация, 708, 763; и промышленность, 709, 821-4; и сельское хозяйство, 713, 717-8, 821-4; и национальная политика, 742-5; после войны, 759-63; централизация, 760; и Ленин, 761, 846, 848; и органы безопасности, 811; децентрализация, 826; фракции, 847

Коммунистические партии зарубежные, 836; Германия, 669; Греция, 751; Италия, 502, 673, 681, 730, 734, 749-50, 810, 848; Китай, 433, 503-4, 749, 752, 829-30; Франция, 749-50; Чехословакия, 750; Югославия, 749-51

Коммунистические университеты, 485, 656

Комсомол, 440-1, 466, 565, 588, 701-2, 726, 797-8, 811

Конквест Р., 560, 832, 872, 875

Конев И. С., 587

Конституция (1918 г.), 320, 373; (1923 г.), 325-6, 466; (1936 г.), 567-73, 589, 631-3, 640, 650, 653, 660, 675, 843

Контрольные комиссии, 305, 309, 356, 365-9, 452, 454

Конференции партийные: Белосток, 82; Псков, 82-3, 88; Женева, 104; Таммерфорс, 115, 121, 124, 127, 149, 153, 158; Прага, 193-9, 202, 205, 251-2; Вена, 196-7, 199, 205, 208, 224; Брюссель, 211-3; Всероссийские: VII, 239-42; VIII, 279; X, 311; XII, 341; XIII, 402; XIV, 417; XV, 431, 500; XVI, 527, 552, 607; XVII, 547; XVIII, 629-30, 725; даты, 879-81

Конфликтная комиссия, 365

Кооперация, 303, 390-1, 482, 523

Корея, 740, 752, 835

Корк А. И., 586

Корнатовский Н., 295

Корнилов Л. Г., 236-7

Корниловский мятеж, 236-7, 246, 248

Коротченко Д. С., 885-6

Косарев А. В., 579, 582, 588, 595

Косиор С. В., 546, 550, 556, 579, 582, 595, 615, 617, 883-4

Косыгин А. Н., 686, 784, 788-9, 792, 794, 842, 884-7

Котка, конференция (1907 г.), 202

Котляренко, 171

Кравченко В., 875

Краков, совещание (1913 г.), 206

Крамольников Г. И., 101

Красиков П. А., 91, 104
Красин Л. Б., 102, 105-7, 125, 140-4, 156, 165-6, 169-70, 172-4, 217, 314, 324, 460
Красная Армия, *см.* Армия Красная
Красная Гвардия, 244, 246, 254-6
Краснов П. Н., 260
«Краткий курс истории ВКП(б)», 657-9, 738, 840; *см. также* История партии
«Кредо», 70-2
Кремер А., 53, 56, 60-4, 66
Крепостное право, 26, 28, 131
Крестинский Н. Н., 291, 304, 341, 344, 349, 351, 532, 589, 590, 882
Крестьянская община, 28-9, 40, 141, 478
Крестьянство: восстания, 79, 287, 300, 312, 330, 461; и Ленин, 86, 130-1, 149, 302-3; и Плеханов, 86; роль в революции 1905 г., 131; и выборы в I Думу, 138; и Гражданская война, 271-5; и большевики, 272-4; и НЭП, 309, 312; в партии, 336, 444-6, 611, 614, 635, 713; и Бухарин, 394; и Троцкий, 410, 412; политика партии в отношении, 416-8; и сельсоветы, 456-7; состав, 477; чистки, 608; разорение, 753; *см. также* Голод, Коллективизация, Кулаки, Сельское хозяйство
Кржижановский Г. М., 95, 97-8, 102
Кривицкий В., 548-9, 593-4, 596, 669, 676, 875
Критика, 394, 401-2
«Критические социалисты», 134
Крицман Л. Н., 278
Кричевский Б., 68, 74-5
Кровавое воскресенье, 111-3, 126, 131
Кронрод Я. А., 768
Кронштадтский мятеж, 292-7, 296-7, 301-5, 332, 416, 461, 778
Крохмаль В., 91, 103
Крупская Н. К., 76, 131, 144, 171, 214, 383-4, 388-9, 405-6, 419, 421, 424, 429, 431-2, 454
Крыленко Н. В., 223
Куба, 786, 838
Кузнецов А. А., 707
Кузнецов В. В., 885
Кузьмин И. И., 773
Куйбышев В. В., 446, 454, 511, 518, 521, 527, 546, 550, 556, 563, 577, 590, 615, 883-4
Куклин Г. А., 30
Кулаки, 419, 428, 476-82, 507, 510, 518, 521, 529, 536-9, 567, 591, 608, 652, 777; *см. также* Коллективизация
Кулаков Ф. Д., 895
Культ личности, 648-9, 776, 784, 789, 831
Культпроп, 626, 647-8
Кунаев Д. А., 887
Курляндия, 270
Кускова Е. Д., 70-1, 134
Кутлер Н. Н., 314
Куусинен О., 780, 800, 885-6, 893-4
Кэрью-Хант Р. Н., 871
Кюльман, 258

Л

Лавров П. Л., 29, 31-2, 77
Лагеря концентрационные, 307, 379, 532, 559, 604, 646, 654, 743, 832

Лапенна И., 874
Ларин Ю., 279, 293
Лассаль, 124
Латвия и латыши, 213, 661, 680-1, 741, 745
Латышская социал-демократическая партия, 122, 125, 153-9, 167-8, 177, 186-9, 196-7
Лашевич М. М., 398, 426, 429
Лебедь А. И., 790
Левая оппозиция, 470, 599; *см. также* Оппозиция
Левин А., 151
Левицкий Б., 867
Левые коммунисты, 268-70, 277, 282-3, 289, 590
Левые экстремисты, 175
Левые эсеры, 260-9, 273, 375, 590
«Легальные марксисты», 43-4
Ленгник Ф. В., 95, 97-8
Ленин В. И., 866, 882; и народники, 43-4, 59; «Развитие капитализма в России», 44; и Бернштейн, 46-7; и «Об агитации», 57; и Мартов, 55-9, 94-6, 106, 222; семья, 58; и Ткачев, 59; и «Народная воля», 59, 77; и Чернышевский, 59; разрыв с демократами, 60; и Плеханов, 60, 84, 96, 99, 102, 107, 173, 180, 186, 189, 200, 209-10, 214, 218; и Аксельрод, 60; и демократические организации, 60; и забастовочное движение, 61; «Задачи русских социал-демократов», 68-9; и «Рабочее дело», 68, 74-7; и «экономизм», 68, 71-3; и «Кредо», 71; против Струве, 73; и возникновение «Искры», 73; и «Рабочая мысль», 74-7; и организация сети агентов, 75-6; «Что делать?», 76, 306, 330; о свободе критики, 77; конференция в Пскове, 83; проект программы 1899 г., 84; о развитии капитализма в России, 85; и крестьянство, 86, 141, 149, 272, 279, 302-3; «Марксизм и ревизионизм», 86-7; о диктатуре пролетариата, 86-7, 220, 297-300; о социалистической революции, 87; на II съезде, 88, 91, 93; разногласия с «Искрой», 88-97; о коллегах, 96; против мартовцев, 97; «Шаг вперед — два шага назад», 103-4; и газета «Вперед», 104; выведен из ЦК, 105; и меньшевики, 107; и раскол на III съезде, 107, 121; и беспартийные организации, 115; отношения с Троцким, 116-7, 181, 248-9, 388, 410-3; и экспроприации, 117, 143, 155-6, 168-9; на IV съезде, 123, 251; о «перманентной революции», 129; о «политическом демократизме», 130; о временном революционном правительстве, 130; о роли крестьянства в революции, 130-1; и национализация земли, 132; готовность сотрудничать с эсерами, 133; враждебность к либералам, 135; о капитализме в России, 135; и бойкот I Думы, 137-9, 145-7, 159-60; и «Центр», 140-1; о столыпинских реформах, 141; и Петербургский комитет, 142, 145; политика раскола, 148-50; и партийный суд, 150; на V съезде, 155-6; и ру-

ководство революцией, 162; конфликт с Богдановым и Красиным, 172-3; и Горький, 173; и Луначарский, 173; «Материализм и эмпириокритицизм», 174; расправа с левыми экстремистами, 175; и Богданов, 175-6; нападки на меньшевиков, 176, 204; восстановление большевистской организации, 178; и партийные фонды, 183-92, 198; и раскол в партии, 184-5; и «Социал-демократ», 186; и Тышка, 191-2, 199; и Зиновьев, 192, 241, 252, 267, 292, 309, 389; в ЦК, 194, 251, 343; и «ликвидаторы», 197, 202; и политика «легальности», 199; и полиция, 207; и Малиновский, 208; на Брюссельской конференции, 212; на IV съезде латышской партии, 213; на Штуттгартском конгрессе Интернационала, 216; и отношение к войне, 218-9; о революции в России, 219, 227-8; «закон неравномерности развития», 220, 414; разрыв с Социалистическим Интернационалом, 221, 242; и Коминтерн, 221, 315-6; о праве наций на самоопределение, 223-5, 318, 321-3; и теория государства, 223, 655; и Бухарин, 223-5, 252, 299, 302, 309, 386, 389, 522; о победе революции в одной стране, 223; конфликт с меньшевиками, 224, 241; «Государство и революция», 226, 298-300, 373, 651, 829, 846, 848; на Циммервальдской конференции, 227; приезд в Петроград, 238; проезд через Германию, 240; о Чхеидзе, 240; отношение к Керенскому и Временному правительству, 240; и Советы, 240, 245; и Ногин, 241; и Сталин, 241, 252, 267, 309, 318, 323, 326, 341, 383-4, 389, 403, 404, 777; и Каменев, 241, 252, 309, 384; о вооруженном восстании, 248; член Политбюро, 254, 344; связи с Германией, 256-9; Председатель Совнаркома, 260, 346; переговоры о коалиционном правительстве, 261; и разгон Учредительного Собрания, 264; о мировой революции, 265, 496; покушение на, 265; и левые эсеры, 266; мир с Германией, 267; и крестовый поход за хлебом, 273; о «военном коммунизме», 278; и внешняя политика, 282, 499; о капиталистическом окружении, 283-4; «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», 285; и «спецы», 288; и власть над партией, 290, 342-3; и «либеральная» фракция, 291; «Программа десяти», 293; и Кронштадтский мятеж, 296-7; и террор, 265, 298, 380; о внутрипартийной демократии, 303; о профсоюзах, 303, 473; «О кооперации», 303, 390-1, 523; и партийная дисциплина, 305; на X съезде, 308; отсутствует на XI съезде, 309, 408; и Рязанов, 310; и сохранение власти, 311; болезнь и последние годы жизни, 317, 326-30, 340, 382; и централи-

зованная партия, 322; и грузинский конфликт, 324-8, 384, 388; и партийный аппарат, 329; набор в партию 1921-2 гг., 336; председатель Совета рабоче-крестьянской обороны, 343; и Оргбюро, 344; и партия, 346, 387-9, 761, 765, 846, 848; и армия, 369-70; о праве, 373; и ВЧК, 375, 377; и прокуратура, 379; «Завещание», 386, 389, 402, 405, 424, 432, 436, 522-3, 533, 777, 861; и экономическая политика, 388-9, 394; «Письмо съезду», 389; о бюрократии, 389-90; о сельском хозяйстве, 390; и расправа с критиками, 401-2; смерть, 403; культ его, 403; и НЭП, 407; и социальная революция, 412; и запрещение фракций, 438-9; и подавление оппозиции, 438; и литература, 486-7; о религии, 490; о союзе пролетариата с крестьянством, 507; и Пятаков, 534; и Маркс, 846; и однопартийное государство, 846; и боязнь свободы слова, 859; биографии, 871
«Ленинград», журнал, 735
Ленинградская парторганизация, 415, 419-20, 423, 450
«Ленинградское дело», 708
Ленинизм, 404, 413, 419, 485, 658, 839
«Ленинский набор», 441
Леонгард В., 875
Леонтович В., 146
Лепешинский П., 71, 214
Лермоло Э., 560, 875
Лесенко И., 92
Либерман, проф., 793
Лига Наций, 498, 673, 681
Лиддел Г., 701
«Ликвидаторы», 176-9, 182, 193-7, 200-5, 209-12, 217, 230
Литва и литовцы, 270, 680-1, 741, 799-800, 802
Литвинов М. М., 104, 674-5, 678
Литераторы, 354, 486-9, 649, 794, 874; *см. также* Писатели
Лифляндия, 270
Лихтхайн Дж., 871
Ллойд-Джордж Д., 324
Ломинадзе Б., 504, 547-8, 556
Лондон, съезд (1907 г.), 153
Лонжюмо, партшкола, 191, 194, 198
Лоустон, 515
Луначарский А. В., 104, 123, 171, 174
«Луч», газета, 201, 206-7
Лысенко Т. Д., 737
Льюин М., 479
Любимов А. И., 105-7
Люксембург Р., 47, 53, 168-9, 189, 198-9, 210, 216, 224-5
Лядов М. Н., 93, 104, 123, 188, 868

М

Маврогордато Р., 697
Маггеридж М., 598
Мазуров К. Т., 886-7
Майер А., 46
Макинтош Дж., 701, 873
Маклаков В. А., 146
Мак-Нейл Р., 867
Маламут Ч., 384
Маленков Г. М., 710, 884-6; специалист по кадрам, 564, 616,

618, 627-8, 686; участие в чистках, 565, 609; на XVIII съезде, 617, 629, 684-5; продвижение, 684-5; в ГОКО, 687-8; руководит промышленностью, 705; борьба со Ждановым, 706-7; и «Ленинградское дело», 708; реорганизация Секретариата, 708-9, 763, 809; на XIX съезде, 714, 724-5, 753; в Политбюро, 715; и сельское хозяйство, 715, 718-9; возможный преемник Сталина, 721-3; и террор, 757, 785; Председатель Совета Министров, 764; освобожден от обязанностей секретаря ЦК, 765; правление и падение, 767-70; и Хрущев, 767, 773, 784, 809, 821, 830; заместитель Председателя Совета Министров, 771; и «антипартийная группа», 779, 782; исключен из ЦК, 779, 782
Малиновский Р. В., 187, 194, 206-8, 212
Малиновский Р. Я., 781, 810
Малышев В. А., 686, 885
Мальчевский И. С., 263
Манифесты царя (1905 г.), 113-4, 134, 136
Мангейм, съезд (1906 г.), 176
Мао Цзе-дун, 764, 830
Марат (Шанцев В. Л.), 166, 171
Маркс К., 29, 127, 164, 223; о народниках, 33, 38-9; и развитие капитализма в России, 38; о Плеханове, 38; о революции, 40, 128-9, 220, 441, 830, 838, 845-6; «Капитал», 43-4; о диктатуре пролетариата, 76, 226, 297; о партии, 77, 845-6; о классовой борьбе, 90; о национальном вопросе, 224; о базисе и надстройке, 302; «Критика Готской программы», 373, 828; о государстве и праве, 373, 650-1, 653, 828-9; о капиталистическом накоплении, 395; о литературе, 486; о религии, 490; о сдельщине, 543; и Ленин, 846
Марксизм и марксисты, 36-9, 43-7, 52, 65, 69, 416, 828, 871
Марксизм-ленинизм, 774, 839
Марр Н. Я., 737
Мартов Ю. О., 43, 76, 87, 98, 101, 131, 140, 164, 330, 862, 868, 871; в еврейских организациях, 55; сотрудничает с Лениным, 56-61, 71-5, 91; и «Искра», 73; и «Рабочее дело», 74, 101; и организация сети агентов, 75-6; о двухступенчатой революции, 87; «мягкий» искровец, 91; разрыв с Лениным, 91-7, 106; на II съезде, 92-4; в редколлегии «Искры», 94; и травля Бунда, 93, 96; Ленин о, 96, 222; эмигранты поддерживают его, 98; об «осадном положении» в партии, 99; и III съезд, 105; на IV съезде, 124; за централизованную организацию, 124; редактор «Социал-демократа», 125, 144, 163; сторонник перманентной революции, 129; о крестьянстве, 131; об эсерах, 150; и наследство Шмидта, 170; и Богданов, 172; о меньшевиках как «ликвидаторах», 178-9; и проблема сохранения партии, 184; и Ленин в

«Социал-демократе», 185-6; о финансовых махинациях большевиков, 189-90; требования об объединении партии, 195; боязнь «реформизма», 203; о выборах в Думу, 205; и Вандервельде, 211; о войне, 216; в меньшевистском «Заграничном Секретариате», 221; и «Наше слово» Троцкого, 222; жертва марксистской догмы, 439
Мартынов А. С. (Пикер), 68, 74-5, 89-90, 101, 177-8, 221
Маршалла план, 740, 750
Маслов М. М., 85
Маслов П. П., 51, 179
«Материализм и эмпириокритицизм» (Ленин), 174
Махайский, *см.* Вольский А.
Махарадзе Ф. Е., 384-6
Махновец, *см.* Акимов
Машеров П. М., 887
МВД (Министерство внутренних дел), 721, 764, 766, 832, 842; *см. также* НКВД
МГБ (Министерство государственной безопасности), 721
Мдивани В., 384-5
Международное Социалистическое Бюро, 209-13
«Межрайонцы», 248
Мейсснер Б., 875
Мельгунов С. П., 255, 257, 870
Мельников Л. Г., 885
Менжинский В. Р., 466, 590
Меницкий И., 215
Меньшевики: происхождение названия, II съезд, 95; ЦК стремится к соглашению с, 102; отрицают законность III съезда, 105-7; конференция 1905 г., 115; совещание в Женеве, 108; образование Петербургского Совета, 116; попытки сотрудничать с большевиками, 117-21; на Таммерфорсской конференции, 121-2; на IV съезде, 122-7; дискуссия о политике после революции, 127-8; и муниципализация земли, 132; о сотрудничестве с либералами, 135; и «гегемония» пролетариата, 136; и I Дума, 137-8, 146-7; и Учредительное Собрание, 137, 262-4; на Кавказе, 138-9; и экспроприации, 143; и II Дума, 149-52; и V съезд, 153-5; размежевание с большевиками, 154, 202-3; и III Дума, 159-60; и руководство революцией, 162-3; и задачи социал-демократии, 164; и нелегальные партийные комитеты, 164-5; и «ликидаторство», 176-8; нападки Плеханова, 179-80; и Парижский пленум, 182-4; конференция (1911 г.), 184-5; создание подпольной организации, 185; и IV Дума, 185, 205; псевдопленум (1911 г.), 188; и партийные фонды, 188-9; и профсоюзы, 200-1, 281; издают «Луч», 201; конфликт с Троцким, 201; и нелегальный партаппарат, 202; фракция в Думе, 204-5, 217; раскол думской фракции, 205-9; и Социалистический Интернационал, 210-3; воззвание к русским рабочим, 214; и военные кредиты, 216; Заграничный Секрета-

риат, 221-2; отношение к войне, 221, 229; и Троцкий, 222; и самоопределение наций, 224-5; и Рабочая группа, 231-2; в Советах, 235-44; и Временное правительство, 235; и смешанное Бюро, 241-3; на I съезде Советов, 242-4; «межрайонцы», 248; на II съезде Советов, 248-50; осуждают большевистский переворот, 260; переговоры о коалиции, 261-2; и национализация земли, 272; во время Гражданской войны, 280; и НЭП, 310-1; в Грузии, 323, 409; исключение из партии, 333; подпольная деятельность, 395-6; процессы, 551; группа «меньшевики-партийцы», 179, 194
Меньшинства национальные, *см.* Национальный вопрос
Меринг Ф., 183, 190, 198, 210
Мехлис Л. З., 616-7
Мжаванадзе В. П., 886-7
Микоян А. И., 421-2, 429, 447, 546, 556-7, 563, 615-7, 684, 686-8, 705-6, 754, 764, 769, 776, 779-81, 788, 807, 837, 840, 883-6
Милюков П. Н., 130, 134. 146, 243
Милютин В. П., 248
Мирбах В., фон, 268-9
Мирное сосуществование, 499, 838
Мировая революция, 223, 265, 414, 496-7, 505, 675
Михайлов А. Д., 32
Михайлов Н. А., 616-7, 723, 885
Михоэлс С., 755
Молдавия, 744, 797, 799-800
Молотов В. М., 201, 228, 237-9, 258, 322, 341, 392, 422-3, 446, 482, 541, 546, 550, 556, 567, 571, 574, 604, 615-8, 676, 678-9, 682, 684, 686-8, 721, 725, 754, 764, 769, 771, 773-4, 779, 782, 784, 801, 808, 882-6
Мордвинов Р. Н., 245
Морозов С., 142-3
Москалев М. А., 57
Москва-Волга канал, 589, 646
Московский губернский комитет, 238
Московский Совет, 117-8
Моузли Ф., 773
«Моя жизнь» (Троцкий), 387, 402
Мрачковский С. В., 436, 596
МТС, 636-7, 639, 713, 719, 760, 770, 813, 822-4
Муралов А. И., 424
Муссолини Б., 848-9
Мусульмане, 318-9, 321, 494, 734
Мухитдинов Н. А., 781, 783, 801, 885-6, 893
Мюнхенское соглашение, 677
Мясников А. Ф., 396

Н

«Набат», газета, 30
Наркомнац, 322, 325
«Народная воля», 34-5, 41, 50, 59, 77, 560
Народники, 28-44, 50, 59, 83
Народные демократии, 739, 750
Натансон М. А., 32
НАТО, 752
Национализация земли, 132

Национализм, 225, 321, 663, 665, 743
Национальный вопрос, 223-5, 242, 318-9, 321, 323, 492-5, 661-6, 742-5, 871
«Начало», газета, 116
«Наше слово», газета, 222
Невский, 111-2, 868
Нейман Г., 504
Нейрат, 676
Немецкие социал-демократы, 180, 183, 190, 210, 668-9
Немцы Поволжья, 662, 742
Неттл Дж., 189
Николаев Л., 559-64
Николаевский Б. И., 71, 74, 110, 144, 167, 178-9, 184-5, 189, 199, 214, 218, 514, 549, 560, 567, 646, 756, 866
Николай II, 111, 146, 152, 230, 233, 265
НКВД, 466, 577, 591-3, 603-4, 606, 615, 646, 676, 685, 693, 695, 697, 832
Нове А., 395, 825, 872
«Новый курс» (Троцкий), 400-1
Новый стиль, 64, 267
Ногин В. П., 166, 181, 185, 188, 192, 239, 241, 248, 252, 261, 269, 293
«Ножницы», 393, 397, 468-9, 471
Номенклатура, 790-2
Норт Р., 504, 873
Носков В. А. (Глебов), 95, 97
НЭП, 279, 301-3, 309-15, 330, 333, 377, 390, 407-8, 412-3, 416, 418, 433, 441-2, 451, 453, 467-8, 470-6, 494, 498, 507-13, 520-4, 530-1, 534, 537, 543, 642, 647, 651, 661-4, 847
Нюрнбергский процесс, 593

О

«Об агитации», *см.* Кремер
Обнорский В., 52
Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 565
Общество старых большевиков, 565
Объединенная оппозиция, 426-38, 447, 458
ОГПУ, 448, 454-5, 464-8, 487, 510, 514, 522, 526-7, 541, 546, 550-3, 558-9, 574, 603, 625-6; *см. также* НКВД
Одесса, 254
Оккупированные территории, 692-3
«Октябристы», 134, 152, 159, 229
Ольминский М. С., 104
Оппозиция, 272-3, 287-307, 325, 378, 383-7, 394, 397, 400-2, 419-38, 441-3, 447, 462, 470, 477, 489, 492-6, 502-4, 508, 522-3, 527-35, 545-9, 556, 563, 572, 580, 589, 592-3, 596-9, 605, 616, 848, 875
Оранский К., 204
Орахелашвили М. Д., 566
Организационно-инструкторский отдел, 658-8, 710
Организация Объединенных Наций, 837
Органы безопасности, 466-82, 550, 577, 708, 766, 784, 834, 849
Оргбюро, 344-5, 356, 359, 398, 447, 458, 612, 623
Орготдел, 352-6
Оргаспред, 448-9, 458, 624-5, 888
Орджоникидзе Г. К., 191-4, 322-8, 383-4, 388, 429, 434-5, 454, 495,

514, 535, 546-7, 550, 556, 572-3, 577, 615, 883-4
«Освобождение», газета, 45, 83
«Освобожденные» секретари, 620-1, 811, 825
Осинский В. В., 343, 399
«Основы ленинизма» (Сталин), 404, 413
Особый (Секретный) отдел, 564, 625, 710
Оссовский Я., 430
«Отзовизм», 171, 174
Оуэн Р., 390

П

Пайпс Р., 57, 225, 319, 322, 871
Панкратова, 728, 840
Панферов Ф., 563
Парвус, *см.* Гельфанд
Париж, съезды: (1889 г.), 49; (1900 г.), 75; пленум (1910 г.), 182-4
Партизанское движение, 693-6
«Партийная жизнь», журнал, 735
Партийных органов отдел, 810
Паспорта, 543
Пашуканис Е. Б., 573-4, 651-3, 655-6, 832
Пегов Н. М., 723, 885
Пельше А. Я., 887
Первичные партийные организации, 619-20, 713, 729
Первухин М. Г., 686, 764, 771, 773, 779, 782, 885-6
Перепись населения: (1897 г.), 26; (1926 г.), 715; (1937 г.), 589, 660
«Перманентная революция», 128-30. 282. 411-2
Петербургская меньшевистская группа, 116, 120-1
Петербургский комитет большевиков, 142, 145, 148, 150, 237, 246, 249, 862
Петербургский Совет, 116-8
Петр Великий, 379
Петренко Ф., 814
Петриченко, 295
Петров Ю. П., 695
Петровский Г. И., 546, 556, 582, 615, 883-4
Петроград, 243-6, 260, 292
Петроградский Совет, 233, 239-40, 243-4, 254, 264, 411
Петухов И., 371-2, 463-4
Пикер, *см.* Мартынов
Пирс Б., 395
Писатели, 487-8, 649-50, 736, 786, 839-43, 856; *см. также* Литераторы
Плеве В. К., 81, 110
Пленумы ЦК, 182, 399, 415-9, 429-36, 504, 509-12, 519, 577-80, 586, 593, 778-80, 787, 790, 807-10
Плеханов Г. В. (Бельтов), 31, 43, 66, 69, 116, 176-7, 862, 866-7, 871; «Земля и воля», 32, 35, 38-9; и «Черный передел», 35-6; и марксизм, 35-6, 39; и группа «Освобождение труда», 36, 52; личные качества, 36-7; и марксизм, 36; Маркс о, 38; и Энгельс, 39; и новая партия, 40; о крестьянской общине, 41; о социал-демократах, 41-2, 52; о «гегемонии» пролетариата, 42, 136; «К вопросу о развитии монистического

взгляда на историю», 44; и народники, 44; и Бернштейн, 46; на I съезде Социалистического Интернационала, 49; и стачки, 51; о пропаганде и агитации, 55; и Ленин, 60, 96, 102, 107, 180, 186, 189, 210, 214; о союзе пролетариата с интеллигенцией, 60; и «Рабочая мысль», 62; и социал-демократическая рабочая партия, 63, 67; и I съезд РСДРП, 64; и «Союз русских социал-демократов за границей», 67-8; и политическая борьба, 67; и «Рабочее дело», 69, 74-5, 101; и издание «Искры», 73, 77, 94, 97-100; и «Что делать?» Ленина, 77; и II съезд, 83, 92; неприязнь к Троцкому, 83, 117, 186, 222; и проект программы, 84; отношение к терроризму, 84; о развитии капитализма в России, 85; и диктатура пролетариата, 86; и крестьянство, 86; о двухступенчатой революции, 87; «твердый» искровец, 91; на III съезде, 105-7; разрыв с меньшевиками, 110, 179-80; «Дневник социал-демократа», 110; на IV съезде, 123; о национализации земли, 132; о большевиках и меньшевиках, 145-6, 196; сотрудничество с либералами, 149; на V съезде, 153-4; и «Голос социал-демократа», 163; настаивает на разрыве с большевиками, 166; о Тышке, 169; критикует Богданова, 172, 180; образование группы «меньшевиков-партийцев», 179-80; против финансовых махинаций Ленина, 189; и Пражская конференция, 193-4; сотрудничает в «Правде» Ленина, 200, 209; бичует «ликвидаторов», 209-10; издает «Единство», 210; на Брюссельской конференции, 212; окончательный разрыв с Лениным, 218

Победоносцев К. П., 29

Подгорный Н. В., 784, 792, 886-7, 894-5

«Подпольщики», 339, 442

Познер С. М., 144

Покровский М. П., 29

Полевой Ю. З., 868

Полетаев Н. Г., 199

Политбюро ЦК, 254, 342-4, 354, 391-2, 400, 406, 422-3, 429, 431, 434, 446, 525, 528, 546-7, 550-6, 589, 605, 615, 617, 687, 722, 821, 882-7

Политзаключенные, 834

«Политическое завещание Ленина» (Бухарин), 522

Политическое управление рабоче-крестьянской Красной Армии (ПУРККА), 371-2, 462-3, 466

«Полицейский социализм», 81, 110

Полиция царская, 206-9

Польская социал-демократическая партия, 53, 122, 125, 148, 153-6, 167-8, 177, 186-8, 196, 199, 209, 212-3, 224, 256

Польская социалистическая партия, 53, 168

Польша, 315, 324, 672, 678-80, 748, 777-8

Поляков В. И., 894
Полянский Д. С., 792, 886-7
Пономарев Б. Н., 721, 733, 801, 893
Пономаренко П. К., 723, 885
Попков П. С., 707-8
Поплюйко А., 825
Попов К., 649, 867
«Попутчики», 488
Поскребышев А. И., 553, 564, 756
Поспелов П. Н., 140, 765, 886, 893
Поспеловский Д., 81
Постышев П. П., 556, 578-9, 582, 595, 615, 884
Потресов А. Н., 71-7, 87-8, 91, 94, 125, 136, 164, 176-9, 184-5, 189, 214, 217-8, 862
Правая оппозиция, 434, 480, 485, 492, 502-3, 513-4, 519, 531, 840; *см. также* Бухарин, Рыков
«Правда», газета Троцкого, 181, 183, 186, 189, 200; Ленина, 200-1, 206, 209
Правые эсеры, 260-2; *см. также* Эсеры
Право, 373-4, 376-9, 633-4, 650-2, 821, 831-4, 843, 874
Прага, конференция (1912 г.), 193-8, 202, 205, 251-2
«Практики», 183-5, 208, 230
Председатели Совнаркома (Совета Министров): Ленин, 260, 346, 403, 765; Рыков, 345, 403, 494, 525, 765; Молотов, 616, 765; Маленков, 764, 768; Булганин, 768; Сталин, 686, 704; Хрущев, 782, 789; Косыгин, 789; *см. также* Совет Народных Комиссаров
Президиум ЦК, 717, 722, 764, 779-81, 795, 800-1, 808, 817, 821, 882-7
Преображенский Е. А., 291, 293, 302, 304, 344, 347, 394-5, 399, 406, 413, 471, 486, 513, 525, 532, 556, 572-3, 595
Прибалтийские республики, 315, 324, 678, 693, 733, 742-5, 797-9, 802, 837
«Призыв двадцати двух», 396
Примаков В. М., 586
«Примиренцы», 181, 186, 188-9, 191-2, 196, 198
«Программа десяти», 293, 303
Программа партии, 83-4, 320, 787, 817, 827-9
Продразверстка, 273-4, 311
Прокопович С. Н., 70, 134, 273, 314, 469, 537-40, 559, 639, 645-6, 872
Прокуратура, 379, 467, 832-4
«Пролетариат», партия, 53
Пролетариат, 39-51, 57, 60-2, 78, 113, 278; *см. также* Диктатура пролетариата
«Пролетарий», газета, 142, 145, 167, 172-5, 183, 185
Пролеткульт, 487
Промышленность: рабочий контроль, 275-6; национализация, 277; «спецы», 288; Троцкий и, 290, 293, 399, 413; Ленин и, 291, 293, 391; при НЭПе, 313-4, 470; «ножницы», 393-4, 397, 468-9, 471; партийный контроль над, 468-82, 688, 709; забастовки, 475-6; трудовая дисциплина, 543; новые отрасли и стахановское движение, 566-7, 643-4; в 1929-37 гг., 641-5; пос-

левоенный период, 704-11; после смерти Сталина, 767-8; при Хрущеве, 772-3, 788, 793, 821-5; *см. также* Профсоюзы, Пятилетние планы, Совнархозы
Протопопов А. Д., 231
Профсоюзы, 49, 201-2, 207, 281, 288-93, 303-4, 308, 345, 368, 399, 470-6, 545, 644
Процессы: Шахтинский (1928 г.), 510; бывших меньшевиков (1931 г.), 551; «вредителей» (1934 г.), 558; Николаева (1934 г.), 559-62; Зиновьева, Каменева и др. (1936 г.), 571-8; Енукидзе и Орахелашвили (1937 г.), 566; Пятакова, Радека, Сокольникова и др. (1937 г.), 573-6, 586, 598; военачальников (1937-8 гг.), 586-7; Бухарина, Рыкова и др. (1938 г.), 577-8, 587-98, 664-5; роль Троцкого, 589, 592; и западное общественное мнение, 596-8
Псков, конференция (1902 г.), 82-3, 88
Пузанов А. М., 885
Путна В., 572, 576, 586
«Путь к социализму» (Бухарин), 524
Пухов А. С., 292, 294
Пэрс Б., 598
Пэрс Р., 869
Пятаков Г. И., 223, 302, 429, 431, 471, 486, 532-5, 556, 572-92, 595
Пятницкий О. А., 199, 555
Пятилетние планы, 481, 527, 535, 542, 556, 584, 610, 625, 641-2, 647, 660, 671, 710

Р

Рабинович С. Е., 158, 301, 369
Рабкрин, 341, 390, 392, 453, 617, 820
«Работник», газета, 51
«Рабочая газета», 64
«Рабочая мысль», газета, 61-2, 66, 69, 74-7, 80
«Рабочая оппозиция», 287-9, 291-3, 302-9, 329, 333, 365, 387, 425, 430-1, 468, 474
«Рабочая правда», газета, 396
«Рабочее дело», газета, 68-101
Рабочие группы, 230-2, 396-7
Рабочие, жизненный уровень, 643, 645, 314
Радек К. Б., 227, 307, 311, 407, 499, 532, 556, 567, 572-6, 586, 595, 598
Радченко С. И., 64
Радки О., 263
«Развитие капитализма в России» (Ленин), 44
«Развитие монистического взгляда на историю» (Плеханов), 44
Раковский Х. Г., 532, 535, 589, 591
Рамишвили И. И., 114, 146, 163
РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей), 649
Рапальский договор, 317, 498, 671
Раух Г., фон, 868
Рафес М., 54, 82
Рашидов, 886-7
Реабилитации, 832
Реале Е., 751, 807
Ревизионизм, 47, 86-7, 203, 838-9
Революция: (1905 г.), 97, 119, 125-6, 128, 131, 133, 138, 164;

(февраль-март 1917 г.), 238, 257, 265, 276, 870; (октябрь-ноябрь 1917 г.), 237, 248-9, 255, 283, 411-2, 794
Реддавей П., 790
Религия, 354, 479-80, 490-2, 659-60, 786, 842-3, 873
Реннер К., 224
Реформы, дискуссия о, 391
Решетер Дж., 867
Риббентроп фон, 678
Ригби Т., 441, 445, 609-14, 632, 713, 723, 728-32, 798, 804-6, 872
Риос Ф. де лос, 378
Робинсон Дж., 26
Родионов М. И., 707
Родионов П. А., 794
Розанов В., 103
РОК (Русская организационная комиссия), 192-3, 196, 198, 200
Рокоссовский К. Р., 778
Российская социал-демократическая рабочая партия, 64
Российское освободительное движение, 696-7; *см.* Власов А. А.
Рудаков А. П., 894
Рудзутак Я. Э., 291, 392, 429, 446, 525, 546, 550, 555-6, 579, 595, 615, 883-4
Руководящих партийных органов отдел (ОРПО), 627
Румыния, 681
Румянцев, 601
Русанов А. Д., 696
Русское Бюро ЦК, 237-9
Рыков А. И., 107, 125, 191, 422, 547, 882-3; и Ленин, 166, 188, 239, 241, 248, 252, 261, 269; «примиренец», 181, 188-92; в Политбюро, 344, 351, 391, 434, 446, 513-4, 546; Председатель Совнаркома, 345, 403, 494, 525, 765; и крестьянство, 418, 480, 512; и оппозиция, 434, 519-20, 528-30, 577; и НЭП, 508; столкновения со Сталиным, 513-4, 519-20, 528, 530; и пятилетний план, 527; кается на XVI съезде, 544; на XVIII съезде, 556; упоминается на процессе Зиновьева, 572, 574; и на процессе Пятакова, 576; процесс, 577-8, 587-98, 664-5; исключен из партии и арестован, 577-8, 593; современная оценка, 591
Рюмин М. Д., 756-7
Рютин М. Н., 548-9, 600
Рязанов Д. Б. (Гольденбах), 38, 74, 90-1, 123, 264, 310, 486, 551-2

С

Сабуров М. З., 764, 771-3, 779, 782, 885
Сазонов И. С., 258
Самоопределение наций, 224, 318-9; *см. также* Национальный вопрос
Санов (Смульсон), 736
Сапронов Т. В., 399, 425
Сахаров А. Д., 609, 844
Сватоу, 503
Свердлов Я. М., 238, 253, 343, 348-54, 590
Свердлова К. Т., 238
Сверчков Д., 187
Святополк-Мирский, 80, 110
Сдельщина, 543, 643
«Северный голос», газета, 121

«Северный союз русских рабочих», 51-2
Секретари обкомов и крайкомов, 735
Секретари партии: Сталин, 341, 355; Крестинский, 341, 344, 349; Молотов, 341; Преображенский, 344; Серебряков, 344; Свердлов, 344, 347-9; Маленков, 764-5, 767; Хрущев, 767-96
Секретариат ЦК, 252, 344-5, 355, 359, 390, 392, 398, 406-7, 421, 447-8, 472, 557, 564, 624-30, 648, 708-10, 721-3, 764-5, 792, 808-9, 888-92
Сельские общины, *см.* Земельные общества
Сельские Советы, 456-7
Сельское хозяйство, 311-14, 390, 416-7, 469-82, 509, 634-42, 711-20, 769-70, 818, 821-4; *см. также* Коллективизация, Крестьянство, Кулаки
Семашко Н. А., 188
«Семерка», 182-8
Семичастный В. Е., 790, 796
Семья и брак, 489-90
Сенниковский П. Г., 101
Серебряков Л. П., 291, 293, 304, 344, 399, 575
Серов И. А., 376
Сетон-Ватсон Х., 749, 869
Синявский А., 842-3
Скворцов-Степанов И. И., 275
Скобелев М. И., 181
Скотт Е., 375
Скрыпник Н. А., 664
Слюссер Р. М., 375, 559
Смертная казнь, 264, 375, 561-2, 574, 576
Смилга И. Т., 295
Смирнов И. Н., 571
Смоленский архив, 378, 541-2, 564, 865; см. также Файнсод
«Собрание русских фабрично-заводских рабочих», 110
Совет Народных Комиссаров (Министров), 260, 263, 345-6, 403, 467, 494, 525, 616, 686, 704, 765, 782, 806, 821
Совет партии, 93, 97, 101, 103, 105-8
Совет по делам колхозов, 712
Совет рабоче-крестьянской обороны, 343
Советы, 117, 232, 235, 240, 243, 245, 247, 347, 456-7, 478, 632, 811, 822, 846
Совнархозы, 638-9, 772-3, 788, 793, 825-6
Совхозы, 638-9
Соединенные Штаты Америки, 672, 739, 835-6
«Соединенные Штаты Европы», 222
Соколов Б., 264
Сокольников Г. Ю., 254, 293, 406, 419, 422, 431, 572-6, 882
Солженицын А., 842
Соломон Г. А., 263
Сорин В. Л., 397
«Социал-демократ», газета, 125, 127, 145, 155, 163, 183, 185-6, 192, 198, 516
«Социал-демократическая революционная группа», 70
Социал-демократы, 41-2, 47, 52, 60, 63, 65, 67-9, 78, 84, 114-5, 125, 128, 130, 144-6, 151, 157-61, 164, 189, 196, 207, 209, 216-7, 555
Социализм в одной стране, 414, 432, 476, 542

Социалистический Интернационал: I съезд, 49, 75; и раскол большевиков и меньшевиков, 210-1; Брюссельская конференция, 211-4; Штуттгартский конгресс, 215-6; Ленин и окончательный разрыв, 221; конференции в Циммервальде и Кинтале, 226-7
Социалистический реализм, 649-50, 785
Социал-революционеры (эсеры): образование, 83; и Гапон, 111; в Советах, 117-8; и крестьяне, 131, 133, 272-3; и выборы в I Думу, 138; терроризм и сотрудничество с большевиками, 144; и II Дума, 150; отношение к войне, 215, 269; и тезисы Ленина, 220; в Советах 1917 г., 235, 242; после большевистского переворота, 260-3; и выборы в Учредительное Собрание, 264; аграрная программа, 272-3; как «контрреволюционеры», 280; конец деятельности, 281, 310; и НЭП, 310-1; в Грузии, 323
«Союз борьбы за освобождение рабочего класса», 56-7, 60-4, 66
Союз воинствующих безбожников, 491, 660
Союз металлургов, 207
Союз Освобождения, 113, 133
«Союз русских социал-демократов за границей», 67-9
Союз советских писателей, 649, 839-40
Спандарян С. С., 194
«Спецы», 288
Спинка М., 492
Спиридонов И. В., 783, 893-4
Средняя Азия, 495, 693, 743-5, 815
Сталин И. В. (Джугашвили): на IV съезде, 125, 139; и антисемитизм, 154; и бакинская организация, 167; конфликты с оппозицией, 181; член ЦК (1912 г.), 194; о национализме, 225, 319, 492-5; приезжает в Петроград, 238; отношение к войне, 239; поддерживает Ленина, 241, 252; на VI съезде, 245; в Политбюро, 254, 423; роль в Октябрьской революции, 255; сторонник мира с Германией, 267, 282; и Гражданская война, 271, 345; и «либеральная» фракция, 291; претендует на место Ленина, 309, 403; Ленин о необходимости ограничить его власть, 318; и Наркомнац, 322, 325; игнорирует мнение Ленина, 323, 326; и грузинский конфликт, 327-8, 383-5, 388-9; и Рабкрин, 341, 343, 390; сосредоточение власти, 341, 344; Генеральный секретарь, 355, 362; контролирует партийный аппарат, 369, 383, 386-7, 408, 451, 580-1, 614-6, 704-5; конфликт с Троцким, 345, 372, 382-4, 388, 393, 399-400, 405, 424, 430, 462, 496-7, 505, 516; и «Завещание» Ленина, 385-6, 405-6; и Бухарин, 386, 398, 403, 422, 434, 446, 500, 507-29, 546, 550, 572; и Ленин, 389, 404, 777; на XII съезде, 385-7, 391-3, 882; Ленин об отношениях между Сталиным и Троцким, 388; и Зиновьев, 397-8,

402, 407, 409-10, 417, 420-3, 430, 450, 496-7; и партийная демократия, 400; на XIII партконференции, 402; и Каменев, 402, 407, 409-10, 417; «Основы ленинизма», 404, 413; и XIII съезд, 405-6, 882; подает заявление об отставке, 405-6; разногласия в правящей тройке, 407; о диктатуре пролетариата, 408; и восстание в Грузии, 409; фальсификатор истории, 411, 566, 588, 648, 657; о социализме в одной стране, 414; о мировой революции, 414, 675; и Коминтерн, 417, 496-7, 516; крестьянство и сельское хозяйство, 418, 537-43, 600, 715, 719; на XIV съезде, 419-22, 883; расправа с ленинградской парторганизацией, 419-23; и индустриализация, 423, 510-3, 521, 537; и объединенная оппозиция, 426, 430-8, 455; о Советах, 457; и Дзержинский, 466-7; и экономическая политика, 469, 482; и интеллигенция, 484; и Султан-Галиев, 492-3; и внешняя политика, 495-505, 666-79, 835; и восстание в Германии, 499; и мирное сосуществование, 499; и отношения с Китаем, 503-4; и коллективизация, 508-13, 525, 538-42, 822; столкновения с Бухариным, Рыковым и Томским, 513-5; и правая оппозиция, 517-29; капитуляция перед левой оппозицией, 530-6; и органы безопасности, 550, 577, 708, 766, 849; чистки и террор, 552, 564, 570-80, 755-8, 777, 831, 849, 853-4, 858; личный секретариат, 553, 564, 625, 811; и Киров, 554, 558-83; и XVII съезд, 554-5, 884; и Секретариат ЦК, 557; победа над партией, 558-83, 599-614, 848, 851-2; и смерть Куйбышева, 563; компромисс с умеренными, 563; и Берия, 566; и конституция, 567-9; и армия, 584-8; и комсомол, 588; «заговоры» против, 590-601; личные качества, 599; на XVIII съезде, 604, 612; пакт с Германией, 606; об отношениях между партией и государством, 631; контроль над культурной жизнью страны, 647; и культ личности, 648-9, 761, 831; и теория государства, 652-5, 828; и историческая наука, 656-7; «Краткий курс истории ВКП(б)», 657-9; и Германия, 669-72, 675-80, 684, 849; в ГОКО, 687; военные речи, 689; и «Ленинградское дело», 708; на XIX съезде, 720-5; «Экономические проблемы социализма в СССР», 720, 738-40, 753, 776; его преемники, 721; смерть, 758; конец критики, 794; и II мировая война, 794; и марксизм, 828; критика Хрущевым, 841; и государственный аппарат, 849; биография, 871

«Сталин» (Троцкий), 404

Сталинцы, 392, 557, 617-8, 630, 721, 800-1, 884

Старосельский Я. В., 656

Стасова Е. Д., 104, 194, 214, 233, 252, 254, 555

Старосельский Я. В., 656

Старые большевики, 438, 442, 565, 608, 613-4, 663, 670-1, 746
Стахановское движение, 566-7, 643-4
Столыпин П. А., 141, 144, 151-2, 158, 176, 330
Страуян Ян, 174
Строев, *см.* Десницкий
Струве Дж., 874
Струве П. Б., 43-5, 64-5, 70, 72-3, 83
Струмилин С. Г., 511
Стучка П. И., 376
Суварин Б., 434, 532, 871
Судебные органы, 373-4, 376-9, 633-4
Султан-Галиев М., 492-3, 562
Сун Ят-сен, 496
Суслов М. А., 707, 723, 765, 779-80, 784, 885-7, 893
Суханов Н. Н., 243, 551
Суэйзи Г., 874
«Съезд победителей» (1934 г.), *см.* Съезды партии, XVII
Съезды партии, 452-3, 494, 806-7, 879-81; I, 63-5, 82, 122, 861; II, 82-3, 88-9, 96, 102-3, 108, 310, 861; III, 104-8, 121, 130-1, 135, 172, 210; IV, 121-7, 130, 132, 138-40, 143, 147, 152, 155, 157, 213, 251, 421, 861; V, 150, 153-9, 166-8, 177, 186-9, 196-7, 253; VI, 245-6, 251-4, 248, 250-4, 338; VII, 270, 299, 342, 347, 556, 651, 654; VIII, 283, 320-1, 331, 343, 348-52, 356, 882; IX, 289, 332, 347, 352, 365, 461, 861; X, 292-3, 296, 300-14, 332, 356-7, 363, 399-400, 402, 426, 436, 809, 846-7, 882; XI, 309, 350, 367-8, 387, 408, 446, 453, 473-6, 882; XII, 384-97, 407-8, 460, 492, 882; XIII, 405-8, 441, 494, 499, 534, 804-5, 882; XIV, 398, 408, 419-24, 442, 451-4, 883; XV, 435-7, 442, 446-7, 451, 455, 457-8, 478, 480-1, 494-5, 507-8, 511, 517, 523, 531, 661, 883; XVI, 525, 532, 539, 544-7, 607, 625, 644, 652, 661-3, 883; XVII, 553, 555-6, 578-9, 583, 626-7, 670, 731, 884; XVIII, 583, 588, 604, 609, 612-8, 624, 627-8, 635, 644, 654-62, 682-6, 709, 725-31, 755, 884, 887; XIX, 714, 717-8, 720, 724-30, 738, 752-3, 758, 797, 861, 875, 885; XX, 383-5, 547, 550-2, 560-1, 564, 573, 578-9, 582-3, 591, 595, 615, 707, 718, 754-7, 771-9, 784, 797-800, 803-7, 809, 835, 837, 840, 885; XXI, 779, 798-800, 806; XXII, 785-7, 806, 816-7, 827-9, 853, 866; XXIII, 794-6, 804, 817, 820
Съезды Советов: Всероссийские: I, 242-4, 260; II, 237, 245-50, 254, 260-6; III, 264; IV, 270; VII, 567; VIII, 570; X, 325; Всесоюзный II, 326
Сырцов С. И., 546-8, 883

Т

Таджикистан, 662, 744, 799-800
Тамбовское восстание, 416
Таммерфорс, конференция (1905 г.), 121, 124; (1906 г.), 127, 149, 153, 158
Таратута В., 170-1
Татары крымские, 742
Тату М., 786
Таустер Дж., 634

Тахтарев К. М. (Петербуржец), 61
Тевосян И. Ф., 772, 885
«Термидор», 427, 496
Террор, 264-5, 298, 379-80, 561-6, 576-609, 615, 650, 653, 658, 662, 677, 755-8, 777, 785, 831, 849, 853-4, 858; *см. также* Чистки
Терроризм, 41, 84, 144
Тимашев Н. С., 491, 660, 873
Тимофеев Л., 650
Тито И. Б., 751-2
Титов В. Н., 795, 894-5
Тифлисское ограбление, 165-7, 173, 177
Тихомирнов В. А., 200-1
Ткачев П. Н., 30-1, 41, 59
«Товарищ», газета, 122
Товстуха И. П., 448
Толмачев В. Н., 549
Томский М. П., 291, 344-5, 391, 422, 434, 446, 472, 476, 508, 513-4, 519-30, 544-6, 556, 572, 576, 581, 644, 882-3
Торвальд Ю., 690
Тоталитаризм, 602, 684, 748, 782, 845-59, 848
Транспорт, 290-1, 350
Тредголд Д., 130, 868-9
Трепов Ф. Ф., 33
Третий рейх, 670
Трибуналы, 374, 378
Троцкизм и троцкисты, 404, 410-1, 509, 517-9, 525-6, 532-3, 535, 571, 574-5, 604, 840
Троцкий Л. Д., 193-4, 239, 324, 338, 397, 861, 865-7, 882-3; и «Искра», 83; на II съезде, 91, 116; и «Начало», 116; порывает с Лениным, 117; выходит из меньшевистской фракции, 117; в Петербургском Совете, 117; о перманентной революции, 128-30, 136, 412; о «гегемонии» пролетариата, 136; на V съезде, 153; и «Правда», 180-1, 186, 200-1; и меньшевики, 184; и Плеханов, 186; и Пражская конференция, 193-6; сторонник объединения большевиков и меньшевиков, 195; и Венская конференция, 197; и партийные фонды, 198; и «Правда» Ленина, 200; конфликт с «Лучом», 201; поддерживает меньшевиков после раскола, 209; о мировой революции, 222-3; и II Интернационал, 222; и Парвус, 228, 256; и подготовка восстания, 248; и Советы, 249, 254; в ЦК, 251; в Политбюро, 254, 344; и коалиционное правительство, 261; и мирные переговоры в Брест-Литовске, 266-7; первое столкновение со Сталиным, 271; организатор Красной Армии, 271, 461-2, 464, 695-6; и НЭП, 279; и профсоюзы, 281, 291-3, 304, 345; и переговоры с Антантой, 281-2; Нарком обороны, 282, 371; и транспорт, 290-1; и «либеральная» фракция, 291; и Балтийский флот, 292; отношения с Зиновьевым, 292, 294; подавление Кронштадтского мятежа, 296-7; о партийной демократии, 304-5; на XI съезде, 309; на IV конгрессе Интернационала, 316; и Совет рабоче-крестьянской обороны, 343-5; неприязнь Зиновьева и Сталина, 345, 382; и Красная Армия,

370, 383, 426; конфликт со Сталиным, 372, 399-400, 405, 462, 496-7, 516; «триумвират» опасается его бонапартизма, 382-3; вражда со Сталиным и Зиновьевым, 382-4, 388, 393, 415, 429; и грузинский конфликт, 384-8; на XII съезде, 385-95; и «Завещание» Ленина, 386, 424, 436; «Моя жизнь», 387, 402, 415; Ленин о его отношениях со Сталиным, 388; о функциях Госплана, 391; об экономике, 393-5, 399; в Оргбюро, 398; «война» с ЦК, 398-9; и Заявление сорока шести, 399; «Новый курс», 400-1; осужден на XIII партконференции, 402; позиция ко времени смерти Ленина, 403; «Сталин», 404; и Фрунзе, 405; на XIII съезде, 406-7; «Уроки Октября», 409-10, 429; отношение к крестьянству, 410, 412, 446; разногласия с Лениным, 410; обвиняется в «ереси», 411-3; роль в революции и Гражданской войне, 383, 411-2; и промышленность, 413; снят с поста Наркома по военным делам, 415; осужден ЦК, 417; и объединенная оппозиция, 425-30, 462; Заявление шести, 430-1; выведен из Политбюро, 431; и партия, 433, 580; исключен из ЦК, 434; последняя речь, 436, 504; исключен из партии и выслан, 437, 532, 535; и внешняя политика, 496, 499; разгром на XIII съезде, 531; и процессы, 571, 575, 578, 589; ложность обвинений, 592; и власть партии, 599; современная оценка, 777; «Бюллетень оппозиции», 875; и Каменев, 415, 429

«Троцкистско-зиновьевский контрреволюционный блок», 571, 574

Трудовая дисциплина, 543, 683

Туган-Барановский М. И., 43

«Тунеядцы», 786, 829

Туркменистан, 662, 799, 802

Турция, 271, 496

Тухачевский М. Н., 296, 461, 576, 582, 586, 593-4

Тышка Л. (Иогихес), 53, 156, 168-9, 188-92, 199, 224

Тюрко-татары, 494

У

Уайлдман А., 868

Уборевич И. П., 582, 586

Угланов Н. А., 408, 422, 447, 514-21, 528, 546, 548, 883

Уголовный кодекс, 380-1, 573, 576, 833-4, 843

Узбекистан, 494, 661-2, 664, 745, 806, 818

Уилсон Э., 871

Украина, 270, 321-2, 494-5, 661-6, 713-6, 741, 743-6, 797-9, 802, 805-6, 818, 842

Украина Западная, 693, 733, 742

Улам А., 871

Ульман Р., 870

«Ультиматизм», 171, 200

Ульянов А., 58

Ульянов Д., 91

«Умеренные», 133, 554-5, 558, 563
Управление кадров ЦК, 564, 628, 685, 688, 709, 716
Уралов А., 580
Урицкий М. С., 252
«Уроки Октября» (Троцкий), 409-10
Устав партии, 91, 96, 103, 108, 122, 124, 253, 279, 321, 341-2, 360-2, 451-2, 463, 605, 610, 612, 618-23, 721-5, 762, 798, 803-8, 815-8
Устав сельскохозяйственной артели, 639
Устинов Д. Ф., 788, 795, 887, 894
Утехин С. В., 339
Учраспред, 448, 450
Учредительное Собрание, 35, 112, 137, 220, 262-4
Фельдман Б. М., 586
Фельс Дж., 154
Филологи, 736-7
Философы, 649, 736
Финляндия, 270, 318, 588, 672, 681, 699, 749
Флот, 119, 148, 292
Фишер А., 119
Фишер Г., 211, 213, 216, 218, 223, 225-7, 500-1, 869-70, 873
Фишер Дж., 690, 874
Фишер Л., 873
Фишер Р., 417
Фостер, 515
Фотиева Л. А., 386, 389
Франко-советские отношения, 502, 672-9, 749-50, 752
Фридрих К., 848
Фрумкин М., 520
Фрунзе М., 405-6, 462, 882-3
Фурцева Е. А., 780, 801, 885-6, 893
Футман Д., 293

Ф

Файнсод М., 333, 441, 446, 448, 452, 463, 467-8, 477-8, 542, 558, 571, 601, 604, 608, 612-3, 626, 632, 635, 660, 701, 710, 726, 729, 865, 868, 872, 875
Файс Г., 874
Фашизм, 516, 570, 597, 669-71; *см. также* Германия, Гитлер, Сталин
Федоров А. Ф., 695
Федосеев А. С., 822
Федотов-Уайт Д., 293, 462, 585, 702, 874
Федькин Г. И., 822
Фейхтвангер Л., 598

Х

Хаббард Л., 540, 544, 643, 645-6
Хазард Дж., 874
Хаимсон Л., 37
Халтурин С. Н., 52
Харкейв С., 118
Хатаевич М. М., 582
Хеттль В., 593-4
Хлебозаготовки, 509
Ходжман Д., 641
Хрущев Н. С.: секретарь МК, 564; и Сталин, 577, 589, 605, 615, 684, 757; и Енукидзе, 565-6; первый секретарь ЦК Украи-

ны, 589, 616, 715-6; в Политбюро, 605, 615, 617, 685; во время войны, 684-5, 687, 701; в Москве, 715; и сельскохозяйственная политика, 715-9, 769-70, 818, 824; и «агрогорода», 718; и укрупнение колхозов, 718, 763, 823-4; положение к XIX съезду, 720-2; как преемник Сталина, 721; и Секретариат, 721-3; взлет и падение, 759-96; после смерти Сталина, 764-5; на XX съезде, 383, 385, 547, 550-2, 560-1, 573, 578-9, 582-3, 591, 615, 707-8, 754, 757, 774-8, 784, 835, 840-1; Первый секретарь ЦК, 768, 782; и Маленков, 767, 785, 809, 821, 830; и Каганович, 769; и Молотов, 769; и Китай, 769, 830; и промышленность, 772-3, 824-5; и внешняя политика, 773-6, 779, 786-7, 794, 835-8; и Югославия, 776-8; июньский пленум 1957 г., 778-80, 787, 790, 808, 810; и «антипартийная группа», 779, 782, 810; и Жуков, 780-1, 787; Председатель Совета Министров, 782; причины падения, 782-96; и осуждение Сталина, 784; и органы безопасности, 784; репрессии против церкви, 786; и Куба, 786, 838; и писатели, 786; и армия, 787; военная политика, 787; и программа партии (1961 г.), 787, 794, 827-8; конфликт с плановиками, 788; и совнархозы, 788, 793; и коллективное руководство, 789; падение, 789-90, 794; произвол в расстановке кадров, 791-2; подготовка преемника, 792-3, 858; и Фурцева, 801; и партаппарат, 806, 812-3, 818-21, 826-8, 852-5; реорганизация ЦК, 810; об отмирании государства, 828-9; и интеллигенция, 841-2; после падения, 854-9
Хэнань, 503

Ц

Цедербаум-Дан Л., 74
Цензура, 466, 487-8
Центральная комиссия по транспорту (Цектран), 290-1, 308
Центральная контрольная комиссия, 366-8, 392, 407, 423, 453-5, 557, 623
Центральная ревизионная комиссия, 803, 809
Центральный Комитет (ЦК): и «Искра», 101-3; и Ленин, 102-5, 140-1, 146-50, 156, 167-8, 185-9, 193-8, 204-9, 303-10; воссоединение большевиков и меньшевиков, 120-1, 181-3, 193-7; и большевистский Центр, 140, 168-70; и I и II Думы, 146-9, 155-61; столкновения с Петербургским комитетом, 148-50; распад представительства в России, 167, 177; осуждает экспроприации, 167-8; и партийные фонды, 187, 257-9; и Пражская конференция, 193-8, 202, 205; состав, избранный в

1912 г., 194, 251-2; и Организационный комитет, 197; и раскол думской фракции, 204-10; и Брюссельская конференция, 211-3; состав после VI съезда, 251-2, 338; и Политическое Бюро, 254; и немецкие условия мира, 266-7; недовольство в, 290-3; и Рабочая оппозиция, 306-7, 309, 333; организация работы, 350-68, 446-51, 615-30, 802-21; национальные Бюро и секции, 352-3; отделы, 352-9, 810-1; распределение кадров, 356, 359; и местные парторганизации, 360-1, 509, 616-20, 635-6, 843; расширение состава, 389-90, 407, 423, 722; «твердое ядро» сторонников Зиновьева, 391, 407; и Политбюро, 392; состав после XIII съезда, 407, 616, 731; относительная молодость, 442-3; сталинцы в, 617; состав 1952 г., 723, 731; и идеологические кампании, 735-41; и Президиум, 779-81, 807, 821, 826; состав 1956 г., 802; пленарные заседания, 807; и Первый секретарь, 808-12, 826; состав, 817; и Генеральный секретарь, 820-1; секретари, 893-5
Целинные земли, 770
Церетели И. Г., 244
Цеткин К., 183, 187, 189-90, 210, 309
Циммервальд, конференция (1915 г.), 226-7
«Циммервальдская левая», группа, 227
Цявловский М. А., 174, 191, 197-8

Ч

Чан Кай-ши, 433
Чемберлин У., 242, 245, 250, 254, 870
Череванин, 101, 229
Чернов В. М., 264
«Черный передел», 35-6, 52
Чернышевский Н. Г., 27-8, 59
Черчилль У., 540-1, 593-4
Чесноков Д. И., 885
Чехословакия, 593, 673, 677, 750, 794, 796, 838, 857
Чеченцы, 742
Чилига А., 549, 875
Чистки, 332-3, 404, 443, 455, 509, 545, 565, 570-1, 576-7, 584, 604-5, 607-8, 615, 635-6, 644-5, 663, 726
Чичерин Б. Н., 29
Чичерин Г. В., 167, 178, 282
ЧК, 374-7; *см. также* ВЧК
«Что делать?» (Ленин), 76-7, 306, 330
Чубарь В. Я., 546, 556, 563, 579, 582, 595, 615, 883-4
Чуйков, маршал, 810
Чхеидзе Н. С., 163, 217, 221, 240

Ш

«Шаг вперед — два шага назад» (Ленин), 103
Шанцев В. Л., *см.* Марат
Шапиро Л., 262, 817
Шарк Р., 869
Шаталин Н. Н., 688, 764-5, 769
Шаумян Л., 225

Шахов Н., 99
Шахт, 676
Шахтинский процесс, 510
Шварц Г., 638, 643, 646, 683, 872
Шварц М., 118
Шварц С., 747, 872
Швейцер, 124
Шверник Н. М., 528, 616-7, 644, 780-1, 884-6
Шеболдаев Б. П., 545, 582
Шелепин А. Н., 783-4, 790, 795, 819, 887, 893
Шелест П. Е., 886-7
Шелленберг В., 594
Шепилов Д. Т., 768, 774, 779-80, 782, 885-6
Шиллер О., 477, 638, 712, 715
Шитарев Г., 818
Шкирятов М. Ф., 555, 565, 584, 885
Шклярска Пореба, 750
Шлезинджер Р., 867
Шляпников А. М., 221, 228-9, 231, 237-9, 287, 306, 308-9, 330, 425
Шмидт Н. П., 169, 198
Шовинизм, 322, 663
Шольмер, 875
Штуттгарт, конгресс (1907 г.), 215-6
Штыков, 627-8
Шуб Д., 871
Шурханов В. Е., 160

Щ

Щелоков, 842
Щербаков А. С., 616-7, 685, 884
Щербицкий В. В., 783, 886-7

Э

Эйдельман Б. Л., 64
Эйдеман Р. П., 586
Эйсмонт В. В., 549
Эйхе Р. И., 563, 579, 595, 615, 884
Экарт А., 875
«Экономизм» и «экономисты», 49, 65-6, 68, 70-3, 82, 89, 93, 96, 100, 134, 738
Экономическая политика, 468-71, 480-2, 634-47, 738-40, 772-3
«Экономические проблемы социализма в СССР» (Сталин), 720, 738-40, 753, 776
Экономсовет, 686
Экспроприации, 117, 140, 143, 155-6, 165-9
Энгельс Ф., 31, 35, 38-9, 169; о классовой борьбе, 90; и национальный вопрос, 224; об отмирании государства, 226, 654, 846; о диктатуре пролетариата, 226; об искусстве, 486; о государстве и праве, 650; о неизбежности революции, 838
Эриксон Дж., 462, 585, 676, 874
Эрлих А., 395, 872
Эсеры, *см.* Социал-революционеры
Эссен М., 102
Эстония, 270, 680-1

Ю

Югов А., 611
Югославия, 708, 749-52, 773-9, 808
Юдин, 573
Юдин Кс. Дж., 500-1, 504, 873
Юдин П. Ф., 885

«Южнороссийский союз рабочих», 51-2
«Южный рабочий», группа, 89-90
Юнкера, 260
Юренев И., 232

Я

Ягода Г. Г., 514, 527, 550, 553, 563, 574-5, 577, 586, 589-90, 604
Ядерное вооружение, 769, 786, 830, 835, 838
Якир И., 582
Яковлев Я. А., 250, 262
Ямпольская Ц. А., 822
Япония, 101, 673, 681, 747
Ярославский Ем., 170, 245, 425, 555, 660, 867
Яснов (Финкельштейн), 736
Ясный Н., 511, 544, 645, 711, 872
«Ячейки», 619